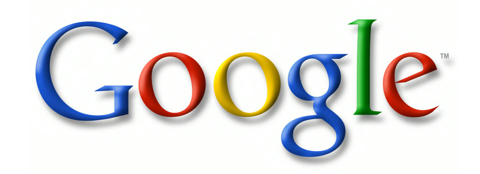

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и

члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ I—4 Годъ XVI

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1907.

ОТДѢЛЪ I.

Сибирскія пѣсенныя старины[1]).

Автору этой статьи пришлось пробыть одиннадцать лѣтъ въ административной ссылкѣ въ Енисейской губерніи, исключительно въ селеніяхъ—первоначально въ Ачинскомъ, потомъ въ Енисейскомъ уѣздахъ, проѣздомъ посѣщать селенія Красноярскаго уѣзда той же губерніи, а въ концѣ-концовъ, уже какъ свободно живущему, довелось побывать и на Ангарѣ. Въ первоначальномъ мѣстѣ моей ссылки—въ с. Ужурѣ, Ачинскаго уѣзда группою „политическихъ" ссыльныхъ, въ томъ числѣ и мною, была устроена „земледѣльческая община", возлагавшая на ея членовъ личное участіе во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ—и дома, и на полѣ, это позволяло „общинникамъ" приходить въ самыя тѣсныя соприкосновенія съ мѣстными крестьянами-сибиряками; „община" функціонировала съ 1888 по 1893 годъ включительно; въ 1894 г. меня выслали въ Енисейскій уѣздъ; тамъ, живя въ с. Казачинскомъ, я продолжалъ заниматься сельскими работами, но уже нанимаясь, какъ поденщикъ, то къ одному, то къ другому крестьянину. Эта справка нами приведена постольку, поскольку она свидѣтельствуетъ о томъ, насколько тѣсно приходилось намъ жить съ сибирскими крестьянами и сколь было близко поле нашихъ наблюденій надъ ихъ общей жизнью.

Такимъ путемъ „общинники", въ томъ числѣ и я, пріобрѣтали массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни; эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не систематизировались, имъ не велась запись—то и другое не составляло цѣли жизни, хотя бы и подневольной, ни для кого изъ насъ. Въ концѣ уже ссылки, когда насильно меня оторвали отъ насиженнаго мѣста (с. Ужура), гдѣ за девятилѣтнее пребываніе успѣли завязаться и окрѣпнуть дружескія отношенія, въ частности, между мною и ужурскими крестьянами (товарищи мои уже разъѣхались),

[1]) *Читано въ засѣданіи* Имп. Русскаго Географическаго Общества 5 мая *1906 г.*

я, чтобы скоротать дни одиночества на новомъ мѣстѣ (с. Казачинское), попробовалъ написать кое-что изъ того, что́ зналъ о сибирскихъ крестьянахъ. Попытка болѣе или менѣе удалась. Написанные „Матеріалы по народной медицинѣ“, Ужурской вол., Ачин. у., были благосклонно приняты, благодаря сочувственному отзыву Владиміра Ивáновича *Ламанскаго*, Имп. Рус. Географич. Обществомъ (въ 1896 г.).

Такимъ образомъ ссылка, по преимуществу же собственная склонность къ изученію устоевъ нашего народа и интересъ къ его судьбамъ— направили меня на путь сибирскаго бытописателя. Это не стоитъ и посейчасъ цѣлью моей жизни. Поэтому я не такъ часто отзываюсь на сибирскіе вопросы.

Познакомившись съ произведеніемъ А. Щапова, въ которомъ онъ касается пѣсенной поэзіи сибиряковъ, и замѣткой С. В. Максимова: „О сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ [1]), мнѣ показалось, что въ отзывахъ обоихъ авторовъ по данному вопросу были допущены не совсѣмъ вѣрныя толкованія и обнаруживаются нѣкоторые существенные пробѣлы.

Мнѣ показалось, что въ интересахъ науки и сибиряковъ слѣдуетъ знакомымъ съ пѣсеннымъ вопросомъ въ Сибири попытаться внести къ приговорамъ упомянутыхъ авторовъ требуемыя поправки и постараться установить болѣе или менѣе правильную точку зрѣнія на свойства сибирской пѣсенной поэзіи и отношеніе къ ней самихъ сибиряковъ.

Это соображеніе вызвало предлагаемую ниже замѣтку.

Она, для краткости, нарочито ограничена „сибирскими пѣсенными старинами“, какъ наименѣе изслѣдованными. Сохранились ли онѣ среди коренного русскаго населенія Сибири или нѣтъ—до сихъ поръ большой вопросъ.

Ниже печатаемые подлинные тексты небольшого собранія сибирской пѣсенной старины служатъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

То, на какія категоріи подраздѣляютъ сибиряки свой пѣсенный репертуаръ и какъ онъ выполняется „на голоса“, показываетъ, съ другой стороны, и на извѣстную глубину сознательнаго отношенія къ пѣснямъ и устанавливаетъ извѣстную степень ихъ слуховой и голосовой музыкальности.

Съ этими основными положеніями тѣсно связаны и другія не менѣе важныя черты сибиряковъ, какъ пѣсенниковъ. Выясненіе тѣхъ и другихъ и составитъ предметъ дальнѣйшаго разговора.

---

[1]) *„Жив. Стар.“*. 1898 г., вып. I, отд. I, стр. 75—79.

„*Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте,*
Молодые вы, робятушки, вы подумайте,—
Ста́рину я вамъ скажу стародавную“...
(*Изъ сибир. пѣсни*).

Знакомясь въ долгіе годы своей ссылки съ бытомъ и нравами сельскаго коренного населенія Ачинскаго, Енисейскаго и Красноярскаго уѣздовъ Енисейской губерніи, нами было обращено вниманіе, правда чисто любительское, и на его пѣсенную поэзію. Какъ оказалось на дѣлѣ, эту сторону духовной жизни сибирскихъ крестьянъ нельзя было миновать, нельзя было не изучать ее наравнѣ съ ихъ другими бытовыми особенностями: ибо пѣсня глубоко вкоренилась въ самыя нѣдра души населенія; она наипрочными узами сплелась съ его праздничными увеселеніями, обрядами, игрищами и даже съ работой.

Какъ собственныя записи пѣсенъ, такъ и пѣсенный матеріалъ (до 300 текстовъ, если не ошибаюсь), переданный собирателями — покойнымъ В. С. Арефьевымъ и г-жой Розенблюмъ—Восточно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества, позволяютъ сказать утвердительно о томъ: 1) что пѣсенный репертуаръ енисейскихъ крестьянъ, не предрѣшая пока вопроса мѣстный ли онъ или заносный, — очень богатъ и разнообразенъ, и 2) что самыя пѣсни населеніемъ подраздѣляются на нѣсколько категорій.

Самое большое количество пѣсенъ, вѣроятно, отчислится на категорію, такъ называемыхъ:

1. Проголо́сныхъ или протяжныхъ [1]) пѣсенъ, т. е. такихъ пѣсенъ, какія, за небольшими исключеніями, не связаны съ какимъ либо обрядомъ, игрищемъ и т. п., а поются при всякомъ удобномъ случаѣ: во время уличныхъ сборищъ, въ „гулянкѣ“, или „на столованьѣ“ (званый пиръ) и пр.

2-ую категорію составляютъ пѣсни „игровы“, а именно: a) „короводны“ (хороводныя); b) „вечѐрошны“—поющіяся во время вечернихъ увеселеній молодежи въ крытыхъ помѣщеніяхъ; c) „плясовы“, сопровождающіяся ускореннымъ темпомъ и игривымъ задорнымъ напѣвомъ [2]), d) „избушошны“ или „банны“— пѣсни смѣшаннаго характера, поющіяся во время осеннихъ и

---

[1]) Терминъ „протяжна“ въ примѣненіи къ пѣснѣ употребляется, м. пр., въ Щигровскомъ у., Курской губ., судя по записи г. Халанскаго, которая приводится у проф. Соболевскаго („Великорус. народн. пѣсни, т. VI, стр. 103).

[2]) По словамъ П. Воронова (изъ с. Кежмы) „плясовы поютъ во всяко время и круто“.

зимнихъ „дѣвьихъ“ работъ, по избушкамъ, банямъ или нанятымъ избамъ.

Къ 3-й категоріи относятся пѣсни „свадебны“, весьма разнообразныя по сюжетамъ и отчасти по напѣвамъ; ими сопровождается отъ начала до конца свадебный ритуалъ, строго соблюдаемый помѣстными крестьянами.

Въ Пинчужской волости (на Ангарѣ), Енисейскаго у., поются передъ новогодней ворожбой 4) пѣсни подблюдныя.

Встрѣчаются 5) пѣсни обрядовы: а) виноградье и колядки, поющіяся во время хожденія со звѣздой и безъ нея въ Рождественскія святки; b) поющіяся во время уличнаго представленія на масленицѣ или с) въ Семикъ, когда „обнаряжаютъ“ березку и пр.

Въ большомъ употребленіи среди сибирской молодежи 6) припѣвки или присказки (на Ангарѣ): однѣ изъ нихъ „соромски“—съ непечатнымъ или двусмысленнымъ содержаніемъ, „просмѣшны“ или „шутошны“ съ тенденціей осмѣять чье-либо поведеніе или отмѣтить какія-либо отличительныя черты отдѣльныхъ лицъ, группъ и цѣлыхъ мѣстностей [1]).

Существуютъ также 7) пѣсни, правда въ ограниченномъ количествѣ, поющіяся на проводи́нахъ отъѣзжающихъ на сторону членовъ семьи и другихъ близкихъ лицъ.

Сибирячками поются 8) плачевны или похоронныя причитанья; а въ деревнѣ Усольцевой, Кежемской вол. (Енис. у), какъ намъ передавали за достовѣрное, поются похоронныя пѣсни всѣми провожающими покойника на „могильникъ“ (кладбище).

Имѣются также 9) дѣтскія байки, напѣваемыя при усыпленіи младенцевъ; кромѣ того, сама сибирская дѣтвора знаетъ разные напѣвки и байки, которыми сопровождаются многія дѣтскія забавы.

При дѣленіи сибирскихъ народныхъ пѣсенъ по указаннымъ категоріямъ, мы не столько старались исчерпать всѣ ихъ оттѣнки, ихъ распаденія на цѣлый рядъ пѣсенъ подъ другими наиме-

---

[1]) Напр.: „Богучаны (село) при угорѣ,
Красны дѣвки при уборѣ:
Груди выставятъ впередъ,
На нихъ зарится народъ.
Ярки (деревня) стоятъ въ ямѣ—
Изукрашены бл...ми.
Пинчуга (дер.) стоитъ въ горѣ—
По три б..ди во дворѣ“.

нованіями (напр.: въ „вечӧрошныхъ“ есть пѣсни — „походячи“, „посидячи“ и т. д.), сколько имѣли въ виду установленіе принципа, котораго сибиряки вполнѣ опредѣленно придерживаются при исполненіи своихъ пѣсенъ.

Уже бѣглый перечень категорій, которыми опредѣляется значеніе и указываются моменты употребленія тѣхъ или иныхъ сибирскихъ пѣсенъ, можетъ служить доказательствомъ того, что старожилое крестьянство на значительной площади Енисейской губерніи обладаетъ довольно разнотипными пѣснями и ими освящаетъ многія стороны своей жизни. Такъ, напримѣръ, въ хороводахъ, играхъ и танцахъ проходитъ вся недѣля Пасхи; вечорками съ играми и пѣснями сопровождаются Рождественскія святки; громогласнымъ пѣніемъ оглашаются сибирскія деревни во время масляничныхъ катаній съ ледяныхъ горъ („катушекъ“) и ѣзды въ экипажахъ по улицамъ въ послѣдніе дни масляницы, въ дни храмовыхъ („съѣзжихъ“) праздниковъ; пѣніемъ возвѣщаютъ „помочане“ о своемъ возвращеніи съ поля, гдѣ они, по приглашенію, косили или жали въ какой-либо изъ праздничныхъ дней; поютъ иногда поденщики, возвращаясь съ полевыхъ работъ; поются пѣсни, когда „помочане“ или „свадебный поѣздъ“ послѣ вѣнца отводятъ „столы“ и на другихъ „бесѣдахъ“, „гулянки“ (пирушки) подъ открытымъ небомъ съ пѣніемъ пѣсенъ устраиваютъ взрослые крестьяне, а молодежь, къ тому же, съ играми и танцами, во время осенняго лова рыбы на Ангарѣ и т. д., безъ конца, можно набрать обстоятельствъ, которыя сами вызываютъ или сопровождаются пѣснями сибиряковъ.

Однимъ словомъ сторожилое крестьянство Енисейской губерніи имѣетъ сильное тяготѣніе къ пѣнію и интересъ къ пѣснямъ. Это сказывается наглядно въ томъ, во-первыхъ, что среди него рѣдко встрѣчаются безголосые и не умѣющіе пѣть и, во-вторыхъ, въ ревностномъ стремленіи перенять и заучить „нову“ пѣсню, чѣмъ особенно отличается, разумѣется, деревенская молодежь; но отъ нея не отстаютъ крестьяне и крестьянки средняго возраста, и лишь старики сторонятся отъ „модныхъ“, придерживаясь „дѣдовскихъ“, старинныхъ или „досельныхъ“ пѣсенъ.

Наряду съ этимъ, важно отмѣтить *любовь* сибирскихъ крестьянъ къ тѣмъ или инымъ пѣснямъ. Старики поютъ преимущественно, повторяемъ, излюбленныя старинныя пѣсни. Эта излюбленность покоится у нихъ не на одной только слабости къ „досельщинѣ“, но въ достаточной степени на созна-

нiи, что въ ихъ пѣсенной „ста́ринѣ“ есть много заманчиваго. Въ однѣхъ описанія природы и ея явленій, при всей стилистической сжатости, часто восходятъ до поэтическихъ красотъ, какъ можно судить, напр., по нижеслѣдующему образцу прелюдiи къ извѣстной старинной пѣснѣ:

„Изъ-за лѣсу-то было́ тёмнова,
Изъ-за го́ръ-то было́ высокихъ,
Не бѣла́ заря занималася,
Не красно́ сонцо́ выкаталося“.

(Изъ моихъ записей по Сибири).

Другiя переполнены эпическими образами могучихъ богатырей или, по мѣстному, „осилковъ“, обладавшихъ широкимъ размахомъ молодецкой удали (Илья „Муровецъ“, Добрынюшка и др.). Въ „ста́ринѣ“ нашли отраженiе горемычное житье-бытье нашего народа, его нравы, чувства и понятiя; въ нихъ запечатлѣлись историческiя событiя и охарактеризованы главнѣйшiе участники той или иной эпохи въ исторiи русскаго народа (Иванъ Грозный, Петръ I, Стенька Разинъ и др.); пѣсни стараго времени, наконецъ, богаты нерѣдко неувядающимъ афоризмомъ, глубокое жизненное значенiе коего сохранилось въ полной силѣ, намъ думается, и въ наши дни (см. текстъ пѣсенъ ниже).

Отъ такихъ-то именно стародавнихъ пѣсенъ такъ и вѣетъ чарующей простотой, ясностью мысли и жизненной правдой. Поются ли онѣ въ равнинахъ „матушки Расеи“, подъ южнымъ ли солнцемъ Малороссiи или въ пространныхъ непривѣтливыхъ дебряхъ суровой Сибири, про нихъ всегда почти можно сказать:

„Пѣсня—быль, сказка—врачь“.

(Изъ сибир. поговорокъ).

Можетъ быть не ко всѣмъ современнымъ пѣснямъ Сибири подойдетъ эта поговорка, но деревенская молодежь Енисейской губернiи, по понятнымъ для нея мотивамъ, отдаетъ болѣе предпочтенiя „моднымъ“ пѣснямъ, изъ числа „проголосныхъ“ или „протяжныхъ“; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ—однѣ поетъ чаще и охотнѣе, другiя рѣже, послѣ того, какъ бываютъ перепѣты лучшiя или недавно заученныя „новеньки“.

Остается отмѣтить еще одну характерную для сибирскаго крестьянства особенность,—это ихъ о х о т у къ пѣнiю пѣсенъ. Такимъ качествомъ болѣе надѣлена, конечно, подвижная и *экспансивная* молодежь (обоего пола) сибирскихъ деревень; къ

тому же у ней находится какъ-то больше поводовъ для пѣнія; съ нея меньше „взыску", если она запоетъ не во время или не къ мѣсту: „молодо-зелено"—что возьмешь?—Но надо сказать правду, что и взрослое населеніе сибирскихъ деревень весьма охотно переходитъ къ пѣнію пѣсенъ, особливо если было выпито „винишка"—на семейномъ ли торжествѣ сосѣда, у свата ли, въ кругу „кумпаніи" (компаніи) изъ своей „ровни".— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно легко удается, даже „проѣзжему молодцу" при деньгахъ, созвать въ деревнѣ „вечӧрку" съ играми, пѣснями и пляской—этому помогутъ охотники-парни да и сами дѣвушки охотно идутъ на нее, потому что весьма бываютъ рады случаю повеселиться. Легко, сравнительно, добиться отъ сибиряка и сибирячки сообщенія, словеснаго или съ пѣніемъ, для записи той или иной пѣсни. Все дѣло въ томъ, какъ сумѣешь подойти къ нимъ.

Лично намъ, живя на квартирѣ крестьянина, содержащаго заѣзжій дворъ (с. Казачинское), доводилось слышать „доброхотное" пѣніе даже сибирскихъ ямщиковъ (изъ подъ Красноярска). И потому насъ заставило сильно удивиться при чтеніи голословнаго отзыва С. В. Максимова, который буквально говоритъ слѣдующее: „Сибирскій ямщикъ, напр., не поетъ ни доброхотно, ни по заказу [1]).

Гораздо серьезнѣе грѣшитъ противъ истины тотъ же г. Максимовъ, утверждая, что:

„Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ, русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, сытаго сибиряка совсѣмъ *не въ почетѣ*(курсивъ нашъ) и, какъ праздное бездѣлье, въ виду серьезныхъ задачъ природы, даже какъ-бы въ *загонѣ*" (нашъ курсивъ). [1])

Изъ ближайшаго ознакомленія съ русско-сибирскимъ населеніемъ, съ его нравами, со всѣмъ его крестьянскимъ строемъ жизни и общимъ объемомъ его пѣсенной поэзіи никакъ нельзя прійти къ такому выводу. Но г. Максимовъ допустилъ его и тѣмъ самымъ опрометчиво нарушилъ истину.

Въ одномъ правъ г. Максимовъ, когда говоритъ, что: „главнымъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи старожилами". Это совершенно вѣрно. Однако, не нужно забывать и того, что пѣсенный фундаментъ, внесенный съ собою въ Сибирь первоселами, надстраивался, увеличивался и разнообразился все время, пока производилась

[1]) „Жив. Стар." 1898 г., вып. I. отд. I, стр. 76.

ссылка въ Сибирь штрафованныхъ элементовъ Европейской Россіи и ея окраинъ. Сотни тысячъ ссылаемыхъ, изъ разныхъ народностей и сословій, неодинаковой культурности и профессій, погибли въ сибирскихъ дебряхъ, какъ „бродяжки", или въ каторжныхъ тюрьмахъ и рудникахъ или въ безотвѣтной роли батраковъ, не успѣвъ пустить осѣдлыхъ корней въ Сибири; но многіе изъ тѣхъ погибшихъ оставляли въ наслѣдство мѣстному населенію ту или иную пѣсню, преданіе или сказку, до которыхъ также падки сибиряки. Намъ самимъ довелось научиться отъ молодого „поселенца" напѣву извѣстной всѣмъ пѣсни Некрасова: „Что ты жадно глядишь на дорогу"; она, какъ „новинка", разучивалась ревностно и мѣстной деревенской молодежью. О другомъ аналогичномъ случаѣ мы слышали на Ангарѣ (въ 1904 г.) отъ пожилого крестьянина, который, въ объясненіе причины, почему онъ не знаетъ окончанія былины о „Дѣтствѣ Добрыни и его боѣ съ змѣемъ", разсказалъ, что онъ —

„малолѣткомъ перенялъ эту пѣсню отъ *поселенца*. Везли ево въ лоткѣ, отецъ въ лямкѣ шелъ, я кормой правилъ; поселенецъ поетъ—я слушаю; натолкнись же лотка на камень, поселенецъ остановился пѣть на этомъ мѣстѣ... И я болѣ не знаю".

Оказывается, такимъ образомъ, россійская былина, благодаря остротѣ слуха и памяти сибирскаго мальчугана, стала достояніемъ старожилаго населенія Ангары; о самомъ же „пѣвцѣ" сохранилось одно воспоминаніе, что это былъ „поселенецъ"—имя имъ легіонъ—и больше ничего. О Гр. Вас. Сизыхъ (изъ д. Кежемская Заимка) говорятъ, что свои знанія пѣсенной старины, позаимствованныя имъ отъ отца—пѣсенника Вас. Ив. Сизыхъ (см. ниже), онъ пополнилъ, будучи „мальчонкомъ", пѣснями отъ „старыхъ солдатъ", жившихъ въ деревнѣ и у его отца въ работникахъ.

Подобныхъ примѣровъ, при желаніи, можно было бы нанизать сколько угодно. Всѣ они будутъ иллюстрировать давно установившееся мнѣніе, что главный контингентъ пѣсеннаго репертуара въ Сибири образовался и пополнялся долгое время заносными изъ Россіи пѣснями.

Это обстоятельство въ нѣкоторой степени, пожалуй, можетъ пролить свѣтъ на другой, не менѣе важный фактъ, а именно: среди русскаго коренного населенія Сибири, въ томъ числѣ и Енисейской губерніи, нѣтъ пѣсенъ собственнаго творчества, или ихъ такое ничтожное количество, что они *составляютъ исключеніе*, рѣзче подчеркивающее убогость пѣсен-

наго творчества сибиряковъ. Объясненіе этому поразительному явленію обыкновенно ищутъ въ суровыхъ условіяхъ сибирской природы, въ чрезмѣрно-тяжеломъ трудѣ сибирскаго крестьянства, въ излишней черствости его чувствъ, убивающей въ немъ поэтическія дарованія и т. д. Это одна напраслина на сибиряковъ. Мы на себѣ испытали доброту, состраданіе горю и узы крѣпкой дружбы, которыми платили крестьяне-сибиряки намъ, „политичецкимъ", за то „разумное доброе", какое послѣдніе сѣяли среди нихъ [1]); поэтому всѣ подчеркиванія особенной черствости чувствъ или чрезмѣрности эгоизма у сибиряка считаемъ плодомъ излишней фантазіи писавшихъ о немъ. Затѣмъ, суровая природа и упорная борьба съ нею не помѣшали появленію въ свѣтъ исландскихъ и скандинавскихъ сáгъ и финской Калевалы.

Сослаться на оба указанные фактора, основательность коихъ во всякомъ случаѣ спорная, еще не значитъ окончательно выяснить коренную причину наблюдаемаго пустоцвѣта сибирскаго пѣсеннаго творчества. По нашему разумѣнію, она кроется въ нихъ лишь въ минимальной степени. Но, главнымъ образомъ, на путь чисто сибирскаго вдохновенія пѣсенной музѣ сибиряковъ мѣшали стать слишкомъ медленно, въ силу расовой особенности и обще-государственныхъ условій, совершавшійся процессъ „осибиряченья", т. е. перерожденія ихъ въ особый антропологическій и духовный типъ, съ одной стороны; съ другой—массовой наплывъ въ Сибирь ссыльныхъ, приносившихъ съ собою готовый пѣсенный и сказочный репертуаръ, ежегодно восполнявшійся все новыми и новыми пѣснями вплоть до отмѣны ссылки (по закону 10 іюня 1900 г.). Сибирякамъ оставалось лишь заучивать готовые пѣсни и напѣвы, чтó ими добросовѣстно выполнялось до послѣдняго времени.

Чѣмъ проявятъ себя сибиряки-крестьяне, предоставленные, послѣ отмѣны ссылки, самимъ себѣ, въ отношеніи пѣсеннаго творчества—это пока вопросъ будущаго, не такого уже неяснаго, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Я имѣю на это реальныя доказательства.

Не забѣгая, однако, впередъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ „извращеніяхъ" текстовъ и напѣвовъ сибирскихъ

---

[1]) Когда, по распоряженію быв. г.-губ. Вост. Сибири Горемыкина, меня увозили изъ с. Ужура (въ Енис. уѣздѣ), то ужурцы устроили трогательные проводы дома, а затѣмъ съ пѣніемъ пѣсенъ проводили меня за селеніе... Можно бы многое прибавить къ сказанному—да не мѣсто.

ОТДѢЛЪ I.

Сибирскія пѣсенныя старины[1]).

Автору этой статьи пришлось пробыть одиннадцать лѣтъ въ административной ссылкѣ въ Енисейской губерніи, исключительно въ селеніяхъ—первоначально въ Ачинскомъ, потомъ въ Енисейскомъ уѣздахъ, проѣздомъ посѣщать селенія Красноярскаго уѣзда той же губерніи, а въ концѣ-концовъ, уже какъ свободно живущему, довелось побывать и на Ангарѣ. Въ первоначальномъ мѣстѣ моей ссылки—въ с. Ужурѣ, Ачинскаго уѣзда группою „политическихъ" ссыльныхъ, въ томъ числѣ и мною, была устроена „земледѣльческая община", возлагавшая на ея членовъ личное участіе во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ—и дома, и на полѣ, это позволяло „общинникамъ" приходить въ самыя тѣсныя соприкосновенія съ мѣстными крестьянами-сибиряками; „община" функціонировала съ 1888 по 1893 годъ включительно; въ 1894 г. меня выслали въ Енисейскій уѣздъ; тамъ, живя въ с. Казачинскомъ, я продолжалъ заниматься сельскими работами, но уже нанимаясь, какъ поденщикъ, то къ одному, то къ другому крестьянину. Эта справка нами приведена постольку, поскольку она свидѣтельствуетъ о томъ, насколько тѣсно приходилось намъ жить съ сибирскими крестьянами и сколь было близко поле нашихъ наблюденій надъ ихъ общей жизнью.

Такимъ путемъ „общинники", въ томъ числѣ и я, пріобрѣтали массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни; эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не систематизировались, имъ не велась запись—то и другое не составляло цѣли жизни, хотя бы и подневольной, ни для кого изъ насъ. Въ концѣ уже ссылки, когда насильно меня оторвали отъ насиженнаго мѣста (с. Ужура), гдѣ за девятилѣтнее пребываніе успѣли завязаться и окрѣпнуть дружескія отношенія, въ частности, между мною и ужурскими крестьянами (товарищи мои уже разъѣхались),

[1]) Читано въ *засѣданіи* Имп. Русскаго Географическаго Общества 5 мая *1906 г.*

охарактеризовать болѣе основательно музыкальныя черты поющихся въ Енисейской губерніи великорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ наберется, вѣроятно, громадное большинство однотипнаго напѣва съ „рассейскими"; но я знаю нѣкоторыя тамошнія пѣсни, исполненіе коихъ даетъ истинное музыкальное наслажденіе (см. ноты: „На родиму на сторонку" или „Ты куда же, мой соколичекъ, отлетаешь?" и др.).

Самый употребительный способъ исполненія пѣсенъ среди сибирскихъ крестьянъ—*хоровой;* исключеніемъ изъ общаго правила являются единичныя причитанія невѣсты и похоронныя причеты. Иногда пѣніе пѣсенъ сопровождается игрой на музыкальномъ инструментѣ (балалайкѣ, бандурѣ), какъ, напримѣръ, плясовыя: „Не моя ли махонька идетъ", „Чижикъ" или игровая — „Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому"; распространившаяся въ Сибири гармоника позволяетъ гораздо успѣшнѣе „подыгривать" къ проголоснымъ и др. пѣснямъ [1]). Обычная же форма исполненія сибирскихъ пѣсенъ голосовая, хоральная. Въ хорахъ сибирскихъ, какъ и „рассейскихъ", первое мѣсто всегда отводится пѣсельнику, короводнику или короводницѣ (запѣвалѣ), голосъ которыхъ чище, выше и выказываетъ способность красиво модулировать на общемъ фонѣ хоровыхъ *подголосковъ.* Запѣвалой бываютъ лица мужского и женскаго пола; они же обыкновенно лучшіе знатоки мѣстныхъ и др. пѣсенъ, отличаются остротой и музыкальностью слуха, способностью быстро схватить и усвоить какъ содержаніе, такъ и напѣвъ новой пѣсни и выказываютъ особенную склонность къ пѣснямъ и ихъ пѣнію. Роль „пѣсельника", „короводницы" сводится еще къ тому, что онъ или единажды „зачинатъ" (запѣваетъ) пѣсню, или многократно, сообразно требованію той или иной пѣсни, что̀ впрочемъ выполняетъ иногда и второй голосъ.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о пѣсенной поэзіи сибирскихъ коренныхъ крестьянъ (Енисейской губер.) перейдемъ теперь къ изложенію фактической части нашего сообщенія.

---

[1]) Послѣднее обстоятельство нами подчеркнуто намѣренно, въ виду того что г. Рыбниковъ держится въ отношеніи русской пѣсни противоположнаго мнѣнія; онъ говоритъ, что: Русская пѣсня исполняется въ русскомъ *народѣ одиночно* или хоромъ, обыкновенно безъ сопровожденія музыкальныхъ *инструментовъ* (*Брокгауза* „Словарь", 311).

„Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте,
Молодые вы, робятушки, вы подумайте,—
Стáрину я вамъ скажу стародавную“...
(*Изъ сибир. пѣсни*).

Знакомясь въ долгіе годы своей ссылки съ бытомъ и нравами сельскаго кореннаго населенія Ачинскаго, Енисейскаго и Красноярскаго уѣздовъ Енисейской губерніи, нами было обращено вниманіе, правда чисто любительское, и на его пѣсенную поэзію. Какъ оказалось на дѣлѣ, эту сторону духовной жизни сибирскихъ крестьянъ нельзя было миновать, нельзя было не изучать ее наравнѣ съ ихъ другими бытовыми особенностями: ибо пѣсня глубоко вкоренилась въ самыя нѣдра души населенія; она наипрочными узами сплелась съ его праздничными увеселеніями, обрядами, игрищами и даже съ работой.

Какъ собственныя записи пѣсенъ, такъ и пѣсенный матеріалъ (до 300 текстовъ, если не ошибаюсь), переданный собирателями — покойнымъ В. С. Арефьевымъ и г-жой Розенблюмъ—Восточно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества, позволяютъ сказать утвердительно о томъ: 1) что пѣсенный репертуаръ енисейскихъ крестьянъ, не предрѣшая пока вопроса мѣстный ли онъ или заносный, — очень богатъ и разнообразенъ, и 2) что самыя пѣсни населеніемъ подраздѣляются на нѣсколько категорій.

Самое большое количество пѣсенъ, вѣроятно, отчислится на категорію, такъ называемыхъ:

1. Проголóсныхъ или протяжныхъ [1]) пѣсенъ, т. е. такихъ пѣсенъ, какія, за небольшими исключеніями, не связаны съ какимъ либо обрядомъ, игрищемъ и т. п., а поются при всякомъ удобномъ случаѣ: во время уличныхъ сборищъ, въ „гулянкѣ“, или „на столованьѣ“ (званый пиръ) и пр.

2-ую категорію составляютъ пѣсни „игровы“, а именно: a) „короводны“ (хороводныя); b) „вечӧрошны“—поющіяся во время вечернихъ увеселеній молодежи въ крытыхъ помѣщеніяхъ; c) „плясовы“, сопровождающіяся ускореннымъ темпомъ и игривымъ задорнымъ напѣвомъ [2]), d) „избушошны“ или „банны“— пѣсни смѣшаннаго характера, поющіяся во время осеннихъ и

---

[1]) Терминъ „протяжна“ въ примѣненіи къ пѣснѣ употребляется, м. пр., въ Щигровскомъ у., Курской губ., судя по записи г. Халанскаго, которая приводится у проф. Соболевскаго („Великорус. народн. пѣсни, т. VI, стр. 103).

[2]) По словамъ П. Воронова (изъ с. Кежмы) „плясовы поютъ во всяко время и круто“.

зимнихъ „дѣвьихъ“ работъ, по избушкамъ, банямъ или нанятымъ избамъ.

Къ 3-й категоріи относятся пѣсни „свадебны“, весьма разнообразныя по сюжетамъ и отчасти по напѣвамъ; ими сопровождается отъ начала до конца свадебный ритуалъ, строго соблюдаемый помѣстными крестьянами.

Въ Пинчужской волости (на Ангарѣ), Енисейскаго у., поются передъ новогодней ворожбой 4) пѣсни подблюдныя.

Встрѣчаются 5) пѣсни обрядовы: а) виноградье и колядки, поющіяся во время хожденія со звѣздой и безъ нея въ Рождественскія святки; b) поющіяся во время уличнаго представленія на масленицѣ или с) въ Семикъ, когда „обнаряжаютъ“ березку и пр.

Въ большомъ употребленіи среди сибирской молодежи 6) припѣвки или присказки (на Ангарѣ): однѣ изъ нихъ „соромски“—съ непечатнымъ или двусмысленнымъ содержаніемъ, „просмѣшны“ или „шутошны“ съ тенденціей осмѣять чье-либо поведеніе или отмѣтить какія-либо отличительныя черты отдѣльныхъ лицъ, группъ и цѣлыхъ мѣстностей [1]).

Существуютъ также 7) пѣсни, правда въ ограниченномъ количествѣ, поющіяся на проводи́нахъ отъѣзжающихъ на сторону членовъ семьи и другихъ близкихъ лицъ.

Сибирячками поются 8) плачевны или похоронныя причитанья; а въ деревнѣ Усольцевой, Кежемской вол. (Енис. у), какъ намъ передавали за достовѣрное, поются похоронныя пѣсни всѣми провожающими покойника на „могильникъ“ (кладбище).

Имѣются также 9) дѣтскія байки, напѣваемыя при усыпленіи младенцевъ; кромѣ того, сама сибирская дѣтвора знаетъ разные напѣвки и байки, которыми сопровождаются многія дѣтскія забавы.

При дѣленіи сибирскихъ народныхъ пѣсенъ по указаннымъ категоріямъ, мы не столько старались исчерпать всѣ ихъ оттѣнки, ихъ распаденія на цѣлый рядъ пѣсенъ подъ другими наиме-

---

[1]) Напр.: „Богучаны (село) при угорѣ,
Красны дѣвки при уборѣ:
Груди выставятъ впередъ,
На нихъ зарится народъ.
Ярки (деревня) стоятъ въ ямѣ—
Изукрашены бл...ми.
Пинчуга (дер.) стоитъ въ горѣ—
По три б..ди во дворѣ“.

нованіями (напр.: въ „вечŏрошныхъ“ есть пѣсни — „походячи“, „посидячи“ и т. д.), сколько имѣли въ виду установленіе принципа, котораго сибиряки вполнѣ опредѣленно придерживаются при исполненіи своихъ пѣсенъ.

Уже бѣглый перечень категорій, которыми опредѣляется значеніе и указываются моменты употребленія тѣхъ или иныхъ сибирскихъ пѣсенъ, можетъ служить доказательствомъ того, что старожилое крестьянство на значительной площади Енисейской губерніи обладаетъ довольно разнотипными пѣснями и ими освящаетъ многія стороны своей жизни. Такъ, напримѣръ, въ хороводахъ, играхъ и танцахъ проходитъ вся недѣля Пасхи; вечорками съ играми и пѣснями сопровождаются Рождественскія святки; громогласнымъ пѣніемъ оглашаются сибирскія деревни во время масляничныхъ катаній съ ледяныхъ горъ („катушекъ“) и ѣзды въ экипажахъ по улицамъ въ послѣдніе дни масляницы, въ дни храмовыхъ („съѣзжихъ“) праздниковъ; пѣніемъ возвѣщаютъ „помочане“ о своемъ возвращеніи съ поля, гдѣ они, по приглашенію, косили или жали въ какой-либо изъ праздничныхъ дней; поютъ иногда поденщики, возвращаясь съ полевыхъ работъ; поются пѣсни, когда „помочане“ или „свадебный поѣздъ“ послѣ вѣнца отводятъ „столы“ и на другихъ „бесѣдахъ“, „гулянки“ (пирушки) подъ открытымъ небомъ съ пѣніемъ пѣсенъ устраиваютъ взрослые крестьяне, а молодежь, къ тому же, съ играми и танцами, во время осенняго лова рыбы на Ангарѣ и т. д., безъ конца, можно набрать обстоятельствъ, которыя сами вызываютъ или сопровождаются пѣснями сибиряковъ.

Однимъ словомъ сторожилое крестьянство Енисейской губерніи имѣетъ сильное тяготѣніе къ пѣнію и интересъ къ пѣснямъ. Это сказывается наглядно въ томъ, во-первыхъ, что среди него рѣдко встрѣчаются безголосые и не умѣющіе пѣть и, во-вторыхъ, въ ревностномъ стремленіи перенять и заучить „нову“ пѣсню, чѣмъ особенно отличается, разумѣется, деревенская молодежь; но отъ нея не отстаютъ крестьяне и крестьянки средняго возраста, и лишь старики сторонятся отъ „модныхъ“, придерживаясь „дѣдовскихъ“, старинныхъ или „досельныхъ“ пѣсенъ.

Наряду съ этимъ, важно отмѣтить *любовь* сибирскихъ крестьянъ къ тѣмъ или инымъ пѣснямъ. Старики поютъ преимущественно, повторяемъ, излюбленныя старинныя пѣсни. Эта излюбленность покоится у нихъ не на одной только слабости къ „досельщинѣ“, но въ достаточной степени на созна-

нiи, что въ ихъ пѣсенной „ста́ринѣ“ есть много заманчиваго. Въ однѣхъ описанiя природы и ея явленiй, при всей стилистической сжатости, часто восходятъ до поэтическихъ красотъ, какъ можно судить, напр., по нижеслѣдующему образцу прелюдiи къ извѣстной старинной пѣснѣ:

„Изъ-за лѣсу-то было́ тёмнова,
Изъ-за го́ръ-то было́ высокихъ,
Не бѣла́ заря занималася,
Не красно́ сонцо́ выкаталося“.

(*Изъ моихъ записей по Сибири*).

Другiя переполнены эпическими образами могучихъ богатырей или, по мѣстному, „осилковъ“, обладавшихъ широкимъ размахомъ молодецкой удали (Илья „Муровецъ“, Добрынюшка и др.). Въ „ста́ринѣ“ нашли отраженiе горемычное житье-бытье нашего народа, его нравы, чувства и понятiя; въ нихъ запечатлѣлись историческiя событiя и охарактеризованы главнѣйшiе участники той или иной эпохи въ исторiи русскаго народа (Иванъ Грозный, Петръ I, Стенька Разинъ и др.); пѣсни стараго времени, наконецъ, богаты нерѣдко неувядающимъ афоризмомъ, глубокое жизненное значенiе коего сохранилось въ полной силѣ, намъ думается, и въ наши дни (см. текстъ пѣсенъ ниже).

Отъ такихъ-то именно стародавнихъ пѣсенъ такъ и вѣетъ чарующей простотой, ясностью мысли и жизненной правдой. Поются ли онѣ въ равнинахъ „матушки Расеи“, подъ южнымъ ли солнцемъ Малороссiи или въ пространныхъ непривѣтливыхъ дебряхъ суровой Сибири, про нихъ всегда почти можно сказать:

„Пѣсня—быль, сказка—врачь“.

(*Изъ сибир. поговорокъ*).

Можетъ быть не ко всѣмъ современнымъ пѣснямъ Сибири подойдетъ эта поговорка, но деревенская молодежь Енисейской губернiи, по понятнымъ для нея мотивамъ, отдаетъ болѣе предпочтенiя „моднымъ“ пѣснямъ, изъ числа „проголосныхъ“ или „протяжныхъ“; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ—однѣ поетъ чаще и охотнѣе, другiя рѣже, послѣ того, какъ бываютъ перепѣты лучшiя или недавно заученныя „новеньки“.

Остается отмѣтить еще одну характерную для сибирскаго крестьянства особенность,—это ихъ о х о т у къ пѣнiю пѣсенъ. Такимъ качествомъ болѣе надѣлена, конечно, подвижная и *экспансивная молодежь* (обоего пола) сибирскихъ деревень; къ

тому же у ней находится какъ-то больше поводовъ для пѣнія; съ нея меньше „взыску", если она запоетъ не вὸ время или не къ мѣсту: „молодо-зелено"—что возьмешь?—Но надо сказать правду, что и взрослое населеніе сибирскихъ деревень весьма охотно переходитъ къ пѣнію пѣсенъ, особливо если было выпито „винишка"—на семейномъ ли торжествѣ сосѣда, у свата ли, въ кругу „кумпаніи" (компаніи) изъ своей „ровни".—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно легко удается, даже „проѣзжему молодцу" при деньгахъ, созвать въ деревнѣ „вечӧрку" съ играми, пѣснями и пляской—этому помогутъ охотники-парни да и сами дѣвушки охотно идутъ на нее, потому что весьма бываютъ рады случаю повеселиться. Легко, сравнительно, добиться отъ сибиряка и сибирячки сообщенія, словеснаго или съ пѣніемъ, для записи той или иной пѣсни. Все дѣло въ томъ, какъ сумѣешь подойти къ нимъ.

Лично намъ, живя на квартирѣ крестьянина, содержащаго заѣзжій дворъ (с. Казачинское), доводилось слышать „доброхотное" пѣніе даже сибирскихъ ямщиковъ (изъ подъ Красноярска). И потому насъ заставило сильно удивиться при чтеніи голословнаго отзыва С. В. Максимова, который буквально говоритъ слѣдующее: „Сибирскій ямщикъ, напр., не поетъ ни доброхотно, ни по заказу [1]).

Гораздо серьезнѣе грѣшитъ противъ истины тотъ же г. Максимовъ, утверждая, что:

„Судя по первымъ наглядныхъ впечатлѣніямъ, русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, сытаго сибиряка совсѣмъ *не въ почетѣ*(курсивъ нашъ) и, какъ праздное бездѣлье, въ виду серьезныхъ задачъ природы, даже какъ-бы въ *загонѣ*" (нашъ курсивъ). [1])

Изъ ближайшаго ознакомленія съ русско-сибирскимъ населеніемъ, съ его нравами, со всѣмъ его крестьянскимъ строемъ жизни и общимъ объемомъ его пѣсенной поэзіи никакъ нельзя прійти къ такому выводу. Но г. Максимовъ допустилъ его и тѣмъ самымъ опрометчиво нарушилъ истину.

Въ одномъ правъ г. Максимовъ, когда говоритъ, что: „главнымъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи старожилами". Это совершенно вѣрно. Однако, не нужно забывать и того, что пѣсенный фундаментъ, внесенный съ собою въ Сибирь первоселами, надстраивался, увеличивался и разнообразился все время, пока производилась

[1]) „Жив. Стар." 1898 г., вып. I. отд. I, стр. 76.

побудить спеціалистовъ къ дальнѣйшему изученію сибирско-русской народной пѣсенной поэзіи. Это изученіе должно внести весьма существенныя поправки въ прежнія кривотолки о пѣсенной поэзіи сибиряковъ. Не говоря уже о г. Максимовѣ, поющемъ, намъ думается, съ чужого голоса, отъ неправильнаго сужденія о ней не былъ свободенъ даже извѣстный ученый сибирякъ г. Щаповъ, оставившій послѣ себя довольно малообоснованный приговоръ, будто „сибиряки большею частью забыли всю древнерусскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины и т. д.“

Такое категорическое обобщеніе г. Щапова едва ли могло имѣть мѣсто, если бы ему предшествовало болѣе тщательное, обнимающее значительную площадь Сибири изученіе памятниковъ старинной сибирско-русской пѣсенной поэзіи; но таковаго, насколько извѣстно, Щаповымъ не было сдѣлано, и потому къ его обобщенію слѣдуетъ отнестись какъ къ апріорному умозаключенію, требующему еще своего документальнаго подтвержденія. Частично я готовъ признать справедливость указаній г. Щапова на упадокъ русской пѣсенной старины въ Сибири (и то съ оговоркой для многихъ, быть можетъ, мѣстъ). Я самъ могъ убѣдиться въ томъ, что знаніе пѣсенной старины присуще главнымъ образомъ старшему поколѣнію сибирскихъ деревень; молодежь же не стремится заучивать старинныя пѣсни, находя ихъ мало интересными и неблагозвучными (за исключеніемъ нѣкоторыхъ). Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего специфически сибирскаго, повторяемъ, оно обще и русскому населенію многихъ мѣстностей Европ. Россіи; разложеніе и упадокъ пѣсенной старины коснулись, какъ удостовѣряютъ г.г. Ончуковъ и Григорьевъ [1]), даже Архангельской губерніи—этого мѣста хранилища былинныхъ сказаній, историческихъ и др. народныхъ пѣсенъ.

„Все йде, все минае“—писалъ когда-то Т. Г. Шевченко. Такъ было и должно быть. Въ этомъ виденъ естественный процессъ эволюціи русскаго народа по стезѣ матеріальной и духовной культуры. Не смотря на тьму невѣжества, понависшую надъ нимъ вслѣдствіе самовластнаго хозяйничества на Руси бюрократіи, онъ выйдетъ, благодаря здоровой и талантливой на-

---

[1]) См. Н. Ончуковъ, „Былинная поэзія на Печерѣ“, стр. XXXIII: „...былинная поэзія на Печерѣ падаетъ и падать будетъ“. А. Григорьевъ: „...знаніе ихъ (старинъ) все-таки падаетъ и будетъ падать“ (предисловіе къ I тому, *стр. XXIV*).—„Архангельскія былины и историческія пѣсни“, 1904 г.

турѣ своей, изъ этой тьмы обновленнымъ, могучимъ и сильнымъ.

Къ тому же стремятся и сибиряки; въ ихъ средѣ замѣчаются уже симптомы пробуждающагося духовнаго обновленія; оно проглядываетъ отчасти и въ попыткахъ самостоятельнаго поэтическаго творчества. Въ самой крестьянской средѣ Енисейской губерніи появляются свои поэты и творцы пѣсенъ.

Такъ, изъ с. Казачинскаго (Енисейск. у.) мой другъ Александръ Никифоровичъ Казанцевъ, молодой крестьянинъ, прислалъ недавно тетрадку своихъ стихотвореній; два изъ нихъ: „Въ ожиданіи наводненія“ и „Весна въ деревнѣ“ были напечатаны, между прочимъ, въ мѣстной газетѣ „Енисей“. Его юному поэтическому дарованію, къ сожалѣнію, помѣшали развиться чисто житейскія обстоятельства. Онъ одинъ сынъ у отца, извѣстнаго на всю округу своимъ честнымъ служеніемъ дѣламъ своего общества, своею самобытною образованностью и необыкновенной трудоспособностью; но, кромѣ сына „Александрушка“, у Н. И. на рукахъ еще цѣлая семья, семьи бѣдныхъ родственниковъ, которымъ онъ оказываетъ всегда посильную помощь,—все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ старика усиленно работать дома и на полѣ; ему во всемъ помогаетъ вся семья, въ томъ числѣ и нашъ поэтъ, изъ котораго выработался, подъ руководствомъ отца, опытный пахарь и хозяинъ. Крестьянство А. Н. любитъ и съ легкой ироніей подсмѣивается надъ неудавшейся судьбой стать поэтомъ [1]). Окончилъ онъ всего 2-хъ кл. сельское училище.

---

[1]) „Всѣ говорятъ: „съ твоей способностью
„Надо учиться еще продолжать!“
И начинаютъ съ большою подробностью
Пользу ученія мнѣ рисовать.
„Такъ ты не будешь трудиться и маяться,
И отъ работы не будешь горбатъ;
Можетъ быть (все въ мірѣ случается)
Будешь ты знатенъ, счастливъ, богатъ,—
Доля довольства, богатства и счастія
Больше ученымъ дается людямъ.
Что въ нашей жизни? Одни лишь несчастія,
Горе, лишенія... Знаешь ты самъ,
Сколько тревоги, нужды и страданія
Терпитъ несчастный и бѣдный народъ:
Бѣдно и скудно его достояніе,
Сколько горячаго пота ни льетъ“.
Я же какъ будто не слышу, не чувствую
Этихъ совѣтовъ людскихъ и рѣчей,

Другой мой пріятель, уроженецъ села Кежемскаго (Енис. у.), Павелъ Трефильевичъ Вороновъ, уже въ возрастѣ около 30 лѣтъ, сочинилъ „пѣсню", не имѣя никакого представленія о томъ, какъ это дѣлается. Читатель не обезсудитъ, если для ознакомленія съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ самоучки-барда приведу ее точностью, въ томъ видѣ какъ она была написана. Пѣсня посвящена злободневному на Ангарѣ вопросу о торговлѣ съ тунгузами [1]):

Ангарскіе жители,
Рѣки Катанги обители,
Тунгусовъ грабители.

Ежегодно по ней
На лодкахъ проплываютъ,
Тунгусовъ обираютъ;
Жисть русака,
Занимающагося съ тунгусомъ,
Привольна и легка,
Жисть тунгуса—
Друга русака—
Тяжела и трудна.

Тунгусъ цѣлый
Годъ трудится,
Пышнину [2]) добываетъ.
Придетъ та минута—
Зъ друзьями за рюмкой вина
Пропадетъ пышнина, но не одна:
Придётъ та минута—
Пышнина обрана,
И рюмка уйдётъ со стола,—

Тунгусъ съ похмелья пропадаетъ,
А отъ друга ему на похмелье
Кулакъ въ морду попадаетъ!

Это, такъ сказать, первыя ласточки сибирской самобытной народной поэзіи. Ростки однако пущены. Господство народа, властно идущее на смѣну отжившему свой вѣкъ бюрократическому режиму, создастъ этимъ росткамъ тучную почву, — среди тундръ и таежныхъ трущобъ Сибири они расцвѣтутъ, я увѣренъ, пышнымъ цвѣтомъ.

Алексѣй Макаренко.

Только уныло и тихо про себя думаю:
„Самъ-то я васъ не дурнѣй:
Да не позволяютъ мнѣ обстоятельства
Горькую участь превзмочь,
Ваши же всѣ благожелательства
Въ этомъ нисколько не могутъ помочь".

А. Казанцевъ.

[1]) См. *А. Макаренко.* „Эксплоатація тунгузовъ на р. Катангѣ". „Разсвѣтъ", № 107, 1905 г. и „Торговая вакханалія на р. Катангѣ" (№ 178).

[2]) *Пушнину.*

„Пречиста“ въ Москалівці [1]).

Въ углу, окруженная съ двухъ сторонъ правымъ нагорнымъ берегомъ р. Сулы, сама на лѣвомъ низкомъ, едва не на луговомъ ровномъ пространствѣ, ютится Москалівка, небольшое сравнительно, по населенности, село, растянувшееся длинной лентой по лѣвому берегу р. Сулы.

Съ горныхъ возвышенностей противоположнаго, очень высокаго, для здѣшнихъ мѣстъ, берега, особенно съ „Лысой Горы“, доминирующей надъ всей окрестностью, Москалівка представляется намъ едва замѣтной полосой съ утолщеніемъ къ Западу, ни дать ни взять—форма головастика. Она кажется едва замѣтной, удаленной отъ крупныхъ окружающихъ ее селъ съ ихъ „казёнками“, ярмарками, базарами, волостными и иными правленіями, начальствами и прочей многолюдной сутолокой и шумомъ сельской культуры. Москалівка какъ бы спитъ, она мало посвящена въ современность, ей какъ будто мало дѣла до „нововведеній“. И только въ послѣднія минуты, когда уже со всѣхъ сторонъ „выдумки“ охватили ее кольцомъ,—она какъ бы безсознательно перенимаетъ извѣстное теченіе, извѣстное внѣшнее явленіе, покоряясь духу времени. Впрочемъ и эти явленія пока не идутъ дальше самаго чуткаго сельскаго элемента—молодежи... Старики живутъ старымъ... Молодежь, въ послѣднее время, познакомилась съ чуждой ей одеждой—пиджаками, сапогами съ блестящими голенищами; имъ не чужда чисто „кацапська“ пѣсня и особенно частушка, только на дняхъ пробравшаяся сюда „изъ заробітківъ“, а съ ними вмѣстѣ и значительное количество чуждыхъ Москалівці словъ, а иногда и цѣлыхъ выраженій. Но всѣ эти явленія, вся эта накипь ничто, въ сравненіи съ тѣмъ же въ окружающихъ Москалівку

---

[1]) С. Москалівка—Роменскаго уѣзда Полтавской губ., въ 12 верст. отъ уѣзднаго гор. Роменъ, на р. Сулѣ.

селахъ: Перекопівці, Бобрику, Гливьску и др. Тамъ подобныя явленія обычны, здѣсь—пока новинка. Вотъ почему Москалівка представляется какъ бы сонной, не такъ воспріимчивой къ „новшествамъ". Она ихъ воспринимаетъ тогда, когда уже является невозможностью отреченіе отъ нихъ.

Москалівка жила и значительной частью живетъ и теперь своими старыми, завѣщанными дѣдами и прадѣдами традиціями. Каждое отдѣльное явленіе оцѣнивается съ своей особой точки зрѣнія, имѣетъ свой, особо освѣщенный характеръ, передаваемые изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Такимъ образомъ въ Москалівці сохранился еще нѣсколько иной укладъ жизни, въ сравненіи съ окружающими селами, сохранились старые взгляды на всѣ явленія, старыя примѣты, обряды, обычаи, надъ которыми въ сосѣднихъ селахъ уже, если и не позволяютъ смѣяться, то во всякомъ случаѣ не считаются съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ представляются въ глазахъ москалівця, какъ бы освященными церковью, религіей: не поступить такъ, какъ принято, не сдѣлать того или другого, какъ полагается по прадѣдовски, по стариннымъ обрядамъ и обычаямъ—„гріхъ". Одинъ изъ сохранившихся обычаевъ, происхожденіе котораго кроется въ глубинѣ „язычества", когда природу почитали, красоту ея цѣнили, возведенный въ праздникъ, и нынѣ совершается — это празднованіе „Пречистої", праздникъ исключительно молодежи, передаваемый изъ рода въ родъ и сохранившійся до нашихъ дней, правда, потерявъ свою идею. Первоначальное значеніе его не передастъ ни одинъ человѣкъ, намековъ даже не сохранилось. Трудно сказать, видоизмѣненъ ли онъ временемъ и насколько. Празднованіе пріурочено къ 15 августа, дню празднованія Успенія Пресвятыя Богородицы у христіанъ. Названіе „Пречиста"—тоже мѣстное малороссійское названіе христіанскаго праздника, и въ глазахъ москалівців устроенный ими нижеописываемый шестъ, какъ бы освященъ церковью. Отношеніе москалівців и молодежи въ томъ числѣ къ ней какое-то странное, они не сумѣютъ сказать, зачѣмъ они устраиваютъ ее, что ихъ побуждаетъ къ этому. Не безъ удивленія смотришь на желаніе молодежи заниматься приготовленіемъ и устройствомъ „Пречистої": занимаясь цѣлыми днями самыми трудными полевыми работами, они работаютъ еще до 1—2 ч. ночи надъ устройствомъ ея.

Съ вечера начинаются приготовленія по устройству „Пречистої" къ слѣдующему дню ея празднованія—15-му августа.

Часовъ съ 10 веч., времени, когда весь трудящійся сельскій людъ, исключая „хлопцівъ“ и „дівчатъ“, покончивъ съ работами, особенно трудными въ это время, ложится спать, начинается усиленная, торопливая бѣготня на мѣстѣ устройства „Пречистої“, „на піску“, и по огородамъ за „квітками“. Каждая „дівчина“ какъ бы считаетъ себя обязанной принести со своего огорода часть цвѣтовъ, какіе имѣются у нея, годныхъ для украшенія „Пречистої“. Обычно не хватаетъ „квітокъ“, собранныхъ изъ такихъ добровольныхъ приношеній, а существуютъ еще огороды тѣхъ семействъ, гдѣ нѣтъ „дівчатъ“ или они еще не въ возрастѣ, огороды еще не тронутые; партіи „дівчатъ“ и направляются въ такіе огороды, переходя изъ одного въ другой, тутъ ужъ въ потьмахъ не разбираютъ, „якої дівчини огородъ, аби квітки були“. Особенное стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы отыскать возможно большихъ размѣровъ „гарбузъ“. Послѣдній почему-то обязательно берется изъ рода сѣрыхъ сплюснутыхъ, а не длинныхъ пестрыхъ и черныхъ. Обычно такого рода присвоеніе огородныхъ продуктовъ не считается владѣльцами огородовъ за воровство. Смотрятъ на это какъ на необходимость, иногда какъ на шалость. Правда, пріятнаго немного: въ попыхахъ не столько унесутъ, сколько истопчутъ. Часто можно услышать на утро слѣдующаго дня добродушную брань какой-нибудь „молодиці“ или „бабусі“, у которой, кромѣ унесенныхъ „квітокъ“, еще потоптана капуста, „хвасоля“ и „ріпа“, и прочія огородныя овощи, черезъ-чуръ усердными искателями „гвоздиків, маїорців та чорнобривців“, имѣющихъ исключительное право на украшеніе „Пречистої“.

Огороды съ „квітками“ да „гарбузами“ намѣчаются заранѣе болѣе шустрыми любительницами праздника, которыхъ, кстати сказать, изъ года въ годъ все меньше и меньше. Насколько помнится, въ Москалівці два предпослѣднихъ года „Пречиста“ уже не устраивалась—инициаторы дівчата отсутствовали. Въ окружающихъ Москалівку селахъ праздникъ этотъ не имѣетъ мѣста. Въ Москалівці „Пречиста“ устраивалась чаще одна, а иногда бывало нѣсколько: „на селі“, „на зацерквівці“ [1]) и изрѣдка въ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) „Село“—густо заселенная, скученная часть Москалівки. „Зацерквівка“—вытянувшаяся въ ленту часть съ песчанымъ выгономъ у церкви; здѣсь большею частію и устраивается „Пречиста“.

„Сенькю Разина изъ проклятища". Это добавленіе, какъ и другое — о самомъ Сенькѣ Разинѣ, сообщателемъ, В. Сизыхъ, сдѣлано было въ видѣ простого пересказа по причинѣ, о которой скажемъ ниже; отъ него же мы узнали и другое преданіе о Сенькѣ Разинѣ; оно введено нами въ группу историческихъ пѣсенъ, чтобы не нарушать цѣльности столь рѣдкихъ, можетъ быть, въ Сибири преданій объ исторической личности народнаго атамана, съ одной стороны, и въ цѣляхъ, съ другой стороны, сохраненія по возможности своеобразнаго обычая, свойственнаго и сибирскимъ пѣсенникамъ досельщины, которые тѣ былины или досельныя пѣсни, стихотворный складъ коихъ подвергся разложенію или утеряна какая-нибудь часть его, пополняютъ прозаическимъ пересказомъ собственнаго вымысла или готовымъ уже, циркулирующимъ по данному мѣсту преданіемъ, повѣрьемъ.

4-ю группу составляютъ пѣсни *солдатскія*, всего 6 штукъ, съ различными сюжетами на тему изъ солдатской жизни („Подъ славномъ то было городомъ подъ Орѣшкомъ" и др.).

Въ 5-ю вошли рекрутскія,—всего 2 пѣсни (№№ 32, 33), съ описаніями горечи разлуки матери съ сыномъ рекрутомъ.

Въ 6-й—казачьи: „Эхъ ты старинушка, да ты старинушка" [1]) начало съ оригинальнымъ повѣствованіемъ о донскомъ казакѣ, и два варіанта „Куликъ куликаетъ по морю гуляетъ" (34 и 35), съ сюжетомъ о поѣздкѣ донскихъ казаковъ въ Москву на службу;

въ 7-ю группу вошли разбойничьи и тюремныя, 9, какъ-то: „Не шуми-ко, матушка, зелена дубравушка", 36 (допросъ „дѣтины", съ кѣмъ онъ разбой держалъ); „За Сибирью сонцо свѣтитъ", 37 (передѣлка съ малорос. о Карналюгѣ-разбойникѣ); „Пропилася моя буйна головушка", 41 (прощаніе „потюремщика" съ жизнью); „Межу горъ Енисею роздаетца тунный гласъ", 40 (жалоба „бродяжки" на горькую судьбу) и др.

8-я и послѣдняя группа состоитъ изъ пѣсенъ лирическихъ, числомъ 26—на темы: любовь, тоска, убійство и т. п.; къ нимъ мы причислили одну пѣсню, поющуюся на „проводинахъ" (проводы). „Ты куда же, мой соколичекъ, отлетаёшь", 46 (проводы дружка), на томъ основаніи, что она, будучи въ то время „излюбленной", поется населеніемъ Ужурской волости

---

[1]) *Арестована* полиціей въ числѣ др. сибирскихъ пѣсенъ при обыскѣ *10 марта 1906 г.*

(Ачинск. у.) помимо такихъ экстроординарныхъ обстоятельствъ; къ числу излюбленныхъ пѣсенъ относилась: „На рóдиму на сторонку ясной соколъ прилеталъ“, 47 (по Ачинск. у.) и „При долинушкѣ калинýшка стоитъ“ 48; послѣдняя поется на разные голоса (напѣвы)—въ Ачинскомъ уѣздѣ такъ, какъ показываетъ приложенный къ ней нотный перекладъ, а въ Енисейскомъ уѣздѣ — иначе (этотъ напѣвъ я также знаю). Еще важнѣе указать на пѣсню: „Пудко по сѣно поѣхалъ“, 45 (тоска по зазнобѣ), которую сообщатель Аѳ. К. Кокоринъ отнесъ къ числу типичныхъ пѣсенъ мѣстнаго происхожденія. Съ другими рекомендуемъ ознакомиться по нижеприложеннымъ текстамъ.

Вошедшія въ нашъ сборникъ „сибирскія пѣсенныя стàрины“ — совершенно свѣжій матеріалъ, за исключеніемъ былины „Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ“; она перепечатывается заново вслѣдствіе того, что, будучи напечатанной въ „Живой Старинѣ“, XI, кн. 1, сама по себѣ, какъ оригинальный образецъ, какъ-то затерялась въ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ Г. Н. Потанина и, вдобавокъ, текстъ ея былъ искаженъ опечатками (напр., вмѣсто „чару зелена вина“ напечатано: „гору зелена вина“ и т. п.). По времени записи, эта былина относится къ 1893 году; записи остальныхъ пѣсенъ были произведены разновременно: иныя зарегистрированы, вѣрнѣе сказать заучены (по Ачинскому у.), въ промежуткахъ 1886—1893 годовъ, другія (по Красноярскому и Енисейскому уѣздамъ) между 1894—1898 г.г., а нѣкоторыя въ 1904; есть нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ и присланныхъ мнѣ П. Т. Вороновымъ въ 1905—1906 г.г.

Въ мои планы, долженъ оговориться, никогда не входилъ спеціальный сборъ пѣсенъ; находясь въ ссылкѣ, я заучивалъ содержанія и напѣвы пѣсенъ исключительно для себя, и изъ числа тѣхъ, которыя болѣе были употребительны или болѣе нравились по мотивамъ. Лишь въ 1904 году, будучи командированнымъ Имп. Рус. Географическимъ обществомъ въ Енисейскую губернію, я записалъ попутно 3 былины, 3—4 пересказа ихъ и около 30 текстовъ оригинальныхъ пѣсенъ. Случилось это такъ.

Мнѣ пришлось проплыть по Ангарѣ отъ села Братскій Острогъ (Нижнеудин. у., Иркутской губ.) и до впаденія ея въ Енисей, съ цѣлью этнографическаго обозрѣнія лежащихъ на этомъ пути волостей: Братской и Карапчанской (Иркут. г), Кежемской и Пинчужской (Енисейской губ.). И вотъ въ Ке-

жемской волости меня познакомили съ крестьяниномъ-старожиломъ д. Кежемская Заимка. Онъ изъ числа зажиточныхъ, имѣетъ трехъ женатыхъ сыновей, живущихъ съ своими семьями у отца. Самъ В. И. высокъ ростомъ, плечистъ, съ выбритыми усами и подбородкомъ; не смотря на 60 лѣтъ, густые кудри на его могучей головѣ чуть заиндевѣли сѣдиной; онъ гораздъ еще на всякую работу. Дѣйствительно, В. И. и рыбу ловитъ, то и другое исправляетъ по домашности и никогда не сидитъ безъ дѣла, хотя по достатку могъ, кажется, и не утруждать себя. Таковъ уже обычай въ крестьянствѣ, чтобы старики, „домовничая", были бы чѣмъ-либо полезны своимъ домашнимъ.

Василій Ивановичъ былъ на славѣ, какъ „пѣсельникъ" многихъ старинныхъ пѣсенъ; онъ и былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію изъ его сокровищницы мнѣ удалось почерпнуть немногое. „Незадача вышла", какъ выражаются сибиряки.

Были Петровки—для старины казалось зазорнымъ постомъ пѣть или разсказывать пѣсни. Это была одна причина. Второй помѣхой служило то обстоятельство, что Василій Ивановичъ постоянно отвлекался по хозяйственнымъ дѣламъ (приводилъ въ исправность рыболовныя снасти, ставилъ самоловы и т. п.); мѣшали намъ сговориться недавнее знакомство и необычная для В. И. необходимость вдругъ ни съ того ни съ сего начать говорить, а тѣмъ болѣе пѣть пѣсню да еще въ одиночку, безъ привычной обстановки и хорошо извѣстной компаніи. „Ужо поживи до Петрова́ дня, говорилъ онъ, какъ бы извиняясь за дѣло, которое видимо не клеилось, о празникѣ соберется „кумпанія" насъ стариковъ—мы споёмъ тебѣ разныхъ пѣсенёкъ".— Я послѣдовалъ совѣту... Посулы не оправдались. Какъ разъ въ эти праздники у В. И. состоялись проводы старшаго сына, отправившагося съ лодкой въ г. Енисейскъ за частнымъ грузомъ, было ему не до меня. Когда 1-го іюля я долженъ былъ ѣхать дальше, В. И. на прощаніи, хотя и чувствовалъ себя немного нездоровымъ, сообщилъ торопливо то, что̀ читатель найдетъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ.

Знанія В. И. по части былинъ и пѣсенъ перенялъ полностью его старшій сынъ Григорій Васильевичъ, о чемъ, кромѣ однодеревенскихъ, свидѣтельствуютъ его же братья, имена которыхъ встрѣчаются подъ нѣкоторыми пѣснями. Въ концѣ лѣта я ѣхалъ съ Гр. Вас. на одной и той же лодкѣ, но записать отъ него ничего не удалось: остановокъ у насъ почти не было, а въ пути слѣдованія лодочники подъ вліяніемъ суевѣрнаго *страха не рѣшаются* пѣть — Григорій Васильевичъ только и *могъ, какъ онъ завѣрялъ*, передать пѣсню голосомъ.

Въ той же деревнѣ нашелся другой старикъ, Евграфъ Поповъ, 66 лѣтъ, бывшій тоже заправскимъ „пѣсельникомъ", а теперь, какъ онъ говорилъ, мѣшаться сталъ въ пѣсняхъ": въ Петровъ день мнѣ удалось позаписать отъ него нѣсколько пѣсенъ, да отъ сыновей В. И., отъ молодыхъ братьевъ Пудовыхъ и дѣвицы Натальи Заборцевой. Имѣются пѣсни сообщенныя Аѳ. Кес. Кокоринымъ, Ф. Т. Кокоринымъ — крестьянами с. Кежемскаго; нѣкоторые изъ сообщателей не записаны, такъ какъ это было ихъ желаніе. Въ д. Дворецъ (Кежем. в.) былъ даже случай, что я почти не встрѣтилъ желающихъ говорить мнѣ для записи пѣсни по той причинѣ, что какой-то шутникъ пустилъ „враницу", будто за это „будутъ брать въ солдаты всѣхъ, кто скажетъ пѣсню — будетъ ли это мужикъ, парень, дѣвка, баба ли". Нашелся все же одинъ крестьянинъ, который сказалъ былину о Добрынѣ; отъ другого записалъ 3 — 4 „пріискательскихъ" пѣсни, съ изображеніемъ порядковъ и положенія рабочихъ золотыхъ промысловъ. Въ другихъ селеніяхъ Кежемской волости записи пѣсенъ не производилось за недостаткомъ времени и наступившей порой сѣнокоса, выведшей главную часть населенія на острова и др. мѣста покосовъ. По тѣмъ же причинамъ я почти не касался пѣсенной поэзіи крестьянъ Пинчужской волости (за исключеніемъ с. Богучанскаго). Но изъ показаній служащаго сельскимъ писаремъ въ д. Каменкѣ (Пинч. в.) Аѳ. Кес. Кокорина (изъ с. Кежемскаго) и словесныхъ разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ-ангарцевъ, выяснилось, что записанныя въ д. Кежем. Заимка былины и значительная часть др. пѣсенъ извѣстны населенію Кежемской и Пинчужской волостей [1]).

Такимъ образомъ, въ нашъ сборникъ вошла самая ничтожная часть русскихъ пѣсенныхъ старинъ, распространенныхъ среди коренного крестьянства Енисейской губерніи. Намъ думается, ихъ можно набрать на цѣлые томы. Пусть спеціалисты этимъ дѣломъ и займутся — „имъ и книги въ руки", какъ говорится. Я же своей посильной замѣткой, помимо установленія факта существованія этихъ старинъ и выясненія отношеній самихъ енисейскихъ крестьянъ какъ къ нимъ, такъ и къ другимъ образцамъ пѣсенной поэзіи, имѣлъ косвенное намѣреніе

---

[1]) Между прочимъ, въ с. Рыбномъ (на Ангарѣ) Пинчужской волости еще въ 1893 г. А. Александровъ записалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ былину объ Ильѣ Муромцѣ и нѣск. др. пѣсенъ („Жив. Ст.", 1897 г., вып. I, отд. 2, стр. 101—105).

побудить спеціалистовъ къ дальнѣйшему изученію сибирско-русской народной пѣсенной поэзіи. Это изученіе должно внести весьма существенныя поправки въ прежнія кривотолки о пѣсенной поэзіи сибиряковъ. Не говоря уже о г. Максимовѣ, поющемъ, намъ думается, съ чужого голоса, отъ неправильнаго сужденія о ней не былъ свободенъ даже извѣстный ученый сибирякъ г. Щаповъ, оставившій послѣ себя довольно малообоснованный приговоръ, будто „сибиряки большею частью забыли всю древнерусскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины и т. д.“

Такое категорическое обобщеніе г. Щапова едва ли могло имѣть мѣсто, если бы ему предшествовало болѣе тщательное, обнимающее значительную площадь Сибири изученіе памятниковъ старинной сибирско-русской пѣсенной поэзіи; но таковаго, насколько извѣстно, Щаповымъ не было сдѣлано, и потому къ его обобщенію слѣдуетъ отнестись какъ къ апріорному умозаключенію, требующему еще своего документальнаго подтвержденія. Частично я готовъ признать справедливость указаній г. Щапова на упадокъ русской пѣсенной старины въ Сибири (и то съ оговоркой для многихъ, быть можетъ, мѣстъ). Я самъ могъ убѣдиться въ томъ, что знаніе пѣсенной старины присуще главнымъ образомъ старшему поколѣнію сибирскихъ деревень; молодежь же не стремится заучивать старинныя пѣсни, находя ихъ мало интересными и неблагозвучными (за исключеніемъ нѣкоторыхъ). Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего специфически сибирскаго, повторяемъ, оно обще и русскому населенію многихъ мѣстностей Европ. Россіи; разложеніе и упадокъ пѣсенной старины коснулись, какъ удостовѣряютъ г.г. Ончуковъ и Григорьевъ [1]), даже Архангельской губерніи—этого мѣста хранилища былинныхъ сказаній, историческихъ и др. народныхъ пѣсенъ.

„Все йде, все минае“—писалъ когда-то Т. Г. Шевченко. Такъ было и должно быть. Въ этомъ виденъ естественный процессъ эволюціи русскаго народа по стезѣ матеріальной и духовной культуры. Не смотря на тьму невѣжества, понависшую надъ нимъ вслѣдствіе самовластнаго хозяйничества на Руси бюрократіи, онъ выйдетъ, благодаря здоровой и талантливой на-

---

[1]) См. Н. Ончуковъ, „Былинная поэзія на Печерѣ“, стр. XXXIII: „...былинная поэзія на Печерѣ падаетъ и падать будетъ“. А. Григорьевъ: „..знаніе ихъ (старинъ) все-таки падаетъ и будетъ падать“ (предисловіе къ I тому, стр. XXIV).—„Архангельскія былины и историческія пѣсни“, 1904 г.

турѣ своей, изъ этой тьмы обновленнымъ, могучимъ и сильнымъ.

Къ тому же стремятся и сибиряки; въ ихъ средѣ замѣчаются уже симптомы пробуждающагося духовнаго обновленія; оно проглядываетъ отчасти и въ попыткахъ самостоятельнаго поэтическаго творчества. Въ самой крестьянской средѣ Енисейской губерніи появляются свои поэты и творцы пѣсенъ.

Такъ, изъ с. Казачинскаго (Енисейск. у.) мой другъ Александръ Никифоровичъ Казанцевъ, молодой крестьянинъ, прислалъ недавно тетрадку своихъ стихотвореній; два изъ нихъ: „Въ ожиданіи наводненія“ и „Весна въ деревнѣ“ были напечатаны, между прочимъ, въ мѣстной газетѣ „Енисей“. Его юному поэтическому дарованію, къ сожалѣнію, помѣшали развиться чисто житейскія обстоятельства. Онъ одинъ сынъ у отца, извѣстнаго на всю округу своимъ честнымъ служеніемъ дѣламъ своего общества, своею самобытною образованностью и необыкновенной трудоспособностью; но, кромѣ сына „Александрушка“, у Н. И. на рукахъ еще цѣлая семья, семьи бѣдныхъ родственниковъ, которымъ онъ оказываетъ всегда посильную помощь,—все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ старика усиленно работать дома и на полѣ; ему во всемъ помогаетъ вся семья, въ томъ числѣ и нашъ поэтъ, изъ котораго выработался, подъ руководствомъ отца, опытный пахарь и хозяинъ. Крестьянство А. Н. любитъ и съ легкой ироніей подсмѣивается надъ неудавшейся судьбой стать поэтомъ [1]). Окончилъ онъ всего 2-хъ кл. сельское училище.

---

[1]) „Всѣ говорятъ: „съ твоей способностью
„Надо учиться еще продолжать!“
И начинаютъ съ большою подробностью
Пользу ученія мнѣ рисовать.
„Такъ ты не будешь трудиться и маяться,
И отъ работы не будешь горбатъ;
Можетъ быть (все въ мірѣ случается)
Будешь ты знатенъ, счастливъ, богатъ,—
Доля довольства, богатства и счастія
Больше ученымъ дается людямъ.
Что въ нашей жизни? Одни лишь несчастія,
Горе, лишенія... Знаешь ты самъ,
Сколько тревоги, нужды и страданія
Терпитъ несчастный и бѣдный народъ:
Бѣдно и скудно его достояніе,
Сколько горячаго пота ни льетъ“.
Я же какъ будто не слышу, не чувствую
Этихъ совѣтовъ людскихъ и рѣчей,

Другой мой пріятель, уроженецъ села Кежемскаго (Енис. у.), Павелъ Трефильевичъ Вороновъ, уже въ возрастѣ около 30 лѣтъ, сочинилъ „пѣсню", не имѣя никакого представленія о томъ, какъ это дѣлается. Читатель не обезсудитъ, если для ознакомленія съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ самоучки-барда приведу ее точностью, въ томъ видѣ какъ она была написана. Пѣсня посвящена злободневному на Ангарѣ вопросу о торговлѣ съ тунгузами [1]):

Ангарскіе жители,
Рѣки Катанги обители,
Тунгусовъ грабители.

Ежегодно по ней
На лодкахъ проплываютъ,
Тунгусовъ обираютъ;
Жисть русака,
Занимающагося съ тунгусомъ,
Привольна и легка,
Жисть тунгуса—
Друга русака—
Тяжела и трудна.

Тунгусъ цѣлый
Годъ трудится,
Пышнину [2]) добываетъ.
Придетъ та минута—
Зъ друзьями за рюмкой вина
Пропадетъ пышнина, но не одна:
Придётъ та минута—
Пышнина обрана,
И рюмка уйдётъ со стола,—

Тунгусъ съ похмелья пропадаетъ,
А отъ друга ему на похмелье
Кулакъ въ морду попадаетъ!

Это, такъ сказать, первыя ласточки сибирской самобытной народной поэзіи. Ростки однако пущены. Господство народа, властно идущее на смѣну отжившему свой вѣкъ бюрократическому режиму, создастъ этимъ росткамъ тучную почву, — среди тундръ и таежныхъ трущобъ Сибири они расцвѣтутъ, я увѣренъ, пышнымъ цвѣтомъ.

Алексѣй Макаренко.

Только уныло и тихо про себя думаю:
„Самъ-то я васъ не дурнѣй:
Да не позволяютъ мнѣ обстоятельства
Горькую участь превзмочь,
Ваши же всѣ благожелательства
Въ этомъ нисколько не могутъ помочь".

А. Казанцевъ.

[1]) См. *А. Макаренко.* „Эксплоатація тунгузовъ на р. Катангѣ". „Разсвѣтъ", № 107, 1905 г. и „Торговая вакханалія на р. Катангѣ" (№ 178).

[2]) *Пушнину.*

„Пречиста“ въ Москалівці [1]).

Въ углу, окруженная съ двухъ сторонъ правымъ нагорнымъ берегомъ р. Сулы, сама на лѣвомъ низкомъ, едва не на луговомъ ровномъ пространствѣ, ютится Москалівка, небольшое сравнительно, по населенности, село, растянувшееся длинной лентой по лѣвому берегу р. Сулы.

Съ горныхъ возвышенностей противоположнаго, очень высокаго, для здѣшнихъ мѣстъ, берега, особенно съ „Лысой Горы“, доминирующей надъ всей окрестностью, Москалівка представляется намъ едва замѣтной полосой съ утолщеніемъ къ Западу, ни дать ни взять—форма головастика. Она кажется едва замѣтной, удаленной отъ крупныхъ окружающихъ ее селъ съ ихъ „казёнками“, ярмарками, базарами, волостными и иными правленіями, начальствами и прочей многолюдной сутолокой и шумомъ сельской культуры. Москалівка какъ бы спитъ, она мало посвящена въ современность, ей какъ будто мало дѣла до „нововведеній“. И только въ послѣднія минуты, когда уже со всѣхъ сторонъ „выдумки“ охватили ее кольцомъ,—она какъ бы безсознательно перенимаетъ извѣстное теченіе, извѣстное внѣшнее явленіе, покоряясь духу времени. Впрочемъ и эти явленія пока не идутъ дальше самаго чуткаго сельскаго элемента—молодежи... Старики живутъ старымъ... Молодежь, въ послѣднее время, познакомилась съ чуждой ей одеждой—пиджаками, сапогами съ блестящими голенищами; имъ не чужда чисто „кацапська“ пѣсня и особенно частушка, только на дняхъ пробравшаяся сюда „изъ заробітків“, а съ ними вмѣстѣ и значительное количество чуждыхъ Москалівці словъ, а иногда и цѣлыхъ выраженій. Но всѣ эти явленія, вся эта накипь ничто, въ сравненіи съ тѣмъ же въ окружающихъ Москалівку

---

[1]) С. Москалівка—Роменскаго уѣзда Полтавской губ., въ 12 верст. отъ уѣзднаго гор. Роменъ, на р. Сулѣ.

селахъ: Перскопівці, Бобрику, Гливьску и др. Тамъ подобныя явленія обычны, здѣсь—пока новинка. Вотъ почему Москалівка представляется какъ бы сонной, не такъ воспріимчивой къ „новшествамъ". Она ихъ воспринимаетъ тогда, когда уже является невозможностью отреченіе отъ нихъ.

Москалівка жила и значительной частью живетъ и теперь своими старыми, завѣщанными дѣдами и прадѣдами традиціями. Каждое отдѣльное явленіе оцѣнивается съ своей особой точки зрѣнія, имѣетъ свой, особо освѣщенный характеръ, передаваемые изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Такимъ образомъ въ Москалівці сохранился еще нѣсколько иной укладъ жизни, въ сравненіи съ окружающими селами, сохранились старые взгляды на всѣ явленія, старыя примѣты, обряды, обычаи, надъ которыми въ сосѣднихъ селахъ уже, если и не позволяютъ смѣяться, то во всякомъ случаѣ не считаются съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ представляются въ глазахъ москалівця, какъ бы освященными церковью, религіей: не поступить такъ, какъ принято, не сдѣлать того или другого, какъ полагается по прадѣдовски, по стариннымъ обрядамъ и обычаямъ—„гріхъ". Одинъ изъ сохранившихся обычаевъ, происхожденіе котораго кроется въ глубинѣ „язычества", когда природу почитали, красоту ея цѣнили, возведенный въ праздникъ, и нынѣ совершается — это празднованіе „Пречистої", праздникъ исключительно молодежи, передаваемый изъ рода въ родъ и сохранившійся до нашихъ дней, правда, потерявъ свою идею. Первоначальное значеніе его не передастъ ни одинъ человѣкъ, намековъ даже не сохранилось. Трудно сказать, видоизмѣненъ ли онъ временемъ и насколько. Празднованіе пріурочено къ 15 августа, дню празднованія Успенія Пресвятыя Богородицы у христіанъ. Названіе „Пречиста"—тоже мѣстное малороссійское названіе христіанскаго праздника, и въ глазахъ москалівцівъ устроенный ими нижеописываемый шестъ, какъ бы освященъ церковью. Отношеніе москалівцівъ и молодежи въ томъ числѣ къ ней какое-то странное, они не сумѣютъ сказать, зачѣмъ они устраиваютъ ее, что ихъ побуждаетъ къ этому. Не безъ удивленія смотришь на желаніе молодежи заниматься приготовленіемъ и устройствомъ „Пречистої": занимаясь цѣлыми днями самыми трудными полевыми работами, они работаютъ еще до 1—2 ч. ночи надъ устройствомъ ея.

Съ вечера начинаются приготовленія по устройству „Пречистої" къ слѣдующему дню ея празднованія—15-му августа.

Часовъ съ 10 веч., времени, когда весь трудящійся сельскій людъ, исключая „хлопцівъ“ и „дівчатъ“, покончивъ съ работами, особенно трудными въ это время, ложится спать, начинается усиленная, торопливая бѣготня на мѣстѣ устройства „Пречистої“, „на піску“, и по огородамъ за „квітками“. Каждая „дівчина“ какъ бы считаетъ себя обязанной принести со своего огорода часть цвѣтовъ, какіе имѣются у нея, годныхъ для украшенія „Пречистої“. Обычно не хватаетъ „квітокъ“, собранныхъ изъ такихъ добровольныхъ приношеній, а существуютъ еще огороды тѣхъ семействъ, гдѣ нѣтъ „дівчатъ“ или они еще не въ возрастѣ, огороды еще не тронутые; партіи „дівчатъ“ и направляются въ такіе огороды, переходя изъ одного въ другой, тутъ ужъ въ потьмахъ не разбираютъ, „якої дівчини огородъ, аби квітки були“. Особенное стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы отыскать возможно большихъ размѣровъ „гарбузъ“. Послѣдній почему-то обязательно берется изъ рода сѣрыхъ сплюснутыхъ, а не длинныхъ пестрыхъ и черныхъ. Обычно такого рода присвоеніе огородныхъ продуктовъ не считается владѣльцами огородовъ за воровство. Смотрятъ на это какъ на необходимость, иногда какъ на шалость. Правда, пріятнаго немного: въ попыхахъ не столько унесутъ, сколько истопчутъ. Часто можно услышать на утро слѣдующаго дня добродушную брань какой-нибудь „молодиці“ или „бабусі“, у которой, кромѣ унесенныхъ „квітокъ“, еще потоптана капуста, „хвасоля“ и „ріпа“, и прочія огородныя овощи, черезъ-чуръ усердными искателями „гвоздиківъ, маїорцівъ та чорнобривцівъ“, имѣющихъ исключительное право на украшеніе „Пречистої“.

Огороды съ „квітками“ да „гарбузами“ намѣчаются заранѣе болѣе шустрыми любительницами праздника, которыхъ, кстати сказать, изъ года въ годъ все меньше и меньше. Насколько помнится, въ Москалівці два предпослѣднихъ года „Пречиста“ уже не устраивалась—инициаторы дівчата отсутствовали. Въ окружающихъ Москалівку селахъ праздникъ этотъ не имѣетъ мѣста. Въ Москалівці „Пречиста“ устраивалась чаще одна, а иногда бывало нѣсколько: „на селі“, „на зацерквівці“ [1]) и изрѣдка въ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) „Село“—густо заселенная, скученная часть Москалівки. „Зацерквівка“—вытянувшаяся въ ленту часть съ песчанымъ выгономъ у церкви; здѣсь большею частію и устраивается „Пречиста“.

Ночь теплая, звѣздная... Тихо въ воздухѣ... На обширной песчаной площади, освѣщаемой косыми лучами подымающейся отъ горизонта луны, „на піску“, мелькаютъ тѣни, движутся темныя пятна. Тишина нарушается тихимъ и быстрымъ разговоромъ, сдержаннымъ смѣхомъ; въ разговорахъ чувствуется торопливость, слышится бѣготня. „Пречисту“ устраиваютъ... „Дівчата квітокъ“ принесли, а „хлопці“ длинный шестъ 10—12 метровъ длины, другая партія—старое негодное въ хозяйствѣ колесо, обычно изъ подъ „колішні“ [1]). Послѣднее укрѣпляютъ на верхушкѣ шеста. Эта предварительная работа выполняется иногда исключительно хлопцями, въ то время когда „дівчата“ бѣгаютъ за „квітками“. Далѣе приступаютъ и „дівчата“ съ „квітками и гарбузомъ“. Гарбузъ, шуточный символъ хозяина [2]), усаживается на верхушкѣ шеста на колесѣ. Затѣмъ все колесо тщательно украшается „квітками“, они втыкаются часто въ самый „гарбузъ“. Сюда идетъ очень ограниченное количество цвѣтовъ: въ „гарбузъ“ втыкается чаще „щириця“, окрашенная въ густо карминный тонъ, а къ колесу прикрѣпляютъ „гвоздики“ иногда такъ, чтобы онѣ шли какъ бы лучами отъ периферіи колеса, чѣмъ увеличиваются его размѣры. Самый шестъ обильно украшается вокругъ, отъ 2-хъ арш. высоты отъ земли до колеса, слѣдующими цвѣтами: „гвоздиками та чорнобривцями“ [3]), „маіорцями“ и изрѣдка „щирицею“. Другихъ цвѣтовъ намъ почти не приходилось встрѣчать на шестѣ. Всѣ цвѣты берутъ со стеблями и листьями, а съ огорода уносятся часто съ корнями, которые обламываются уже на мѣстѣ устройства. Общій тонъ такимъ образомъ изу-

---

[1]) Особенность мѣстнаго пахаря: новое колесо одѣвается къ телѣгѣ когда оно окончитъ свою службу здѣсь, когда обломается, расшатается—его переносятъ на „колішню“ у плуга, гдѣ оно и доживаетъ свой вѣкъ.

Колесо, повидимому нынѣ уже забытый, символъ солнца. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце изображается колесомъ: „Колесомъ, колесомъ въ гору сонце йде“. „Крапивное колесо по надъ лисомъ котится“. См. Костомаровъ. Собр. соч., кн. VIII, стр. 450, изд. 1906 г.

[2]) Шуточная пѣсня: «Ходитъ гарбузъ по городу... пытается свого роду» и проч. см. Костомаровъ, указан. изданіе, кн. VIII, стр. 538.

[3]) «Гвоздики»—«чорнобривці»—Tagetes patula. Въ одной пѣснѣ:

„Перше було літечко, а теперь нема.
Посіяла чорнобривці, та вже не пора:
Поки мої чорнобривці розцвітутъ,
А вже жъ мою русу косу розплетутъ“.

Костом., цитир. изд., кн. VIII, стр. 531.

«Пречиста» в Москалівці.

крашеннаго шеста—зеленый съ желтыми пятнами, изрѣдка проглядывающими темными пятнами „щирицi" и свѣтлыми „маiорцiвъ". Приготовленный шестъ подымаютъ „гуртомъ" хлопцi и дiвчата, иногда съ усилiями, и всаживаютъ въ заранѣе выкопанную въ землѣ яму, засыпаютъ и затаптываютъ ногами для большей прочности.

Время устройства „Пречистоï", прикрѣпленiя колеса, украшенiя цвѣтами, иногда сопровождается пѣснями, шутками. Пѣсни слышатся, когда работа уже не требуетъ большого числа рукъ, т. е. когда она заканчивается и дiвчата безъ дѣла. Къ 1 ч. ночи устроители расходятся по домамъ съ тѣмъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня, послѣ службы въ церкви, выйти къ „Пречистiй" посидѣть, спѣть пѣсню.

Около 10 ч. утра можно видѣть толпу „дiвчатъ" и „хлопцiвъ", сидящихъ гдѣ нибудь близъ „Пречистоï" съ пѣснями. Не думайте, что вы найдете въ ихъ пѣсняхъ какой-либо намекъ, какое-либо отношенiе къ празднику и къ устроенной такимъ образомъ „Пречистоï". Пѣсни ихъ обычны, услышать ихъ возможно въ продолженiе всего лѣта и никакого намека, ни въ одной строфѣ изъ пѣсни, къ удивленiю и къ сожалѣнiю не услышите. Первоначальная идея современной „Пречистоï" растворилась во тьмѣ вѣковъ. „Пречиста", какъ я уже упомянулъ—мѣстное малороссiйское названiе христiанскаго праздника 15 августа. Перенесенiе этого христiанскаго названiя на украшенный цвѣтами шестъ, указываетъ на совершенное забвенiе идеи языческаго праздника, сопровождаемаго такимъ символомъ его, какъ украшенный шестъ.

Къ вечеру шестъ валится, либо однимъ изъ участниковъ устройства, либо даже мальчишками; цвѣты, колесо и гарбузъ снимаются и разрываются. Этимъ праздникъ заканчивается. Ни пѣсенъ, ни игръ, имѣющихъ отношенiе къ нему, не совершается.

Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ трудовъ по этнографiи и быту Малороссiи намъ не встрѣчалось описанiя праздника, соотвѣтствовавшаго изложенному. Лишь въ описанiи праздника Купалы въ трудахъ Пассека и Чубинскаго[1]) встрѣчаемъ шестъ убранный лентами и цвѣтами, подъ названiемъ „марéны".

---

[1]) В. Пассекъ. Оч. Россiи, кн. I, стр. 96—97. СПБ. 1838 г.

Чубинскiй. Тр. Этнограф.-Стат. Экспедицiи въ Западно-Русскомъ краѣ т. III, стр. 193—195.

Трудно, конечно, допустить, чтобы наша „Пречиста“ была измѣненной „мареной“, тѣмъ болѣе, что праздникъ Купалы москалівцями не забытъ и нынѣ совершается, хотя нѣсколько иначе, чѣмъ описываютъ его упомянутые авторы. Доказательствомъ высказанной мысли, что празднованіе „Пречистої“ не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ, извѣстнаго намъ района Малороссіи, отчасти могутъ служить слѣдующія слова во второмъ изъ упомянутыхъ трудовъ: день 15 августа „Перва Пречиста“: „въ празднованіи этого дня нѣтъ никакихъ особенностей“ [1]). Особенность этого дня, отмѣченная нами въ Москалівці, повидимому вовсе не наблюдается въ другихъ мѣстахъ.

Н. Макаренко.

---

1) *Чубинскій,* указ. соч., стр. 253.

Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.

„Собственность священна“ — говоритъ нашъ основной законъ и не дѣлаетъ почти никакого исключенія изъ этого правила и для земельной собственности; исключеніемъ изъ положенія можетъ служить лишь отчужденіе участковъ земли ради государственной необходимости, напр., подъ постройку желѣзныхъ дорогъ.

Не то говоритъ народъ. По изстари сложившемуся воззрѣнію крестьянъ, земля — „ничья“, „даръ Божій“, и ни крѣпостное право, ни всякія пертурбаціи нашего правительства не могли искоренить этого взляда крестьянъ на земельную собственность. „Право каждаго на пожизненное владѣніе землею до того вросло въ понятіе народа русскаго, говоритъ г. Герценъ,— что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразились, повидимому, безсмысленной поговоркой: „мы господскіе, а земля наша“ [1]). Современный изслѣдователь зырянской общины говоритъ, что, по воззрѣнію зырянъ, „каждый имѣетъ право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ“. [2])

Но въ то же время цитируемый мною авторъ поясняетъ, что хотя каждый имѣетъ право разработать свободный участокъ земли, но пользоваться имъ можетъ только до тѣхъ поръ, „пока не окупятся расходы по обработкѣ, послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше“. Такой принципъ пользованія землею почти равняется пожизненному владѣнію, такъ-какъ сроки по окупкѣ труда на обработку земельнаго участка назначаются зырянами довольно продолжительные, напр.

---

[1]) Соч. Герцена, т. VI, стр. 284.

[2]) Большаковъ. „Община у зырянъ“, „Жив. Ст.“, 1906 г., вып. II.

20, 40 и даже 60 лѣтъ, смотря по количеству затраченнаго труда и качеству самого участка.

Всѣ эти воззрѣнія на владѣніе землею вполнѣ раздѣляются и крестьянами Кадниковскаго уѣзда, но лишь по отношенію къ общиннымъ землямъ. Здѣсь также каждый общинникъ имѣетъ право разработать, гдѣ ему угодно, въ предѣлахъ общиннаго владѣнія, участокъ земли и пользоваться имъ, но съ тою лишь разницею, что опредѣленныхъ сроковъ на такое пользованіе не назначается, а они совпадаютъ всегда съ мірскими передѣлами, обыкновенно случающимися черезъ 20—30 лѣтъ. Распахалъ или расчистилъ подъ сѣнокосъ участокъ земли какой-либо крестьянинъ 20—30 лѣтъ тому назадъ, или же только 2—3 года всего, но разъ міръ порѣшилъ передѣлить землю, то и этотъ участокъ поступаетъ въ общую массу передѣляемой земли. Никакого исключенія, хотя бы въ видахъ поощренія разработавшему участокъ, не дѣлается при этомъ.

Такимъ образомъ, хотя признается земля Божіею, но съ оговоркою, что распорядиться и пользоваться ею можетъ только община, „міръ", а не единичные его члены. Исключеніемъ изъ обычнаго права служатъ земли усадебной осѣдлости и то занятыя строеніями, каковыя ни передѣлу, ни отчужденію не подлежатъ. Но огороды, хотя и входятъ въ составъ усадебной осѣдлости и передѣлу не подлежатъ, но отъ права застройки ихъ сосѣдями не ограждены: каждый членъ общины можетъ занять вашъ лучшій огородъ для необходимой ему постройки, если своей земли по близости у того нѣтъ. Взамѣнъ того строитель отдастъ вамъ изъ своего огорода то количество квадр. саженъ, какое онъ занялъ постройкою.

Что касается купленныхъ, крѣпостныхъ земель, то взгляды крестьянъ на пользованіе ими за послѣднее время нѣсколько измѣнились и погнулись въ сторону личнаго индивидуальнаго землевладѣнія. Но, при сохраненіи прежняго воззрѣнія на землю, что она „ничья", и при введеніи въ жизнь новаго положенія, что она же можетъ быть куплена „въ вѣчное и потомственное владѣніе", взгляды крестьянъ на дѣйствительное и справедливое пользованіе ею такъ разнообразны, что прослѣдить ихъ всѣ и описать въ краткой статьѣ нѣтъ возможности. Въ данномъ случаѣ царитъ полная путаница въ понятіяхъ о томъ, что справедливо и что нѣтъ, очевидно народъ, не отрекаясь отъ стараго воззрѣнія на землевладѣніе и принявъ новое („личная собственность неприкосновенна"), не оріентировался еще въ этомъ и *находится, такъ сказать*, въ хаотическомъ положеніи, на *распутьи двухъ міровъ*.

Представимъ себѣ, что деревня N такого-то общества купила въ личную собственность отъ помѣщика по-занадѣльный участокъ земли и раздѣлила его между собою по количеству, т. е. по суммѣ денегъ, затраченной каждымъ на эту покупку. Здѣсь каждый крестьянинъ будетъ дорожить всякимъ вершкомъ своей полосы и дрожать за каждый самовольно срубленный, хотя бы его сосѣдомъ, сукъ дерева и за каждую охапку сѣна. Въ данномъ случаѣ взгляды крестьянъ на крѣпостную землю будутъ рѣзко противопоставлены ихъ же сложившемуся взгляду на землю надѣльную, общинную, и такимъ образомъ принципъ личной собственности въ деревнѣ N будетъ существовать рядомъ со старымъ взглядомъ, что земля „Божья". Очень естественно, что такая двойственность будетъ вызывать разные конфликты съ господами, что́ и замѣчается нерѣдко.

Деревня же X того же общества и того же бывшаго помѣщика, но владѣвшая при крѣпостномъ правѣ отдѣльнымъ отъ деревни N участкомъ земли, при освобожденіи и послѣ отвода надѣловъ не купила по-занадѣльную землю, которая перешла по купчей какому-нибудь купцу. Здѣсь крестьяне уже всецѣло держатся стараго воззрѣнія на землю, что она „ничья" и при всякой возможности рубятъ лѣсъ самовольно не только ради своей надобности, но и для продажи, и не считаютъ это грѣхомъ, оправдываясь тѣмъ, что не помирать же имъ съ голоду изъ-за того, что толстосумы скупили ихъ землю. Какъ видно, крестьяне твердо держатся того взгляда, что исключительное владѣніе одного лица такимъ количествомъ земли, которое обезпечило бы жизнь цѣлой деревни—владѣніе несправедливое и его рано или поздно, должно правительство уничтожить, и за послѣднее время питаютъ глубокую надежду, что Государственная Дума издастъ такой законъ, что отъ купца земли можно отобрать (за плату на счетъ казны или крестьянъ—кто и какъ мечтаетъ).

Далѣе. Представимъ себѣ, что лишь часть такой-то деревни купила по-занадѣльный участокъ земли, въ этомъ случаѣ некупившіе, хотя съ болью въ сердцѣ, но признаютъ право на владѣніе участкомъ за своими сосѣдями, и хотя не преминутъ при случаѣ срубить деревцо, но все-таки считаютъ это незаконнымъ и противнымъ своей совѣсти. Здѣсь какъ бы руководитъ крестьянами принципъ труда. Не купившіе сознаютъ, что купили землю ихъ сосѣди не для эксплоатаціи ихъ, не для барыша, а для своей надобности, и сами ее обработываютъ, что, въ свою очередь, не является противорѣчіемъ ихъ убѣжденію, что право на владѣніе землею можетъ принадлежать только трудящимся

людямъ. Но какъ согласовать вмѣстѣ съ этимъ то, что на первый взглядъ кажется противорѣчивымъ, напр., въ числѣ купившихъ землю односельчанъ найдется одинъ или два человѣка ремесленники или торговцы, вообще люди не обработывающіе землю трудами своихъ рукъ, а сдающіе ихъ въ аренду другимъ, а между тѣмъ они пользуются равноправіемъ съ трудящимися, что̀ считается и по совѣсти правильнымъ? Мнѣ кажется, главную роль играетъ тутъ въ понятіи крестьянъ видимость, что купившій землю, ихъ сосѣдъ, тоже трудится и не меньше другихъ, но лишь въ другой отрасли, и лишить его права на владѣніе землею нельзя, потому что ремесло можетъ стать невыгоднымъ, а торговля можетъ привести къ банкротству, чѣмъ же имъ жить, не имѣя земли? Земля, въ понятіи крестьянъ, служитъ фондомъ обезпеченія отъ голодной смерти, и не даромъ существуетъ такая пословица, „держись за землю,—трава обманетъ“. Подъ именемъ травы здѣсь понимаются всѣ сторонніе отъ земледѣлія заработки и проч. „наживы“.

Въ какой бы уголокъ Кадниковскаго уѣзда мы ни обратили свой взоръ, всюду замѣчается одно и то же явленіе: тамъ, гдѣ по-занадѣльная земля куплена самими крестьянами, въ деревняхъ этихъ старый взглядъ на земельную собственность отлично уживается съ новымъ воззрѣніемъ личной собственности; гдѣ же она куплена не всѣми домохозяевами, а лишь небольшою группою, тамъ замѣчается и рознь во взглядахъ и, какъ послѣдствія этого, неизбѣжныя ссоры и тяжбы изъ-за порубокъ. Нечего уже говорить о томъ, что гдѣ такая земля скуплена „пришлыми“ людьми, а мѣстные жители принуждены арендовать не только покосы, но даже и лѣсъ на постройку — тутъ понятно, что крестьяне держатся стараго взгляда, по которому земля „ничья“, и производятся массовыя порубки лѣса. Мало того, въ послѣднее время учащаются и самовольные скосы травы во владѣльческихъ дачахъ не только единичными лицами, но и цѣлыми деревнями совокупно. Никакія убѣжденія, что такъ дѣлать незаконно, не помогаютъ, никакія начальства не дѣйствуютъ на крестьянъ, которые твердо стоятъ на томъ, что безъ земли быть нельзя, а на угрозы отвѣчаютъ, что „дальше солнышка не сошлешь“.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю привести здѣсь одинъ характерный фактъ. Крестьяне деревни К. по освобожденіи своемъ изъ крѣпостной зависимости тотчасъ купили у своего помѣщика всю оставшуюся за надѣломъ землю, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ—и что-то за ничтожную цѣну. *Пока живы были* старики-покупщики—деревня эта процвѣтала,

хотя жили въ ней не очень богато, но за то „хлѣбно“, такъ сказать. Имѣя огромное количество купленной земли, крестьяне завели смоло- и дегте-куренные заводики, на которыхъ въ зимнее время выкуривали эти продукты, чѣмъ и заработывали нужныя средства на уплату повинностей и на домашнія надобности, въ лѣтнее же время занимались хозяйствомъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи по 15—20 гол. рогатаго скота на домъ, хозяйствовали отлично, и поля давали хорошій урожай хлѣбовъ. Но вотъ мало по малу старики одинъ по одному убрались въ мѣста праотцевъ, остались въ живыхъ болѣе молодые хозяева. На бѣду молодыхъ обратили вниманіе на Кадниковскіе лѣса Петербургскія и иныя крупныя лѣсопромышленныя фирмы и выстроили на устьѣ р. Кубены лѣсопильные заводы. Началась усиленная скупка лѣсовъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Лѣсу же у крестьянъ деревни К. было много и стали имъ возить скупщики лѣса на домъ деньги—только рубите. Такому случаю К. обрадовались и не только сами начали истреблять лѣса, но даже нанимали со стороны рубщиковъ и наживали отъ этой операціи по 300—500 р. въ зиму на каждый домъ, чего лучше? „Масленица, не жизнь настала для К.“, говорили сосѣди, жители другихъ деревень.

И дѣйствительно „масленица“: самовары у К. не сходили со стола по цѣлымъ суткамъ, а къ чаю, конечно, закуска и водка, сами они все менѣе и менѣе занимались работою, производя ее наймомъ. Но лѣса не такъ быстро растутъ, какъ истребляли ихъ К., и черезъ 12—15 лѣтъ крупныхъ сортовъ у нихъ уже не стало, а мелкіе сорта на лѣсопильни не покупаютъ, крестьяне же между тѣмъ привыкли къ роскоши и пьянству, отъ тяжелой работы отвыкли. Насталъ и для нихъ Великій постъ. Не долго думая, крестьяне эти, чтобы пополнить свой бюджетъ, начали продавать въ собственность сначала лѣсныя полосы, потомъ и сѣнокосныя—и въ настоящее время у большинства изъ нихъ остался лишь одинъ небольшой полевой кругъ, и оказались они одними изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ волости. Изъ всѣхъ 25-ти домохозяевъ остались 5—6 семей, которыя не только сохранили „отцовское добро“, но еще прибавили къ нему немалую толику отъ себя, скупивши у „охочихъ до водочки“ лѣсные и сѣнокосные участки.

Теперь оказывается, что и эти обезземелившіеся по своей нерасчетливости крестьяне ждутъ не дождутся такого закона, когда можно будетъ отобрать проданную ими землю обратно, такъ какъ безъ земли жить нельзя. На вопросъ, какъ это сдѣ-

лать и кто же виноватъ, что они промотали свою землю, они отвѣчаютъ: „конечно, мы виноваты, и съ нами казна (правительство), что хочетъ, то и дѣлай, хоть на каторгу посылай, но дѣти то наши чѣмъ виноваты, а вѣдь имъ придется жить-то?...“

Замѣчательно, что и тѣ лица, которыя скупили у этихъ крестьянъ земельные участки, тоже сознаютъ, что жить имъ безъ этой земли невозможно и стараются теперь какъ можно скорѣе дорубить эти участки, чтобы хоть свои-то деньги выручить, а тамъ „что Богъ дастъ“, говорятъ они.

Вотъ какіе разнообразные взгляды господствуютъ въ настоящее время среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность и какъ урегулировать земельное дѣло — вопросъ весьма сложный, надъ рѣшеніемъ котораго придется поработать много и не спѣша членамъ Государственной Думы и другимъ устроителямъ земли русской.

А. Шустиковъ.

3 декабря 1906 г.

О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.

(Очеркъ изъ жизни крестьянъ южной полѣсской части Слуцкаго уѣзда, Минской губ.).

Еще до послѣдняго времени въ глухихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи повѣрія и предразсудки цѣликомъ охватываютъ всю жизнь простолюдина. Начиная съ утробной жизни и момента рожденія и вплоть до самой смерти бѣлорусса, по его воззрѣніямъ, преслѣдуетъ злая „нечѝстая“ сила, а чтобы ее предотвратить или заставить работать въ пользу человѣка, нужно строго соблюдать выработанныя народной мудростью „прѝмхи“ или „забабòны“, т. е. правила, какъ надлежитъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. „Прѝмхи“—это нѣчто въ родѣ правилъ гигіены съ тою лишь разницею, что гигіена указываетъ разумныя предосторожности для сохраненія здоровья, тогда какъ „прѝмхи“, для достиженія той или иной цѣли, рекомендуютъ такія дѣйствія, которыя тутъ не имѣютъ никакой причинной связи. Такъ, чтобы не хворать весь годъ, надо, когда въ первый разъ услышите громъ, потрясти дубовое дерево. Или такая „прѝмха“: при отправленіи въ путь надо закрыть заслонкой устье печи и къ припечку приставить ухватъ и кочергу,—тогда поѣздка будетъ счастлива. Впрочемъ, нѣкоторыя „прѝмхи“ имѣютъ разумное основаніе. Изъ нихъ можно указать на запрещеніе смѣяться и говорить въ то время, когда пища во рту; запрещеніе пристально смотрѣть на солнце; не чесать руками глазъ; не ласкать и не гладить по головѣ собаки и т. п. Изъ безчисленнаго множества повѣрій и предразсудковъ въ крестьянскомъ быту огромную роль играютъ такъ называемя „зàломки“, „зàвитки“ или „кỳклы“. Зàломки дѣлаются на нивѣ „лихими“ людьми, причемъ, во время завиванія произносится заклинаніе или проклятіе. По народному повѣрію, если не найти такого свѣдущаго колдуна, который снялъ бы проклятіе, то „зàломка“ можетъ принести величайшее несчастье. „Зàломки“ имѣютъ нѣсколько видовъ. Опытный „вѣдзьмàръ“ или „вѣдзьмàкъ“ по внѣшнему виду „зàвитки“ узнаетъ, какое отъ нея можетъ быть несчастье. Обыкновенно „зàломки“ завиваются такъ: собираютъ

зяинъ могъ ее легко замѣтить. „Вѣдзьмакѝ“ дѣлаютъ это съ той цѣлью, чтобы хозяинъ нивы, замѣтивши на своемъ полѣ „зȁломку“, въ возможной скорости за помощью и совѣтомъ обратился къ тому же „вѣдзьмаку̀“, который ее и завилъ. Нѣкоторые „вѣдзьмакѝ“, въ томъ числѣ и упомянутый мною Порца, чтобы имѣть доходъ отъ своего промысла, завиваютъ „зȁломки“ безъ заговоровъ или заклинаній на нивѣ того хозяина, у котораго приключилось какое-нибудь несчастье. А такихъ хозяевъ въ каждой деревнѣ найдется достаточное количество: вѣдь нѣтъ такого хозяйства, въ которомъ не было бы того или иного несчастнаго случая. Не даромъ говорятъ, что „хтó мȁе стȁтакъ, той му̀сиць мацъ и прыпȁдокъ“. Всякое несчастье бѣлоруссъ приписываетъ злой волѣ „лихи́хъ людзѐй“ и говоритъ, что „гэто прырд̀блено“ или „удзѣяно“. Само собою разумѣется, что при всякомъ несчастіи первая забота о томъ, чтобы найти подходящаго „вѣдзьмака̀“, который могъ бы „атраби́ць“, т. е. послать тяготѣющее заклятіе на голову того, кто его произнесъ. И вотъ суевѣрный бѣлоруссъ, при всякомъ несчастіи, идетъ къ „вѣдзьмаку̀“ за совѣтомъ и помощью. Тотъ ломается и, только послѣ усиленной просьбы, наливаетъ изъ бутылки въ стаканъ воды, взятой изъ семи колодцевъ, и пристально смотритъ въ нее, какъ бы желая въ стаканѣ воды увидѣть разгадку несчастья этого человѣка. Долго разсматриваетъ, ворочаетъ стаканъ, качаетъ головой для пущей важности и, наконецъ, объявляетъ, что „вѐльми мудцно у̀дзѣяно“ и что, дескать, въ полѣ завита „зȁломка“. Смотритъ еще въ стаканъ и говоритъ, въ сколькихъ шагахъ отстоитъ „зȁломка“ отъ той или иной дороги или межи. Хозяинъ, конечно, въ указанномъ мѣстѣ находитъ „зȁломку“ и не догадывается, что виновникъ ея—благодѣтель его, „вѣдзьма̀къ“. Иные „вѣдзьмары́“ ведутъ просителя ночью въ лѣсъ, разводятъ тамъ костеръ, произнося соотвѣтственныя заклинанія и смотрятъ то въ огонь, то на звѣзды, стараясь разгадать судьбу этого человѣка. Тотъ или иной пріемъ одурачиванія довѣрчивыхъ простолюдиновъ зависитъ отъ смѣтливости самого „вѣдзьмака̀“. Во всякомъ случаѣ, найдя „зȁломку“ на указанномъ мѣстѣ, несчастный хозяинъ воочію убѣждается въ прозорливости „вѣдзьмака̀“ и вѣритъ каждому его слову. Тутъ онъ уже приглашаетъ „вѣдзьмара̀“ къ себѣ въ домъ и угощаетъ его, чѣмъ только можетъ угостить гостепріимный бѣлоруссъ. На столѣ появляются водка, яичница, колбаса, медъ и т. п. „Вѣдзьма̀ръ“ *не сразу усаживается* за столъ; онъ предварительно глубокомысленно заглядываетъ во всѣ углы „хȁты“ и, какъ говорятъ,

„вынюхо́ўвае“ (вынюхиваетъ) нечистую силу. Свое изслѣдованіе „вѣдзьма̀ръ“ сопровождаетъ соотвѣтственными замѣчаніями и ужимками. Эта сцена производитъ на хозяевъ огромное впечатлѣніе: они съ трепетомъ ожидаютъ, что̀ скажетъ колдунъ. А онъ нерѣдко говоритъ чудовищныя вещи. То онъ находитъ, что подъ избой зарыты кости и что это „зало́жано“, т. е. сдѣлано проклятіе на голову хозяина или хозяйки, а то домашняго скота, а потому совѣтуетъ перенести избу въ другое мѣсто, то рекомендуетъ разрушить печку, до основанія, такъ какъ, молъ, все несчастье оттого, что подъ ней лежитъ тотъ или иной камень, который слѣдуетъ выбросить за околицу; то замѣтитъ, что нѣкоторыя бревна въ избѣ „пакруци́лиса про́ціў со́нца“ [1]) и совѣтуетъ замѣнить ихъ новыми. Однимъ словомъ „вѣдзьма̀ръ“, для устраненія причины несчастья, даетъ такіе совѣты, исполненіе которыхъ сопряжено съ огромными затратами. „Вѣдзьма̀ръ“ понимаетъ, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ указаній, тѣмъ больше шансовъ на то, что эти указанія меньше будутъ исполнены, а, слѣдовательно, при новомъ несчастномъ случаѣ хозяева будутъ винить себя, свою халатность, а не прозорливость „вѣдзьмара̀“.

Никто изъ бѣлоруссовъ, если онъ не „вѣдзьма̀къ“, не осмѣлится трогать „за̀ломку“. Въ поддержаніи этого суевѣрнаго страха, кромѣ колдуновъ, много способствовали мѣстные невѣжественные священники. Многіе изъ нихъ сами занимаются колдовствомъ. Въ церковныхъ библіотекахъ еще сохранились древніе уніятскіе „трѐбники“, въ которыхъ изложены молитвы на всякіе случаи жизни. Имѣя такой требникъ, священникъ, по просьбѣ прихожанина, надѣваетъ эпитрахиль, беретъ крестъ и идетъ въ поле, гдѣ имѣется „за̀витка“. Тутъ онъ читаетъ положенныя молитвы, окропляетъ завитку св. водой и, обвернувъ свою руку эпитрахилью, при помощи креста вырываетъ заломку; потомъ онъ опять читаетъ молитвы и тутъ же сжигаетъ ее. Само собою разумѣется, что такое отношеніе священника къ заломкѣ усиливаетъ народное суевѣріе. Я знавалъ многихъ священниковъ, которые при болѣзни или другихъ несчастіяхъ сами прибѣгали къ помощи колдуновъ.

Во время жатвы вокругъ заломки оставляютъ нетронутымъ клокъ хлѣбныхъ злаковъ аршина 2 въ діаметрѣ. Иногда

[1]) Подъ вліяніемъ видимаго движенія солнца съ востока на западъ стволы деревьевъ скручиваются въ томъ же направленіи, но изрѣдка попадаются и такія деревья, стволы которыхъ скручиваются въ обратномъ направленіи, т. е. противъ солнца.

до поздней осени въ полѣ виднѣются такіе клочки несжатаго хлѣба. Это указываетъ на то обстоятельство, что еще не нашли „мубцнаго вѣдзьмака“, который могъ бы вырвать „завитку“. Но вотъ нашелся знающій „вѣдзьмакъ“; онъ медленной поступью, важно, словно великій жрецъ, шествуетъ въ поле, окруженный цѣлой толпой домочадцевъ хозяина нивы и любопытныхъ сосѣдей. Присутствующіе не смѣютъ подойти близко къ заломкѣ, только „вѣдзьмакъ“ осторожно шагъ за шагомъ приближается къ ней. Но и онъ останавливается въ трехъ шагахъ, произноситъ заклинанія и разные символическіе жесты и очерчиваетъ вокругъ заломки большой кругъ. Заключивъ, такимъ образомъ, нечистую силу въ замкнутый кругъ, вѣдзьмакъ осторожно на четвереينькахъ старается подползти къ самой заломкѣ. Вотъ онъ подвинется впередъ, но тутъ его опять невидимая сила отброситъ назадъ. Долго бьется колдунъ, подползаетъ то съ одной, то съ другой стороны—заломка никакъ не дается. Тутъ колдунъ опять произноситъ заклинанія, иногда раздѣвается до нага и вырываетъ заломку. Тутъ уже ясно, что „вѣдзьмакъ“ побѣдилъ нечистую силу. Но теперь начинается еще второй моментъ: надо „атрабіць“, т. е. надо всѣ бѣды, тяготѣющія на „заломкѣ“, направить на того, кто ее завилъ. Для этого „вѣдзьмакъ“ торжественно приноситъ заломку въ домъ хозяина, кладетъ ее въ новый глиняный горшокъ, наливаетъ въ него воды, взятой изъ семи колодцевъ, и начинаетъ варить, помѣшивая въ горшкѣ осиновыми прутиками. Долго варитъ онъ „заломку“, произнося при этомъ различныя заклинанія, потомъ привязываетъ ее внутри трубы. Отъ такой операціи завившій „заломку“ прежде будетъ „гарэць якъ у вагни, а потымъ схнуць, якъ завитка ў комінѣ“,—говоритъ „вѣдзьмакъ“. Только тогда хозяинъ успокаивается, благодаритъ и угощаетъ благодѣтеля-вѣдзьмака.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ просвѣщенія, распространяющагося при помощи народныхъ училищъ, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи исчезаютъ „завитки“, а если и появляются, то на нихъ меньше обращаютъ вниманіе. Нѣкоторые крестьяне привязываютъ „заломку“ собакѣ къ хвосту, и та вырываетъ ее и уноситъ съ собою въ поле или въ лѣсъ. Другіе обкладываютъ „заломку“ сухою соломою и сжигаютъ ее на мѣстѣ въ полѣ. Даже случается, что молодые грамотные крестьяне тихонько и и тайно, скрывая отъ стариковъ, сами уничтожаютъ замѣченныя въ полѣ „заломки“ или „куклы“.

А. Сержпутовскій.

Изъ русской діалектологіи.

I. Великорусское *корогодъ* „хороводъ“.

Наиболѣе обычно объясненіе этого загадочнаго слова (произносится *караhóдъ, каравóдъ*) изъ русск. *хороводъ*. Выразителемъ этого мнѣнія является, между прочимъ, Миклошичъ, который въ своемъ „Этимологическомъ словарѣ славянскихъ языковъ“ отнесъ наше слово подъ рубрику *chorъ*, сопоставляемое имъ совершенно правильно съ греч. χορός.

Къ сожалѣнію, эта этимологія крайне неправдоподобна уже по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Въ словѣ *хороводъ* ни въ одномъ изъ говоровъ южновеликорусскаго или бѣлорусскаго нарѣчія *х* не могло перейти фонетически въ *к*, а *в* въ *г*.

2) Ни самъ Миклошичъ, ни никто другой не указалъ еще сходнаго по звукамъ и значенію съ *хороводъ* слова, съ которымъ оно могло бы быть сближено народно-этимологическимъ путемъ.

3) Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что ювлр. и блр. *корогодъ*, кромѣ значенія извѣстной пляски, имѣетъ иногда еще значеніе „цѣлаго ряда“, „порядка чего-либо, напр., ряда свай“. Если бы *корогодъ* было искажено изъ *хороводъ*, то совершенно непонятно, какимъ образомъ изъ понятія пляски (да еще заимствованнаго) могло развиться понятіе *ряда вообще*. Напротивъ, въ виду того, что *хороводъ* и *короводъ* обозначаютъ такъ называемую „рядовую пляску“ (нѣм. Reigen, Reihentanz), гораздо естественнѣе полагать, что первоначальнымъ значеніемъ *корогодъ* и *короводъ* былъ именно „рядъ“, изъ котораго развилось впослѣдствіи и значеніе извѣстнаго танца, можетъ быть, не безъ вліянія имени *хоръ*. Намекъ на такое объясненіе находимъ уже у Брандта въ Дополнит. зам. 71.

Итакъ, ни звуковая форма слова *корогодъ*, ни его значеніе не даютъ намъ никакого права объяснять его изъ *хороводъ*. Но это объясненіе не только *невозможно*, но и *не нужно*, такъ какъ въ самомъ русскомъ языкѣ есть образованія, которыя и по звукамъ, и по формамъ, и по значенію гораздо ближе къ *нашему слову*, чѣмъ *хороводъ*.

Сюда я отношу прежде всего малорусск. *черег* „рядъ, очередь“ (напр., въ выраженіи *в свій черег* „въ свою очередь“). Это слово, конечно, нельзя отдѣлять отъ малорусск. *черга* и влр. *черга* того же значенія. Правда, въ наукѣ было высказано мнѣніе (Matzenauer LF VII, 31, Miklosich Etwb. 33), что это слово заимствовано изъ турецкаго (ср. *čarcha*, *čarka* „авангардъ“) или татарскаго (ср. *čerig*, *čerik* „войско“) языка, но уже Зубатый (Archiv für slav. Ph. XVI, 388) указалъ на неправдоподобность этого предположенія, вполнѣ резонно спрашивая: „Wäre *čerga* ein Lehnwort, so würde man wohl doch eine Specialisirung als Mitärtermin warten?“ Къ тому же, пражскій профессоръ констатируетъ, что и въ литовскомъ языкѣ имѣются параллели славянскимъ словамъ въ видѣ *kergti*, *kerglinti* „связывать, соединять“; вокализмъ этихъ глаголовъ вполнѣ совпадаетъ съ вокализмомъ млр. *черегъ* (изъ праcл. **čergъ*, **kergъ*), отъ котораго влр. и млр. *черга* (изъ праcл. **čьrga*) отличается только такъ, какъ низшая ступень отличается отъ средней. Высшая ступень того же корня сохранилась по Зубатому въ лит. *kargiti*, *karginti*. Въ русск. яз. праслав. **korgъ* должно было бы дать **корогъ* (ср. млр. *черегъ*). По аналогіи близкихъ къ этому корню по звукамъ и значенію именъ *череда* и *чередъ* (ср. отношеніе: *чередъ*: *черегъ*=*череда*: *черга*), **корогъ* получило ихъ суффиксъ *-do-*, и въ результатѣ возникла форма *корогодъ* съ первоначальнымъ значеніемъ: „то, чтó связано или соединено въ опредѣленномъ порядкѣ“. Изъ этого значенія одинаково легко могло развиться значеніе и „порядка чего-либо, напр., ряда свай“ и извѣстной хороводной пляски. Послѣднее значеніе сдѣлало *корогодъ* синонимомъ *хоровода*, и неудивительно, что вслѣдствіе этого оба слова могли вступить въ контаминацію между собой, результатомъ которой и явилась третья форма *короводъ* [1]). Предполагать фонетическій переходъ *г* въ *в* въ *короводъ* мы не имѣемъ, такимъ образомъ, никакихъ основапій (ср. наши Сложныя мѣстоименія [2], стр. 5), какъ и выводить его изъ финскихъ словъ, фонетически неблизкихъ и никогда не имѣющихъ значенія „ряда“ (ср. Зеленинъ. Изв. X_2 454).

[1]) Впрочемъ, если бы можно было быть увѣреннымъ, что въ основахъ *черед-* и *черег-* *д* и *г* представляютъ детерминативы одного и того же корня *ker-*, то слово *короводъ* можно было бы объяснить и иначе: оно можетъ представлять также соединеніе основы *коро-* (съ корнемъ на высшей ступени) съ *-водъ*, какъ и, напр. *коно-* въ *коно-водъ*. Слово *хороводъ* было бы въ такомъ случаѣ позднѣйшимъ осмысленіемъ *короводъ*. Это предположеніе до извѣстной степени подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Будде (Отчетъ о поѣздкѣ въ 1902 г., стр. 124), „слово *хороводъ* нигдѣ не понимаютъ: ни въ Нов. у. Тул. губ., ни въ Орл., Мц., Карачев., Брянскомъ уу. Орл. губ.“

II. Русское пѣсенное *„во лузяхъ“*.

Уже съ давнихъ поръ русское пѣсенное *„во лузяхъ“* („Во лузяхъ, во зеленыихъ лузяхъ“) разсматривается въ наукѣ какъ своего рода фонетическій архаизмъ: праславянскій и праруссій мѣстный падежъ множ. ч. *lązěchъ въ русскомъ языкѣ подвергся, какъ и другія имена основы на *-о*, вліянію именъ на *-а* женскаго рода, при чемъ, вслѣдствіе мягкости *г*, новое окончаніе *асhь* стало звучать какъ *-'асhъ*. Въ такомъ видѣ изображаетъ исторію нашего слова, напр., А. И. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ [3], стр. 176.

Однако, ни академикъ Соболевскій, ни другіе изслѣдователи не обратили вниманія на то, что, кромѣ *лугъ*, въ русскихъ говорахъ встрѣчается *въ томъ же значеніи* имя *лузь* (род. пад. *лузи*, ж. р.). Это слово указываютъ, напр., составители „Опыта областного великорусскаго словаря“ въ губерніяхъ Владимірской и Рязанской (въ послѣдней, впрочемъ, оно имѣетъ значеніе *лужи*); въ формѣ именительнаго множеств. ч. *лузи* (род. п. *лузей*) оно употребляется, по показаніямъ того же „Опыта“, также въ Воронежской губерніи въ значеніи „низкаго мѣста, покрытаго лѣсомъ“. Изъ того же, повидимому, источника извлекъ свои данныя для слова *лузь* и Даль въ „Толковомъ словарѣ“, но упустилъ изъ виду *лузь* въ значеніи „замерзшей лужи“ и „обледенѣвшей дороги“, извѣстное въ Псковской и Тверской губерніяхъ и приведенное въ „Дополненіяхъ къ Опыту областного великорусскаго словаря“. Такъ какъ слово *лузь* склоняется какъ имя съ основой на *-i*, то въ мѣстномъ падежѣ множ. ч. современнаго русскаго языка оно должно было получить видъ *лузяхъ*, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эту форму мы и имѣемъ въ пѣсенномъ *во лузяхъ*.

Но если, такимъ образомъ, послѣдняя форма не имѣетъ ничего общаго съ др.-русскимъ мѣстнымъ пад. *лузѣхъ*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она вообще не родственна съ именемъ **lągъ* „лугъ“. Дѣло въ томъ, что въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ хорошо извѣстно чередованіе или, лучше сказать, *параллельное употребленіе* палатальныхъ и веларныхъ детерминативовъ у однихъ и тѣхъ же корней. Такъ, для того, чтобы не ходить далеко за примѣрами, напомнимъ здѣсь срб. и блг. *брго*, *бргьо* при дцсл. *бръзъ*, блг. *бързъ*, срб. *брз*, слв. *brz*, чш. *brzý*, влж. *borzy*, пл. *barzy*, русс. *борзый*; или блг. *измъгвамъ* „вылѣзаю“, срб. изљећи id., чш.

liha, *ližina* „спуски“ при дцсл. лѣзѫ, блг. *лѣзѫ*, слв. *lezem*, чш. *lezu*, влж. *lěžu*, пл. *lezę* и русс. *лѣзу*; или прасл. **bergъ* (дцсл. *брѣгъ*, блг. *брѣгъ*, срб. *бријег*, слв. *brêg*, чш. *břeh*, влж. *brjóh*, пл. *brzeg*, русс. *берегъ*) при нѣм. *berg* „гора“ и др.—инд. *bṛhati* „укрѣпляетъ“, гдѣ *g* и *h* восходятъ къ *g͡h*; или русс. діал. *борозно* „осторожно“ при дцсл. *брѣщти* изъ прасл. **berg-ti*, русс. *берегу* (ср. гот. *bairgan*). И т. д. Весьма возможно, что и *з* въ русс. *лузь* представляетъ детерминативъ, параллельный *g* въ прасл. *lągъ*, что̀ тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ словенскомъ языкѣ слышится слово *lóza* „Niederwald“. Это значеніе вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ „низкаго мѣста, покрытаго лѣсомъ“, которое, какъ мы видѣли выше, имѣетъ русс. *лузи*, и которое по Плетершнику раздѣляетъ и словенское *log*=русс. *лугъ*.

Предлагаемое объясненіе русскаго *лузь* вполнѣ подтверждается и этимологіей прасл. **lągъ* (дцсл. *лѫгъ*, блг. *лъгъ*, срб. *луг*, слв. *log*, чш. *luh*, влж. *łuh*, пл. *ląg*, русс. *лугъ*). Такія русскія слова, какъ *логъ* „долина“ и *ложбина*, *лощина*, а также приводимое ниже лит. *at-lagaî*, даютъ основаніе полагать, что прасл. **lag-* восходитъ къ извѣстному индо-европейскому корню **legh* „лежать“. Ср. Fick I[4] 536, Brugmann, Grudriss I[2] § 141, 156, 475, Prellwitz Etym. Wörterbuch d. griech. Spr.[2] 266—267, Walde Lat. Etym. Wörterb. 330, Zupitza Germ. Gutt. 178—179. И въ высшей степени интересно, что индоевропейскіе рефлексы этого корня имѣютъ конечной согласной не только *gh*, какъ лт. *at-lagaî* „lange brach gelegener Acker“, гот. *ligan*, но и *g͡h*, какъ прусс. *lasinna* „legte“, *listis* „военный лагерь“, *lasto* „постель“, гр. λέχος „ложе“ и др. Слѣдовательно, чередованіе *g* и *z* въ нашемъ корнѣ въ славянскихъ языкахъ вполнѣ отражаетъ подобное чередованіе звуковъ *gh* и *g͡h* *въ томъ же корнѣ* въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ.

Г. Ильинскій.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ *).

2. Начала пастурели.

При болѣе внимательномъ знакомствѣ съ тѣми частями сборника Bartsch'a [1]), которыя содержатъ въ себѣ пастурели (II, III), всякаго поразитъ пестрота мотивовъ, пѣсенныхъ темъ, объединяемыхъ упомянутымъ терминомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ рисуются настолько общія ситуаціи, что мы a priori вправѣ ожидать ихъ и помимо пастушеской обстановки. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ книги среди пьесъ, охарактеризованныхъ Gröber'омъ какъ sons d'amour (chansons à personnages), мы встрѣтимъ нѣсколько пѣсенъ, изображающихъ пререкательства и препирательства между мужемъ и женой—malmariée (I: 35, 42, 45), которыя можно сблизить съ пастурелью II 27, аналогичной по существу. Подобныя же сопоставленія возможны иногда и въ болѣе широкой перспективѣ. Въ II 24 и II 26 поэтъ сообщаетъ намъ подслушанный имъ діалогъ двухъ дѣвушекъ-пастушекъ, діалогъ, навѣянный весеннимъ настроеніемъ, яркой картиной обновленія природы послѣ скучной зимы. Одна изъ совопросницъ, болѣе рѣшительная и смѣлая, идетъ сама навстрѣчу любви:

(II 24, v. 11) Par deu, belle conpaignete,
voi le tans renoveler
et espanir la rosete,
ke nos semont de juer.
deus, com or seriens garies
se chacune avait son per.

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

[1]) Altfranzösische Romanzen und Pasturellen, Lz. 1870.

въ пучекъ растущіе въ полѣ стебли ржи, пшеницы или другихъ хлѣбныхъ злаковъ, перевязываютъ этотъ пучекъ волосами, ниточкой или красной ленточкой и стебли ломаютъ въ ту или другую сторону, а иногда сплетаютъ колосья въ видѣ вѣнка. Когда „за̀ломка“ связана волосами, то „вѣдьмары́“ полагаютъ, что заклинаніе касается жизни людей или скота. Сломанные или скрученные стебли хлѣбныхъ злаковъ точно также указываютъ на проклятіе, направленное противъ здоровья или жизни. „За̀ломки“ завиваютъ въ концѣ мая или началѣ іюня, когда рожь отцвѣтаетъ. Завиваютъ ночью предъ разсвѣтомъ тѣ лихіе люди, которые „зна̀ются“ съ „нечи̇̀стою“ силою. Они раздѣваются до нага и пробираются тихохонько и не оглядываясь въ поле; тамъ ихъ встрѣчаетъ всякая „нѐчись“ (нечистая сила), но не трогаетъ и не пугаетъ своихъ друзей. Въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одинъ извѣстный въ цѣлой округѣ крестьянинъ Иванъ Санюкъ, по прозванію Порца, при завиваніи „за̀ломакъ“ произноситъ слѣдующіе заговоры или заклинанія.

Заговоръ или заклинаніе на голову хозяина нивы:

Зъ сухо̀го бо̀ру нѐтры, гущэ́чы;
Зъ ба̀гны, тхла̀ни, бало̀та;
41 Зъ цѐмнаго алса̀, зъ лысыхъ гудръ;
Зъ раки̇̀, зъ ви̇̀ру глубо̀каго;
Зъ о̀зера, зъ плёса широ̀каго;
Зъ ви̇̀хру, зъ вѣ̀тру вуо̀лнаго—
Атусю̀ль збира̀йса си̇̀ла лиха̀я, нечи̇̀стая, сатры̀, злами̇̀ (имя) косци жо̀ўтые, разли̇̀ кроў гара̀чую, зсуши̇̀ его̀ цѣ̀ло; якъ засхнуць и запятраюць гэ̀тые ка̀лива, кабъ ёнъ такъ засо̀хъ и запятраў (три раза).

Лихи̇̀, ку̀цы, безхво̀сты и вы ўсѣ̀ каха̀ты прыступѐце й мнѣ̀ памажэ́це майго̀ во̀рага злама̀ць, зкруци̇̀ць, зцѐрци, кабъ ёнъ со̀нейка я̀снаго не ба̀чыў, гро̀му не чуў, сцѐжки не тапта̀ў, сма̀ку не маў. Якъ каласки̇̀ схнуць, кабъ ёнъ такъ зсохъ прапа̀ў и загі̇̀нуў (три раза).

Заговоръ на домашній скотъ.

Тру, мну, даръ Божы завива̀ю на (имя) ста̀такъ— худо̀бу. Какъ его худо̀ба
Рага̀тая, си̇̀вая, страка̀тая,
Бѣлано́гая, безхво́стая, безро́гая,
Чо́рная, ры́жая, падла̀сая,

Перѐстая, лы́сая, бѣлапаясая сцѐрласа, змяласа, какъ се й нащàтакъ звёуса (три раза).

Усѣ лихіе прыступѐце й на (имя) худобу нашлѐце ваўкоў—ваўкалакоў, медзвѣдзя, рыся, расамàху, кабъ его гаўя́до домоў не цягло́, прыбы́тку не мàло, спо́ру не знàло. Усѣ лихіе прыступѐце й на его худо́бу нашлѐце ўселякую хваробу, кабъ его пу̀шыло, ко́рчыло, круцйло, якъ скру̀чана гэ́стая зàвитка (три раза).

Заговоръ или заклинаніе того, кто тронетъ „зàвитку".

Беру̀ чы́стые каласки́, ў кубску заплетàю. Якъ кàліўца пагну̀лиса-паламàлиса, кабъ такъ таго́ нѐмачь сагнула, зламàла ру̀ки й нòги, хто гэ́стую зàвитку зачэ́пиць. Якъ каласки́ схну̀ць-пятраюць, кабъ такъ ёнъ зсохъ-зпя́траў. Якъ земля́ й нѐбо не минàютца, кабъ такъ маѐ сло́во не мину̀ласо (три раза).

Иванъ Порца знаетъ еще много другихъ заговоровъ на всякіе случаи жизни, но записать ихъ мнѣ не удалось, такъ какъ во время моего пребыванія въ д. Чудинѣ Ивана Порцу увезли въ сосѣдній Мозырскій уѣздъ для лѣченія больныхъ.

Когда такимъ образомъ „зàломка" завита, колдунъ не оглядываясь возвращается домой. При этомъ онъ старается пробраться домой ни кѣмъ не замѣченнымъ. Бывали случаи, что „вѣдзьмàръ" или „вѣдзьма", возвращаясь съ поля нагими, попадались на глаза своимъ односельчанамъ. Тогда народъ, при наступленіи какого-нибудь общественнаго бѣдствія, жестоко расправлялся съ такими „вѣдзьмарàми" или „вѣдзьмами". Много существуетъ разсказовъ, что ихъ убивали и трупы протыкали осиновымъ коломъ. Вообще, осиновое дерево, по повѣрію бѣлоруссовъ, обладаетъ огромной силой, служащей противодѣйствіемъ нечистой силѣ. Если въ ночь на Купало, т. е. съ 23 на 24 іюня, въ горшкѣ варить осиновые прутики, то „вѣдзьмары́" и „вѣдзьмы", которые причинили вредъ, придутъ просить о прекращеніи этой операціи, такъ какъ она причиняетъ имъ страшныя муки. Настойка осиновой коры употребляется, какъ лѣкарство, при перемежающей лихорадкѣ. Существуетъ повѣрье, что такъ какъ на осинѣ повѣсился Іуда, который чрезъ продажу Христа на смерть причинилъ чертямъ и вообще нечистой силѣ весьма много непріятностей, то „нѐчись" отступила отъ осины и боится ея, какъ креста.

„Зàломки" завиваютъ на краю нивы, возлѣ межи, дороги *или „сцѐжки" (тропы)* и вообще въ такомъ мѣстѣ, чтобы хо-

зяинъ могъ ее легко замѣтить. „Вѣдзьмаки“ дѣлаютъ это съ той цѣлью, чтобы хозяинъ нивы, замѣтивши на своемъ полѣ „за̀ломку“, въ возможной скорости за помощью и совѣтомъ обратился къ тому же „вѣдзьмаку̀“, который ее и завилъ. Нѣкоторые „вѣдзьмаки“, въ томъ числѣ и упомянутый мною Порца, чтобы имѣть доходъ отъ своего промысла, завиваютъ „за̀ломки“ безъ заговоровъ или заклинаній на нивѣ того хозяина, у котораго приключилось какое-нибудь несчастье. А такихъ хозяевъ въ каждой деревнѣ найдется достаточное количество: вѣдь нѣтъ такого хозяйства, въ которомъ не было бы того или иного несчастнаго случая. Не даромъ говорятъ, что „хто́ ма̀е ста̀такъ, той му̀сиць мацъ и прыпа̀докъ“. Всякое несчастье бѣлоруссъ приписываетъ злой волѣ „лихи́хъ людзѐй“ и говоритъ, что „гэ́то прырŏблено“ или „удзѐяно“. Само собою разумѣется, что при всякомъ несчастіи первая забота о томъ, чтобы найти подходящаго „вѣдзьмака̀“, который могъ бы „атраби́цъ“, т. е. послать тяготѣющее заклятіе на голову того, кто его произнесъ. И вотъ суевѣрный бѣлоруссъ, при всякомъ несчастіи, идетъ къ „вѣдзьмаку̀“ за совѣтомъ и помощью. Тотъ ломается и, только послѣ усиленной просьбы, наливаетъ изъ бутылки въ стаканъ воды, взятой изъ семи колодцевъ, и пристально смотритъ въ нее, какъ бы желая въ стаканѣ воды увидѣть разгадку несчастья этого человѣка. Долго разсматриваетъ, ворочаетъ стаканъ, качаетъ головой для пущей важности и, наконецъ, объявляетъ, что „вѐльми мўцно ўдзѣяно“ и что, дескать, въ полѣ завита „за̀ломка“. Смотритъ еще въ стаканъ и говоритъ, въ сколькихъ шагахъ отстоитъ „за̀ломка“ отъ той или иной дороги или межи. Хозяинъ, конечно, въ указанномъ мѣстѣ находитъ „за̀ломку“ и не догадывается, что виновникъ ея—благодѣтель его, „вѣдзьма̀къ“. Иные „вѣдзьмары́“ ведутъ просителя ночью въ лѣсъ, разводятъ тамъ костеръ, произнося соотвѣтственныя заклинанія и смотрятъ то въ огонь, то на звѣзды, стараясь разгадать судьбу этого человѣка. Тотъ или иной пріемъ одурачиванія довѣрчивыхъ простолюдиновъ зависитъ отъ смѣтливости самого „вѣдзьмака̀“. Во всякомъ случаѣ, найдя „за̀ломку“ на указанномъ мѣстѣ, несчастный хозяинъ воочію убѣждается въ прозорливости „вѣдзьмака̀“ и вѣритъ каждому его слову. Тутъ онъ уже приглашаетъ „вѣдзьмара̀“ къ себѣ въ домъ и угощаетъ его, чѣмъ только можетъ угостить гостепріимный бѣлоруссъ. На столѣ *появляются* водка, яичница, колбаса, медъ и т. п. „Вѣдзьма̀ръ“ *не сразу усаживается* за столъ; онъ предварительно глубоко*мысленно заглядываетъ* во всѣ углы „ха̀ты“ и, какъ говорятъ,

„вынюхбувае“ (вынюхиваетъ) нечистую силу. Свое изслѣдованіе „вѣдзьмàръ“ сопровождаетъ соотвѣтственными замѣчаніями и ужимками. Эта сцена производитъ на хозяевъ огромное впечатлѣніе: они съ трепетомъ ожидаютъ, чтò скажетъ колдунъ. А онъ нерѣдко говоритъ чудовищныя вещи. То онъ находитъ, что подъ избой зарыты кости и что это „залбжано“, т. е. сдѣлано проклятіе на голову хозяина или хозяйки, а то домашняго скота, а потому совѣтуетъ перенести избу въ другое мѣсто, то рекомендуетъ разрушить печку, до основанія, такъ какъ, молъ, все несчастье оттого, что подъ ней лежитъ тотъ или иной камень, который слѣдуетъ выбросить за околицу; то замѣтитъ, что нѣкоторыя бревна въ избѣ „пакруцúлиса прбціу сбнца“ [1]) и совѣтуетъ замѣнить ихъ новыми. Однимъ словомъ „вѣдзьмàръ“, для устраненія причины несчастья, даетъ такіе совѣты, исполненіе которыхъ сопряжено съ огромными затратами. „Вѣдзьмàръ“ понимаетъ, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ указаній, тѣмъ больше шансовъ на то, что эти указанія меньше будутъ исполнены, а, слѣдовательно, при новомъ несчастномъ случаѣ хозяева будутъ винить себя, свою халатность, а не прозорливость „вѣдзьмарà“.

Никто изъ бѣлоруссовъ, если онъ не „вѣдзьмàкъ“, не осмѣлится трогать „зàломку“. Въ поддержаніи этого суевѣрнаго страха, кромѣ колдуновъ, много способствовали мѣстные невѣжественные священники. Многіе изъ нихъ сами занимаются колдовствомъ. Въ церковныхъ библіотекахъ еще сохранились древніе уніатскіе „трèбники“, въ которыхъ изложены молитвы на всякіе случаи жизни. Имѣя такой требникъ, священникъ, по просьбѣ прихожанина, надѣваетъ эпитрахиль, беретъ крестъ и идетъ въ поле, гдѣ имѣется „зàвитка“. Тутъ онъ читаетъ положенныя молитвы, окропляетъ завитку св. водой и, обвернувъ свою руку эпитрахилью, при помощи креста вырываетъ заломку; потомъ онъ опять читаетъ молитвы и тутъ же сжигаетъ ее. Само собою разумѣется, что такое отношеніе священника къ заломкѣ усиливаетъ народное суевѣріе. Я знавалъ многихъ священниковъ, которые при болѣзни или другихъ несчастіяхъ сами прибѣгали къ помощи колдуновъ.

Во время жатвы вокругъ заломки оставляютъ нетронутымъ клокъ хлѣбныхъ злаковъ аршина 2 въ діаметрѣ. Иногда

[1]) Подъ вліяніемъ видимаго движенія солнца съ востока на западъ стволы деревьевъ скручиваются въ томъ же направленіи, но изрѣдка попадаются и такія деревья, стволы которыхъ скручиваются въ обратномъ *направленіи, т. е. противъ* солнца.

до поздней осени въ полѣ виднѣются такіе клочки несжатаго хлѣба. Это указываетъ на то обстоятельство, что еще не нашли „мубцнаго вѣдзьмака“, который могъ бы вырвать „завитку“. Но вотъ нашелся знающій „вѣдзьмакъ“; онъ медленной поступью, важно, словно великій жрецъ, шествуетъ въ поле, окруженный цѣлой толпой домочадцевъ хозяина нивы и любопытныхъ сосѣдей. Присутствующіе не смѣютъ подойти близко къ заломкѣ, только „вѣдзьмакъ“ осторожно шагъ за шагомъ приближается къ ней. Но и онъ останавливается въ трехъ шагахъ, произноситъ заклинанія и разные символическіе жесты и очерчиваетъ вокругъ заломки большой кругъ. Заключивъ, такимъ образомъ, нечистую силу въ замкнутый кругъ, вѣдзьмакъ осторожно на четвереанькахъ старается подползти къ самой заломкѣ. Вотъ онъ подвинется впередъ, но тутъ его опять невидимая сила отброситъ назадъ. Долго бьется колдунъ, подползаетъ то съ одной, то съ другой стороны—заломка никакъ не дается. Тутъ колдунъ опять произноситъ заклинанія, иногда раздѣвается до нага и вырываетъ заломку. Тутъ уже ясно, что „вѣдзьмакъ“ побѣдилъ нечистую силу. Но теперь начинается еще второй моментъ: надо „атрабіць“, т. е. надо всѣ бѣды, тяготѣющія на „заломкѣ“, направить на того, кто ее завилъ. Для этого „вѣдзьмакъ“ торжественно приноситъ заломку въ домъ хозяина, кладетъ ее въ новый глиняный горшокъ, наливаетъ въ него воды, взятой изъ семи колодцевъ, и начинаетъ варить, помѣшивая въ горшкѣ осиновыми прутиками. Долго варитъ онъ „заломку“, произнося при этомъ различныя заклинанія, потомъ привязываетъ ее внутри трубы. Отъ такой операціи завившій „заломку“ прежде будетъ „гарэць якъ у вагни, а потымъ схнуць, якъ завитка ў коминѣ“,—говоритъ „вѣдзьмакъ“. Только тогда хозяинъ успокаивается, благодаритъ и угощаетъ благодѣтеля-вѣдзьмака.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ просвѣщенія, распространяющагося при помощи народныхъ училищъ, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи исчезаютъ „завитки“, а если и появляются, то на нихъ меньше обращаютъ вниманіе. Нѣкоторые крестьяне привязываютъ „заломку“ собакѣ къ хвосту, и та вырываетъ ее и уноситъ съ собою въ поле или въ лѣсъ. Другіе обкладываютъ „заломку“ сухою соломою и сжигаютъ ее на мѣстѣ въ полѣ. Даже случается, что молодые грамотные крестьяне тихонько и и тайно, скрывая отъ стариковъ, сами уничтожаютъ замѣченныя въ полѣ „заломки“ или „куклы“.

А. Сержпутовскій.

Изъ русской діалектологіи.

I. Великорусское *корогодъ* „хороводъ".

Наиболѣе обычно объясненіе этого загадочнаго слова (произносится *караħóдъ, каравóдъ*) изъ русск. *хороводъ*. Выразителемъ этого мнѣнія является, между прочимъ, Миклошичъ, который въ своемъ „Этимологическомъ словарѣ славянскихъ языковъ" отнесъ наше слово подъ рубрику *chorъ*, сопоставляемое имъ совершенно правильно съ греч. χορός.

Къ сожалѣнію, эта этимологія крайне неправдоподобна уже по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Въ словѣ *хороводъ* ни въ одномъ изъ говоровъ южновеликорусскаго или бѣлорусскаго нарѣчія *х* не могло перейти фонетически въ *к*, а *в* въ *г*.

2) Ни самъ Миклошичъ, ни никто другой не указалъ еще сходнаго по звукамъ и значенію съ *хороводъ* слова, съ которымъ оно могло бы быть сближено народно-этимологическимъ путемъ.

3) Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что ювлр. и блр. *корогодъ*, кромѣ значенія извѣстной пляски, имѣетъ иногда еще значеніе „цѣлаго ряда", „порядка чего-либо, напр., ряда свай". Если бы *корогодъ* было искажено изъ *хороводъ*, то совершенно непонятно, какимъ образомъ изъ понятія пляски (да еще заимствованнаго) могло развиться понятіе *ряда вообще*. Напротивъ, въ виду того, что *хороводъ* и *короводъ* обозначаютъ такъ называемую „рядовую пляску" (нѣм. Reigen, Reihentanz), гораздо естественнѣе полагать, что первоначальнымъ значеніемъ *корогодъ* и *короводъ* былъ именно „рядъ", изъ котораго развилось впослѣдствіи и значеніе извѣстнаго танца, можетъ быть, не безъ вліянія имени *хоръ*. Намекъ на такое объясненіе находимъ уже у Брандта въ Дополнит. зам. 71.

Итакъ, ни звуковая форма слова *корогодъ*, ни его значеніе не даютъ намъ никакого права объяснять его изъ *хороводъ*. Но это объясненіе не только *невозможно*, но и *не нужно*, такъ какъ въ самомъ русскомъ языкѣ есть образованія, которыя и по звукамъ, и по формамъ, и по значенію гораздо ближе къ *нашему слову*, чѣмъ *хороводъ*.

свидѣтеля, разсказывающаго потомъ о томъ, что ему пришлось видѣть и слышать.

[Промежуточную ступень занимаютъ пастурели-débats рыцаря съ пастухомъ.

Во II 57 поэтъ выслушиваетъ жалобу пастуха; въ II 55 онъ самъ жалуется пастуху на любовь: онъ завидуетъ ему, который никогда не служилъ любви и, тѣмъ не менѣе, счастливъ безконечно. Пастухъ возражаетъ поэту:

v. 8 He, sire, queil vilonie ne por coi
m'aveis dit par pelonie? car je croi
k'ainz ne seustes de moi ne ecu ne coi,
coment j'aie amours servie.
non por cant ne m'an vant mie,
mais en chantant m'esbanoi...

Такъ въ III 33 поэту приходится выслушать урокъ Robin'a.

Въ III 2, какъ въ провансальской пьесѣ Cadenet, пастухъ жалуется рыцарю на „les mesdisans felons“, которые мѣшаютъ его дѣлу, нарушаютъ его тайну, всюду разсказывая о томъ, кого онъ любитъ. Страданія, переживаемыя имъ не ослабляютъ и никогда не будутъ въ состояніи ослабить въ немъ его любовь къ Marion (III 2). Аналогичные вопросы подняты въ II 115—коротенькомъ résumé такого пасторальнаго дебата и въ II. 66, изображающей намъ діалогъ рыцаря съ Jehanne и Alaine; но пѣсня эта въ сущности не пастурель и должна быть отнесена скорѣе къ отдѣлу sons или chansons à personnages.]

Онъ рисуетъ намъ небольшія сценки изъ пастушеской жизни, перенося насъ въ предѣлы самой простонародной среды, конечно пріукрашенной и пріодѣтой въ такой мѣрѣ, чтобы вилланъ могъ войти въ покои рыцарскаго замка, не шокируя присутствующихъ и не оставляя послѣ себя слѣдовъ грязи. Моменты любви или праздничнаго гулянья лучше всего поддавались обработкѣ такого рода. Группа этихъ пастурелей стоитъ особо; на югѣ, у провансальцевъ, мы ихъ не встрѣчаемъ: онѣ были слишкомъ мало салонны, слишкомъ некуртуазны; на югѣ поэты не шли дальше діалоговъ вродѣ приведенной выше пастурели Cadenet'a, пасторализованнаго сирвентеса Marcabrun'a (M. Ged. II, p. 211). Пьесы-сценки—созданіе сѣверно-французскихъ пѣвцовъ; они характерны именно для развитія французскаго лиризма.

Цѣлый рядъ ихъ построенъ на мотивѣ ревности или со-

перничанья. Обычное вступленіе: trovai, chevalchai вводитъ насъ прямо in medias res:

(II 27, v. 1) En une praelle
trovai l'autrier
une pastourelle
les son bergier.

Пастухъ, ея мужъ, какъ видно изъ ст. 12. Онъ хочетъ поцѣловать пастушку, но она не дается; она не можетъ скрыть, что любитъ другого:

v. 18 sire bergier... (cт. v. 52, 65)
an pur sa gonelle
eusse plus chier
celui ki frestelle
an cel vergier...
ke de vos la signorie
d'Augou ne de Normandie.
honis soit maris ki dure plus d'un mois.

Отсюда ссора, завершающаяся побоями со стороны мужа.

v. 73 il la vait ferir
si k'il la fist cheir

Жена упрекаетъ его, доказывая ему, что онъ не имѣетъ никакого права бить ее, такъ какъ

v. 78 vos ne m'aves pas norrie.

„Да“, отвѣчаетъ ей оскорбленный мужъ, „но ты нарушила свое обѣщаніе по отношенію ко мнѣ“. Вѣроятно, ссора затянулась бы надолго, если бы изъ кустовъ не показался Garnier:

v. 85 si vint au bergier...
de son frestel les l'oie
li a done tel rongnie
k'il le fist verser...
par main la bele a prise,
ceste chanson va notant... *)

Jehan Erars (III 16) рисуетъ намъ иную сцену. Передъ

*) Аналогичное положеніе, но съ перемѣщеніемъ ролей намѣчено въ короткой II 114.

нами не мужъ и жена, а пастухъ и его подруга; Mariete, которую онъ такъ любилъ, больше не вѣрна ему:

v. 12 or me fausse et ment
malement
que si estable cuidoie.

Въ его присутствіи она цѣловала другого. Горькія слова друга, однако, не произвели, повидимому, ожидаемаго дѣйствія. Mariete упорно молчитъ и пастуху не остается ничего другого, какъ уйти отъ нея, послѣ чего, прибавляетъ поэтъ,

v. 32 n'i ot de mesdit
plus, que bien l'oi
ses amis
qui l'atent en sa logete.

Тотъ же мотивъ ревности, прикрытый упрекомъ въ непостоянствѣ, сквозитъ отчасти въ заключительныхъ стихахъ III 37, II 47. Въ III 46 онъ опредѣляетъ драматическое содержаніе всей сценки, разыгрывающейся передъ нами. Robin, тоскующій о своей милой Marot, слишкомъ легкомысленно раскрываетъ свои объятія первой же дѣвушкѣ, которая явилась къ нему въ роли утѣшительницы. Появленіе Marot отрезвляетъ Robin'a. Онъ готовъ молить о прощеніи, но напрасно: Marot отвергаетъ своего поклонника; онъ бросается къ той, которая сама пошла ему навстрѣчу, но въ отвѣтъ получаетъ только отповѣдь негодованія. Между двухъ огней попадаетъ и Perrin въ II 53: его любятъ Marot и Jaiquete; но здѣсь не Perrin виновникъ своего положенія: онъ лицо пассивное. Поэту приходится рѣшать вопросъ, кому изъ двухъ дѣвушекъ долженъ принадлежать пастухъ. Въ III 24 Marion сама выбираетъ между Guios и Robins.

Особенно интересны пьесы, рисующія игры и забавы пастуховъ; это настоящія французскія идилліи, полныя жизни и движенія, порой, можетъ быть, нѣсколько грубоватыя, но не лишенныя своеобразной прелести жанровыхъ картинъ старыхъ фламандцевъ. Авторъ III 44 выводитъ на сцену Robinet и Marguerон; молодые, красивые, они любятъ другъ друга. Постоянный припѣвъ пѣсни, рисующій возбужденное состояніе Robin'a, заранѣе подготовляетъ финалъ:

v. 15 Robinet chante et frestele
et trepe et crie et sautele,
Margot en chantant apele.

v. 26 petit avoient d'aigniaus,
et grande ere la praele.

Безпокоиться не о чемъ, и у нихъ начинается веселье, заставляющее забыться обоихъ.

v. 52 Tant menerent lor degras...
qu'il chairent bras a bras
entre ens deus seur la feuchiere...
cil est bien enamoras, заключаетъ поэтъ,
qui d'amors a joie entiere,
cil a amors droituriere.

Во всѣхъ остальныхъ пьесахъ этого типа дѣйствующихъ лицъ значительно больше, отчего картина пріобрѣтаетъ еще болѣе живой, подвижной характеръ. Группа пастуховъ и пастушекъ собралась подлѣ ключа; съ ними и Guis, обычный участникъ пастушескихъ забавъ, музыкантъ, безъ котораго не обходится ни одна изъ ихъ затѣй (ср. III 30, III 22, II 77, III 21). Foukes, Drieus и Perronele мечтаютъ о томъ, какъ они устроятъ вскорѣ праздникъ, „ains que past li sains Remis". Отъ будущаго къ настоящему. Перспектива веселья настраиваетъ ихъ по праздничному заранѣе; раздаются приглашенія къ пляскѣ и

v. 34 sur l'erbe fresce et nouvele
a caroler se sont pris. (III 27)

Въ II 30 группа пастуховъ собралась „sous une espinette": все готово къ веселью; нужно только начать, и вотъ одинъ изъ пастуховъ, вооружившись muze au grant challemel, выступаетъ впередъ:

v. 8 por comencier le rivel
contrefist la guete.

Примѣръ вызываетъ соревнованіе. Трое остальныхъ его товарищей поочередно отвѣчаютъ ему пѣсней, продѣлываютъ ronbardel и соединяются, наконецъ, всѣ вмѣстѣ со своими подругами въ общемъ vireli.—Не всегда веселье кончается такъ мирно. Поэтъ вноситъ иногда въ свои идиллическія сценки мотивъ любви, и тогда ревность опредѣляетъ часто характеръ развязки. Perrin негодуетъ на Rogier, который приволокнулся за его подругой, и предупреждаетъ его, что онъ

ему этого не забудетъ. Разсерженный Rogier бросается на товарища: dou poing lez l'oie le fiert. Остальные пастухи вступаются, кто за Rogier, кто за Perrin, и начинается общая потасовка:

v. 49 chascuns por son ami aidier
guerpirent tuit le doranlot.

Тѣ же главныя дѣйствующія лица и тѣ же мотивы въ III 21, но отношенія соперниковъ освѣщены болѣе ярко. Во время обсужденія предстоящаго праздника Rogiers говоритъ о своемъ желаніи подарить Sarre'ѣ кожаный поясокъ. Perrin измѣняется въ лицѣ:

v. 32 Rogier, bien l'i poes laissier,
Sarre est bien assenee.
je croi k'iert espousee
entre chi et le quarremel.

Когда поэтъ, слышавшій случайно этотъ разговоръ, возвращается обратно, онъ застаетъ пастуховъ въ самомъ разгарѣ веселья. Въ моментъ, когда Perrin, забывъ о своемъ разговорѣ съ Rogier, носится въ вихрѣ танца, Rogier, раздосадованный успѣхомъ товарища, бросается на него съ мечомъ. Картина мгновенно мѣняется:

v. 61 Quant je vi Perrin manier, заканчиваетъ свой разсказъ поэтъ,
un peiit me sui trais arrier,
s'esgardai la mellee.
mainte coife tiree
i ot et done maint chembel.

Въ общей свалкѣ пострадала и ни въ чемъ неповинная волынка Guis:

v. 71 ... de cop de cotel
fu sa muse perchie.

Въ другой пастурели поэтъ разсказываетъ намъ о своей встрѣчѣ съ Robin'омъ, жалующимся ему на Marot, которая наговорила о немъ, будто онъ поцѣловалъ ее въ лѣсу. Его ждетъ месть товарищей. Рыцарь обѣщаетъ пастуху свое со*дѣйствіе:* la pais ferai et d'eus et de toi, и уѣзжаетъ. По до-

рогѣ онъ встрѣчаетъ Guis, произносящаго угрозы по адресу Robin'a:

v. 49 s'ai choisi Guion
et son parente,
k'estoient arme
de lor wanbizons:
haches et bastons
portoient tuit troi.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась исторія, такъ какъ на этомъ разсказъ обрывается (III 36).

Рыцарь далеко не всегда ограничивается ролью пассивнаго наблюдателя. Общее веселье заражаетъ и его; и онъ подходитъ къ пляшущимъ и подхватываетъ незамѣтно какую-нибудь изъ красавицъ (II 58).

[v. 40 delez une blondete
me tieng, o la musete
m'en vois tot notant avec ciaus...]

Пастухи по обыкновенію кончаютъ плясъ ссорой; наступаетъ общее замѣшательство, которымъ пользуется рыцарь, чтобы увести свою блондинку въ ближайшій лѣсъ.

[(ibd., v. 69) vers moi ne se fist brete,
notant sans la musete,
et fist mes bons et toz mes biens.]

Иногда, впрочемъ, подобныя приключенія обходятся рыцарю не такъ дешево, и ему приходится испытать на своей спинѣ силу ударовъ расходившихся пастуховъ. Хорошо еще, если онъ успѣваетъ ускользнуть заблаговременно; ничтожное промедленіе влечетъ за собой иногда самыя непріятныя послѣдствія.

[(II 22, v. 66) Lors me sui mis a la voie,
et chascuns d'els me convoie
de baston ou de chaillel.
lor chiens Tancre et Mansel
m'ont hue senz dorenlot.]

Въ чертѣ „объективной“ пастурели мы встрѣчаемъ и пьесы, изображающія традиціонныя, очевидно, празднества

французскаго крестьянства. Въ III 29 Guillaume le Viniers разсказываетъ намъ о томъ, какъ онъ однажды, le premier jor de mai, встрѣтилъ двухъ дѣвушекъ, которыя несли множество цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтвей.

[v. 6 flors et glai
et mai portent a foison
et chantent un novel son
d'un dous lai...]

Съ противуположной стороны къ нимъ подходила цѣлая толпа молодежи:

v. 28 flahutant
de foille et de mai chargie.

Передъ нами, очевидно, картина майскаго праздника, какъ его справляли „entre Arras et Douai". Въ другой пастурели тотъ же поэтъ переноситъ насъ въ обстановку осени (III 30):

v. 1 Quant les moissons sont faillies

На большомъ лугу, подъ широкими навѣсами, сооруженными нарочно для этой цѣли и украшенными зеленью, собираются крестьяне изъ окрестныхъ деревень, чтобы отпраздновать окончаніе жнитва. Пререканія между пастухами изъ-за своихъ подругъ переносятъ насъ въ кругъ знакомыхъ намъ уже обычныхъ ссоръ и препирательствъ. Но въ эту самую минуту догадливый Guion берется за свою волынку:

v. 58 quant Guios ot les folies,
lors conmenca melodies,
notes et espringueries,
si que lor melanconies
tost lor rapaia.

Не менѣе любопытны пастурели, рисующія традиціонныя забавы или игры, вродѣ игры въ короля, или различныя формы пляски, сопровождавшейся, по всей вѣроятности, мимирующимъ дѣйствомъ:

(II 41) Gautier fait le muel
et Jaket le pelerin,
et Gui le roubardel
et Baudouin fait l'anfle.

[Сюда же мы отнесли бы и указаніе II 22:

v. 29 Guioz lez Maroie
refaisoit lo lecherel,
et font croller le cercel
si qu'il en pecoie

и, можетъ быть, III 41, гдѣ въ началѣ приводятся разговоры пастуховъ о предстоящемъ майскомъ праздникѣ; каждому при этомъ хочется превзойти въ остроуміи своихъ товарищей:

v. 11 Herbers dist k'envoiseure
fera ki pas n'iert vilaine,
cote, mantel a parture
de burghie a tiretaine;
pour miex sanler preu sergant
port'ra un grant perchant
en ses deus mains u un rai,
ke cil ne voisent grouchant
ki orront le virelai.

Wales придумываетъ еще болѣе комическій выходъ:

v. 27 g'irai en un sach tumant,
on m'ira plus resgardant.]

Съ фигурой короля мы встрѣчаемтся не разъ.

(II 41, v. 3) s'assamblerent par un matin
pastorelles et pastorel:
roi ont fait dou plus bel.

Его нарядъ описанъ и въ цитуемомъ пасссажѣ и въ пьесѣ III 15, представляющей собой отрывокъ пастурели:

(II 4, v. 6) mantel ot de kamelin
et cote de burel.

(III 15, v. 5) lor rois estoit acesmes
d'une cotele coee,
blans gans ot, verge pelee,
sot visage avoit asses,
bien sembloit li mains senes.

Участники праздника садятся сами прямо на землю, тогда какъ король торжественно помѣщается на подушкѣ. Угроза, которую онъ произноситъ ниже въ ст. 25 и слѣд.:

Li rois an jura saint Martin
et l'arme son pere Robert,
qui commenceroit le hustin,
on le geteroit ou ruissel...

дала поводъ видѣть въ этомъ королѣ просто симпосіарха, руководящаго ходомъ пирушки или попойки; но своеобразный костюмъ его (если не присутствіе такихъ фигуръ, какъ muel, pelerin и др., исполнявшихъ, вѣроятно, характерныя для нихъ сценки и танцы; rombardel обозначаетъ и щеголя, и особую пляску), скорѣе указываетъ на болѣе спеціальную его компетенцію, какъ бытовой маски, что не мѣшало ему предсѣдательствовать на пирушкѣ a la follie a Donmartin. Къ сожалѣнію, недосказанность въ пастурели II 41, только отмѣчающей основные моменты, какъ нѣчто всѣмъ хорошо знакомое, и потому, не входящей въ подробности, не даетъ намъ возможности построить какія-нибудь болѣе опредѣленныя заключенія.

В. Шишмаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ I.

„На золотѣ".

Золотобойный промыселъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Къ числу оригинальныхъ кустарныхъ русскихъ промысловъ относится, между прочимъ, и золотобойный промыселъ, т. е. производство тонкаго листового золота, такого же серебра, „потали" (поддѣлка подъ червонное золото) и „двойнику" (листочки, у которыхъ одна сторона золотая, а другая—серебряная).

Золотобойный промыселъ въ настоящее время существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губерніи (слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда, слоб. Холуй и др.), въ г. Москвѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской губ. (Рузскій у). Болѣе же широкое развитіе получило это производство въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, преимущественно въ волостяхъ Пошехонской, Панфиловской, Давыдковской и Ериловской.

Сущность производства заключается въ слѣдующемъ. Палочку червоннаго золота пропускаютъ нѣсколько разъ между стальными вальцами, отчего она обращается въ длинную узкую ленту, не толще двухъ листовъ писчей бумаги. Такую толщину имѣетъ обыкновенно самая тонкая латунь, находящаяся въ продажѣ. Полученную такимъ образомъ ленту золота разрѣзаютъ на пластинки въ 3—4 дюйма въ квадратѣ и раздаютъ мастерамъ золотобойцамъ. Мастеръ, получивъ такую пластинку, разрѣзаетъ ее на мельчайшія части. Разрѣзываніе производится на маленькихъ кожаныхъ, туго набитыхъ шерстью подушкахъ острымъ ножемъ. Полученные такимъ образомъ „жеребейки" золота мастеръ вкладываетъ въ „снасть".

Снасть—это книжка изъ особаго рода пергамента, состоящая изъ 250 листковъ, немного менѣе четвертой доли листа писчей бумаги. Жеребейки золота и кладутся между листками пергамента. Пергаментъ этотъ представляетъ изъ себя оболочку

печени крупнаго рогатаго скота, обработанную особеннымъ образомъ—такъ, что хорошо выдѣланная она имѣетъ видъ пропитанной воскомъ бумаги, темнокраснаго цвѣта, прозрачной, толщиною—какъ обыкновенная писчая бумага.

Вложивъ золото въ „снасть", мастеръ кладетъ ее на плоскій дикій камень и начинаетъ бить по ней со всего размаха широкимъ молотомъ въ 7—8 фунтовъ вѣсу. Листочки золота, разбитые до извѣстной степени тонкости, мастеръ разрѣзаетъ снова на мелкіе жеребейки и снова вкладываетъ въ снасть, и снова бьетъ по ней молотомъ.

Когда листочки золота дойдутъ до предѣльной степени тонкости, мастеръ начинаетъ ковать снасть другимъ молотомъ, вѣсомъ въ 5—5½ ф. Этимъ молотомъ онъ куетъ точно также, нѣсколько разъ разрѣзая листочки металла. Когда листочки золота сдѣлаются вполнѣ тонкими, снасть куется въ третій разъ молоткомъ овальнымъ, вѣсомъ въ 3—3½ фунта. Такая ковка называется „выправкой". Послѣ „выправки" листокъ золота вполнѣ готовъ—его остается только обрѣзать по краямъ.

Если во время ковки на металлическихъ листочкахъ дѣлаются скважины, то мастеръ накладываетъ на эти скважины новыя частички металла, и они сковываются вмѣстѣ.

Когда золото выковалось вполнѣ въ тончайшіе листочки, тогда мастеръ обрѣзаетъ эти листочки по мѣркѣ, такъ—чтобы каждый листокъ представлялъ изъ себя прямоугольную пластинку около 13 дюйм. длины и около 6 д. ширины. Пластинки эти раскладываются, затѣмъ, въ книжки изъ тонкой папиросной бумаги такъ, чтобы каждый золотой листокъ отдѣлялся отъ другого листка листомъ бумаги. Въ одной книжкѣ содержится до 30 листковъ золота; десять такихъ книжекъ составляютъ „пачку". Обрѣзки золота складываются снова въ снасть и снова выколачиваются въ тончайшіе золотые листки. Такіе листки и извѣстны въ продажѣ подъ именемъ „листового" или „сусальнаго" золота. Сусальное производство требуетъ высокой температуры, а потому мастера золотобойцы производятъ работы въ одномъ исподнемъ платьѣ. Температура комнаты при выработкѣ золота должна имѣть отъ 20° до 25° R. При низшей температурѣ золото потѣетъ и на листочкахъ его образуются скважины, уничтожить которыя нѣтъ никакой возможности.

Орудія производства составляютъ: наковальня, молотки, ножницы, ножъ и „снасть". Каждый мастеръ имѣетъ по крайней мѣрѣ двѣ „снасти". Въ то время, пока одна „снасть" пахо-

дится въ работѣ, другая „снасть“ въ это время держится въ тепломъ мѣстѣ въ тискахъ. Листочки снасти очень прочны и держатся долго. На старыхъ снастяхъ заставляютъ обыкновенно работать учениковъ-малолѣтковъ, начинающихъ изучать мастерство. Старыя же снасти употребляются и при выдѣлкѣ листового серебра. На новыхъ снастяхъ куется одно только золото.

Стоимость всѣхъ орудій производства простирается отъ 40 до 50 рублей. Вальцы для вальцовки золота имѣются только у крупныхъ заводчиковъ; мелкіе хозяева выписываютъ золото уже вальцованное въ лентахъ или пластинкахъ, или же вальцуютъ золото у вышеупомянутыхъ крупныхъ заводчиковъ, что ложится, конечно, излишнимъ расходомъ на издѣлія.

Мелкіе заводчики выписываютъ вальцованное золото въ лентахъ или пластинкахъ отъ крупныхъ золотобойныхъ фирмъ г. Москвы, крупные заводчики выписываютъ кусковое золото (въ палочкахъ $^1/_2$—1 ф. вѣсомъ) изъ Москвы, изъ С.-Петербурга и даже изъ-за границы.

Листовое или сусальное золото идетъ главнымъ образомъ въ тѣ мѣстности, гдѣ развито иконописное мастерство. Иконописное ремесло не можетъ обойтись безъ сусальнаго золоченія и серебренія иконъ (фонъ, вѣнчики и т. д.).

Поэтому значительная часть сусальнаго золота идетъ въ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи (с. с. Палеха и Холуй). Хотя въ с. Мстерѣ есть и свои сусали-золотобойцы, но вырабатываемыхъ ими издѣлій далеко не хватаетъ для мѣстныхъ иконописцевъ. Идетъ пошехонское золото и въ Суздальскій уѣздъ Владимірской губерніи, въ Грайворонскій уѣздъ Курской губерніи (слобода Борисовка), въ Екатеринбургскій окр. Пермской губ. (Невьянскій заводъ) и во многія другія мѣстности Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ существуетъ иконописное ремесло, какъ напримѣръ: посадъ Клинцы Черниговской губ.; Бирючевскій уѣздъ Воронежской губ.; Серпуховскій и Богородскій у. у. Московской губ. и т., д. и т. д.

Въ большомъ количествѣ требуется листовое золото и въ тѣ мѣстности, гдѣ развита рѣзьба по дереву—выдѣлка иконостасовъ, иконныхъ кіотъ, багетныхъ рамъ и т. п. Такими мѣстностями изобилуетъ Владимірская губернія (Ландехъ, Сарнево, Доброе, Боголюбово и др.). Много подобнаго рода заведеній находится въ г. Москвѣ и Московской губерніи.

Идетъ листовое золото на позолоту церковныхъ главъ и крестовъ, на позолоту свѣчей, на восковые свѣчные заводы, въ

печени крупнаго рогатаго скота, обработанную особеннымъ образомъ—такъ, что хорошо выдѣланная она имѣетъ видъ пропитанной воскомъ бумаги, темнокраснаго цвѣта, прозрачной, толщиною—какъ обыкновенная писчая бумага.

Вложивъ золото въ „снасть", мастеръ кладетъ ее на плоскій дикій камень и начинаетъ бить по ней со всего размаха широкимъ молотомъ въ 7—8 фунтовъ вѣсу. Листочки золота, разбитые до извѣстной степени тонкости, мастеръ разрѣзаетъ снова на мелкіе жеребейки и снова вкладываетъ въ снасть, и снова бьетъ по ней молотомъ.

Когда листочки золота дойдутъ до предѣльной степени тонкости, мастеръ начинаетъ ковать снасть другимъ молотомъ, вѣсомъ въ 5—5$^1/_2$ ф. Этимъ молотомъ онъ куетъ точно также, нѣсколько разъ разрѣзая листочки металла. Когда листочки золота сдѣлаются вполнѣ тонкими, снасть куется въ третій разъ молоткомъ овальнымъ, вѣсомъ въ 3—3$^1/_2$ фунта. Такая ковка называется „выправкой". Послѣ „выправки" листокъ золота вполнѣ готовъ—его остается только обрѣзать по краямъ.

Если во время ковки на металлическихъ листочкахъ дѣлаются скважины, то мастеръ накладываетъ на эти скважины новыя частички металла, и они сковываются вмѣстѣ.

Когда золото выковалось вполнѣ въ тончайшіе листочки, тогда мастеръ обрѣзаетъ эти листочки по мѣркѣ, такъ—чтобы каждый листокъ представлялъ изъ себя прямоугольную пластинку около 13 дюйм. длины и около 6 д. ширины. Пластинки эти раскладываются, затѣмъ, въ книжки изъ тонкой папиросной бумаги такъ, чтобы каждый золотой листокъ отдѣлялся отъ другого листка листомъ бумаги. Въ одной книжкѣ содержится до 30 листковъ золота; десять такихъ книжекъ составляютъ „пачку". Обрѣзки золота складываются снова въ снасть и снова выколачиваются въ тончайшіе золотые листки. Такіе листки и извѣстны въ продажѣ подъ именемъ „листового" или „сусальнаго" золота. Сусальное производство требуетъ высокой температуры, а потому мастера золотобойцы производятъ работы въ одномъ исподнемъ платьѣ. Температура комнаты при выработкѣ золота должна имѣть отъ 20^0 до 25^0 R. При низшей температурѣ золото потѣетъ и на листочкахъ его образуются скважины, уничтожить которыя нѣтъ никакой возможности.

Орудія производства составляютъ: наковальня, молотки, ножницы, ножъ и „снасть". Каждый мастеръ имѣетъ по крайней *мѣрѣ* двѣ „снасти". Въ то время, пока одна „снасть" нахо-

дится въ работѣ, другая „снасть“ въ это время держится въ тепломъ мѣстѣ въ тискахъ. Листочки снасти очень прочны и держатся долго. На старыхъ снастяхъ заставляютъ обыкновенно работать учениковъ-малолѣтковъ, начинающихъ изучать мастерство. Старыя же снасти употребляются и при выдѣлкѣ листового серебра. На новыхъ снастяхъ куется одно только золото.

Стоимость всѣхъ орудій производства простирается отъ 40 до 50 рублей. Вальцы для вальцовки золота имѣются только у крупныхъ заводчиковъ; мелкіе хозяева выписываютъ золото уже вальцованное въ лентахъ или пластинкахъ, или же вальцуютъ золото у вышеупомянутыхъ крупныхъ заводчиковъ, что ложится, конечно, излишнимъ расходомъ на издѣлія.

Мелкіе заводчики выписываютъ вальцованное золото въ лентахъ или пластинкахъ отъ крупныхъ золотобойныхъ фирмъ г. Москвы, крупные заводчики выписываютъ кусковое золото (въ палочкахъ $^1/_2$—1 ф. вѣсомъ) изъ Москвы, изъ С.-Петербурга и даже изъ-за границы.

Листовое или сусальное золото идетъ главнымъ образомъ въ тѣ мѣстности, гдѣ развито иконописное мастерство. Иконописное ремесло не можетъ обойтись безъ сусальнаго золоченія и серебренія иконъ (фонъ, вѣнчики и т. д.).

Поэтому значительная часть сусальнаго золота идетъ въ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи (с. с. Палеха и Холуй). Хотя въ с. Мстерѣ есть и свои сусали-золотобойцы, но вырабатываемыхъ ими издѣлій далеко не хватаетъ для мѣстныхъ иконописцевъ. Идетъ пошехонское золото и въ Суздальскій уѣздъ Владимірской губерніи, въ Грайворонскій уѣздъ Курской губерніи (слобода Борисовка), въ Екатеринбургскій окр. Пермской губ. (Невьянскій заводъ) и во многія другія мѣстности Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ существуетъ иконописное ремесло, какъ напримѣръ: посадъ Клинцы Черниговской губ.; Бирючевскій уѣздъ Воронежской губ.; Серпуховскій и Богородскій у. у. Московской губ. и т., д. и т. д.

Въ большомъ количествѣ требуется листовое золото и въ тѣ мѣстности, гдѣ развита рѣзьба по дереву—выдѣлка иконостасовъ, иконныхъ кіотъ, багетныхъ рамъ и т. п. Такими мѣстностями изобилуетъ Владимірская губернія (Ландехъ, Сарнево, Доброе, Боголюбово и др.). Много подобнаго рода заведеній находится въ г. Москвѣ и Московской губерніи.

Идетъ листовое золото на позолоту церковныхъ главъ и крестовъ, на позолоту свѣчей, на восковые свѣчные заводы, въ

переплетныя мастерскія и т. д. Вообще, нужно сказать, что требованіе на листовое золото всегда превышаетъ предложеніе.

Въ прежнее время мѣстными сусалями-золотобойцами вырабатывалось въ значительномъ количествѣ, кромѣ листового червоннаго золота, листовое серебро, „двойникъ" (одна сторона листка серебряная, а другая золотая) и „поталь" (поддѣлка подъ золото).

Въ настоящее время мѣстными производителями вырабатывается главнымъ образомъ червонное золото высокой доброты; серебро, „двойникъ" и „поталь" вырабатывается въ меньшихъ размѣрахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ иконописи, такъ и въ позолотѣ по дереву золото употребляется только при позолотѣ дорогихъ издѣлій. Для позолоты болѣе дешевыхъ издѣлій идетъ „двойникъ", или даже просто листовое серебро. Когда наложенное на дерево серебро засохнетъ, то его покрываютъ спиртовымъ лакомъ, отчего оно и принимаетъ желтый, подобный золоту цвѣтъ.

Мѣстное производство листового золота носитъ смѣшанный характеръ: характеръ кустарной и заводской промышленности. Нѣкоторые заводы, какъ, напримѣръ, А. А. Князева, И. А. Князева, П. В. Свѣшникова, имѣютъ оборотъ до 70 тысячъ рублей въ годъ и болѣе, другіе довольствуются нѣсколькими сотнями рублей. Часть мастеровъ-золотобойцевъ, работающихъ на такихъ заводахъ, проживаетъ во время работы у хозяевъ въ мастерскихъ и получаетъ за свою работу сдѣльно или же по-мѣсячно; остальные работаютъ у себя на дому сдѣльно. Имъ выдается отъ хозяевъ матеріалъ, всѣ инструменты для обработки золота, и они получаютъ плату съ количества выработаннаго золота. Есть кустари, хотя такихъ очень немного, которые сами выписываютъ вальцованное золото изъ мастерскихъ г. Москвы, своими руками выколачиваютъ его въ листовое золото и продаютъ послѣднее отъ себя на свой рискъ и страхъ.

Хорошій мастеръ золотобоецъ легко зарабатываетъ отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ, не отрываясь отъ земледѣльческаго труда. Иные мастера зарабатываютъ и больше, но такіе мастера встрѣчаются уже сравнительно рѣдко: земледѣльческимъ трудомъ они почти и не занимаются.

Работаютъ на дому, обыкновенно, въ теченіе зимняго времени, по окончаніи земледѣльческихъ работъ, вплоть до весны. Нѣкоторые мастера продолжаютъ золотобойную работу и въ лѣтнее время, прекращая ее только въ самую страдную пору— въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Годичный заработокъ мастера золотобойца простирается отъ 100 до 200 рублей въ годъ. Въ данномъ случаѣ особенно важно то обстоятельство, что золотобоецъ зарабатываетъ эти деньги у себя на дому, не отрываясь отъ своихъ земледѣльческихъ занятій и крестьянскаго хозяйства.

Насколько важно золотобойное производство въ экономической жизни мѣстнаго населенія, можно видѣть изъ того, что у одного только заводчика А. А. Князева работаетъ до 70 человѣкъ золотобойцевъ, зарабатывающихъ въ общей сложности отъ 9 до 12 тысячъ рублей въ годъ. Вообще же „на золотѣ" крестьяне подгородныхъ волостей зарабатываютъ отъ 80 до 100 тысячъ рублей въ годъ.

Золотобойное производство, какъ мы говорили уже выше, развито исключительно въ г. Пошехоньѣ и въ подгородныхъ волостяхъ: Ериловской, Пошехонской, Давыдковской и Панфиловской. Занятіе золотобойнымъ промысломъ передается чаще всего отъ отца къ сыну. Къ слову замѣтимъ, что никогда не случается, чтобы золотобоецъ бросилъ свое занятіе и сталъ искать себѣ другого, болѣе выгоднаго.

Обучать золотобойному мастерству начинаютъ обыкновенно съ 10—12-лѣтняго возраста. Первоначально мальчикъ вглядывается въ работу отца и незамѣтно усваиваетъ названія и назначеніе различныхъ орудій производства, а затѣмъ получаетъ старую „снасть" и матеріалъ и начинаетъ прямо работать самостоятельно (конечно подъ надзоромъ отца), получая наравнѣ со взрослыми рабочими плату „сдѣльно". Конечно, заработокъ такого мальчика ученика невеликъ, но хорошая сторона описываемаго производства заключается въ томъ, что мальчикъ обучается мастерству на дому, на глазахъ отца и, какъ выражаются крестьяне, не можетъ „набаловаться", что нерѣдко случается, если мальчикъ находится въ ученьи „въ людяхъ". Въ тоже время, будучи еще ученикомъ, онъ уже вноситъ въ семью свой небольшой заработокъ, простирающійся, обыкновенно, отъ 5 до 8 рублей въ мѣсяцъ.

Съ гигіенической стороны работа золотобойцевъ является гораздо безвреднѣе весьма многихъ кустарныхъ промысловъ. Никакихъ отбросовъ, заражающихъ воздухъ и загрязняющихъ жилища, при золотобойномъ производствѣ не имѣется. Выбиваемое золото держатъ завернутымъ въ пергаментъ, и золотая пыль попадать въ воздухъ не можетъ, да если бы и попадала, то не могла бы висѣть въ немъ, вслѣдствіе сравнительно большого своего удѣльнаго вѣса. Мало того, частицы

— Рублей десять-двѣнадцать...

— Маловато...

— Да рубля на 3, на 4 украдетъ,—невозмутимо дополняетъ хозяинъ.

Насколько снисходительно смотрятъ на такую кражу золота хозяева, можно видѣть и изъ того, что сами же хозяева являются и скупщиками краденаго золота.

— Положимъ, мастеръ украдетъ у васъ золота, но куда же онъ продастъ его? кто купитъ у него завѣдомо краденое?

— Кто угодно... принесутъ ко мнѣ—я куплю, мои рабочіе снесутъ къ К.—тотъ купитъ,—спокойно пояснилъ хозяинъ.

Очевидно, что у сусалей на этотъ случай сложилась своя особая этика...

Разсчеты между хозяевами и мастерами ведутся точно также весьма гладко: никогда не услышишь, чтобы тотъ или другой мастеръ золотобоецъ пожаловался на своего хозяина, что тотъ обсчиталъ его или прижалъ на работѣ. Никогда не услышишь точно также и жалобъ хозяина на то, что мастеръ золотобоецъ, взявъ авансъ въ счетъ будущаго заработка, отошелъ отъ хозяина, не отработавъ добросовѣстно взятаго аванса.

Между тѣмъ авансы мастерамъ золотобойцамъ хозяева даютъ весьма охотно. Отправляетъ ли мастеръ золотобоецъ сына въ военную службу, хоронитъ ли отца, выдаетъ ли замужъ дочь, нуждается ли въ хлѣбѣ на обсѣмененіе полей—всегда онъ идетъ къ хозяину и безъ всякихъ особыхъ просьбъ получаетъ авансъ въ размѣрѣ мѣсячнаго, двухъ-мѣсячнаго своего заработка, а то и болѣе. Авансъ этотъ пополняется вычетами изъ его обычнаго мѣсячнаго заработка. Хозяинъ, выдавъ авансъ, вполнѣ бываетъ доволенъ тѣмъ, что рабочій авансомъ этимъ прикрѣпленъ къ нему и не отойдетъ отъ него.—А платить все равно, раньше ли, позже ли, вѣдь, нужно будетъ, — разсуждаетъ онъ весьма логично.

Въ критическихъ случаяхъ хозяева оказываютъ своимъ мастерамъ и прямую непосредственную помощь. Нерѣдко можно услышать, напримѣръ, что тотъ или иной хозяинъ далъ на постройку новой избы погорѣвшему мастеру сто рублей, или купилъ новую избу женѣ умершаго мастера.

Оказывая такую помощь, хозяева прежде всего руководятся тщеславіемъ: пускай знаютъ конкурренты—вотъ молъ я каковъ! Но помимо тщеславія они достигаютъ въ данномъ случаѣ и коекакихъ практическихъ результатовъ. Облагодѣтельствованный *хозяиномъ* мастеръ будетъ слѣдить за порядками въ мастерской

не хуже самого хозяина, и хозяинъ смѣло можетъ оставить подъ его надзоромъ мастерскую хоть на полгода. А это, при постоянныхъ разъѣздахъ хозяевъ по Россіи,—вещь не маловажная. Нечего и говорить, что мастера-золотобойцы идутъ къ болѣе тароватому хозяину, и хозяинъ, оказавшій щедрую помощь своему мастеру, привлекаетъ этимъ самымъ къ себѣ рабочихъ со стороны. Нечего и говорить, что вдова золотобойца, получивъ помощь отъ хозяина, отдастъ своихъ дѣтишекъ на выучку золотобойному мастерству не къ кому иному, какъ къ этому самому хозяину, оказавшему ей помощь.

Филантропія и нажива идутъ здѣсь рука объ руку.

Съ какихъ поръ появилось золотобойное производство въ описываемой нами мѣстности утвердительно сказать нельзя. Тѣмъ не менѣе положительно извѣстно, что производствомъ этимъ занимались въ окрестностяхъ г. Пошехонья еще въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ изъ семейныхъ преданій извѣстно, что предокъ нынѣшнихъ крупныхъ золотобойныхъ мастеровъ А. А. Князева и И. А. Князева занимался золотобойнымъ производствомъ еще въ концѣ XVIII столѣтія, будучи крестьяниномъ деревни Луковниковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сусальное производство занесено въ Пошехонскій уѣздъ изъ Владимірской губерніи. И въ настоящее время, и въ старину портные Панфиловской волости шли на отхожій промыселъ въ предѣлы Владимірской губерніи, гдѣ сусальное производство ведется съ незапамятныхъ временъ....

Первоначально золотобойное производство развивалось у мѣстныхъ золотобойцевъ крайне туго и медленно. Особенно быстро пошло оно впередъ въ концѣ прошлаго столѣтія съ развитіемъ у насъ желѣзнодорожнаго, пароходнаго и почтово-телеграфнаго сообщенія, давшихъ возможность мѣстнымъ сусальщикамъ сбывать свои произведенія въ самые отдаленные уголки нашего обширнаго отечества.

Насколько быстро растетъ золотобойное производство, можно судить, напримѣръ, по тому, что заводъ А. А. Князева въ 1893 г. имѣлъ только тридцать мастеровъ золотобойцевъ и сумма производства его едва доходила до тридцати тысячъ рублей въ годъ. Между тѣмъ въ 1903 году сумма производства того же самаго завода достигаетъ уже 70 тысячъ рублей въ годъ, и число мастеровъ золотобойцевъ свыше семидесяти человѣкъ. Въ такой же степени развивается производство и остальныхъ заводовъ.

Никакихъ субсидій и кредитовъ сусали-золотобойцы никогда

и ни у кого не просили, а если промыселъ прогрессируетъ, то исключительно благодаря энергiи и предпрiимчивости сусальщиковъ и благодаря развитiю у насъ желѣзнодорожнаго, пароходнаго и почтово-телеграфнаго сообщенiя.

Въ прежнее время, когда проѣхать отъ Рыбинска до Казани на пароходѣ стоило въ третьемъ классѣ отъ 10 до 15 рублей, рѣдкiй изъ хозяевъ отваживался на такую экскурсiю, боясь что результаты поѣздки не окупятъ расходовъ.

Въ настоящее время, когда пробѣгъ отъ Рыбинска до Казани стоитъ только 2 р. 50 к., хозяева по нѣскольку разъ въ лѣто ѣздятъ со своимъ товаромъ въ низовыя поволжскiя губернiи до Самары и даже до Астрахани, и всегда расходы по поѣздкѣ окупаются у нихъ съ барышомъ.

Въ прежнее время, когда пересылка по почтѣ простого письма стоила 14 к., когда почта изъ г. Пошехонья въ Рыбинскъ ходила разъ въ недѣлю, отправка золота почтою велась въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Нынѣ, когда почта ходитъ до четырехъ разъ въ недѣлю, когда къ услугамъ публики явился наложенный платежъ, когда стоимость пересылки по почтѣ понизилась, отправка сусальщиками своихъ издѣлiй почтою приняла внушительные размѣры.

Мѣстные мастера золотобойцы, разселясь по другимъ мѣстамъ, привили въ этихъ мѣстахъ и золотобойное производство. Такимъ образомъ, изъ Пошехонскаго уѣзда получили свое начало сусальныя фирмы: Дѣвкина въ Рыбинскомъ уѣздѣ, братьевъ Смирновыхъ [1]), Ивлева [2]), Виноградова [3]), Пичугина [4]) и другихъ московскихъ фабрикантовъ сусальнаго золота.

Нельзя не отдать должное той энергiи и той предпрiимчивости, съ какою мѣстные сусальные заводчики стараются распространять свои издѣлiя. Не проходитъ ни одной областной или всероссiйской выставки, на которой бы не фигурировали въ числѣ экспонатовъ и издѣлiя мѣстныхъ сусальныхъ заводчиковъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ сусалей заводчиковъ К—ъ имѣетъ, напримѣръ, слѣдующiя награды за свои издѣлiя: 1. серебряную медаль на областной сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Пошехоньѣ 1881 г.; 2. золотую медаль на сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Рыбинскѣ 1883 г.; 3. бронзовую

---

[1]) Изъ дер. Баранова, Пош. у.

[2]) Изъ дер. Луковниковъ.

[3]) *Тоже.*

[4]) *Дер. Кременева.*

медаль на Московской Всероссійской выставкѣ 1882 года.; 4. бронзовую медаль на Всероссійской Нижегородской выставкѣ 1896 г.; 5. серебряную медаль на Кіевской выставкѣ 1897 г.

Подобныя же награды имѣютъ и другіе заводчики. Нѣкоторые изъ сусалей хозяевъ посылали свои издѣлія даже на Парижскую Всемірную выставку.

Съ цѣлью сбыть свои издѣлія сусали прибѣгаютъ и къ газетнымъ рекламамъ, и къ поѣздкамъ по отдаленнымъ городамъ нашего отечества. И нужно замѣтить, что разсчеты ихъ вполнѣ оправдываются. Если многіе изъ сусалей-заводчиковъ и не наживаютъ себѣ своимъ промысломъ палатъ каменныхъ, то не было еще ни одного случая на памяти старожиловъ, чтобы сусальщикъ хозяинъ разорился на своемъ дѣлѣ и, какъ говорится, вылетѣлъ въ трубу.

Сбывая свои издѣлія по отдаленнымъ мѣстамъ нашего отечества, сусали-хозяева хранятъ въ крѣпкой тайнѣ другъ отъ друга свои мѣста сбыта или свои „рынки". Ни одинъ хозяинъ не сообщитъ другому о томъ, куда и на какихъ условіяхъ онъ отправилъ тогда-то партію листового золота. Переписка сусалей съ заказчиками и покупателями ведется въ строжайшей тайнѣ. Чтобы скрыть адреса своихъ кліентовъ отъ постороннихъ глазъ, большинство хозяевъ имѣетъ въ мѣстной почтово-телеграфной конторѣ свои отдѣльные ящики, куда и опускается вся адресуемая на ихъ имя корреспонденція.

Не особенно давно съ сусалями случилась такая оказія. Одинъ изъ богатыхъ сусальщиковъ выдалъ свою дочь за чиновника мѣстной почтово-телеграфной конторы. Дѣйствительно ли передавалъ этотъ чиновникъ своему тестю, куда отправляютъ его конкурренты свое золото, или это была напраслина, мы не знаемъ, но только всѣ сусальщики заподозрили чиновника въ этой нескромности. Полетѣли жалобы начальнику округа и въ концѣ концевъ сусальщики добились того, что чиновникъ, котораго заподозрили въ нескромности, по приказанію свыше былъ переведенъ для пользы службы на другое мѣсто.

Впрочемъ тѣ изъ золотобойцевъ, которые работаютъ на московскихъ фабрикантовъ (а есть и такіе), получая отъ нихъ снасти и матеріалъ, нисколько не скрываютъ отъ кого и на какихъ условіяхъ они работаютъ. Скрывать это для нихъ нѣтъ никакой надобности.

Червонное листовое золото, какъ мы уже говорили и выше,

употребляется исключительно только для болѣе цѣнныхъ издѣлій. Для болѣе дешевыхъ издѣлій, какъ въ иконописи, такъ и въ другихъ производствахъ, золото замѣняется листовымъ серебромъ. Какъ золото, такъ и серебро въ иконописи накладывается на иконы въ растворѣ яичнаго бѣлка, а на образа, писанныя на полотнѣ, на вареное съ краской льняное масло. Когда наложенное серебро или золото засохнетъ, то покрывается спиртовымъ лакомъ, отчего серебро переходитъ въ желтый, подобный золоту, цвѣтъ.

Другой способъ употребленія сусальнаго серебра и золота на иконы слѣдующій: нѣсколько листочковъ сусальнаго серебра или золота кладутъ на чистую краскотерную плиту (крохи и обрѣзки серебра или золота для этого не годятся) и растираютъ курантомъ съ разведеннымъ гуммиарабикомъ до той степени, когда получится совершенно мелкая металлическая краска, которая высушивается затѣмъ въ раковинахъ или чайныхъ блюдечкахъ. Краска эта, разведенная бѣлкомъ яйца, и накладывается затѣмъ на иконы кистью. Это серебро или золото называется „твореным“.

Въ большомъ количествѣ листовое серебро употребляется при поддѣлкѣ старинныхъ образовъ.

Для этой цѣли берутъ листочекъ серебра, вѣшаютъ его на длинную палочку и держатъ нѣсколько времени надъ горящими углями. Отъ жара листочекъ принимаетъ темно-красновато-желтый цвѣтъ—цвѣтъ позолоты на старинныхъ иконахъ. Изъ такихъ листочковъ и приготовляется, какъ было сказано выше, металлическая краска, идущая для поддѣлки древнихъ иконъ.

Для сундуковъ, подносовъ, дугъ и т. п. издѣлій употребляются въ большинствѣ случаевъ обрѣзки отъ серебра—крохи. Крохи эти трутъ, смѣшавъ съ медомъ на плитѣ, затѣмъ, стертую массу кладутъ въ сосудъ, наливаютъ водою и мѣшаютъ лопаткой; осадокъ серебра опускается на дно сосуда; вода сливается, наливается свѣжая. Такимъ образомъ серебро промывается до тѣхъ поръ, пока въ немъ не будетъ примѣси меда. Осадокъ этотъ просушивается и превращается въ тончайшій серебряный порошокъ. Порошкомъ этимъ посыпаютъ посредствомъ кожаной лосиной подушечки сквозь трафаретъ на сундукахъ и подносахъ всѣ мѣста, покрытыя вареным льнянымъ масломъ, для изображенія цвѣтковъ, рамокъ, арабесокъ и пр. Золотые и серебряные обрѣзки или крохи употребляется также при гальваническомъ серебреніи или золоченіи. Для этой цѣли употребляется, впрочемъ, и настоящее листовое серебро и золото.

Выше мы говорили, что для выдѣлки листового серебра необходимо брать кусковое серебро самой высокой пробы. Обыкновенно берется для этой цѣли серебро не ниже какъ 94-й пробы. Серебро низшей пробы положительно не возможно бываетъ выковать въ тонкій воздушный листокъ.

При вышеуказанныхъ обстоятельствахъ и при сравнительно невысокой стоимости серебра о поддѣлкѣ листового серебра не можетъ быть и рѣчи.

Совсѣмъ иное дѣло червонное золото. Червонное золото одни изъ хозяевъ золотобойцевъ получаютъ кусками отъ петербургскихъ и московскихъ торговцевъ, съ наложенными на этихъ кускахъ пробирными клеймами. Такіе хозяева знаютъ, что они вырабатываютъ листовое червонное золото такой то пробы и вполнѣ могутъ ручаться за качество своихъ издѣлій. Другіе хозяева золотобойцы получаютъ кусковое золото изъ-за границы (съ клеймомъ, напримѣръ, Hamburg).

Можно ли ручаться, что выдѣлываемое послѣдними листовое золото — есть дѣйствительно червонное листовое золото? Конечно нѣтъ... Правда, сами золотобойцы утверждаютъ, что это золото настоящее высокопробное золото и ссылаются на то, что только изъ высокопробнаго золота можно выковать тонкій воздушный листокъ.

— Изъ плохого золота (т. е. низкопробнаго) не выкуешь золота сусальнаго, утверждаютъ единогласно кустари.

Но это едва ли такъ. Въ настоящее время наука дала возможность получать изъ золота и серебра съ примѣсью другихъ веществъ такіе ковкіе сплавы, что ковкостію своею они немногимъ уступятъ золоту. Очевидно, что золото, получаемое изъ-за границы, м. б. довольно подозрительнаго свойства.

— Почему вы не выписываете золото прямо изъ казны?— спрашивали мы однажды знакомыхъ сусалей.

— Пробовали, да не стоитъ!.. пустое дѣло!..

— Возни и хлопотъ лишнихъ много...

Всеобщія жалобы на волокиту и различныя формальности, когда приходится вести дѣло съ казною, раздаются и здѣсь,—и раздаются, повидимому, не безъ вѣскихъ основаній.

Въ настоящее время самыми сильными конкуррентами съ мѣстными сусалями золотобойцами являются московскіе фабриканты листового золота и серебра.

Правда, по цѣнѣ издѣлій и по качеству ихъ выдѣлки, мѣстные производители ни въ чемъ не уступаютъ московскимъ, но на сторонѣ послѣднихъ имѣется преимущество иного рода.

Каждую пачку червоннаго золота московскіе производители имѣютъ возможность отправить въ пробирную палатку, которая и кладетъ на золото пробу, удостовѣряющую, что это именно золото такой то пробы. Покупатели всегда охотнѣе покупаютъ пробное золото, нежели золото безъ пробы. Въ данномъ случаѣ они вполнѣ правы: настоящее золото никогда и нигдѣ не потускнѣетъ, поддѣлка же подъ золото быстро чернѣетъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ работахъ, какъ напримѣръ гальванопластика, золоченіе черезъ огонь и т. п., требуется именно высокопробное золото съ ручательствомъ за его пробу.

Но, что возможно для московскихъ сусалей фабрикантовъ, то является положительно невозможнымъ для мѣстныхъ сусальщиковъ. Ближайшая къ г. Пошехонью пробирная палатка находится въ Костромской губерніи, въ г. Нерехтѣ.

Чтобы отсылать туда листовое золото для наложенія на него пробы, мѣстные сусальщики должны вести расходы по упаковкѣ золота, по пересылкѣ его до г. Нерехты взадъ и впередъ, а главное, терять время, цѣнить которое они научились весьма хорошо. Въ то время, какъ московскій фабрикантъ, сработавъ партію листового золота, въ тотъ же день можетъ отправить его въ пробирную палату, а, затѣмъ, черезъ два, много черезъ три дня получить его обратно съ наложенною на немъ пробою, пошехонскій сусальщикъ долженъ сдать золото на почту, предварительно его упаковавъ. Почтою идетъ золото до пробирной палатки долѣе недѣли, такъ что въ общей сложности онъ получитъ обратно свое золото съ пробирнымъ клеймомъ не ранѣе трехъ, а то и четырехъ недѣль. За это время ловкій хозяинъ сусальщикъ успѣетъ продать свой товаръ и получить за него деньги.

Неудивительно поэтому, что только самая ничтожная часть вырабатываемаго въ уѣздѣ листового червоннаго золота направляется для наложенія пробы въ пробирную палатку, большая же часть продается безъ наложенія на него пробы. А вслѣдствіе этого и издѣлія фабрикантовъ московскаго сусальнаго района покупаются всегда охотнѣе, и конкуррировать съ нимъ пошехонскимъ издѣліямъ почти невозможно.

Въ настоящемъ случаѣ большую помощь сусальному дѣлу оказало бы назначеніе въ уѣздѣ самостоятельнаго пробирнаго чиновника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ между сусалями энергично толковали на эту тему, большинство соглашалось подать объ этомъ петицію г. министру, но, затѣмъ, все дѣло какъ то *замолкло, и въ настоящее* время о немъ никто уже и не по*мышляетъ*.

Вещь вполнѣ понятная, что для тѣхъ, кто разрабатываетъ высокопробное червонное золото, пробирный чиновникъ принесъ бы большую пользу, но за то онъ послужилъ бы во вредъ тѣмъ изъ золотобоевъ, которые разрабатываютъ не листовое золото, а золото, выписанное изъ-за-границы, т. е. золото сомнительнаго качества. Естественно, что послѣдніе горячо запротестовали противъ всякихъ подобнаго рода ходатайствъ, и петиція о назначеніи въ уѣздъ пробирнаго чиновника осталась безъ движенія.

Въ настоящее время въ средѣ золотобойцевъ хозяевъ выдѣляются нѣсколько человѣкъ капиталистовъ, поставившихъ производство на широкую ногу и ведущихъ обороты на десятки тысячъ рублей. Такіе капиталисты имѣютъ передъ остальными мелкими производителями то громадное преимущество, что пользуются широкимъ кредитомъ въ мѣстномъ банкѣ, какъ мѣстные купцы. Всѣ они ведутъ дѣла по купеческимъ свидѣтельствамъ второй гильдіи. Мало того, одно время они забрали даже въ свои руки и управленіе мѣстнымъ банкомъ. Естественно, что при легкомъ свободномъ кредитѣ они могутъ развивать и дѣйствительно развиваютъ свое производство и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Совсѣмъ другое дѣло мелкій производитель, мѣщанинъ или крестьянинъ кустарь: никакого кредита нигдѣ ему не оказывается и развивать ему свое производство бываетъ довольно трудно.

Не до жиру—быть бы живу! сытъ и слава Богу! говорятъ про себя такіе мелкіе кустари золотобойцы. Но, не смотря на это, каждый изъ нихъ старается расширить свое производство, какъ только представится къ этому малѣйшая возможность.

Завѣтною мечтою всякаго мастера-золотобойца, работающаго на другихъ, — это стать самому хозяиномъ золотобойной мастерской. Нужды нѣтъ, что въ такой мастерской работаетъ только хозяинъ самъ-другъ или самъ третей съ рабочими. — „Хоть лыкомъ шитъ, да хозяинъ!“ говорятъ въ шутку про такихъ хозяевъ болѣе крупные производители....

Что ожидаетъ золотобойное производство въ будущемъ? Пока на горизонтѣ сусалей золотобойцевъ нѣтъ ни одного облачка, да не предвидится и въ ближайшемъ будущемъ: трудно разсчитывать на то, чтобы позолота исчезла изъ обращенія и, какъ украшеніе различныхъ предметовъ, замѣнилась чѣмъ либо инымъ. За тысячи лѣтъ до Р. Х. дворцы и храмы украшались позолотой, украшаются они нынѣ и, всего вѣроятнѣе, будутъ украшаться и впредь... Очевидно, что требованіе на листовое

золото еще долго будетъ раздаваться отовсюду. Конечно золотобойный промыселъ могла бы убить машинная выработка листового золота, но пока что, а такихъ машинъ еще нѣтъ, да если бы ихъ и придумали, то машины эти едва ли могли бы конкуррировать съ ручнымъ производствомъ и по дешевизнѣ послѣдняго, и по качеству издѣлій. Правда, въ лабораторіяхъ путемъ гальванопластики получаютъ теперь листовое золото такой толщины, что оно какъ будто даже просвѣчиваетъ. Такого золота конечно не получить выковкою. Но вообще золото это обходится чрезвычайно дорого и конкурренція съ обыкновеннымъ сусальнымъ золотомъ для него невозможна. Дѣйствительно, чтобы получить листокъ золота мокрымъ путемъ, слѣдуетъ позолотить гальванически серебряный листокъ, и затѣмъ позолоченный серебряный листокъ подвергнуть дѣйствію азотной кислоты, въ которой серебро растворится и останется только тонкій золотой листокъ.

Способъ, очевидно, и дорогой, и кропотливый, и медленный.

Пригодно ли будетъ такое золото для практическихъ цѣлей, напримѣръ, для золоченія по дереву, по бумагѣ, кожѣ и т. п.—это еще вопросъ и вопросъ довольно спорный.

Съ этой стороны мѣстнымъ сусалямъ бояться нечего. Иное дѣло конкурренція крупныхъ фабрикантовъ московскаго района. Но пока и эта конкурренція мѣстнымъ производителямъ нисколько не страшна. При слабомъ развитіи кустарныхъ и отхожихъ промысловъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, цѣны на рабочія руки, т. е. на трудъ мастеровъ золотобойцевъ, продолжаютъ оставаться все таки очень низкими, гораздо ниже цѣнъ московскаго района. И, не смотря на это, заработокъ сусальщика для мѣстнаго крестьянина представляется весьма выгоднымъ, заманчивымъ заработкомъ, такъ какъ для этого заработка не нужно кидать свою семью, свой домъ и хозяйство и итти на чужую сторону.

А. Баловъ.

Финскія заимствованія въ русскомъ языкѣ.

По поводу статьи проф. А. Л. Погодина.

Для этимологическаго изученія русскаго языка выдѣленіе всѣхъ входящихъ въ составъ его словъ иноязычнаго происхожденія представляетъ дѣло чрезвычайной важности, и съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не привѣтствовать появленія въ свѣтъ обширной работы проф. Погодина: „Сѣвернорусскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка". Варшавскія Университетскія Извѣстія за 1904 г., IV, № 2 стр. 1—72, тѣмъ болѣе, что предметомъ ея является изученіе финскаго вліянія на русскій языкъ, которымъ наши лингвисты за послѣднее время занимались очень мало. Но для изученія вліянія какого-нибудь сосѣдняго языка на русскій требуется: 1) Хорошее знакомство съ *исторической* грамматикой обоихъ языковъ и серьезная начитанность въ обоихъ, затѣмъ, по возможности, знакомство съ *нѣкоторыми другими языками*, оказавшими вліяніе на русскій языкъ [1]. 2) Необходимо знакомство съ русскими (а подчасъ и вообще славянскими и аріоевропейскими) древностями, затѣмъ съ естественными науками, поскольку дѣло касается географическаго распространенія животныхъ и растеній [2]), наконецъ, и съ этнографіей, поскольку приходится имѣть дѣло съ названіями одеждъ, обрядами и проч. 3) При этимологическихъ сомнѣніяхъ необходимо не только считаться съ фонетикой, но и съ *семасіологіей*. 4) Необходимо тщательное использованіе всѣхъ этимологическихъ работъ, уже раньше посвященныхъ этому вопросу.

---

[1]) Только въ такомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, и можно воздержаться отъ одностороннихъ толкованій, отъ излишняго стремленія видѣть во всѣхъ этимологически-неясныхъ словахъ заимствованія съ финскаго языка,—стремленія, которымъ въ высокой мѣрѣ обладаетъ большинство этимологическихъ изслѣдованій, посвященныхъ заимствованнымъ словамъ.

[2]) Съ этой точки зрѣнія наши лингвисты слишкомъ мало еще пользуются книгой Hehn-Schrader, Kulturpflanzen u. Haustiere. Berlin. 1902.

Эти, приблизительно, требованія по поводу другой этимологической работы недавно выставилъ Solmsen. Indogerm. Forsch. Anz. XIX, 23—27, и нельзя не признать ихъ справедливость. Авторъ указаннаго выше изслѣдованія, однако, совершенно не принялъ ихъ во вниманіе, не смотря на то, что въ спеціальныхъ разысканіяхъ, въ родѣ его работы, удовлетворить эти требованія — значительно легче, чѣмъ въ цѣльныхъ этимологическихъ словаряхъ.

Противъ перваго пункта г. Погодинъ грѣшитъ на каждомъ шагу: современныя формы вепсскаго діалекта онъ, за неимѣніемъ вепскаго словаря, приводитъ со звѣздочкой. При такомъ способѣ вѣдь рѣшительно невозможно отличить невѣроятное отъ правдоподобнаго; между тѣмъ, гдѣ дѣло касается современнаго языка вѣдь не слишкомъ уже трудно обратиться за справками относительно вепсскихъ словъ къ носителямъ вепсскаго діалекта или, по крайней мѣрѣ, къ финскимъ ученымъ. Только такимъ образомъ и можно удержаться отъ фантастичныхъ толкованій въ родѣ *коврига* (см. Погодинъ. Извѣст. отд. русск. яз. X, 2, 12—15).—Стремленіе во всемъ видѣть финскія заимствованія также замѣтно на каждой страницѣ работы проф. Погодина. Такъ, стр. 23 *ерякъ*, „старикъ", несмотря на семасіологическія затрудненія выводится изъ вепсск. *järie* „толстый, крѣпкій, сильный". Сюда же отнесено слово *ёрветь* „старуха". Дѣйствительно, на основаніи такихъ „культурно-историческихъ данныхъ" можно подумать, что въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ обитаютъ однѣ амазонки.

Для слова *ёрветь* у меня этимологіи нѣтъ; но если бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на офенскіе языки, то онъ, быть можетъ, замѣтилъ бы, что этимологію перваго слова слѣдуетъ искать далеко отсюда въ юговосточномъ углу Европы. Въ офенскихъ языкахъ мнѣ пришлось отмѣтить слѣдующія формы: *ерóй*, старый, Могилевъ, Ж. Ст. I, 1, 11; *jóрый*, idem, тамъ же 15; Минскъ, Сб. отд. русск. яз. И. Ак. Н. XXI, 30; *jóр-ость*, старость, *jóр-оста*, староста; Минскъ, Сб. XXI 30, *яршинá*, старшинá, Бѣлоруссія, Сб. LXXI, 11; *jóритца*, старѣть, Бѣлоруссія. Сб. LXXI, 29. Далѣе: *ярýха*, старуха; *ярúкъ* „старикъ", Калуга, Извѣстія отд. русск. яз. IV, 1394, ib. II, 352; *ярóхъ* старикъ, *ярýха* старуха, Могилевъ, Ж. Ст. I, 1, 13, *хúрусъ*, староста, Калуга, Изв. IV 1396, *хéрустъ* староста, *хирýха* старуха, Москва, Извѣстія IV 1408, *гиръ* „старикъ", Суздаль, Извѣстія I 427. Всѣ эти слова я вывожу изъ греч. γέρος (-jéros) „старикъ" = др.-греч. γέρων. Указанная выше форма *ерякъ* пред-

ставляетъ собой такое же новообразованіе отъ *ерóй*, какъ *простякъ* отъ *простой*, *холостякъ* отъ *холостой* и проч. Другія же формы *ярýха*, [1]) *jóроста*=старуха, староста являются интересными случаями контаминаціи заимствованій съ исконно-русскими словами,—явленія (какъ я постараюсь показать въ ближайшемъ будущемъ уже въ другомъ мѣстѣ), столь распространеннаго въ русскихъ условныхъ языкахъ.

На стр. 26 слово *кадка* „горло" въ выраженіи: „змѣя тебѣ въ кадку" безъ основаній выводится изъ финскаго *kaati* „Halstuch, Halseisen". И здѣсь я не вижу никакой возможности соединить эти значенія. Вѣдь гораздо вѣроятнѣе предположить контаминаціи словъ *кадыкъ* и *кадка* на русской почвѣ.—На стр. 27 *кáцця* „ручка цѣпа" выводится изъ финск. *käsi* „рука", *kätö* ручка. По фонетическимъ соображеніямъ слѣдуетъ предполагать контаминацію финскаго заимствованія (имѣвшаго, вѣроятно, форму **кяся* или **кя́са*) съ другимъ словомъ—*кáцця* изъ **кадця* „боченокъ". — На стр. 65 Погодинъ недоумѣваетъ, сопоставляя зырянск. *čarki* „туфли" съ олонецк. *чаркú* pl. id. (Куликовскій 131). Это сомнѣніе, на мой взглядъ, особенно противорѣчитъ тому желанію согласовать этимологическія толкованія съ данными культурной исторіи, которое г. Погодинъ нерѣдко подчеркиваетъ въ другихъ своихъ работахъ (см. Извѣстія X, 3, 11; 21 сл., Слѣды корней-основъ 232 сл.). Между тѣмъ вопросъ рѣшается очень легко: зырянск. *čarki* чрезъ посредство русскаго *чаркú* заимствовано съ турецк. *čarɛk* „сапогъ", откуда греч. τσαρούκι, τσαρούχι, алб. *čarixe*, макед.-рум. ţăruhi и проч. см. Miklošić, Türk. Elemente I 37, Korais, Ἄτακτα IV 595 и 621, G. Meyer Alb. Wb. 439. — Слово *кокáчъ* „пирогъ небольшихъ размѣровъ изъ кислаго ржаного тѣста полукруглой формы" Погодинъ стр. 32 выводитъ изъ фин. *kakko* „Laib. Kuchen", олонецк. *кокоі*. Мнѣ кажется и это слово скорѣе можно связать съ греческимъ κοκκάκιν: κόκκος. Отъ другого образованія того же слова κουκκίον заимствовано наше *кутья* (см. Korsch, Archiv. f. sl. Phil. IX 515).—

— Что проф. Погодинъ не использовалъ для своего изслѣдованія работъ своихъ предшественниковъ, на это указалъ уже Д. К. Зеленинъ, Извѣстія X, 2, 451. Кромѣ указанныхъ тамъ

---

[1]) Формы съ *я*—можно разсматривать или какъ ложно-этимологическія написанія, подъ вліяніемъ неударяемости слога ja,—или же какъ примѣры „перехода" *е* въ *а* на русской почвѣ, о которомъ см. Соболевскій Лекціи [3] 85 сл., Опытъ русской діалектологіи I, 29.

работъ, однако, намъ извѣстенъ цѣлый рядъ мелкихъ статей, посвященныхъ тому же вопросу. Такъ какъ мы сами, въ виду направленія своихъ занятій, а также незнакомства съ финскими языками, пока не думаемъ позаняться этимъ вопросомъ, то считаемъ нелишнимъ указать здѣсь эти статьи:

Лѣсковъ. О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. Ж. Ст. II, 4, 97—103.

Я. К. Гротъ. Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія. Матеріалы по сравн. и объясн. словарю и грамматикѣ I, 65—68.

С. К. Буличъ. Матеріалы для словаря русскаго языка. Извѣстія I, 304—322.—Если бы г. Погодинъ использовалъ эти работы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ случаѣ отмѣтилъ бы географическое распространеніе финскихъ заимствованій въ русскихъ говорахъ, то его изслѣдованіе, даже несмотря на неполноту (которой вообще въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ нельзя достичь), стало бы такимъ же *памятникомъ культурной исторіи,* какъ въ области балканскихъ языковъ труды незабвеннаго G. Meyer'а (о кот. М. Фасмеръ Виз. Врем. XIII, 244—251)—труды, въ которыхъ такъ нуждается славянская филологія. При теперешнемъ своемъ состояніи эта работа скоро утратитъ свое значеніе: если авторъ ссылается на отсутствіе словарей финскихъ нарѣчій, то это—крайне слабый аргументъ; вѣдь ошибается же онъ, думая, что при этимологическихъ разысканіяхъ въ области иноязычныхъ заимствованій достаточно рыться въ словаряхъ. Если же онъ, въ концѣ своего труда, съ ложной скромностью называетъ собранные имъ матеріалы „незначительной частью“ финскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, то и это—плохое оправданіе: широкое заглавіе его труда указываетъ на *цѣль,* которую поставилъ себѣ нашъ авторъ, а содержаніе—на „добросовѣстное“ исполненіе. *Что авторъ торопился,* это показываютъ не только опечатки, которымъ особенно подверглись финскія слова: стр. 71: вепсск. juraidau вм. juraidan; вепсск. kuradan вм. корел. kurandan и проч. (—что непростительно въ работѣ, посвященной *финскимъ* заимствованіямъ), но и неоднократное нарушеніе алфавитнаго порядка, значительно затрудняющее пользованіе его работой [1]).—Итакъ, вопросъ о финскомъ вліяніи на русскій языкъ еще можно считать откры-

[1]) Для примѣра: на стр. 27 сл.: карунъ, кацця, каска; стр. 30 сл.: кодоль, койкать, канабра, коволь, кода, стр. 32 сл. коппала, копсать, корба, корга. *кордать, коледуха, колунъ,* конда, стр. 39 лахта, лаймать и проч.

тымъ. Для облегченія его разработки я считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь рядъ словъ, извлеченныхъ изъ указанныхъ выше статей, а также изъ моихъ собственныхъ замѣтокъ:

аланъ sf. низменность—фин. *alanne* id.: *ala* внизъ; неточно Гротъ, 65.

арандать v. ворчать (о собакахъ)—карел. *arandan*, фин. *aristaa*. Лѣсковъ, 98, также Погодинъ, 14.

арда sf. вѣшалка—корел. *ardo* „шестъ на которомъ сушатъ неводъ, сѣти, бѣлье". Лѣсковъ, 98.

бýгра sf. землянка рыбаковъ и полѣсовщиковъ—корел. *bugri* „небольшой пологъ надъ постелью въ лѣтнее время для защиты отъ мухъ". Лѣсковъ, 98.

бурайдать v. ворчать—вепсск. *buraida*, неточно Лѣсковъ, 98, у Погодина, 14: бурандать.

варатóкъ sm. кипятокъ — фин. *wari* idem + кипятóкъ. См. Гротъ, 66.

гирвасъ sm. оленій самецъ—фин. *hirwas*. Гротъ, 66.

кадочка sf. ручка у молотила, Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 390,

кáтцо sn. ручка у цѣпа Новгор. Череп. Ж. Ст. VIII, 3, 395. Другіе примѣры у Погодина, 27. Финское происхожденіе слова сомнительно, на что указалъ уже Д. К. Зеленинъ. Изв. X, 2, 456.

канка, канъ = курица—фин. *kana* idem. Гротъ, 66.

кáликка sf. брюква Петергоф.—ижорск. *kalikka* Буличъ 304.

канабра sf. растеніе Ledum palustre—корел. *kanabra* Лѣсковъ, 99, см. Погодинъ, 31.

каржаки, каршаки smpl. коты, сапоги безъ голенищъ — корел. *karšut* 1) веревочки, завязки, посредствомъ которыхъ берестяные лапти привязываются къ ногамъ; 2) истоптанные лапти, рваные сапоги. Лѣсковъ, 99.

каска sf. срубленный для пожоги лѣсъ, подсѣка — корел. *kaski* idem. Лѣсковъ, 99.

катка sf. воротъ рубахи, Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 390 — фин. *kaati* idem.

кеньги smpl. большіе неуклюжіе сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи худо, смазанные дегтемъ. Лѣсковъ, 99. Сюда же Погодинъ, 29.

кердега sf. сѣть—корел. *kierdäi* „скать нити", фин. *kiertyä*. Лѣсковъ, 99.

Кярза

кережа sf. брюханъ, обжора—корел. *kereš* id. Лѣсковъ, 99.

керста sf. ящикъ—фин. *kirstu* id. Гротъ, 66, Зеленинъ, 454.

кúлоса sf. стоякъ, бабка изъ 10 сноповъ, Петергоф.—фин. *kuhila, kuhilas*. Буличъ, 305.

кипака sf. невысокій скалистый берегъ. Подвысоцкій, 66—фин. *kipakka*. Гротъ, 66.

кобра sf. горсть—фин. *kopra* id. Лѣсковъ, 100; Гротъ, 66.

кокка sf. мотыка для выкапыванія картофеля, Петергоф.—финск. *kokka, kuokka*. Буличъ, 305, см. еще Погодинъ, 31, Лѣсковъ, 100. Сюда же *кокшать*, копать.

конга sf. pinus silvestris — фин. *konka* idem. Гротъ, 66.

кондовый adj. крѣпкій, простой, Уралъ, Извѣстія, I, 305—зыр. *konda* изсохшее дерево, см. Погодинъ, 33.

корба sf. высокій густой ельникъ. Лѣсковъ, 100—фин. *korpi* idem см. Ervast, Suomalais.-Saksalainen Sanakirja, 222.

куккышъ-карангышъ sm. цвѣты дикой розы—корел. *kukkoin-karangaine* id. Лѣсковъ, 100. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкой губерніи цвѣты эти называются *пѣтушками*, въ чемъ слѣдуетъ видѣть семасіологическое заимствованіе съ финскаго языка (см. Куликовскій, 97).

кукры sfpl. плечи—корел. *kukkuri* „верхняя часть плечъ". Лѣсковъ, 100.

курандать v. журчать. Лѣсковъ, 99—корел. *huranda:* фин. *hurata* см. Погодинъ, 15, гдѣ ошибочно сюда присоединено *гуркать*. Чрезъ контаминацію этого послѣдняго съ *курандать* получилось: *гурандать*, о чемъ Погодинъ, с. l.

кургáти v. играть, *курга* sf. игра Нищенск.—финск. вепск. *kargaidan* плясать, эстон. *karg* скачекъ, *kargan* скакать. Иначе, едва ли не ошибочно, Jagić, Geheimsprachen bei den Slaven, 47.

курникъ sm. рыбный пирогъ—корел. *kurnikku* id. Лѣсковъ, 100.

курья́ sf. заливъ въ рѣкѣ. Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 391. Печора. Изв., I, 307. См. еще Погодинъ, 38.

кутышкать v. щекотать—фин. *kutajaa* id. Erwast c. l. 247. Лѣсковъ, 100.

кя́брушка sf. поплавокъ, поддерживающій сѣть на верху воды—корел. *käbrü* 1) шишка еловая или сосновая; 2) берестянные поплавки, которые привязаны къ сѣтямъ. Лѣсковъ, 100, см. еще Погодинъ, 38.

кябра sf. стая собакъ. Лѣсковъ, 100, къ *кярба* id., о которомъ Погодинъ, 38.

кявели sfpl. неуклюжія, неловкія, вялыя руки, изъ которыхъ *все валится*, которыя за все зацѣпляютъ. Буличъ, 307—фин. *kaivella,—elen* „копать, ковырять" (впрочемъ, сомнительно!).

лалаки spl. дёсна — корел. *lailakat* pl. Лѣсковъ, 100.

лаймать v. стучать — корел. *läimätä* id. Погодинъ, 39.

левкóнуть v. промелькнуть—фин. *liuhkaa* id. Неточно Лѣсковъ, 100.

легандать v. колыхаться. Лѣсковъ, 100 считаетъ корельскимъ, но не указываетъ источника.

лейма sf. корова—фин. *lehma* idem. Гротъ, 66.

луда sf. отмель — корел. *luodo* каменистая мель въ озерѣ, фин. *luoto*. Erwast, 342, Лѣсковъ, 101.

лухта sf. мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой—корел. *luhta* „лужа". Лѣсковъ, 101.

лузикъ sm. ложка—фин. *lusikka*. Гротъ, 66, что со славян. лъжька см. Mikkola Berührungen, 41.

лявзать v. болтать—фин. *lausan* idem. Лѣсковъ, 101.

мутникъ sm. неводъ для мелкой рыбы — корел. *mutnikku: mutti*, мелкая рыба. Лѣсковъ, 101.

муштать v. знать, помнить — фин. *muistaa* idem неточно. Лѣсковъ, 101.

мянда sf. pinus silvestris—фин. *mänty* idem. Гротъ, 67, см. Погодинъ, 44.

негла sf. игла—фин. *negla, neula* „игла, хвоя". Гротъ, 67, см. Погодинъ, 46, что съ германск. яз., о чемъ Kluge Et. Wb.[6] 279.

нетина sf. трава у рѣпы—корел. *näatti* idem. Лѣсковъ, 101.

нявгать v. мяукать — корел. *näukoa* id. Лѣсковъ, 101.

нюгандать v. „говорить въ носъ, невнятно"—корел. *nügandan:* фин. *nügistä* см. Лѣсковъ 101.

павна sf. небольшое озеро, лужа—фин. *pauni* id. Гротъ, 67.

пáрзелы spl. помостъ въ овинѣ, на который кладутъ снопы для сушки Петергоф.—фин. *parsi, parren* „перекладины, балки, потолокъ", pl. *parret*, adessivus plur. *parsilla*. Буличъ, 315.

пáхтусъ sm. комъ масла, спахтаннаго въ одинъ пріемъ; *пáхтать* v. сбивать жидкость, встряхивая самый сосудъ, либо лузовкой, *пáхтаться* v. возиться съ кѣмъ; *пáхтанье* sn. творожистая сыворотка, остающаяся по отдѣленіи отъ сливокъ и сметаны масла; *пахтанина, пáхтаница* sf. сыворотка etc. Архангельскъ, Даль III[3], 60 сл.—финск. *pahtaa* „сгущать".

пёккушки spl. молодые побѣги одного полевого растенія, употребляемые весной въ кормъ телятамъ и овцамъ, а дѣтьми

и въ пищу. Петергоф.—фин. *pötkö* „длинный кусокъ, брусокъ, палка“ откуда его выводитъ С. К. Буличъ, 320, не подходитъ по значенію. Скорѣе изъ фин. *pikku* „маленькій“, откуда *пикушно́й* etc., см. Погодинъ, 50.

пехтиль, питки́ль, пихтёръ sm. большой пестъ, Ряз., Сарат., Кур. Даль III³, 292—фин. *petkel*, неточно Гротъ, 67.

пирзать v. плакать — корел. *pirzottai*, *pärzistäj*. Лѣсковъ, 101.

пойга sm. мальчикъ, *пойгашъ* sm. id. — корел. *poiga*, фин. *poika* id. см. Гротъ, 67, Лѣсковъ, 101, см. еще Погодинъ, 47.

присибриться v. подобраться, присосѣдиться, Петергоф. *присебриться* v. 1) подобраться 2) сѣсть ближе, Новг. 3) присвоиться, Пск. Твр., см. Буличъ, 320, сюда же *себра*: sf. община—корел. *siebra* id., фин. *seura* id., эстонск. *sõbr* „другъ“ см. Thomsen, Beröringer mellem de finske og de balt. Sprog, 215, Лѣсковъ, 102. Слово—славянскаго происхожденія см. Solmsen, Kuhns Zeitschr. XXXVII, 592—597, G. Meyer Neugr. Stud. II, 56 сл., Thumb, Indogerm. Forsch. XIV, 349—354.

ратка sf. телѣжка одноколка, въ отличіе отъ четырехколесной телѣжки. Петергоф.—финск. *rattaat* „телѣга“ pl. отъ *ratas* „колесо“. Буличъ, 322.

ровга sf. ледъ, сюда же *ровка, ровда* id. Гротъ, 67, Погодинъ, 55.

рипать v. часто мигать—корел. *ripettäj* idem. Лѣсковъ, 101.

ропака sf. *рупака* sf. грязь по дорогамъ—финск. *ropakko* id. Гротъ, 67.

ропасъ sm. грязь — фин. *rapa* id. Гротъ, 67.

рябандать v. ширшать (бумагой, перьями) — фин. *räbistä*, корел. *räbandan*. Лѣсковъ, 102.

ряса sf. болотистое мѣсто—фин. *räisy* id. Гротъ, 67.

рячконуть v. хрустѣть—корел. *räčkeä* id. Лѣсковъ, 102.

сика sf. свинья—фин. *sika* idem. Гротъ, 67.

сурузну adv. немного—корел. *suurus* idem см. Лѣсковъ, 102. Отсюда ясно, что семасіологическое измѣненіе „завтракъ > крошка > немного“ произошло уже на финской почвѣ. Нерѣшительно Погодинъ, 60 [1]).

---

[1]) Параллель къ этому переходу значенія я вижу въ нѣмецкомъ: Ein *Bisschen*, *„немного“*: *beissen* „кусать“, откуда *Imbiss* „завтракъ“.

торбать v. распушивать весломъ рыбу при ловлѣ ея неводомъ или сѣтями—корел. *tarboa*, фин. *tarpoa* „стучать, плескать шестомъ". Лѣсковъ, 102.

торкать v. *тыркать*, v. толкать, дергать, стучать—корел. *turkaita* „толкать". Лѣсковъ, 102.

ховра sf. дура—фин. *houru* „глупый". Гротъ, 67.

хозать sf. бить—фин. *hosua* id. Гротъ, 67.

чича sf. сестра — корел. *čiča* id. Лѣсковъ, 102, см. Погодинъ, 65: *чйка*.

чихкать v. болѣть—корел. *čihkoa* „горѣть, чахнуть". Лѣсковъ, 102.

чустякъ sm. болячка—корел. *čustäkko* „небольшой прыщъ". Лѣсковъ, 102.

шижликъ sm. ящерица—корел. *šiželihkö*. Лѣсковъ, 102.

шингать v. щипать—корел. *šinguo*. Лѣсковъ, 103.

шорпаки smpl. „сучки, неровности на какой-либо поверхности"—корел. *šorpakko*, *šorpu* id. Лѣсковъ, 102.

шуня sf. пристройка у двери — корел. *šúnja* „ящикъ, помѣщеніе, гдѣ держатъ мякину", см. Лѣсковъ, 103.

юкнуть, юкать v., о кот. Погодинъ, 69; это слово уже раньше отмѣтилъ Лѣсковъ, 103.

ятковать v. твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, часто напоминать — корел. *jatkuo* „продолжать" см. Лѣсковъ, 103.—

Я, повторяю, не считаю себя знатокомъ финскихъ нарѣчій, и приведенныя сейчасъ случайныя замѣтки считаю нужнымъ сообщить для того, чтобы обратить вниманіе болѣе компетентныхъ изслѣдователей на вопросъ, далеко еще не рѣшенный на мой взглядъ. Надѣюсь, что эта статья побудитъ нашего лингвиста къ болѣе тщательной разработкѣ вопроса о финскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ.

М. Фасмеръ.

ЮЖНОСЛАВ. БРАВА „ЗАМОКЪ“.

Во всѣхъ балканскихъ языкахъ распространено названіе замка̀ происхожденіе котораго въ настоящее время признается невыясненнымъ: болг. *брава* (см. Дювернуа, 142, Геровъ, I, 66), серб. *бра̏ва* idem (Караджичъ, 40), алб. *bravε* idem (G. Meyer. Alb. Wb. 45), тур. *brava* (см. Bianchi s. v.), нгреч. *βράβα* idem. Velvendos (Македонія), 'Αρχεῖα I, 2, 80. Источникомъ всѣхъ этихъ словъ обыкновенно считаютъ турецкое *brava* „замо́къ“; между тѣмъ именно это послѣднее слѣдуетъ признать позднѣйшимъ заимствованіемъ (см. G. Meyer, Türk Studien. I, 2) и, если обратить вниманіе на то, что это слово имѣется со спеціальнымъ значеніемъ „замо́къ боснійскаго издѣлія“, (см. Blau, Bosnisch-Türkische Sprachdenkmäler 7), то славянское происхожденіе его не подлежитъ никакому сомнѣнію; и албанское слово восходитъ къ тому же источнику. Съ другой стороны южнославянскія формы остаются этимологически невыясненными. То обстоятельство, что онѣ этимологически совершенно обособлены, а затѣмъ и географически мало распространены, ясно указываетъ на иноязычное ихъ происхожденіе. Возводить же ихъ къ праславянскому языку по тѣмъ же причинамъ совершенно невозможно. Это дѣлаетъ невѣроятнымъ производство слова чрезъ посредство праслав. **borva* отъ ит. исп. *barra*, фрц. *barre* „палка, задвижка“ (см. G. Meyer Alb. Wb. 45, Thurneysen Kelto-rom. 49), что, впрочемъ, сомнительно уже потому, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ слово наше именно имѣетъ значеніе „замо́къ“, а отнюдь не „задвижка“.

Между тѣмъ, въ османскомъ языкѣ мы находимъ и другую форму: *pεrava* „замо́къ“ (см. G. Meyer, Türk. St. I, 2, Ngr. St. II 46, Alb. Wb. 45), которую нельзя отдѣлить отъ указанныхъ формъ. Svarabhakti гласнаго звука ε въ османскомъ языкѣ—явленіе обычное (см. G. Meyer, Türk. St. c. l.). Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ балканскія формы съ начальнымъ *b* слѣдуетъ разсматривать, какъ заимствованія съ греческаго языка, гдѣ начальные глухіе согласные въ Sandhi измѣняются въ соотвѣтствующіе звонкіе (см. M. Vasmer B. Z. XVI, 544—549). Такимъ образомъ, мы дошли до болѣе древняго греч. *πράβα*, сохранившагося въ османскомъ *pεrava*, а это слово, въ свою очередь, заимствовано изъ славянскихъ языковъ и, съ Sandhi-ческимъ исчезновеніемъ начальнаго *о*,—должно быть выведено изъ ст.-слав. *оправа*, не засвидѣтельствованнаго, но вполнѣ вѣроятнаго въ виду, напр., русскаго *опра́ва* „снасти для ремесла“ Пск. *Твр. см. Даль* II^3, 1770.

М. Фасмеръ.

Югославянскія древности въ изложеніи проф. Л. Нидерле. I ч. II т. Слав. древн.[1])

Проф. Нидерле, начавшій печатаніе обширнаго труда Слав. Древностей въ 1901 г., успѣлъ уже выпустить первый томъ въ двухъ частяхъ. Pûvod a počátky nàroda slovanského. Въ 1906 г. вышла первая часть второго тома, посвященная вопросу о происхожденіи южныхъ славянъ.

Вышедшая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1—географическое и этнографическое обозрѣніе придунайскихъ и балканскихъ земель; 2—два направленія въ изученіи происхожденія южныхъ славянъ, одно, которое отстаиваетъ старобытность славянъ въ этихъ земляхъ, и другое, утверждающее ихъ позднiй приходъ въ эти земли, 3—появленіе славянъ на Дунаѣ и Савѣ въ первыя столѣтія по Р. Хр.; 4—исторически засвидѣтельствованное движеніе славянъ въ V, VI и VII столѣтіяхъ и 5 — спорный вопросъ о приходѣ на Балканскій полуостровъ сербовъ и хорватовъ.

Вторая часть будетъ состоять изъ четырехъ главъ: 6—этнографическія отношенія на Балканахъ и на Дунаѣ въ VI—VIII стол.; жилища славянъ, грековъ и румынъ (Влаховъ); остатки первоначальнаго населенія и другихъ приходившихъ въ эти земли народовъ; 7—раздѣленіе южныхъ славянъ на группы: славянскую, сербо-хорватскую и болгарскую; славяне въ Дакіи, Греціи и Малой Азіи; 8—имена Σκλαυηνοί и Σκλάβοι—какъ народное имя славянъ и 9—что можетъ сказать археологія на вопросъ, когда и какъ славяне появились на Дунаѣ и Балканахъ.

Первая часть начинается описаніемъ карпатскихъ и балканскихъ горныхъ проходовъ и путей, которыми могло происходить передвиженіе славянъ изъ ихъ прикарпатской прародины.

---

[1]) Slovanské Starožitnoste díl II. Pûvod a počátky Slovanû jižnich. sv. 1. V Praze. 1906.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе горныхъ хребтовъ на Карпатахъ и Балканахъ, при чемъ сопоставляются имена, извѣстныя въ древности, съ новыми. Точно также перечисляются притоки Дуная и другія рѣки, впадающія въ Черное, Егейское и Адріатическое море. Оканчивается это обозрѣніе перечнемъ озеръ. При этомъ приложена карта: Бассейнъ Дуная въ древности съ границами римскихъ провинцій I — II в.; на этой картѣ рядомъ съ древними названіями мѣстами присоединены и современныя.

За этимъ обозрѣніемъ природы Балканскаго полуострова слѣдуетъ перечень искусственныхъ путей сообщенія, которые раздѣляются на четыре группы: сѣть дунайско-солунская, сѣть дунайско-царьградская, сѣть далматинско-паннонская и сѣть дакійская.

Отъ этого описанія путей авторъ переходитъ къ населенію балк. земель, которое греки подраздѣляли съ самаго начала своихъ сношеній съ прибрежьемъ и внутренностію полуострова на двѣ крупныя народныя группы — Ѳракійцевъ и Иллировъ. Ѳракійцы занимали въ Европѣ первоначально обширную территорію. Ихъ западная граница шла долиной Тиссы, Моравы и Вардара (Аксія), на югѣ Егейскимъ и Мраморнымъ моремъ, на востокѣ Чернымъ моремъ, на сѣверѣ они достигали Карпатскихъ горъ и занимали, судя по всему, въ старшую эпоху и значительную часть Закарпатья подъ именемъ Киммерійцевъ въ части южной Руси. Позднѣе они были вытѣснены изъ своихъ Закарпатскихъ жилищъ и изъ сѣверныхъ Карпатъ. Принимая во вниманіе позднѣйшее движеніе Ѳракійцевъ въ южномъ и юговосточномъ направленіи, проф. Нидерле предполагаетъ, что прародина Ѳракійцевъ находилась сѣвернѣе гдѣ нибудь при Карпатахъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ прародиной Славянъ, занимала южные склоны Карпатъ и весь массивъ Седмиградскій съ бассейномъ Серета, Прута и Днѣстра, въ то время какъ праславяне занимали сѣверныя пространства. Отсюда изъ этой Карпатской прародины Ѳракійцы разселялись къ югу на Балканъ, а съ Балкана въ Малую Азію.

На основаніи изслѣдованій Томашка и Кречмера г. Нидерле приходитъ къ заключенію, что Балк. полуостровъ, насколько онъ не былъ на западѣ занятъ Иллирами, принадлежалъ южной фракійской группѣ Мизамъ и Фригійцамъ, которые и языкомъ и культурой отличались отъ сѣверныхъ Ѳракійцевъ. Эта волна Ѳрак. не удержалась здѣсь, но въ результатѣ постояннаго натиска сѣверныхъ Ѳракійцевъ была отчасти оттѣснена

за Босфоръ и Геллеспонтъ въ Малую Азію, отчасти, насколько она осталась на Балканѣ, была разорвана, и позднѣе, между мелкими племенами Фриговъ и Мизами, мы находимъ племена, очень отличающіяся и нарѣчіемъ и низшей болѣе грубой культурой, принадлежавшія сѣверной группѣ. Въ распредѣленіи между этими двумя группами отдѣльныхъ племенъ возможны поправки, но для историка Слав. Древностей достаточно уже того факта, что въ историческую эпоху Балканъ на востокъ отъ линіи Морава—Вардаръ былъ наполненъ множествомъ народовъ разной культуры, разныхъ нарѣчій, но Греками и позднѣе Римлянами объединенныхъ въ понятіи одного Ѳракійскаго народа. Въ его составъ входили Эдоны по нижнему теченію Струмы, Мизы между Дунаемъ и Балканами, Сатры въ Орбельскихъ и Родопскихъ горахъ, Бессы по верхнему теченію Эбра, Одрысы на Тонзѣ и Ергиніи, Трибаллы на Моравѣ. Но не всѣ Ѳракійцы ушли изъ своей сѣверной прародины, значительная ихъ часть осталась въ низменностяхъ венгерской, валашской и молдавской, а именно въ котловинѣ Седмиградской. И не смотря на то, что въ историчекую эпоху они много разъ самовольно или по принужденію переходили за Дунай, всетаки на сѣверѣ ихъ осталось еще столько, что къ началу I в. по Р. Х. они были въ состояніи создать огромное, сильное государство. Для Ѳракійцевъ за нижнимъ Дунаемъ употреблялось имя Гетовъ, позднѣе Даковъ. И тѣ и другіе значительно отличались отъ южныхъ Дакійцевъ, настолько, что относительно Даковъ возникаетъ даже сомнѣніе, можно ли причислять ихъ къ чистымъ Ѳракійцамъ. Что касается Гетовъ и Даковъ, то опять таки не вполнѣ ясно, представляютъ ли они двѣ самостоятельныя группы, или Даки только римское имя Гетовъ.

Родина Иллирійцевъ точно также была гдѣ то въ Средней Европѣ и отсюда тѣснимые сѣверо-европейскими племенами рядомъ съ греками они постепенно продвинулись на югъ. Греки проникли въ самую южную часть Балк. полуострова, Иллиры заняли сѣверную часть Адріатическаго моря съ обѣихъ сторонъ. Подъ натискомъ Италійцевъ Западная часть оторвалась отъ цѣлаго и проникла на полуостровъ Калабрію, такъ что на сѣверѣ въ историческую эпоху остались только приадріатическіе Венеты. Большая часть Иллирійцевъ сосредоточивалась на противоположной территоріи Балк. полуострова. Тамъ въ историческую эпоху на пространствѣ, ограниченномъ на западѣ Адріатическимъ моремъ, на югѣ Эпиромъ, на востокѣ приблизительно долиной Вардара и Моравы, жили племена Автаріатовъ, Ар-

діевъ (Вардаіевъ), Далматовъ, Истровъ, Либурновъ, Яподовъ, Мазаевъ и Иллировъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Сѣверную границу Иллировъ трудно опредѣлить, потому что мы хорошо не знаемъ, въ какомъ отношеніи они были къ Паннонцамъ. Можно только думать, что въ виду распространенія имени Иллирика на всю территорію отъ Вѣнскаго лѣса и Альпъ до болгарской Моравы племена паннонскія не отличались отъ иллирскихъ по своему происхожденію, и имя Паннонія первоначально было только понятіе территоріальное.

Но различить народность отдѣльныхъ племенъ трудно, потому что крупныя этнографическія перемѣны въ эпоху передъ римской оккупаціей внесены были приходомъ въ придунайскія земли Галловъ. Результатомъ ихъ движенія на юго-востокъ было то, что на Балканѣ, а еще болѣе въ Панноніи, между Ѳракійцами и Иллирами поселились галльскія племена. Во Ѳракіи въ 276 г. на верхней Тунджѣ возникло Галльское государство съ центромъ Τύλη (нынѣшнее Туловское поле). Въ Илліріи, на югъ отъ Савы, въ восточной Боснѣ и Сербіи гальское племя Скордисковъ. Наиболѣе же была погальщена область между Альпами и Дунаемъ.

Дальнѣйшая часть первой главы посвящена тѣмъ перемѣнамъ, какія въ этихъ областяхъ явились результатомъ римской оккупаціи. Приложены три карты Балк. полуострова въ эпоху римскую: на первую нанесены провинціи, во второй размѣщены народности, третья представляетъ земли балканскія и задунайскія у Птоломея.

Во второй главѣ проф. Нидерле касается извѣстнаго взгляда объ старобытности славянъ на Дунаѣ и на Балканѣ. Напоминая, что имъ уже въ первомъ томѣ своего труда былъ разобранъ вопросъ о слав. прародинѣ и результатомъ разбора было заключеніе о томъ, что ее приходится искать въ сѣверной Европѣ, на сѣверъ отъ Карпатъ и что обратный выводъ о томъ, что всѣ славяне жили первоначально при Дунаѣ на Балк. полуостровѣ (преданіе нашей Кіевской лѣтописи) обнаруживаетъ искусственное происхожденіе и явился послѣдствіемъ примѣненія библейскихъ преданій о сотвореніи міра и разселеніи народовъ изъ земли Сенааръ,—проф. Нидерле кратко знакомитъ, съ какого времени и при какихъ условіяхъ этотъ взглядъ распространялся какъ въ старой слав. письменности, такъ и въ новѣйшей литературѣ.

Проф. Нидерле относится къ этому взгляду отрицательно. Древніе авторы въ извѣстіяхъ о Иллирахъ и Ѳракійцахъ счи-

гаютъ ихъ самостоятельными племенными группами и никогда не отождествляютъ ихъ съ сѣвернымъ народомъ, извѣстнымъ имъ подъ именемъ Венедовъ или Венетовъ, а позднѣе подъ именемъ славянъ. Когда позднѣе въ VI—VII вв. славяне отождествляются съ Готами, или еще позднѣе съ Трибаллами, Даками и Иллирами, то такое отождествленіе есть результатъ перенесенія старыхъ именъ на новый народъ, подобно тому, какъ въ позднее время славянъ отождествляли съ Скиѳами, Сарматами, Гуннами, Аварами, Готами, или же какъ Готовъ и др. германцевъ обозначали именами Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ. Соединеніе славянъ съ старыми балканскими народами, спеціально съ Иллирами, было порождено теоріями о придунайской прародинѣ и о проповѣди у славянъ апостоловъ.

Что такая точка зрѣнія правильна, за это говоритъ сравнительное изученіе арійскихъ языковъ. Насколько позволяютъ судить сохранившіеся остатки яз. иллировъ и фракійцевъ, личная и географическая номенклатура, эти яз. были двумя самостоятельными арійскими группами. Ѳракійцы и Иллиры были самостоятельными народами, говорившими языкомъ, отличнымъ отъ слав. и родственнымъ только въ силу общеарійскаго происхожденія. То же можно утверждать и о племенахъ паннонскихъ. Номенклатура паннонская, поскольку она не есть галльская, обнаруживаетъ свой неслав. характеръ, какъ и номенклатура сосѣдняго Норика. То же можно сказать и о Дакійцахъ и Гетахъ. Ихъ языкъ былъ всего ближе къ языку Ѳракійцевъ. Если же обнаруживаются признаки, указывающіе на близость этихъ языковъ къ литов. слав. группѣ, то это легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что нарѣчія гетодакскія издавна сосѣдили съ славянскими и до нѣкоторой степени гетодакійскую группу можно было бы считать переходной отъ собственныхъ Ѳракійцевъ къ славянамъ—не говоря уже о томъ, что въ понятіе Дакіи и Гетики въ древности включались и племена чуждыя, даже прямо славянскія. Съ этой стороны объяснять топографическую номенклатуру Иллиріи и Ѳракіи изъ языковъ славянскихъ ошибочно. Не говоря уже объ объясненіяхъ явно несообразныхъ, нельзя дѣлать никакихъ заключеній изъ сходства именъ, которое одно не можетъ быть доказательствомъ слав. происхожденія. Напр. Asamus—Осма, Utus—Видъ, Oescus—Искеръ, Timachus—Тимокъ, Savus—Сава и др. Таковы имена, близость которыхъ можетъ объясняться общими разнымъ арійскимъ народамъ корнями и формами, или же имена, которыя славяне передѣлали, придя на Балканъ, подъ вліяніемъ народ-

ной этимологіи. Напр. изъ Ulpiana—Липлянъ, изъ Curicum—*krk*, Cresta—*Krstac*.

Проф. Нидерле настаиваетъ на томъ, что для объясненія какихъ либо именъ изъ слав. яз. должно быть засвидѣтельствовано исторически, что на извѣстной территоріи были славяне, или же по крайней мѣрѣ, что съ ними надо считаться. Иначе, какъ выражался Миклошичъ, можно и Мекку съ Мединой соединять съ славянами.

Наибольшее сходство представляютъ по имени адріатич. Венеты ср. Венеды. Но судя по мѣстнымъ названіямъ, это имя произведено отъ корня общаго разнымъ арійскимъ народамъ. Что Венеты не были славяне, очевидно изъ того, что мы о нихъ знаемъ. Имена, какъ Tergeste Тржиште, Velunum, Velyn Волынь, Gradus градъ—не могутъ служить доказательствомъ: Tergeste напоминаетъ цѣлый рядъ именъ, каковы Este, Ladesta, Ateste, только Gradus можно было бы сопоставлять съ слав. градъ, но оно встрѣтилось впервые у Павла Діакона; да если бы было и старше, то вопросъ не рѣшался бы: есть Gradus недалеко отъ Марселя.

Не могутъ имѣть значенія по мнѣнію проф. Нидерле и доказательства, взятыя изъ этнографіи, археологіи и антропологіи. Напр. утвержденіе Богуславскаго о первичности задруги, которая де не могла быть принесена изъ сѣверной прародины; совпаденіе одежды чернаго цвѣта у старожиловъ сѣвернаго побережья Адріатическаго моря и у Резьянъ: сколько разъ засвидѣтельствовано, что вновь пришлыя племена принимали обычаи, которые нашли, напр., мадьяры отъ славянъ въ Венгріи. Слова πῖνον, кметъ, коляда тоже ничего не доказываютъ. У 1-го слова общій арійскій корень; кмет—или отъ дакійскаго κομήτης, или отъ лат. comes, comitis; кол ѧда изъ calendae, а не наоборотъ.

Археологическія объясненія славянскаго характера галльштатской культуры, центръ которой въ сѣверной Италіи, сѣверовосточныхъ Альпахъ и сѣверо-западномъ углу балканскаго полуострова, слѣдовательно не представляетъ особой племенной культуры, не выдерживаютъ критики. Сходство формы нынѣшнихъ сосудовъ и галльштадскихъ выражается только въ основныхъ первичныхъ формахъ керамики, которыя возникли по всему свѣту. Иначе, каждый опытный археологъ знаетъ, что между галльштатской керамикой и позднѣйшей славянской глубокая пропасть, благодаря вліянію римской керамики.

Галльштатская культура ведетъ насъ на югъ, гдѣ уже въ

силу историческихъ и лингвистическихъ доводовъ не можетъ быть рѣчи о родинѣ славянъ. Антропологическое доказательство—брахикефалія славянъ могло бы имѣть силу, если бы она была единственнымъ слав. типомъ—брахикефалія дѣйствительно концентрируется на югѣ Карпатъ, въ Альпахъ и иллирскихъ горахъ. Но противъ нея говоритъ начальная исторія славянъ, въ эпоху которой преобладаютъ иные типы. Да и вообще антропологическія проблемы въ настоящее время еще слишкомъ неясны и спорны, чтобы на нихъ полагать основаніе иллирско-дунайской теоріи о происхожденіи славянъ, какъ это дѣлаетъ Заборовскій.

Попытку примирить сторонниковъ старобытности славянъ въ придунайскихъ земляхъ и на Балканѣ сдѣлалъ Шафарикъ. Убѣдившись, что Иллиры, Ѳракійцы, Геты и Даки не были славянами и что движеніе славянъ на Балканскій полуостровъ засвидѣтельствовано историческими источниками только отъ конца V или отъ начала VI в. по Р. Х., Шафарикъ выставилъ такое положеніе: Славяне уже въ древности по приходѣ изъ Азіи распространились по всей средней Европѣ на такомъ обширномъ пространствѣ, что ихъ область въ V в. до Р. Х. простиралась отъ Вислы и Балтійскаго моря, озера Ильменя и Дона до Адріатическаго моря; но въ IV стол. передъ Р. Х. вслѣдствіе нападенія Галловъ одна часть слав. племенъ изъ Подунавья и Посавья вернулась назадъ на Карпаты и въ Закарпатье, а другая разсѣялась по Балкану, быстро исчезнувъ среди иллирскаго и ѳракійскаго населенія. Такъ объясняется преданіе Кіевской Лѣтописи. Только лишь часть славянъ болѣе компактная удержалась на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря между Истріей и устьемъ Пада, сохранивъ имя Венетовъ. Адріатическіе Венеты и рядъ племенъ на Балканахъ, каковы Кровизы, т. е. Кривичи, Трибаллы сербы, Коралы, т. е. Горалы, Бессы, т. е. Бѣсы и Сарматы servi въ Венгріи сохранились, какъ остатки первоначально занятой славянами территоріи; такъ объясняется рядъ старыхъ топографическихъ именъ на Балканахъ, въ Панноніи, Дакіи. Только во II в. по Р. Хр. наступило вновь передвиженіе славянъ на югъ и только въ VI в. снова была ими занята венгерская низменность съ Альпами и въ VI и VII в. полуостровъ Балканскій.

Попытка эта не имѣла успѣха: начальная исторія славянъ говоритъ болѣе въ пользу сѣверной закарпатской родины славянъ, новая теорія о европейскомъ происхожденіи арійцевъ исключаетъ приходъ ихъ изъ Азіи черезъ Балканъ, а греческіе

и латинскіе историческіе источники умалчиваютъ о томъ, что движеніе Галловъ вызвало переселеніе славянъ.

На смѣну этой теоріи выступила другая, согласно которой о славянахъ на Дунаѣ и Балканахъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда заслуживающіе довѣрія источники называютъ ихъ здѣсь и когда исторія того времени видитъ въ нихъ новый переселившійся съ сѣвера неизвѣстный ранѣе народъ. Въ числѣ многочисленныхъ ученыхъ, державшихся этого взгляда, Нидерле называетъ Добровскаго, Цейсса, позднѣе Мюлленгофа, Ресслера, Миклошича, а также весьма многихъ изъ современныхъ славянскихъ историковъ и филологовъ.

Расходятся только въ точномъ хронологическомъ опредѣленіи эпохи, когда славяне достигли Дуная и Савы. Одни относятъ ее къ 453 г.—паденію гуннской державы, другіе ко времени прихода болгаръ въ концѣ V в. и наконецъ большинство къ приходу Аваровъ во второй половинѣ VI в.

Наиболѣе твердо установленными могутъ считаться слѣдующія положенія.

1. До VI стол. источники не говорятъ о славянахъ въ Подунавьѣ, помѣщая здѣсь другіе многочисленные народы явно неславянскаго происхожденія.

2. Іорданъ въ исторіи Готовъ въ 551 г. прямо говоритъ, что славяне въ его время занимаютъ огромное пространство отъ Вислы и Днѣпра до Савы и нижняго Дуная.

3. Извѣстія того же автора и другіе ему современные источники упоминаютъ о первыхъ нападеніяхъ славянъ на Балканы впервые со времени вступленія на царство императора Юстиніана въ 527 г.

Отвергая всѣ попытки славянизаціи Паннонцевъ, Иллировъ, Ѳракійцевъ, Гетовъ и Даковъ, ученые историки исходятъ изъ датъ 527 и 551 г. Если Іорданъ въ 551 г. не знаетъ славянъ на югѣ Дуная, а только на сѣверѣ, то очевидно они еще не заняли къ тому времени всего Балк. полуострова и ихъ разселеніе изъ-за Карпатъ къ Савѣ и Дунаю должно было произойти незадолго передъ тѣмъ, ибо старшіе источники не приводятъ ихъ ранѣе въ Панноніи или Дакіи.

На основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій проф. Нидерле не находитъ однако возможнымъ вполнѣ примкнуть къ этому направленію. Не отвергая того, что занятіе славянами Балк. полуострова можно относить только къ половинѣ VI в., онъ высказывается въ пользу того, что движеніе Славянъ на югъ началось за долго ранѣе V в. и что отдѣльныя мѣстности

Подунавья были заняты Славянами еще передъ Р. Хр., или по крайней мѣрѣ въ I—II вв. по Р. X.

Славяне не были на Балканахъ старожилами, здѣсь не было ихъ прародины въ смыслѣ Кіевской Лѣтописи или новыхъ теорій, но изъ Закарпатья они проникли сюда ранѣе V — VI вв. по Р. X., хотя бы и только мѣстами среди старшаго иллирскаго и ѳракійскаго населенія.

Убѣжденный, что среди названій, приводимыхъ въ пользу старобытности Славянъ, есть хотя и не много несомнѣнно славянскихъ, проф. Нидерле считаетъ необходимымъ считаться съ этимъ, онъ видитъ въ наличности имени личнаго или имени мѣстности на картѣ указаніе на нахожденіе среди чуждой области слав. индивидуума, или слав. общины. Въ этомъ смыслѣ по его мнѣнію и можетъ и должна быть сдѣлана уступка сторонникамъ старобытности. Но при этомъ недостаточно только филологическаго объясненія, необходимо непремѣнно свидѣтельство въ пользу присутствія Славянъ въ такомъ мѣстѣ или по крайней мѣрѣ вѣроятности такого присутствія. Поэтому только въ томъ случаѣ, если удастся указать, что область, въ которой выступаютъ такія слав. имена, была въ сношеніяхъ съ Славянами, если удастся указать изъ исторіи, что дѣло идетъ объ области въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ областію Славянъ, въ которой раннее появленіе Славянъ a priori мы должны предполагать и имѣется въ пользу такого предположенія рядъ различныхъ и важныхъ данныхъ, только тогда могутъ имѣть силу филологическія соображенія.

Въ слѣдующей третьей главѣ Нидерле и переходитъ къ вопросу о раннемъ движеніи славянъ къ Дунаю до конца V в.

Въ пользу этого говорятъ апріорныя соображенія и рядъ положительныхъ данныхъ изъ исторіи и географіи Подунавья.

Сгруппировавъ извѣстія о переселеніи на югъ въ эпоху римской имперіи сѣверныхъ народовъ Свевовъ, Готовъ, Вандаловъ, Гепидовъ и др., Гунновъ, объ уходѣ Готовъ на Балканъ и въ Италію, о приходѣ Лангобардовъ и Болгаръ, проф. Нидерле приходитъ къ слѣдующему заключенію.

Изъ-за горъ Судетскихъ и Карпатскихъ — чаще всего съ Одера и Вислы черезъ Моравію или Яблоновскій проходъ, начиная съ конца 1 стол. по Р. X., а главнымъ образомъ во II—IV в. подвигались на югъ разныя сѣверныя племена. Уже a priori неправдоподобно, чтобы этимъ теченіемъ не были увлечены и Славяне, жившіе на берегахъ Вислы и Одера, а равнымъ образомъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, откуда шли Готы, Гунны и

Болгаре—хотя бы историческіе источники прямо о нихъ и не упоминали.

Другимъ важнымъ доводомъ апріорнаго характера является исполинское расширеніе славянства въ VI—VII вв. Въ эту эпоху славяне живутъ на пространствѣ, ограниченномъ на западѣ Лабой, Салой, Шумавой и Альпами, на востокѣ Дономъ, и на югѣ за Дунаемъ они занимаютъ обширныя области Балк. полуострова, достигая морей Егейскаго, Адріатическаго и Чернаго. Они живутъ здѣсь на пространствѣ навѣрное въ 2—3 раза большемъ, нежели было то пространство, на которомъ согласно изслѣдованіямъ Мюлленгофа и Реслера должны были находиться въ своей закарпатской прародинѣ до начала V в.

Если бы такое распространеніе славянъ произошло въ теченіе двухъ столѣтій (съ конца V по VII), то естественно было бы ожидать освобожденія ихъ первоначальной родины аналогично тому, что замѣчается по отношенію къ Германцамъ. Когда Готы, Гепиды, Лангобарды, Вандалы, Бургунды вышли изъ восточной Германіи, она совсѣмъ освободилась. У славянъ замѣчается иное явленіе: старыя закарпатскія жилища ими полны, на Лабѣ нагромождены племена славянъ полабскихъ, сербскихъ, чешскихъ, въ Привисляньѣ съ этого времени возникнетъ сильное польское государство, далѣе между Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ помѣщается сильное ядро будущаго русскаго народа, который не смотря на то неустанно высылаетъ изъ своей среды многочисленныя колоніи на сѣверъ и востокъ противъ финновъ. Это явленіе приводитъ къ убѣжденію, что не было быстраго разселенія славянъ въ V—VI вв., что напротивъ гораздо ранѣе постепенно славяне занимали земли, въ которыхъ мы застаемъ ихъ позднѣе.

Къ этимъ апріорнымъ соображеніямъ присоединяются и историческія указанія появленія славянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ позднѣе они появляются съ этимъ именемъ.

Не говоря уже о томъ, что въ числѣ надвигающихся съ сѣвера народовъ возможно допускать славянское происхожденіе Костобоковъ и Карповъ, можно указать болѣе прямыя свидѣтельства. Это прежде всего Певтингерова карта III в. послѣ Р. Хр., на которой дважды нанесены Венеды вблизи Дуная. Нельзя предполагать позднее добавленіе на этой картѣ Венедовъ какимъ либо редакторомъ этой карты. Эсли бы это добавленіе было сдѣлано, напр., въ V или VI вв., то вмѣсто имени *Venedi* на ней бы явилось имя *Sclavaeni*.

Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что имя славянъ

вписано здѣсь во время, близкое къ тому, когда, какъ намъ извѣстно изъ Плинія, Тацита, и Птолемея, славяне были извѣстны римлянамъ подъ галло-германскимъ именемъ Венедовъ.

Другой фактъ представляетъ исторія венгерскихъ Сарматовъ. Въ Банатѣ жили два племени Сарматовъ, сознававшія себя отдѣльными одно отъ другого и другъ другу враждебныя: свободные и несвободные Сарматы. На мѣстѣ этихъ послѣднихъ позднѣе являются славяне, при отсутствіи какихъ либо упоминаній о происшедшей здѣсь смѣнѣ народовъ. Это подтверждается этнографическими отношеніями въ Венгріи въ III—V вв. Когда въ концѣ IV в. господство Сарматовъ смѣнилось господствомъ Гунновъ, нижняя Венгрія стала ихъ центромъ. Ссылаясь на извѣстныя изъ описанія посольства Приска и исторіи готовъ Іордана слова μέδος, κάμος, strava, Нидерле склоняется въ пользу ихъ слав. этимологіи. Онъ понимаетъ первое какъ медъ, сближаетъ второе съ сербскими ком, комина, комов (объясненіе Гильфердинга), а что касается послѣдняго, то теперь это слово у славянъ значитъ пища, но еще въ XV в. у поляковъ и чеховъ оно значило погребальное угощеніе. Объяснять слово strava изъ готскаго языка не позволяетъ то, что Іорданъ, готъ родомъ, приводитъ это слово какъ принадлежащее языку мѣстнаго населенія, на что справедливо указывали Котляревскій и Брюкнеръ.

Отсюда вытекаетъ заключеніе, что народъ, въ половинѣ V в. жившій между Дунаемъ и Тисой и подчиненный Гуннамъ, былъ славянскаго происхожденія.

П. Лавровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ.

(*Продолженіе*).

2. Начала пастурели.

Вопросомъ о происхожденіи такой популярной лирической формы какъ пастурель, историки литературы заинтересовались уже давно. Послѣ цѣлаго ряда неопредѣленныхъ указаній на ея народное происхожденіе и древность, сдѣланныхъ Diez'емъ, Wackernagel'емъ, Fauriel'емъ Bartsch'емъ, Gröber попытался впервые выяснить исторію ея происхожденія. Подобная работа (Die altfranzösischen Romanzen und Pasturellen, Zürich, 1872) явилась какъ естественное дополненіе къ изданному въ 1870 году Барчемъ сборнику пастурелей, и выросла изъ рецензіи на него, помѣщенной въ Jahrbuch für rom. und engl. Liter. Подробная оцѣнка работы Грёбера сдѣлана уже Jeanroy, поэтому, если я въ цѣляхъ методическихъ позволяю себѣ коснуться ея снова, то остановлюсь только на важнѣйшихъ положеніяхъ и моментахъ изслѣдованія. Пытаясь внести логическій распорядокъ въ нѣсколько внѣшнюю классификацію Барча, Грёберъ обратилъ особое вниманіе на составъ первой части его сборника, содержащей въ себѣ такъ называемые романсы. Изъ общей массы пьесъ, означенныхъ у Барча этимъ терминомъ, необходимо выдѣлить небольшую группу, именно пѣсни, которыя по содержанію примыкаютъ къ пастурели, но которыя переносятъ насъ въ обычную куртуазную среду и въ которыхъ предметъ ухаживанья поэта — замужняя дама, точнѣе malmariée.

Въ той системѣ, въ какой они помѣщены въ Romanzen und Pasturellen, они занимаютъ среднее мѣсто между этими послѣдними. Это обстоятельство подсказало, однако, повидимому, Грёберу его теорію, которая даетъ какъ бы историческое обоснованіе случайной классификаціи Барча. Грёберъ

различаетъ въ цитуемомъ сборникѣ три отдѣла (или даже четыре): первый—романсы; второй—состоитъ изъ пьесъ, которыя онъ характеризуетъ неудачно выбраннымъ терминомъ sons d'amour или sonnets (p. 10; ch. à personnages по терминологіи G. Paris'a; ch. dramatiques у Jeanroy, Les origines[2], p. 84 и сл. Sons выдѣляетъ отчасти и Барчъ, p. XI); третій — пастурели (четвертый или точнѣе третій — въ такомъ случаѣ пастурели составятъ особую четвертую группу — представятъ собою пьесы, напоминающія по своему объективному тону романсы или chansons d'histoire, chansons de toile, какъ ихъ называли и въ средніе вѣка; но ситуація ихъ перенесена въ настоящее время; эта послѣдняя черта роднитъ ихъ съ chansons à personnages. Примѣромъ пѣсни четвертой категоріи можетъ служить I 10, Helier et Oriolanz). Первыя, изображающія „конфликтъ сердца съ долгомъ и обязанностью повиноваться или тоску по любимомъ существѣ и жажду соединиться съ нимъ" (p. 10),—стоятъ на почвѣ „amor loyal". То, о чемъ разсказываетъ поэтъ — дѣло прошлаго; героиня — дочь короля (I 2, I 9) или императора (I 16, I 4). Эти пѣсни— обработка, болѣе или менѣе куртуазная, народныхъ мотивовъ (p. 10, p. 13—14, сл. Bartsch, p. X). Sons d'amour представляютъ собою дальнѣйшую разработку мотивовъ chansons d'histoire, предпринятую придворными художниками-поэтами. Эпоха расцвѣта этой формы относится къ концу XII в. и опредѣляется началомъ извѣстной пьесы Conon de Béthune (= № 1574, по G. Raynaud): L'autrier avint en chel autre pais (ed. Wallensköld, № X, p. 239), написанной въ 1191 г. (по Валленшёльду не ранѣе 1192 г.; o. c., p. 174, ср. p. 105). Тѣмъ же словомъ, но не тѣмъ же образомъ начинаются и sons; но даже принимая сопоставленіе Грёбера, едва ли можно сдѣлать какіе-либо выводы на основаніи такой общей формулы. Позднѣйшее развитіе ch. d'istoire опирается на данныя культурно-историческія. Они отражаютъ въ себѣ ростъ буржуазіи, проникновеніе въ эту среду куртуазныхъ началъ, которыя очень скоро овладѣли буржуазными дамами; онѣ стали героинями галантныхъ приключеній, популярными въ силу меньшей доступности и необходимости, стало быть, борьбы для завоеванія ихъ сердца, покой котораго тщательно блюли ихъ ревнивые vilains—мужья, пришедшіе къ этой системѣ путемъ горькаго опыта, и извѣдавшіе опасность „jeu d'amors", которыми такъ легко смущали ихъ женъ блестящіе рыцари. Пастурели являются конечнымъ этапомъ развитія реа-

лизаціи старыхъ мотивовъ романсовъ (1 р. 18 и 21): вмѣсто сада передъ нами поле; вмѣсто дамы—пастушка, tosa, pucele. „Wie nicht von Volkssängern verfasst und nur zum Ergötzen hochstehender Kreise bestimmt, so ist auch nichts von einem populären Tone, der sie als Nachbildungen von Schäferliedern escheinen lassen könnte, in ihnen zu bemerken“ (р. 20; сл. р. 18). Пастурели куртуазны по своему характеру; они не могли, поэтому, развиться изъ народной формы; ихъ прототипъ — sons.

Если въ романсахъ есть достаточно данныхъ для опредѣленія общественнаго положенія героинь, то sons очень скудны ими; но это не даетъ намъ накакого права видѣть въ дамахъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь, непремѣнно представительницъ городского сословія; указанія нѣкоторыхъ sons, вполнѣ отчетливыя и ясныя, наоборотъ, даютъ основанія совершенно иначе опредѣлить ихъ сословную окраску:

(I 46 v. 11) si ai trove au pie d'un munt,
chapel faisant en un prael,
la fille au seignor d'un chastel...

Въ II 61, относящейся къ тому же типу пѣсенъ, поэтъ встрѣчаетъ рыцаря (v. 7); въ I 63 онъ слышитъ въ саду, en un vergier clos d'aiglentier, звуки скрипки и видитъ затѣмъ танцующую парочку, un chevalier et une damoisele (v. 5 сл.). Если такъ, то строгая постепенность въ переходѣ отъ романса къ пастурели нарушается; одно изъ промежуточныхъ звеньевъ выпадаетъ, между тѣмъ какъ система Грёбера мыслима только при систематическомъ чередованіи отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ данныхъ пѣсняхъ и подсказана именно этимъ, искусственно проведеннымъ чередованіемъ. Наконецъ, она не считается вовсе съ содержаніемъ сопоставляемыхъ пѣсенныхъ категорій. Почему malmariées стали возможны только въ буржуазной средѣ? Организація семейной жизни рыцарства, феодальной аристократіи давала не меньше поводовъ къ созданію подобнаго типа. Помимо sons Грёбера, тема malmaritata одна изъ наиболѣе популярныхъ темъ народной поэзіи различныхъ народностей. Съ другой стороны нѣсколько поражаетъ забвеніе этого, основного въ sons, мотива, когда въ пѣснѣ стали изображать рыцаря и пастушку, тогда какъ мы ждали бы, собственно говоря, простой пасторализаціи sons.

Обстоятельнымъ разборомъ положеній Gröber'а занялся *впервые A. Jeanroy* (L e s o r i g i n e s d e l a p o é s i e l y r i q u e

en France au moyen-âge, Парижъ, 1889; 2-е изданіе, Парижъ, 1904. О теоріи Грёбера см. p. 6 и сл.), выступившій со своей теоріей происхожденія пастурели. Гипотеза Грёбера заставила пересмотрѣть вопросъ о sons d'amour и ихъ отношеніи къ пастурелямъ; но именно это сопоставленіе, которое представлялось невѣроятнымъ на первый взглядъ и въ предложенной формѣ, которое нужно было разрушить, опредѣлило направленіе позднѣйшихъ работъ. Вниманіе Жанруа сосредоточилось преимущественно на пастурели и, притомъ, на той ея формѣ, которая является наиболѣе популярной въ средневѣковой Франціи и которую подчеркивалъ въ своихъ выкладкахъ и Грёберъ. Она сложилась путемъ постепеннаго слiянія въ одну органическую форму трехъ элементовъ, существовавшихъ нѣкогда раздѣльно: первый, и существенный, Жанруа опредѣляетъ итальянскимъ терминомъ contrasto, имѣя въ виду извѣстную пьесу Cielo Dalcamo, которая иллюстрируетъ его мысль. Это любовный діалогъ, débat amoureux, между женщиной и мужчиной, добивающимся ея любви. Второй элементъ Жанруа называетъ oaristys, намекая на извѣстную псевдо-ѳеокритову идиллію, изображающую намъ встрѣчу и débat двухъ влюбленныхъ, Дафниса и пастушки, изъ котораго первый выходитъ побѣдителемъ (o. = la rencontre et l'union des amants). Третьимъ факторомъ въ вопросѣ о сложеніи пастурели, по мнѣнію Жанруа, нужно считать gab или vanto, такъ какъ поэтъ является самъ героемъ разсказываемаго имъ любовнаго приключенія. Авторъ припоминаетъ извѣстные gab въ Pélerinage de Charlemagne и итальянскіе vanti, по образцу которыхъ, принимая въ соображеніе распространенность обычая gaber, можно предположить существованіе во Франціи особаго поэтическаго жанра (p. 17). Необъясненнымъ остается пока пасторальная обстановка нашихъ пѣсенъ; поэтъ могъ встрѣчать простую дѣвушку-виланку. Жанруа, который нѣсколькими страницами выше указывалъ, до какой степени осторожно нужно обращаться съ реальными данными поэтическихъ памятниковъ (p. 10 и сл.), отдѣлывается въ данномъ случаѣ коротенькимъ замѣчаніемъ: tout le monde ne pouvait ce vanter d'avoir été à Constantinople; tout le monde, au contraire, avait certainement rencontré par les chemins quelqu'une de ces vilanes anonymes dont le démenti n'était pas plus à craindre que celui de la fille du roi Hugon (намекъ на gab Olivier въ Pélerinage). Peu à peu les bergères semblèrent toutes désignées pour jouer le principal rôle dans ces fantaisistes inven-

tions, et c'est à elles qu'on l'attribua invariablement. C'est donc toujours à la compagne que l'action se déroule: c'est une loi du genre; les portraits et les scènes rustiques y abondent (p. 18). Можно принять систему Жанруа, какъ характеристику, но не какъ объясненіе анализуемыхъ имъ пѣсенъ. Онъ отмѣчаетъ всѣ существенныя ихъ черты (только замѣчаніе о реальномъ значеніи пастушескаго элемента нѣсколько дисгармонируетъ съ остальными частями схемы); для выясненія генезиса пастурели надо было сдѣлать нѣчто большее, ибо пѣсня съ опредѣленнымъ содержаніемъ и цѣлымъ мотивомъ не есть механическая спайка деталей и ситуацій будто бы существовавшихъ до момента комбинаціи раздѣльно. Выяснить происхожденіе данной формы значитъ прежде всего подыскать форму ей аналогичную и исторически могущую ее предварить, изъ которой впослѣдствіи развился основной комплексъ образовъ и положеній, т. е. схема данной пѣсенной формы. Пастурель съ этой точки зрѣнія будетъ художественной обработкой oaristys, т. е. contrasto въ смыслѣ итальянскаго Rosa fresca, съ эпическимъ введеніемъ и заключеніемъ, которое неразрывно съ нимъ связано; однимъ contrasto пастурели не объяснить — это сознавалъ и Жанруа, но ради этого едва ли нужно было связывать его съ несуществующей въ смыслѣ la rencontre et l'union des amants, какъ справедливо замѣтилъ уже Г. Парисъ, пѣсней, а тѣмъ менѣе ссылаться на gab, ибо переходъ къ первому лицу, если его нужно предположить, могъ осуществиться самъ собой, и какъ результатъ поэтической формулировки антитезы, лежащей въ основѣ пастурели. Но, очень вѣроятно уже a priori, что разсказъ отъ перваго лица былъ исконной чертой въ прототипѣ пастурели, хотя оцѣнка „я" какъ рыцаря и отождествленіе его съ самимъ поэтомъ, позднѣйшая подробность, обусловленная опять таки требованіемъ антитезы, или естественное осмысленіе прежняго „я" оригинала. Contrasto было подсказано Жанруа провансальской пастурелью съ ея сильно развитымъ діалогомъ (см., напр., у Marcabru); но черта эта можетъ быть также объяснена просто какъ вліяніе весьма популярной въ средніе вѣка тенсоны, тѣмъ болѣе, что моментъ діалога одинъ изъ самыхъ характерныхъ моментовъ пастурели. Въ сѣверо-французскихъ пьесахъ діалогъ гораздо менѣе подчеркнутъ, а между тѣмъ есть основаніе считать сѣверную пастурель, какъ схему, гораздо болѣе древней. Открытымъ и послѣ Жанруа остается вопросъ о значеніи пастушескаго элемента въ пастурели.

Изъ анализа положеній Жанруа выясняется пока только одно: ближайшей исходной точкой развитія пастурели были пѣсни, въ которыхъ изображалась встрѣча двухъ молодыхъ людей; „она" — пастушка, дѣвушка; установить общественное положеніе „его" съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ самихъ пастуреляхъ, невозможно.

Но содержаніемъ пастурелей этого типа далеко не исчерпывается содержаніе цѣлой пѣсенной группы; оно гораздо шире и разнообразнѣе, какъ мы видѣли выше. Послѣ того, какъ была сдѣлана попытка опредѣлить отношеніе sons къ пастурелямъ, предстояло перейти къ вопросу объ отношеніи различныхъ категорій этихъ послѣднихъ между собою. Жанруа сдѣлалъ больше всего для перваго; послѣдній не разработалъ достаточно глубоко. Онъ устранилъ изъ своего анализа тѣ пьесы, которыя рисуютъ намъ сценки изъ жизни пастуховъ, ихъ праздники, ихъ бесѣды съ рыцарями и между собой, ихъ любовь и ревность и т. п., ограничившись бѣглой характеристикой ихъ содержанія (р. 41—44). Между тѣмъ вопросъ о пасторальной обстановкѣ того типа, который Жанруа называлъ классическимъ, приводилъ какъ разъ къ изслѣдованію этихъ менѣе популярныхъ формъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Les origines de la poésie lyrique en France Г. Парисъ поставилъ его въ своей богатой фактами и мыслью рецензіи на эту книгу, впервые возбудившей среди западныхъ романистовъ интересъ къ обрядовой пѣснѣ по отношенію къ художественной лирикѣ среднихъ вѣковъ [10]).

Paris отправляется отъ термина: pastourelle, по мнѣнію его, указываетъ какъ позднѣйшія bergerettes или итальянскія vilanelle, на пѣсни, сложенныя пастушками или о пастушкахъ. Отсюда онъ дѣлаетъ совершенно произвольный выводъ, что 1) пастурель первоначально женская пѣсня — „chanson de femme" и 2) появленіе на сценѣ поэта — черта позднѣйшая. Слѣдующее заключеніе Париса что древнѣйшей формой такой пастурели былъ монологъ дѣвушки, подсказано ему chansons à personnages, которыя представляютъ несомнѣнныя аналогіи содержанію пастурелей и въ основѣ которыхъ еще Жанруа предполагалъ монологъ malmariée; Г. Парисъ принялъ эту гипотезу. Такъ или иначе монологъ, вставленный въ обычныя рамки

---

[10]) Les origines de la poésie lyrique en France au moyen-âge, Paris, 1892 = Journal des Savants, ноябрь и декабрь 1891, мартъ и іюль 1892.

chansons à personnages мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ, тогда какъ монологъ пастушки засвидѣтельствованъ только III 38 и то, если не считать эту пьесу фрагментомъ. Но допустимъ, что Г. Парисъ правъ безусловно. Замѣчаніе его о монологѣ нужно лишь для объясненія обобщенія термина. Почему же могъ онъ обобщиться? Парисъ предполагаетъ въ основаніи всѣхъ остальныхъ категорій пастурели дѣйствительно пастушескія пѣсни, связанныя первоначально, какъ на то указываетъ запѣвъ ихъ и содержаніе нѣкоторыхъ, съ весенней обрядностью. Дѣйствующими лицами въ нихъ были пастухи, ибо представители этого класса въ средніе вѣка были гораздо многочисленнѣе и музыкальнѣе (р. 740), какъ это видно изъ текста самыхъ пастурелей; предположеніе это само по себѣ возможно, но послѣдняя ссылка едва ли имѣетъ особую цѣну, если имѣть въ виду, что пастурели, на которыя опирается Парисъ, изображаютъ празднества и танцы. Пастурель „классическаго" типа—поздняя форма; „объективныя" пастурели значительно древнѣе. Правда, факты говорятъ обратное, но объективныя пѣсни могутъ отражать исчезнувшія схемы древней поры. Поэтъ выводится въ нихъ первоначально въ роли наблюдателя, зрителя, разсказывавшаго потомъ о видѣнномъ. Позже онъ вмѣшивается въ толпу пастуховъ, присоединяется къ ихъ веселью,—такія пѣсни стоятъ на перепутьи между объективной и классической пастурелью. Исходной точкой развитія послѣдней является, по мнѣнію Париса не схема проектированной нами выше, а любовный діалогъ — contrasto — пастуха и пастушки, какой можно предположить, хотя единственная сохранившаяся до насъ пьеса съ этимъ содержаніемъ II 47 входитъ въ составъ списка O, что затрудняетъ ссылку на нее. Поэтъ являлся первоначально простымъ свидѣтелемъ такого contrasto (чего нѣтъ въ II 47), потомъ его участникомъ, ставшимъ, наконецъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы. Правда, фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этихъ этапахъ развитія пастурели у насъ нѣтъ, хотя ихъ много за предѣлами классическаго типа, но Г. Парисъ могъ бы сослаться въ случаѣ возраженія съ этой стороны на древность послѣдняго: промежуточныя ступени вымерли, вытѣсненныя одержавшей верхъ формой, до эпохи самыхъ раннихъ записей; пастурели Cercamon'a—a la usanza antiga—могли быть какъ разъ обработками такихъ старыхъ схемъ.

Построеніе Г. Париса представляетъ собою развитіе основного положенія его статьи, написанной по поводу изслѣдованія

Жанруа: ст.-французская лирическая пѣсня опирается на народную весеннюю пѣсню. Если такъ, то центръ тяжести падаетъ на пастурель-сценку; къ ней, слѣдовательно, можно возводить и пастурель классическаго типа, оказывающуюся только ея разновидностью, видоизмѣненіемъ болѣе древняго débat пастуха и пастушки. Послѣднее предположеніе понимается, однако, Парисомъ, какъ обязательное.

Отсюда и остальныя подробности формы. Поэтъ вводится сперва какъ посторонній наблюдатель, и лишь позже становится активнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Это связываетъ фактическія данныя, но внѣшнимъ только образомъ.

Мотивъ поэта-зрителя искусственъ. Не забудемъ, что Г. Парисъ разсматриваетъ пастурель, какъ передѣлку „d'abord jongleresque, puis aristocratique de chansons et de petites scènes appartenant au fêtes de mai“. Если жонглерамъ и пришла въ голову мысль пристегнуть къ описываемому себя, то едва ли бы они удовлетворились скромнымъ созерцаніемъ происходящаго. Правда, отсюда слѣдуетъ только необходимость внести поправку въ историческую схему Париса. Логичнѣе было бы построить ее въ обратномъ порядкѣ и показать на то, какъ постепенно затушевывалась активная роль поэта въ силу того, что интересъ сосредоточивался на изображеніи простонародной среды. L'autrier chevalchai и т. п. отвердѣвшія формулы, примѣнявшіяся по привычкѣ тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе не было никакой нужды.—Итакъ, поэтъ, какъ активное лицо, произвольно введенный въ рамки пастурели мотивъ, сознательный художественный пріемъ, примѣненный впервые еще бродячими пѣвцами и разработанный позже въ уровень культурнымъ требованіямъ среды, заинтересовавшейся пастушеской пѣсней и эпохи. Деталь, вполнѣ отвѣчающая характеру веселой братіи странствующихъ потѣшниковъ. Новеллой отзывается романсъ Вильгельма IX, графа Пуату̀: Farai chansoneta nova, по поводу котораго припоминается извѣстная повѣсть Декамерона о нѣмомъ садовникѣ. Содержаніе альбы изображается поэтами то какъ картина, то какъ личный моментъ. Между тѣмъ указанный мотивъ проходитъ насквозь черезъ всѣ типы пастурели (въ формѣ прямой или отраженной). Онъ является въ роли обязательной подробности, исключающей полную объективность, словно передъ нами не художественная деталь, а какая то традиціонная черта, безъ которой не обойтись. Если мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ пріемомъ, то организація пастурелей сценокъ должна особенно остановить на себѣ наше

вниманіе: какъ этотъ типъ пастушеской пѣсни является болѣе эластичнымъ, ёмкимъ, менѣе опредѣленнымъ въ своемъ содержаніи. Здѣсь было гдѣ развернуть свою ловкость, хитрость, удаль, было чѣмъ хвастнуть, заинтересовать слушателей или потѣшить самого себя. На самомъ дѣлѣ вмѣшательство поэта въ предѣлахъ указанныхъ формъ—фактъ относительно рѣдкій. Объяснить ихъ малую податливость въ сторону новаго мотива можно только тѣмъ, что самая форма молодой литературный продуктъ и что мотивъ перенесенъ въ ея схему извнѣ. Но это противорѣчило бы соображеніямъ Г. Париса. Если же передъ нами отголоски древнихъ формъ, то непонятно разложеніе въ нихъ мотива, о которомъ идетъ рѣчь, въ то время какъ онъ процвѣтаетъ въ рамкахъ такъ называемой „классической“ пастурели.

Внимательное сличеніе имѣющихся въ нашихъ рукахъ историческихъ данныхъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что упомянутый мотивъ раньше и тѣснѣе всего сплелся съ „классической“ разновидностью пастурели. Принимая гипотезу Г. Париса, что она развилась изъ débat пастуха и пастушки, трудно предположить, чтобы на всю категорію этихъ пастурелей обобщился вставной мотивъ. Общее соображеніе, формулированное выше, имѣетъ силу и для даннаго случая. Если бы мы имѣли дѣло съ древними данными, то можно было бы указать и на отсутствіе слѣдовъ стараго débat: поэтъ al pari съ Робеномъ совсѣмъ почти не встрѣчается; роль послѣдняго пассивна; онъ скорѣе аксессуарная фигура. Но, можетъ быть, процессъ организаціи новой формы—фактъ очень древній, почему промежуточныя звенья до насъ не дошли.—Роль мотива en question въ сохранившихся пьесахъ оттѣняетъ его скорѣе, какъ традиціонную подробность, несомнѣнно, тронутую поэтомъ въ силу запросовъ эстетики (это разумѣется само собою), но бережно охраняемую, ибо она поддержана формальнымъ преданіемъ. Она является обязательной и въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ пастурели—пастуреляхъ южной Франціи, для куртуазнаго общества которой она была не столько популярной, сколько, повидимому, традиціонной формой, которая исчезаетъ или, лучше, которую перестаютъ культивировать очень рано. Друрая разновидность пастушеской пѣсни, наиболѣе отвѣчающая тѣмъ требованіямъ, которыми мы вправѣ были бы съ перваго взгляда объяснять интересъ къ пастурели, пастурель-сценка, совсѣмъ неизвѣстна литературѣ Юга; „классическій“ типъ обновляютъ поэты XIII в.,

эпохи, когда провансальская поэзія начала постепенно замирать; это обновленіе сознательное, совершившееся не безъ вліянія Сѣвера, гдѣ мы встрѣчаемъ пастурель въ болѣе разнообразныхъ формахъ и гдѣ она явилась позже.

Мы принимали все время предложенную Г. Парисомъ теорію генезиса „типичной“ пастурели, чтобы оцѣнить сперва его построеніе цѣликомъ. Но и какъ частное положеніе оно едва ли пріемлемо: оно не встрѣчаетъ опоры въ фактическихъ данныхъ и является результатомъ нѣсколько механическаго отношенія къ пѣсенной схемѣ. Мы предпочли бы держаться ближе къ матерьялу и попытаться рѣшить вопросъ, исходя изъ него же самого.

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ слѣдующей догадкѣ.

Пастурели—сценки съ чертами классическаго типа—результатъ контаминаціи, обобщенія схемы этого послѣдняго, въ которомъ отмѣченная деталь объясняется не какъ вставка, а какъ развитіе исконной подробности, и который нѣтъ нужды, поэтому, выводить изъ пасторальнаго contrasto или aoristys, какъ II 47. Если исходной точкой и будетъ аористъ, то онъ будетъ иного состава, чѣмъ какой предполагалъ Г. Парисъ, и личнаго при томъ характера. Нѣтъ никакой необходимости считать объективность изложенія непремѣннымъ признакомъ народной пѣсни, исключающимъ „я“. Стоитъ пересмотрѣть, напримѣръ, любой сборникъ славянскихъ пѣсенъ, не тронутыхъ вліяніемъ (по крайней мѣрѣ такія пѣсни можно выдѣлить, особенно среди обрядовыхъ) лирики искусственной, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ часто „я“—главное дѣйствующее лицо описываемаго, и какъ часто одинъ и тотъ же эпизодъ можетъ принимать обѣ окраски, личную и объективную. Разумѣется въ куртуазной поэзіи „я“ обратилося въ рыцаря и провансальцы особенно рѣзко подчеркнули соціальную разницу. Позже вводная формула обобщилась на цѣлый рядъ пьесъ, которымъ она первоначально была совершенно чужда. — Мы возвращаемся къ схемѣ, которую построили, какъ возможную, по поводу гипотезы Жанроу; терминъ pastourelle ей не противорѣчитъ.— Почему она не затерялась на югѣ Франціи, гдѣ мы встрѣчаемъ пастурель уже въ XII в. среди другихъ болѣе популярныхъ и куртуазныхъ формъ и мотивовъ? Это объясняется именно привычкой къ ней, ея традиціонностью. Она была также конечно извѣстна въ Провансѣ, какъ contrasto въ Италіи, гдѣ онъ подвергся тоже куртуазной разработкѣ. Но можетъ быть ея сохранность, жизнеспособность обезпечивало прежде

ники его стараются его всячески утѣшить, и поднимаютъ въ немъ надежду на близкій успѣхъ. Въ пьесѣ Audefroi, наоборотъ, поэтъ, какъ въ III 34, успокаиваетъ рыцаря, горя котораго ему пришлось стать невольнымъ свидѣтелемъ (I 61).

Среди пьесъ, въ которыхъ поэтъ играетъ активную роль, первое мѣсто занимаютъ несомнѣнно тѣ, которыя можно сопоставить съ пастурелью классическаго типа, и которыя Г. Парисъ считаетъ поздними формами. Переходную ступень занимаютъ тѣ chansons, которыя въ сущности представляютъ собой монологъ, какъ I 43 или I 68 (Moniot de Paris, о которой уже было сказано выше. Во второй предложеніе поэта и отвѣтъ на него даны, по крайней мѣрѣ, намѣчены).—Обыкновенно поэтъ встрѣчаетъ даму [рѣдко дѣвушку: I (43), 44, (52), 70, (73)] на лугу (I 37), въ рощѣ или лѣсу (I 39, I 65), на дорогѣ (I 44, 70), подъ Парижемъ (I: 50, 64, 69), но чаще всего въ саду или подлѣ него (I: 43, 49, 64, 68, 73); она поетъ пѣсенку, въ которой говоритъ о своей любви или жалуется на судьбу, на преслѣдованія ревниваго vilain (I: 39, 43, 64, 68, 69). Поэтъ старается утѣшить ее, предлагаетъ свою любовь, отъ которой она отказывается, такъ какъ любитъ другого (I 50, fragm.? 44, 70), или принимаетъ на зло мужу (I 49); иногда дѣло кончается насиліемъ, такъ какъ поэтъ, возбужденный отказомъ, не въ состояніи болѣе сдерживать свою страсть (I: 44, 69), какъ это удается ему въ I 70. Второстепенныя дѣйствующія лица отсутствуютъ почти вовсе и только изолированныя фигуры матери, выговаривающей дочери за мужа (I 39), да друга (I 70) составляютъ немногочисленныя исключенія. Если присоединить къ отмѣченнымъ еще коротенькіе фрагменты I 53 — 55, то этимъ анализуемая группа будетъ исчерпана (особо I 52, 73).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что огромное большинство chansons à personnages—позднія пьесы: среди авторовъ ихъ одинъ только Richard de Semilli можетъ быть отнесенъ къ XII в.; несомнѣнно также, что ихъ ритмическая структура гораздо болѣе изыскана и прихотлива (чистая риѳма);—все это не говоритъ еще противъ древности ихъ мотивовъ. Выше былъ отмѣченъ рядъ аналогій съ пастурелями: мотивы обѣихъ категорій пѣсенъ параллельны; въ I 44 проскользнулъ изъ пастурели въ роли ami даже вѣчный ея спутникъ Robin, какъ въ I 52 (v. 20 сл.), упоминаніе подарковъ; наконецъ, вводная формула chansons связываетъ ихъ съ пастурелями, и въ цѣломъ рядѣ ихъ *поэтъ* совершенно ненужное лицо, введенное въ основной текстъ

впервые Жанруа и поддержанное Парисомъ, какъ не народной, т. е. не традиціонной, а искусственной, характеризуетъ методъ обоихъ французскихъ изслѣдователей: они отправляются исключительно отъ французскаго матеріала, рѣдко заглядывая за предѣлы романо-германской пѣсни. Только неосторожностью и поспѣшностью можно объяснить заключеніе Жанруа: dans les pays où la poesie populaire s'est trouvée plus à l'abri des influences littéraires, les chansons de malmariées sont rares (p. 153). Сообщенныя ему русскія параллели мало помогли дѣлу (p. 456 сл.); онъ допустилъ тему malmaritata лишь для Италіи, но считалъ ее заимствованной отъ французовъ. Въ этомъ смыслѣ воззрѣнія Жанруа были подвергнуты критикѣ Cesareo (p. 64 сл.). Еще легче указать на несостоятельность гипотезы Жанруа, стоя на почвѣ славяно-русскаго пѣсеннаго матеріала, въ составъ котораго тема о malmariée входитъ какъ одна изъ наиболѣе популярныхъ Въ русскихъ сборникахъ мы найдемъ не только мотивъ отвращенія къ опостылому мужу, но и мотивъ незаконной любви, который Cesareo все же считалъ ненароднымъ (p. 65). Если бы Жанруа или Г. Парисъ были знакомы со сборниками пѣсенъ народностей, не знавшихъ вліянія куртуазной поэзіи, то они нашли бы въ нихъ объясненіе и вопроса о роли поэта.

Какъ и въ цѣломъ рядѣ пастурелей, поэтъ является простымъ свидѣтелемъ того, о чемъ онъ разсказываетъ. Такъ однажды, привлеченный пѣніемъ птицъ, онъ входитъ въ садъ и видитъ неподалеку красивую дѣвушку, которая поетъ о любви и поетъ такъ хорошо, что птицы заслушиваются ея и соловей проситъ ея любви (I 29). Въ другой разъ на небольшой зеленой лужайкѣ, усыпанной весенними цвѣтами, онъ услышалъ какъ дама жаловалась на судьбу, горюя о томъ, что у нея нѣтъ друга (I 40). Въ I 51 поэтъ передаетъ намъ подслушанную имъ случайно жалобу дамы на своего мужа (un ort vilain roufflant v. 26), который взялъ ее почти ребенкомъ (v. 44 сл.) и погубилъ ея юность; исчезла ея краса, ея смѣхъ и не поется ей больше. Аналогичную ситуацію рисуетъ намъ Colin Champiaus (I 72), и Moniot de Paris (I 68), гдѣ діалогъ съ поэтомъ второстепенная часть пьесы и можетъ быть опущенъ. Единственный raison d'être діалога это предложеніе любви со стороны поэта (v. 15 сл.); но дама отвѣчаетъ на него длиннымъ разсказомъ о своей судьбѣ и только послѣдніе стихи (v. 41 сл.) возвращаютъ насъ опять къ началу діалога. Въ коллекціи пастурелей у Барча, какъ мы видѣли, монологъ

совсѣмъ отсутствуетъ (единственное исключеніе и то сомнительное III 38). Наоборотъ, въ обстановку сценокъ-пастурелей вводитъ насъ только одна chanson à personnages:

(I 13) Or vienent pasques les beles en avril
florissent bois, cil pre sont raverdi...
Sous un chastel q'en apele Biaucler,
en mout poi d'eure i ot granz bauz levez.
ces damoiseles i vont par caroler...

Въ параллель пасторальнымъ débats II: 26, 24 можно поставить цѣлый рядъ chansons à personnages, въ которыхъ мотивъ этотъ встрѣчается очень часто. Въ I 21 дѣло обходится безъ поэта: три дамы высказываютъ свои сужденія о любви и бракѣ. Въ короткомъ спорѣ (всего 3 строфы) дѣло доходитъ даже до побоевъ, которыя старшая изъ присутствующихъ наноситъ младшей, осмѣлившейся признаться откровенно:

v. 8 je servirai mon mari
lealment en leu d'ami.

Остальные débats происходятъ въ присутствіи поэта. Онъ слышитъ разговоръ двухъ замужнихъ дамъ: одна даетъ совѣтъ другой, менѣе опытной, преслѣдуемой мужемъ и не умѣющей выйти изъ положенія. Діалогъ заканчивается появленіемъ рыцаря, друга этой послѣдней; слѣдуетъ сцена любви, которая съ избыткомъ подтверждаетъ значеніе полученныхъ совѣтовъ. Первая половина этой пьесы повторится въ I 47, въ I 67 (Giles le Viniers). I 48—амебейная ламентація въ предѣлахъ все тѣхъ же отношеній.

Въ нѣкоторыхъ пьесахъ, наконецъ, на сценѣ передъ нами самъ виновникъ всѣхъ этихъ ламентацій, ревнивый мужъ, vilain, ort vilain puant (I 67), на характеристику котораго страдающія отъ него жены не скупятся обыкновенно:

vilains bossus et malestrus

et toz plains de graipaille (?), ... говоритъ участница одного изъ приводимыхъ поэтомъ діалоговъ между мужемъ и женой (I 35), прибавляя наивно: je ne quier maix avoir per vos ne sorcot ne cotelle. Весна наполняетъ ее жаждой любви, которую только раздражаетъ присутствіе нелюбимаго мужа:

vez ci le dous tens ou vient,
ke renverdist la pree:

s'irons moi et mon ami
coillir la flor novelle. —

Dans vilains, barbe florie,

car vos estes si wiris, обращается къ мужу другая дама, которую онъ засталъ съ ея ami. Она нисколько не смущена—эта пьеса крайне интересна по своей простодушной откровенности;—любовь овладѣла ею—и, вотъ, другъ ея пришелъ къ ней. Напрасны увѣщанія мужа—онъ пытается пригрозить ей—si seres mal vestie (сл. I 42), но и это не помогаетъ: отказаться отъ друга не въ ея власти:

Mes maris n'estes vos mie,
mauvais vilains rasontes;
vos me ronchies les l'oie
cant je dor les vos costes,
et si ne me faites mie
le jeu d'amors a mon gre...

Сколько озлобленія противъ мужа въ I 42, съ какимъ отчаяніемъ вспоминаетъ дама, что она принадлежитъ ему: demain aies vos un mal jor, грозитъ она. Въ I 45 запѣвъ предупреждаетъ насъ уже о содержаніи послѣдующаго, перерывая ввидѣ рефрена каждый куплетъ пьесы и поддерживая въ сознаніи основной печальный образъ пѣсни:

Ne me bates mie,
maleroz maris,
vos ne m'aveis pas norrie.

Но дамы chansons à personnages гораздо терпѣливѣе женъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, иногда жестоко мстящихъ своимъ опостылымъ мужьямъ. Такихъ тяжелыхъ картинъ, какія мы встрѣчаемъ напримѣръ у Соболевскаго II: 548; 53, 120, 121, 124; 125; 448, 449 и мн. друг., мы не найдемъ во французскихъ пьесахъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь: типъ мстительницы былъ слишкомъ жестокъ и грубъ; если онъ и былъ знакомъ французской пѣснѣ этой поры, то куртуазная поэзія его не допускала.

Къ этимъ chansons примыкаютъ тѣ, въ которыхъ поэтъ выступаетъ въ роли активнаго лица. Moniot d'Arras разсказываетъ намъ въ своей пьесѣ (I 63), какъ видъ наслаждающихся любовниковъ, рыцаря и молодой дѣвушки, наводитъ его на грустныя мысли о себѣ самомъ. Онъ подходитъ къ нимъ и разсказываетъ о своей безнадежной любви къ одной дамѣ, собесѣд-

старухи такое преданіе: сидѣли разъ лѣтомъ старики, первые вѣтковскіе насельники, и думали-гадали, какъ назвать свой новый посадъ; въ это время пролеталъ рой пчелъ; покружился онъ и сѣлъ на вѣтку „Пусть будетъ нашъ посадъ названъ Вѣткой",—рѣшили старцы.

Въ любопытной книжкѣ протоіерея Андрея Іоаннова (Журавлева), бывшаго сперва старообрядцемъ, потомъ православнымъ священникомъ на Охтѣ въ Петербургѣ и миссіонеромъ въ Вѣткѣ, изданной въ концѣ царствованія Екатерины II [1]), находимъ слѣдующія интересныя подробности о Вѣткѣ.

„Вѣтку мы видимъ прелестницею суевѣровъ. Сѣть ея заблужденіи привлекла изъ Россіи великое число всякаго званія бѣглецовъ" [2]).

„Она (Вѣтка) въ теченіе сего времени такъ сильно возросла и умножилась, что сдѣлалась главою всея поповщины, хотя и неоднократно упадала. Прелести ея отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Вышеописанные бѣглецы, попы и другіе волокиты, монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду, и простой народъ вездѣ развращали и по всѣмъ мѣстямъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась. И сіе злоупотребленіе такъ сильно въ поповщинѣ вкоренилось, что и по нынѣ простые монахи, монахини и старухи причащаютъ тѣмъ сами себя и другихъ [3]).

Въ главѣ: „о распространеніи Вѣтки" читаемъ: „Вѣтка есть небольшой островъ простирающійся въ окружность (?) не болѣе, какъ версты на двѣ. Находится за границею Россіи въ польской области въ дачахъ польскаго дворянина или пана Халецкаго, названъ же Вѣткою по проливу, отдѣляющему оной отъ рѣки Сожи, который проливъ есть аки бы вѣтвь оныя рѣки. Здѣсь то основалась первая оная покровская цер-

---

[1]) См. „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ, и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сошествія Св. Духа, что на Большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ". Изд. II, исправленное и умножено прибавленіями. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1795 г.

[2]) Стр. 8.

[3]) *Стр. 16.*

ковь... при которой находится скитъ и слобода, населенная подъ именемъ Вѣтки, всякою забѣглою сволочью"... [1]).

О дальнѣйшемъ ростѣ Вѣтки протоіерей Іоанновъ, враждебно настроенный къ старообрядчеству, изъ среды котораго самъ вышелъ, пишетъ:

„Изувѣры наши... собравшись въ немаломъ числѣ убѣжали за границу, и поселились на помянутомъ островѣ Вѣткѣ, аки на мѣстѣ свободномъ и безопасномъ, сущемъ подъ рукою польскихъ пановъ. Сему послѣдуя примѣру, русскіе невѣжды изо всѣхъ градовъ и селеній, гдѣ только ни дѣйствовало оное ослѣпленіе, кучами побѣжали за границу и за невмѣщеніемъ Вѣтки въ двадцати и тридцати въ окружности верстахъ населили слободы, изъ которыхъ (выключая самую Вѣтку): слобода Косецкая, Дубовый, Папсуевка, Марьина, Миличи, Красная, Костюковичи, Буда, Крупецъ, Гродня, Нивка, Грабовка, Тарасовка, Спасовка, въ которыхъ слободахъ по вѣтковскимъ запискамъ считалось народу до 30 тысячъ обоего полу. Всѣ сіи забѣглыя селеніи совокупно единымъ именемъ называлися Вѣткою" [2]).

Цитируемый нами авторъ даетъ такую характеристику тогдашнимъ вѣтковскимъ старообрядцамъ:

„Народъ сей отъ природы наслѣдственно (?) суевѣренъ, грубъ, гордъ, предпріимчивъ и обманчивъ, но поворотливъ, къ дѣламъ способенъ, трудолюбивъ и обходителенъ, словомъ такой, который удобно просвѣтиться можетъ" [3]).

Во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, слобожане старообрядцы изъ Стародубья и, вѣроятно, изъ Вѣтки принимали участіе въ партизанскихъ выступленіяхъ противъ шведовъ.

„Государь тогда же,—разсказываетъ А. Іоанновъ,—повелѣлъ раскольничьи слободы полковнику Іоргольскому переписать и имянною грамотою... собственно за собою утвердить съ тѣмъ, чтобъ впредь оными никто не могъ владѣть. Сія первая перепись тѣмъ щастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются [4]).

---

[1]) Ibid.

Въ настоящее время островокъ этотъ, образуемый рукавомъ Сожи, представляетъ собою незастроенное мѣсто, лугъ, дающій нынѣшнему владѣльцу Вѣтки, владѣющему ею на правахъ чинша, нѣкоему жандармскому полковнику, довольно значительный доходъ.

[2]) Ibid.

[3]) Стр. 20.

[4]) *Ibid.*

Очевидно, Вѣтка не вошла въ составъ переписанныхъ и утвержденныхъ за царемъ слободъ, такъ какъ ею владѣли и сейчасъ владѣютъ на правахъ „чинша" разныя лица.

Ко времени царствованія Анны Іоанновны Вѣтка достигаетъ цвѣтущаго состоянія. Русское правительство обратило вниманіе на Вѣтку, и въ 1733 году былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось вѣтковцамъ вернуться въ Россію, но, какъ разсказываетъ протоіерей Іоанновъ,—„испорченные вѣтковцы, которые по большей части были господскіе и военные люди... ниже думать о томъ хотѣли... Почему въ 1735 году господину полковнику Я. Г. Сытину такое было дано повелѣніе, чтобы взявъ пристойную команду оныхъ бѣглецовъ подъ стражею вывести въ отечество и разослать кто откуда былъ, по своимъ мѣстамъ. Сытинъ взялъ съ собою пять полковъ войска, одинъ драгунской, два казацкихъ, и два тысящные Стародубовской и Черниговской, съ которыми подошедъ искусно, окружилъ вѣтковцевъ отовсюду. Гдѣ по общему поповщины свидѣтельству и по ветхимъ стариковъ запискамъ, во всѣхъ мѣстахъ и ущелинахъ нашелъ онъ обоего пола народа до 40 тысячъ душъ. Обозрѣвъ же всей забѣглой сволочи сей жилища, слободы, скиты, монастыри и разсыпанныя по всѣмъ мѣстамъ келіи, приступилъ онъ къ порученному себѣ дѣлу. Но какъ ни торопился окончить оное скорѣе, однако цѣлой годъ на Вѣткѣ пробылъ [1]).

При этомъ, полковникъ Сытинъ приказалъ вырыть гробы четырехъ покойниковъ: Іосафа, Ѳеодосія съ братомъ Александромъ и Антонія, пользовавшихся большимъ почтеніемъ у старообрядцевъ. Сжегши въ заключеніе своихъ подвиговъ моностырскія строенія, полковникъ Сытинъ двинулся обратно въ Россію, захвативъ вырытые четыре гроба съ костями. Не доѣзжая Новгородъ-Сѣверска по рѣчкѣ Колоскѣ, онъ получилъ повелѣніе сжечь ихъ.

Лѣтъ черезъ пять Вѣтка снова возродилась и возвратила себѣ прежнее значеніе.

Въ жизни Вѣтковцевъ, между прочимъ, произошелъ такой эпизодъ: панъ Хакецкій, владѣлецъ Вѣтки, поссорился съ княземъ Радзивилломъ о границѣ своихъ земель. И вотъ Радзивиллъ, выставилъ своихъ крестьянъ, а Халецкій вѣтковцевъ. „Чернцы вступили за своего помѣщика, здѣлали страшной

---

[1]) Стр. 43.

бой и окончили оной ужаснымъ пролитіемъ польской крови, чѣмъ Халецкому прежнюю дачу и безопасность доставили" [1]).

Въ царствованіе Екатерины II произошла вторая „выгонка" вѣтковцевъ.

„Въ 1764 году генералъ Масловъ съ двумя полками военными забралъ гдѣ можно было всякаго званія россійскихъ бѣглецовъ и подобно Сытину окружилъ Вѣтку, нашелъ кривотолковъ нашихъ тамо обоего пола до двадцати тысячъ душъ". Генералъ Масловъ расправился съ вѣтковцами еще болѣе жестоко, чѣмъ его предшественникъ, онъ пробылъ на Вѣткѣ всего два мѣсяца и „минуя подробное о бродягахъ сихъ слѣдствіе отправлена была она (Вѣтка) вся на поселеніе въ Сибирь, и Вѣтка отъ вторичнаго паденія сего совершенно потеряла силу свою" [2]). Объ этихъ событіяхъ сохранились лишь самыя смутныя преданія въ Вѣткѣ. Пользуется лишь особой популярностью нижеслѣдующій духовный стихъ, примѣненный къ разоренію Лаврентьевскаго монастыря близъ Гомеля.

„О разореніи Лаврентьева монастыря близъ Гомеля, сочиненіе" [3]).

Боже, пріидоша времена до насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжище,
Нынѣ уже и тамъ нѣтъ убѣжища.
Разсыпаютъ насъ, разлучаютъ насъ,
Рады бъ неразлучны итти за Кавказъ.
Не противимся Божіей воли,
Идемъ во своя мы поневоли.
Весь свѣтъ намъ отечество,
Гдѣ-бъ не умирать,
Кто польстится на честь, гроба не миновать.

---

1) Ibid, стр. 49.

2) Ibid., стр. 60.

По словамъ Д. А. Клеменца, сосланные вѣтковцы до настоящаго времени живутъ въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области въ с. Бичурѣ на р. Хилкѣ, а также на Чикоѣ.

3) Списано мною съ рукописнаго листка, висѣвшаго на стѣнкѣ въ кельѣ „мастерицы". Стихъ этотъ старообрядки поютъ въ посты; онъ отличается грустнымъ напѣвомъ.

Оставляемъ храмы пречюдна созданы,
Златомъ и серебромъ богато убраны.
За царя молити у поли будемъ,
Про житье свое во вѣкъ не забудемъ.
Пущай владѣютъ чюжимъ насильно,
Скоро судія воздастъ обильно
Равенъ у него царь и воинъ
Богату и нищу судія единъ.
Ирьскія (Иргизскія?) воды въ море утекли,
Его жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близъ Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вполнѣ дана,
Араратъ гора и Аркасъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдніи вѣка.
Каспійское море обливаетъ ихъ,
Песчаныя степи засыпаютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождалися мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ безъ всякой вины.
Мы власти повинуемся,
За обидящихъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаньи, вмѣсто громкихъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ быстрой Узѣ,
Но время быстрѣй сей нашей рѣки,
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ,
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ,
Соборъ разныхъ птицъ
Сладко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего,
Погибло, истлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть веселыя птицы!
Скоро улетайте за моря отъ насъ
Скажите за моремъ, что уже насъ тутъ нѣтъ;
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту,
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,
Летучія мыши и воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматриваетъ разныя примѣты...

Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ,
Онъ все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? Его не стало,
Какъ превратное время настало.
Коли жъ кто изволивъ Богови служить,
Не треба ему о себѣ тужить [1]).

Старообрядческіе толки на Вѣткѣ.

Старообрядцы на Вѣткѣ принадлежали и принадлежатъ къ такъ называемому поповщинскому толку. Въ частности, громадное большинство представляетъ собою пріемлющихъ православныхъ священниковъ, переходящихъ въ старообрядчество и подвергающихся при переходѣ помазанію мvромъ въ знакъ своего отреченія отъ ереси. Незначительная часть, около двадцати дворовъ, принадлежатъ къ пріемлющимъ австрійское или бѣлокриницкое священство.

Первые имѣютъ недавно выстроенную отличную молельню въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Прежняя вѣтковская церковь сгорѣла въ 1846 г. во время большого пожара, причемъ иконостасъ былъ спасенъ. Сохранена была отъ пожара также колокольня, простоявшая лѣтъ двадцать пять, подъ которой долго собирались старообрядцы для моленій.

У бѣлокриничанъ молельня помѣщается въ той же избѣ, гдѣ живетъ дьячекъ. Бѣлокриницкое духовенство вѣтковской молельни держится замкнуто и недовѣрчиво относится къ постороннему наблюдателю.

У бѣглопоповцевъ въ настоящее время священника нѣтъ, подъискиваютъ. Это обстоятельство, однако, не мѣшаетъ имъ устраивать продолжительныя богослуженія, пѣть и читать священное писаніе [2]).

До настоящаго времени Вѣтка пользуется большимъ почетомъ у старообрядцевъ. Изъ разныхъ мѣстъ наѣзжаютъ они сюда молиться и ставить „неугасимыя". „Неугасимыя"—непрестанное чтеніе кафизмъ за покойниковъ при зажженныхъ лампадахъ. „Неугасимая" сорокадневная стоитъ 10 руб., годовая—

---

[1]) Послѣднія двѣ строки разнятся по языку и представляютъ, вѣроятно, позднѣйшую приписку.

[2]) Накануне праздниковъ всенощная длится отъ 4 час. пополудни до 10 *вечера*.

300 руб.; при этомъ кафизмы читаются четырьмя чтецами вперемежку; воскресенія и праздники при этомъ пропускаются, но наверстываются при этомъ по окончаніи опредѣленнаго срока.

Современное мѣстечко Вѣтка.

Отправившись изъ Гомеля на пароходѣ вверхъ по р. Сожѣ, черезъ два часа вы пріѣдете въ Вѣтку. Сожъ течетъ очень извилисто по зеленымъ привольнымъ лугамъ. Кое-гдѣ на берегахъ ея очерчиваются значительной величины курганы. Вѣтка открывается взору какъ то неожиданно, съ хорошенькими домиками и частыми веселыми садиками, которые тянутся параллельно рѣкѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Вѣткѣ насчитывается 11 тысячъ населенія, изъ нихъ старообрядцевъ теперь только около двухъ тысячъ, большинство же населенія евреи. Старообрядцы живутъ на главной улицѣ, называемой монастырской, а также на Средней, Галѣевкѣ, Ивановкѣ, Худояровкѣ и Косецкой; лучшія улицы тѣ, на которыхъ живутъ старообрядцы. Дома строятъ они свѣтлые и просторные въ 3 и 5 оконъ, выходящихъ на улицу. Дворы обнесены высокими заборами, въ каждомъ дворѣ высокія, фундаментально сдѣланныя ворота съ крышей и калиткой; кровли, ворота и заборы принято украшать разнообразной, иногда очень красивой, деревянной рѣзьбой. На ночь окна закрываются наглухо плотными ставнями. За воротами около каждаго дома—вкопанная въ землѣ скамейка, надъ которой большинство устраиваетъ маленькій навѣсъ, деревянный или желѣзный, чтобы можно было и въ дождь сидѣть за воротами. Внутри дома стѣны сплошь устанавляются иконами, передъ многими изъ нихъ горитъ лампадка, въ комнатѣ у зажиточныхъ вы можете насчитать до 10 лампадъ,—сплошной иконостасъ.

Одежда.

Что касается одежды старообрядцевъ, то въ настоящее время она мало чѣмъ отличается отъ обычной одежды жителей русскихъ мѣстечекъ. Старики и уставщики, когда идутъ въ молельню, одѣваютъ широкіе и длинные халаты, а женщины покрываются длинными платками и скрѣпляютъ ихъ подъ под-

бой и окончили оной ужаснымъ пролитіемъ польской крови, чѣмъ Халецкому прежнюю дачу и безопасность доставили“ [1]).

Въ царствованіе Екатерины II произошла вторая „выгонка“ вѣтковцевъ.

„Въ 1764 году генералъ Масловъ съ двумя полками военными забралъ гдѣ можно было всякаго званія россійскихъ бѣглецовъ и подобно Сытину окружилъ Вѣтку, нашелъ кривотолковъ нашихъ тамо обоего пола до двадцати тысячъ душъ“. Генералъ Масловъ расправился съ вѣтковцами еще болѣе жестоко, чѣмъ его предшественникъ, онъ пробылъ на Вѣткѣ всего два мѣсяца и „минуя подробное о бродягахъ сихъ слѣдствіе отправлена была она (Вѣтка) вся на поселеніе въ Сибирь, и Вѣтка отъ вторичнаго паденія сего совершенно потеряла силу свою“ [2]). Объ этихъ событіяхъ сохранились лишь самыя смутныя преданія въ Вѣткѣ. Пользуется лишь особой популярностью нижеслѣдующій духовный стихъ, примѣненный къ разоренію Лаврентьевскаго монастыря близъ Гомеля.

„О разореніи Лаврентьева монастыря близъ Гомеля, сочиненіе“ [3]).

Боже, пріидоша времена до насъ,
О нихъ пророкоша еще прежде насъ,
О нихъ пророкоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжище,
Нынѣ уже и тамъ нѣтъ убѣжища.
Разсыпаютъ насъ, разлучаютъ насъ,
Рады бъ неразлучны итти за Кавказъ.
Не противимся Божіей воли,
Идемъ во своя мы поневоли.
Весь свѣтъ намъ отечество,
Гдѣ-бъ не умирать,
Кто польстится на честь, гроба не миновать.

---

[1]) Ibid, стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 60.

По словамъ Д. А. Клеменца, сосланные вѣтковцы до настоящаго времени живутъ въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области въ с. Бичурѣ на р. Хилкѣ, а также на Чикоѣ.

[3]) Списано мною съ рукописнаго листка, висѣвшаго на стѣнкѣ въ кельѣ „мастерицы“. Стихъ этотъ старообрядки поютъ въ посты; онъ отличается грустнымъ напѣвомъ.

— Андревнушка! [1])
— Анөимъ Өомичъ!
— Настинька!
— Ну, кушайте на доброе здоровье!
А тамъ смотришь, и пѣсню затянули:
Выпьемъ же мы да по рюмочкѣ,
Выпьемъ же мы да по полненькой,
Вѣкъ же нашъ дуже маленькой...
или:
Какъ намъ не пити, какъ не гуляти,
У нашей же хатѣ парядокъ идети:
Павукъ на вакондѣ аснову снути,
А сучка на лычкѣ дворъ стережети... [2])
или:
И по рюмочкѣ и по чашечкѣ,
И по тому стакану,
Штобы стали на стану,
Штобъ милый не засталъ...
А мой миленькій застанетъ,
Четвертиночку паставитъ!..

По вѣрованію старообрядцевъ, есть мученикъ (Нифантій), который спеціально помогаетъ отъ пьянства. Ему молятся такъ: „О, св. мученикъ Нифантій! освободи отъ виннаго запоя...“

Хороводы.

Свѣтскія пѣсни распространены больше среди молодежи. Да и молодежь избѣгаетъ ихъ пѣть въ посты; въ эти дни принято пѣть духовные стихи, образцы которыхъ приводятся ниже.

Весной дѣвушки и парни устраиваютъ веселые „карагоды“ (хороводы) и поютъ „карагодныя“ пѣсни, какъ, напримѣръ,—

Во лужкахъ, во лужкахъ
Во зеленыхъ во лужкахъ,
Ой ли, ой лю-ли [3])

---

[1]) Андреевна.
[2]) Эта юмористическая пѣсенка заимствована старообрядцами у бѣлоруссовъ.
[3]) *Повторяется* послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Разливалася вода,
Разстилалася трава.
Какъ по той-ли по травѣ
Дѣвки водятъ карагодъ.
Всѣ дѣвочки харащи,
Красавицы пригожи.
Адна дѣвка лучши всѣхъ,
У приборѣ краши всѣхъ,
Въ касѣ лента шире всѣхъ,
На ней шубошка (?) алá
Душегрѣечка краснá,
Въ карагодъ гулять пошла.
Чьего рода, чьего рода?
Какъ да по именью назвать?
Мое имя Катерина,
Московскаво купца дочь.
Атайди малодчикъ прочь,
Гаварить съ табой не въ мочь,
Приступаетъ темна ночь [1]).

Дѣвишники. Свадьба.

Въ Вѣткѣ до настоящаго времени сохранился обычай передъ свадьбой устраивать *дѣвишники*. Когда порѣшатъ отдавать дѣвушку замужъ, то первымъ дѣломъ „Богу молятся". Нѣкоторые при этомъ зовутъ священника и поютъ „Всепѣтую". За нѣсколько дней до вѣнца въ домѣ родителей невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Собираются дѣвушки, подруги невѣсты, и садятся за столъ. Приходятъ парни. Ставится угощеніе. Дѣвишникъ начинается такой пѣсней:

Зборщица, зборщица Еленушка,
Собрала подружекъ къ отцу во дворъ.
Посадила дѣвушекъ всѣхъ за столъ (2 раза),
А сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ.
— Отступитеся подруженьки!
Хочетъ меня тятенька дарити небольшимъ даромъ,
Сладкимъ яблочкомъ наливнымъ...

---

[1]) *Другія „карагодныя"* пѣсни см. въ приложеніи.

Оставляемъ храмы пречюдна созданы,
Златомъ и серебромъ богато убраны.
За царя молити у поли будемъ,
Про житье свое во вѣкъ не забудемъ.
Пущай владѣютъ чюжимъ насильно,
Скоро судія воздастъ обильно
Равенъ у него царь и воѝнъ
Богату и нищу судія едѝнъ.
Ирьзскія (Иргизскія?) воды въ море утекли,
Его жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близъ Ленкорана,
Ѝмъ свобода тамъ вполнѣ дана,
Араратъ гора и Аркасъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдніи вѣка.
Каспійское море обливаетъ ихъ,
Песчаныя степи засыпаютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождалися мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ безъ всякой вины.
Мы власти повинуемся,
За обидящихъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаньи, вмѣсто громкихъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ быстрой Узѣ,
Но время быстрѣй сей нашей рѣки,
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ,
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ,
Соборъ разныхъ птицъ
Сладко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего,
Погибло, истлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть веселыя птицы!
Скоро улетайте за моря отъ насъ
Скажите за моремъ, что уже насъ тутъ нѣтъ;
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту,
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,
Летучія мыши и воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматриваетъ разныя примѣты...

Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ,
Онъ все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? Его не стало,
Какъ превратное время настало.
Коли жъ кто изволивъ Богови служить,
Не треба ему о себѣ тужить [1]).

Старообрядческіе толки на Вѣткѣ.

Старообрядцы на Вѣткѣ принадлежали и принадлежатъ къ такъ называемому поповщинскому толку. Въ частности, громадное большинство представляетъ собою пріемлющихъ православныхъ священниковъ, переходящихъ въ старообрядчество и подвергающихся при переходѣ помазанію мνромъ въ знакъ своего отреченія отъ ереси. Незначительная часть, около двадцати дворовъ, принадлежатъ къ пріемлющимъ австрійское или бѣлокриницкое священство.

Первые имѣютъ недавно выстроенную отличную молельню въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Прежняя вѣтковская церковь сгорѣла въ 1846 г. во время большого пожара, причемъ иконостасъ былъ спасенъ. Сохранена была отъ пожара также колокольня, простоявшая лѣтъ двадцать пять, подъ которой долго собирались старообрядцы для моленій.

У бѣлокриничанъ молельня помѣщается въ той же избѣ, гдѣ живетъ дьячекъ. Бѣлокриницкое духовенство вѣтковской молельни держится замкнуто и недовѣрчиво относится къ постороннему наблюдателю.

У бѣглопоповцевъ въ настоящее время священника нѣтъ, подъискиваютъ. Это обстоятельство, однако, не мѣшаетъ имъ устраивать продолжительныя богослуженія, пѣть и читать священное писаніе [2]).

До настоящаго времени Вѣтка пользуется большимъ почетомъ у старообрядцевъ. Изъ разныхъ мѣстъ наѣзжаютъ они сюда молиться и ставить „неугасимыя". „Неугасимыя"—непрестанное чтеніе кафизмъ за покойниковъ при зажженныхъ лампадахъ. „Неугасимая" сорокадневная стоитъ 10 руб., годовая—

---

[1]) Послѣднія двѣ строки разнятся по языку и представляютъ, вѣроятно, позднѣйшую приписку.

[2]) Наканунѣ праздниковъ всеношная длится отъ 4 час. пополудни до 10 вечера.

300 руб.; при этомъ кафизмы читаются четырьмя чтецами вперемежку; воскресенія и праздники при этомъ пропускаются, но наверстываются при этомъ по окончаніи опредѣленнаго срока.

Современное мѣстечко Вѣтка.

Отправившись изъ Гомеля на пароходѣ вверхъ по р. Сожѣ, черезъ два часа вы пріѣдете въ Вѣтку. Сожъ течетъ очень извилисто по зеленымъ привольнымъ лугамъ. Кое-гдѣ на берегахъ ея очерчиваются значительной величины курганы. Вѣтка открывается взору какъ то неожиданно, съ хорошенькими домиками и частыми веселыми садиками, которые тянутся параллельно рѣкѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Вѣткѣ насчитывается 11 тысячъ населенія, изъ нихъ старообрядцевъ теперь только около двухъ тысячъ, большинство же населенія евреи. Старообрядцы живутъ на главной улицѣ, называемой монастырской, а также на Средней, Галѣевкѣ, Ивановкѣ, Худояровкѣ и Косецкой; лучшія улицы тѣ, на которыхъ живутъ старообрядцы. Дома строятъ они свѣтлые и просторные въ 3 и 5 оконъ, выходящихъ на улицу. Дворы обнесены высокими заборами, въ каждомъ дворѣ высокія, фундаментально сдѣланныя ворота съ крышей и калиткой; кровли, ворота и заборы принято украшать разнообразной, иногда очень красивой, деревянной рѣзьбой. На ночь окна закрываются наглухо плотными ставнями. За воротами около каждаго дома—вкопанная въ землѣ скамейка, надъ которой большинство устраиваетъ маленькій навѣсъ, деревянный или желѣзный, чтобы можно было и въ дождь сидѣть за воротами. Внутри дома стѣны сплошь устанавляются иконами, передъ многими изъ нихъ горитъ лампадка, въ комнатѣ у зажиточныхъ вы можете насчитать до 10 лампадъ,—сплошной иконостасъ.

Одежда.

Что касается одежды старообрядцевъ, то въ настоящее время она мало чѣмъ отличается отъ обычной одежды жителей русскихъ мѣстечекъ. Старики и уставщики, когда идутъ въ молельню, одѣваютъ широкіе и длинные халаты, а женщины покрываются длинными платками и скрѣпляютъ ихъ подъ под-

бородкомъ булавкой по монашески такъ, какъ на картинѣ Нестерова „Великій постригъ". Въ нѣкоторыхъ домахъ до настоящаго времени хранятся богатѣйшіе старинные женскіе наряды; мнѣ, напр., случалось видѣть прекрасные парчевые кокошники съ сѣткой жемчуга, спускавшейся на глаза, парчевые лѣтники, бархатные или шелковые лѣтники съ золотой очень дорогой бахрамой, такъ называемые „азіятки",—особаго рода сарафаны изъ дорогого шелка; кисейныя рубахи, вышитыя тамбуромъ, шелковые „обтегайки", „холодайки" (кофты), „душегрѣйки", бархатные съ золотымъ шитьемъ повойники, огромныя жемчужныя серьги, такъ называемыя „корзинки", „малѝнки", старинныя янтарныя серьги, т. н. „желудкѝ", мѣховыя „жерелки" (накидки) и т. п.

Промыслы. Народные обычаи.

Въ Вѣткѣ немало весьма зажиточныхъ старообрядцевъ, имѣющихъ собственные пароходы и берлины. Многіе занимаются сплавомъ лѣса, имѣютъ склады соли, идущей въ Черниговскую губернію. Нѣкоторые имѣютъ канатныя фабрики. Большинство находитъ себѣ заработокъ на разнаго рода отходныхъ промыслахъ, преимущественно на каменныхъ работахъ. Лѣтомъ вѣтковскіе старообрядцы разсыпаются въ разныя стороны, зарабатывая хлѣбъ на зиму. Осенью возвращаются домой и Вѣтка оживаетъ, начинаются веселыя попойки. Впрочемъ, казенная винная лавка здѣсь торгуетъ всегда какъ нельзя лучше, такъ какъ водку охотно и часто пьютъ не только мужчины, но и женщины. При появленіи гостя, на хозяйскомъ столѣ немедленно появляется водка и закуска, начинается угощеніе. Пьютъ и приговариваютъ:

— Будимъ живы, здаровы, да Богу милы, а людямъ, и Богъ не угодитъ!

Слова: „чортъ не угодитъ" произносить избѣгаютъ, потому что „*онъ* это любитъ, чтобъ его чортомъ называли, возвышается, радуется... Вотъ бѣсомъ ежели назвать, это ему не нравится". Разохотившійся гость или гостья посылаетъ за полбутылкой на свой счетъ; прежде чѣмъ выпить, пьющій съ рюмкой въ рукѣ, обращается ко всѣмъ съ пожеланіемъ или просто съ ласковымъ словомъ:

— Игнатьевна!

— Андревнушка! [1])
— Аноимъ Оомичъ!
— Настинька!
— Ну, кушайте на доброе здоровье!

А тамъ смотришь, и пѣсню затянули:

Выпьемъ же мы да по рюмочкѣ,
Выпьемъ же мы да по полненькой,
Вѣкъ же нашъ дуже маленькой...

или:

Какъ намъ не пити, какъ не гуляти,
У нашей же хатѣ парядокъ идети:
Павукъ на вакондѣ аснову снуети,
А сучка на лычкѣ дворъ стережети... [2])

или:

И по рюмочкѣ и по чашечкѣ,
И по тому стакану,
Штобы стали на стану,
Штобъ милый не засталъ...
А мой миленькій застанетъ,
Четвертиночку паставитъ!..

По вѣрованію старообрядцевъ, есть мученикъ (Нифантій), который спеціально помогаетъ отъ пьянства. Ему молятся такъ: „О, св. мученикъ Нифантій! освободи отъ виннаго запоя...“

Хороводы.

Свѣтскія пѣсни распространены больше среди молодежи. Да и молодежь избѣгаетъ ихъ пѣть въ посты; въ эти дни принято пѣть духовные стихи, образцы которыхъ приводятся ниже.

Весной дѣвушки и парни устраиваютъ веселые „карагоды“ (хороводы) и поютъ „карагодныя“ пѣсни, какъ, напримѣръ,—

Во лужкахъ, во лужкахъ
Во зеленыхъ во лужкахъ,
Ой ли, ой лю-ли [3])

---

[1]) Андреевна.

[2]) Эта юмористическая пѣсенка заимствована старообрядцами у бѣлоруссовъ.

[3]) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Разливалася вода,
Разстилалася трава.
Какъ по той-ли по травѣ
Дѣвки водятъ карагодъ.
Всѣ дѣвочки харашп,
Красавицы пригожи.
Адна дѣвка луччи всѣхъ,
У приборѣ крашп всѣхъ,
Въ касѣ лента шире всѣхъ,
На ней шубошка (?) ала́
Душегрѣечка красна́,
Въ карагодъ гулять пошла.
Чьего рода, чьего рода?
Какъ да по именью назвать?
Мое имя Катерина,
Московскаво купца дочь.
Атайди малодчикъ прочь,
Гаварить съ табой не въ мочь,
Приступаетъ темна ночь [1]).

Дѣвишники. Свадьба.

Въ Вѣткѣ до настоящаго времени сохранился обычай передъ свадьбой устраивать *дѣвишники*. Когда порѣшатъ отдавать дѣвушку замужъ, то первымъ дѣломъ „Богу молятся“. Нѣкоторые при этомъ зовутъ священника и поютъ „Всепѣтую“. За нѣсколько дней до вѣнца въ домѣ родителей невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Собираются дѣвушки, подруги невѣсты, и садятся за столъ. Приходятъ парни. Ставится угощеніе. Дѣвишникъ начинается такой пѣсней:

Зборщица, зборщица Еленушка,
Собрала подружекъ къ отцу во дворъ.
Посадила дѣвушекъ всѣхъ за столъ (2 раза),
А сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ.
— Отступитеся подруженьки!
Хочетъ меня тятенька дарити небольшимъ даромъ,
Сладкимъ яблочкомъ наливнымъ...

---

[1]) Другія „карагодныя“ пѣсни см. въ приложеніи.

Далѣе поютъ, напримѣръ, такія пѣсни:

Ушь и кто у насъ по садику прашелъ,
Ушь и кто у насъ по зеленому,
Ушь и кто у насъ добра коня правелъ,
Ушь и кто у насъ вароненькаво,
Мимо терема високенькаво.
А Прасковьюшка въ високемъ терему,
Михайловна у окошечко смотри́тъ.
Ты Прасковьюшка Михайловна,
Сойди съ терема високенькаво.
Перейми коня вороненькаво!
— Не сойду я съ високаго терема,
Не прейму тваво ворона коня,
Все за ту за грубость за твою,
За великую досадушку,
Что не ходишь во мой зеленъ садъ гулять,
Не садишься на тесовую кровать,
Не цалуешь, не милуешь ты меня,
На правую ручку спать не кладешь.

Виногратъ въ саду растетъ,
Виногратъ разцвѣтаитъ,
Ягода, ягода поспиваитъ.
Виногратъ,—то Елизаръ гаспадинъ,
Ягода, ягода то Семеновна.
Имъ же люди дивовалися
Харошіе, пригожіе поражалися.
Не дивитися, люди!
Сами сибѣ наровите,
Харашенько живите...

На другой день послѣ дѣвишника дѣвушки катаются по улицамъ „на кавалеровъ счетъ“. А какъ подъѣдутъ къ жениховой роднѣ, то поютъ:

А въ нашево свата
Некрытая хата.
Купимъ куль соломы,
Покроемъ хоромы
Съ лозы съ березы...
Всѣ мы тверезы.

Около свекра поютъ:

Стой зять за воротьми,
Укройся, закройся соблями, бобрами,
Коврами, бобрами,
Черными соболями,
Штобъ я не слыхала,
Какъ батюшка тужить,
Матушка гарюить.

По улицѣ ѣздючи:

Да по вишенью
Га́лушка летала (2 раза),
Крылушки сбивала.
Да по крылушкамъ
Га́лушка тужила.
Да на свѣтъ мае (?)
Крылушки сизые.
Да люли, люли, сизые.
Да по косынькѣ Степанидушка тужила,
Да по русой Ивановна тужила...

Послѣ вѣнчанья устраиваютъ вечеромъ званый вечеръ и молодые дарятъ гостей медовыми пряниками, являющимися непремѣнной принадлежностью старообрядческой свадьбы. Гости „отдариваютъ“ молодыхъ деньгами, зерномъ или домашней скотиной. Особыхъ обычаевъ, которыми такъ богаты свадьбы малороссовъ и бѣлоруссовъ, на старообрядческихъ свадьбахъ не наблюдается.

Уставщики. Келейницы-мастерицы (наставницы).

Въ дѣлѣ храненія старинныхъ устоевъ, особое значеніе имѣютъ уставщики, всегда участвующіе въ богослуженіяхъ, а также келейницы. Уставщики не могутъ похвалиться книжной мудростью вообще; вся сила ихъ въ твердомъ знаніи церковнаго устава [1]). На богослуженіи они обыкновенно присутствуютъ

---

[1]) Говоря о вѣтковскихъ старообрядцахъ я имѣю въ виду пріемлющихъ б. православныхъ священниковъ; но и бѣлокриничане мало чѣмъ отличаются отъ нихъ.

въ длинныхъ халатахъ или казакинахъ и, конечно, съ лѣстовкой (четкой) въ рукахъ, большой лѣстовкой „уставщицкой“; лѣстовка является непремѣнной принадлежностью всѣхъ молящихся,—мужчинъ и женщинъ. Приготовляются онѣ изъ кожи или изъ бисера; молящіеся перебираютъ пальцами сборки (бубочки) и шепчутъ молитвы; по объясненію уставщиковъ 4 сборки или бубочки означаютъ 4 евангелиста, 3—тройцу, 12—апостоловъ, 40—столько недѣль царица небесная Христа носила, 30—столько лѣтъ Христосъ на землѣ жилъ и наконецъ, 17 бубочекъ означаютъ 17 ветхозавѣтныхъ пророковъ. Маленькія сборки перемежаются съ большими.

— Когда бубочка большая придетъ, говорятъ старообрядцы, то надо читать 3 Богуродицы...

Особенно благочестивые люди, напримѣръ, келейницы, каждодневно на лѣстовкахъ все богослуженіе „правятъ“.

Въ келейницы посвящаютъ себя незамужнія дѣвушки, большею частью уже пожилыя, „христовы невѣсты“. Онѣ живутъ въ маленькихъ келейкахъ, б. ч. собственныхъ, многія изъ нихъ занимаются обученіемъ ребятишекъ часослову, псалтыри и письму церковнымъ уставомъ. Дѣти зовутъ своихъ учительницъ „мастерицами“, и это названіе утвердилось за ними, теперь ихъ такъ называютъ всѣ. Въ келейкѣ мастерицы „благолѣпно“, стѣны почти сплошь уставлены иконами въ сіяющихъ ризахъ и увѣшаны листками съ душеполезными изреченіями, сильно накурено ладаномъ. Что позволено мірскому человѣку, то недопустимо келейнымъ.

— Мы келейные, наше дѣло особенно!—говорила мнѣ келейница Васильевна, упрашивая уничтожить ея фотографическій снимокъ. Дѣло въ томъ, что сначала было она „впала въ ересь“ и рѣшилась сняться, а потомъ одумалась...

Завѣтныя думы келейницъ достаточно ярко выражены въ слѣдующемъ ихъ любимомъ духовномъ стихѣ:

Умоляла мать родная [1])
Свое милое дитя,
Предъ кончиною рыдала,
О судьбѣ его грустя!
— Распростись со мной навѣкъ

---

[1]) Стихъ списанъ мною въ Вѣткѣ съ старообрядческой рукописи, написанной уставомъ въ недавнее время.

Ненаглядный мой цвѣтокъ
Скоро будишь сиротою
Цвѣсть у поли одинокъ.
Мнѣ минута наступила
Тебѣ навѣкъ спокидать,
Скоро хладная могила
Разлучитъ съ тобою насъ.
Ты звѣзда моя денница
Не затми своей красы,
Не згуби себѣ, дѣвице,
Не плети ты двѣ касы. [1])
Не смѣняй волю драгую
На превлестные цвѣты;
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хоть небогата
И въ народѣ неславна,
Но какъ птичка ты крылата,
Безъ печали и вольна,
Не забудь того дѣвица:
Твой женихъ Земли Творецъ,
Вѣку будетъ тамъ граница,
Ты пойдешь съ нимъ подъ вѣнецъ.
Рай прекрасный на востокѣ,
Вѣчныхъ радостей страна
Незамѣчена въ порокѣ,
Будешь, дѣва, отдана.
Лучше царскихъ тамъ палатъ
Вертограды и сады,
Въ теремахъ чертоги златы,
Въ садахъ дивные плоды.
Поля тамъ устланы цвѣтами,
Розы запахъ издаютъ,
Рощи съ чюдными древами,
Всегда ангелы поютъ.
И не будетъ тамъ печали
И веселію конца,
Всѣ угаснутъ души страсти,
Но лишь радостный покой (?)
Радости текутъ тамъ рѣки (?)

[1]) Не выходи замужъ...

Струя воды чище хрусталя (?)
Ты вселишься тамъ навѣки...
Мать послѣдней разсказала,
Оградя себя крестомъ,
На дѣвицу узглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ...
Не забыла дѣва слова,
Помнитъ матерній завѣтъ,
Безъ пристрастія земнова,
Жизнь безбрачною ведетъ.
Ты звѣзда моя денница,
Не затми своей красы.
Не сгуби себя, дѣвице,
Не плети ты двѣ касы!..

Богомоленія келейницы чередуютъ съ обученіемъ ребятишекъ. Въ ихъ небольшихъ церковныхъ школкахъ обученіе носитъ исключительно церковный характеръ, изучаютъ часословъ, псалтырь, порядокъ богослуженія... Дѣти научаются довольно бѣгло читать по церковно-славянски, но никто никогда не объясняетъ имъ смысла читаемаго. Сами „мастерицы", разбирая по-печатному, рѣдко умѣютъ подписать свою фамилію и отличаются крайней умственной неразвитостью. Энциклопедій знаній служатъ для нихъ рукописныя тетрадки, заключающія разные наивные вопросы и отвѣты вродѣ нижеслѣдующаго „разговора 3-хъ святителей", списаннаго мною съ рукописи, принадлежащей вѣтковской келейницѣ. Рукопись написана уставомъ и озаглавлена такъ:

„Вопросы и отвѣты. Бесѣда трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста". На заглавной страницѣ имѣется помѣтка „Написана сея книга въ лѣто 1898, мѣс. февр. въ недѣлю 2, день десятый". Изъ огромнаго числа вопросовъ и отвѣтовъ, содержащихся въ рукописи, приведемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе типичные, напоминающіе намъ „Голубиную книгу".

Вопросъ. Что суть четыре розы на земли?

Отвѣтъ. То суть четыре евангелиста.

В. Что суть 4 восточніи высокопарніи орли едино яйцо снесли?

О. То есть 4 евангелиста едино евангеліе спесаше и святой церкви предаша, вѣрующимъ во Христа Бога нашего.

и замѣняется **е**: ктой-то? *сває!*

е замѣняется **ю**: наплювать (наплевать).

Замѣна звуковъ **е**, **ѣ**, **я**,—святой произносится *свитой*, пятнадцать—*питнадцать*, слеза—*слиза*, гнѣздо—*гниздо*, рѣка—*рика*. *Вмѣсто* **е, ѣ**, *употребляется* **я**: ляниться, клопы отъ моху бярутся, сосѣди подсялились, легли весяло,—встали разсвѣло; такія дялишки въ нашемъ гарадишкѣ.

Наоборотъ,—*вмѣсто* **я** *встрѣчается* **е**,—*у мине* (у меня) взела (взяла), месной (мясной), петно (пятно), послѣ ж, ш, встрѣчается **а** вмѣсто **е**—жана, шастой.

Согласныя.

Г произносится по-украински, то есть какъ латинское h одинаково въ словахъ гора, нога, дуга, туго, городъ, горохъ, также какъ въ словахъ Бога, Господь. Букву **г** въ окончаніи родительнаго пад. мѣстоименій и прилагательныхъ произносятъ: тавò, дòбраво, слѣпòва, моевò, нàшево и т. д.

Хороводъ—произносятъ карагодъ.

Звуки **ж**, **ш**. *Вмѣсто ж иногда произносятъ* **з**, напр. *земчугъ* (жемчугъ), *зябры* (жабры).

Вмѣсто **с** *произносятъ* **ш**: шкорлупа, шабля.

ч вмѣсто **ц** и наоборотъ никогда не произносится.

Иногда **т** замѣняетъ собою **ч**,—„жанить *ти* (чи) замужъ выдавать".

ш замѣняетъ собою **ч**, напр., *подрушникъ* (подручникъ).

Дождь произносится *дожь*.

Приставка гласной,—*упорядокъ* (порядокъ).

Приставка согласной—*вуголь* (уголь).

Отпаденіе согласной,—*колько* (сколько), „*мине колько приглашали*".

Множественное число существительныхъ: *глáзы* (глаза).

Предлож. пад. сущ.,—*у лѣсѣ* (въ лѣсу).

Перемѣщеніе ударенія,—*не работáютъ*.

Неопред. наклоненіе,—*бѣчь* (бѣжать).

Окончаніе глагола 3 л. мн. ч.,—*жалять*, *ходять*, *носять*.

Родительный падежъ употребляется вмѣсто дательнаго: „что будетъ *козы*, когда ей минетъ 7-мой годъ?"

Сказуемое выражается дѣепричастіемъ, вмѣсто прошедшаго времени на л,—„самоваръ закипѣвши".

В. Сколько всего въ литрахъ денежнаго щоту?
О. Въ литрахъ по нашему по русскому рк҃ (120) тысящъ рублей, а вѣсомъ тянетъ 100 пудъ.
В. Которое езеро езерямъ мати?
О. Ӓ ремень езеро, что взяло въ себѣ 303 рѣки.
В. Кое море морямъ мати?
О. Океянъ море морямъ великое, въ томъ океянѣ церковь папы римскаго.
В. Кая рыба рыбамъ мати?
О. Китъ рыба великая, что на тѣхъ рыбахъ основалъ Богъ землю, всю вселенную; во время пришествія оныя рыбы пойдутъ въ глубины морскія.
В. Отчего тѣ китъ-рыбы сыти бываютъ?
О. Емлють десятую часть райскаго благоуханія; оттого китъ-рыбы сыти бываютъ.
В. Кая птица птицамъ мати?
О. Лаврутъ птица птицамъ мати. Она невелика, — съ галочну (?). Живетъ то птица у теплаво моря.
В. Отчего бываетъ громъ и молнія?
О. Есть два ангела громныхъ и два молнихъ и т. д.

Говоръ.

Гласныя.

Говоръ вѣтковскихъ старообрядцевъ принадлежитъ къ числу акающихъ говоровъ.

*Вмѣсто **о** произносится **а**,* тамъ гдѣ *о* не стоитъ подъ удареніемъ, напр.—

„харошему вездѣ харашо, а плахой удрухъ лишаится жизни свaей". „Жизнія какъ вална перимѣняется".

***а** иногда замѣняетъ собою **ы**,* напр.,

„распатаю" (распытаю).

***о** остается подъ удареніемъ неизмѣннымъ:*

плотютъ, бронится, бронитъ, пóльты

но разумъ, рaвный и т. п. остается безъ измѣненія.

***о** замѣняется **ы**:* „этый годъ".

***о** замѣняется также **у**:* Богуродица, Гусподь, винувата.

***у** иногда замѣняетъ собою **и**,*—мужуки (мужики).

***у** замѣняетъ собою **в**:* удова (вдова), унукъ (внукъ), укусъ (вкусъ).

***и** замѣняется **е**:* ктой-то? *свае!*

е** замѣняется **ю: наплювать (наплевать).

*Замѣна звуковъ **е**, **ѣ**, **я**,*—святой произносится *свитой*, пятнадцать—*питнадцать*, слеза—*слиза*, гнѣздо—*гниздо*, рѣка—*рика*. *Вмѣсто **е**, **ѣ**, употребляется **я***: ляниться, клопы отъ моху брутся, сосѣди подсялились, легли весяло,—встали разсвѣло; такія дялишки въ нашемъ гарадишкѣ.

Наоборотъ,—*вмѣсто **я** встрѣчается **е**,*—*у мине* (у меня) взела (взяла), месной (мясной), петно (пятно), послѣ ж, ш, встрѣчается ***а*** вмѣсто ***е***—жана, шастой.

Согласныя.

Г произносится по-украински, то есть какъ латинское h одинаково въ словахъ гора, нога, дуга, туго, городъ, горохъ, также какъ въ словахъ Бога, Господь. Букву ***г*** въ окончаніи родительнаго пад. мѣстоименій и прилагательныхъ произносятъ: тавô, дôбраво, слѣпôва, моевô, нâшево и т. д.

Хороводъ—произносятъ карагодъ.

*Звуки **ж**, **ш**. Вмѣсто ж иногда произносятъ **з**,* напр. *земчугъ* (жемчугъ), *зябры* (жабры).

*Вмѣсто **с** произносятъ **ш***: шкорлупа, шабля.

ч вмѣсто ***ц*** и наоборотъ никогда не произносится.

Иногда ***т*** замѣняетъ собою ***ч***,—„жанить *ти* (чи) замужъ выдавать“.

ш замѣняетъ собою ***ч***, напр., *подрушникъ* (подручникъ).

Дождь произносится *дожь*.

Приставка гласной,—*упорядокъ* (порядокъ).

Приставка согласной—*вуголь* (уголь).

Отпаденіе согласной,—*колько* (сколько), „*мине колько приглашали*“.

Множественное число существительныхъ: *гла́зы* (глаза).

Предлож. пад. сущ.,—*у лѣсъ* (въ лѣсу).

Перемѣщеніе ударенія,—*не работа́ютъ*.

Неопред. наклоненіе,—*бѣчь* (бѣжать).

Окончаніе глагола 3 л. мн. ч.,—*жалять*, *ходять*, *носять*.

Родительный падежъ употребляется вмѣсто дательнаго: „что будетъ *козы*, когда ей минетъ 7-мой годъ?“

Сказуемое выражается дѣепричастіемъ, вмѣсто прошедшаго времени на л,—„самоваръ закипѣвши“.

Въ говорѣ вѣтковскихъ старообрядцевъ нерѣдко встрѣчаются малорусскія и бѣлорусскія слова, заимствованныя ими очевидно у окрестнаго населенія, таковы, напримѣръ,—*хвороба* (болѣзнь), *ачинить* (отворить), *жинка* (жена), *доси* (до сихъ поръ), *луста хлѣба* (большой кусокъ хлѣба), *попытайте* (спросите), *слухай* (слушай) и т. д.

Образцы мѣстнаго говора.

„Гдѣ клядьба, тамъ и приступленіе". „Отъ харошаго телеша, такъ и щепка хараша". „Кума пѣши,—каню легчи". „Сомъ животрепящій" (животрепещущій). „Накармилъ панъ смалой,—и чехонка (рыба) не кушается". „Что-й-то такое-ча?" (что это такое?)

Про кошку говорятъ: „ана праворная, можетъ и на камушку дастать (пищу себѣ).

„На чужой старонушкѣ пакланись и варонушкѣ".

„Выпитый (пьяный) былъ, да палежалъ на сырой землѣ, землѣ, вотъ ему и здѣлалось".

„Тетя, дай хлѣба!"—„Не стыдно тибѣ, статуй такой! на нялся бы на бярлину!.."

„Собака лаитъ, а панъ ѣдитъ".

Мать разсказываетъ о ребенкѣ: „Встанетъ утромъ, и сейчасъ:—„я не хочу Богу малиться, у миня галовка балитъ!"—„Мались"—отвѣчаю—читай три Богуродицы: и за матку, и за батьку, и за себя!" такъ она молится,—не молится на Бога, а на смаваръ".

„Когда менинники бываютъ, то пираги присалаютъ".

„Лыбенята" (лебедята). „Дитинята" (дѣти). „Помилуй насъ грѣшныхъ и женъ сердешныхъ". „Два сердца—одинъ духъ, два голуба—одинъ слухъ". „Кто тамотка?" „Фатажинъ" (керосинъ). „Въ мою ддбу" (подобно мнѣ). „Ѣздіютъ лошадями" (на лошадяхъ). „Шутной" (шутникъ).

Заключеніе.

Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдяхъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго ходячаго выраженія, которымъ подразниваютъ старообрядцевъ:

— Зарѣжь, тятька, хохла,—говоритъ будто бы сынъ отцу,—я посмотрю, какъ онъ будетъ трепыхаться!..

Въ настоящее время вѣтковскіе старообрядцы показались намъ людьми привѣтливыми и обходительными, но очень консервативными.

Иногда на улицѣ и на базарѣ вы услышите между подвыпившими старообрядцами (а таковые встрѣчаются весьма часто) необычайно свирѣпую ругань, не употребляемую въ печати; за исключеніемъ подобныхъ случаевъ, ихъ обращеніе другъ съ другомъ и съ посторонними людьми весьма дружелюбно. Кромѣ обычныхъ пожеланій, свойственныхъ русскому человѣку, вы услышите отъ нихъ привѣтствія и пожеланія довольно своеобразныя. Когда застаютъ человѣка на молитвѣ, говорятъ:

— Ангелъ вамъ на молитву!

— Спаси Христосъ!—отвѣчаетъ другой.

Если обѣдаютъ:

— Ангелъ вамъ за трапезу!

— Спаси Христосъ. Жалуйте къ намъ!..

Религіозные обычаи и обряды, ежеминутное опасеніе не впасть во искушеніе,—наполняютъ всю жизнь старообрядца; поэтому особой популярностью пользуются „молитвы Кипріановы“, противъ бѣсовскаго навожденія; ихъ списываютъ на листки и заучиваютъ наизусть. Къ новшествамъ попрежнему относятся опасливо. Нѣкоторые, правда, немногіе, (преимущественно женщины), считаютъ, напр., предосудительнымъ позволить себя фотографировать.

— Зачѣмъ сыматься,—говорили они,—еще грѣха на душу хватишь!.. Раньше етава ничаво не знали и хлѣба больша было!..

Въ другой разъ, увидѣвъ, что я фотографирую молодежь, водившую хороводъ, старообрядка-старуха разразилась бранью и грозила пойти и сказать „патреотамъ“... Нужно замѣтить, что въ настоящій моментъ населеніе Вѣтки дѣлится на два лагеря,—на „патреотовъ“ и „демократовъ“. Старики и зажиточные старообрядцы состоятъ въ „патреотахъ“ и нѣкоторые изъ нихъ даже получаютъ „Русское Знамя“. Впрочемъ, болѣе толковые изъ нихъ уже прониклись сознаніемъ, что та относительная свобода религіи, которой они пользуются въ настоящее время, завоевана не безъ содѣйствія „демократовъ“. Къ инородцамъ и въ частности къ евреямъ, старообрядцы относятся терпимо. Въ 1905 г. въ старообрядческой слободѣ Святской, Черниговской губ. велась усиленная черносотенная

Себѣ выбираю маладого шурина.
Нашелъ... и т. д.
Хажу я... и т. д.
Сматрю выбираю
Хорошу своячню и т. д.
Хажу я гуляю и т. д.
Харошу невѣсту...
Жилѣю, милѣю,
Семь разъ поцалую.
Хажу я гуляю по всему карагоду,
Зову, зазываю всѣхъ людей на свадьбу,—
Пожалуйте, люди,
Всѣ ко мнѣ на свадьбу,
А въ мине на свадьбѣ
Пива вина много,
Хлѣба, соли тожа.
Я жъ напивши пива,
Сваво тестя въ рыло,
Са таво же хмѣлю,
Сваю тещу въ шею.
А ты маладой шуринъ
Сѣдлай добра коня,
Съѣзжай съ двора скоро.
А маладой своячинѣ подарю подарочекъ,
Шелкавый платочикъ.
Ахъ веселъ я веселъ,
Что я одинъ остался
Съ молодой невѣстой.
Жилѣю, милѣю, семь разъ поцалую...

На дѣвишникѣ поютъ:

А чія въ поле жито не жато (2 р.)
Не жато жито Елизарово,
Не жато жито Ивановича.
Посылаитъ Марьюшку жито жать.
— „Не могу, сударь, головушку поднять,
Со головушки бѣло лицо горитъ,
Со бѣла лица вся не могу“.
— „Марьюшка! тебѣ въ гости завутъ,
Сидоровна, тебѣ въ гости завутъ!“

— „Сейчасъ, моя радость, соберусь,
Сама пайду, тибѣ въ домѣ пасажу,
Заставлю работу работа̀ть,
Ужъ и первая работушка для тебѣ
Выгоняй съ огороду лебедень,
А вторая работушка для тебѣ—
Поставь самоваръ для мене,
Ужъ и третья работушка для тебѣ—
Сустрѣнь среди двора меня,
Называй меня душечкою,
Ужъ ты душечка, Марьюшка,
Ужъ ты душечка Сидоровна!..“

Разныя наиболѣе распространенныя пѣсни.

И билъ меня мужъ,
Колотилъ меня мужъ,
Ой же палочкою,
Да й со скалочкою.
Кохaночка моя мамочка,
За што про што долго сердишься?

Ишла Машенька сы дыбровки,
Разчерныя Маши бровки
Со мной говорятъ.
Пастушка дружка просила:
„Сударь пастушокъ,
Сударь, сударь пастушочикъ,
Сударь миленькій дружочикъ,
Не спокинь меня!“
„Ахъ ни спокину я сиротину
При широкой при долинѣ
Во лужкахъ адну.
Ахъ, во лужкахъ адну...“
Въ лужкахъ Машинька гуляла,
За ракитовъ кустъ запала,
Пущай милъ прайдетъ,
Ахъ, пущай милъ прайдетъ.
Въ Маши сердце не стерпѣло—

Громкимъ голосомъ кричала:
„Я, миленькій, здѣсь!“
Мальчикъ голосу взрадовался,
За ракитовъ кустъ бросался
Началъ цаловать.
Онъ цалуитъ и милуитъ
Машею заветъ.
Ужъ ты, Машенька черноброва,
Пачему любишь инова?
Потаму люблю инова,
Што даруитъ всево много,
А ты ничево.

Окончивши битву, паѣхалъ дамой,
Паѣхалъ дамой въ атеческій домъ.
Атецъ сына сустрѣчаетъ
Середъ же пути.
— Здаровъ сынъ да любезнай,
Съ пріѣздомъ тибя!
— Здаровъ, мой да папаша,
Чи жива твая семья?
— Пиредъ тваимъ пріѣздомъ
Случилась бѣда (2 р.) небольшая,—
Жина сына радила.
Сынъ атцу да не молвилъ,
Залился слезми и заплакалъ,
Паѣхалъ дамой
Въ атеческій домъ.
Мать сына сустрѣчаетъ
Съ иконой святой,
Жина маладая съ гарючей слезой.
Мать сына прасила:
— Прасти, сынъ, жинѣ,—
Жина маладая малютку радила.
— Мать мая радная,
Не пращу жинѣ,
Погибла гречанка (?)
Погибла любовь.
Остался малютка
Навѣкъ сиратой.

Съ тебя снимутъ кафтанъ,
Съ меня синій сарафанъ.
Тебя къ войту поведутъ,
Меня къ старостѣ,
Тебя кнутомъ будутъ сѣчь,
Меня розочкою.

Распространены среди старообрядцевъ и нѣкоторыя „книжныя" пѣсни, какъ напримѣръ:

„Ужъ ты вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь" и т. д.

Или:

„Не брани меня, родная,
Что люблю я такъ ево,
Скушно было дорогая,
Жить одной мнѣ безъ нево", и т. д.

Духовные стихи [1]).

Изъ пустыни старецъ.

Изъ пустыни старецъ въ царскій домъ приходитъ.
Онъ принесъ съ собою, онъ принесъ съ собою
Прекрасный камень драгій.
Іосафъ царевичъ спросилъ Варлаама:
— „Покажи сей камень. Сей камень я увижу,
Познаю цѣну его!"
— „Удобѣя ты можешь солнце рукою взяти,
А сего не можешь, а сего не можешь оцѣнити
Во вся вѣки безъ конца.
Родила сей камень Пречистая Дѣва,
Положенъ во ясли, положенъ во ясли
И явился прежде пастухомъ".
— „А купецъ премудрый, скажи, скажи мнѣ всю тайну,
Какъ на свѣтъ явился, какъ на свѣтъ явился,
И гдѣ пребываетъ камень тотъ?"

---

[1]) Списаны мною съ рукописей, полученныхъ отъ вѣтковскихъ келейницъ. *И. А.*

— „Той нынѣ пребываетъ выше звѣздъ небесныхъ,
Солнца со звѣздами,
А земля съ морями безпрестанно славятъ завсегда“.
Остался царевичъ безъ Варлаама,
Сталъ плакать, навсегда сталъ плакать:
— „Не хочу я пребывать безъ старца;
Оставлю царство, во пустыню жить пойду,
Взыщу Варлаама, взыщу.
И я буду свѣтозаренъ отъ него,
И я ему буду служить вѣчно, какъ отцу“.
Сказала пустыня отроку младому:
— „Горько во мнѣ жити, горько во мнѣ жити,
Всегда быти во молитвѣ и въ постѣ!“
Іосафъ царевичъ: „Какъ тебѣ угодно,
Такъ я буду жити...
Всегда нынѣ присно и вовѣки вѣковъ.“ Аминь.

«Стихъ—заключенному.»

Поздно, поздно вечеромъ,
Утихнетъ весь народъ,
Усыплется небо звѣздами,
Необъятный неба сводъ.
Тутъ въ безмолвіи глубокомъ
И унылой тишинѣ,
Въ заключеніи жестокомъ,
Запертой на единѣ
Узникъ тяжко вздыхаетъ,
За полночь сидя безъ сна
И пѣснь прощальну припѣваетъ,
У тюремнаго окна:
Вѣтры буйны, полетите
Въ мой любимой и родной (?)
Вѣсть отъ меня отнесите,
Что случилось здѣсь со мной.
Пусть друзья мои узнаютъ,
Мнѣ череда пришла страдать
И меня пусть не ожидаютъ
Въ край любимой никогда.
День тотъ вѣчно не настанетъ,
Что въ народѣ быть миѣ,

Жизнь моя въ грустяхъ завянетъ
Въ чюжой племенной странѣ.
Въ пиръ веселой разъ собрались
Наши ближніе друзья
И собравшись утѣшались,
Въ той бисѣдѣ былъ и я.
Забывъ горя и печали,
Вси сидѣли ввечеру,
Часы быстро пролетали,
Но я мраченъ былъ въ пиру,
Что то грусть мине смущала,
Горькой духъ мной обладалъ,
Буря въ сердцѣ волновалась,
А отчиго, я самъ не зналъ.
Скоро жъ таинство открылось:
Этотъ пиръ несчастной былъ,
Не напрасно сердце билось,
Воли онъ мине лишилъ,
Въ клѣтку съ крѣпкими стѣнами
Запертъ былъ, посаженъ за рѣшотками (?)
И замками, грозной стражей окруженъ.
Кромѣ неба голубого
Ничего не видать мнѣ было,
Или штыкъ часового
Просверкаетъ мнѣ въ окно;
Какъ еще ударъ печальной
Надо мною будетъ разъ:
Отошлютъ мине въ край дальной
На изгнаніе въ Кавкасъ.
Прикуютъ мою свободу
Ко Болканскіимъ горамъ,
Всѣхъ лишатъ друзей и роду,
Заключатъ навѣчно тамъ.
Пусть мине съ родными разлучаютъ,
Развели насъ навсегда,
Позабыть я ихъ не въ силахъ,
Не могу я никогда.
Не плачьте рóдныя за мною,
Нидолго намъ грустить,
Все окончится съ могилой,
Мы тамъ будимъ вѣчно жить.
Мы тамъ будимъ жить вѣчно,

Безъ счету, безъ конца,
И будутъ безпрестанно веселиться наши сердца.
Ни долинъ минѣ жаль цвѣтущихъ
Въ русской родинѣ моей,
Ни долинъ, ни ручьевъ текущихъ,
Селъ красивыхъ и полей,—
Какъ остался садъ прекрасный,
Гдѣ бывало я гулялъ,
Все по немъ грустно ужасно
Какъ бы садъ тотъ не увялъ!..

„Стихъ унылой".

Какъ уныло заныванть
Томный тонъ стройныхъ пѣвцовъ,
Знать родного провожаютъ
Спать въ долинѣ средь гробовъ.
Скоро ль, долго ли съ землею
Всѣ сравняться не минемъ,
Можить завтра жа зарею
Я усну такимъ жа сномъ,
Можить также погребальный
Тонъ раздастся нада мной,
Павтарится стихъ пращальный
Со святыми упакой,
И никто маи радные
Ни поплачютъ нада мной
И на гробъ руки чюжія
Кинутъ горсть земли сырой,
И сердешнаво рыданья
Вѣкъ ни будетъ нада мной,
Изъ радныхъ ни будитъ знать,
Въ дни обычны поминанья
Вѣкъ ни будутъ посѣщать.
Развѣ странники унылы
Только сядутъ пагрустнѣть;
Или кто при пагребеньи
Сердцемъ къ Богу воздохнетъ,
И въ душевномъ умиленьи,
Слезку теплую пральетъ,
Или развѣ мимоходомъ

Кто изъ странниковъ зайдетъ.
И уставши на зеленомъ
Дерни сядетъ отдохнуть
И вздрогнувшися (?) душею
О усопшемъ воздохнетъ.
И никто, друзья былые,
Ни вспомянетъ аба мнѣ.
Погрустятъ маи радные
Тамъ, въ далекай старанѣ...

Воззрѣнія убѣгавшихъ въ пустыню старообрядцевъ достаточно ярко выражены въ нижеслѣдующемъ стихѣ, списанномъ мною съ рукописи, писанной уставомъ, принадлежащей вѣтковской келейницѣ: **„Бахксизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псальма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами"**.

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный.
Солнце угаси лучи свѣтлые
И свѣтъ свой не яви на лицѣ земли.
Поздно съ вечера въ часы дневные
Наступила тьма несвѣтимая.
По пророчеству Даніилову
Станетъ мерзость запустѣнія
На святемъ мѣстѣ,
Во церквахъ святыхъ.
Въ тысящи шесть сотъ
Шестьдесятъ шестой
Антихристъ возмути всю вселенную.
Отнялъ благолѣпіе церковное,
Издалъ же свою печать мерзкую.
Вмѣсто Христова Креста—крыжъ латынскій,
За святыя иконы—картины.
Обладали святыми мѣстами вмѣсто учителей—злые мучители,
Издали свое лжи-ученіе—вмѣсто святыхъ поученій;
За крещеніе—обливаніе; вмѣсто ладону табакъ мерзкую.
Въ знаменіе креста двоеперстнаго,
Щепоть гнусную троеперстную;
За благолѣпіе—брадобритіе;

Возлюбили тьму, ненавидимъ свѣтъ.
Никонъ лютый и съ поборники
Потребилъ книги старописмены,
Издалъ же свои—новоумыслены,
На погибель душамъ христіанскимъ,
Да увязнуть въ сѣть въ неизбѣжную,
Да наполненъ будетъ адъ вселютый
Тьма кромѣшная, огнь геенскій.
Никонъ лютый и способники
Воздвиже гоненіе великое,
На содержателей благочестія и пресвѣтлаго правовѣрія.
Погубилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей:
Павла, епископа Коломенскаго,
Царскаго отца духовнаго архимандрита Никанора;
Разорилъ обитель киновію соловецкихъ чюдотворцевъ;
Погналъ вѣру христіанскую въ темны лѣса и пустыню;
Истребилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей;
Запустѣли церкви безъ учителей,
Разогналъ овецъ по лицу земли,
Наполненъ овцами востокъ и западъ,
Югъ и сѣверъ и вся концы,
Пожалъ пшеницу не созрѣлую,
Уморилъ вѣрныхъ безъ причастія.
Пришли ко овцамъ злые волки,
Губятъ вѣрныхъ пожератели.
Лютые бѣгуны и предатели,
Кровопійцы и ругатели;
Вземлютъ съ нищихъ за крещеніе,
Грабятъ съ больныхъ сиротъ за причастіе.
Оле (?) увы, горе, православніи,
Горько и люто бысть сиротами.
Нѣтъ уже прежнихъ нашихъ вѣрныхъ пастырей
Кои душъ своихъ не щадили,
За Христову вѣру положили,
Преставились наши патріархи,
Скрылись съ глазъ нашихъ цари и князи!
О горе, братіе, въ сіе время,
Аще помяну благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Когда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло блисталъ чинъ священный,
То не можно быть безъ рыданія,

И безъ горькаго воздыханія!
Помолимся мы къ Высшему Творцу,
Да подастъ намъ вѣрныхъ пастырей,
Отогнати отъ насъ злые волки,
Лжи учители и мучители,
Патріарха Никона ученики,
Лицемѣры хищные ехидники.
И чего еще хощемъ ожидать,
Посредѣ мира долго пребывать.
Уже жизнь наша скончавается,
А день судный приближается.

„Сей стихъ сочиненъ о разореніи соловецкихъ чюдотворцевъ и киновій“ [1]).

Какъ въ насъ въ Москвѣ было на базарѣ,
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ воеводамъ.
Выбирали большову воеводу Салтыкова
Монастырь разоряти Зосимы, Савватія.
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
Какъ промолвилъ воевода:
— Не мое, государь, дѣло
Монастырь разоряти,
Благочестіе попрати,
Христіянъ убивати,
Господа Бога прогнѣвати!
Разгнѣвался, распалился
Государь царь на воеводу.
Приказалъ приступити къ дѣлу
Воеводѣ иному,
Мещеринову лютому.
И собрали козаковъ четыре десять тысящъ,
И приказалъ царь козакамъ
Садится въ легкія судны
И плысти по синему морю.

---

[1]) На уставной рукописи этого стиха есть помѣтка, что въ 1875 г. мѣсяца декабря его писала (списывала?) нѣкая Ольга Широчинкова. Значительно отличающій варіантъ находимъ у г. Маркова „Бѣломорскія Былины“ 1901 г., стр. 470.

И садились козаки на легкія судны.
И поплыли съ Мещериновымъ
Вдоль по синему морю.
И преплыли козаки
Ко острову большому
И къ монастырю святому.
Какъ увидѣли старцы,
Стали врата затворяти,
И рѣшетками задвигати,
Желтымъ пескомъ засыпати;
И сказалъ воевода:
— „Вы не бойтеся, старцы,
По обѣщанію мы къ вамъ приплыли,
Молебны служити,
За царя Бога молити!“
Собиралися старцы въ соборную церковь
Молебны служити,
Милости у Бога просити,
И другъ съ другомъ прощались.
Единъ злоумысленный старецъ
Вышелъ изъ соборной церкви
И отверзъ Мещеринову ворота,
И предалъ неповинныхъ на смерть
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
И понудилъ воевода соловецкихъ чюдотворцевъ
Къ новымъ книгамъ приступити
По нихъ службы совершати.
Святіи же имъ сказали:
— „Лучше смерть намъ получити,
Какъ намъ вѣры отступити“.
И въ томъ часѣ порубили
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
Съ Москвы почта прибѣжала:
— „Не рубите, не губите
Соловецкихъ чудотворцевъ!
А въ насъ въ Москвѣ есть несчастье,—
Государя царя не стало.

Очерки Бѣлоруссіи.

I. Сябрына́.

(Изъ жизни Полѣсскихъ бѣлоруссовъ южной части Слуцкаго у. Минской г.)

Калѝ ся́беръ не памо̀жэ, та й нихто, небожэ. Ся́беръ — бо́жы сваякъ. Ча́самъ атъ свайго́ памо́ги не чака́й, хи́бо ў ся́бра папыта́й.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Въ словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія И. И. Носовича приведены слова: „с я б р у́ к ъ, а̀, с. м. Сотоварищъ, соучастникъ въ дѣлѣ или работѣ. Собрались сябруки. С я б р ъ, а̀, с. м. 1) Родственникъ, братъ. Ёны сябры межъ собою, а я чужій. 2) Сотоварищъ. Прійшовся съ сябрами своими“. Но нѣтъ словъ сябрына́, ся́беръ и т. п. Повидимому, г. Носовичъ ставитъ термины сябру́къ и сябръ вмѣсто дѣйствительно существующаго повсемѣстно въ Бѣлоруссіи понятія «ся́беръ», но придаетъ этимъ словамъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе. Слово ся́беръ означаетъ духовное родство, какъ это можно видѣть изъ настоящаго очерка.

Будучи мѣстнымъ уроженцемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ проживая въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи мнѣ приходилось наблюдать среди бѣлоруссовъ обычай своеобразнаго духовнаго родства, называемаго „сябрыно́ю“. Сябрына устанавливается какъ между родственниками, такъ равно и между чужими, независимо отъ родства и свойства. Возникаетъ она слѣдующимъ образомъ. Рой пчелъ вылетаетъ изъ улья одного хозяина и входитъ въ улей другого, встянутый на дерево. Съ этого момента данные два хозяина становятся сябрами, а рой пчелъ вмѣстѣ съ ульемъ считается собственностью обоихъ сябровъ въ равныхъ доляхъ. Это самая близкая сябрына; она почитается Богомъ данной, священной, такъ какъ тутъ пчелы вошли въ тотъ или иной улей по волѣ божьей.

Кстати нужно замѣтить, что пчелы въ Бѣлоруссіи почитаются священными насѣкомыми, вѣроятно, за то, что онѣ даютъ воскъ, изъ котораго изготовляются церковныя свѣчи. Есть загадка: „лецiéў птахъ цéразъ бóжы дахъ; тамъ егó дзiéло ўсе пагарыэло [летѣла птица черезъ божью крышу; тамъ ея дѣло (издѣлье) все погорѣло]. Отвѣтъ—пчелá. Самка или царица пчелъ называется „бóжаю мáткаю“. По другому способу сябрына является такъ: во время свадьбы при дѣлежѣ каравая молодой четѣ дарятъ „палавину пчублъ“ и тѣмъ самымъ становятся совмѣстными владѣльцами подареннаго улья пчелъ и сябрами. Когда отъ подаренныхъ во время свадьбы кобылы, коровы или овцы рождается приплодъ, то и тутъ устанавливается сябрына. Вообще сябрына появляется въ такихъ случаяхъ, когда подаренный или даже проданный съ цѣлью разведенія домашній скотъ даетъ хорошій приплодъ и, какъ говорятъ: „идзе ў рýку“. Хотя при установленіи сябрыны никакихъ спеціальныхъ обрядностей не бываетъ, но съ момента ея появленія сябры обращаются другъ къ другу на вы, а не на ты, какъ это принято вообще между чужими простолюдинами. На вы обращаются только съ самыми близкими друзьями и товарищами да съ родителями и старшими родственниками.

Сябрына среди бѣлоруссовъ играетъ огромную роль. Каждый простолюдинъ считаетъ для себя священнымъ долгомъ помочь сябру въ бѣдѣ. По народнымъ воззрѣніямъ, почитается великимъ грѣхомъ, если кто обидитъ сябра или сдѣлаетъ ему зло. Ссора между сябрáми—большой позоръ для обоихъ. Во время гостьбы на семейныхъ торжествахъ, храмовыхъ праздникахъ и т. п., сябровъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, усиленно угощаютъ и вообще относятся къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Сябры нерѣдко играютъ роль совѣтчиковъ, защитниковъ предъ міромъ и т. п. Не даромъ бѣлоруссы говорятъ: „калí сяберъ не памóжэ, та й нихтó, небóжэ (коли сяберъ не окажетъ помощи, то и отъ другихъ не дождаться). Сяберъ лучше родственниковъ: отъ него скорѣе можно получить помощь, чѣмъ отъ сваякуў“— родственниковъ. Есть пословицы: „мнуго свайхъ, да чортъ па ихъ, а сяберъ—божы сваякъ“. Или: часамъ отъ свайгó памóги не чакáй, хибо ў сябра папытáй“.

Каждый предусмотрительный бѣлоруссъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается возможно больше пріобрѣсть сябровъ какъ въ своемъ селеніи, такъ и въ сосѣднихъ. Сяберъ поможетъ въ трудную минуту жизни; онъ пуститъ переночевать и *приметъ, какъ самаго* лучшаго гостя. Вѣдь говорятъ старики,

„не май осьмакубў (денегъ), а май мнуо́го сябрубў,—віе́къ пражыве́шъ и зъ го́ладу не памрэшъ“.

Такъ какъ въ каждомъ селеніи посредствомъ браковъ почти всѣ простолюдины состоятъ хотя бы въ дальнемъ родствѣ или свойствѣ, то и сябрына устанавливается въ большинствѣ случаевъ между родственниками, но это зависитъ только отъ условій даннаго селенія, а не является слѣдствіемъ того, что тѣ или иныя лица родственники. Въ числѣ сябровъ можно, конечно, встрѣтить кромѣ родни—кумовьевъ, сватовъ, побратимовъ, т.-е. духовныхъ братьевъ и т. п. Но это все отдѣльные самостоятельные институты родства, не вліяющіе безусловно на появленіе сябрыны.

II. Бо́нда.

Буо́гъ дае́ на ўсихъ до́лю. И саба́тцэ дава́й (кусокъ хлѣба) — мо не празъ чые́ ла́ску жыву́мъ.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Въ такъ называемой Полѣсской Бѣлоруссіи, по среднему теченію р. Припети и ея лѣвымъ притокамъ, мнѣ повсемѣстно приходилось наблюдать народные обычаи, сохранившіеся среди простолюдиновъ, вѣроятно, отъ глубокой древности. Огромные лѣса, малопроходимыя топкія болота и „гнилыя“ торфяныя рѣчки и озера дѣлаютъ эту мѣстность недоступною для посторонняго человѣка. Самыя топографическія условія наложили свою особую печать на культурное развитіе и весь бытъ мѣстныхъ бѣлоруссовъ-полѣшуковъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, сохранились древніе обычаи, суевѣрія, предразсудки и старинный укладъ домашней жизни. Здѣсь народный говоръ менѣе подвергся вліянію другихъ языковъ и сохранился почти въ первобытной чистотѣ. Поэтому изученіе творчества и быта бѣлоруссовъ этой глухой полѣсской части представляетъ особенный научный интересъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мнѣ желательно указать на одинъ обычай, подтверждающій предположеніе, что и у бѣлоруссовъ была когда-то общность имущества, основанная на родовомъ строѣ. На всемъ пространствѣ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени простолюдины строго соблюдаютъ древній обычай дѣлиться съ ближайшими сосѣдями и вообще односельчанами всѣмъ, что пріобрѣтаютъ. Этотъ обычай назы-

вается „бóндой". Такъ, напримѣръ: когда кто-либо убиваетъ кабана, то обычай требуетъ давать сосѣдямъ и вообще односельчанамъ по куску свѣжаго мяса или сала—„бòнду". Такъ же поступаютъ, когда рѣжутъ овцу, теленка и т. п. Обычай раздавать сосѣдямъ „бонды" распространяется въ равной мѣрѣ на пойманную въ большомъ количествѣ рыбу, убитыхъ на охотѣ звѣрей и т. п. Особенно характеренъ такой фактъ. Въ лѣсу, неподалеку отъ проѣзжей дороги, крестьянинъ вырѣзываетъ соты изъ улья, поставленнаго на „одрѣ"—палаткѣ, устроенной на соснѣ. По дорогѣ проходятъ односельчане. Крестьянинъ замѣтилъ ихъ, закричалъ и подозвалъ къ „одру". Тѣ подошли и спросили, богата-ли взятка меда. Крестьянинъ положилъ на лубокъ по количеству односельчанъ нѣсколько кусковъ сотовъ и, при помощи „лѣзива", опустилъ внизъ для угощенія. При вырѣзываніи сотовъ даютъ „бонду" всякому, кто только попадется по близости. Сюда же относится обычай давать сосѣдямъ плоды съ садовыхъ деревьевъ, огородные овощи, хлѣбъ изъ новой ржи или пшеницы и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ говорятъ „даць бонду" или „бóндачку".

Обычай давать „бонду" строго соблюдается, ибо существуетъ повѣріе, что кто не дастъ „бонды", тотъ уже больше никогда самъ не будетъ имѣть даннаго продукта. Разсказываютъ много случаевъ несчастій, происшедшихъ отъ того, что нарушали этотъ обычай.

Данный обычай распространяется даже и на животныхъ. Такъ, когда простолюдинъ ѣстъ и замѣтитъ хотя-бы бродячую собаку, то онъ непремѣнно броситъ и ей кусокъ, говоря: „трэ и сабàтцэ даць,—мо не празъ чыю лàску жывудмъ" („надо и собакѣ дать—можетъ-быть, не по чьей милости живемъ"). Раздавая „бонды", крестьяне не жалѣютъ своего „добра", такъ какъ глубоко укоренилось понятіе, что „Бýогъ дае́ на ýсихъ дóлю".

Все это указываетъ, что обычай давать бонду сохранился отъ глубокой древности, когда имѣла мѣсто общность имущества цѣлой общины или рода.

А. Сержпутовскій.

Сумасшедшій самозванецъ.

Въ 7199 г. (1690 г.), въ Вязьмѣ былъ задержанъ неизвѣстный бродяга, котораго воевода Романъ Грибановъ, согласно царскому указу, немедленно выслалъ въ Москву, въ Разрядъ, къ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. 21 октября того же года неизвѣстный бродяга изъ Вязьмы, допрошенный въ Разрядѣ, показалъ слѣдующее:—Зовутъ де его Ивашкомъ, а отецъ де у него былъ царь Иванъ Васильевичъ, а былъ де онъ царемъ на Москвѣ тому нынѣ лѣтъ со сто. А онъ де родился отъ него, а женатъ де онъ не былъ. И которые де люди глазами не видятъ и руками, и ногами не владѣютъ, и тѣ де болящіе молитвою его здравы бываютъ. А по ихъ де молитву творятъ: „Сусе Христе, помилуй насъ!“ А крестилъ де себя онъ самъ. А живетъ де онъ на небесахъ и ходитъ де онъ на небеса въ дирю, а принимаютъ де ево ангели. А которая де душа сдѣлала добро, добро и будетъ. А какъ онъ ходилъ и къ нему пришли ангели: тысяча ангеловъ да шестьсотъ казаковъ донскихъ. А казаки де и ангели ѣли мясо, а онъ де говѣлъ и мяса не ѣлъ. Которые де люди мяса ѣдятъ, и тѣ пойдутъ на тотъ свѣтъ. А онъ де посылалъ грамоты по русскимъ городомъ—русскимъ языкомъ—самъ, что онъ царя Ивана Васильевича, и онѣ бъ то вѣдали. И нынѣ пошелъ было къ тотаромъ и хотѣлъ ихъ приводить къ вѣрѣ, чтобы они крестились. А какъ де войско (съ) князь Васильемъ [1]) ходило, и онъ въ то время былъ въ Крымѣ и исъ Крыму шелъ въ Бѣлгородъ, а родомъ де онъ бѣлогородцкіе земли. А какъ онъ пошелъ изъ Орды къ Москвѣ съ казаками и на Москвѣ хотѣлъ женитца на русской, и бояре де его не женили, такъ бы де хорошо было. А взять

---

[1]) Кн. Вас. Вас. Голицынъ, „большого полка дворовый воевода, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ Новгородскій, стоявшій во главѣ войскъ въ Крымскомъ походѣ въ 1686 и 1689 гг.

было ему у большева боярина, а женясь бы пошелъ въ свою бѣлогородцскую орду, а въ бѣлогородцской де ордѣ всѣ его знаютъ и оттоле бъ послалъ ангеловъ. А какъ де на Москвѣ живетъ дымъ и ангели де не терпятъ, чтобъ невѣрныхъ не было. И написавъ въ книги, пошлетъ грамоты во многіе городы: въ Ярославль, въ Нижней, въ Муромъ, въ Юрьевъ, чтобы крестились всѣ до малого. А хотѣлъ де онъ управеть вѣру и былъ на Дону и на Самарѣ. А былъ де онъ при Ѳролѣ Минаевѣ, а которая де сила была въ Паншину, и та де жива, а онъ де ее сдѣлаетъ съ крылами. Да у него жъ де есть гуси, и какъ ихъ пошлетъ, и они полетятъ, и голову свою съѣдятъ, и онъ ихъ оживитъ. А на небеси де больши ево нѣтъ. А какъ де онъ шелъ съ казаками, и велѣлъ имъ сказывать, что де къ Москвѣ идетъ сынъ царя Ивана Васильевича и они бы московскіе люди ево женили. И грамоты де онъ писалъ своею рукою и отдавалъ ангеломъ. А онъ нынѣ подъ паствою Божьей. А на Москвѣ бывалъ бояринъ Терентій Семеновъ, крещеной, и на Москвѣ де былъ семь лѣтъ, и послалъ брата своего въ Бѣлгородъ и за Бѣлгородъ подъ Ключь-городокъ. А онъ де Ивашка пошелъ въ Крымъ по-прежнему, а исъ Крыму де вышелъ онъ недавно. А какъ де князь Василій Голицынъ ходилъ подъ Перекопъ, и въ то де время былъ онъ въ Перекопѣ. И пришелъ въ русскіе городы тому нынѣ другой годъ. А послали де его казаки, было де ихъ триста человѣкъ; а пошли де они всѣ около Москвы по городомъ, а онъ де имъ сказался Иваномъ, царя Ивана Васильевича сыномъ. И чтобы де они не мѣшкавъ, а онъ де идетъ за ними. И послалъ во всю Москву, чтобы про него вѣдали, а ходили бъ, прося милостыни. А на Дону онъ де былъ при Ѳролѣ Минаевѣ. А что де донского атамана казнили на Москвѣ, и того де онъ зналъ. А нынѣ на Москвѣ два цари: Иванъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, а ему де Москвою не владѣть. А грамотѣ де и писать онъ русскимъ и иными языки умѣетъ. А нынѣ писать онъ не станетъ, для того что не видитъ.

Такое показаніе самозванца поставило Разрядъ въ большое затрудненіе и заставило прибѣгнуть къ врачебной экспертизѣ. При дѣлѣ есть письмо къ какому-то Вас. Григорьевичу, производившему, какъ видно изъ письма, допросъ, отъ неизвѣстнаго [1]), и отъ котораго, очевидно, зависѣлъ исходъ этого дѣла, слѣдующаго содержанія:

---

[1]) *Вѣроятно бояринъ* Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.

— Василей Григорьевичъ! писалъ ты ко мнѣ о мужикѣ, которой присланъ изъ Вязьмы, что ты иво роспрашивалъ; и ты вели иво осмотрить дохтуромъ въ какомъ онъ разумѣ, да что скажутъ, о томъ отпиши, а для дохтуровъ пошли въ оптѣку.

Внизу письма другою рукою приписано: — Стремянного полку со стрельцомъ съ Иваномъ Лызловымъ въ 5 часу дня.

На оборотѣ же: — в розряд выслать въ Село Преображенское оптекарской полаты дьяка.

Ивашку свидѣтельствовали три врача: Григорій Карбонарій, ихъ царскаго величества лѣкарь, Іоаннъ Алексѣевъ и Яковъ Пеларинъ, тотъ и другой греки. Вотъ свидѣтельства врачей.

Mosqua die 15-a mensis xbris [1]) anni 1690. Ego infrascriptus ex mandato examinavi mentis et corporis costitutione huius captivi, quem nullo adhititio morbo laborare indico. Atque videtur esse melancholia hereditaria, qua simpla rationatur, in testimonium huius meae opinionis manu mea propria munio.

Grigorius Carbonarius phil. et medic. et careae (sic) maiestatis medicus.

Вотъ переводъ этого свидѣтельства, сдѣланный въ Разрядѣ:

На Москвѣ дня 15 декабря, 1690 года. И я нижеподписанный по указу свидѣтельствовалъ есмь, есть ли въ разумѣ и въ тѣлѣ тотъ полонянникъ боленъ, которой въ себѣ никакой болѣзни адстіатицкой (прибылой) не имѣетъ. А только мнитца, что онъ природною меланхоліею (шальностью) болѣзнуетъ, отъ которой мало отпустя говоритъ; для свидѣтельства сего моего достовѣрія рукою своею прямою подписываю.

Григорій Карбонарь, ихъ царскаго
величества лекарь.

Переводъ съ латинскаго письма дохтура Григорія Карбонарія, каковой онъ, смотря бѣснующагося человѣка, свидѣтельствовалъ и написалъ въ нынѣшнемъ во 7199 году, октября въ 29.

Азъ нижеписанный пойманнаго человѣка, во оковахъ сущаго, смотря, свидѣтельствовалъ: отъ болѣзни онъ како разума лишился или же много паче лукавствомъ безумна ся показуетъ. Признаваю я по должности своей и по искусству своему того человѣка, зѣло причастна быти болѣзни ипохондріи, еже вну-

[1]) Decembris.

треннее нѣкое страданіе, отъ злыхъ кислыхъ мокротъ въ селезенкѣ рождающееся, отъ чего онъ не точію безуменъ учинился, но и весьма бѣснуется. Того ради должно его еще больше держать и чаще о измѣненіи его дозирать, свыше же того какъ и нынѣ вижду, что онъ небезпричиненъ великаго зла и лукавства.

Григоріусъ Карбонарій философіе и медицины и ихъ царскаго величества докторъ.

Переводъ съ письма греческаго дохтура Ивана Алексѣева.

Человѣкъ сей видится мнѣ отъ нѣкоихъ внѣшнихъ признаковъ меланхоликъ быти, не точію по словамъ его печальнымъ и жалостнымъ къ тому склоннымъ, но по самой ево меланхоличной природѣ. И во время годичное, въ которомъ меланхоличная болѣзнь больше обостряется, того ради такая мокрота и волгость злая, выводить ихъ лекарствами къ тому пригодными, пользовать и будетъ болѣзнь ево знатнѣе къ лучшему или паки въ томъ же останетъ состоянія; и надобно будетъ впредь надъ нимъ надзирать. Сіе есть мое разсужденіе.

Іоаннъ Алексѣевъ, дохтуръ медицины и философіи, подписахъ.

Переводъ съ писма греческаго дохтура Якова Пиларина, каково онъ написалъ, смотря того же бѣснующагося человѣка.

Видѣхъ человѣка, которой безумна ся являетъ. Таковъ ли онъ есть вправду высочайшимъ азъ повелѣніемъ вопрошенъ есмь, о чемъ о чемъ (sic) я краткое мое полагаю разсужденіе. Вышепомянутый человѣкъ, какъ разумѣю я, отъ природы своей меланхоличенъ есть, но меланхолія же есть двояка. И его, разсуждаю я, много паче жарка меланхолика быти, но и паче жъ признаки видѣхъ въ немъ молчаливыя на вопросы, а слова его, которые я отъ устъ слышалъ, разсудитися могутъ надвое и природою, и наукою. Немощь такая въ томъ человѣкѣ отъ науки жъ злой или отъ природы случилась, о наукѣ сказать не могу— Богъ единъ точію сердцевидецъ; о природѣ же твердо глаголю, что отъ такова человѣка можетъ все быти и къ тому еще большія свидѣтельствуютъ признаки, которые я для окраченія (sic) оставляю больше еже увѣденье. Зѣло нужно, дондеже прочія люди немощь ево гораздѣе узнаютъ, якоже глаголетъ пророкъ Давидъ: „день дни отрыгаетъ глаголь и нощь нощи возвѣщаетъ *разумъ*“.

Яковъ Дмитреевъ сынъ Пеларинъ, опасені врадн (sic).

Такое единогласное мнѣніе врачей повліяло на рѣшеніе судьбы Ивашки, хотя, какъ видно изъ приложенной ниже по дѣлу резолюціи, у правительства было все-таки сомнѣніе въ его болѣзни. Вотъ резолюція по этому дѣлу:—7199 г. генваря въ 11 день великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея великія і малыя, і бѣлыя Росиі самодержцы, слушивъ сеи выписки, указали и бояря приговорили: колодника Івашка послать въ Ростовъ, въ Аврамьевъ монастырь подъ началъ съ подьячимъ да съ сыномъ боярскимъ. И во Аврамьевѣ монастырѣ держать ево подъ крѣпкимъ началомъ, а во время церковнаго пѣнья приводить его къ церкви по вся дни, а съ монастыря ево спускать отнюдь не велѣть. А того надъ нимъ смотрить накрепко, чтобы онъ вь безумствѣ своемъ ни съ кѣмъ лишнихъ словъ не говорилъ. А буде отъ него объявитця какіе странные слова, а говорить станетъ отъ разума, а не зъ безумства, и о томъ писать для вѣдома въ Разрядъ. И о томъ послать въ Ростовъ, въ Аврамьевъ монастырь къ архимандриту зъ братьею великихъ государей грамоту. А о пріемѣ ево въ тотъ монастырь въ приказъ Большого Дворца и о подводахъ въ Ямской приказъ послать памяти.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола.)

П. Зенбицкій.

Югославянскія древности въ изложеніи проф. Л. Нидерле. I ч. II т. Слав. древн.[1])

(Окончаніе).

Въ извѣстіи нашей лѣтописи о нападеніи влаховъ на славянъ придунайскихъ проф. Нидерле находитъ возможнымъ видѣть отголосокъ преданія, имѣющаго реальную основу. Это преданіе могло бы быть относимо или къ нападенію Галловъ въ IV—III до Р. Хр., или къ нападенію римскихъ легіоновъ, предводимыхъ Трояномъ, на Дакію въ началѣ II в. по Р. Хр. Послѣдняя дата заслуживаетъ предпочтенія. И не столько имя Трояна, оставившее слѣды во многихъ мѣтныхъ названіяхъ, сколько преданіе о нападеніи Римлянъ на славянъ свидѣтельствуетъ о ихъ присутствіи въ Дакіи въ началѣ II в. Что имя Влаховъ [2]) славяне распространили на римлянъ и потомъ на итальянцевъ, подтверждается житіемъ Меѳодія и Кіевской лѣтописью. Ясно такимъ образомъ, что заимствованное первоначально отъ Галловъ, сосѣдившихъ съ славянами на югѣ, это имя было распространено на всѣ народы романскаго происхожденія, находившіеся на югѣ, будутъ ли то итальянцы, или романизованное населеніе Балкана и Карпатъ, позднѣйшіе румыны. По отношенію къ итальянцамъ имя Vlach сохранилось у западныхъ славянъ чешское Vlach, польское Wloch.

Переходя далѣе къ разбору топографической номенклатуры, проф. Нидерле выясняетъ свою точку зрѣнія въ этомъ пунктѣ. Многія изъ этихъ именъ извѣстны были и ранѣе, но напр. Шафарикъ видѣлъ въ нихъ доказательство того, что прародина славянъ была на Дунаѣ, что эти названія лишь остатки первоначальной славянской номенклатуры, которая позднѣе была вытѣснена иллирской, дакійской ѳракійской, гальской и римской. Иначе смотритъ проф. Нидерле. Славянскія имена въ его глазахъ служатъ доказательствомъ не старобытности славянъ, а того, что славяне въ эпоху, къ которой относятся эти данныя,

---

[1]) Slovanské Starožitnoste díl II. Původ a počátky Slovanů jižnich. sv. 1. V Praze. 1906.

[2]) Весьма вѣроятно оно возникло изъ гальскаго названія Volka, германскаго *Walh.*

находились рядомъ съ Иллирами, Ѳракійцами, Даками, Галлами и др.

Приводимыя далѣе имена расположены по группамъ.

1. Группа паннонская. Главнымъ образомъ у озера Блатна и по нижнему теченію Савы, отъ устья Врбаса къ Бѣлграду. Pelso, т. е. плесо, въ концѣ II в. у Аврелія Виктора, у Плинія Peiso. Вука—Vlka въ старшихъ формахъ Ulca, Ulcus, т. е. Волкъ, цѣлый рядъ слав. рѣкъ есть съ именами отъ этого корня. Vrbas отъ vrba, и это имя имѣетъ цѣлый рядъ аналогій. Pliva славянскимъ это имя считали Шафарикъ и Маретичъ; ср. Pliwka притокъ Вислы, русская и болгарская Pleva, болг. Плевен. Производили это имя отъ плоути, но возможно, что здѣсь измѣнено Pelva въ Pliva. Metubarris у Плинія быть можетъ изъ međу и бара,—предположеніе Первольфа. А слѣдовательно и въ Servitii у Птоломея и на Певтингеровой картѣ можно вмѣстѣ съ Шафарикомъ видѣть славянскихъ сербовъ, которые должны быть въ ряду первыхъ славянскихъ племенъ, подвигавшихся съ сѣвера на Вуку, Саву и Врбасъ. Civitas Pistrensis у Амміана Марцелина по объясненію Дринова, вѣроятно, отъ Pistra, т. е. Быстра. Имена отъ этого корня очень многочисленны въ слав. номенклатурѣ. Bolia вѣроятно слав. Bolja.

2. Дакійская группа. Въ нижней Дакіи при самомъ Дунаѣ имя рѣки Tsierna Черна, которая впадаетъ въ Дунай около Оршовы; также и поселенія этого имени. Имена эти встрѣчаются въ источникахъ съ начала II в. Въ другомъ правописаніи Dierna. На таблицѣ Певтингеровой Tierna. Еще варіанты: Zernensium colonia, Zerna. Имя Черна въ противоположность Бѣла не рѣдко въ славянской номенклатурѣ. Brzava недалеко отъ Черной также слав. имя, производимое отъ бръзъ быстрый. Въ связи съ этимъ именемъ рѣки станція Berzovia. Имя Тисы у Плинія Pathissus, въ другихъ источникахъ: Πάρισος у Страбона, Παρτίσκον у Птоломея, Parthiscus у Амміана Марцелина. Несмотря на то, что чаще встрѣчается форма съ r или rth, г. Нидерле видитъ въ Pathissus слѣды сербскаго Потисје. Наконецъ, имя рѣки Hron во 2 в. Γρανουάς, аналогія словацкому Hronek; hron шумъ, чешское hronutí, паденіе.

Всѣ эти имена въ глазахъ проф. Нидерле свидѣтельствуютъ, что въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Подунавья, а именно въ Панноніи у Блатна, на рѣкѣ Вукѣ, при устьи Врбаса, на Тисѣ, Брзавѣ и Черной въ нижней Дакіи, начиная со II в. отъ Р. Хр., жили славяне. Объясненія, которыя для этихъ на-

званій предложены изъ другихъ языковъ, не выдерживаютъ сравненія съ объясненіемъ изъ яз. слав. Принять слав. этимологію этихъ именъ удерживало изслѣдователей лишь то соображеніе, что въ этихъ мѣстахъ не могли находиться славяне, пришедшіе на Дунай только въ V в. Этотъ скептицизмъ отпадаетъ самъ собой, послѣ того какъ прямыя и косвенныя доказательства убѣждаютъ, что славяне отчасти какъ отдѣльные роды или племена уже задолго до V — VI вв. проникали на югъ.

Нельзя поэтому предпочитать насильственное объясненіе этихъ именъ изъ другихъ языковъ. Не можетъ быть принято и возраженіе Мюлленгофа, что имена эти стоятъ одиноко. Это обстоятельство указываетъ только, что появленіе здѣсь славянъ было частичное, не было всеобщимъ.

Эти имена служатъ доказательствомъ, что первые славянскіе островки въ чуждой для нихъ области Подунавья были уже въ I—III вв. и находились на Хронѣ, въ Панноніи у Блатна, Вуки, Врбаса, въ Дакіи у Тисы, Черной и Брзавы. Если сопоставить съ этимъ извѣстія о Сарматахъ въ Потисьѣ въ IV—V стол., отъ которыхъ въ половинѣ V стол. Римляне услышали и записали слова *мед* и *страва*, если мы видимъ, что на Певтингеровой картѣ Венеды обозначены не только въ Бессарабіи, но и въ предѣлахъ отъ нижней Тисы на востокъ, гдѣ находятся рѣки Брзава и Черная и, наконецъ, если существовало преданіе, что Влахи-Римляне напали на славянъ придунайскихъ при императорѣ Траянѣ—то во всемъ этомъ можно видѣть доказательства движенія славянъ на югъ въ южномъ направленіи. Формулировать заключеніе можно такъ: Славяне пришли черезъ Карпаты въ Венгрію не въ V в. и къ венгерскому Дунаю и къ нижнему теченію Дуная не въ VI в., а они находились тамъ по мѣстамъ, образуя островки въ области иллирской на западѣ и дакійской, сарматской и ѳракійской на востокѣ, уже во II, а возможно и I в. по Р. Хр. Они постепенно подвигались отдѣльными родами и племенами вдоль сѣверныхъ притоковъ Дуная, главнымъ образомъ по Вагу и Хрону и бассейну Тисы, а на востокъ отъ Карпатъ по Серету и Пруту. Въ III в. движеніе это сдѣлалось сильнѣе подъ вліяніемъ переселенія сѣверныхъ народовъ, а въ IV и V вв. сѣверное Подунавье начало наполняться славянскими племенами, которыя готовы нахлынуть и на Балканы. Находя, что приведенныя соображенія даютъ прочность выводамъ о раннемъ проникновеніи славянъ къ Дунаю, проф. Нидерле под-

вергаетъ разбору еще нѣсколько народныхъ именъ. Онъ с ненъ видѣть славянъ въ Костобокахъ, Лугіяхъ, не считаетъ славянами Осеріатовъ Птоломея. Изъ именъ мѣстностей возможно, что слав. Πέσσιον ср. срб. Пеһ, болг. Пешт; но едва ли славянскія Ακούμινκον слав. Каминка, Βόρμανον слав. боръ, Putea путь, Ούσκενον узокъ—Flavium Solvense исправляемое въ Slovense, Λούγεον лугъ.

Культурныя слова koleda, župan, kmet, viverra, καυνάκης, ζόμβρος, πῖνον не могутъ, по мнѣнію проф. Нидерле, быть приводимы въ пользу ранняго движенія славянъ. Коледа могло проникнуть въ слав. яз. позднѣе. Viverra и καυνάκης вѣвера, вѣверица и куна, куница заимствованныя у славянъ римскими купцами всего вѣроятнѣе на сѣверѣ, не могутъ подтверждать существованія славянъ въ придунайскихъ краяхъ, а развѣ только свидѣтельствуютъ, что и здѣсь торговали этими мѣхами. Славянское происхожденіе слова жупанъ не выяснено. Кмет не слав. происхожденія; ζόμβρος слав. зубръ, но встрѣчается въ позднихъ источникахъ; πῖνον у Аристотеля арійскаго корня, слав. пиво не находится съ нимъ въ тѣсной связи.

Скорѣе возможно признать слав. характеръ въ названіяхъ растеній, приведенныхъ Діоскоридомъ въ числѣ дакійскихъ: σέβα Sambucus nigra; βλής Hyoscyamus niger, διέσεμα Verbascum, Προδίορνα Helleborus niger серб. зоба, чешское blín, дивизма, или чесма, чесмина, διόρνα чрьнъ.

Въ концѣ этой главы приведены рисунки, изображающіе группу варваровъ на столбѣ Траяна и варвара на памятникѣ въ Адамклиси, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Проф. Нидерле въ настоящее время находитъ затруднительнымъ считать эти заключенія надежными.

Четвертая глава касается извѣстныхъ изъ историческихъ источниковъ нападеній славянъ на Балканскій полуостровъ. Проф. Нидерле начинаетъ эту главу съ утвержденія, что всѣ доказательства прихода славянъ на Балканскій полуостровъ во II—VI вв. по Р. Х. не даютъ основанія заключать, чтобы они въ это время уже заняли Балк. земли. Можно допускать лишь съ большимъ правдоподобіемъ, что Славяне проникали за Дунай и Саву внутрь полуострова, но не можетъ быть рѣчи о славянской колонизаціи въ это время. Г. Нидерле не находитъ возможнымъ придавать значеніе извѣстіямъ Моисея Хоренскаго, который говоритъ о нападеніи на славянъ Готовъ въ 376 г. въ Дакіи, откуда тѣснимые ими славяне перешли за Дунай. Хронологія у Моисея Хоренскаго не надежна и источ-

званій предложены изъ другихъ языковъ, не выдерживаютъ сравненія съ объясненіемъ изъ яз. слав. Принять слав. этимологію этихъ именъ удерживало изслѣдователей лишь то соображеніе, что въ этихъ мѣстахъ не могли находиться славяне, пришедшіе на Дунай только въ V в. Этотъ скептицизмъ отпадаетъ самъ собой, послѣ того какъ прямыя и косвенныя доказательства убѣждаютъ, что славяне отчасти какъ отдѣльные роды или племена уже задолго до V — VI вв. проникали на югъ.

Нельзя поэтому предпочитать насильственное объясненіе этихъ именъ изъ другихъ языковъ. Не можетъ быть принято и возраженіе Мюлленгофа, что имена эти стоятъ одиноко. Это обстоятельство указываетъ только, что появленіе здѣсь славянъ было частичное, не было всеобщимъ.

Эти имена служатъ доказательствомъ, что первые славянскіе островки въ чуждой для нихъ области Подунавья были уже въ I—III вв. и находились на Хронѣ, въ Паннонiи у Блатна, Вуки, Врбаса, въ Дакіи у Тисы, Черной и Брзавы. Если сопоставить съ этимъ извѣстія о Сарматахъ въ Потисьѣ въ IV—V стол., отъ которыхъ въ половинѣ V стол. Римляне услышали и записали слова *мед* и *страва*, если мы видимъ, что на Певтингеровой картѣ Венеды обозначены не только въ Бессарабіи, но и въ предѣлахъ отъ нижней Тисы на востокъ, гдѣ находятся рѣки Брзава и Черная и, наконецъ, если существовало преданіе, что Влахи-Римляне напали на славянъ придунайскихъ при императорѣ Траянѣ—то во всемъ этомъ можно видѣть доказательства движенія славянъ на югъ въ южномъ направленіи. Формулировать заключеніе можно такъ: Славяне пришли черезъ Карпаты въ Венгрію не въ V в. и къ венгерскому Дунаю и къ нижнему теченію Дуная не въ VI в., а они находились тамъ по мѣстамъ, образуя островки въ области иллирской на западѣ и дакійской, сарматской и ѳракійской на востокѣ, уже во II, а возможно и I в. по Р. Хр. Они постепенно подвигались отдѣльными родами и племенами вдоль сѣверныхъ притоковъ Дуная, главнымъ образомъ по Вагу и Хрону и бассейну Тисы, а на востокъ отъ Карпатъ по Серету и Пруту. Въ III в. движеніе это сдѣлалось сильнѣе подъ вліяніемъ переселенія сѣверныхъ народовъ, а въ IV и V вв. сѣверное Подунавье начало наполняться славянскими племенами, которыя готовы нахлынуть и на Балканы. Находя, что приведенныя соображенія даютъ прочность выводамъ о *раннемъ проникновеніи* славянъ къ Дунаю, проф. Нидерле под-

вергаетъ разбору еще нѣсколько народныхъ именъ. Онъ с
ненъ видѣть славянъ въ Костобокахъ, Лугіяхъ, не считаетъ славянами Осеріатовъ Птоломея. Изъ именъ мѣстностей возможно, что слав. Πέσσιον ср. срб. Пећ, болг. Пешт; но едва ли славянскія Ακούμινκον слав. Каминка, Βόρμανον слав. боръ, Putea путь, Οὔσκενον узокъ—Flavium Solvense исправляемое въ Slovense, Λούγεον лугъ.

Культурныя слова koleda, župan, kmet, viverra, καυνάκης, ζόμβρος, πῖνον не могутъ, по мнѣнію проф. Нидерле, быть приводимы въ пользу ранняго движенія славянъ. Коледа могло проникнуть въ слав. яз. позднѣе. Viverra и καυνάκης вѣвера, вѣверица и куна, куница заимствованныя у славянъ римскими купцами всего вѣроятнѣе на сѣверѣ, не могутъ подтверждать существованія славянъ въ придунайскихъ краяхъ, а развѣ только свидѣтельствуютъ, что и здѣсь торговали этими мѣхами. Славянское происхожденіе слова жупанъ не выяснено. Кмет не слав. происхожденія; ζόμβρος слав. зубръ, но встрѣчается въ позднихъ источникахъ; πῖνον у Аристотеля арійскаго корня, слав. пиво не находится съ нимъ въ тѣсной связи.

Скорѣе возможно признать слав. характеръ въ названіяхъ растеній, приведенныхъ Діоскоридомъ въ числѣ дакійскихъ: σέβα Sambucus nigra; βλής Hyoscyamus niger, διέσεμα Verbascum, Προδίορνα Helleborus niger серб. зоба, чешское blín, дивизма, или чесма, чесмина, διόρνα чрьнъ.

Въ концѣ этой главы приведены рисунки, изображающіе группу варваровъ на столбѣ Траяна и варвара на памятникѣ въ Адамклиси, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Проф. Нидерле въ настоящее время находитъ затруднительнымъ считать эти заключенія надежными.

Четвертая глава касается извѣстныхъ изъ историческихъ источниковъ нападеній славянъ на Балканскій полуостровъ. Проф. Нидерле начинаетъ эту главу съ утвержденія, что всѣ доказательства прихода славянъ на Балканскій полуостровъ во II—VI вв. по Р. Х. не даютъ основанія заключать, чтобы они въ это время уже заняли Балк. земли. Можно допускать лишь съ большимъ правдоподобіемъ, что Славяне проникали за Дунай и Саву внутрь полуострова, но не можетъ быть рѣчи о славянской колонизаціи въ это время. Г. Нидерле не находитъ возможнымъ придавать значеніе извѣстіямъ Моисея Хоренскаго, который говоритъ о нападеніи на славянъ Готовъ въ 376 г. въ Дакіи, откуда тѣснимые ими славяне перешли за Дунай. Хронологія у Моисея Хоренскаго не надежна и источ-

никъ приведеннаго имъ извѣстія не можетъ быть указанъ. Также явно ошибочно Константинъ Багрянородный относитъ взятіе славянами Салоны ко времени нападенія Готовъ въ 449 г. Всего вѣроятнѣе это могло произойти между 602 и 640 гг. Топографическія названія, приводимыя въ пользу ранняго прихода славянъ, не имѣютъ той убѣдительности, какъ названія на Савѣ и Дунаѣ, при томъ же часть ихъ находится только у Прокопія, слѣдовательно въ позднемъ источникѣ. На стр. 178—180 приведены всѣ такія названія съ параллелями къ нимъ или же съ указаніемъ сомнительности ихъ славянской этимологіи. Но проф. Нидерле допускаетъ, что отдѣльные роды или группы славянъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ другими народами въ набѣгахъ на Балканы, могли оставаться въ опустошаемыхъ краяхъ, на мѣстахъ разрушаемыхъ укрѣпленій.

Переходя за тѣмъ къ извѣстіямъ источниковъ, начиная отъ VI в., которые съ именемъ славянъ соединяютъ, представленіе о нихъ, какъ о народѣ новомъ, жившемъ ранѣе за Дунаемъ, проф. Нидерле предпосылаетъ замѣтки о изданіяхъ источниковъ. Какъ видно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, старыя изданія смѣнились новыми лучшими, иныя же и до сихъ поръ не могутъ быть признаны удовлетворительными. Имѣющіе значеніе восточные источникч не всѣ доступны, потому что не переведены вполнѣ. Не смотря на то, что извѣстія о нападеніяхъ славянъ на Балканскій полуостровъ были разсматриваемы, не все исполнено вполнѣ обстоятельно, а потому есть нужда въ новомъ ихъ обслѣдованіи. Замѣтивъ, что изъ позднѣйшихъ трудовъ по этому предмету лучшимъ слѣдуетъ признать книгу Станојевича Византија и Срби, проф. Нидерле, не вездѣ съ нимъ согласный, представляетъ подробный пересмотръ этихъ извѣстій, сопровождаемый постоянными критическими замѣчаніями. Этотъ пересмотръ, за который нельзя не благодарить автора, относится къ сѣвернымъ придунайскимъ областямъ балканскаго полуострова и къ его южной Солунской окраинѣ. Отмѣтимъ при этомъ, что напр. чудеса св. Димитрія, изданныя въ Четьихъ Минеяхъ, могли бы быть привлечены при обозрѣніи нападеній славянъ на Солунь. Мало важности представляетъ житіе св. Димитрія въ сборникѣ Θησαυρός Дамаскина Студита. Въ немъ къ славянамъ имѣетъ отношеніе только одно чудо, находящееся въ первой легендѣ чудесъ, о которой проф. Нидерле говоритъ на стр. 228. Изъ недоступныхъ автору похвальныхъ словъ въ честь св. Димитрія, замѣтимъ, нѣтъ никакого упоминанія о славянахъ въ Похваль-

номъ словѣ св. Димитрію Іосифа архіепископа Солунскаго, изд. архим. Арсенія. Эта глава оканчивается замѣткой объ отдѣльныхъ слав. именахъ, сохранившихся въ источникахъ; списокъ этихъ именъ будетъ приложенъ ко II тому слав. древностей; при этомъ сдѣлана оговорка, что извѣстія о слав. происхожденіи Юстиніана, какъ теперь доказано, вымышлены въ Далматіи въ XVI или XVII стол.

Послѣдняя глава посвящена вопросу о приходѣ на Балканскій полуостровъ Хорватовъ и Сербовъ. Проф. Нидерле печатаетъ греческій текстъ Константина Багрянороднаго изъ его сочиненія de administrando imperio, въ которомъ есть подробный разсказъ о приходѣ и поселеніи того и другого народа, присоединяя чешскій переводъ. Согласно извѣстіямъ Константина, въ царствованіе императора Ираклія, по его призыву для борьбы съ Аварами, Хорваты и Сербы пришли изъ Великой или Бѣлой Хорватіи и Сербіи. Въ началѣ къ этому извѣстію относились съ полнымъ довѣріемъ, и возбуждался только рядъ второстепенныхъ вопросовъ, откуда именно они пришли, въ какіе годы и какимъ образомъ они заняли свои новыя земли. Великая Хорватія и Сербія въ представленіи Константина находились на сѣверѣ за Дунаемъ и за Карпатами, онѣ были удалены отъ моря, лежали рядомъ съ землей Франковъ и Саксовъ, за землей турецкой, т. е. мадьярской и нерѣдко подвергались нападеніямъ Франковъ, Мадьяръ и Печенѣговъ по близости отъ рѣки Вислы; значитъ гдѣ-то на сѣверѣ Венгріи въ сосѣдствѣ съ германской имперіей.

Но такое опредѣленіе все же далеко неточно, поэтому особенное вниманіе обращали имена Βαγιβάρεια, которымъ ближе опредѣлялись жилища Хорватовъ и Βόϊκι, которымъ обозначались границы Сербовъ, а также θάλασσα ἡ λεγομένη Σκοτεινή.

Въ толкованіи границъ великой Хорватіи и Сербіи можно отмѣтить два направленія. Согласно одному южные Хорваты и Сербы были выводимы отъ западныхъ полабскихъ славянъ. Согласно другому различіе языка Сербовъ и Хорватовъ южныхъ и Сербовъ и Хорватовъ Приморья не позволяло ихъ смѣшивать и потому ихъ родину искали далѣе на востокѣ, объясняя Багиварію какъ Бабью Гору въ Карпатахъ и привлекая извѣстія Плинія и Птоломея о существованіи Сербовъ въ восточной Сарматіи. Эта гипотеза была поддержана Шафарикомъ. Въ имени Багибарія онъ видѣлъ Баварію, но великую или бѣлую Хорватію онъ отодвигалъ далѣе на востокъ отъ Чехіи къ Вислѣ и отъ Кракова къ восточной Галиціи. Въ свою очередь Бѣлую Сербію онъ помѣщалъ далеко отъ полабскихъ Сербовъ въ обшир-

номъ пространствѣ на сѣверѣ и востокѣ отъ Бѣлой Хорватіи въ области средняго теченія Лабы, Лужицахъ, Силезіи и Польшѣ до губерніи Минской и Буга. Южные Хорваты и Сербы выселились изъ восточной Галиціи, а не изъ Чехіи и Лужицъ. Имя Βόϊκι Шафарикъ сопоставлялъ съ именемъ Карпатскаго края, въ которомъ и понынѣ живетъ русское племя Бойковъ. Только съ Сербіей и Хорватіей въ этихъ границахъ можно согласовать извѣстія Кіевской Лѣтописи о Хорватахъ и Сербахъ между русскими племенами. Совпаденіе имени для Шафарика не имѣло значенія, потому что имя Сербовъ онъ считалъ первоначально общимъ всѣмъ славянамъ.

Этотъ взглядъ получилъ подтвержденіе со стороны филологовъ, которые извѣстія о позднемъ приходѣ Сербовъ и Хорватовъ въ предѣлы, ранѣе занятые славянами, сопоставляли съ наблюдаемымъ ими отношеніемъ между югославянскими нарѣчіями. Копитаръ, напр., утверждалъ, что первоначально все пространство отъ Тироля и Аквилеи до береговъ Чернаго моря занимали Задунайскіе славяне, говорившіе языкомъ словинскимъ, и только съ приходомъ въ VII в. сербо-хорватовъ изъ Баваріи они раздѣлились на двѣ части, западную словинскую и восточную болгарскую.

Нѣсколько видоизмѣняя подраздѣленіе діалектическихъ группъ принялъ этотъ же взглядъ и Миклошичъ. Во второмъ изданіи сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошичъ объяснялъ, что славяне, извѣстные у византійскихъ писателей подъ именемъ Σκλαβηνοί въ VI в. заняли область на западѣ въ Альпахъ и позднѣйшую Болгарію и говорили почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Этотъ ихъ общій языкъ Миклошичъ подраздѣлялъ на группы западную въ Альпахъ, новословинскую, среднюю отъ Дуная къ подножію Карпатъ, паннонско-словенскую или древнесловенскую, сѣверовосточную дакійско-словенскую и восточную болгарскую; общей ихъ особенностью въ началѣ были носовые звуки. Эта однородная среда была раздѣлена на двѣ части приходомъ сербо-хорватовъ.

Совершенно иное отношеніе къ извѣстіямъ Константина Багрянороднаго находимъ у историка Рачкаго. Рѣшительно отвергая какую-либо связь между южными Сербами и лужицкими и между южными Хорватами и западными Рачкій объясняетъ извѣстія Константина о Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи тѣмъ, что, зная о Хорватахъ чешскихъ и польскихъ и Сербахъ лужицкихъ, Константинъ дѣйствительно такъ и думалъ, что южные Сербы и *Хорваты вышли* изъ среды западныхъ. Но допустить этого

нельзя: западные Сербы и Хорваты до VI в. не жили у Лабы и принадлежали другой славянской вѣтви. Если языкъ лужицкихъ Сербовъ въ X в. сильно отличался отъ языка южныхъ, то онъ не менѣе отличался и въ VII в. За Карпатами гдѣ-то при Вислѣ и Днѣстрѣ были Хорватія и Сербія родина югославянъ, а не на западѣ у границъ германской имперіи, гдѣ ее помѣщаетъ Константинъ. Это одна его ошибка. Но Константинъ ошибается и тогда, когда приходъ южныхъ Хорватовъ и Сербовъ относитъ къ половинѣ VII в. Тѣ Славяне, которые позднѣе получили имя Хорватовъ и Сербовъ, вышли изъ своей закарпатской родины уже въ началѣ VI в. на Дунай и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ заняли Далматію и Босну. Относить приходъ Хорватовъ и Сербовъ къ VII в. не позволяютъ другія историческія данныя.

Взглядъ Рачкаго встрѣтилъ поддержку со стороны проф. Ягича. Взаимное отношеніе юго-славянскихъ нарѣчій убѣждаетъ, что между сербо-хорватскимъ и словинскимъ съ одной стороны, а болгарскимъ съ другой, не было такого рѣзкого различія, чтобы можно было заключать о вторженіи въ среду словинско-болгарскую клиномъ сербо-хорватскаго нарѣчія. Наоборотъ, мы видимъ столько естественныхъ связей, столько переходовъ на той и другой сторонѣ какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, что съ точки зрѣнія лингвистической возможно лишь одно заключеніе: языкъ сербохорватскій не выступаетъ между языками словинскимъ и болгарскимъ, какъ элементъ чуждый, хронологически поздній, на оборотъ онъ издавна органически занималъ между ними среднее мѣсто и гармонически развивался съ ними одновременно. Этому безъ сомнѣнія противорѣчатъ извѣстія Константина о приходѣ Сербовъ и Хорватовъ въ VII в.

Выводя ихъ съ береговъ Лабы, Константинъ былъ введенъ въ заблужденіе извѣстіями о Хорватахъ въ Чехіи и о Сербахъ на рѣкѣ Салѣ, Лабѣ и Шпрее. Другіе историческіе источники не знаютъ ничего подобнаго тому, что говоритъ Константинъ, въ правленіе Ираклія. Ягичъ шелъ дальше въ отрицательномъ отношеніи къ Константину, высказавшись въ томъ смыслѣ, что и великая или Бѣлая Сербія, о которыхъ говоритъ Константинъ, есть его вымыселъ, или заимствованное имъ старое преданіе. По мнѣнію Ягича, Сербы и Хорваты пришли одновременно съ другими южными славянами, въ постоянномъ соприкосновеніи какъ съ предками Словинцевъ, такъ и съ предками Болгаръ. Они пришли съ сѣвера, откуда то изъ-за Карпатъ, гдѣ была

родина всѣхъ славянъ, но какой-либо сѣверной великой Сербіи или великой Хорватіи, въ смыслѣ Константина, славянская исторія не знаетъ. Племена, которыя съ начала VI в. черезъ Саву переходили въ Далматію, византійцы называли именемъ Славянъ. Только позднѣе быть можетъ въ VII в. Хорваты, какъ отдѣльное племя, взявъ верхъ надъ другими и свергнувъ иго Аваровъ, распространили свое народное имя; то же было и съ Сербами. Только тогда на югѣ возникла великая Хорватія и позднѣе великая Сербія. И вообще раздѣлять Сербовъ и Хорватовъ до VII в., какъ два цѣлыхъ, есть анахронизмъ.

Упоминая о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, не согласившихся съ заключеніями Рачкаго, или же предложившихъ иное объясненіе, проф. Нидерле принимаетъ, какъ положительные результаты, слѣдующія положенія: 1) что южные Сербы и Хорваты не могутъ быть соединяемы въ одно цѣлое съ чешскими Хорватами и лужицкими Сербами; 2) почти единогласно отвергается существованіе закарпатской великой Хорватіи и Сербіи, и 3) отвергается и дата Константина о приходѣ Сербовъ и Хорватовъ только въ VII в.

Опредѣляя свое отношеніе къ этимъ выводамъ, проф. Нидерле въ основѣ признаетъ ихъ вѣрность, но онъ не идетъ такъ далеко, чтобы великую Хорватію въ особенности, а также и великую Сербію считать фикціей Константина. Онъ обращаетъ вниманіе, что есть рядъ источниковъ независимыхъ отъ Константина, которымъ извѣстна на сѣверѣ великая Хорватія, менѣе такихъ данныхъ для великой Сербіи.

Одни источники пріурочиваютъ Хорватовъ на западѣ къ Чехіи въ верхней Вислѣ, другіе на востокѣ, но все же въ Закарпатьѣ и наконецъ есть источники, подтверждающіе существованіе какой то сѣверной хорватской державы.

На западѣ ихъ помѣщаетъ географическое описаніе короля Альфреда подъ именемъ Horiti, чешская легенда о св. Вячеславѣ, грамота объ основаніи пражскаго епископства. Извѣстія Ѳомы Сплѣтскаго отъ XII в., Лаоника Халкондила отъ XV в. и преданіе, записанное у Далимила, должны быть исключены: два первыхъ отголоски извѣстій Константина, а Далимилъ разумѣлъ южныя Сербію и Хорватію.

Что касается второй группы извѣстій, то сказанное въ Кіевской лѣтописи о разселеніи славянъ отъ Дуная и о поселеніи бѣлыхъ Хорватовъ рядомъ съ Чехами, Сербами и Словинцами Нидерле считаетъ невѣроятнымъ и видитъ во всемъ этомъ отголосовъ Константина. Иное дѣло мѣсто въ IX главѣ, въ пе-

речнѣ русскихъ племенъ и подъ 907 г. и 992 г. Изъ этихъ мѣстъ ясно, что въ восточномъ Закарпатьѣ жило племя хорватовъ, находившееся въ сношеніяхъ съ Кіевомъ. Значитъ въ IX и X вв. Хорваты выступали какъ особое племя на западѣ у Вислы и чешской границы и на востокѣ у Днѣстра въ соединеніи съ русскими племенами.

Заключая изъ этихъ извѣстій, что въ IX—X в. Закарпатскіе Хорваты представляли значительный этнологическій слой, хотя бы и раздѣленный другими славянскими племенами, проф. Нидерле считаетъ неправдоподобнымъ видѣть здѣсь три различныхъ племени чешскихъ, польскихъ и русскихъ хорватовъ. Наиболѣе вѣроятно это были отрѣзанныя части одного большого племени.

Къ этимъ извѣстіямъ примыкаютъ извѣстія восточныхъ источниковъ изъ конца IX и X в., согласно которымъ въ это время въ Закарпатьѣ или еще существовала великая Хорватія, или же по крайней мѣрѣ была жива о ней память. У Массуди рядомъ съ Моравaнами и Чехами народъ Chorvatin, значитъ сѣверные Хорваты. Къ недавно открытымъ источникамъ относятся хроника Кардизи 1050—1051 и анонимная персидская географія 982—983 гг., заключающая описаніе сѣверной и восточной Европы, источникъ котораго можно относить къ IX в. Разбирая транскрипцію славянскихъ племенныхъ названій у этихъ авторовъ сравнительно съ извѣстными ранѣе, проф. Нидерле находитъ, что у сѣверныхъ славянъ въ IX в. выдѣлялись двѣ большія группы Vantit и Chordab, т. е. Анты и Хорваты.

Всѣ эти данныя въ совокупности, независимо отъ Константина, говорятъ о какой то странѣ Хорватовъ на сѣверѣ. Проф. Нидерле думаетъ, что это народное имя перешло съ горъ отъ Карпатскаго хребта на жившее у подошвы его населеніе, и уже то обстоятельство, что это неславянскаго происхожденія имя носили племена на югѣ а также оставшіеся между чехами поляками и русскими, говоритъ за то, что они были общаго происхожденія. Что касается возраженія Добровскаго съ точки зрѣнія языка, то оно имѣло силу, когда предполагали, что прямо отъ чешскихъ хорватовъ пришли на Балканы южные хорваты; иначе обстоитъ дѣло, если представлять, что всѣ хорваты суть части одного распавшагося и неодинаково развившагося цѣлаго. Нельзя отвергать, что въ X в. южные славяне по языку строго отдѣлялись отъ западныхъ или восточныхъ, и однако различіе не было такъ велико, чтобы за нѣсколько столѣтій ранѣе при благопріятныхъ условіяхъ не могло произойти сближеніе и слі-

янiе. Въ X в. различiе еще не было такъ глубоко; у насъ есть доказательства, что много позднѣе въ XVII—XIX в. достаточно было двухсотъ лѣтъ, чтобы хорватскiя колонiи въ Моравiи и на Словачинѣ почешились.

Менѣе данныхъ для подверждения Великой Сербiи. A priori можно допустить, что сербы до прихода къ Дунаю жили гдѣ нибудь въ Закарпатьѣ и быть можетъ представляли изъ себя сильное племя; возможно, что часть ихъ осталась и пользовалась политическою самостоятельностью, но доказательствъ въ пользу этого, независимыхъ отъ Константина, нѣтъ. Сербы, которыхъ Плинiй и Птоломей знаютъ въ Подкавказьи, не могутъ здѣсь быть принимаемы во вниманiе, а что касается объясненiя Споровъ Прокопiя въ смыслѣ сербовъ, какъ это дѣлалъ Шафарикъ, то проф. Нидерле раньше опровергалъ его. Остается затѣмъ извѣстное мѣсто географа баварскаго IX в., который въ Закарпатьѣ между сѣверными славянскими племенами называетъ Zerviani, quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducunt. Здѣсь проф. Нидерле, соглашаясь, что всего ближе разумѣть подъ именемъ этого племени Сербовъ, находитъ возможнымъ разумѣть также русскихъ и сѣверянъ, и даже Сарматовъ, по нашему мнѣнiю и то и другое сравнительно съ первымъ будетъ натяжкой. Скорѣе можно согласиться что Σέρβιοι въ IX главѣ Конст. Багрянороднаго относится къ сѣверянамъ, что же касается Surbin у Массуди, которые приводятся рядомъ съ Моравани и сѣверными Хорватами, то и самъ проф. Нидерле допускаетъ, что здѣсь могли разумѣться восточные сербы рядомъ съ русскими племенами, если только Массуди не разумѣлъ здѣсь Лужицкихъ Сербовъ.

Намъ поэтому думается, что и относительно сербовъ есть указанiя, но только великая Сербiя, изъ которой вышли всѣ славяне, указывала бы скорѣе на европейскую прародину всѣхъ славянъ. Такъ точно, какъ бы ни объяснять имя Споры, важно то, что имя сербовъ носятъ разныя славянскiя племена, какъ и имя словенъ, а потому какъ это послѣднее могло быть общимъ именемъ славянъ, такъ и первое, которое въ свою очередь и могло повести къ искаженiю въ Споровъ.

Далѣе сохраняетъ интересъ и преданiе о происхожденiи рода захолмскихъ Вышевичей съ рѣки Вислы и быть можетъ неясное. (Δ)Λιτζική есть Вислица. Это частное преданiе о *приходѣ одного рода* стоитъ въ связи съ общимъ преданiемъ о при*ходѣ съ сѣвера сербо*-хорватовъ.

Что касается имени императора Ираклія, то всего удачнѣе, повидимому, объясненіе проф. Иречка, по мнѣнію котораго на Константина могъ вліять фактъ возстановленія римскаго господства въ далматскихъ городахъ, которое удалось Ираклію послѣ окончанія персидской войны въ 629 г.

Разумѣется нельзя принять достовѣрность этого извѣстія о позднемъ приходѣ хорватовъ и сербовъ. Позднѣйшіе историческіе сербо-хорваты составляли однородное цѣлое. Въ ряду многихъ племенъ сильнѣйшими были хорваты и сербы, которые и одержали верхъ надъ другими. Они были на Балканскомъ полуостровѣ уже въ II—VI вв., за это говоритъ поселеніе Serbinon на Савѣ, Serbition и Serviti итинераровъ IV в. Изъ нихъ многіе отъ Савы направились къ Солуню, а часть сербскаго племени проникла на границы Македоніи и Ѳессаліи, откуда опять какая то колонія перешла въ Малую Азію, гдѣ называется около Никомедіи Γορδόσερβα въ VII в., позднѣе Σερβοχώρια. Мы при этомъ прибавили бы, что и въ языкѣ македонскихъ славянъ нельзя отвергать такихъ чертъ, которыя отдѣльные говоры приближаютъ въ нѣкоторой степени къ сербскому языку.

Общее заключеніе къ этой главѣ формулировано такъ. Въ Закарпатьѣ, гдѣ была первоначальная родина всѣхъ славянъ, создавались діалектическіе центры, одинъ изъ нихъ, зародышъ позднѣйшихъ сербовъ-хорватовъ, возникъ въ сосѣдствѣ прачешскаго, прапольскаго и прарусскаго центра по другую сторону Карпатъ. Этотъ центръ былъ могучій, изъ него вышли на югъ частію черезъ Мораву, частію черезъ сѣверныя ущелья Карпатовъ къ Дунаю, Савѣ и далѣе на Балканъ тѣ славяне, среди которыхъ были сербы съ хорватами. Началось это движеніе до VI в. Во II—V вв. ихъ свидѣтельствуютъ имена Ulca, Vrbas, Metubarris, Servitii. Несомнѣнно хорваты и сербы были въ числѣ славянъ, которые въ V—VII вв. заняли Сербію, Боснію и Далмацію, отчасти проникли и до границъ Греціи.

Но при этомъ въ закарпатскомъ сербо-хорватскомъ центрѣ остались частично племена, носившія имя хорватовъ и сербовъ. Эти оставшіеся, подвергшись вліяніямъ западныхъ и восточныхъ славянъ, отъ которыхъ еще немного отдѣлялись, быстро ассимилировались съ тѣми изъ нихъ, съ которыми были въ сношеніяхъ. Такъ можно объяснить появленіе и исчезновеніе хорватовъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ и сербовъ на ряду съ русскими племенами.

П. Лавровъ.

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

А. Омерякъ.

Психическія разряженія, вызванныя фактами извнѣ, дѣйствующими на субъекта разряженія, не проходящими черезъ сознаніе: 1. Словомъ, повтореніе словъ. 2. Приказаніемъ, исполненіе приказаній. 3. Дѣйствіемъ повтореніе дѣйствій. 4. Видомъ предмета или названіемъ его.

(Сентябрь 1885 г). Въ Жулейскомъ наслежномъ домѣ сбоку камелька на низкой скамейкѣ сидитъ старая якутка. Лицо у нея страдальческое, нервное. На колѣняхъ небольшая почернѣвшая отъ времени дощечка. На дощечкѣ приготовлена смѣсь табаку съ золою. Кончикомъ ножа смѣсь переложена на ладонь; сдѣлана аккуратная маленькая кучка, достаточная на одну понюшку.

На почетномъ оронѣ (лавкѣ) у стола сидитъ жирный огромный якутъ Кирилинъ. Онъ писарь четырехъ наслеговъ: Жулейскаго, двухъ Игидейскихъ и 1-го Хаяхсытскаго (Ботурусскаго улуса Якутскаго округа). Якутъ-писарь напился чаю, на его жирномъ лицѣ полное удовольствіе, въ юртѣ онъ самый важный гость и почетный человѣкъ.

Мина Егоровъ, содержатель наслежнаго дома Жулейскаго, сидитъ съ видомъ непоколебимаго спокойствія человѣка, видавшаго много видовъ, на скамьѣ спиной къ камельку. Рубаха снята со спины черезъ голову, держится рукавами на рукахъ, лежитъ скомканная на колѣняхъ, подъ руками. Спину ласкаетъ лучистая теплота камелька. Мина Егоровъ былъ богатый якутъ; обѣднялъ въ роковой 1883 г., памятный для якутовъ Якутскаго округа. Лѣто было жаркое, дождливое. Земля оттаяла глубже обыкновеннаго. Провалились берега озеръ. Вода вылилась изъ низкихъ береговъ, затопила покосныя мѣста. Часть сѣна, убранная въ копны, была спасена, много по-

гибло въ покосахъ. На долгую полярную зиму не хватило сѣна для скота, главнаго источника жизни якутовъ Якутскаго округа. Пришлось бить и продавать скотъ. Мясо подешевѣло въ Якутскѣ. Вырученныя деньги были истрачены нерасчетливыми. Нерасчетливые скотоводы - якуты обѣднѣли; въ числѣ ихъ и Мина Егоровъ... Мина Егоровъ стоически, какъ истинный философъ, переносилъ измѣненіе своего положенія... Жена его не была стоикомъ. Нищета послѣ богатства подѣйствовала на ея внутренній міръ... Прежде Мина Егоровъ угощалъ пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ въ своей страннопріимной юртѣ хорошей пищей, теперь почетные гости развлекали себя, заставляя его жену, несчастную женщину, повторять слова и дѣйствія.

Кирилинъ занятъ своимъ дѣломъ, онъ не смотритъ на бѣдную женщину. Онъ разбираетъ свои бумаги на столѣ.

Якутка подноситъ ладонь къ носу, собирается втянуть себѣ въ носъ табакъ. Она предвкушаетъ наслажденіе.

— „Эмяхсинъ!" (старуха)—громко кричитъ Кирилинъ.

— „А! Э! Э! Эмяхсинъ!" — повторяетъ женщина, вздрагиваетъ, нервно выправляется; испуганно, какъ виновная, смотритъ на Кирилина.

— „Эмяхсинъ, смотри!"—говоритъ Кирилинъ серьезнымъ тономъ.

— „Э! Э! Э! Эмяхсинъ, смотри!"—повторяетъ женщина.

Якутъ подноситъ свою ладонь къ лицу, дуетъ на нее...

Женщина дѣлаетъ то же: табакъ разлетается...

Кирилинъ углубляется въ свое занятіе.

Якутка постояла нѣсколько секундъ. Нервно повторила два-три раза печальнымъ голосомъ: „что это такое, что это такое!" посмотрѣла на пустую дощечку, на ножъ въ другой рукѣ... Сѣла опять на скамеечку. Бережно развязала узелокъ на своемъ головномъ платкѣ, вынула оттуда маленькій кусочекъ табачнаго листика, опять завязала голову платкомъ. Принялась растирать ручкой ножа табакъ, прибавляя понемногу золы.

Приготовленіе понюшки окончено. Смѣсь опять на ладони. Женщина опять подноситъ табакъ къ носу...

— „Эмяхсинъ!"—зоветъ ее Кирилинъ.

— „Э! Э! Эмяхсинъ"—повторяетъ женщина нервно съ дрожаніемъ въ голосѣ.

— „Смотри!" — говоритъ Кирилинъ. Повторяется та же исторія: табакъ разлетается...

Дощечка пуста.

Кирилинъ опять принимается за свои бумаги...

— „Что это такое! что это такое!“ —говоритъ якутка, постоявъ въ нерѣшительности нѣсколько секундъ. На этотъ разъ въ голосѣ женщины слышны слезы. Женщина садится приготовлять новую понюшку.

Жирный Кирилинъ еще не окончилъ своей забавы.

Онъ дѣлаетъ это еще два-три раза. Каждый слѣдующій разъ ему приходится успокаивать женщину обѣщаніемъ, что онъ ея уже больше не тронетъ...

Она съ недовѣріемъ смотритъ на него, приготовляетъ понюшку, искоса боязливо посматривая на Кирилина...

Послѣ третьяго или четвертаго раза, говоря: „что это такое:! что это такое!“ женщина плачетъ.

Исполняя повторныя дѣйствія, она видимо сопротивляется, дѣлаетъ усиліе, чтобы не повторять, и—не можетъ.

Когда въ послѣдній разъ понюшка разлетѣлась и доска опустѣла въ ея рукахъ, бѣдная женщина схватила скамеечку и съ силой замахнулась на писаря. Еще моментъ—и тяжелая скамеечка изъ корня лиственницы полетѣла бы въ жирнаго писаря...

— „Эмяхсинъ! что ты хочешь дѣлать! Нельзя! Оставь!“ — приказываетъ Кирилинъ. Эмяхсинъ опускаетъ руку со скамейкой, какъ виновная...

— „Что это такое, что это такое! У меня нѣтъ больше табаку!“—плачетъ женщина...

Кирилинъ досталъ изъ своей сумы большой листъ табаку.

— „На, возьми!“—даетъ онъ листъ женщинѣ.

Плата дана. Увеселеніе окончено... Кирилинъ принялся писать... Женщина приготовляетъ понюшку. Она нервно вздрагивала, посматривая на Кирилина.

Мина нагрѣлъ уже спину и вышелъ изъ юрты.

Зарядивъ носъ табакомъ, вышла изъ юрты и жена Мины Егорова.

Декабрь 1894 г. Родчево (Колымскій окр.). Собраніе двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Митюжскаго... День собранія окончился... Поздній зимній вечеръ—9—10 часовъ. Юрта Топаныра полна народу... Тутъ на почетныхъ мѣстахъ размѣстились почетные люди: къ дверямъ ближе и въ женской половинѣ—менѣе почетные и на самомъ плохомъ мѣстѣ у дверей пріютились два-три „листа-киhита“, т.-е. люди, не вносящіе никакихъ налоговъ и податей.

Якутъ Карась-Балагуръ, говорунъ, любитъ занимать „*народъ*“ *разными* шутками.

Онъ заставляетъ Эрюку повторять слова и движенія, недопустимыя въ нашемъ болѣе культурномъ обществѣ. Это увеселяетъ „народъ“.

Натѣшившись вдоволь, Карась началъ разсказывать какую-то исторію.

Оставленная въ покоѣ, возбужденная Эрюка выходитъ изъ юрты. Выходитъ и Карась.

Они встрѣчаются на дворѣ за юртой.

— „Эмяхсинъ, кёръ[1])!“ — обращается къ Эрюкѣ Карась.

Карась дѣлаетъ видъ, что беретъ снѣгъ и кладетъ въ свои спущенные штаны. Движенія Карася быстры. Иллюзія полная: онъ накладываетъ снѣгъ себѣ въ штаны.

„Э! Э! Э! Эмяхсинъ, кёръ!“—нервно повторяетъ Эрюка. Эрюка дѣйствительно обѣими руками быстро кладетъ снѣгъ въ свои теплые штаны.

Занятая своимъ дѣломъ, она не замѣчаетъ, какъ тихо уходитъ Карась въ юрту. Въ юртѣ смѣхъ. Карась картинно изображаетъ работу Эрюки.

Снѣгъ начинаетъ таять. Онъ охлаждаетъ тѣло Эрюки. Она дрожитъ отъ холода, плачетъ отъ досады—обиды. Эрюка осматривается. Никого нѣтъ. Она хватаетъ топоръ, бѣжитъ въ юрту, съ намѣреніемъ наказать Карася... Она уже въ юртѣ... Карась прячется за спины.

— „Его нѣтъ!—кричитъ онъ,—не надо! не надо! положи топоръ за камелекъ! Положи за камелекъ!..

Эрюка раздражена; она не хочетъ класть топора... Топоръ въ поднятой вверхъ рукѣ.

— „Положи топоръ! Положи топоръ! Его нѣтъ!“— настоятельно говоритъ Карась изъ-за спины.

— „Э! Э! Э!.. Его нѣтъ... Э! Э! Э! Его нѣтъ!“—нервно повторяетъ Эрюка; она блуждающимъ взглядомъ ищетъ Карася, рука съ топоромъ опускается.

— „Его нѣтъ!“ подтверждаетъ посторонній голосъ.

— „Его нѣтъ!“ повторяетъ Эрюка покойнѣе, кладетъ топоръ на дрова за камелькомъ и нервно проходитъ въ женскую половину.

Около нашего лѣтняго поселка озеро. Берега его топки. Лѣтомъ я часто купаюсь. Раздѣваюсь вдали отъ юртъ (ихъ всего три) на берегу топи и иду въ озеро нагой... Пройти нужно по топи саженей 200.

---

[1]) Смотри.

Кто-нибудь, желая подурачиться, кричитъ: „Эрюка! Эрюка! смотри! смотри! Русскій сталъ духомъ, смотри! смотри!“.

Эмяхсинъ выскакиваетъ изъ юрты...

— „Духъ! Духъ!“—кричитъ она, бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками. Она хочетъ прогнать Духа, напугать его. Въ одной ея рукѣ палка..

— „Домой иди! Домой! Брось палку!“—кричу я ей. Она возвращается. Она идетъ, какъ виновная, покорно; у нея недоразумѣніе; она палки не бросаетъ...

Якутъ Афанасій обтесываетъ бревно. Эрюка проходитъ мимо него.

— „Куда ты, эмяхсинъ, ходила? къ Духу въ гости?“—спрашиваетъ Афанасій, не прекращая работы и не смотря на Эрюку. Работа его идетъ хорошо; всякое дѣло онъ дѣлаетъ любовно.

— „Что такъ скоро вернулась?—не отрываясь отъ работы своихъ мыслей говоритъ Афанасій.—Онъ тебя зоветъ. Иди къ нему! Видишь? Духъ около озера стоитъ!“ Эрюка опять бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками, кричитъ:—„Духъ! Духъ...“

Я спѣшу къ сухому берегу, быстро одѣваюсь...

Въ одеждѣ я пересталъ быть Духомъ... Эрюка возвращается домой.

Лѣтомъ во время дождя иногда я влѣзалъ на крышу своей юрты и принималъ душу: подставлялъ свое тѣло подъ дождь... Мою юрту отъ юрты Эрюки раздѣляло пространство саженей въ 75—100.

Желая позабавиться, кто-нибудь кричалъ:

— „Эмяхсинъ! Эмяхсинъ! Смотри, что дѣлаетъ русскій!“

Эрюка выскакиваетъ изъ юрты.—„Э! Э! Э!... Духъ, Духъ!“ Бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками... Хватаетъ по пути палку... Она хочетъ сражаться съ Духомъ...

— „Не надо! Эмяхсинъ!“ кричу я ей... „Иди домой!“

— „Не надо, иди домой!“—повторяетъ она немного сконфуженная и медленно возвращается домой...

1890 г. Ноябрь. Колымскій округъ. Родчево или Уродчево.

Въ юртѣ якута Топаныра сидитъ протоіерей.

Онъ уже благословилъ всѣхъ приходящихъ якутовъ...

Сзади его за орономъ лежатъ бѣлки, горностали, нѣсколько лисицъ... Это мзда за требы, плата за свѣчи и уплаченные долги за взятый въ предшествующій пріѣздъ якутами, духовными дѣтьми, товаръ.

Онъ уже раздалъ въ долгъ товаръ, слегка, любовно, пожурилъ *неисправныхъ плательщиковъ*, напоминая этимъ, чтобы они не

забыли его доброты и вознаградили ее благодарностью въ формѣ „подарка"...

Теперь онъ, довольный собой, якутами, горносталями, бѣлками и лисицами, гора которыхъ нѣжно напираетъ на его спину, какъ вещественное доказательство его добродѣтелей,—онъ, довольный всѣмъ, вливаетъ въ свою массивную утробу теплый ароматный чай... Столъ уставленъ различными якутскими закусками... Стоитъ графинчикъ съ водкой, блюдечко съ сахаромъ, тарелка съ сухарями... Водку, сахаръ, сухари онъ возитъ съ собою. Остальное угощеніе на счетъ наслега...

Попъ благодушествуетъ. Есть „хлѣбъ", нужны еще „зрѣлища".

Мать Топаныра — Эрюка, старая якутка.

Попъ обращается къ ней...

— „Эмяхсинъ! какъ поживаешь?"

— „Хорошо, тоёнумъ! (господинъ мой)

— „Эмяхсинъ! на чемъ ты сидишь?"—спрашиваетъ попъ.

Эрюка сидитъ въ женской половинѣ юрты около камелька... Она безпокойно оглядывается. Во взглядѣ тревога.

— „Ты сидишь на человѣкѣ!..."

Старуха вздрагиваетъ, вскакиваетъ.

— „Нѣтъ! Нѣтъ!..."—вскрикиваетъ она потеряннымъ голосомъ, желая увѣрить себя, что она сидѣла не на человѣкѣ.

— „Какъ нѣтъ? развѣ ты не видишь, что это человѣкъ?... смотри лучше!"

— „Э! Э! Э!..." нервно вскрикиваетъ Эрюка. — „Человѣкъ! Человѣкъ!.. Нѣтъ! Нѣтъ!"... Она видитъ еще оронъ; въ ея воображеніи онъ принимаетъ очертанія человѣка.

— „Ты посмотри хорошенько, вотъ ноги, онъ обувь снялъ".

Эрюка въ волненіи... Она не можетъ очевидностью орона побѣдить составляющуюся въ ея мозгу картину человѣка... Очертанія человѣка неясны.

— „Посмотри, посмотри на него, это..." священникъ называетъ имя знакомаго ей якута.

Конкретная форма человѣка дана. Эрюка машетъ руками.

— „Э! Э! Э!"—кричитъ она сквозь слезы, повторяя имя названнаго якута.

— „Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать, эмяхсинъ?"—спрашиваетъ попъ. „Скажи-ка, скажи!"

— „Э! Э!. Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать?"—повторяетъ Эрюка вздрагивая, плачущимъ голосомъ. „Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать?"—опять повторяетъ Эрюка. Она вся трясется.

Попъ видитъ, что зашелъ далеко. Присутствующіе смѣялись

въ угоду тоёну. Топаныръ вначалѣ кисло улыбался. Теперь его физіономія стала серьезною. Онъ всталъ.

— „Господинъ мой!“—сказалъ онъ, обращаясь къ попу—„моей матери можетъ быть не хорошо!“...

— „Эмяхсинъ, возьми!“—попъ протянулъ старухѣ листъ табаку.

Эрюка подошла, взяла табакъ; походка ея была нервная, она слегка дрожала.

Эрюка женщина разсудительная, „кёрсö“, съ „хорошими мыслями“ — „ючюгей саналахъ“—всегда готовая помочь ближнему.

Весна 1886 г.

Изъ Жулейскаго наслега ѣду я къ Пекарскому. Дорогу знаю плохо. Этой дорогой проѣзжаю въ первый разъ. На пути попадается поселокъ достаточнаго якута... У большого хотона [1]) усердно работаетъ бѣдно одѣтый якутъ. Онъ отбрасываетъ навозъ отъ стѣнъ хотона, дѣлаетъ стокъ воды... Весь поглощенъ онъ работой. Тихо подъѣзжаю я къ нему. Меня онъ не замѣчаетъ.

— „Скажи, какъ проѣхать къ Карловичу?“—спрашиваю я, вплотную подъѣзжая сзади къ якуту.

— „Э! Э! Э! проѣхать къ Карловичу!“—мерячитъ якутъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ русскаго.

— „Гдѣ дорога къ Карловичу?“—измѣняю я форму вопроса, думая прекратить меряченья якута...—„Э! Э! Э! Гдѣ дорога къ Карловичу?“—скороговоркой, нервно, повторяетъ якутъ..

Я вижу, что ничего не добьюсь; уѣзжаю отъ якута.

— „Э! Э! Э! Нюча барда (русскій пошелъ), нюча барда!..—кричитъ якутъ машетъ руками, бѣжитъ за мною...

Этотъ якутъ жилъ въ хотонѣ.

Насколько мнѣ приходилось наблюдать, въ Якутскомъ округѣ мерячатъ преимущественно женщины. Мужчины очень рѣдко. Если мужчины, то, преимущественно, не прилагающіе свои силы къ самостоятельному труду—„хотонные якуты“.

Особенныя условія якутской скотоводческой культуры создали особенный типъ батраковъ. — Эти батраки завѣдуютъ зимою „хотономъ“ своего хозяина: возятъ сѣно, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы давать скоту сѣна не болѣе того, сколько нужно, чтобы скотъ не пропалъ съ голоду и дотянулъ до поднож-

[1]) *Зимній* хлѣвъ для скота.

наго корма. — Самъ „хотонный якутъ“ съ семьёю питается тоже такъ всю зиму, чтобы не умереть съ голоду и дотянуть до весны, когда можно разсчитывать на ловъ рыбки „мундушки“, мелкихъ карасей, на большее обиліе молока. На кормленіе хотонному якуту хозяинъ даетъ коровы двѣ-три въ тѣло, то-есть первый пользуется ихъ снятымъ молокомъ, масло же долженъ доставлять хозяину. Количество топленаго масла опредѣлено было въ 1885—6 годахъ за корову средняго качества—30 фунтовъ съ подножнаго корма до 14 сентября или 1-го октября, за хорошую—40 фунтовъ.

Лѣтомъ хотонный якутъ коситъ хозяину сѣно. Хотонные якуты обыкновенно люди семейные. Часть длиннаго узкаго хотона, сажень въ ширину, отгорожена низкою изгородью отъ всего помѣщенія. Здѣсь поставленъ камелекъ, сдѣлано два низкихъ орона, стоятъ двѣ-три якутскихъ скамейки, грязный низкій засаленный маленькій столъ на искривленныхъ ножкахъ. Тутъ помѣщается семья „хотоннаго якута“. Здѣсь же помѣщаются зимою болѣе слабыя телята, временно—тельныя коровы ранняго отела. Камелекъ для тепла топить не приходится—лучистая теплота отъ скота отопляетъ низкій хотонъ,—камелекъ топятъ для освѣщенія. Въ этомъ маленькомъ хотонномъ отдѣленіи для человѣческаго существованія—всегда полумракъ. Маленькое окно въ шесть квадратныхъ вершковъ съ вставленной въ него льдиной пропускаетъ тусклый слабый свѣтъ.

Человѣкъ здѣсь приниженъ, подавленъ обстановкой—однообразной, гнетущей его.

Среди этихъ людей и бываютъ омеряки.

Есть другой типъ бѣдноты. Представители его одѣты сравнительно прилично. Цѣлыми стаями они носятся отъ одного богатаго якута къ другому, узнаютъ и разносятъ новости; послѣ сытнаго ужина гостей у богатаго якута, разсказываютъ исторіи (устуоруја), сказки, анекдоты, летаютъ вѣстовщиками. — Это ходячія газеты. Они подобострастны въ юртѣ богатаго якута и свободны, съ творческой иниціативой,—по пути отъ одной юрты въ другую. Холодъ въ 40—50° градусовъ; въ короткомъ плисовомъ на заячьемъ мѣху верхнемъ платьѣ, въ теплыхъ узкихъ штанахъ и теплой мягкой обуви, плотно обхватывающей ногу, быстро проходятъ эти разносчики новостей пространство отъ одной юрты къ другой. Всегда они интересные гости. Якуты цѣнятъ ихъ такъ, какъ наши интеллигенты свои газеты. Они также заполняютъ свободное зимнее время якутовъ новостями съ большимъ элементомъ личнаго творчества. Творчество сужи-

вается до узкихъ размѣровъ въ юртѣ богатаго якута, получаетъ большой просторъ въ юртѣ средняго и не ограничено предѣломъ въ юртѣ бѣдняка. За чашку „выварокъ“ или миску „чернаго бутугаса“ (похлебки) разносчикъ новостей надѣляетъ хозяина новостями съ преобладающимъ элементомъ личнаго творчества. Скудость угощенія пополняетъ онъ самоудовлетвореніемъ своимъ творчествомъ.

Эта профессія всегда занята мыслью найти и сообщить новое. У нея психическія силы пристроены. Это не заряженная психическая батарея, разряжающаяся отъ внѣшняго прикосновенія съ искрами и звукомъ. Она разряжается въ работѣ, направленной къ опредѣленной цѣли.

Между ними мнѣ не случалось встрѣчать омеряковъ.

Изъ своей бѣдности они нашли себѣ полупочетный выходъ. Ихъ психика не сжата въ сильный зарядъ.

Въ Колымскомъ округѣ нѣтъ специализаціи профессій. Семьи богатыхъ якутовъ сами исполняютъ обязанности „хотонныхъ якутовъ“. Имъ помогаютъ „дюка́ки“ [1]) или бѣдные родственники женскаго пола. Скотоводство въ Колымскомъ округѣ— подспорье, и подспорье въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ какимъ для якутовъ Якутскаго округа въ 1885—6 было рыболовство. Въ то время въ Якутскомъ округѣ не было ни одного якута, который не употреблялъ бы въ пищу, кромѣ рыбы и дичи, даже въ извѣстное время года, еще и продуктовъ скотоводства. Въ Колымскомъ округѣ, до 1904 года іюля 17 включительно, только для одной трети продукты скотоводства имѣли серьезное значеніе. И только двѣ трети употребляли ихъ, эти продукты, какъ подспорье; остальная треть, если и любила эти продукты и пользовалась ими, то потребляла ихъ, пріѣзжая, въ юртахъ скотоводовъ, или вымѣнивала у скотоводовъ за продукты рыбнаго, или звѣрного промысла или получала въ обмѣнъ за „кеһи“ (подарки).

Въ 1885—6 гг. въ Якутскомъ округѣ были якуты, имѣвшіе по 60 и болѣе штукъ дойныхъ коровъ. Въ Колымскомъ, до іюля 1904 года, изъ якутовъ двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго не наберется 4—5 человѣкъ, у кого было бы болѣе 10 шт. дойныхъ коровъ. Единицы, рѣдкія хозяйства запасали на зиму „суоратъ“ (варенецъ). „Таръ“ (прокисшее молоко), ни бѣлый, ни черный, не былъ въ обычаѣ, ни, тѣмъ болѣе, предметомъ рынка, какъ въ Якутскомъ и другихъ

---

[1]) *Постояльцы.*

округахъ до 1885—6 годовъ. Его, этотъ „таръ“, замѣняла „сыма“—квашеная („кислая“) рыба.

Преобладаніе охотничьей-рыболовной культуры давало большой просторъ личной инициативѣ, создавало увѣренность въ себѣ, поддерживало болѣе теплыя отношенія равной взаимной нужности людей другъ въ другѣ.

Въ Колымскомъ округѣ промышляли многія женщины, особенно молодыя; незамужнія—почти поголовно. Въ послѣднее время промыслы уменьшились, и женщины начали принимать въ нихъ болѣе широкое участіе...

Въ Якутскомъ округѣ далеко не всѣ мужчины занимались исключительно промыслами... Тогда какъ тамъ мужчины нерѣдко возили сѣно и дрова, въ Колымскомъ, въ „улусѣ“, дрова и сѣно мужчины возили въ исключительно рѣдкомъ случаѣ...

За 14 лѣтъ пребыванія я не знаю ни одного примѣра омеряка-мужчины въ формѣ повторенія словъ, не говоря уже о повтореніи дѣйствій, и также не знаю примѣра вызова впечатлѣній и подсказаннаго отвѣтнаго дѣйствія на вызванное впечатлѣніе у мужчинъ. Даже не могу назвать лица, мужчину, изъ якутовъ, который, пораженный внезапнымъ стукомъ, вскрикивалъ,—кромѣ себя самого, зараженнаго якутской психикой. Мнѣ приходилось жить въ атмосферѣ рыболовно-звѣрного промысла; занимаясь скотоводствомъ, какъ средствомъ къ существованію, я былъ почти „хотоннымъ человѣкомъ“. Личный уходъ за скотомъ и по обработкѣ молочныхъ продуктовъ приковывалъ меня къ погребу, амбару, сѣннику, хотону...

Критическая мысль и умственный трудъ, не безъ-инициативный, удержали развитіе изъ меня омеряка на первой ступени отвѣтнаго разряженія на поражающій звукъ подражательнымъ вскрикиваніемъ „тыртъ“, безъ всякаго нарушенія психическаго равновѣсія, даже безъ прекращенія покойнаго теченія мысли... Тутъ не бывало испуга даже въ самомалѣйшей долѣ... Психическія силы на разрядъ уходили въ предѣльномъ для омеряка минимумѣ... Теперь прошло почти три года, какъ я оставилъ этотъ міръ людей — сильно заряженныхъ психически—и у меня первая форма омеряка атрофировалась... При внезапномъ звукѣ я только, безъ нарушенія покойнаго теченія мысли, вздрагиваю, какъ всякій сильно заряженный психически субъектъ высшей культуры...

Сильное психическое заряженіе необходимо въ охотничьей культурѣ... У насъ, людей иной культуры, оно—пережитокъ... Для охотника нужно постоянное напряженіе внѣшнихъ чувствъ.

зрѣнія, слуха... Нужно разбираться быстро въ ощущеніяхъ, получаемыхъ отъ внѣшняго міра; быстро нужно давать отвѣтное дѣйствіе... Отвѣтное дѣйствіе—центръ, цѣль... Быстро разбираться—необходимое условіе; но, по отношенію къ цѣли, въ охотничьей культурѣ, отвѣтное быстрое дѣйствіе—всё... Всё для него, для этого отвѣтнаго дѣйствія...

Омерякъ, пораженный внезапнымъ звукомъ, вздрагиваетъ и отвѣчаетъ быстро подсказаннымъ словомъ или дѣйствіемъ. Поражаетъ предметъ—онъ или бѣжитъ къ нему, или вскрикиваетъ фразу, образно изображающую фактъ изъ области половыхъ отношеній, или кричитъ: „Духъ!“ (абáhы)—какъ символъ неизвѣстнаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Даниловъ.

ОТДѢЛЪ I.

Канунъ по Сибирскимъ селеніямъ.

(Восточная Сибирь. Енисейская губернія).

Изучая жизнь сибирскихъ крестьянъ въ короткіе промежутки этнографическихъ поѣздокъ отъ Имп. Русскаго Географическаго Общества въ Енисейскую губернію и въ болѣе продолжительное время своего невольнаго пребыванія въ ней, приходилось подмѣчать среди нихъ удивительные обряды и обычаи, восходящіе подчасъ до глубокой древности. И теперь я намѣренъ предложить читателямъ сгруппированныя свѣдѣнія объ обычаѣ сибирскихъ крестьянъ варить канунъ.

Считаю долгомъ оговориться при этомъ, что моя задача— не изслѣдованіе этого вопроса во всей его ширинѣ и глубинѣ для всей Сибири, какъ желательно было бы и для меня, а лишь скромное освѣщеніе обряда кануна новыми указаніями изъ живой дѣйствительности въ предѣлахъ Енисейской губерніи, и ими пополнить этнографическую сокровищницу, изъ которой будутъ черпать желающіе заняться „канунομъ" во всемъ его объемѣ.

Крестьяне данной губерніи устраиваютъ канунъ [1]) въ память святыхъ, избранныхъ покровителями того или иного селенія; ради нихъ сибирскіе крестьяне установили по своимъ селеніямъ храмовые, а по мѣстному „съѣжжи" праздники.

---

[1]) Приблизительно такое же толкованіе этому слову даетъ и Даль (См. Толк. Словарь, 210) для Европейской Россіи; по нему: канунъ—медъ, пиво, брага, сваренная къ празднику или на память усопшаго"; канунить—„пировать, праздновать погулкой".

Ко дню такого праздника съѣзжаются родственники и знакомые изъ другихъ селеній. Послѣ общаго молебна, сопровождающагося нерѣдко крестнымъ ходомъ за селенія, къ „крестикамъ", духовенство носитъ „святы" (иконы) по избамъ. Хлѣбосольные хозяева приглашаютъ своихъ гостей отвѣдать „ѣствы". Хлопотливыя хозяйки заблаговременно приготовили на этотъ случай разныхъ горячихъ „похлебокъ", „жарко", пирожковъ и пр., даже хмельнаго пива наварили. „Хозяинъ" припасъ „вина"— водки... Веселье разгорается и длится день-два, а то и дольше. Это общее явленіе въ Сибири. При этомъ случается, что „своедѣльски" пива варятъ не только индивидуально у себя дома, для семейной гулянки, но и въ честь празднуемаго святого—тогда пиво варятъ міромъ и міромъ публично распиваютъ. Это будетъ канунъ святому.

Съ технической стороной и цѣлью кануна читатели познакомятся ниже; а пока ихъ вниманію можно предложить ссылку на одинъ историческій фактъ, указывающій на то, что вареніе кануна справляется въ Сибири со старины. Это извѣстный „Циркулярный указъ Енисейской Воеводской канцеляріи 14 марта 1771 года" [1]). Въ немъ между прочимъ говорится слѣдующее:

„Неоднократно посыланными изъ здѣшней канцеляріи во всѣ присуды указами было подтверждаемо и запрещаемо, чтобы *кановонъ* (нашъ курсивъ) и братчинъ отнюдь не было; но и затѣмъ оказалось, въ Анциферовскомъ присудѣ [2]) была варима братчина и послѣдовало отъ оной посадскому Локасову отъ ясачнаго Вѣшнякова смертное убивство, за что тотъ ясачный Вѣшняковъ, въ страхъ другимъ, и наказанъ кнутомъ, а зачинщикъ того варенья братчины плетьми; а чтобы и паки таковыхъ братчинъ варимо не было, и во всемъ оныя присѣклись опредѣлено: послать паки указы и велѣть оныя братчины, страшаясь вышеописаннаго, а паче и жесточайшаго наказанія, нигдѣ не варить".

Можно предположить, что и до описаннаго въ этомъ циркулярномъ указѣ случая, сколь раньше трудно, конечно, сказать, многократно посылались строгіе указы во всѣ „присуды" Енисейскаго Воеводства, чтобы „каноновъ и братчинъ" отнюдь не было, ослушниковъ били батогами и наказывали плетьми. Однако ничего не помогало. Жизнь народная, вопреки канцелярскимъ циркулярамъ и воеводскимъ репрессіямъ, и въ Сибири шла своимъ чередомъ: она донесла къ намъ чрезъ 136 лѣтъ, считая отъ даты цитированнаго документа, во всей почти ар-

---

[1]) *Кн. Костровъ.* „Онскія селенія", стр. 257.
[2]) *Нынѣ Анциферовская* волость въ сѣверной части Енисейскаго уѣзда.

хаической цѣлости одинъ изъ любопытнѣйшихъ народныхъ обычаевъ, занесенный, разумѣется, изъ Европейской Россіи [1]).

Кануны варились въ Сибири и продолжаютъ быть варимы включительно по наши дни.

Современнымъ „зачинщикамъ" варенія „кануна" и участникамъ онаго сибирское начальство до поры до времени не грозитъ своими скорпіонами. Само же коренное сибирско-русское населеніе этихъ „зачинщиковъ" называетъ не иначе, какъ *желательны мужики, доброжелатели, трудники*, т. е. люди, по доброй волѣ и собственному почину принимающіе на себя трудъ варки кануна, сопряженный съ немалыми хлопотами, ради богоугодной цѣли.

Въ чемъ заключается доброхотное трудичество „желательныхъ мужиковъ", какіе результаты оно приноситъ и чѣмъ способствуетъ „трудникамъ" деревенскій міръ, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ мною по селеніямъ Маклаковской, Казачинской, Кежемской и частью Пинчужской волостямъ Енисейскаго уѣзда. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли еще въ половинѣ XVII столѣтія по пути водной артеріи „Енисей-Ангара", которыми шло извѣстное время историческое заселеніе Восточной Сибири русскими выходцами. Начну съ изложенія своихъ наблюденій, относящихся къ Кежемской волости, гдѣ жители въ большинствѣ случаевъ все еще продолжаютъ исполнять обрядъ кануна.

Село Пановское, Кежем. в. „Трудники по желанію своему, сообщила уроженка этого села, вздумаютъ и ходятъ по дворамъ, собираютъ муку на канунъ „Николѣ вешному" (9 мая); либо „Кирику-Улиты" (15 іюля); къ „Петрову дню" (29 іюня); кажной отъ желанья свово даетъ, а которы есть и по коробицѣ даютъ. Потомъ пива [2]) сварятъ ушатовъ пять, а то и десятокъ; остатнюю муку продадутъ на хмѣль для пива, а если таковой былъ собранъ, то деньги Богу отдадутъ.

„Въ „Николу вешнова", либо въ Петровъ день, либо въ „Кирики-Улиты" вынесутъ въ „ограду" (дворъ) которова-нибудь трудника ушатъ ли—два пива; постановятъ столъ, скатеркой

---

[1]) Обычай варенія кануна распространенъ по Сѣверу Россіи и, между прочимъ, въ Вятской губерніи. По крайней мѣрѣ *Д. Зеленинъ* въ своемъ этнографическомъ изслѣдованіи о „Троецыплятницѣ" говоритъ, что къ воскресенью, на которое назначено молебствіе и пиршество съ приготовленіемъ троецыплятницы, тамъ варятъ „канунъ", въ родѣ пива, безъ хмелю, подслащенный медомъ, а иногда и безъ меду и пиво".—Стр. 3.

[2]) Рецептъ „своедѣльскаго" пива указанъ въ приложеніи.

„браной“ (узорной) покрытой; постановятъ на нево ковшики, кружки, стаканья, чашки; постановятъ и тарелочки для сбора денегъ.

„Станетъ приваливать народъ опосля обѣдни: хто копейку положитъ на тарелку, хто двѣ — хто еечикъ притащитъ и пьетъ канунъ — пиво. Трудники то и дѣло подтаскиваютъ ушатамъ...

„Деньги въ церкви Богу прикладаютъ, еечки, пряжу продадутъ и Богу отдадутъ.

„Варятъ пивà хороши, хмельны. Мужики до послѣду сидятъ въ оградѣ, имъ подаютъ пива, не отказуютъ. Бабы, дѣвки выпьютъ и уходятъ. По домамъ также пьютъ „вино“ и пивà домашней стряпни. По гостямъ съ пѣснямъ ходятъ. Дѣвки съ парнямъ еечки варятъ, короводомъ ходятъ и всякимъ играмъ играютъ на палянкахъ. Народу съѣжжатца не мало. Кажной годъ варятъ канунъ“, закончила разсказчица.

Въ деревнѣ Алешкиной (Кежем. в.) „Желательны мужики варятъ канунъ кажной годъ. Муку сбираютъ по дворамъ. Пить пиво приходятъ съ своей посудой. Общу молитву не творятъ. Кажной перехреститца и скажетъ: „Господи благослови“! Ему нальютъ пива. Тотъ кладетъ деньги, либо то, чево принесетъ. Пьютъ пиво на мѣстѣ, либо уносятъ къ себѣ“.

Сборы поступаютъ въ мѣстную часовню. Обѣдню служитъ кежемскій священникъ.

Въ селѣ Кежмѣ варятъ канунъ къ „Николѣ вешному“ (9 мая). Муку заранѣе собираютъ съ міра трудники; они канунное пиво варятъ и завѣдуютъ его распродажей въ день праздника тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ с. Пановскомъ. Выручку передаютъ церковному старостѣ для обращенія ея на нужды мѣстной церкви, на свѣчи „Николѣ“.

Канунъ сопровождается обычнымъ гульбищемъ. Дѣвицы яйца варятъ, на полянкахъ разныя „игрыща“ устраиваютъ.

„Варить канунъ рѣже стали“.

Кануны варятъ по такому же образцу въ деревняхъ: Мозговой на праздникъ Иннокентія Иркутскаго (26 ноября) и Аксеновой на Митрофанія (23 ноября), въ той же Кежемской волости.

Д. Кежемская Заимка. „Къ Николѣ вёшному (9 мая) и къ „Казанской“ (22 октября) трудники сбираютъ съ міра муку и варятъ пивá: доспѣютъ ево ушатовъ 30.

„Часы отойдутъ (если священникъ не пріѣдетъ изъ Кежмы), тогда сбираютца свои деревенски и пріѣжжи гости въ ограду, ежели въ „Николу“, которово - нибудь трудника, канунъ пить. *Хто пьетъ кружкой*, хто ведро беретъ, кладетъ на тарелку:

ейца, рыбей клей, [1]) куделю, а то 2—3 и пять копеекъ; за цѣльной ушатъ пива и по 30 коп. берутъ; хошь въ оградѣ пей, хошь тащи, куда тебѣ надо. Съ тово кануна зачинатца гулянка на всю деревню,—гулятъ народъ и два дни и четыре.

„Въ „Казанску" канунъ пьютъ у трудника въ избѣ [2]). Што наторгуютъ за пиво, трудники чесовенному старостѣ отдадутъ; клей, куделю, еечки продадутъ, ему же отдадутъ — Богу на свѣчки", въ „заимску чесовню".

Что касается Пинчужской волости, смежной съ Кежемской, то мнѣ извѣстенъ пока одинъ примѣръ варки кануна, а именно въ деревнѣ Пашутиной ко дню „Николы зимнево" (6 декабря); она лежитъ при Мурскомъ порогѣ рѣки Ангары и имѣетъ въ хорошей сохранности старинную часовеньку съ слюдяными окнами.

Въ деревнѣ Порожинской (Казачинской волости), стоящей надъ Казачинскимъ порогомъ рѣки Енисея, тоже сохранился обычай варить общественное пиво къ нѣкоторымъ праздникамъ. Въ мое посѣщеніе этой деревушки въ 1904 году, ея населеніе, по моей просьбѣ, нарочито демонстрировало пивовареніе по тому образцу, какъ у нихъ совершается.

Передъ домомъ зажиточного крестьянина Токарева небольшая полянка, заваленная разнымъ хозяйственнымъ матеріаломъ; на ней постоянное мѣсто занимаютъ стоймя установленные другъ противъ друга, на разстояніи двухъ саженей, два старыхъ улья, толщиною 10—12 вершковъ, повышеніемъ 2 арш.; съ одного на другой перекинута вершковъ трехъ въ отрубѣ березовая слежка, нѣсколько длиннѣе двухъ саженей; то былъ станъ для подвѣшиванія котла, въ которомъ кипятится вода и т. п.; поодаль немного, на плотныхъ чуркахъ, стоялъ солидный пивной „чанъ", около 6 четвертей высотою и 5 четвертей въ діаметрѣ верхняго отверстія, сколоченный изъ лиственничной тростины съ черемуховыми обручами; рядомъ съ чаномъ лежало на чуркахъ вмѣстительное долбленое корыто, подставляемое подъ дно чана, когда спускаютъ „сусло"; такихъ корытъ полагается нѣсколько для охлажденія готоваго сусла.

Изъ „анбара" Токарева (онъ же церковный староста) вынесли желѣзный котелъ (выс. ³/₄ ар., діам. 1 ар.) съ ушами

---

[1]) Перечисленныя селенія Кежемской волости лежатъ при рѣкѣ Ангарѣ (Верхняя-Тунгузка), богатой красной рыбой, изъ которой добывается клей, поступающій въ продажу и на домашнія нужды.

[2]) Къ этому времени обыкновенно устанавливаются санный путь и морозы, дѣлающіе неудобнымъ питье кануна на открытомъ воздухѣ.

и подвѣсили на желѣзныхъ крюкахъ къ слежкѣ описаннаго выше стана; бабы натаскали ушатами воды, развели подъ котломъ костеръ, притащили ведеръ, „грузилку“, „веселку“; по общему приговору мужиковъ и бабъ приставили къ чану *пивовара* съ *пивоварихой*... Собрались, будто бы на „слевки пивы“, мужики, парни, дѣвицы, дѣтвора. Говоръ, смѣхъ, дѣловая суета... Въ этотъ моментъ щелкнулъ затворъ моего фотографическаго аппарата... Я былъ новичекъ въ этомъ искусствѣ и допустилъ сильную передержку, испортившую негативъ. Осталось запечатлѣннымъ только то, что мною было предусмотрительно зарисовано.

Въ селѣ Стрѣловскомъ (при устьѣ р. Ангары) населеніе справляетъ *канунъ* „Егорью“ (23 ар.). Этотъ обычай тамъ нѣсколько отличается отъ вышеописанныхъ по Кежемской волости.

Отстоявъ, какъ водится, обѣдню въ мѣстной церкви и, отобѣдавъ, жители этого села и смежныхъ съ ними деревень Коновщины, Саввиной и Новосельцы (одной и той же Маклаковской волости) отправляются на домъ къ церковному старостѣ. Въ его избѣ начисто вымыто и пріубрано; столъ въ „переднемъ углу“ (подъ образами) застланъ чистой скатертью, на немъ *тарелка* сь теплящеюся восковой свѣчею; по „лавкамъ“, приделаннымъ, какъ водится, вдоль стѣнъ, и на отдѣльныхъ скамьяхъ и табуретахъ размѣстились принаряженныя бабы и кое-кто изъ дѣвицъ; онѣ не съ пустыми руками пришли; у одной „туесокъ“ (берест. посуда), у другой стеклянный „кукшинъ“ (кувшинъ) или глиняная чашка, а иная, смѣха ради, принесла цѣлую „корчагу“ [1]); посуды не пустыя, а наполнены хмельнымъ *пивомъ*—кануномъ, домашняго приготовленія. Оно принесено для *продажи*.

Стали и покупатели въ избу заходить: мужики, парни и кое-кто изъ „чистый публики“. Бабы и дѣвицы встрѣчаютъ гостей съ поклонами и предложеніемъ испить „ейнова пива“. Между продавщицами возникаетъ естественное соревнованіе. Онѣ расточаютъ „ласковы—привѣтливы“ слова, пускаютъ въ ходъ милыя шутки, чтобы обратить на себя вниманіе гостей и завербовать покупателя на „свое пиво“; тѣ отвѣчаютъ своими любезностями, сопровождая ихъ иногда довольно прозрачными

[1]) Большой горшокъ съ крохотнымъ отверстіемъ у доннаго вѣнчика, затыкающимся „чепикомъ“ (дер. затычка)—для варенія *корчажнаго* пива.

комментаріями. И все это тонетъ въ громкомъ говорѣ, веселомъ смѣхѣ и шуткахъ.

Согласившійся испить пиво-канунъ отъ болѣе „поглянувшейся“ ему обладательницы, долженъ подойти къ столу, на которомъ рядомъ съ тарелкой уже водруженъ порядочной величины „кухоль“ (кувшинъ). Продавщица, предложеніе коей было принято, должна налить пивомъ кухоль дополна; перекрестясь на „святы“ (иконы), покупатель опоражниваетъ кухоль, стараясь выпить содержимое, какъ говорится, „единымъ духомъ“; это считается молодецкою удалью; осилившій подобное испытаніе вызываетъ одобреніе среди прекраснаго пола; на не выпившаго до дна кухоль пива, наоборотъ, сыпятся со всѣхъ сторонъ забористыя остроты, благодушныя насмѣшки, предназначаемыя преимущественно для вящаго увеселенія „чесной“ компаніи. Выпившій свою долю кануна кладетъ на тарелку какую нибудь *монетку* и отходитъ, уступая мѣсто слѣдующему...

Въ этомъ же родѣ продажа *кануна* производится и въ „оградѣ“ церковнаго старосты. Продавцами здѣсь—мужской персоналъ, покупательницами являются „бабы“ и „дѣвки“...

Собранныя деньги въ концѣ концовъ поступаютъ къ церковному старостѣ и расходуются на покупку свѣчей „Егорью“ и т. под. нуждъ мѣстной церкви.

Въ поименованныхъ селеньяхъ, какъ и во всей Маклаковской волости, съ возникновеніемъ золотопромышленности въ Енисейскомъ горномъ округѣ, привлекшей ихъ населеніе къ себѣ, и продолжавшемуся вплоть до открытія сибирской желѣзной дороги сплаву по Ангарѣ чаевъ, выгрузкой коихъ стрѣловскіе и коновскіе крестьяне долгое время были заняты, совершенно пало земледѣліе, плохо къ тому же развивавшееся, благодаря суровости климата и плохому качеству почвы. Хлѣбъ для питанія сталъ пріобрѣтаться по преимуществу на сторонѣ. Посторонніе заработки были не всегда удовлетворительны. Наступила необходимость экономить матеріальныя средства въ томъ числѣ и хлѣбъ. Это обстоятельство быть можетъ и повліяло на то, что, ради той же экономіи, жители стали варить пивà у себя по домамъ, въ ограниченныхъ даже размѣрахъ, для семейныхъ пирушекъ и остановились на возможности для себя удѣлять *кануну* извѣстную долю пива домашняго приготовленія [1]).

---

[1]) Нѣчто подобное дѣлается и въ Вологодской губерніи, гдѣ по Далю „туесъ (буракъ) съ пивомъ приносится въ церковь, для освященія къ празднику“, это называется по тамошнему тоже канунoмъ.

Въ данномъ случаѣ уже ясно обрисовываются черты несомнѣннаго разложенія религіозно-мірского обряда, какимъ является канунъ въ Сибири.

Перечисленные только-что примѣры, такъ сказать, факты современнаго варенія *кануна* въ селеніяхъ Енисейскаго уѣзда. Интересныя подробности выясняются также изъ фактовъ прошлаго.

Не знаю, какъ дѣло обстоитъ въ бывшемъ „Анциферовскомъ присудѣ" т. е. въ нынѣшней Анциферовской волости, но за то въ цѣломъ рядѣ селеній, напримѣръ, Казачинской волости, того же Енисейскаго уѣзда до недавняго сравнительно времени варили *кануны*.

Въ селѣ Рождественскомъ (въ 12 вер. въ сторону отъ с. Казачинскаго) варили *канунъ* ко дню Вознесенья, путемъ общественнаго сбора муки и пр. Перестали это дѣлать лѣтъ 40 тому назадъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ названномъ селѣ издавно находился Рождественскій женскій монастырь, переведенный впослѣдствіи въ г. Енисейскъ; его мѣсто заняла понынѣ существующая церковь. И она была свидѣтельницей варки кануна въ ея приходѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ деревень [1]). Изъ словъ почтеннаго и религіознаго разсказчика И. Варыгина можно было заключить, что этотъ обычай самъ по себѣ пережилъ. Впрочемъ, въ виду его географически широкаго распространенія по Сибири въ то старое время, едва ли было по силамъ монастырю и бѣлому духовенству бороться съ проявленіемъ древняго пережитка въ самомъ селѣ, жители котораго, понаѣхавъ частью изъ „Московской губерніи" (Варыгины...) или обрусѣвъ подъ вліяніемъ „москвичей" изъ тунгусовъ (Бекетовы...) и татаръ (Горнаковы...), до сихъ поръ склонны крѣпко держаться „досельщины" (старины). Съ другой стороны мѣстному, особенно бѣлому, духовенству врядъ ли было выгодно чинить препятствія исполненію *кануна*: какъ ни какъ, а цѣлью его было все же увеличеніе матеріальныхъ средствъ мѣстной церкви, въ чемъ ощущается хроническій недостатокъ... За молебствія и посѣщенія избъ съ „святыми" въ дни съѣзжихъ праздниковъ и кануна духовенство также взимало, какъ взимаетъ и теперь, въ свою пользу извѣстную мзду. Этими соображеніями отчасти можно объяснить, почему обы-

---

[1]) Деревни: Лопаткина, Чащина (Челнокова), Бѣлоусова (Водовозова), *Зеледѣева*, Вароковщина.

чай варки кануна сравнительно долго держался въ с. Рождественскомъ.

Выгоды для церкви, впрочемъ получались грошевыя. Тотъ же И. Варыгинъ передаетъ, что въ *канунъ* набирали рубля два: выпивая канунъ, клали на *тарелку* все больше *грошики*... А пили „сколь душа примала; были питаки, говорилъ В., которы по ведру выпивали,—съ просядкой, какъ говорится... Со старинки велось такъ.".

Такова была сила традиціи, пока сама „модомъ" (постепенно) не исчахла.

Въ канунъ подбавляли меду или водки; пили, добавилъ В., какъ и вообще пивà, дома: чашками глиняными, круглой формы, съ зеленой обливой и ручками съ изображеніями птицъ и т. п.; употреблялись также „потаковки",—родъ бокаловидныхъ стаканчиковъ, точеныхъ изъ дерева или литыхъ изъ оловянной композиціи.

Деревня Лопаткина отдѣляется отъ с. Рождественскаго неширокою рѣчушкою („Чорная"); въ настоящее время жители обоихъ селеній составляютъ одно сельское общество. Въ этой деревнѣ также міромъ варили канунъ къ „Рожеству Христову" (25 декабря) и къ „Николѣ вешнему" (9 мая). Заглохла эта „досельщина" вѣроятно въ то же время, какъ и въ Рождественскомъ.

Въ деревнѣ Челноковой (Чащина) лѣтъ 40 тому назадъ варили канунъ къ Ильину дню (20 іюля), путемъ сбора доброхотныхъ пожертвованій мукою среди однодеревенскихъ и другихъ прихожанъ. Въ ней, какъ передавали, сохранилось мірское зданіе—п о в а р н я, гдѣ раньше варили канунъ, а теперь продолжаютъ варить въ складчину пивà къ годовымъ праздникамъ, къ свадьбамъ и т. п. (О поварнѣ см. описаніе д. Сполошной).

Въ деревнѣ Сполошной (Казачинской вол.) перестали варить канунъ 30—35 лѣтъ тому назадъ. Это былъ обычай „обчествомъ" варить пивà наканунѣ „Егорья вешнова" (23 апрѣля), „Успеньева дня" (15 августа), почитаемыхъ сполошинцами за свои „съѣжжи" праздники; „обчествомъ" распивали канунъ и жертвовали при этомъ „Егорью на свѣчи" и т. п.

Сполошная, надо сказать, возникла, судя по преданію, на мѣстѣ нѣкогда бывшаго сторожевого поста, на которомъ енисейскіе казаки „били сполохъ" — жгли огни, когда замѣчали вражеское движеніе воевавшихъ съ ними инородцевъ. Сама деревня пріютилась на низменности праваго берега рѣки Енисея. На противуположномъ берегу той же рѣки, лежалъ „Казачій

Лугъ", гдѣ паслись казачьи лошади и заготовлялось сѣно; при немъ возникло сельцо того же названія [1]), переименованное впослѣдствіи въ село Казачинское (Казачье тожъ). Теперь жители этого села съ сполошинцами составляютъ одно сельское общество и одинъ церковный приходъ.

И все же въ д. Сполошной имѣется собственная „Чесовня" во имя „Егорья", не менѣе старинной постройки, чѣмъ церковь въ Казачьемъ. По крайней мѣрѣ я видѣлъ въ ней, кромѣ книги „Поученіе повседневное" за 1815 годъ, еще „Слѣдованный псалтырь" съ датой 1698 года; ему, такимъ образомъ, не менѣе 209 лѣтъ; сама же „чесовня" можетъ быть даже старше. Доказывая старинное происхожденіе ея, сполошинцы говорятъ, что было время, при ихъ дѣдахъ, когда русло рѣки Енисея между „Казачьимъ Лугомъ" и Сполошной было настолько узко, что удалые молодцы могли перекинуть съ берега на берегъ камень. Тоже самое я слышалъ отъ стариковъ с. Казачинскаго. Такъ на нынѣшней косѣ, у нижней „изголовли" села, гдѣ весною пристаютъ пароходы, стояла церковь, перестроенная въ каменную и освященная въ 1800 году на теперешней площади; неподалеку отъ старой церкви находился „могильникъ" (кладбище). Могучій Енисей давно уже смылъ съ берегомъ мѣста старинной церкви и кладбища... Помнится, когда Енисей вошелъ въ берега, послѣ весенняго разлива 1895 г., то на обнажившейся церковной площади я нашелъ могильный черепъ человѣка; а въ слѣдующемъ 1896 выкопалъ въ обвалившемся берегу церковной площади человѣческій костякъ и послалъ въ Енисейскій городской музей. — Енисей продолжаетъ размывать также берегъ д. Сполошной. Это чрезвычайное обстоятельство заставило три раза переносить мѣстную часовню на новыя мѣста.

По архитектурѣ зданіе часовни ничѣмъ особенно не отличается отъ типа русско-сибирской избы; сложено въ одинъ этажъ изъ кондоваго сосняка, длиною въ 19 аршинъ, шириною въ 12 ар., повышеніемъ аршинъ четырехъ слишкомъ, съ крышей на четыре ската, крытой тесомъ подъ карнизъ и съ крылечкомъ подъ тесовымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ при входѣ фигурными колонками; за сѣверной стѣной подвѣшенъ

---

[1]) Въ казачьемъ церковномъ архивѣ сохранились грамоты: Митрополита Тобольскаго и Нерчинскаго Антонія 1730 года, Архіепископа Тобольскаго и Нерчинскаго Варлаама за 1780, 1781, 1788 и 1800 года; въ этихъ актахъ *сельцо „Казачій* Лугъ" упоминается не разъ.

къ столбу съ перекладиной и навѣсикомъ „оповѣщальный колоколъ“, малыхъ размѣровъ, игравшій при канунѣ видную роль. Внутри часовни мрачно и убого, по стѣнамъ развѣшены немногочисленныя иконы стараго письма, имѣются рѣзныя изъ дерева паникадила и рѣзныя деревянныя изображенія святыхъ. Сбоку у входа небольшой чуланчикъ: въ немъ, между прочимъ, сохранялся „обчественный“ инвентарь,—мѣдный котелъ, деревянная посуда и прочія принадлежности [1]), бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной.

Вотъ что разсказалъ по этому поводу мѣстный крестьянинъ Трифонъ Шестаковъ, которому, когда мы бесѣдовали (въ 1904 г.), исполнилось 84 года.

Накануне означенныхъ выше праздниковъ „чесовенной“ староста, въ сопровожденіи „доброжелателевъ“ варить канунъ, обходилъ своихъ сельчанъ и объѣзжалъ сосѣднія деревни: Борки, Захарову, Башкиры, Падерену и Омутовщину, гдѣ собиралъ доброхотныя приношенія натурою, въ видѣ муки, хмеля и проч. Сборъ одной только муки бывалъ по 15—20 пудовъ. Значительная ея часть, а то и все количество пудовъ переваривалось на канунъ или поминальное пиво.

Техникой и внутреннимъ распорядкомъ обрядоваго пивоваренія заправлялъ *пивоваръ*; сполошинцы выбирали его, какъ мастера своего дѣла, каждый разъ изъ среды своего общества; приставляли къ нему помощниковъ — „доброжелателевъ“ и помощницъ — „доброжелательницъ“, подчинявшихся всецѣло указаніямъ пивовара.

Мѣстомъ варки кануна служила *поварня*; она была построена въ сторонкѣ отъ жилыхъ помѣщеній силами „обчества“ для соотвѣтственныхъ общественныхъ нуждъ (варки кануна, пива къ свадьбамъ и т. п.). Я уже засталъ поварню въ полуразрушенномъ состояніи; въ свое время она представляла изъ себя сравнительно малыхъ размѣровъ невысокую избушку, срубленную „по черному“ четырехстѣнкой изъ мелкихъ бревешекъ, съ плоскою землей крытою крышею; крытый земляными же „пластамъ“ присѣнокъ защищалъ отъ непогоды низенькую входную дверку, прорубленную съ восточной стороны; маленькое оконце съ запада, затянутое „брюшиною“, пропускало тусклый свѣтъ въ поварню; внутри стѣны ея были чернымъ-черны и лоснились, располированныя дымомъ и копотью,

---

[1]) Куплены мною у сполошинскаго „обчества“ для Этнографическаго отдѣла Рус. Музея И. А. III., въ 1904 г.

въ избыткѣ наполнявшими избушку, когда топили сооруженную въ ней „каменку“ (печь изъ дикаго камня), лишенную дымовника. Въ фронтонной стѣнѣ, сбоку, невысоко отъ земли было прорублено еще продолговатое оконце: въ него всовывался деревянный желобъ, по которому „слевали“ холодную воду, кипятокъ въ стоявшіе въ поварнѣ пивные чаны [1]), и обратно готовое „сусло“ (хлѣбный наваръ) въ наружныя „кади“ (кадки, перерѣзы).

На улицѣ вблизи поварни были вкопаны другъ противъ друга столбы высотою 2,5—3 арш.; на нихъ клался брусъ, къ нему подвѣшивался на желѣзныхъ крючьяхъ мѣдный котелъ, вмѣстимостью въ 10—15 ведеръ, купленный „обчествомъ“, какъ и прочій инвентарь, на „Егорьевски“ сборы: въ немъ согрѣвали кипятокъ для сусла и перепаривали послѣднее съ хмелемъ. Дрова для пивоваренія поставляли „помочью“ тѣ же сполошинцы.

Готовому суслу давали время остыть, разливая по „карытьямъ“ и другимъ „посудинамъ“... Пивоваръ тогда приступалъ къ перевариванію сусла съ хмелемъ...—Когда полученное такимъ путемъ пиво „укисало“, его сливали въ одно мѣсто.

Съ высоты „чесовенной“ колокольни билъ „оповѣщальной колоколъ“, бѣгая подъ окнами, „figure“ „зватаи“ и ребятишки скликали народъ на „слевки“, выкрикивая: „Тупайте на слевки, у ково волосы крѣпки“! Являлись сполошинцы съ ведрами, ушатами и уносили пиво въ чаны, помѣщенные на храненіе въ „ямахъ“ (погребушки) „чесовеннова“ старосты и „доброжелателей“.—Наваривали ушатовъ по 40 и болѣе. Пиво было пьяное, „что твоя водка“. Отвѣдывать запрету не было. Помочане этимъ правомъ пользовались въ достаточной степени, упивались изрядно... Не обходилось безъ ссоръ и дракъ... Отсюда и возникла означенная форма приглашенія „зватаями“ мирянъ на „слевки“ сусла и пива.

Ко дню кануна въ Сполошную съѣзжались гости—жертвователи, родственники, пріятели. Со своими собиралось, говорилъ Т. Шестаковъ, человѣкъ 200 и болѣе.

---

[1]) „Егорьевскихъ“ чановъ было два, одинъ въ 15, другой въ 25 ведеръ. Въ одномъ изъ такихъ чановъ, разсказчикъ Т. Шестаковъ, будучи 7—8 лѣтъ, спрятался съ сверстникомъ-товарищемъ, чтобы безъ помѣхи полакомиться „крадче“ нарванными въ огородѣ огурцами. Мать товарища, Толстихина, *„прислѣдила“* и отхлестала проказниковъ прутомъ въ „егорьевскомъ“ же *чану*.

Въ день кануна пріѣзжало изъ с. Казачинскаго духовенство и совершало часы, а потомъ ходило съ иконами по избамъ. Такъ, съ полденъ, вокругъ часовни ставились скамейки, „лавы", „столъ съ браной скатеркой" для пивной посуды, приносили ушаты съ пивомъ. „Чесовенной" староста билъ въ „оповѣщальной", колоколъ, приглашая народъ на канунъ. Сполошинцы и гости размѣщались по лавамъ (сколько хватало мѣстъ). Часовенный староста разливалъ канунъ—пиво большой „поваренкой" въ ковщики, чашки, скобкари [1]), а свои деревенскіе „доброжелатели" („мужики, бабы, дѣвки") подносили желающимъ. Таковыми оказывались всѣ. Пили и клали „грошики" и копейки на носимыя между пьющими деревянныя и оловянныя тарелочки. Партіи смѣняли одна другую... Такъ продолжалось дня два—три. Веселье становилось общимъ и сопровождалось обычнымъ пѣньемъ, ѣздой въ экипажахъ по улицѣ... Вырученныя деньги отъ кануна и продажи остатковъ муки и пр. прикладывали „Егорью" или „Успленью", смотря по тому, въ память кого справляли обрядъ. Были даже „кошели" для денегъ—одинъ „Егорью", другой „Успленью". А въ общемъ канунныя деньги расходовались на нужды „чесовни" и даже, какъ говорилось выше, на нихъ пріобрѣтался пивоваренный инвентарь.

И въ этомъ яркомъ примѣрѣ, какъ мы видимъ, богоугодное дѣло совмѣщалось съ мірскимъ увеселеніемъ. Таково было значеніе кануна и въ д. Сполошной.

Закончивъ фактическую сторону своего сообщенія, попытаемся сдѣлать анализъ существенныхъ чертъ затронутаго нами обычная варки кануна и попробуемъ опредѣлить отношенія къ нему духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Какъ обычай, обрядовое пивовареніе теряетъ свое начало въ глубинѣ сѣдой старины. Въ позднѣйшемъ его видѣ обрядъ кануна разбивается на двѣ характерныя части—религіозную и мірскую (соціальную).

Канунъ варятъ къ днямъ почитаемыхъ святыхъ; а денежные сборы во время совершенія обряда, равно какъ получаемыя отъ продажи приношеній (натурою), въ концѣ концовъ, поступаютъ на благолѣпіе храма, на свѣчи святому и пр.; самый обрядъ освящается молебномъ, „часами"... Все это и составляетъ религіозную подкладку кануна.

---

[1]) Описаніе ихъ дано въ концѣ статьи.

Мірское или соціальное значеніе этого обряда выражается въ слѣдующемъ. Канунъ варятъ силами и иждивеніемъ деревенскаго міра или „обчества“, какъ говорятъ сибиряки. Имъ даются отъ „желанья свово“ мука и другіе сельскохозяйственные продукты, что переводится отчасти на канунъ, отчасти на деньги и прилагается также Богу; „обчество“ устраиваетъ „поварни“, снабжаетъ ихъ дровами, водой; оно выбираетъ изъ своей среды даже „пивовара“, какъ главнаго руководителя техникой обрядоваго пивоваренія, даетъ ему помощниковъ и помощницъ; приходитъ къ нему на „помочь“, когда „оповѣщальной колоколъ“ или „ззатаи“ пригласятъ итти на „слевки“ сусла или пива—кануна. Безъ участія „желательныхъ мужиковъ“, „трудниковъ“ и „доброжелателей“,—этихъ главныхъ мѣстныхъ иниціаторовъ кануна — какъ выяснилось, не обходится не только подготовительный процессъ обряда, но и его завершеніе. Ихъ усилія были бы, намъ кажется, тщетны или мало продуктивны, не будь само „обчество“ сочувственно расположено къ устройству кануна. Оно не только относится симпатично къ тому, чтобы потрудились для Бога тѣ или другіе однообщественники, но матеріально и физически содѣйствуетъ ихъ благому начинанію. „Обчество“ является, наконецъ, главнымъ платнымъ потребителемъ канунного пива, чѣмъ также способствуетъ улучшенію денежныхъ средствъ своей церкви, своей часовни. Мірская рука и религіозно-бытовая мораль „обчества“, сказали бы мы, вѣковой обычай обрядоваго пивоваренія сохраняютъ въ Сибири до настоящаго времени.

Противъ міра и его „трудниковъ“ въ цѣляхъ, якобы, искорененія пагубной его слабости къ кануну, а вѣрнѣе въ цѣляхъ фиска, предержащей властью „добраго стараго времени“ были пущены, какъ указано выше, „батоги и плети“. Тѣ, кто хотѣлъ, выражаясь фигурально, „плетью обухъ перешибить“—не перешибъ. Иными словами, народъ и въ Сибири немало претерпѣлъ гоненій и каръ за свою приверженность къ кануну, но продолжаетъ быть вѣрнымъ выношенной въ его душѣ традиціи, вѣрнымъ своему исконному обычаю обрядоваго пивоваренія. Несомнѣнно, и сама традиція, и дѣдовскій обрядъ находятся теперь въ состояніи разложенія (какъ, напр., въ с. Стрѣловскомъ) и постепеннаго умиранія. Мы можетъ быть наблюдаемъ ихъ въ послѣдней стадіи, за которой наступитъ полное исчезновеніе, въ чемъ насъ убѣждаютъ примѣры селеній Казачинской волости и цѣлыхъ уѣздовъ: Красноярскаго, Ачинскаго, Минусинскаго *также* Енисейской губерніи, гдѣ о канунахъ и помину

нѣтъ. На это въ Сибири, однако, потребовались столѣтія стихійнаго теченія событій и все цивилизующее время: они то, какъ на мельничномъ жерновѣ, неустанно перетираютъ сибирскую „досельщину“ и прививаютъ сибирякамъ новыя привычки новые обычаи.

Остается отмѣтить въ немногихъ словахъ отношеніе духовенства къ народному кануну. Въ жестокостяхъ бывшаго преслѣдованія, въ частности, сибирскаго „обчества“, за канунъ быть можетъ были не менѣе повинны и представители высшаго духовенства „добраго стараго времени“. Въ архивахъ сохранились документы (наилучшимъ выразителемъ которыхъ является извѣстный „Стоглавъ“), свидѣтельствующіе о чрезвычайно суровыхъ бичеваніяхъ духовною властью соблазновъ мірскихъ увеселеній и остатковъ язычества. Это не могло не отразиться на характерѣ репрессій свѣтской власти, преслѣдовавшей въ свою очередь подобнаго рода явленія въ народной жизни. Что касается мѣстнаго сибирскаго чернаго и бѣлаго духовенства, то оно по своему поведенію въ то время было ничуть не лучше мірянъ, и поэтому, вѣроятно, не обладало достаточнымъ авторитетомъ, чтобы успѣшно бороться съ консервативной приверженностью своей духовной паствы къ обряду кануна и его мірскимъ удовольствіямъ. Впрочемъ, ему и ссориться съ приходомъ было невыгодно. Какъ никакъ, а отъ *кануна*, повторяемъ перепадали матеріальныя „крохи“ и сибирскому духовенству, и церкви.

Въ настоящее время отношеніе свѣтской власти къ обычаю варки „кануна“ въ Сибири пока что безразличное. Отношеніе духовенства къ нему теперь пока что доброжелательное. Историческій опытъ наглядно, надо думать, убѣдилъ тѣхъ и другихъ что „батогами и плетьми“ не переломишь народныхъ вѣрованій, не перегнешь народнаго духа въ желательную для нихъ сторону.

Алексѣй Макаренко.

Приложеніе I.

Праздники и селенія съ канунομъ.

„Егорей“ (23 апр.)—канунъ въ селѣ Стрѣловскомъ (жит. об. пола 338+203—д. Коновщины) Макл. в. [1])

„Иннокентей Иркутской“ (26 ноябр.)—канунъ въ д. Мозговой (жит. об. пола 380), Кеж. вол.

[1]) *Цифры о населеніи* взяты за время всеобщей переписи 1897 г.

„Казанска“ (22 окт.)—канунъ въ д. Кежемская Заимка (жит. об. пола 632).

„Кирики—Улиты“ (15 іюля)—канунъ въ с. Пановскомъ (жит. об. пола 753), Кеж. вол.

„Митрофаньевъ день“ (23 ноябр.)—канупъ въ д. Аксеновой (жит. об. пола 127), Кеж. вол.

„Никола вешной“ (9 мая)—кануны: 1) въ д. Кежемская Заимка, 2) въ с. Пановскомъ и 3) въ с. Кежмѣ (жит. об. пола 1058).

„Никола зимней“ (6 декабр.)—канунъ въ д. Пашутиной (жит. об. пола 194), Пинч. вол.

„Петровъ день“ (29 іюня)—канунъ въ с. Пановскомъ.

(Безъ обозначенія дней)—канунъ въ д. Алешкиной (жит. об. пола 394), Кеж. вол. и въ д. Порожинской (жит. об. пола 101), Казач. вол.

Приложеніе II.

Праздники и селенія безъ кануна.

„Вознесенье“—варили канунъ въ с: Рождественскомъ (жит. об. пола 1050), Казач. вол.

„Егорей“ (23 апр.)—варили въ д. Сполошной (жит. об. пола 183), Казач. вол.

„Ильинъ день“ (20 іюля) — варили въ д. Челноковой, Казач. вол.

„Никола вешной (9 мая)—варили въ д. Лопаткиной (см. с. Рождественское), Казач. вол.

„Рожество“ (25 декабр.)—варили въ д. Лопаткиной.

„Успленье“ (15 авг.)—варили д. Сполошной.

Приложеніе III.

Способы варки „своедѣльскова“ пива, а равно и „кануна“.

Если нѣтъ ячменнаго солода, то пекутъ „квасники“—родъ пресныхъ хлѣбовъ изъ низкаго сорта ржаной муки. Но полпуда квасниковъ засыпаютъ въ пивной „чанъ“ крупно смолотой ржаной муки 30 — 40 ф. [1]) Квасники „перепекаютъ“ два раза; и третьимъ разомъ, продержавъ всю ночь въ печи, ихъ съ утра ломтями складываютъ въ кадочку и размачиваютъ,

---

[1]) Съ этого количества муки получается ушатъ сусла въ 3—4 ведра.

подливая „по ковшичку“ кипятку и изрѣдка размѣшивая легонько „веселкой“, пока не получится гуща. Въ тоже время засыпаютъ немного муки въ чанъ, завариваютъ кипяткомъ, размѣшиваютъ, кладутъ въ нее „мелкихъ“ накаленныхъ камышковъ, чтобы заторъ „солодѣлъ“; выливаютъ въ чанъ квасники, доливаютъ кипяткомъ (по одной чугункѣ или „мѣднику“ заразъ), хорошенько размѣшиваютъ веселкой, подсыпятъ муки и дольютъ кипяткомъ, пока не получится въ чанѣ требуемой густоты хлѣбная брага. Потомъ „садятъ на стырь“. Деревянный стержень съ четырехграннымъ нижнимъ концомъ, которымъ накрѣпко съ сначала заколачиваютъ четырехгранное отверстіе въ днѣ чана; верхній конецъ его нѣсколько возвышается надъ чаномъ. На „стырь“ надѣваютъ свитое изъ соломы кольцо, опускаемое до доннаго отверстія; на „стырь“ же своимъ центромъ надѣвается „кита“ или „китка“—кругъ изъ соломы; сверху „кресты“ и затѣмъ съ помощью „грузилокъ“ (двоерогія палки) все это одавляютъ на дно, и въ тоже время на „кресты“ опускаютъ „пожоги“—крупные дикіе камни, накаленные въ печи до-красна; подъ ихъ тяжестью „кита“ не можетъ всплыть; жаръ ихъ на-столько силенъ что брага очень скоро закипаетъ, хотя при этомъ пожоги стараются класть въ чанъ „потолику“—по-немногу, чтобы брага „не сбѣгла“. Послѣдняя кипитъ ключемъ, и пѣнится; а когда „ключъ уходиться“, можно пускать „сусло“. Тогда слегка раскачиваютъ „стырь“: у него на четыряхъ граняхъ бороздки и столько же на днѣ чана, по нимъ сусло сбѣгаетъ медленно безъ гущи въ подставленное подъ чаномъ корыто. Затѣмъ сусло разливаютъ по разнымъ „посудинамъ“; а когда остынетъ, стаскиваютъ въ чаны, помѣщаемые въ „ямахъ“ (погребушки).

Въ тоже время заготовляютъ „приголовокъ“. Извѣстное количество студенаго сусла съ положеннымъ числомъ фунтовъ хмеля (на 1 пудъ муки—1 фунтъ хмеля) перепарятъ въ мѣдникѣ или котлѣ и заквасятъ дрожжами; а когда „приголовокъ“ засолодѣетъ „размолаживаютъ“ свѣжимъ сусломъ до извѣстнаго предѣла и со всѣмъ его „гнѣздомъ“ опускаютъ частями по всѣмъ чанамъ, куда было слито вторично все сусло перепаренное съ хмелемъ. По желанію подливаютъ медъ, водку.

Сусло для „корчажнаго“ пива варится въ „корчагѣ“ (глин. горшокъ) изъ однихъ квасниковъ и солода, завариваемыхъ кипяткомъ; брага съ корчагой держится извѣстное время въ печи; на утро разбавляется кипяткомъ и также садится на „стырь“ при помощи соломеннаго кольца и „китки“, вводимыхъ внутрь корчаги. Сусло получается слаще, гуще и чернѣе.

Варя́тъ пива̀ „травяныя“. Сусло корчажное или чанное перепаривается безъ хмеля съ сборомъ медоносныхъ и пахучихъ травъ (Богородская малая—Thymus serpyllum, Васильки и др. См. А. Макаренко: „Матеріалы по народ. медицинѣ“ Ужурской в., Ачин. ок., Енисейской губ., съ прил. „Сборника народномедицин. средствъ“, отд. IV, стр. 410, журн. „Живая Старина“ за 1896—1897 гг.).

Приложеніе IV.

Котелъ, деревянная посуда и прочія принадлежности бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной (стр. 189).

Котелъ мѣдный: высота 46 снт., діаметръ 75 вѣсъ 2 пуда; уши желѣзныя, крючья, служащіе для подвѣшиванія котла, тоже желѣзные. Пріобрѣтенъ отъ сельскаго общества д. Сполошинской.

„Кита̀“, „ки́тка“—снопикъ ржаной соломы, колосья которой заломлены внутрь и перевязаны веревочкой, въ видѣ крутой головки: „кита“ надѣвается головкой на „стырь“ пивного чана, сверхъ соломеннаго же кольца, и разламывается комельками круглымъ вѣеромъ, удерживаемымъ въ такомъ положеніи „крестами“; погружается „грузилками“ въ хлѣбную брагу, содержащуюся въ чанѣ; кромѣ того „кита̀“ придавливается еще „пожогами“. Въ общемъ „кита̀“ имѣетъ, въ процессѣ деревенскаго пивоваренія, значеніе фильтра.

„Кресты“ изъ сосновыхъ узкихъ драничекъ, связанныхъ веревочками, въ видѣ равнобедренныхъ треугольниковъ.

„Грузилка“—березовая палка съ короткими развилинками на одномъ концѣ; длина 1,30 метр. Употребляется для погруженія „киты“ съ „крестами“.

Веселка сосновая, длиною въ 1,17 метра—употребляется для помѣшиванія пивного затора.

„Пожоги“—камни: накаливъ на огнѣ докрасна, ими кипятятъ воду или пивную брагу въ какой-либо деревянной посудѣ.

Черпакъ березовый съ овальнымъ вмѣстилищемъ и съ прямой, крючкомъ приподнятой кверху ручкой (дл. 35 снт.). Старинный образецъ; купленъ при котлѣ.

Черпакъ березовый съ плоскимъ дномъ и ручкой съ крючкомъ, приподнятой кверху (дл. 19 снт.). Старинный образецъ, купленъ при котлѣ.

Скобкарь—большихъ размѣровъ березовая чаша съ двумя *ручками: на одной* изображена голова гуся, на другой —

подобіе хвоста. Въ этой чашѣ, по словамъ сплошинскихъ крестьянъ, подавался прихожанамъ „канунъ“. Старинный образецъ, тожественный съ скобкарями сѣверо-восточной полосы Европ. Россіи. Занесеніе этого сосуда оттуда весьма вѣроятно. Мѣстные жители назвали его просто „чаша“.

Братина—деревянная чаша малаго размѣра съ ручкой, изображающей голову утки (мордочка удлиненная, горбоносая). Изъ этой „чаши“ прихожане пили „канунъ“. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія.

Ковшъ деревянный, большой емкости (діам. 27 снт.), на плоскомъ донышкѣ, съ прямой короткой ручкой (дл. 21 снт.) и небольшимъ язычкомъ на противоположной сторонѣ круглаго вѣнчика. Имъ разливался „канунъ“ по разнымъ посудамъ. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія, названа—„поваренка“.

Ковшикъ малаго размѣра, изъ березовой щетки, съ язычкообразной маленькой ручкой, сверху покрытый политурой—служилъ для питья „кануна“. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія. Работа чистая.

Ковшикъ изъ березовой щетки, малаго размѣра, съ короткой язычковидной ручкой. Работа не совсѣмъ чистая; возможно, что дѣлался на мѣстѣ. Служилъ для питья „кануна“.

Тарелочка деревянная, круглая (діам. 18 снт.), выточенная, глубокая—служила въ дни „кануна“ для сбора „грошиковъ“ (обычное подаянье пившихъ канунъ).

Тарелочка деревянная, выточенная, круглая (діам. 18 снт.), мелкая,—служила для сбора „грошиковъ“ (мелкія монетки) за питье „кануна“.

Оловянныя тарелочки (діаметръ одной 22,$_5$ снт., другой—18 снт.), употреблявшіяся при сборѣ „грошиковъ“ на часовню, на „свѣчи Егорью“ и т. п.

Шайки деревянныя, одноручныя, названныя „ведрами“, имѣющія на ручкахъ вырѣзные иниціалы. Относятся къ числу посуды, употреблявшейся при варкѣ „кануна“.

Ларецъ сосновый, въ формѣ лежачей конторки, съ откидной покатой крышкой, на желѣзныхъ шарнирахъ, окованный желѣзными полосами и съ двумя, на бокахъ, желѣзными ручками. Служилъ при часовнѣ, вѣроятно, для храненія свѣчей и денегъ. (Списки коллекцій Этнографич. Отдѣла Русск. Муз. Имп. Алекс. III, № 575).

А. М.

Среди нищей братьи.

Богомольцы, посѣщающіе Кіево-Печерскую Лавру, направляясь отъ главнаго собора къ Дальнимъ пещерамъ, должны пройти длинные ряды нищихъ, которые образуютъ собою настоящую viam dolorosam—дорогу скорби. Обиліе нищихъ по русскимъ монастырямъ — явленіе давнее, повсемѣстное. Кіево-Печерская Лавра не исключеніе; нищихъ въ ней даже больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ для богомолья. Ни одна русская святыня не посѣщается въ такомъ большомъ количествѣ богомольцами, какъ Печерская Лавра, и естественно, что сюда привлекается за подаяніемъ болѣе всего нищей братіи, какъ изъ ближайшихъ мѣстъ и окрестностей Кіева, такъ и изъ другихъ губерній Россіи. Главнымъ образомъ лаврскіе нчщіе являются изъ приднѣпровскихъ губерній, такъ какъ калѣкамъ и больнымъ очень удобно передвигаться по воднымъ путямъ.

На лаврской via dolorosa можно видѣть всевозможные случаи человѣческихъ увѣчій и уродствъ. Тутъ и природныя уродства, и послѣдствія несчастныхъ случаевъ, и результаты страшной болѣзни, грызущей живого человѣка. Безрукіе и безногіе сравнительно мало обращаютъ на себя вниманіе и въ нищенской борьбѣ за существованіе отстаютъ: богомолецъ часто проходитъ мимо нихъ, не раскошеливаясь. Но чѣмъ больше уродство человѣка, чѣмъ онъ ужаснѣе на видъ, чѣмъ больше бьютъ по нервамъ язвы, тѣмъ болѣе выигрываетъ обладатель ихъ на этой аренѣ борьбы между обездоленными жизнью людьми.

Богатая Лавра, собирающая дань рѣшительно со всѣхъ концовъ Руси, нищелюбіемъ и щедростью не отличается. На ночь нищіе должны оставлять стѣны монастыря, да и днемъ они не пользуются ничѣмъ со стороны монаховъ. Въ Лаврѣ есть безплатная столовая, но только для богомольцевъ, причемъ обычно въ столовую пускаютъ только людей безъ узловъ и какой-либо другой поклажи, которую необходимо оставлять въ гостин-

ницѣ за 15 копѣекъ. А такъ какъ изъ-за воровства на дворѣ ничего нельзя оставить, то волей-неволей приходится отдавать свои вещи на храненіе въ монастырскую гостинницу. Такимъ образомъ, по виду безплатные обѣды на самомъ дѣлѣ обходятся совсѣмъ недешево.

Но богомольцы крестьяне, хотя ихъ кошели и очень оскудѣваютъ во время пребыванія въ Лаврѣ отъ всѣхъ ея соблазновъ: пузырьковъ со свяченою водою, кусочковъ ладона и всевозможныхъ религіозныхъ амулетовъ, которые такъ манятъ простой народъ,—все же не забываютъ и нищую братію. Достойно даже примѣчанія то, что нищіе, главнымъ образомъ, питаются крестьянскими грошами. Городскіе жители, пріѣхавшіе на богомолье, отличаются меньшею щедростью, а интеллигентные посѣтители Лавры совсѣмъ не подаютъ нищимъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ нищій не уходитъ или не выползаетъ изъ Лавры безъ подаянія, которое колеблется ежедневно отъ 20 до 50 копѣекъ. Разсказывали мнѣ сами нищіе, что наиболѣе увѣчные собираютъ до пяти рублей въ день, но этому трудно вѣрится.

Живя прошедшимъ лѣтомъ вблизи Лавры, я часто обходилъ ряды нищихъ и заговаривалъ съ ними, чтобы узнать ихъ настроеніе и мысли о себѣ и своей судьбѣ. Это намѣреніе, однако, не всегда кончалось удачно. Часто вопросы встрѣчали уклончивые и недружелюбные отвѣты, а иногда прямо нежеланіе разговаривать. И замѣчательно то, что болѣе недружелюбно, иногда враждебно встрѣчали меня нищіе, менѣе всего страдающіе и даже совсѣмъ здоровые. Очевидно, среди нихъ были люди, которые и могли что-либо дѣлать, но, вслѣдствіе какого-нибудь незначительнаго физическаго недостатка, отлынивали отъ дѣла и предпочитали перебиваться милостынею. Совсѣмъ злобное отношеніе я встрѣтилъ со стороны женщинъ, вѣроятно по той же причинѣ: женщинъ—бездѣльницъ и обманщицъ среди нищихъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчинъ. При томъ большинство женщинъ-нищихъ—пьяницы.

Но среди многихъ мужчинъ-нищихъ я встрѣчалъ самое радушное отношеніе, и они цѣнили не только мои копѣйки, но и самое доброе слово, съ которымъ я обращался къ нимъ. Проходя какъ-то по via dolorosa, я разговорился съ однимъ калѣкою, у котораго ноги, какъ веревка, были скручены въ узелъ,—ужасная, безжалостная игра природы. Нищій говорилъ со всѣми типическими оттѣнками бѣлорусскаго говора и оказался изъ Могилевской губерніи. Я сталъ разспрашивать его о житьѣ-бытьѣ, и онъ повѣдалъ мнѣ всѣ нищенскія скорби.

Среди нищей братьи.

Богомольцы, посѣщающіе Кіево-Печерскую Лавру, направляясь отъ главнаго собора къ Дальнимъ пещерамъ, должны пройти длинные ряды нищихъ, которые образуютъ собою настоящую viam dolorosam—дорогу скорби. Обиліе нищихъ по русскимъ монастырямъ—явленіе давнее, повсемѣстное. Кіево-Печерская Лавра не исключеніе; нищихъ въ ней даже больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ для богомолья. Ни одна русская святыня не посѣщается въ такомъ большомъ количествѣ богомольцами, какъ Печерская Лавра, и естественно, что сюда привлекается за подаяніемъ болѣе всего нищей братіи, какъ изъ ближайшихъ мѣстъ и окрестностей Кіева, такъ и изъ другихъ губерній Россіи. Главнымъ образомъ лаврскіе нищіе являются изъ приднѣпровскихъ губерній, такъ какъ калѣкамъ и больнымъ очень удобно передвигаться по воднымъ путямъ.

На лаврской via dolorosa можно видѣть всевозможные случаи человѣческихъ увѣчій и уродствъ. Тутъ и природныя уродства, и послѣдствія несчастныхъ случаевъ, и результаты страшной болѣзни, грызущей живого человѣка. Безрукіе и безногіе сравнительно мало обращаютъ на себя вниманіе и въ нищенской борьбѣ за существованіе отстаютъ: богомолецъ часто проходитъ мимо нихъ, не раскошеливаясь. Но чѣмъ больше уродство человѣка, чѣмъ онъ ужаснѣе на видъ, чѣмъ больше бьютъ по нервамъ язвы, тѣмъ болѣе выигрываетъ обладатель ихъ на этой аренѣ борьбы между обездоленными жизнью людьми.

Богатая Лавра, собирающая дань рѣшительно со всѣхъ концовъ Руси, нищелюбіемъ и щедростью не отличается. На ночь нищіе должны оставлять стѣны монастыря, да и днемъ они не пользуются ничѣмъ со стороны монаховъ. Въ Лаврѣ есть безплатная столовая, но только для богомольцевъ, причемъ обычно въ столовую пускаютъ только людей безъ узловъ и какой-*либо* другой поклажи, которую необходимо оставлять въ гостин-

ницѣ за 15 копѣекъ. А такъ какъ изъ-за воровства на дворѣ ничего нельзя оставить, то волей-неволей приходится отдавать свои вещи на храненіе въ монастырскую гостинницу. Такимъ образомъ, по виду безплатные обѣды на самомъ дѣлѣ обходятся совсѣмъ недешево.

Но богомольцы крестьяне, хотя ихъ кошели и очень оскудѣваютъ во время пребыванія въ Лаврѣ отъ всѣхъ ея соблазновъ: пузырьковъ со свяченою водою, кусочковъ ладона и всевозможныхъ религіозныхъ амулетовъ, которые такъ манятъ простой народъ,—все же не забываютъ и нищую братію. Достойно даже примѣчанія то, что нищіе, главнымъ образомъ, питаются крестьянскими грошами. Городскіе жители, пріѣхавшіе на богомолье, отличаются меньшею щедростью, а интеллигентные посѣтители Лавры совсѣмъ не подаютъ нищимъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ нищій не уходитъ или не выползаетъ изъ Лавры безъ подаянія, которое колеблется ежедневно отъ 20 до 50 копѣекъ. Разсказывали мнѣ сами нищіе, что наиболѣе увѣчные собираютъ до пяти рублей въ день, но этому трудно вѣрится.

Живя прошедшимъ лѣтомъ вблизи Лавры, я часто обходилъ ряды нищихъ и заговаривалъ съ ними, чтобы узнать ихъ настроеніе и мысли о себѣ и своей судьбѣ. Это намѣреніе, однако, не всегда кончалось удачно. Часто вопросы встрѣчали уклончивые и недружелюбные отвѣты, а иногда прямо нежеланіе разговаривать. И замѣчательно то, что болѣе недружелюбно, иногда враждебно встрѣчали меня нищіе, менѣе всего страдающіе и даже совсѣмъ здоровые. Очевидно, среди нихъ были люди, которые и могли что-либо дѣлать, но, вслѣдствіе какого-нибудь незначительнаго физическаго недостатка, отлынивали отъ дѣла и предпочитали перебиваться милостынею. Совсѣмъ злобное отношеніе я встрѣтилъ со стороны женщинъ, вѣроятно по той же причинѣ: женщинъ—бездѣльницъ и обманщицъ среди нищихъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчинъ. При томъ большинство женщинъ-нищихъ—пьяницы.

Но среди многихъ мужчинъ-нищихъ я встрѣчалъ самое радушное отношеніе, и они цѣнили не только мои копѣйки, но и самое доброе слово, съ которымъ я обращался къ нимъ. Проходя какъ-то по via dolorosa, я разговорился съ однимъ калѣкою, у котораго ноги, какъ веревка, были скручены въ узелъ,—ужасная, безжалостная игра природы. Нищій говорилъ со всѣми типическими оттѣнками бѣлорусскаго говора и оказался изъ Могилевской губерніи. Я сталъ разспрашивать его о житьѣ-бытьѣ, и онъ повѣдалъ мнѣ всѣ нищенскія скорби.

— „Вѣрно послѣднія времена наступаютъ, говорилъ онъ. Вотъ сказывается въ Евангеліи, что нищихъ за имя Христово будутъ мучить всяческими муками и карами. Можетъ, не мы, а, можетъ, и мы будемъ, когда это положеніе объявится. Да ужъ оно и близко. Недавно вотъ тоже идетъ господинъ, какъ вы, съ палкою. А я у него попросилъ милостыни ради Христа. Онъ ничего не далъ, да еще палкою на меня замахнулся, разсердился. Я себѣ и думаю: вѣдь это онъ не меня отгоняетъ палкою, а Христово имя“.

— Да, можетъ, онъ нехрещеный какой, — замѣтилъ его сосѣдъ.

— „Какъ нехрещеный! Хрещеный! Зачѣмъ бы онъ въ Лавру пошелъ, если бы не хрещеный былъ. Вотъ монахи тоже хрещеные, это извѣстно. И даже отцы. А развѣ они лучше? За что, скажи, они меня десять лѣтъ назадъ изъ кухни выгнали? сдается, я у нихъ ни украду, ни худа имъ не сдѣлаю. Гдѣ мнѣ! А выгнали. Эхъ! злость на меня тогда противъ монаховъ напала; хотѣлъ было проклянуть ихъ, да Господь не допустилъ до страшнаго грѣха. Христосъ, думаю, вонъ какое дѣло дѣлалъ, да и то пострадалъ. А я что? Кому я такой нуженъ? Такъ что жъ я такъ себя ставлю, что меня и обидѣть нельзя? Такъ и отлегло отъ сердца, и успокоился. А только времена наступятъ страшныя. Былъ тутъ странникъ и говорилъ онъ про то, что въ концѣ Библіи написано: будетъ время, и скажутъ паны, попы и купцы: „Не надо намъ нищихъ. Давай ихъ утопимъ или убьемъ всѣхъ до одного“. И захотатъ они насъ утопить или убить. Можетъ, это не съ нами еще будетъ, а будетъ непремѣнно. Да вотъ, найдется одинъ человѣкъ; можетъ быть, онъ будетъ царь какой заморскій. И скажетъ онъ нашему царю, не теперешнему, а другому царю, какой тогда будетъ въ нашемъ царствѣ: продай мнѣ нищихъ со всего твоего царства. Ну что жъ? Онъ продастъ всѣхъ нищихъ, ему нипочемъ. И соберутъ ихъ, и отправятъ въ другую землю къ тому самому царю, что купитъ ихъ. А въ Россейской землѣ не будетъ совсѣмъ нищихъ. И станутъ тогда паны, попы да купцы весело жить и радоваться, что нѣту въ ихней землѣ нищихъ, и не надо объ нихъ заботу имѣть и давать имъ милостыню. Начнутъ они пить и гулять. И такъ будутъ пить они долго, пока не наступитъ голодъ въ Русской землѣ. Всѣ тогда начнутъ убиваться, а отчего голодъ, не знать-то. Тогда вотъ, можетъ, имъ кто разскажетъ объ насъ, а, можетъ, они сами вспомнятъ, только скажутъ паны, попы и купцы: „а гдѣ наши нищенки? Отчего мы имъ милостыню

не подаемъ? Отчего отъ нихъ за здравіе не слышимъ, отчего они сродниковъ нашихъ не поминаютъ. Вѣрно, оттого у насъ неурожай по всей землѣ". Вспомнятъ они, что продали нищихъ въ другую землю, захотятъ поворотить ихъ назадъ. Да поздно ужъ это будетъ. Возьметъ Господь Іисусъ Христосъ нищихъ до себе на небо и пріидетъ самъ на землю со ангелы небесными. Про это вотъ странникъ сказывалъ".

Эта нищенская легенда, созданная на via dolorosa, поощрила меня искать плоды литературнаго творчества нищихъ, и я сталъ разспрашивать ихъ про тѣ причитанія, которыми обыкновенно нищіе по ярмаркамъ и базарамъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе среди гула и говора торгующей и покупающей толпы. Мнѣ хотѣлось записать преимущественно украинскія причитанія, которыхъ я совсѣмъ не встрѣчалъ въ этнографической литературѣ. Даже въ „Каликахъ перехожихъ" Безсонова нѣтъ украинскихъ нищенскихъ причитаній, да и великорусскихъ съ бѣлорусскими тамъ очень мало.

На мою просьбу „проказаты" мнѣ причитаніе одинъ нищій малороссъ отвѣчалъ: „Я не вмію такъ. Я тильки трохы вмію: дайте рады Хрыста, та й годи. То слипы жинкы „прозьбують", а мы просымо. У йихъ голосъ делыхатный, тонкый, такъ йимъ и подходяще, а у насъ голосъ товстый: ничого не выходыть". Но это не совсѣмъ вѣрно; правда, „прозьбують" больше женщины и при томъ слѣпыя, но встрѣчаются причитанія и среди мужчинъ. Мнѣ удалось записать два нищенскихъ причитанія, изъ которыхъ одно было записано отъ слѣпца, а другое отъ слѣпой женщины. Первое причитаніе идетъ изъ Екатеринославской губерніи, и записалъ я его на пароходѣ, слѣдуя по пятамъ за нищимъ, обходившимъ третьеклассную публику. Обычно нищій имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторый запасъ стиховъ, который онъ, доведя до конца, начинаетъ сначала, при чемъ причитаніе прерывается молитвами за подающихъ. Вотъ это причитаніе:

Дайте мени, господа мылосердныи,
Хочъ одну копіечку.
Та зробыть мени, таточку,
Хочъ маленькее мылосерддя,
Що я божого свита не выдаю,
Та черезъ чужыи очы по свиту скытаюсь.
Та я жъ не можу заробыты,
Та я жъ не можу заслужыты.
Да лучче мени, мій батечку, та не жыты,

Нижъ мени на свити, на земли
За чужымы очењками,
Та чужымы копійкамы
Тужыты.
Дайте жъ мени, господа мылосердныи,
Хочъ маленькый хлиба кусочокъ,
Да Господь запышытъ вашы дары во святыхъ
канонахъ.

Записавъ это „прозьбуванне", я вспомнилъ что-то читанное мною, и, обратившись къ „Калѣкамъ перехожимъ" Безсонова, нашелъ почти подобное же сербское нищенское причитаніе, перепечатанное изъ Вука Караджича:

Даруйте ме, мила братё,
Так' овако не гледали!
Слепа чеда не имали
Ни у дому, ни у роду,
И у свет га не спремили,
Кано мене моя майка,
Што е у свет оправила
У незнану тудю землю
А за туђим очицама...
Мене воде туде очи,
Мене ране ваше руке,
Ваше руке, тешке муке.

(Безсоновъ, I, 29).

Такъ одинаковыя условія создали одинаковое настроеніе и почти одни и тѣ же слова причитанія.

Другое причитаніе женское было записано мною въ Кіевѣ на базарѣ. Несмотря на весьма неудобную обстановку для записыванія, стоя въ толкотнѣ и приводя въ недоумѣніе ближайшихъ торговцевъ, я нѣсколько разъ прослушалъ это причитаніе и провѣрилъ его съ точностью.

Дайте, моя паниматеньку,
Дайте, моя выноградоньку,
Дайте мылостыньку, моя матинко,
И возмылуйтесь;
Дайте мылостыньку, моя матинко,
И возжалуйтесь.
Дайте копієчку, моя матинко,
На мое горькое содиваніе,

Дайте копiечку, моя матинко,
На мое слезное собуванiе.
Дайте копiечку, моя матинко,
А щобъ я мыру божому не докучала;
Дайте копiечку, моя матинко,
А щобъ я дорижечкы—стежечкы не зосидала.
Дайте копiечку, моя матинко,
А щобъ я до вашыхъ слидочкивъ не прыпадала.
Дайте копiечку, моя матинко,
А щобъ я голивонькы моiй матинкы не клопотала,
А i у васъ бы копiечкы не прохала.
А що мы моiй матинкы
Просымо-перепросымо,
Що мы по чужому слидочку ходымо.
Дайте копiечку, моя матинко,
А на стежечкы, моя матинко, указанiе,
На дорижечкы, мiй татоньку, провожданiе.
А якъ бы я, моя матинко, очы мала,
Краще бъ, моя матинко, тотъ свитъ выдала.
Дайте копiечку, моя матинко,
За свое здоровье благословенiе.
Дайте копiечку, моя матинко,
За упокой своихъ родытеливъ,
Не мынайте.
Рады денечка божественного,
Рады Господа мылосердного,
Рады царьствiя небесного.
А возмылуйтесь, мiй татоньку,
А возмылуйтесь, мiй батеньку,
Надъ намы,
Якъ Господь мылосердный надъ вамы.
Надъ нищимы, моя матинко,
Нищетою,
А надъ темнымы, моя матинко,
Темнотою,
А надъ нищею, моя матинко,
Каликою.
А вы отець, мiй татоньку,
А надъ диткамы надъ своимы.
Дайте мени копiечку,
Розризныте;

Отця—свою матинку
Прыпомяныте.
Хто отця—свою матинку
Прыпомынае,
Тому Господь мылосердный посылае.
А хто нищетонькы не мынае,
Тому Господь мылосердный посылае.
А мыни, моя матинко, свитъ замурованій,
А тымы двиречкамы свитъ запрытвореній.
Я жъ не бачу сонця праведного,
Я не бачу свита божого.
Я не бачу, моя матинко,
Якъ хмарна годына наступае;
Я жъ не бачу, моя матинко,
Якъ темна ниченка сумеркае;
Я жъ не бачу, моя матинко,
Якъ свитъ просвитае.
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заробыты;
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заслужиты.
Ой горенько, моя матинко,
Та й неволенька,
А безъ вичочокъ прожываты,
А свита Божого не выдаты.
Дайте мыни копiечку,
Дайте мылостыньку
И возмылуйтесь,
Дайте мылостыньку
И возжалуйтесь.

В. Даниловъ.

Очерки Бѣлоруссіи.

III. Ловля вьюновъ.

„Вьюнубў ни пўой, ни карми, тўольки ў кошыкъ беры. На чбрта-бъ, здаѐтца, тáя гразь, да тамъ вьюнъ и карáсь. Усе людзямъ на карысь (корысть)“.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая. Такое положеніе непримѣнимо къ огромной мѣстности, лежащей широкой полосой вдоль рѣки Припети по лѣвымъ ея притокамъ. Песчаная и болотистая почва этого края не годна для земледѣлія. И хотя здѣсь жители обрабатываютъ поля и много затрачиваютъ труда на веденіе сельскаго хозяйства, но хлѣба родится такъ мало, что его не достаетъ даже до декабря. Это вынуждаетъ мѣстныхъ жителей различными промыслами снискивать средства къ существованію. Сюда относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, собираніе грибовъ и ягодъ, лѣсной промыселъ и др.

Въ этой части Бѣлоруссіи большое подспорье въ хозяйствѣ даетъ особенный, свойственный только данной мѣстности промыселъ, — это ловля вьюновъ (родъ небольшого угра, длиною 15—20 снт.). Множество топкихъ торфяныхъ болотъ, грязныхъ озеръ и гнилыхъ рѣчекъ благопріятствуетъ изобилію здѣсь вьюновъ, живущихъ въ тинѣ. Вьюновъ ловятъ во всякое время года, но особенно богатый уловъ бываетъ лѣтомъ, когда нѣсколько подсохнутъ болота, и вьюны соберутся въ болѣе глубокія мѣста въ озера и въ такъ называемые „выжары“ (углубленія среди болотъ, наполненныя тиной), и зимою, когда вода покроется льдомъ, и вьюны собираются въ незамерзшія „прѣлыя“ мѣста. Въ этихъ мѣстахъ ихъ бываетъ такое множество, что можно ловить руками, безъ особыхъ приспособленій. Зимою на озерахъ

или „выжарахъ“ въ незамерзшей „продушинѣ“ (полынья) или, прорубая ледъ, ставятъ особое рѣшето и покрываютъ его вишарникомъ[1]) или навозомъ, чтобы вода не замерзала. Рѣшето это устраиваютъ слѣдующимъ образомъ: дно обечайки отъ рѣшета обшивается холстомъ такъ, что представляетъ конусъ, доходящій почти до половины обечайки. Въ вершину конуса вставляется трубочка изъ бересты въ 10 снт. длиною, 3 снт. въ діаметрѣ. Вьюны ищутъ продушины, пролѣзаютъ сквозь трубочку въ рѣшето и остаются въ немъ, ибо не могутъ попасть обратно въ трубочку.

Одинъ промышленникъ ставитъ нѣсколько такихъ снарядовъ и, переходя отъ одного къ другому, выбрасываетъ вьюновъ на ледъ. Лѣтомъ ловля вьюновъ производится „сачкóмъ“. Это небольшая конусообразная, съ одной плоской стороной, корзина изъ прутиковъ; высота 70—100 снт., діаметръ основанія 50—70 снт.; къ основанію придѣлана вилообразная ручка (длина 150—200 снт.). На челнокѣ пробираются въ озеро или „выжаръ“, опускаютъ „сакъ“ плоской стороной внизъ и погружаютъ его въ тину. Тутъ рыбакъ, поддерживая одной ногой „сакъ“, другой оставаясь въ челнокѣ, хлопаетъ весломъ предъ отверстіемъ „сака“, чтобы загнать вьюновъ, потомъ быстро за ручку приподнимаетъ и выбрасываетъ вьюновъ въ челнокъ. Такія манипуляціи продѣлываетъ рыбакъ до тѣхъ поръ, пока челнокъ наполнится вьюнами. Тутъ остается только доставить вьюновъ на берегъ. Но это самое трудное дѣло, такъ какъ по тинѣ челнокъ еле подвигается, а до сухого мѣста не близко. Вотъ почему обыкновенно для ловли вьюновъ отправляются въ далекія озера недѣли на двѣ; избираютъ гдѣ-нибудь среди озеръ возвышенный берегъ для стоянки и отсюда отправляются на ловлю. Вечеромъ разводятъ костеръ, по сторонамъ котораго вбиваютъ въ землю „субшки“ (столбики) и кладутъ на нихъ жердочки. Вьюновъ нанизываютъ головками на прутики (длина 50—60 снт.) вплотную и цѣпляютъ эти „мётки“ на жердочки надъ жаромъ. Вьюны поджариваются, а потомъ засушиваются на солнцѣ. Шестьдесятъ „мётокъ“ составляютъ „кóпу“, а шестьдесятъ „копъ“—„тростъ“.

Каждый хорошій рыбакъ до тѣхъ поръ не возвращается домой, пока не заготовитъ „троста“ вьюновъ. Не легкая это работа: цѣлый день стоитъ на одной ногѣ въ зыбкомъ челнокѣ, рискуя каждую минуту свалиться въ тину, питается только

[1]) *Вишарникъ*, вишъ или ветошь—скошенная по льду трава.

одними вьюнами, спитъ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ во всякую погоду, а тутъ миріады комаровъ и мошекъ сосутъ кровь, забираются въ носъ, глаза, уши и причиняютъ нестерпимыя мученія. Только огрубѣвшая кожа полѣшука въ состояніи отчасти защитить отъ смертельныхъ страданій.

Но всѣ эти трудности переносятся безропотно, ибо несчастные обитатели этихъ мѣстъ не видятъ лучшей жизни. Дика и безжалостна полѣсская природа; она не балуетъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны нужда гонитъ человѣка въ тяжелыя условія и заставляетъ преодолѣвать всевозможныя трудности.

Когда вьюны на „мёткахъ“ просохнутъ, ихъ на челнокахъ перевозятъ домой. Здѣсь часть для своего употребленія снимаютъ съ „мётокъ“ и складываютъ въ „урѣзки“ (разрѣзанныя пополамъ бочки), пересыпаютъ солью и закрываютъ деревяннымъ кругомъ. Лучшій, болѣе крупный сортъ вьюновъ идетъ въ продажу. Обыкновенно полѣшуки вывозятъ вьюновъ въ полевыя мѣста и тамъ обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, ленъ, коноплю и т. п. продукты домашняго обихода или продаютъ по 2—5 коп. за „мётку“. Въ зимнее время вьюновъ сушатъ въ вытопленной печи на соломѣ. Этотъ сортъ вьюновъ дешевле цѣнится и больше идетъ для своего употребленія. Вьюны мѣстными жителями употребляются въ пищу въ разныхъ видахъ. Свѣжіе вьюны поджариваются на сковородѣ и подаются гостямъ, какъ лакомое блюдо. Въ сухомъ видѣ ихъ ѣдятъ, посыпая солью. Въ вареномъ видѣ вьюны кладутся въ борщъ, щи, супъ, кашу и т. п. Вообще въ полѣсской части Бѣлоруссіи вьюны составляютъ главнѣйшую часть пищи.

Бываютъ мокрые годы: рѣчки и озера выходятъ изъ береговъ, и вода разливается по болотамъ, тогда вьюны расходятся въ разныя мѣста и не поддаются улову. Такіе годы—истинное бѣдствіе для полѣшука. Болота, которыя даютъ почти всѣ средства къ жизни простолюдина, при обиліи дождей превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ разгуливаютъ стаи дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ. Трава погибаетъ не скошенной; вьюны и другія рыбы расходятся по всему болоту; ни скоту, ни человѣку не пробраться черезъ топкія торфяныя мѣста; полѣсье буквально отрѣзывается отъ всего остального міра—тогда полѣшуки сильно голодаютъ. Разсказываютъ, что послѣ одного такого мокраго лѣта крестьяне сами питались дикими яблоками, грушами, желудями и даже пыреемъ, а скотъ всю зиму пасли по лѣсамъ.

IV. Талака̀.

Въ Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка В. Даля подъ словомъ „помо̀чь“ между прочимъ сказано: „по̀мочь сѣв. и вост. толо̀ка южн., работа міромъ, за угощенье“. Толо̀ка или, какъ произносятъ бѣлоруссы, талака̀, т. е. помощь міромъ въ исполненіи большого или тяжелаго дѣла, не посильнаго одному семейству, въ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени примѣняется очень часто въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Признакъ угощенія при работахъ талакою не можетъ считаться существеннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто только въ такихъ случаяхъ, когда талаку собираютъ помѣщики, священники, волостные писаря и т. п. лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Талака́—древній народный обычай. Онъ распространенъ по всей Бѣлоруссіи. Въ крестьянскомъ быту талака, какъ и всякая другая помощь, обходится безъ угощенія. Нерѣдко міромъ исполняются большія работы лишь за словесную благодарность. Бѣлоруссъ отличается добротой и состраданіемъ; у него мягкій, покладистый характеръ. Этими качествами народнаго характера и существующимъ обычаемъ безвозмездной помощи при большихъ и трудныхъ работахъ воспользовались „паны“ съ корыстной цѣлью и устраиваютъ талаку за угощеніе водкой. Здѣсь, какъ и всюду на Руси, простолюдины имѣютъ склонность къ вину. Зная эту народную слабость, „паны“ довольно часто собираютъ талаку въ такихъ случаяхъ, когда почему-либо нельзя нанять рабочихъ или не желательно платить за работу большія деньги, тогда какъ угощеніе участниковъ талаки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканый „панами“ прекрасный обычай помогать другъ другу въ несчастіи или при выполненіи трудныхъ и непосильныхъ работъ. Здѣсь довольно низкія корыстныя цѣли, тогда какъ въ народномъ быту талака имѣетъ основанія и задачи болѣе высокаго нравственнаго и соціальнаго порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищъ, плотинъ, „езовъ“ (перегородки рѣки для ловли рыбы), колодцевъ и т. п. До послѣдняго времени талака въ своемъ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, когда одной семьѣ не подъ силу справиться съ большой, тяжелой работой или стихійными бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, пожаромъ или наводненіемъ уничтожены постройки или другія хозяйственныя сооруженія; одна семья безсильна, и она прибѣ-

гаетъ къ общественной помощи. Главные работники въ семьѣ подверглись тяжелой и продолжительной болѣзни и не могли убрать своевременно сѣно или хлѣбъ—тутъ собираютъ талаку, которая безъ всякаго угощенія или платы производитъ необходимыя работы. Надо доставить тяжелые матеріалы для построекъ, или поднять ихъ на значительную высоту, а хозяинъ одинокій, бѣдный человѣкъ, у котораго и лошаденка-то еле передвигаетъ ноги—собираются сосѣди и талакою исполняютъ все, что нужно. Народный обычай требуетъ не отказываться отъ приглашенія на талаку. Кто уклоняется отъ помощи другимъ, тому и общество не поможетъ въ бѣдѣ. „Усіэ падъ Богомъ ходзимъ", говорятъ бѣлоруссы, а потому они строго соблюдаютъ этотъ обычай и идутъ на талаку даже къ зажиточнымъ односельчанамъ, которые могли бы нанять рабочихъ, не прибѣгая къ общественной помощи. „Нехай намъ Буогъ заплацицъ", говорятъ, когда богатые люди приглашаютъ на талаку, ссылаясь на бѣдность, и добавляютъ: „за неправўду ихъ Буогъ скарâе".

Насколько въ Бѣлоруссіи распространенъ обычай собирать талаку, позволю себѣ привести нѣсколько бытовыхъ сценъ изъ этой области, которыя мнѣ пришлось лично наблюдать.

Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ еще и въ настоящее время многія рѣчки дѣлятся крестьянами на участки, и находящаяся въ каждомъ изъ этихъ участковъ рыба считается собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. Участки отгораживаются „езами". Поперекъ черезъ рѣчку вбиваются на разстояніи одинъ отъ другого въ $^1/_2$ аршина длинные колья, выходящіе изъ воды на 2—3 аршина; колья привязываются къ горизонтальнымъ жердямъ, идущимъ отъ одного берега до другого. Между кольями плотно набивается фашинникъ, и „езъ" готовъ. Это настоящая запруда, сильно задерживающая теченіе воды. Чтобы напоръ воды не опрокинулъ „еза", его укрѣпляютъ противъ теченія подпорками изъ крѣпкихъ бревенъ. Въ продѣланныя отверстія еза вставляются коши, жаки, венцера и т. п. рыболовные снаряды. Кромѣ прямого назначенія—ловли рыбы—езы служатъ мостиками для перехода черезъ рѣчки. Мѣстные жители обоего пола, всѣхъ возрастовъ, осторожно ступая на жердь или фашинникъ и ловко цѣпляясь обѣими руками за полусгнившіе колья, словно пауки за паутину, быстро перебираются черезъ рѣчки; иногда они совершаютъ такой переходъ даже съ тяжелой ношей за плечами. Жутко смотрѣть, когда иная женщина, съ положеннымъ въ колыбель за плечами груднымъ ребенкомъ,

идетъ по такому мосту. Подъ ногами шумитъ и клокочетъ вода, езъ шатается, колья трещатъ, а мать съ какимъ-то окаменѣлымъ, безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ медленно и плавно подвигается впередъ, продѣлывая руками какіе-то магическіе пассы. Страшно. Невольно думается, что вотъ-вотъ одинъ невѣрный шагъ, или неловкое движеніе руки и несчастная женщина вмѣстѣ съ ребенкомъ ринется въ омутъ. Дѣйствительно, несчастные случаи здѣсь нерѣдки. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на Полѣсье, кажется въ 1894 году, въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одна женщина свалилась съ еза вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ; къ счастью быстрымъ теченіемъ ее отнесло къ торчащему изъ воды колу изъ стараго езовища. Бѣдняжка около часа держалась на водѣ, ухватившись одной рукой за колъ, а другой поддерживая ребенка, пока случайные рыбаки подоспѣли на помощь. Мощный напоръ воды довольно часто опрокидываетъ такіе езы. Для исправленія разрушеннаго еза и для возведенія новаго сплошь и рядомъ созывается талака, такъ какъ одна семья не можетъ справиться съ теченіемъ рѣки. Но особенно характерна талака, имѣющая цѣлью оказать помощь хозяину, пострадавшему отъ пожара или наводненія, когда требуется возвести новыя жилыя или служебныя постройки. Въ такихъ случаяхъ на талаку являются всѣ, кто чѣмъ можетъ оказать помощь: мужчины— одни пѣшіе съ топорами, пилами и другими плотничьими инструментами—другіе на лошадяхъ или волахъ для вывозки бревенъ и прочихъ строительныхъ матеріаловъ, женщины и даже подростки для копанія глины, изготовленія кирпичей, заготовки моха и т. п. Кромѣ личнаго труда нерѣдко участники талаки приносятъ съ собою по „кулю“ (снопъ) соломы или „чарату́“ (болотное растеніе изъ породы тростника или камыша), по нѣскольку кирпичей или другихъ строительныхъ матеріаловъ. Тутъ нѣкоторые, кромѣ физическаго труда, оказываютъ помощь своими строительными способностями и указаніями. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, когда на талаку собирается вся деревня, не можетъ быть и рѣчи объ угощеніи въ томъ или иномъ видѣ. Вечеромъ или по окончаніи работъ хозяинъ благодаритъ принявшихъ участіе въ талакѣ, говоря: „дзя́куй вамъ! нехай вамъ Буогъ заплациць за турба́цу!“ Этимъ и оканчивается талака. Бываютъ случаи, когда талака служитъ своего рода спортомъ. Тутъ собираются лучшіе работники или работницы и устраиваютъ своеобразныя состязанія въ ловкости и умѣніи трудиться. Конечно, такія состязанія могутъ быть

при разныхъ видахъ работъ, когда собирается много рабочихъ и есть предъ кѣмъ щегольнуть ловкостью или похвастать силой и умѣніемъ. На талакѣ какъ нельзя болѣе состязанія достигаютъ своей цѣли, а потому чаще практикуются. Вотъ, почему-либо, приглашаютъ на талаку для кошенія травы. Косцы берутъ лучшія косы, долго клеплютъ ихъ и оттачиваютъ, а потомъ принимаются за косьбу въ перегонку. Сначала косцы выступаютъ стройной шеренгой и быстро подвигаются впередъ по діагонали. Скоро нѣкоторые изъ нихъ уходятъ впередъ, другіе же, обкошенные противниками, выбиваются изъ строя и занимаютъ мѣсто на правомъ флангѣ. Весело сверкаютъ на солнцѣ длинныя косы, трава ложится, словно по мановенію волшебнаго жезла, работа кипитъ, раздаются бодрящіе возгласы, крики одобренія и насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу отставшихъ. Все это вызываетъ шутки, прибаутки, смѣхъ и создаетъ такое веселое, бодрое настроеніе, при которомъ продуктивность работы сильно повышается. Подобныя состязанія въ работѣ устраиваются и женщинами во время жатвы талакою. Тутъ нѣкоторыя, особенно взрослыя дѣвицы—невѣсты напрягаютъ всѣ усилья, чтобы заявить предъ міромъ о своей ловкости и трудоспособности. И слѣдуетъ замѣтить, что судьба бѣлорусской дѣвушки въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ того успѣха въ работѣ, какимъ она (дѣвушка) заявила себя во время талакъ. Аналогичныя состязанія ведутся при разнообразныхъ работахъ, которыя производятся талакою. Эти состязанія съ одной стороны возбуждаютъ бодрость и стараніе при безплатныхъ работахъ и тѣмъ увеличиваютъ продуктивность труда, съ другой стороны понуждаютъ лѣнивыхъ и пріучаютъ ихъ добросовѣстно относиться ко всякому дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ состязанія принимаютъ довольно уродливыя и даже опасныя формы. Такъ, напримѣръ, иногда поднимаются споры о томъ, кто изъ присутствующихъ сильнѣе. Споры оканчиваются состязаніями, которыя сплошь и рядомъ влекутъ за собою несчастные случаи: одинъ подниметъ чрезмѣрную тяжесть и тѣмъ разстроитъ свое здоровье, другой при малѣйшей неловкости подвергаетъ себя большой опасности и т. п. Тутъ обыкновенно присутствующіе устраиваютъ пари: кто побѣдитъ, тотъ получаетъ призъ, а кто останется побѣжденнымъ, тотъ платитъ этотъ призъ или угощаетъ всю компанію водкой. Въ с. Комаровичахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи жилъ лично мнѣ извѣстный плотникъ—бочаръ, котораго называли Янкомъ Бондаромъ. Онъ отличался такою ловкостью, что много

новый, хотя и неважный, халатъ и другіе подарки,—но, главнымъ образомъ, пожалуй, то обстоятельство, что Субханъ-верди сталъ слѣпнуть и терять способность управлять сохой. А матеріаловъ, потребныхъ для „бахшы", т. е. прежде всего популярныхъ пѣсенъ разныхъ туркменскихъ поэтовъ, начиная съ Махтумъ-Кули, [1]) и пѣсенныхъ отрывковъ изъ распространенныхъ по всему мусульманскому востоку романтическихъ поэмъ въ родѣ „Іосифа и Зулейхи", „Зехра и Тагыра", затѣмъ сказокъ, анекдотовъ, пословицъ, прибаутокъ и загадокъ [2])—въ богатой памятью головѣ Субханъ-верди къ 25 лѣтамъ накопилось достаточно, несмотря на то, что онъ неграмотенъ: до чего бываетъ развита память у неграмотныхъ сказителей всѣхъ народовъ, хорошо извѣстно. Сыну грамотнаго поэта и брату грамотнаго муллы запастись всѣмъ нужнымъ для „бахшы" было еще удобнѣе.

Что касается творческаго дара Кöръ-Моллы, то онъ у него весьма и весьма скроменъ, и, не будь Субханъ-верди „терьяккешемъ", не кури онъ опіума, такъ раздражающаго фантазію человѣка,—возможно, что онъ вовсе не былъ бы и „шагыромъ". Не говоря уже о томъ, что всѣ произведенія Кöръ-Моллы—у насъ ихъ записано 17, но это не все—исключительно подражательныя,—такова вообще туркменская поэзія, какъ часть джагатайской,—и подражатель-то Кöръ-Молла далеко не выдающійся. Этимъ, однако, онъ тоже интересенъ, какъ одинъ изъ большинства, изъ средней массы туркменскихъ пѣвцовъ-импровизаторовъ.

Кöръ-Молла, собственно, не поетъ свои произведенія, а декламируетъ нараспѣвъ.

Онъ уменъ, остроуменъ, язвителенъ. Большой циникъ. Весьма неряшливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ средняго роста; выразительное лицо изрыто оспой и покрыто желтизной; лѣвый глазъ едва видитъ, а правый почти совсѣмъ уже ослѣпъ,—

---

[1]) Объ немъ см.: 1) Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, 1842 г. стр. 389—394; Березинъ, Турецкая Хрестоматія, 1857 г., т. II, вып. 1; Бакулинъ, Пѣсни у туркменъ и поэтъ ихъ Махдумъ—Кули (Изв. Кавказск. Отд. Р. И. Географич. Общ., т. I, 1872—3 гг.); Vambéry, Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. 33).

[2]) О туркменскихъ пословицахъ и поговоркахъ см.: Агабековъ, Учебникъ тюркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ закаспійской области, Асхабадъ, 1904; объ ихъ загадкахъ см.: Текинскія загадки (Туркестанскія Вѣдомости, 1906 г., № 141).—Послѣдняя замѣтка написана нами.

отсюда и прозвище „Кöръ-Колла“, „Слѣпой Мулла“ [1]). Субханъ-верди заболѣлъ глазами лѣтъ 10 тому назадъ, и ни туркменскіе знахари („табибъ“, онъ же часто и кузнецъ, „уста“), ни русскіе врачи ему, по его словамъ, не помогли, вѣрнѣе же, по нашему, что онъ, какъ терьяк-кешъ, плохо лечился.

Глазныя болѣзни, какъ извѣстно, страшно распространены среди туркменовъ, но и удачно излечиваются нашими врачами, если больные серьозно и терпѣливо относятся къ лѣченію. Среди всѣхъ закаспійскихъ туркменовъ отъ Аму-дарьи до Астрабада пользуется извѣстностью и довѣріемъ мервскій глазной докторъ Г. В. Епинатьевъ, котораго туркмены зовутъ просто „гöз-дохтóръ“...

Растительность на лицѣ Кöръ-Моллы весьма слабая. Волосы на головѣ, вопреки мусульманскому закону, запущены; въ нихъ уже проглядываетъ преждевременная сѣдина. Какъ мы замѣтили, Кöръ-Молла не носитъ, въ отличіе отъ своихъ единовѣрцевъ, тюбетейки („такъя“), а прямо мохнатую рыжую барашковую туркменскую папаху („тельпек“) [2]). Здѣсь проглядываетъ небреженіе, можетъ быть, демонстративное, обрядовой стороной своей религіи. Поверхъ грязной бѣлой рубахи и такихъ же штановъ („кöінек“ и „балак“) надѣтъ грязный, рваный, ватный халатъ („пахта-дон“), подвязанный вмѣсто кушака скрученнымъ грязнымъ ситцевымъ платкомъ („яглык“). На босыхъ въ болячкахъ ногахъ — стоптанныя туфли („коуш“). Въ рукѣ кривая палка... Такимъ мы видѣли его въ первый разъ, 3 сентября 1906 года въ агыр-башскомъ (колѣно рода бегъ отдѣла тохтамышъ) аулѣ, что въ мѣстности Перренгъ-чага, подъ самымъ Мервомъ.

Болѣе чѣмъ скромный видъ — у всѣхъ бахшы средней руки, но бѣдность Кöръ-Моллы — отъ его страсти къ опіуму. На это зелье идутъ всѣ его заработки и деньгами, и вещами, — все, что ему перепадаетъ въ чай-ханахъ и вертепахъ Мерва и на „той'

---

[1]) Если имя Молла указываетъ на духовный санъ, то ставится въ началѣ полнаго имени лица, напримѣръ, Молла — Сабиръ, а если это имя является только прозвищемъ, даннымъ не духовному лицу, то оно ставится въ концѣ полнаго имени лица, напр., Кöръ — Молла. Надо еще замѣтить, что у туркменовъ, собственная школа которыхъ (мектебъ, медресе) — чисто духовнаго направленія, всякій грамотный является уже и моллой, а отсюда и двойное значеніе слова молла: „духовное лицо“ и „грамотный человѣкъ“.

[2]) Тельпеки бываютъ разныхъ цвѣтовъ: черные, бѣлые, рыжіе. Есть разница въ формѣ тельпековъ мервскаго и ахальскаго: послѣдній выше. Намъ объясняли, что мода носить высокія папахи перенята ахальцами у милиціонеровъ туркменскаго дивизіона, а послѣдніе подражаютъ нашимъ казакамъ.

яхъ", т. е. народныхъ торжествахъ въ аулахъ. Оттого у него и болѣзненный, нервный видъ. Онъ не сидитъ спокойно: если онъ не въ терьякъ-ханэ, то во рту у него все-же шарики опіума и зеленый жевательный табакъ („нас"); лицо подергиваетъ, руки постоянно въ движеніи, — то онъ чешется, то что-нибудь крутитъ между пальцами. Душа его часто вступаетъ въ бесѣду съ Богомъ, ибо онъ всегда болѣе чѣмъ сытъ. Онъ безустали плюется зеленой отъ жевательнаго табаку слюной и тѣмъ дѣлаетъ свое присутствіе въ кибиткѣ („öi") или саклѣ („там") крайне стѣснительнымъ для ихъ хозяевъ...

Несчастный видъ поэта и умное выраженіе его лица (вѣдь не одни глаза могутъ придавать лицу то или другое выраженіе!) побудили насъ спросить его: пріятна ли, по его мнѣнію, человѣческая жизнь? на что онъ отвѣтилъ стереотипной мусульманской фразой: „бу дӯньö бивепа! Бакы дӯньö — о!" т. е. „эта жизнь ненадежна! Вѣчна жизнь — та!". И при этомъ онъ показалъ рукой на небо. Мы дальше спросили, доволенъ ли онъ все-таки *своей* жизнью, а онъ отвѣтилъ: „Если я и недоволенъ буду, то что смогу подѣлать?! Я не могу не быть довольнымъ Божьимъ предопредѣленіемъ, текдир'омъ!"...

До насъ никто не записывалъ произведеній Кöръ-Моллы. Не только для того, чтобы побольше отъ него „выудить", но и искренне подъ первымъ впечатлѣніемъ желая прочной памяти его не столь ужъ въ сущности цѣннымъ для широкой публики пѣснямъ,—мы сказали Кöръ-Моллѣ, что ему слѣдовало бы давать ихъ записывать, а то онѣ умрутъ вмѣстѣ съ его смертью, — но онъ въ отвѣтъ промолвилъ: „а ну ихъ къ чорту!" — „Какой симпатичный философъ", подумали мы тогда, впослѣдствіи же намъ пришлось разочароваться: диктуя свои произведенія, поэтъ настойчиво требовалъ, чтобы передъ каждой пѣсней отмѣчалось: „газаль-и-Кöръ-Молла", или „пѣсня Кöръ-Моллы". Непріятное впечатлѣніе невольно создавалось отъ разлада между возвышеннымъ, мистическимъ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ исполнявшихся имъ пѣсенъ и той грубой прозой, которой онѣ прерывались и сопутствовались: жеванье табаку, плеванье, почесыванье, отрыжка, циничная ругань, если забудется стихъ... Не хотѣлъ ли поэтъ такимъ поведеніемъ показать неуваженіе, презрѣніе къ этому обманчивому міру, приходило намъ на мысль и мы вспоминали при этомъ, какъ на старомъ Аѳонѣ, въ 1900 году, монахи наивно-искренне разсказывали намъ про *одного подвижника*: „вотъ какимъ униженіямъ подвергалъ себя *этотъ святой человѣкъ* въ сей жизни, чтобы быть вознесеннымъ

въ жизни будущей: онъ напивался допьяна, валялся по землѣ и ругался скверными словами на глазахъ у всей братіи!“...

Спеціальность Кӧръ-Моллы, какъ поэта — пѣсни хвалебныя, панегирики и хулительныя, сатиры. Онъ восхваляетъ народныхъ героевъ ближайшаго прошлаго и народныхъ благодѣтелей современности, въ чемъ сказывается, между прочимъ, его туркменскій патріотизмъ; онъ поетъ хвалу тѣмъ, кто дѣлаетъ ему подношенія; онъ прославляетъ знаменитыхъ коней, столь любимыхъ туркменами, — побѣдителей на скачкахъ; чай — этого неизмѣннаго спутника туркменскаго кейфа; мальчиковъ-бачей, которыми соблазняютъ городскіе притоны наименѣе стойкихъ изъ чистыхъ еще душой сыновъ степей. Хулу свою Кӧръ-Молла направляетъ на невѣрныхъ, или на тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые жестоко обращаются со своей меньшой братіей, или же, наконецъ, на тѣхъ, кто просто не угодилъ поэту.

Постояннаго пристанища Кӧръ-Молла не имѣетъ. Если онъ не въ аулахъ, гдѣ какое-нибудь торжество, то въ городѣ Мервѣ, — на базарѣ, въ чайныхъ, въ притонахъ. И для каждаго мѣста и случая у него имѣется подходящій жанръ. Для вертеповъ — порнографическій, въ смѣшанномъ, восточно-европейскомъ духѣ, какъ и должно быть въ полувосточныхъ, полуевропейскихъ городахъ Туркестана. Цинизмъ Кӧръ-Моллы, его распущенность, его босячество пожалуй, главное его отличіе. Въ остальномъ, какъ мы замѣтили, онъ является довольно типичнымъ туркменскимъ пѣвцомъ — импровизаторомъ средней руки[1]).

II.

Первая пѣсня, которую исполнилъ для насъ Кӧръ-Молла, была „Пѣснь о Коушутъ-ханѣ“. Въ коротенькомъ прозаическомъ предисловіи къ этой пѣснѣ поэтъ выразился о себѣ такъ: „чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти (Коушутъ-хана) объявился нѣкій поэтъ, очень-то отъ Бога не кормящійся, народомъ питаемый, — по имени Кӧръ-Молла“. Пѣсня эта воспѣваетъ двухъ текинскихъ героевъ второй половины XIX вѣка, Коушутъ-хана и его спод-

---

[1]) Не беремся судить, поскольку на Кӧръ-Моллѣ сказалось вліяніе средне-азіатскаго монашества, „дервишей“. Яркимъ полулегендарнымъ типомъ такого средне-азіатскаго „святого отца“, память котораго весьма чтится населеніемъ, является Мешребъ. Съ его оригинальными своей нескромностью подвигами можно познакомиться по статьямъ: Н. С. Лыкошина, Диван-и-Машрабъ (Туркест. Вѣдомости за 1901—1902 г.г.) и М. Гартмана, „Meŝrelb, der *weise Narr und* fromme Ketzer. Ein zentralasiatisches Volksbuch“ (*Der islamische Orient*, Band I, Berlin, 1905).

вижника Аманъ-Сахатъ-сердара, прославившихся войнами съ персами (особенно 1860 года подъ Мервомъ) и хивинцами (особенно 1855 года подъ Серахсомъ, гдѣ тогда погибъ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ) [1].

Какъ извѣстно, во всей Закаспійской области и въ частности въ Мервскомъ оазисѣ вопросъ о водѣ является самымъ насущнымъ, первостепеннымъ вопросомъ; какъ-бы хороша ни была земля, а если ее нечѣмъ оросить,—она не имѣетъ никакой цѣны для тѣхъ изъ туркменовъ, которые существуютъ земледѣліемъ, а таковыхъ въ 1900 г. было уже 80% [2]. И потому вполнѣ естественно, что вода, равно какъ и лица, близко стоящіе къ дѣлу орошенія, играютъ видную роль и въ поэзіи Кöръ-Моллы. Нами записано двѣ пѣсни, восхваляющихъ тохтамышскаго „пенджуара", или надсмотрщика за Коушутбендской плотиной на Мургабѣ, Гарры-бега, сына еще здравствующаго „пенджуара" временъ самого Коушутъ-хана, Рамазанъ-хана. Одна пѣсня посвящена Гарры-Кызыль-пенджуару, двѣ пѣсни—прорыву и возстановленію Коушутъ-ханъ-бенда; въ первой изъ двухъ послѣднихъ пѣсенъ порицается жестокость „старшины и пенджуара" Куль-хана и русскаго техника (сехникъ-баяръ), безпощадно каравшихъ нерадивыхъ работниковъ.

Въ остальныхъ изъ записанныхъ нами пѣсенъ воспѣваются: Юсупъ-ханъ, сынъ знаменитыхъ супруговъ Нур-берди-хана и Гуль-Джамаль [3]; Гарры-ханъ, сынъ Юсупъ-хана; Мел'атъ,

---

[1]) Данныя по новѣйшей мервской исторіи см.: Алихановъ, „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему". СПБ. 1883 г.; Алихановъ-Аварскій (тотъ-же авторъ), „Закаспійскія Воспоминанія (Вѣстникъ Европы, томъ V, 1904 г.): O'Donovan, The Merv oasis, т. II, гл. XXXIX; Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, СПБ. 1903 г. стр. 32.

[2]) Ѳ. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь, Асхабадъ, 1900 г., стр. 60. Съ земле-водопользованіемъ туркменовъ можно познакомится по трудамъ: Матеріалы по землеводопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Д. И. Суботича, Асхабадъ, 1903; Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собр. Я. Таировымъ, Спб. 1904.

[3]) Французскій профессоръ Cahun въ своемъ интересномъ, но мало-научномъ трудѣ „Introduction à l'Histoire de l'Asie", Paris, 1896 г. пустилъ слѣдующую сплетню про эту выдающуюся туркменскую женщину: „Chez les Turcomans de l'Oxus, restés si fidèles au vieux droit coutumier, on a vu, récemment, la veuve du chef des Turcomans Tekké transmettre régulièrement ses pouvoirs territoriaux et politiques à la Russie, *par mariage* (курсивъ нашъ!) *avec le colonel russe Ali-Khanoff*, sans qu'aucun de ses sujets ait soulevé motif *d'opposition*" (*стр. 65*). Источники не указаны! См. собственныя показанія *одной изъ жертвъ* этой сплетни въ цитованныхъ выше „Закаспійскихъ *воспоминаніяхъ*".

скаковый конь ахальца Аширъ-Кечэ; неизвѣстная красавица, которая въ слѣдующей пѣснѣ уже поносится, на чемъ свѣтъ стоитъ, ибо чѣмъ-то прогнѣвила поэта; чай и, наконецъ, мальчики-бача. Двѣ пѣсни являются подражаніемъ мистическимъ стихотвореніямъ Махтумъ-Кули.

Пѣсня, которую намъ сообщилъ Кӧръ-Молла не безъ колебаній, и которую мы ниже приводимъ въ переводѣ, называется „Пѣсня о русскихъ". Она сочинена въ архи-турецкой формѣ 11-слоговыхъ четверостишій, приспособленныхъ къ арабско-персидской формѣ „муребба" [1]), числомъ 12; совершенно лишена поэтическихъ достоинствъ; построена довольно нескладно, неискусно; не вездѣ легко понимается какъ потому, что изъ-за стиха поэтъ не всегда ясно выражаетъ свою мысль, такъ и потому, что поэтъ высказывается больше намеками; но при всемъ томъ пѣснь эта весьма интересна по содержанію.

Подъ идолами II четверостишія разумѣются иконы. Ушастыя собаки того-же четверостишія — диковинка для туркменовъ, имѣющихъ обыкновеніе подобно нашимъ крестьянамъ обрубать уши у своихъ собакъ. Хотя и у туркменовъ, плохихъ мусульманъ, положеніе женщины не такъ низко, какъ у другихъ ихъ единовѣрцевъ [2]), но все-таки русскіе на ихъ взглядъ слишкомъ ужъ много даютъ воли своему слабому полу, на что намекаетъ 3-й стихъ все того-же II четверостишія. Насчетъ „водки—вина" IV четверостишія справедливость требуетъ замѣтить, что и до прихода „невѣрныхъ" „правовѣрные" туркмены не всѣ были трезвенниками [3]). Стихи 1—3 четверостишія V заимствованы у Махтумъ-Кули. Данныя о неоконченной крѣпости Коушутъ-

---

[1]) Несовершенство формы этой пѣсни состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что не выдержано единства рифмы 4-аго стиха всѣхъ 12 четверостишій, какъ это полагается въ „муребба".

[2]) См. цитованную выше брошюру Михайлова, стр. 51.

[3]) „O'Donovan, The Merv oasis", t. II, стр. 130: „Opium smoking and arrack drinking are the common and wide-spread vices. In fact, the Mervli are Mussulmans in very little more than name". Шинкарями въ свободномъ Мервѣ были евреи. Посудой при Донованѣ служили бутылки изъ-подъ содовой воды съ русскими ярлыками. Бутылки попадали въ Мервъ изъ Хивы и Бухары, а водка дѣлалась на мѣстѣ евреемъ по имени Matthi (стр. 285). Прошлое—на отвѣтственности отважнаго англичанина, нынѣ-же пьянство среди туркменовъ мы наблюдали только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, только какъ исключеніе. Какъ всюду въ средней Азіи, и у туркменовъ съ приходомъ русскихъ мусульманство сдѣлало, повидимому, замѣтные успѣхи. Это хорошо, поскольку отъ этого становится лучше народъ, и это плохо, поскольку съ успѣхами правовѣрія растетъ темное вліяніе своекорыстнаго духовенства.

вижника Аманъ-Сахатъ-сердара, прославившихся войнами съ персами (особенно 1860 года подъ Мервомъ) и хивинцами (особенно 1855 года подъ Серахсомъ, гдѣ тогда погибъ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ) [1]).

Какъ извѣстно, во всей Закаспійской области и въ частности въ Мервскомъ оазисѣ вопросъ о водѣ является самымъ насущнымъ, первостепеннымъ вопросомъ; какъ-бы хороша ни была земля, а если ее нечѣмъ оросить,—она не имѣетъ никакой цѣны для тѣхъ изъ туркменовъ, которые существуютъ земледѣліемъ, а таковыхъ въ 1900 г. было уже 80% [2]). И потому вполнѣ естественно, что вода, равно какъ и лица, близко стоящіе къ дѣлу орошенія, играютъ видную роль и въ поэзіи Кöръ-Моллы. Нами записано двѣ пѣсни, восхваляющихъ тохтамышскаго „пенджуара", или надсмотрщика за Коушутбендской плотиной на Мургабѣ, Гарры-бега, сына еще здравствующаго „пенджуара" временъ самого Коушутъ-хана, Рамазанъ-хана. Одна пѣсня посвящена Гарры-Кызыль-пенджуару, двѣ пѣсни—прорыву и возстановленію Коушутъ-ханъ-бенда; въ первой изъ двухъ послѣднихъ пѣсенъ порицается жестокость „старшины и пенджуара" Куль-хана и русскаго техника (сехникъ-баяръ), безпощадно каравшихъ нерадивыхъ работниковъ.

Въ остальныхъ изъ записанныхъ нами пѣсенъ воспѣваются: Юсупъ-ханъ, сынъ знаменитыхъ супруговъ Нур-берди-хана и Гуль-Джамаль [3]); Гарры-ханъ, сынъ Юсупъ-хана; Мел'атъ,

---

[1]) Данныя по новѣйшей мервской исторіи см.: Алихановъ, „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему". СПБ. 1883 г.; Алихановъ-Аварскій (тотъ-же авторъ), „Закаспійскія Воспоминанія (Вѣстникъ Европы, томъ V, 1904 г.); O'Donovan, The Merv oasis, т. II, гл. XXXIX; Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, СПБ. 1903 г. стр. 32.

[2]) Ѳ. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь, Асхабадъ, 1900 г., стр. 60. Съ земле-водопользованіемъ туркменовъ можно познакомится по трудамъ: Матеріалы по землеводопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Д. И. Суботича, Асхабадъ, 1903; Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собр. Я. Таировымъ, Спб. 1904.

[3]) Французскій профессоръ Cahun въ своемъ интересномъ, но малонаучномъ трудѣ „Introduction à l'Histoire de l'Asie", Paris, 1896 г. пустилъ слѣдующую сплетню про эту выдающуюся туркменскую женщину: „Chez les Turcomans de l'Oxus, restés si fidèles au vieux droit coutumier, on a vu, récemment, la veuve du chef des Turcomans Tekké transmettre régulièrement ses pouvoirs territoriaux et politiques à la Russie, *par mariage* (курсивъ нашъ!) *avec le colonel russe Ali-Khanoff*, sans qu'aucun de ses sujets ait soulevé motif *d'opposition*" (стр. 65). Источники не указаны! См. собственныя показанія *одной изъ жертвъ* этой сплетни въ цитованныхъ выше „Закаспійскихъ *воспоминаніяхъ*".

сκаковый конь ахальца Аширъ-Кечэ; неизвѣстная красавица, которая въ слѣдующей пѣснѣ уже поносится, на чемъ свѣтъ стоитъ, ибо чѣмъ-то прогнѣвила поэта; чай и, наконецъ, мальчики-бача. Двѣ пѣсни являются подражаніемъ мистическимъ стихотвореніямъ Махтумъ-Кули.

Пѣсня, которую намъ сообщилъ Кӧръ-Молла не безъ колебаній, и которую мы ниже приводимъ въ переводѣ, называется „Пѣсня о русскихъ". Она сочинена въ архи-турецкой формѣ 11-слоговыхъ четверостишій, приспособленныхъ къ арабско-персидской формѣ „муребба" [1]), числомъ 12; совершенно лишена поэтическихъ достоинствъ; построена довольно нескладно, неискусно; не вездѣ легко понимается какъ потому, что изъ-за стиха поэтъ не всегда ясно выражаетъ свою мысль, такъ и потому, что поэтъ высказывается больше намеками; но при всемъ томъ пѣснь эта весьма интересна по содержанію.

Подъ идолами II четверостишія разумѣются иконы. Ушастыя собаки того-же четверостишія — диковинка для туркменовъ, имѣющихъ обыкновеніе подобно нашимъ крестьянамъ обрубать уши у своихъ собакъ. Хотя и у туркменовъ, плохихъ мусульманъ, положеніе женщины не такъ низко, какъ у другихъ ихъ единовѣрцевъ [2]), но все-таки русскіе на ихъ взглядъ слишкомъ ужъ много даютъ воли своему слабому полу, на что намекаетъ 3-й стихъ все того-же II четверостишія. Насчетъ „водки—вина" IV четверостишія справедливость требуетъ замѣтить, что и до прихода „невѣрныхъ" „правовѣрные" туркмены не всѣ были трезвенниками [3]). Стихи 1—3 четверостишія V заимствованы у Махтумъ-Кули. Данныя о неоконченной крѣпости Коушутъ-

---

[1]) Несовершенство формы этой пѣсни состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что не выдержано единства рифмы 4-аго стиха всѣхъ 12 четверостишій, какъ это полагается въ „муребба".

[2]) См. цитованную выше брошюру Михайлова, стр. 51.

[3]) „O'Donovan, The Merv oasis", t. II, стр. 130: „Opium smoking and arrack drinking are the common and wide-spread vices. In fact, the Mervli are Mussulmans in very little more than name". Шинкарями въ свободномъ Мервѣ были евреи. Посудой при Донованѣ служили бутылки изъ-подъ содовой воды съ русскими ярлыками. Бутылки попадали въ Мервъ изъ Хивы и Бухары, а водка дѣлалась на мѣстѣ евреемъ по имени Matthi (стр. 285). Прошлое—на отвѣтственности отважнаго англичанина, нынѣ-же пьянство среди туркменовъ мы наблюдали только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, только какъ исключеніе. Какъ всюду въ средней Азіи, и у туркменовъ съ приходомъ русскихъ мусульманство сдѣлало, повидимому, замѣтные успѣхи. Это хорошо, поскольку отъ этого становится лучше народъ, и это плохо, поскольку съ успѣхами правовѣрія растетъ темное вліяніе своекорыстнаго духовенства.

хана (VI четверостишіе) собраны покойными О' Донованомъ и Алихановымъ-Аварскимъ [1]). Въ поясненіе 2—3 стиховъ тогоже четверостишія и 1-аго стиха X четверостишія слѣдуетъ указать, что по убѣжденію текинцевъ Коушутъ-ханъ былъ отравленъ авганско-англійскимъ шпіономъ („эмиссаромъ"), извѣстнымъ подъ именемъ „Сіяхъ-поша"; взявшись лѣчить болячку на ногѣ хана, шпіонъ впустилъ будто-бы въ тѣло хана ядъ на остріѣ хирургическаго инструмента [2]). Упоминаніе, начиная съ VI четверостишія, Коушутъ-хана, приведшаго текинцевъ въ 50-ыхъ годахъ XIX вѣка изъ Серахса въ Мервъ и бывшаго послѣднимъ выдающимся правителемъ мервскихъ текинцевъ, а также Нуръ-берди-хана (X четверостишіе), послѣдняго славнаго правителя ахальскихъ текинцевъ—оба они умерли до прихода русскихъ въ Ахалъ и Мервъ — [3]) звучитъ какъ-бы сожалѣніемъ, что ханы эти не дожили до появленія новыхъ завоевателей: только они, „опоры мусульманства" и могли-бы отстоять родину! Стихъ 3-ій VII четверостишія передаетъ поговорку, извѣстную и казакъ-киргизамъ; ее произносятъ, когда хотятъ сказать, что времена измѣнились къ худшему [4]). Та-же мысль,

---

[1]) The Merv oasis, т. II, 143; Мервскій оазисъ гл. IV, стр. 51.

[2]) О „Сіяхъ-пошѣ" см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ", стр. 89, 104, 445, 446, 451, 453, 454, 455, 456, особенно двѣ послѣднихъ страницы. Пенджуаръ, т. е. надсмотрщикъ за плотиной временъ Коушутъ-хана, Рамазанъ-ханъ (80 лѣтъ; нынѣ живетъ на покоѣ у мѣста своей былой службы, на Коушутъ-бендѣ), дѣлясь съ нами своими воспоминаніями, упомянулъ, что Коушутъ-ханъ и его современникъ Абдулла-Ишанъ (медресэ его имени находится въ аулѣ Гöкча) умерли отъ лекарствъ какого-то англичанина. Если это былъ дѣйствительно Сіяхъ-пошъ, то является вопросъ, точно-ли онъ появился въ Мервскомъ оазисѣ только въ 1882 году, какъ показываетъ Алихановъ (стр. 455)? Вѣдь Коушутъ-ханъ умеръ въ 1878 году! Мы постараемся выяснить это въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ о Мервѣ.

[3]) Коушутъ-ханъ умеръ въ 1878 г. (По Алиханову, Воспоминанія, стр. 87; по О' Доновану, Merv-oasis, II, стр. 122). Его характеристику и его заслуги см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ", стр. 87. Нуръ-берди-ханъ умеръ въ 1880 г. (по Алиханову, тамъ-же, стр. 88; по Гродекову, Война въ Туркменіи, т. I, стр. 71). Его біографію съ нѣкоторыми хронологическими опечатками см. въ названномъ сочиненіи Н. И. Гродекова, стр. 67—71.

[4]) См. Готовицкій и Пфеннигъ, „Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ" (Этнографич. Обозрѣніе, III, 73). Изъ пѣсни по умершемъ мужѣ: „Время измѣняется; ишакъ сталъ перегонять быстраго бѣгуна".—Ишакъ у туркменовъ принадлежитъ къ числу „неблагородныхъ" животныхъ, и слово ишакъ является браннымъ на ряду съ именами другихъ животныхъ: собаки (итъ), свиньи (донгузъ), верблюды (дӱö); сюда-же относятся: собачій сынъ (ит-оглы), свинячій сынъ (донгузъ-оглы). Въ ходу у туркменовъ ругань: эшек-эрмени (oселъ-армяшка), которую отмѣтилъ и О'Донованъ (цитованное сочиненіе, т. II, стр. 406).

повидимому, выражена и во 2-омъ стихѣ IX четверостишія. Въ противоположность умершимъ героямъ поэтъ невысокаго мнѣнія о своихъ современникахъ; противоположеніе это ярко резюмировано въ 1—2 стихахъ VIII четверостишія (см. также четверостишія III и IV). Красноголовыми (VIII четверостишіе) не одни только туркмены называютъ персовъ, имѣющихъ обыкновеніе, какъ извѣстно, красить себѣ волосы; своихъ южныхъ сосѣдей туркмены зовутъ еще „пюрсіанъ", „веляетъ" и просто „куль"; второй терминъ изъ трехъ послѣднихъ мы должны понимать какъ „люди, подчиненные власти" въ противоположность „туркменчликъ"—„туркменству" (равно нашему „казачеству"), т. е. людямъ ни отъ кого независимымъ, каковыми были нѣкогда сами туркмены. Третье названіе значитъ „рабъ"; оно обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что персы являлись для туркменовъ до прихода русскихъ прежде всего „живымъ товаромъ", объектомъ работорговли [1]). Стихъ 1-ый XI четверостишія, надо полагать, заключаетъ въ себѣ намекъ на побѣду Коушутъ-хана надъ персами въ 1860 г., когда дѣйствительно сильно упала цѣна на персидскихъ рабовъ,—такъ много попало ихъ тогда въ текинскій плѣнъ [2]).

---

[1]) Ср.: „Histoire générale du IV siècle à nos jours" par Lavisse et Rambeau т. I, стр. 705: такъ какъ къ IX вѣку западные славяне были порабощены германцами, то „dès 828, le mot de Slave (sclavus) est employé comme synonyme de serf". Здѣсь имя народа стало нарицательнымъ, а у туркменовъ нарицательное имя стало именемъ народа.

[2]) Закаспійскія воспоминанія, стр. 88: „Цѣна на рабовъ спала съ 300 р. на 5".

Пѣсня о русскихъ.

I. Если долго среди насъ останется эта нація,
Мало-по-малу она нашъ народъ отъ вѣры отлучитъ!
„Джиннамъ“ словно подобные, какъ свиньи...... [1])
Мало-по-малу нашъ народъ отъ вѣры отлучатъ!
II. Бога они не вѣдаютъ, идоловъ признаютъ!
При себѣ ушастыхъ собакъ допускаютъ!
У самихъ воли нѣтъ,—женщинъ признаютъ!..
Отъ старѣйшихъ, отъ святыхъ они (насъ) отлучатъ!
III. Нѣкоторые (изъ нашихъ) спѣсивятся, медали навѣсивъ, —
Половина ихъ весьма легки, что ихъ накалываютъ!
Нѣкоторые (изъ нашихъ) отъ вѣры отступаютъ, предъ идолами преклоняясь...
Насъ ото всѣхъ мусульманъ отлучатъ!
IV. Половина (нашихъ) собственный стыдъ теряютъ,
Половина отъ сладостной души отказываются,
Неправду говорятъ, „водку-вино“ пьютъ!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!
V. Богатство фальшиво у скупыхъ богачей!..
Глаза нищаго не насытятся, сколько онъ ни броди по народу!..
Пока не умрешь, неси службу Богу!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!
VI. Неоконченной осталась Коушутъ-ханова крѣпость...
Самъ онъ ушелъ, постигла его черная бѣда,—
Что на остріѣ иглы Сіяхъ-пошевой—пуля!
VII. Нѣсколько лѣтъ воевали (русскіе), взяли Ахалъ.
Коушутъ-хану не суждено было удержать невѣрныхъ!..
„Оселъ сталъ дороже лошади“!
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!
VIII. Взяточники для собственной особы (чужой) халатъ стаскивали,
А тотъ Коушутъ-ханъ изъ-за вѣры исламской душой болѣлъ.

---

[1]) Вотъ какъ нѣкогда, по словамъ генерала Гродекова, представляли себѣ туркмены русскихъ: „Брака у русскихъ нѣтъ, также какъ нѣтъ и семьи. Солдатъ разводятъ табунами женщинъ, въ которые пускается нѣсколько рослыхъ, сильныхъ и храбрыхъ мужчинъ. Остальные же мужчины, входя къ какой-нибудь женщинѣ, должны передъ входомъ втыкать палку и вѣшать на нее шапку, чѣмъ и даютъ знать другимъ, что мѣсто уже занято“. (*Война въ* Туркменіи, т. I, стр. 86).

До прихода русскихъ—„красноголовыхъ“ много онъ (на себѣ) перенесъ!
Еще Коушутъ-ханъ придетъ, друзья!..
IX. Вслѣдъ за Ахаломъ взяли (русскіе) Мервъ,
За наши веревки для жеребятъ привязалиословъ своихъ!..
Никто не займетъ Коушунъ-ханово мѣсто!
Еще Коушунъ-ханъ придетъ, друзья!
X. У Коушунъ-хана на ногѣ появилась болячка...
Столько лѣтъ онъ, какъ перомъ писалъ, рѣзалъ невѣрныхъ!..
Народа предводитель, о, Нуръ-берди!..
Еще Коушутъ-ханъ придетъ, друзья!
XI. Подешевѣла цѣна на „красноголовыхъ“...
Ахальскую крѣпость наполняетъ пушечный дымъ...
Тѣ два хана—столпы мусульманства!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!
XII. Чѣмъ дальше, все увеличиваются мученія Кӧръ-моллы!
Не можетъ быть для невѣрныхъ пріятной жизни!
Когда они отправятся (на тотъ свѣтъ), разверзнутся (предъ ними) адовы врата!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!..

Для предупрежденія разныхъ кривотолковъ мы считаемъ своимъ долгомъ подчеркнуть въ заключеніе широко и твердо господствующій среди туркменовъ взглядъ на новую стадію ихъ исторіи, положившую начало кореннымъ измѣненіямъ въ ихъ быту. Разумно перешагивая чрезъ немалочисленные недочеты закаспійской современности, туркмены искренне заявляютъ: „однимъ отживающимъ свой вѣкъ старикамъ, бредящимъ еще былой бездѣятельной свободой и былыми быстро обогащавшими разбоями—аламанами, (да лицемѣрнымъ ханжамъ, прибавимъ мы отъ себя) не въ моготу помириться съ новой жизнью, которая требуетъ постояннаго, мирнаго труда и которая только за такой трудъ вознаграждаетъ“.

Туркмены несомнѣнно приспособились къ новой жизни, имѣютъ свѣтлое будущее и, можно надѣяться, не дадутъ сбыться мрачнымъ пророчествамъ, нѣкогда про нихъ пущеннымъ въ обращеніе [1]).

А. С—чъ.

---

[1]) „Война въ Туркменіи“, т. I, стр. 87. Иначе: Михайловъ, Туземцы Закаспійской области, стр. 78—79.

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

(Продолженіе).

Б. Менерикъ.

Разряженіе безъ отношенія къ обществу людей. Нѣтъ опредѣленнаго объекта, нарушающаго психическое равновѣсіе.

1. Эрюка Антипина самый сильный Омерякъ [1]) двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго.

Родилась она въ шаманствѣ, дѣвочкой 6—10 лѣтъ ее окрестили. Она—человѣкъ двухъ вѣръ. Православіе преобладаетъ надъ шаманствомъ, „наслежныя" родовыя традиціи—надъ закономъ государственнаго строя.

Женщина очень разсудительная... Любитъ вспоминать старину... Охраняетъ тщательно культъ „наслега".

„Рыбу свѣжаго промысла нельзя варить съ солью".

„Нельзя, нехорошо топить камелекъ березовыми дровами: не будетъ промысла... Эрюкѣ представляется голодъ всего народа. Нѣтъ промысла,—русскіе варятъ рыбу съ солью и топятъ березою...

Она посылаетъ своихъ взрослыхъ внучекъ шпіонить за русскими.

Ко мнѣ на Родчево пріѣхалъ товарищъ Шоргородскій въ 1891—92 году. Онъ думалъ заняться земледѣліемъ. Садилъ капусту, бураки, картошку, сѣялъ другую огородину; немного ржи и ячменю.

За нимъ-то и шпіонила Эрюка... Якуты скоро увидали, что я соблюдаю ихъ интересъ и не варю рыбы съ солью. Я жилъ около года „дюкакомъ", т.-е. постояльцемъ. Пользовался орономъ... Все дѣлалъ на глазахъ якутовъ. Шоргородскій жилъ отдѣльно.. Якуты видѣли, что онъ носитъ березу на дрова...

На его грядахъ начали появляться кости рыбы и птицъ. Это Эрюка хотѣла показать землѣ, что якуты не оскорбляютъ

---

[1]) У якутовъ нерѣдко мӓнӓрік и ӧмӱрӓх совмѣщаются въ одномъ лицѣ. *Ред.*

ея насиліемъ, не будутъ хлѣборобами. Она костями, остатками своей обычной пищи, какъ бы закрывала желаніе русскаго измѣнить родъ пищи и перейти на такой, при которомъ уже можно обойтись безъ рыбы и птицъ—этого дара земли и воды.

Русскій Богъ любитъ хлѣбъ, якутскій—рыбу и мясо. Русскій Богъ—сильнѣе, онъ нужнѣе послѣ смерти; якутскій—нуженъ здѣсь, на землѣ.. Надо уважать обоихъ—рѣшаетъ разсудительная якутка.

Она инстинктивно чувствуетъ, что „русскій Богъ" станетъ между человѣкомъ и обществомъ, научитъ людей лицемѣрію, разрушитъ культъ наслега съ его дѣвственной вѣрой во взаимную помощь другъ другу. Нужность человѣка въ человѣкѣ замѣнится нужностью Бога для человѣка.

Тяжело на душѣ Эрюки. Эрюка задумывается иногда;ходитъ грустная со своею любимою внучкою, 4-хлѣтней Джекджей, вокругъ огорода, этой угрозы якутскаго благополучія...

Былъ прежде одинъ русскій; жилъ смирно, соблюдалъ наши обычаи.. У него было ухо, былъ ящикъ. Потомъ пріѣхалъ другой; этотъ ѣстъ нашу пищу, не вредитъ намъ и нашимъ промысламъ... Теперь пріѣхалъ третій. Онъ варитъ рыбу съ солью, топитъ камелекъ березою, не выгребаетъ березовыхъ углей и золы, на березѣ варитъ рыбу новаго промысла... Онъ ломаетъ наслегъ...

Лѣтній вечеръ. Сидитъ Эрюка, задумчивая, на скамейкѣ въ юртѣ. Дверь изъ шкуры немного приподнята. Тлѣетъ, дымитъ сухой навозъ коровій снаружи у порога юрты... Струи дыма тянутся около щели приподнятой покрышки-двери, не пускаютъ въ юрту комаровъ...

Около нея вертится ея любимица—младшая внучка Джекджа...

Безучастно смотритъ Эрюка на все окружающее, безсознательно любящей рукой гладитъ грязную со спутанными волосиками головку бойкой востроглазой дѣвчурки...

Ее гнететъ наступающая бѣда; бѣда идетъ, она давитъ ее. Нужно быть сильнымъ богатыремъ. Сильные богатыри борются съ духами. Да они сами—духи, сильные большіе духи!

Эрюка привскакиваетъ на скамейкѣ. Она чувствуетъ въ себѣ силу... Она—сильный богатырь... Она—духъ.

Теперь она не слабая старуха Эрюка... Мужественнымъ голосомъ, речитативомъ поетъ она. Въ этой пѣснѣ-рѣчи она изливаетъ свою душу. Ея мотивъ и слова—мотивъ и слова изъ якутскихъ былинъ вперемежку со злобою настоящаго дня, съ предсказаніями, иногда, будущаго... Она излагаетъ, что она чувствуетъ, чѣмъ она стала. Она—духъ умершаго родственника или *знакомаго, предсказываетъ* чью-либо смертъ или выздоро-

вленіе, удачу или неудачу промысла. Говоритъ о болѣзни скота, о неурожаѣ или урожаѣ сѣна.

Эрюка во время своего психическаго разряженія то садится на скамью, то вскакиваетъ; машетъ руками.

Ея блуждающій духъ можетъ совершенно уйти... Нужно закрыть плотно двери, занавѣсить окна.

Во время психическаго разряженія присутствующіе якуты сидятъ смирно. Собакъ выгоняютъ изъ юрты; лай собаки можетъ прекратить психическое разряженіе...

Послѣ непрерваннаго психическаго разряженія, субъектъ разряженія чувствуетъ усталость и душевное облегченіе.

2. Марфа Малая очень хочетъ имѣть дѣтей... Она три раза была беременна: разъ былъ выкидышъ, разъ ребенокъ умеръ въ день рожденія, а послѣдній умеръ черезъ три-четыре дня послѣ рожденія... Она менерячитъ три-четыре раза въ годъ... Видъ чужихъ дѣтей, особенно моихъ, вызываетъ у нея иногда, когда организмъ подавленъ, слёзы... Она плачетъ о своемъ горѣ:

— „У всѣхъ есть дѣти, у меня нѣтъ. Богъ далъ тебѣ близнецовъ... Ты—старикъ и твоя жена—старуха... У меня нѣтъ ни одного, мой мужъ молодъ“...

Слёзы текутъ изъ глазъ бѣдной женщины... Свое желаніе имѣть дѣтей наши старыя дѣвы разряжаютъ въ кошкахъ и собакахъ. Такого суррогата образная культура непосредственныхъ чувствъ не можетъ терпѣть... Женщинѣ-якуткѣ собачки и котята не могутъ замѣнить ребенка, не могутъ наполнить пустоту ея материнскаго чувства... Взять ребенка въ пріемыши для колымской матери-якутки почти невозможно... Это можетъ удасться только богатому человѣку. Чувство матери можетъ побѣдить нужда, соединенная съ корыстью. Одной нуждѣ не побѣдить ея. Только плохая мать рѣшится разстаться съ своимъ ребенкомъ. Горе Марфы—безъ исхода, безъ надежды на исходъ. Это горе стоитъ передъ нею постоянно. Психическое напряженіе, вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія, накопляется. Психическій зарядъ настолько силенъ, наконецъ, что нуженъ незначительный толчокъ—и разряженіе готово. Такихъ фактовъ всегда много даетъ жизнь. Мужъ ея, Данила, уѣхалъ отбывать натуральную повинность. Марфа видитъ пустое мѣсто около себя. Она не чувствуетъ около себя теплаго тѣла. Предъ ней картина сна ея сосѣдокъ. Обнаженныя тѣла маленькихъ якутятъ прижались къ обнаженному теплому тѣлу матери, взаимное прикосновеніе согрѣваетъ физически, согрѣваетъ психически и мать и дѣтей. *Она—бездѣтная* и одинокая, одна. Одна, и нѣтъ надежды когда-*либо чувствовать* пріятную теплоту и ароматъ нѣжнаго дѣтскаго

тѣла... Психическій зарядъ накопился, эта мысль является запаломъ, Марфа разряжается, она менерячитъ...

Марфа—омерякъ средней величины, даже ниже средняго. Она только вздрагиваетъ, произноситъ обычное слово, рѣдко повторитъ слово человѣка. Заставить её повторить дѣйствіе невозможно...

„Э! Э! Э!.. Оставь, оставь, не хочу!"—говорятъ въ такихъ случаяхъ слабые омеряки. Этими словами, самими имй сказанными, они побѣждаютъ въ себѣ желаніе повторить слово, повторить дѣйствіе, поддаться внушенію...

3. Афанасій Сивцевъ, братъ Марфы Малой, хочетъ обзавестись семьей. Онъ ищетъ любящей дѣвушки,—дѣвушки, въ любви которой онъ былъ бы увѣренъ... Его требованія идутъ въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями якутовъ о половыхъ отношеніяхъ.

— „Это—такъ, я его не любила, тебя люблю" — говоритъ якутка человѣку, котораго она дѣйствительно любитъ, т.-е. съ которымъ рѣшила соединить свою судьбу,—говоритъ про того, отъ кого у нея есть дѣти, или про того, съ кѣмъ не разъ ей случалось спать и кто давалъ ей подарки.

„Это—такъ", не любовь, а временное увлеченіе физіологической потребностью не связанныхъ никакими обязательствами лицъ,—иногда и связанныхъ, замужнихъ, но—въ крайнемъ случаѣ, у представителей свободы любви. Послѣднее проявленіе свободы любви считается предосудительнымъ и осуждается общественнымъ мнѣніемъ,—правда, не особенно строгимъ къ подобнаго рода случаямъ.

Афанасій Сивцевъ — хорошій плотникъ, трудоспособный, усидчивый. Готовъ безвозмездно оказать каждому помощь своимъ трудомъ. Онъ человѣкъ душевный, ищетъ теплоты въ человѣческихъ отношеніяхъ.. Прежде онъ менерячилъ очень рѣдко—разъ или два.

Какими предшествующими условіями сопровождалось психическое разряженіе—не знаю... Въ мою бытность на урочищѣ Родчево съ 1890 г. по 1904 годъ, Афанасій „шаманилъ" по просьбѣ близкихъ людей, чтобы излѣчить отъ болѣзни. Онъ могъ вызвать у себя нервное разряженіе, накопивъ психическій зарядъ по заказу въ теченіе нѣкотораго времени, дня за три-четыре.

— Афанасій, я больна — скажетъ ему женщина, которая надѣется на то, что онъ не откажетъ—помоги мнѣ...

— Ладно!—отвѣтитъ Афанасій, продолжая работу и осматривая её со всѣхъ сторонъ.

Онъ будетъ работать и думать объ обратившейся къ нему женщинѣ. Если онъ къ ней расположенъ, если онъ её считаетъ почему-либо заслуживающею уваженія, онъ будетъ ду-

мать объ ней долго, думать постояно, съ желаніемъ помочь ей. Это желаніе помочь будетъ рисовать разныя картины изъ ея жизни, изъ жизни давняго, имъ слышаннаго.. Останавливаясь постоянно и упорно на желаніи помочь, онъ, наконецъ, накопитъ достаточно психическихъ силъ сильнаго заряда. Разрядъ безсознательный, сильный направитъ онъ въ сторону больной, въ сторону изысканія средствъ къ возможному выздоровленію. Наконецъ, „Афанасій шаманитъ для Хоспохъ" — говорятъ якуты..—Онъ не настоящій шаманъ; если захочетъ, шаманитъ хорошо, т.-е. поможетъ.

Сила психическаго разряда близкаго человѣка помогаетъ присутствующей больной... Онъ укажетъ какое-либо средство изъ практики давняго прошлаго, которое, какъ вдохновеніе, подскажетъ ему безсознательная память,—укажетъ съ вѣрою, съ силою власти...

— Возьми рябую собаку, вынь трепещущееся сердце и приложи его къ ногѣ!—прокричитъ онъ речитативомъ...

Во время „шаманства" [1]) Афанасій рѣдко предсказываетъ.

— Силъ нѣтъ, не могу,—отвѣтитъ Афанасій, не отрываясь отъ работы, если силъ дѣйствительно не окажется для накопленія заряда, или если онъ чувствуетъ, что не окажется.

Афанасій—честный якутъ. Ему за сорокъ лѣтъ. Въ послѣднее время вліяніе политическихъ ссыльныхъ сказалось на якутахъ, они рѣже прибѣгаютъ къ шаманству... Афанасій пересталъ шаманить... Многіе якуты начали давать предпочтеніе совѣтамъ доктора.

Профессіональный шаманъ умеръ въ 1892 году, а бубенъ запрятанъ неизвѣстно гдѣ; В. И. Іохельсону, члену Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ, не удалось его вытащить на свѣтъ Божій изъ амбара, гдѣ онъ лежитъ, дожидая шамана-профессіоналиста.

Теперешніе шаманы шаманятъ безъ бубновъ.

1900 г. Родчево.

4. Оконэ [2]) (Егоръ, кажется) Дьячковъ... Нервный молодой якутъ лѣтъ 21—22, живетъ въ 60—70 верстахъ отъ Родчева. Промышленникъ онъ плохой, предпочитаетъ путешествовать вмѣсто того, чтобы промышлять. Его двѣ сестры — хорошія промышленницы, заботливыя хозяйки, самостоятельныя, дѣльныя. Съ Оконэ плутоватые родоначальники часто берутъ натуральную

---

[1]) Вѣрнѣе—камланья. *Ред.*

[2]) Начертаніе Оконэ недопустимо въ якутскомъ языкѣ въ силу закона *послѣдовательности* гласныхъ, согласно которому послѣ *о* могутъ слѣдовать *гласные о или у, но* никакъ не *э*. *Ред.*

повинность, въ формѣ пищи, по два раза, часто его не въ очередь заставляютъ отбывать рядъ. Съ нимъ все это можно сдѣлать. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка неустойчиваго... Обязательствъ онъ не исполняетъ, проигрываетъ чужое...

Психическія разряженія у него часты. Шаманитъ онъ по просьбѣ. Онъ всегда заряженъ. Для заряда ему не нужно времени.

Въ дѣтствѣ, лѣтъ 12—14 отъ роду, онъ ушелъ въ лѣсъ; пропадалъ нѣсколько дней. Его нашли и, ослабшаго, привели въ юрту. Съ этого времени у него начались психическія разряженія. И теперь, смотря на него, того и гляди онъ уйдетъ. Въ лѣсъ онъ не уходитъ. Въ лѣсу онъ былъ звѣремъ,—тѣмъ звѣремъ, шкуру котораго должны натягивать на шаманскій барабанъ и котораго, понятно, не существуетъ. Шаманскій барабанъ воспроизводитъ только схему формы этого звѣря.

Шаманитъ онъ, Оконэ, всегда готовъ. У него видъ несовершеннолѣтняго.

Оконэ начинаетъ обманомъ, кончаетъ искреннимъ увлеченіемъ. Послѣ разряда онъ еще безформеннѣе,—еще болѣе напоминаетъ какого-то слизняка въ образѣ человѣка, еще болѣе приниженъ, еще болѣе жалокъ и слабъ...

Тотъ профессіональный шаманъ, который умеръ въ 1891 году[1]), былъ высокаго роста, худощавый, съ смѣлымъ плутоватымъ лицомъ. Его имя—Афанасій, онъ умеръ далеко отъ Родчева, на „лѣсной сторонѣ Колымы", въ глуши.

5. 1885 г. Декабрь. Жулейскій наслегъ. Наслежный домъ. Длинная скамейка предъ камелькомъ. Лицомъ къ камельку сидитъ жена Мины Егорова. Она возбуждена. Была крупная сцена. Скоро праздникъ Рождества. У сына и у ней рубахи порваны; къ празднику нужны новыя. Минѣ Егорову нѣтъ дѣла. Онъ не покупаетъ... Недавно онъ, Мина Егоровъ, напился пьянъ. Его напоилъ Егоръ Абрамовъ. Купить рубахъ денегъ нѣтъ, на водку есть. Нѣтъ пищи; сколько времени уже пьетъ семья выварки, ѣстъ „черный бутугасъ" (похлебку). Повернувшись спиной къ камельку, упершись на колѣни, положивъ голову на руки, сидитъ Мина Егоровъ. Около, прижавшись къ отцу между колѣнъ, стоитъ младшій сынъ Мины Егорова. Мина чувствуетъ теплоту его тѣла. Давно уже не курила жена Мины Егорова. Бѣдность, нужда гнететъ ее; она не видитъ выхода.. Тамъ, далеко въ прошедшемъ,—достатокъ, почетъ. Къ нему возвратиться нельзя. Этотъ достатокъ, почетъ былъ здѣсь, въ домѣ ихъ, въ домѣ Мины Егорова.. Это было такъ давно. Вспоминанія о

---

[1]) Выше: *въ 1892 г. Ред.*

немъ, объ этомъ достаткѣ, нуждою и трудомъ изгладились изъ памяти бѣдной женщины, осталось одно смутное сопоставленіе... Хотонъ, коровы, починка рваной одежды притупили воображеніе.—Нѣтъ картинъ прошлаго, некуда уйти.. Отъ коровъ, хотона въ лѣсъ не уйдешь. Хотонъ, коровы, масло, хаякъ (якутское масло)—для другихъ; выварки, черный бугугасъ и кучи старыхъ отрепьевъ рубахъ—для нея... Возмущеніе, протестъ растетъ безсознательно. Накопляется энергія бѣдной женщины для протеста, борьбы... Психическій зарядъ силенъ. Старая женщина привскакиваетъ, дрожь нервная пробѣгаетъ по всему тѣлу; Авдотья дѣлаетъ взмахъ руками. Она чувствуетъ притокъ силы, она менерячитъ. Въ ея менеряченьи нѣтъ конкретизаціи менеряченья колымскихъ якутовъ. Она не предсказываетъ, не говоритъ, что она—не она, что она—сильный духъ. Она просто поетъ пѣсни изъ героическихъ сказаній, отрывочно, безъ связи. Одинъ выкрикъ, одно разряженіе безъ ясныхъ образовъ..

Покойно сидитъ Мина Егоровъ... Кажется, онъ безучастенъ. Это только кажется: онъ думаетъ о выходѣ, планъ у него готовъ. Онъ поѣдетъ завтра къ богатому якуту Оросину, дастъ „кабалу“ [1]) подъ масло, подъ станочныя деньги,—возьметъ „*убаһу*“ [2]), возьметъ кирпичъ чаю, возьметъ конецъ синей дабы..

Бѣдная женщина продолжаетъ разряжаться.. Она вскакиваетъ, машетъ руками, выкрикиваетъ мужественнымъ речитативомъ безсвязно отрывочныя фразы героическихъ пѣсенъ. Опять садится, опять вскакиваетъ.

Полчаса, м. б., не много болѣе, и разрядъ оконченъ. Безпомощно, ослабѣвшая, падаетъ она на руки Мины. Мина, поддерживая, помогаетъ ей, обезсиленной, лечь на оронъ... Все это Мина дѣлаетъ невозмутимо, какъ человѣкъ свѣдущій и привычный...

Назавтра Мина Егоровъ поѣхалъ къ Оросину.. Къ ночи онъ вернулся съ „убаһой“, кирпичомъ чаю, концомъ дабы и еще, въ дополненіе, съ фунтомъ сахару, съ фунтомъ табаку. У Мины довольный, торжествующій видъ. Его жена имъ довольна.

— Мой хорошій сынъ!—говоритъ онъ, нарочно картавя сквозь стиснутые зубы страстнымъ тономъ; лаская сына, нюхаетъ его голову, достаетъ изъ кармана кусочекъ обгрызаннаго сахару, кусочекъ черстваго хлѣба—остатки угощенія у Оросина—и вручаетъ сыну, ожидающему этой подачки...

Черезъ нѣсколько дней у Мины Егорова пиръ. Убитъ „убаһа“; на поскобленномъ столѣ лежатъ вынутыя изъ котла вареныя

[1]) Письменное обязательство.

[2]) Убаһа—жеребенокъ.

толстыя кишки „убаһи"; лежитъ вареная печень; лежитъ „*хаса*" [1]). Жена набрасываетъ углей въ самоваръ... Мина рѣжетъ на части кишки. Онѣ налиты кровью съ кусочками жира, взмутовленною съ мукою и солью. Онъ дѣлитъ на всѣхъ: на присутствующихъ и на отсутствующихъ, отдѣльно живущихъ членовъ семьи. Они пріѣдутъ и съѣдятъ реально свою долю. Теперь, на пиру они присутствуютъ идеально.

Тутъ же сидитъ Егоръ Абрамовъ и еще два-три якута-бѣдняка; имъ тоже отдѣляется часть... Остро наточенный, для этого случая, якутскій ножъ въ рукахъ Мины; ножъ знаетъ самъ, какую часть нужно отрѣзать почетному Егору и бѣднякамъ-гостямъ... Бѣдняки, съ плохо скрываемымъ ожиданіемъ яствъ, смотрятъ на описанный ножъ—центръ ихъ предстоящаго наслажденія... Егоръ сидитъ съ достоинствомъ, но не безъ интереса,—ему, Егору, не каждый день приходится ѣсть любимую пищу якутовъ—вареную конину. Егоръ занятъ и другой болѣе важной комбинаціей... Онъ занимается контрабандной торговлей водкой.. Теперь дѣлаетъ подсчетъ, сколько и что можно взять отъ Мины за бутылку или двѣ водки, и соображаетъ, какъ это сдѣлать. Чтобы избавиться отъ непріятности со стороны жены Мины, онъ ее угоститъ...

Наслажденіе пищей въ полномъ разгарѣ. Мина облизывается, посылая въ ротъ жирные куски кишки. Онъ виновникъ общаго наслажденія.. Всѣ невзгоды забыты. Онъ чувствуетъ себя счастливымъ... Егоръ угостилъ водкой его, Мину и его жену, съ соблюденіемъ обычая далъ и гостямъ. Незамѣтно Егоръ перешепнулся съ Миной. Послѣ пира они вышли вдвоемъ и направились въ юрту къ Егору Абрамову... Прошло менѣе часа. Жена Мины Егорова успѣла поѣсть изъ своей доли, прибрать въ амбаръ доли другихъ, отсутствующихъ. Успѣла прибрать все со стола. За дверями шумъ. Возня... Отворяется дверь. Егоръ съ трудомъ протискиваетъ сильно охмѣлѣвшаго Мину Егорова.. Шатаясь изъ стороны въ сторону, добрались друзья до орона.. Мина Егоровъ не хочетъ разстаться съ другомъ. Онъ не хочетъ выпустить его изъ своихъ пьяныхъ объятій... Мина чувствуетъ себя на верху блаженства... Навалившись на Егора, онъ сиплымъ голосомъ речитативомъ поетъ на ухо Егору пѣсню изъ якутскихъ былинъ.. Терпѣливо выноситъ это Егоръ Абрамовъ, поддакивая ему поощряющими мѣстоименіями: „Ноо! Нуу!" Онъ сбылъ выгодно двѣ бутылки плохой водки, теперь можно перенести маленькую непріятность въ теченіе часа-другого...

---

[1]) Брюшной жиръ.

Послѣ неудачной попытки опять итти къ Егору, Мину укладываютъ спать... Укладываясь, онъ бормочетъ какія-то слова... Мина Егоровъ заснулъ... Въ юртѣ тишина; съ ороновъ слышенъ храпъ всѣхъ тоновъ... Внезапно тишину нарушаетъ речитативъ-выкрикъ. Это послѣднія волны психическаго разряженія Мины Егорова. Онъ, охмѣлѣвшій, во снѣ чувствуетъ себя героемъ и безсвязно выкрикиваетъ речитативомъ слова якутской былины.

Назавтра все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Каждый будетъ тянуть свою лямку, накопляя недовольство своимъ положеніемъ, впредь до того момента, пока сила накопленнаго недовольства не выльется въ ту или иную форму психическаго разряженія...

6. 1885—86 г. Жулейскій наслегъ, Ботурусскій улусъ, Якутскій округъ.

Богатый якутъ Васильевъ женатъ на сравнительно молодой, впечатлительной якуткѣ. Ея впечатлительная натура ищетъ ласки, любви, мужъ—только животнаго удовлетворенія. Не отдавая себѣ отчета, она чувствуетъ неудовлетворенность. Неудовлетворенность накопляется, отсутствіе соотвѣтствующаго разряда въ союзѣ брачномъ даетъ другой выходъ. Желающая любви и ласки женщина идетъ въ лѣсъ, садится, въ 100—200 шагахъ отъ своей юрты, въ лѣсу подъ деревомъ. Оставшись вдали отъ юрты мужа, сама со своимъ внутреннимъ міромъ, она разряжается, изливая безсознательно, въ пѣніи сильныхъ героическихъ пѣсенъ, свою душу... Женщина, жена Васильева, менерячитъ...

У насъ, людей высшей культуры, власть факта сильнѣе каждаго отдѣльно взятаго лица... Мы далеко уже ушли отъ первичныхъ формъ. У насъ истерика и падучая уже не разряженіе; онѣ, эти формы, потеряли свою субъективную конкретность непосредственныхъ личныхъ настроеній, стали, такъ сказать, абстрактными, перешли въ болѣзни,—стали проявленіями не психическаго міра субъекта, а его нервной системы. Истерика и падучая—такіе же пережитки въ психическомъ мірѣ человѣка, какъ хвостцовые позвонки, придатокъ слѣпой кишки и т. п. пережитки въ физіологическомъ мірѣ человѣка, указывающіе на происхожденіе его отъ низшихъ органическихъ формъ. Разряженіе перешло въ заболѣваніе. Заболѣваніе слабо—помогаютъ бромистые и другіе препараты; сильно—нужна цѣлая система лѣченія.

В. Даниловъ.

ОТДѢЛЪ II.

Заговоры.

1. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ.

Мать Божія, Пресвятая Богородица, раба своего Якова отъ скорби и недуговъ нетлѣнною своею пеленою, Пятница Прасковея, Варвара мученица, Катерина мученица, Настасея мученица, нетлѣнною своею ризою защити и закрой раба своего Якова отъ пищалей и отъ свинцу, желѣза, отъ земли и свинецъ. Мать Божія, Пресвятая Богородица, какъ вѣтеръ кругомъ ходитъ кругъ дерева, и такъ бы ходила свинц(ов)ая пуля кругъ моей шапки.

2. Заговоръ отъ стрѣлъ и всякаго оружія.

Молитва Господа нашего Іисуса Христа отъ стрѣлъ и отъ всякаго оружія, отъ невѣрныхъ людей и отъ нашихъ супостатовъ, отъ пушекъ и отъ пищалей, и отъ пушечныхъ ядеръ, и отъ пищальныхъ пулекъ, и отъ каменныхъ ядеръ, и отъ топора, и отъ ножа, и отъ сабли, и отъ бердыша, и отъ копья, и отъ рогатины, и отъ кол(ь)я, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго оружія, и отъ невѣрныхъ людей, и отъ нашихъ супостатовъ.

Господи, благослови меня, раба Божія (имя рекъ). Иду я, рабъ Божій (имя рекъ), противъ своихъ недруговъ и супостатовъ моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра и Алексѣя, и Іоны, и Филиппа московскихъ и всея Россіи московскихъ (sic) чудотворцевъ, и моленіемъ святыхъ отецъ триста осминадесять, и моленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала свѣта сего. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ моленіемъ, благословеніемъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Присnодѣвы Маріи, моленіемъ четырнадцать мучениковъ и всѣхъ святыхъ молитвами. Соблюди, Господи, и помилуй, закрой и заступи, и защити отъ стрѣлы летящія и отъ всякаго древа, и отъ всякаго желѣза окованнаго, и булату, и укладу [1], и стали колѣснаго (sic), и отъ проволоки толстаго, и отъ мѣди красной, и отъ мѣди зеленой, и отъ проволоки, и отъ земляного бою, и отъ каменнаго, и отъ всякаго звѣря, и отъ кости, и отъ

[1]) Сырая сталь, изъ которой дѣлаются лезвія инструментовъ.

жиламости [1]), и отъ всякаго звѣря заморскаго, перья птицы, какова птица на семъ свѣтѣ отъ востоку до западу, отъ всякихъ четырехъ сторонъ, отъ всякаго погубленія и отъ татаръ, и отъ черемисъ, и отъ чуваши, и отъ мурзы, и отъ басурмановъ, и отъ мордвы, и отъ нѣмецъ, и отъ турокъ, и отъ полякъ, и отъ всякаго врага и супостата. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ живаго Бога, и который сотворилъ небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили волею Божію отъ начала всего свѣта. А стрѣла, стой, не йди ко мнѣ (имя рекъ) поименемъ Господа нашего Іисуса Христа, черезъ терной вѣнецъ, который бысть надъ главою Господнею. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ раны Господа нашего Іисуса Христа и черезъ звѣзды небесныя, и черезъ погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ гвоздія. Сохрани, Господи, и помилуй, закрой, защити и заступи раба своего (имя рекъ) во единосовершенія и утверженія святыми отецъ. Аминь.

Аще кто сія молитвы на себѣ носитъ и держитъ у живота, и у Господа милости проситъ, подай же ему, Господи, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, покори ему, Господи, подъ ножію всякаго врага и супостата. Одержана бысть стрѣла не йтить отъ крѣпкихъ луковъ къ рабу Божію (имя рекъ) святыми небесными силами, ангелы и архангелы; не будетъ стрѣлъ кажныя итти письма сего. Аще кто сію молитву возьметъ въ чистотѣ съ вѣрою, не будетъ ему погубленія всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. [2])

3. Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ.

Молитва Господу нашему Іисусу Христу.

Господи, благослови Отче. Есть море-окіанъ и есть желѣзное море, на желѣзномъ морѣ есть желѣзный столбъ, на желѣзномъ столбу есть желѣзный царь, стоитъ отъ востока до запада, подперся своимъ посохомъ желѣзнымъ и замолвяя, и заповѣдая своимъ дѣтямъ: желѣзу и красному булату, и синему булату, и стали, и красному желѣзу, простому и каленому желѣзу: выйди, желѣзо, въ свою мать землю отъ меня, раба Божія (имя рекъ), осмнадцать зракъ (sic), а, древо, пойди въ лѣсъ, а ты, перья, пойди въ свою мать птицу, птица въ небо, а ты, клей, пойди въ свою мать рыбу, а, рыба, въ море. Святый Михайла архангелъ, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своимъ златымъ щитомъ отъ меча и отъ топорка, и отъ секеръ, и отъ копья, и отъ земляного бою, и отъ сабли, и отъ ножа, и отъ пищали, и отъ стерь (sic)[3]), и отъ всякаго неистоваго удара, и отъ всякихъ нечистыхъ ударовъ. Святый Ти-

---

[1]) Вѣроятно жимолость (Lonicera. L.); иначе - жиломусть, жиломость; изъ тонкихъ и прямыхъ, но очень твердыхъ стволовъ жимолости дѣлались древка стрѣлъ. *Н. В.*

[2]) Сравни съ заговоромъ 109 б, въ книгѣ 5-й, вып. 2-й, стр. 221-я. Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей *естествознанія*, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Императорскомъ *университетѣ, 1877 г.*

[3]) *М. б.—стырь*—колъ; срвн. Срезневскій. Матеріалы... III, стлб. 583. *Н. В.*

хонъ, утиши государя плеченомирное (sic), святый, меня помилуй мя, Господи. Святый Лука евангелистъ, за луки хватайся. Святый Микита мученикъ, Господь, избави своимъ скипетромъ отъ копья и отъ топорка, и отъ стрѣлы, и всякое плеченіе мирное. Святая Пречистая Богородица, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своими святыми молитвами, желѣзными затворы отъ востоку до западу. Буди же мое тѣло крѣпча... бѣлаго каменья и синева булату; буди же мое платье на мнѣ ко... крѣпчае панцыря и кальчуги... булатныя... Святые четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфей и Іоаннъ Богословъ, сойдите съ небеси, снимите замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока до запада [1]).

4. Заговоръ отъ порчи пищали.

Ключъ, какъ пособить пищали отъ порчи.

Возьми соли да свѣчцу въ правую руку, а въ лѣвую ручницу [2]), да, пришедъ къ рѣкѣ, назови именемъ, да почерпи воды внись, да выреки (sic) къ сухому пню, да мол(ви) такъ: какъ сухому (п)ню отъ роду [3]) не будетъ, такъ бы не было моей ручицы помину отъ пятисотъ порче за тридевять насоженыхъ порчей, да тридевять на сто насильныхъ порчей, да т(р)идевять на сто нагон(н)ыхъ порчей. Не я отхожу, не я отсылаю, не я отговариваю, отговаривая, и отхаживаетъ, и отговариваетъ отъ меня и отъ моей ручицы святая Соломея повелѣніемъ Пресвятые Богородицы.

5. Заговоръ отъ порчи пищали.

...а желѣзномъ дни крестомъ ограждаюся ...ли и до неба отъ вѣдуна, отъ вѣдуницы, отъ колдуна, отъ колдуницы, а та молитва отъ пищальныя порчи.

Господи, Боже, Іисусъ Христосъ. Самъ Христосъ своимъ крестомъ раба Божія (имя рекъ) вели мнѣ гулять зорями и путемъ, зорями вечерними, и меня, раба Божія (имя рекъ), ни портежницы, не учепицы, ни поротженицы (sic), и меня, раба Божія (имя рекъ), не портежъ, ни пищаль морина, какъ со всякъ у меня портежницы на учевцы тридевять темницъ посоженыхъ, тридевя(т)ъ замину тридеве замками и дамъ ключи черному ворону: кинь, кинь ключи въ кіянь-море. И какъ то море выпьетъ море чернца и пороженцы, и какъ море не выпиваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Есть на морѣ на окіянѣ дубъ Дорофей, подъ тѣмъ дубомъ сидитъ баба Соломонея; такъ же баба Соломонея смуваетъ, изговариваетъ отъ раба Божія (имя рекъ) хотить плоти, горючія крови въ завистехъ

---

[1]) Сравни съ 18-мъ заговоромъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа", Сахарова, стр. 47, изданіе 1885 г.; съ 8-мъ заговоромъ въ сообщеніи А. Афонасьева, 4-й томъ, отд. 3-й, стр. 79, „Лѣтописи русской литературы и древности", 1862 г.; съ 331-мъ заговоромъ въ „Сборникѣ великорусскихъ заклинаній Д. Н. Майкова", т. 2-й, стран. 560, „Записки Императорскаго Географическаго Общества", 1869 г.

[2]) Пищаль, винтовка.

[3]) Вѣроятно—„отроду", отъ слова „отродиться", что значитъ—приняться, прорости. *Н. В.*

и отсужатъ и отговариваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Ни боса, ни нага, ни простоволоса, рабъ Божій мой, царица водица, красная водица, об(мы)ваеши крутые берега, желтые пески, обмываеши у рѣки отъ стара и отъ мала по сей день и по сей часъ.

6. Заговоръ отъ лихихъ людей, колдуновъ.

Стану, рабъ Божій, благословяся, пойду, перекрестяся, и помолюся темной ночи, темная ночь утренней зорѣ, утренняя зоря красному солнцу, к(р)асное солнце истинному Христу. Истинный Христосъ пошлетъ Петра и Павла. Святый государь Петръ и Павелъ, верховный апостолъ, поставь кругъ меня, раба Божія, тынъ желѣзный отъ неба до земли. И какъ православные крестьяне (sic) поклоняются истинному Христу, такъ бы мнѣ, рабу Божію, поклонялись князи и бояры, и великія власти. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею нетлѣнною ризою, постави тынъ желѣзенъ отъ неба до земли отъ лиха человѣка, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуньи, и отъ схимника, и отъ схимницы, отъ трезвуба, двоезуба, желтовласа, отъ перевласа и отъ дѣвки, и отъ женки, и отъ схимника, и отъ схимницы, и отъ звѣздъ въ небѣ, отъ вѣщія сороки. Такъ меня, раба Божія, не испорчивать ни вѣдуну, ни вѣдуньи. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью. Пречистая Богородица, закрой своею ризою нетлѣнною ото всякаго зла человѣка. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣку не отгадывать и во вѣки. Аминь.

7. Заговоръ отъ злого человѣка и силъ природы.

Господи, крестъ надо мною, крестъ на мнѣ, крестомъ ся отражаюся, крестомъ бѣса прогоняю. Отъ Пречистыя діаволи бѣгаютъ, но отъ сего раба Божія (имя рекъ) бѣжитъ золъ человѣкъ, а Пречистая на немъ руку держаше.Носитъ сію молитву человѣка истиннаго мученика Никиты рабъ Божій и онъ неубоится ни отъ огня, ни отъ воды, ни отъ грома, ни отъ молніи, ни отъ звѣря, едина наша молитва.

8. Заговоръ на остановленіе руды.

Семенъ Васильевъ сынъ. Истинный Христосъ держитъ въ рукахъ золоты иглы, шелковыя нити, хочетъ сшивать небо и землю; такъ бы на мнѣ, рабѣ Божьей, ты руда никань (sic) зашила бы ни руды, ни раны, ты руда никань ника но некань. Пречистая Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Возьми, Пречистая Богородица, замкни на мнѣ тридевятьми замками нѣмецкими—дорогими. Ты, руда, никань ника но никань. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

9. Заговоръ на остановленіе крови.

Зря въ очи. Во дни Агафа царя не бысть на земли и дожжа три лѣта и три годины, и шесть мѣсяцъ; земля же омѣденела, а

небеса он...ниша, источницы замкошася, тако же и ты, кровь, стани, ни кани. Аще не станетъ и ты напиши кровью тою: невамъ да нимъ, пинонъ, трофонъ. Аще не станетъ, и ты напиши ему на челѣ кровью тою: да ни да, данимъ, тоновъ, трофенъ. Аще не станетъ, напиши ему: танита.

10. Заговоръ на посѣвъ поля.

Стану, я, рабъ Божій, благословяся, пойду, перехрестяся, пойду въ чистое поле. Благослови же меня, истинный Христосъ, сѣмянъ засѣять. Послалъ ко мнѣ истинный Христосъ Михаила архангела со ангелы и со апостолы. Пошли же мнѣ, Господи, истинный Христосъ, на жадныя души, на родителей, дай, Господи, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зовидесть. Христовы птицы, хорты[1]), собину [2]) сію свою вамъ, а моей собины не топчите, не толачите, сѣю вамъ въ темные лѣса, на луги зеленые и вы свою собину топчите и толочите, а на меня, раба Божія, лиха не думайте и на мой милой животъ, а я на васъ, птицы христовы, лиха не думаю.

11. Заговоръ на скотину.

Святый Господи, Власей и Офонасей, пошли мнѣ, Господи, милова живота до люби добрымъ людямъ на завидость (sic), а на до люби, на щастливыхъ гостей, на жадныя души, на родителей. Первую скотину моля и малвя тебѣ, государь истинный Христосъ, на воскъ, на темья, на церковное строенье. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣшкѣ отгадывать всякому злу чавсъ (sic). Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ пѣнья въ храмѣ неизводится, такъ бы у меня милый животъ неизвелся во вѣки. Аминь.

12. То же.

Срѣзать два пруточка ивавыя, одналѣтки, да взяти моху церковнаго, да поить животъ. А спускать животъ въ Егорьевъ день, опходить съ образомъ и со свячами, а ямати шерсть съ скресца со всякіе животины, да вмѣсто катать: „какъ той шерсти вѣки по вѣку не расхаживаться, такъ моему животу вѣки по вѣкъ не расхаживаться". А какъ станете зганивать животъ впередъ, и потыкать два прутка, а третьимъ погонять животъ.

13. То же.

Семенъ Васильевъ сынъ, государь Фролъ, Лавръ, истинный Христосъ, пошли мнѣ хоша дать къ добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на завидость. И постави тывъ желѣзный, истинный Христосъ, кругъ моего милаго живота отъ лиха человѣка. Пречистая

[1]) Борзыя собаки.
[2]) Собственность.

Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ моего приговору и отговору неотгадывать и меня, раба Божія, неиспорчивать и моего милаго живота и во вѣки. Аминь.

14. Заговоръ противъ измѣны жены.

Блядуетъ отъ мужа бемидофа аще жена, возьми у нее съ чела волосовъ, сожги на желѣзѣ и тѣмъ пепеломъ помажи срамъ свой, и пребуди съ нею на постелѣ, престанетъ блясти.

15. Заговоръ отъ мужского безсилія.

Аще хощеши быти съ женою часто, помажи срамъ свой: курье сердце смѣси съ оленьимъ саломъ и съ девятисиловымъ листьемъ, и нѣстъ сытости.

16. Заговоръ на любовь дѣвицы.

Встану раненько, взойду на высокъ шеломъ, ускричу, взоплю своимъ громкимъ голосомъ: ой вы, сатана со дьяволомъ, со малыми, со великими, вылѣсте съ окіянъ-моря, возьмите огненную тоску мою, пойдите по бѣлу свѣту, не зажигайте вы ни пенья, ни колодья, ни сырыя деревья, ни земли, травы—зажгите у рабы по мнѣ душу. На морѣ-окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ тутъ мыльня, въ той мыльнѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Пришелъ я, рабъ (имя рекъ), что ты тоска тоскуешъ и горюешъ? Не тоскуй тоска, не горюй тоска, пойди тоска, уступи тоска рабу (имя рекъ); что(бы) она тосковала и горевала по мнѣ, по рабу (имя рекъ), какъ тотъ огонь горитъ въ году и полугоду, днемъ и полудни, и часу, и получасу, и такъ бы та раба по мнѣ, по рабу горѣла. Бѣлое тѣло, ретивое сердце, черная печень, буйная голова съ мозгомъ, ясными очами, черными бровями, сахарными устами. Сколь тошно, сколь горько рыбѣ безъ воды и такъ бы рабу (имя рекъ) тошно, горько по мнѣ, по рабу и дня и полудня, и часа, и получаса, въ году и полугоду, и недѣлѣ, и полнедѣлѣ.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола №№ 653 и 1133; декабрь 7197 гола (1688 г.).

Сообщилъ *П. Зенбицкій.*

О говорѣ Сестрорѣцка.

Сестрорѣцкъ большое селеніе, близь Финскаго залива, расположенное по рѣкѣ Сестрѣ, въ 26 верстахъ отъ Петербурга; соединено съ С.-Петербургомъ желѣзною и грунтовою дорогами и со станціей Бѣлоостровъ (Финл. ж. д.) шоссейною. Основано оно въ 1724 г.

По окончаніи постройки Сестрорѣцкаго ружейнаго завода [1]) по приказанію Петра Великаго сюда было переселено съ Петровскихъ Олонецкихъ заводовъ около 570 мастеровъ и рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями. Это были первые жители слободы; дальнѣйшее развитіе населенія ея сложилось изъ естественнаго прироста его, пришельцевъ изъ столицы и, отчасти, изъ крестьянъ ближайшихъ финскихъ деревень.

Въ настоящее время въ Сестрорѣцкѣ около 12 тысячъ жителей, и почти всѣ грамотные [2]). Широкое развитіе грамотности можно отчасти объяснить тѣмъ, что неграмотныхъ администрація завода не принимаетъ на работу. Большинство женщинъ тоже грамотны; многія матери сами подготовляютъ своихъ дѣтей во второй классъ школъ.

Главный источникъ доходовъ жителей Сестрорѣцка—работа на мѣстномъ заводѣ и сдача на лѣто своихъ избъ петербургскимъ дачникамъ [3]).

Многіе жители говорятъ по-фински; но въ ихъ русской рѣчи финскаго акцента не замѣчала, хотя въ разговорахъ иногда ими вставляются финскія слова.

Въ лѣто 1906 года я сдѣлала рядъ діалектологическихъ наблюденій надъ народной рѣчью Сестрорѣцка и нашла, что, не смотря на чрезвычайно сильное вліяніе обще-русскаго языка, въ ней еще сохранились нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности, по которымъ можно судить о древнемъ говорѣ описываемой мѣстности.

Фонетическія особенности.

ГЛАСНЫЕ.

Говоръ Сестрорѣцка принадлежитъ къ акающимъ (аканье въ общемъ близко къ Петербургскому).

Произносятся *е* (*ѣ*) *я* въ слогахъ передъ удареніемъ и послѣ него, какъ въ нашемъ говорѣ, какъ *и*: *стина, озира, плисать, вѣилка.*

---

1) Постройка завода начата въ 1714 г.

2) Въ селеніи двѣ земскихъ школы, одна церковно-приходская, одна частная школа грамотности и техническая при ружейномъ заводѣ.

3) Второстепенные источники доходовъ—у мужчинъ—ловля рыбы, выдѣлка шпоръ и топочныхъ дверецъ къ домовымъ печамъ; женщины занимаются шитьемъ лайковыхъ перчатокъ и дамскихъ блузокъ. Все это находитъ себѣ сбытъ въ *Петербургѣ.*

Послѣ неудачной попытки опять итти къ Егору, Мину укладываютъ спать... Укладываясь, онъ бормочетъ какія-то слова... Мина Егоровъ заснулъ... Въ юртѣ тишина; съ ороновъ слышенъ храпъ всѣхъ тоновъ... Внезапно тишину нарушаетъ речитативъ-выкрикъ. Это послѣдняя волны психическаго разряженія Мины Егорова. Онъ, охмѣлѣвшій, во снѣ чувствуетъ себя героемъ и безсвязно выкрикиваетъ речитативомъ слова якутской былины.

Назавтра все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Каждый будетъ тянуть свою лямку, накопляя недовольство своимъ положеніемъ, впредь до того момента, пока сила накопленнаго недовольства не выльется въ ту или иную форму психическаго разряженія...

6. 1885—86 г. Жулейскій наслегъ, Ботурусскій улусъ, Якутскій округъ.

Богатый якутъ Васильевъ женатъ на сравнительно молодой, впечатлительной якуткѣ. Ея впечатлительная натура ищетъ ласки, любви, мужъ—только животнаго удовлетворенія. Не отдавая себѣ отчета, она чувствуетъ неудовлетворенность. Неудовлетворенность накопляется, отсутствіе соотвѣтствующаго разряда въ союзѣ брачномъ даетъ другой выходъ. Желающая любви и ласки женщина идетъ въ лѣсъ, садится, въ 100—200 шагахъ отъ своей юрты, въ лѣсу подъ деревомъ. Оставшись вдали отъ юрты мужа, сама со своимъ внутреннимъ міромъ, она разряжается, изливая безсознательно, въ пѣніи сильныхъ героическихъ пѣсенъ, свою душу... Женщина, жена Васильева, менерячитъ...

У насъ, людей высшей культуры, власть факта сильнѣе каждаго отдѣльно взятаго лица... Мы далеко уже ушли отъ первичныхъ формъ. У насъ истерика и падучая уже не разряженіе; онѣ, эти формы, потеряли свою субъективную конкретность непосредственныхъ личныхъ настроеній, стали, такъ сказать, абстрактными, перешли въ болѣзни,—стали проявленіями не психическаго міра субъекта, а его нервной системы. Истерика и падучая—такіе же пережитки въ психическомъ мірѣ человѣка, какъ хвостцовые позвонки, придатокъ слѣпой кишки и т. п. пережитки въ физіологическомъ мірѣ человѣка, указывающіе на происхожденіе его отъ низшихъ органическихъ формъ. Разряженіе перешло въ заболѣваніе. Заболѣваніе слабо—помогаютъ бромистые и другіе препараты; сильно—нужна цѣлая система лѣченія.

В. Даниловъ.

ОТДѢЛЪ II.

Заговоры.

1. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ.

Мать Божія, Пресвятая Богородица, раба своего Якова отъ скорби и недуговъ нетлѣнною своею пеленою, Пятница Прасковея, Варвара мученица, Катерина мученица, Настасея мученица, нетлѣнною своею ризою защити и закрой раба своего Якова отъ пищалей и отъ свинцу, желѣза, отъ земли и свинецъ. Мать Божія, Пресвятая Богородица, какъ вѣтеръ кругомъ ходитъ кругъ дерева, и такъ бы ходила свинц(ов)ая пуля кругъ моей шапки.

2. Заговоръ отъ стрѣлъ и всякаго оружія.

Молитва Господа нашего Іисуса Христа отъ стрѣлъ и отъ всякаго оружія, отъ невѣрныхъ людей и отъ нашихъ супостатовъ, отъ пушекъ и отъ пищалей, и отъ пушечныхъ ядеръ, и отъ пищальныхъ пулекъ, и отъ каменныхъ ядеръ, и отъ топора, и отъ ножа, и отъ сабли, и отъ бердыша, и отъ копья, и отъ рогатины, и отъ кол(ь)я, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго оружія, и отъ невѣрныхъ людей, и отъ нашихъ супостатовъ.

Господи, благослови меня, раба Божія (имя рекъ). Иду я, рабъ Божій (имя рекъ), противъ своихъ недруговъ и супостатовъ моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра и Алексѣя, и Іоны, и Филиппа московскихъ и всея Россіи московскихъ (sic) чудотворцевъ, и моленіемъ святыхъ отецъ триста осминадесять, и моленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала свѣта сего. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ моленіемъ, благословеніемъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, моленіемъ четырнадцать мучениковъ и всѣхъ святыхъ молитвами. Соблюди, Господи, и помилуй, закрой и заступи, и защити отъ стрѣлы летящія и отъ всякаго древа, и отъ всякаго желѣза окованнаго, и булату, и укладу [1]), и стали колѣснаго (sic), и отъ проволоки толстаго, и отъ мѣди красной, и отъ мѣди зеленой, и отъ проволоки, и отъ земляного бою, и отъ каменнаго, и отъ всякаго звѣря, и отъ кости, и отъ

[1]) Сырая сталь, изъ которой дѣлаются лезвія инструментовъ.

жиламости [1]), и отъ всякаго звѣря заморскаго, перья птицы, какова птица на семъ свѣтѣ отъ востоку до западу, отъ всякихъ четырехъ сторонъ, отъ всякаго погубленія и отъ татаръ, и отъ черемисъ, и отъ чуваши, и отъ мурзы, и отъ басурмановъ, и отъ мордвы, и отъ нѣмецъ, и отъ турокъ, и отъ полякъ, и отъ всякаго врага и супостата. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ через живаго Бога, и который сотворилъ небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили волею Божію отъ начала всего свѣта. А стрѣла, стой, не йди ко мнѣ (имя рекъ) поименемъ Господа нашего Іисуса Христа, черезъ терной вѣнецъ, который бысть надъ главою Господнею. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ раны Господа нашего Іисуса Христа и черезъ звѣзды небесныя, и черезъ погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ гвоздія. Сохрани, Господи, и помилуй, закрой, защити и заступи раба своего (имя рекъ) во единосовершенія и утверженія святыми отецъ. Аминь.

Аще кто сія молитвы на себѣ носитъ и держитъ у живота, и у Господа милости проситъ, подай же ему, Господи, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, покори ему, Господи, подъ ножію всякаго врага и супостата. Одержана бысть стрѣла не йтить отъ крѣпкихъ луковъ къ рабу Божію (имя рекъ) святыми небесными силами, ангелы и архангелы; не будетъ стрѣлъ кажныя итти письма сего. Аще кто сію молитву возьметъ въ чистотѣ съ вѣрою, не будетъ ему погубленія всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. [2])

3. Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ.

Молитва Господу нашему Іисусу Христу.

Господи, благослови Отче. Есть море-окіанъ и есть желѣзное море, на желѣзномъ морѣ есть желѣзный столбъ, на желѣзномъ столбу есть желѣзный царь, стоитъ отъ востока до запада, подперся своимъ посохомъ желѣзнымъ и замолвяя, и заповѣдая своимъ дѣтямъ: желѣзу и красному булату, и синему булату, и стали, и красному желѣзу, простому и каленому желѣзу: выйди, желѣзо, въ свою мать землю отъ меня, раба Божія (имя рекъ), осмнадцать зракъ (sic), а, древо, пойди въ лѣсъ, а ты, перья, пойди въ свою мать птицу, птица въ небо, а ты, клей, пойди въ свою мать рыбу, а, рыба, въ море. Святый Михайла архангелъ, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своимъ златымъ щитомъ отъ меча и отъ топорка, и отъ секеръ, и отъ копья, и отъ землянаго бою, и отъ сабли, и отъ ножа, и отъ пищали, и отъ стерь (sic)[3]), и отъ всякаго неистоваго удара, и отъ всякихъ нечистыхъ ударовъ. Святый Ти-

---

[1]) Вѣроятно жимолость (Lonicera. L.); иначе –жиломусть, жиломость; изъ тонкихъ и прямыхъ, но очень твердыхъ стволовъ жимолости дѣлались древка стрѣлъ. *Н. В.*

[2]) Сравни съ заговоромъ 109 б, въ книгѣ 5-й, вып. 2-й, стр. 221-я. Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Императорскомъ университетѣ, 1877 г.

[3]) *М. б.—стырь—колъ*; срвн. Срезневскій. Матеріалы... III, стлб. 583. *Н. В.*

хонъ, утиши государя плеченомирное (sic), святый, меня помилуй мя, Господи. Святый Лука евангелистъ, за луки хватайся. Святый Микита мученикъ, Господь, избави своимъ скипетромъ отъ копья и отъ топорка, и отъ стрѣлы, и всякое плеченіе мирное. Святая Пречистая Богородица, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своими святыми молитвами, желѣзными затворы отъ востоку до западу. Буди же мое тѣло крѣпча... бѣлаго каменья и синева булату; буди же мое платье на мнѣ ко... крѣпчае панцыря и кальчуги... булатныя... Святые четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфей и Іоаннъ Богословъ, сойдите съ небеси, снимите замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока до запада [1]).

4. Заговоръ отъ порчи пищали.

Ключъ, какъ пособить пищали отъ порчи.

Возьми соли да свѣчу въ правую руку, а въ лѣвую ручницу [2]), да, пришедъ къ рѣкѣ, назови именемъ, да почерпи воды внись, да выреки (sic) къ сухому пню, да мол(ви) такъ: какъ сухому (п)ню отъ роду [3]) не будетъ, такъ бы не было моей ручицы помину отъ пятисотъ порче за тридевять насоженыхъ порчей, да тридевять на сто насильныхъ порчей, да т(р)идевять на сто нагон(н)ыхъ порчей. Не я отхожу, не я отсылаю, не я отговариваю, отговаривая, и отхаживаетъ, и отговариваетъ отъ меня и отъ моей ручицы святая Соломея повелѣніемъ Пресвятые Богородицы.

5. Заговоръ отъ порчи пищали.

...а желѣзномъ дни крестомъ ограждаюся ...ли и до неба отъ вѣдуна, отъ вѣдуницы, отъ колдуна, отъ колдуницы, а та молитва отъ пищальныя порчи.

Господи, Боже, Іисусъ Христосъ. Самъ Христосъ своимъ крестомъ раба Божія (имя рекъ) вели мнѣ гулять зорями и путемъ, зорями вечерними, и меня, раба Божія (имя рекъ), ни портежницы, не ученицы, ни поротженицы (sic), и меня, раба Божія (имя рекъ), не портежь, ни пищаль морина, какъ со всякъ у меня портежницы на ученцы тридевять темницъ посоженыхъ, тридевя(т)ь замину тридеве замками и дамъ ключи черному ворону: кинь, кинь ключи въ кіянь-море. И какъ то море выпьетъ море чернца и пороженцы, и какъ море не выпиваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Есть на морѣ на окіянѣ дубъ Дорофей, подъ тѣмъ дубомъ сидитъ баба Соломонея: такъ же баба Соломонея смуваетъ, изговариваетъ отъ раба Божія (имя рекъ) хотить плоти, горючія крови въ завистехъ

---

[1]) Сравни съ 18-мъ заговоромъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа", Сахарова, стр. 47, изданіе 1885 г.; съ 8-мъ заговоромъ въ сообщеніи А. Афонасьева, 4-й томъ, отд. 3-й, стр. 79, „Лѣтописи русской литературы и древности", 1862 г.; съ 331-мъ заговоромъ въ „Сборникѣ великорусскихъ заклинаній Д. Н. Майкова", т. 2-й, стран. 560, „Записки Императорскаго Географическаго Общества", 1869 г.

[2]) Пищаль, винтовка.

[3]) Вѣроятно—„отроду", отъ слова „отродиться", что значитъ—приняться, прорости. *Н. В.*

и отсужатъ и отговариваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Ни боса, ни нага, ни простоволоса, рабъ Божій мой, царица водица, красная водица, об(мы)ваеши крутые берега, желтые пески, обмываеши у рѣки отъ стара и отъ мала по сей день и по сей часъ.

6. Заговоръ отъ лихихъ людей, колдуновъ.

Стану, рабъ Божій, благословяся, пойду, перекрестяся, и помолюся темной ночи, темная ночь утренней зорѣ, утренняя зоря красному солнцу, к(р)асное солнце истинному Христу. Истинный Христосъ пошлетъ Петра и Павла. Святый государь Петръ и Павелъ, верховный апостолъ, поставь кругъ меня, раба Божія, тынъ желѣзный отъ неба до земли. И какъ православные крестьяне (sic) поклоняются истинному Христу, такъ бы мнѣ, рабу Божію, поклонялись князи и бояры, и великія власти. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею нетлѣнною ризою, постави тынъ желѣзенъ отъ неба до земли отъ лиха человѣка, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуньи, и отъ схимника, и отъ схимницы, отъ тревзуба, двоезуба, желтовласа, отъ перевласа и отъ дѣвки, и отъ женки, и отъ схимника, и отъ схимницы, и отъ звѣздъ въ небѣ, отъ вѣщія сороки. Такъ меня, раба Божія, не испорчивать ни вѣдуну, ни вѣдуньи. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью. Пречистая Богородица, закрой своею ризою нетлѣнною ото всякаго зла человѣка. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣку не отгадывать и во вѣки. Аминь.

7. Заговоръ отъ злого человѣка и силъ природы.

Господи, крестъ надо мною, крестъ на мнѣ, крестомъ ся отражаюся, крестомъ бѣса прогоняю. Отъ Пречистыя діаволи бѣгаютъ, но отъ сего раба Божія (имя рекъ) бѣжитъ золъ человѣкъ, а Пречистая на немъ руку держаше.Носитъ сію молитву человѣка истиннаго мученика Никиты рабъ Божій и онъ неубоится ни отъ огня, ни отъ воды, ни отъ грома, ни отъ молніи, ни отъ звѣря, едина наша молитва.

8. Заговоръ на остановленіе руды.

Семенъ Васильевъ сынъ. Истинный Христосъ держитъ въ рукахъ золоты иглы, шелковыя нити, хочетъ сшивать небо и землю; такъ бы на мнѣ, рабѣ Божьей, ты руда никань (sic) зашила бы ни руды, ни раны, ты руда никань ника но некань. Пречистая Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Возьми, Пречистая Богородица, замкни на мнѣ тридевятьми замками нѣмецкими—дорогими. Ты, руда, никань ника но никань. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

9. Заговоръ на остановленіе крови.

Зря въ очи. Во дни Агафа царя не бысть на земли и дожжа *три лѣта и три годины*, и шесть мѣсяцъ; земля же омѣденела, а

небеса он...нища, источницы замкошася, тако же и ты, кровь, стани, ни кани. Аще не станетъ и ты напиши кровью тою: невамъ да нимъ, пинонъ, трофонъ. Аще не станетъ, и ты напиши ему на челѣ кровью тою: да ни да, данимъ, тоновъ, трофенъ. Аще не станетъ, напиши ему: танита.

10. Заговоръ на посѣвъ поля.

Стану, я, рабъ Божій, благословяся, пойду, перехрестяся, пойду въ чистое поле. Благослови же меня, истинный Христосъ, сѣмянъ засѣять. Послалъ ко мнѣ истинный Христосъ Михаила архангела со ангелы и со апостолы. Пошли же мнѣ, Господи, истинный Христосъ, на жадныя души, на родителей, дай, Господи, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зовидесть. Христовы птицы, хорты[1], собину[2]) сію свою вамъ, а моей собины не топчите, не толачите, сѣю вамъ въ темные лѣса, на луги зеленые и вы свою собину топчите и толочите, а на меня, раба Божія, лиха не думайте и на мой милой животъ, а я на васъ, птицы христовы, лиха не думаю.

11. Заговоръ на скотину.

Святый Господи, Власей и Офонасей, пошли мнѣ, Господи, милова живота до люби добрымъ людямъ на завидость (sic), а на до люби, на щастливыхъ гостей, на жадныя души, на родителей. Первую скотину моля и малвя тебѣ, государь истинный Христосъ, на воскъ, па темья, на церковное строенье. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣшкѣ отгадывать всякому злу чавсъ (sic). Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ пѣнья въ храмѣ неизводится, такъ бы у меня милый животъ неизвелся во вѣки. Аминь.

12. То же.

Срѣзать два пруточка ивавыя, одналѣтки, да взяти моху церковнаго, да поить животъ. А спускать животъ въ Егорьевъ день, опходить съ образомъ и со свячами, а ямати шерсть съ скресца со всякіе животины, да вмѣсто катать: „какъ той шерсти вѣки по вѣку не расхаживаться, такъ моему животу вѣки по вѣкъ не расхаживаться". А какъ станете зганивать животъ впередъ, и потыкать два прутка, а третьимъ погонять животъ.

13. То же.

Семенъ Васильевъ сынъ, государь Фролъ, Лавръ, истинный Христосъ, пошли мнѣ хоша дать къ добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на завидость. И постави тывъ желѣзный, истинный Христосъ, кругъ моего милаго живота отъ лиха человѣка. Пречистая

---

[1]) Борзыя собаки.
[2]) Собственность.

Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ моего приговору и отговору неотгадывать и меня, раба Божія, неиспорчивать и моего милаго живота и во вѣки. Аминь.

14. Заговоръ противъ измѣны жены.

Блядуетъ отъ мужа бемидофа аще жена, возьми у нее съ чела волосовъ, сожги на желѣзѣ и тѣмъ попеломъ помажи срамъ свой, и пребуди съ нею на постелѣ, престанетъ блясти.

15. Заговоръ отъ мужского безсилія.

Аще хощеши быти съ женою часто, помажи срамъ свой: курье сердце смѣси съ оленьимъ саломъ и съ деветисиловымъ листьемъ, и нѣстъ сытости.

16. Заговоръ на любовь дѣвицы.

Встану раненько, взойду на высокъ шеломъ, ускричу, взоплю своимъ громкимъ голосомъ: ой вы, сатана со дьяволомъ, со малыми, со великими, вылѣсте съ окіянъ-моря, возьмите огненную тоску мою, пойдите по бѣлу свѣту, не зажигайте вы ни пенья, ни колодья, ни сырыя деревья, ни земли, травы—зажгите у рабы по мнѣ душу. На морѣ-окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ тутъ мыльня, въ той мыльнѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Пришелъ я, рабъ (имя рекъ), что ты тоска тоскуешъ и горюешъ? Не тоскуй тоска, не горюй тоска, пойди тоска, уступи тоска рабу (имя рекъ); что(бы) она тосковала и горевала по мнѣ, по рабу (имя рекъ), какъ тотъ огонь горитъ въ году и полугоду, днемъ и полудни, и часу, и получасу, и такъ бы та раба по мнѣ, по рабу горѣла. Бѣлое тѣло, ретивое сердце, черная печень, буйная голова съ мозгомъ, ясными очами, черными бровями, сахарными устами. Сколь тошно, сколь горько рыбѣ безъ воды и такъ бы рабу (имя рекъ) тошно, горько по мнѣ, по рабу и дня и полудня, и часа, и получаса, въ году и полугоду, и недѣлѣ, и полнедѣлѣ.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола №№ 653 и 1133; декабрь 7197 года (1688 г.).

Сообщилъ *П. Зенбицкій.*

О говорѣ Сестрорѣцка.

Сестрорѣцкъ большое селеніе, близь Финскаго залива, расположенное по рѣкѣ Сестрѣ, въ 26 верстахъ отъ Петербурга; соединено съ С.-Петербургомъ желѣзною и грунтовою дорогами и со станціей Бѣлоостровъ (Финл. ж. д.) шоссейною. Основано оно въ 1724 г.

По окончаніи постройки Сестрорѣцкаго ружейнаго завода [1]) по приказанію Петра Великаго сюда было переселено съ Петровскихъ Олонецкихъ заводовъ около 570 мастеровъ и рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями. Это были первые жители слободы; дальнѣйшее развитіе населенія ея сложилось изъ естественнаго прироста его, пришельцевъ изъ столицы и, отчасти, изъ крестьянъ ближайшихъ финскихъ деревень.

Въ настоящее время въ Сестрорѣцкѣ около 12 тысячъ жителей, и почти всѣ грамотные [2]). Широкое развитіе грамотности можно отчасти объяснить тѣмъ, что неграмотныхъ администрація завода не принимаетъ на работу. Большинство женщинъ тоже грамотны; многія матери сами подготовляютъ своихъ дѣтей во второй классъ школъ.

Главный источникъ доходовъ жителей Сестрорѣцка—работа на мѣстномъ заводѣ и сдача на лѣто своихъ избъ петербургскимъ дачникамъ [3]).

Многіе жители говорятъ по-фински; но въ ихъ русской рѣчи финскаго акцента не замѣчала, хотя въ разговорахъ иногда ими вставляются финскія слова.

Въ лѣто 1906 года я сдѣлала рядъ діалектологическихъ наблюденій надъ народной рѣчью Сестрорѣцка и нашла, что, не смотря на чрезвычайно сильное вліяніе обще-русскаго языка, въ ней еще сохранились нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности, по которымъ можно судить о древнемъ говорѣ описываемой мѣстности.

Фонетическія особенности.

ГЛАСНЫЕ.

Говоръ Сестрорѣцка принадлежитъ къ акающимъ (аканье въ общемъ близко къ Петербургскому).

Произносятся *е* (*ѣ*) *я* въ слогахъ передъ удареніемъ и послѣ него, какъ въ нашемъ говорѣ, какъ *и*: *стина*, *озира*, *плисать*, *вьилка*.

---

[1]) Постройка завода начата въ 1714 г.

[2]) Въ селеніи двѣ земскихъ школы, одна церковно-приходская, одна частная школа грамотности и техническая при ружейномъ заводѣ.

[3]) Второстепенные источники доходовъ—у мужчинъ—ловля рыбы, выдѣлка шпоръ и топочныхъ дверецъ къ домовымъ печамъ; женщины занимаются шитьемъ лайковыхъ перчатокъ и дамскихъ блузокъ. Все это находитъ себѣ сбытъ въ Петербургѣ.

Въ слогахъ, далекихъ отъ ударенія это *и* звучитъ гораздо рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ у насъ: *тиривос, висилей, чирназёмъ*.

Въ словѣ „обѣдня" *ѣ* хотя и находится подъ удареніемъ, но произносится какъ *и—абидня* (слыхала, главнымъ образомъ отъ старушекъ).

Слово „конечно" произносится *канишна*; но здѣсь *и* вмѣсто *е* едва ли фонетическое.

Какъ на остатокъ стараго произношенія гласныхъ нужно, повидимому, смотрѣть на *я* въ словѣ „священникъ"—*свяченикъ*, всегда такъ въ этой формѣ слова; рядомъ съ нимъ *свищеникъ*, подъ вліяніемъ нашего говора, съ нашимъ *и* и *щ*.

Окончанія *онька, очка* звучитъ какъ *ынька, ычка*: *ластычка, дѣвычка, бирёзынька, дѣвынька*.

Часто встрѣчается пропускъ начальныхъ гласныхъ въ именахъ Александръ, Алексѣй, Елизавета; говорятъ *Ликсандра, Ликсѣй, Лизавета*.

Къ окончанію многихъ словъ прибавляется гласный звукъ: *Ликсандра, Пётра, таперя, типерича, здѣся, фчирася*.

Стяженіе гласныхъ въ падежныхъ формахъ: *ни хватат харошу барашну мѣсу, сдѣльна цына, лишня вада*; въ глагольныхъ формахъ: *работат, впадат, таругт* (рядомъ съ нимъ *таругjит*), *гулят* (рѣже *гулягjит*); въ мѣстоименіяхъ: *маво рибитёнка, маму, сваму*; среди слова: *Никалафскій вакзал, jирей*.

СОГЛАСНЫЕ.

Начальное придыхательное *в* передъ гласной *о* съ удареніемъ слышала въ очень многихъ словахъ: *вóкарак, вóстрай, вóткуп*.

Выговаривается *г* подобно латинскому *g*: *граматит, гадам, глыпка*. Учительница, прослужившая въ мѣстной церковно-приходской школѣ 9 лѣтъ, сообщила мнѣ, что ученики, только что поступившіе въ школу постоянно произносятъ *г*, а не γ даже въ такихъ словахъ, какъ „благодарить, господинъ"—*благыдарить, гаспадин*. Подобное произношеніе этихъ словъ мнѣ приходилось наблюдать очень рѣдко.

Твердое, какъ у насъ *к*: *Ванька, чайку*. Но говорятъ постоянно: *тольки, скольки, стольки*.

Группа *чн* говорится постоянно какъ *шн*: *фабришнай, сирдешнай*.

Двойное *ж* и *ш* полу-мягки: *шьшыбечит, вешьшы, дрожьжы*.

Мягкое *ст* часто употребляемо въ словѣ *Питирбурстя*, вмѣсто *Питирбурска*.

Обыченъ пропускъ *в* передъ согласными: *спаминать, сдоръ, стрѣча, Афанасьеска улица*.

Пропускъ *н*: *красинькай*.

Пропускъ *т*: *нивѣска, чесин*.

Пропускъ *j*: *дисвитильна, дюмаф*.

Частa диссимиляція плавныхъ; такъ говорятъ: *пролуп, прамѣха, Систральщик, канцырялія*.

Морфологическія особенности.

Очень часто слышала въ родит. падежѣ муж. р. окончаніе *у* вмѣсто *а*: *два году иму не была, как атец иво помир; с таво году он и хварать стал, ни сну иму ни стала...*

Въ родит. пад. муж. женск. и средн. рода употребляется окончаніе *аф, оф* когда его грамматически быть не должно: *биспарятки пашли, ну салдатаф и навили, скольки чилавѣкаф задармы напагубили; така куфарка мистоф палучит скольки хош; в јетай дачи—та комнатаф пят' будит.*

Дательн. вмѣсто творит.: *ана пашла в лѣс за грибам, да далжнот' скора вирнёца; ана таргут слифкам, агурцам.*

Смѣшеніе падежей родит., дательн., и мѣстн. ед. числа женск. рода: *у маей систрѣ, на вады, дай каровы травы.*

Мѣстный падежъ твердаго склоненія по аналогіи съ мягкимъ имѣетъ окончаніе *и* вмѣсто *ѣ*: *в балоти, на рики, па дароги.*

Какъ на остатки мягкаго склоненія можно смотрѣть, вѣроятно, на *и* вмѣсто *ѣ* въ словѣ *сафсим* или *зафсим.*

Обычны причастія на *мшы*, употребляемыя въ смыслѣ сказуемыхъ: *ни ѣмшы, бижамшы.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы народнаго говора Сестрорѣцка.

Пожилая женщина; грамотна.

„Я та руска, атец и дѣтка здѣшни были. Муш—та помир. Он мастирам на заводи был. Он та нѣмиц. Эта спугался онъ зимой—та той, с таво году и хварать стал, напирежы сну иму ни стала. Тахыда[1]) и нашу привасходну вѣру принил. Мая вдовья дѣла типеря, дачкай жыву. Лѣтась та дачку маю абвакат снимал. На нашый Задни улица фсихыда [1]) тиха. Ра̀зи завоцки свинки падут, ну пѣсню спаютъ“.

Пожилая женщина; грамотна.

(Занимались въ Сестрорѣцкѣ когда-нибудь хлѣбопашествомъ?) „Нѣт. Я та пра̀вѣр (т. е. правда; иные произносятъ про̀вѣр) бальша уш была, как колас рожы увидала, да тавой пары тольки ф школи пра ниво слыхала. Типерича вот у миня малинёк домик. Ну агарот јесь. Такъ нимнога, дли сиби. Картушку сажаим. Каки там пладовы диревья. Рибина, ольха—фсе диревья прастыј“.

Ученица церковно-приходской школы.

(Что ты читала про Іорданъ?) Эта была уш сафсим тёмна, сонца не была, воздух был прахладин, кагда мы пришли Карадану. Па биригам ана пакрыта зараслями. Эта красива рика. Уска дарошка вила к вады. Абнакнавена багамольцы туда пагружаюца.

А. Пруссакъ.

---

[1]) Въ этомъ словѣ *ы*—краткое.

Печорскiе стихи и пѣсни.

Стихи и нѣсколько пѣсенъ записаны мною на Низовой Печорѣ, въ двухъ волостяхъ, Устьцылемской и Пустозерской, въ 1902 г. Главной цѣлью моей поѣздки на Печору того года была запись былинъ. Когда сказатели былинъ въ какой-нибудь мѣстности были всѣ использованы, а двигаться впередъ почему-нибудь было нельзя, я записывалъ сказки, а также и стихи. Использовавъ, можно сказать, весь былинный репертуаръ печорскихъ сказателей, я сдѣлалъ то же и въ отношенiи стиховъ, перечень которыхъ и вообще не великъ.

Стихи я обыкновенно записывалъ отъ тѣхъ же лицъ, которыя пѣли мнѣ и былины; обыкновенно на Печорѣ почти всякiй сказатель былинъ знаетъ и стихи, особенно самые распространенные, про Егорiя и Александру, особенно про „мученiя Егорiя". Стихи я записывалъ съ голоса, за исключенiемъ „Соловецкихъ чудотворцевъ" и „Черноризецъ и Господь" (№№ 15 и 16), которые списаны мною изъ тетрадки стиховъ.

Придавая большое значенiе автору, вѣрнѣе, лицу, передающему въ пѣнiи или разсказѣ былину, духовный стихъ или сказку, я всегда записывалъ автора всякаго переданнаго мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ номера народнаго творчества. И такъ какъ на Печорѣ пѣвцы былинъ, духовныхъ стиховъ, разсказчики сказокъ обыкновенно были у меня одни и тѣ же лица, то интересно прослѣдить одни и тѣ же мотивы, особенно прiемы, употребляемые пѣвцомъ или разсказчикомъ въ былинѣ, въ духовномъ стихѣ, въ сказкѣ, даже въ пѣснѣ; такъ какъ хотя пѣсня и передается обыкновенно всѣми пѣвцами въ данной мѣстности приблизительно одинаково, но выборъ, знанiе тѣхъ или другихъ пѣсенъ также зависитъ отъ вкусовъ и характера каждаго даннаго лица. Подробно я буду говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Теперь о самихъ стихахъ. Духовныхъ стиховъ на Печорѣ очень немного и, казалось, они должны были бы совсѣмъ потонуть въ большомъ количествѣ и разнообразiи печорскихъ старинъ-былинъ. Этому, казалось бы, должно способствовать и самое содержанiе стиховъ, также съ описанiемъ чудесного, какъ и былины, распѣваемыхъ на Печорѣ былиннымъ „ясакомъ" (размѣромъ), сложенныхъ въ строфы, совсѣмъ былиннаго размѣра. И тѣмъ не менѣе на Печорѣ въ обѣихъ волостяхъ твердо отличаютъ „стихъ" отъ „старины" и не только потому, что содержимое стиха считается былью, передачею дѣйствительно бывшаго; вѣдь и всѣму тому, что разсказывается въ былинахъ, печорцы также вѣрятъ.

Я печатаю здѣсь стихи, содержащiе разсказъ о какомъ-нибудь происшествiи изъ разряда чудесныхъ, обыкновенно случай изъ жизни *какого-нибудь* святого. Или во всякомъ случаѣ стихи, хотя и безъ

опредѣленнаго фактическаго содержанія, но относящіеся къ прославленію и восхваленію какого-нибудь опредѣленнаго святого: Николая Чудотворца, Божьей Матери, Василія Великаго. Эти стихи, несмотря на довольно длинное иногда содержаніе, заучиваются наизусть и передаются по памяти. Есть на Печорѣ другого рода стихи: или духовно-лирическаго, или поучительнаго, или полемическаго содержанія. Эти стихи обыкновенно переписываются изъ разныхъ сборниковъ въ тетрадки, очень распространенныя среди печорскаго населенія. Ихъ знаютъ и наизусть, но по большей части поютъ съ тетрадокъ. Я совсѣмъ не печатаю здѣсь этого рода стиховъ, хотя собралъ ихъ на Печорѣ и вообще на сѣверѣ, въ Поморьѣ и въ Олонецкой губ., довольно много и въ сборникахъ, относящихся по времени написанія къ началу XVIII вѣка, и въ тетрадкахъ, написанныхъ совсѣмъ вчера.

Совсѣмъ случайно я записывалъ на Печорѣ пѣсни, и то, что я записалъ, конечно, отнюдь не служитъ исчерпывающимъ матеріаломъ пѣсеннаго репертуара этой окраины. Я печатаю здѣсь нѣсколько №№ изъ наиболѣе рѣдкихъ или интересныхъ образцовъ, напр. „Виноградье“, которое подраздѣляется на „общее“, „холостое“, „дѣвичье“, „женатое“, въ зависимости отъ того, кого хотятъ провеличать въ виноградьѣ. Печатаются здѣсь и стихи, съ которыми на Печорѣ „славятъ“ на Рождествѣ. Печатается нѣсколько вообще интересныхъ шуточныхъ пѣсенокъ.

Н. Ончуковъ.

25 марта 1907 г.

1.

Алексѣй человѣкъ-Божій.[1])

Ай да во славномъ во Риньскоемъ царьсви,
При славномъ царѣ при Онофьѣ,
И жилъ Ефимьянъ князь богатой;
И да не было 'его не сына ни доцери.
Охвоць Ефимьянъ въ церьковъ ходити,
Да онъ проситъ у Воспода Бога,
Онъ проситъ сына хошь-бы и доци
Ы со бладыихъ дёнъ бы на утѣху,
А на стары ти ньни хоть на скормленьё,
Послѣ смерти де тѣлу на погребȧньё,
А послѣ души на поминȧньё.
Да ходилъ Ефимьянъ князь богатой,
Онъ цясто ходилъ въ божью черьковь,
Онъ часто ходилъ, Богу молилса;

---

[1]) Записанъ до стиха 118-го включит. отъ Петра Родіоновича Поздѣева, 65 л., дальше до конца отъ его жены Ксеніи Архиповны Поздѣевой, въ селѣ Устьцыльмѣ. Характеристику Поздѣева и его жены см. въ „Печорск былинахъ“ стр. 77 и 78.

А послѣ Господь ему гласъ гласилъ-же,
Что „княгина-то, у тя стала беременна“.
Да и тутъ Ефимьянъ князь взрадовȁлся,
Ай да самъ передъ собою перекрестилса.
„Да и славо-де тебѣ Христе Боже,
Да и славо-де тебѣ, алилуія,
Да и звыше того на небесахъ“.
Ай да ходилъ Ефимьянъ тутъ князь богатой,
Ай да служилъ онъ святы больши молебны,
Да служилъ онъ всю святую литоргею,
Онъ служилъ-де канони полуноцьны,
Да служилъ онъ святую вовсюноцьны.
Да опосле княгина его родила-же,
Родила-де она ему нонь сына,
И сына родила ему дорогого;
Да и тутъ Ефимьянъ князь зрадовалса,
Да и самъ передъ собою перекрестилса,
„Да и славо тебѣ нонь Христе Богу
Да и славо тебѣ, алилуія,
Да и звыше того на небѣсахъ“.
Онъ пошолъ Ефимьянъ князь богатой,
Онъ пошелъ-де по Римьскому царьству,
Онъ звать-де поповъ-отцовъ духовныхъ,
Да крестить своёго ноньце цяда.
Да идётъ онъ по Римьскому царьству,
О да народъ ему много всё стрѣтаются,
Да и 'се де они съ нимъ здорбвоютсе.
„Ужъ ты, здраствуй Ефимьянъ князь со сыномъ“.
А богатымъ-то давалъ 'сѣмъ по спасибу,
Да и нужнымъ давалъ онъ златничи.
А да пришли тутъ попы-отцы духовны,
Да крестить у его ноньце сына,
Да и сыну-то имя й нарѣкали,
Да княгины-то молитву давали,
Да и дали ему имя Олексѣёмъ.
Да ростётъ Олексѣй-ётъ цядо мало,
У кого-де ростутъ ноньце два мѣсеця,
Олексѣй-отъ выростётъ стольки 'полмѣсяца,
У кого гдѣ ростутъ ноньце какъ годъ поры,
Олексѣй столько выростётъ 'полгода,
У кого гдѣ ростутъ ноньце два года,
Олексѣй-отъ столько выростётъ нонь годъ же,
У кого гдѣ ростутъ ноньце четыре года,
Олексѣй-отъ столько выростётъ о два года.
Олексѣй-отъ нонь выросъ шести лѣтъ,
Да и сталъ онъ [отецъ] учить его 'хитру грамоту;
У кого ноньце уцятьсе какъ годъ поры,
Олексѣй-отъ столько выучится 'полгода,
У кого гдѣ училисъ нонь два года,
Олексѣй столько выучился нонь 'годъ-же;

Научился Олексѣй тутъ 'хитру грамоту,
Онъ сталъ де 'се на книги лежати,
Да и книги-ти Божьи сталъ читати;
Онъ востро 'се цитать книги Божіи,
Онъ на улицѣ никуда ноньце не ходитъ,
Да и съ малыми робятами не играётъ,
Да и всё онъ на книгѣ лежитъ—цитаётъ.
Да и сталъ Олексѣй лѣтъ семнаццеть,
Некуды же де онъ ноньце не ходитъ,
И на улицю-де онъ не играетъ,
Да не съ кимъ де ка' онъ не веселитьсе.
Говорятъ-же ему отечъ-мати:
„Уже што-же ты, дитя наше ноньце мило,
Некуды-же ты нонь-ле ты не ходишь,
Да не съ кимъ-ле ты нонь не веселишсе".
Они ладятъ его нонь спожените,
Говорятъ де ему отечь-мати:
„Ужъ-ты ой еси-ле наше цядо мило,
Мы ужъ ладимъ тебя нонь спожените,
Ужъ ты лучше-ле не станешь-ле веселитсе".
Олексѣй-отъ имъ на то нонь отвѣчаетъ
— „Ужъ и я-де жониться-де не хоцю-же".
И оннако они на его не поглидѣли,
Они здумали его нонь споженили,
Да и тутъ они какъ свадьбу отпировали.
Э, да и тутъ повѣли его на подклѣть-же
Со своей его съ обручноей княгиной,
А, да и тутъ его они повалили,
Да народъ тутъ какъ всѣ удалились,
Говоритъ Олексѣй тутъ како слово:
„Ужъ ты ой еси моя обручная княгина,
Ужъ ты какъ ты миня нонь называёшь,
Ужъ ты какъ ты миня нонь поцитаёшь?"
Говоритъ-же ему обручная княгина:
— Называю тебя я Олексѣёмъ,
Поцитаю я тебя 'мѣсто брата.—
Говоритъ Олексѣй тако слово:
„Ой да и брату съ сестрой спать не подобаётъ".
Онъ ставатъ ноньце тутъ со кроватки,
Отпоясыватъ онъ отъ ся шолковъ поясъ,
Онъ сымаётъ отъ ся обручной перстень,
Говоритъ Олексѣй такое слово:
„Ужъ ты ой еси обручная княгина,
И когда на тя найдётъ мысель худая,
Завежи околъ ся ты мой шолковъ поясъ,
Ты наложъ тогда обручной мой перстень,
Отойдётъ тогда отъ тя мысель худая".
Онъ наделъ на сябы платьице печальнё
Онъ простился со своей обручноей княгиной,
Онъ и вышолъ тогда и вопъ на уличу,

Онъ пошолъ тогда 'морю ко синему,
Онъ приходитъ де 'морю и синему,
Да стоватъ тогда на малинькой карабликъ,
Побѣжалъ тогда за синёё море.
Да стоитъ-же тутъ малинькой корабликъ,
Онъ зашолъ-то на малинькой карабликъ.
„Ужъ ты ой есь господа люди карабельщики,
Перекиньте меня за сине морё,
А и дай намъ Богъ тишины пособной".
Подымали они тонки бѣлы парусы,
Побѣжали ёни за синё морё;
Да и скоро перебѣжали за синё морё,
Становились на пристани карабельни,
Да пошолъ Олексѣй со караблика,
Благодарилъ онъ людей карабельщиковъ.
Да пошолъ онъ въ монастыри причесны,
Да пошолъ во Божью во церковь,
Да и молитсэ онъ сталъ Богу.
Да послѣ того Ефимьянъ князь сфатился,
Да и сталъ Олексѣя искати,
Да и стали по царству ходити,
Да по Божьимъ по церьквамъ,
Да послалъ онъ своихъ слугъ вѣрныхъ,
Да за то-же за синёё морё,
Да на томъ-же они на караблицкѣ,
Побѣжали они за синё морё.
Да пошли они нынь во монастыри причесны,
Да пошли они по божьимъ по церквамъ,
Да и были они въ той церквы,
Да въ которой Олексѣй Богу молитсе,
Олексѣя они не признали,
Да и милостину ему подавали,
Да оброс Олексѣй волосами,
Не могли-же они его признати;
Да юшли они назадъ изъ Божьей церквы,
Да ушли изъ монастырёвъ причесныхъ,
Да пришли ёни ко синему морю,
Да на то-же присталищо карабельнё,
Да зашли ёни на малинькой карабликъ,
Побѣжали за синёё морё,
Да во тоже во Риньское царство.
Да выходятъ они со караблика,
Да идутъ къ Ефимьяну князю богату,
Ефимьянъ отъ же ихъ нынѣ стрѣцеетъ,
Ефимьяну они честь воздавали:
„Да и сына твоего невидали".
Да и тутъ Ефимьянъ звылъ и сплакалъ.
Да и много нынь времицька миновалось,
Да прошло новь время лѣтъ трицеть,
Да и тутъ Олексѣй остарѣлъ-же,

Да пошолъ Олексѣй изъ Божьей церквы,
До поесъ онъ обросъ волосами,
Да и самъ Олексѣй посѣдатѣлъ,
Да пошолъ ко причасному монастырю,
Да идётъ онъ ко синёму морю,
Да на то же приста́лищо карабельнё,
Да стоитъ же тутъ малинькой карабликъ.
„Охъ вы ой есь, господа люди каробельщики,
Перекиньте меня за синё морё“.
Заходилъ онъ на малинькой карабликъ,
Имъ ужъ далъ же Богъ тишины пособной,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали за синёё морё,
Прибѣжали во Риньское царство,
Да на то же присталищо карабельно,
Да выходитъ Олексѣй со короблика,
Благодарилъ онъ людей карабельщиковъ.
Да пошолъ онъ по Риньскому царству,
Да идётъ къ Ефимьянымъ палатамъ,
Да заходитъ въ Ефимьяновы палаты,
Да молится Господу Богу,
Да и крестъ-отъ кладётъ по писанному,
Да поклонъ-отъ ведётъ по юченому,
Да молитву творитъ полну Сусову,
На вси стороны онъ поклоняетцэ,
Ефимьяну кнезю на ёсобицу,
Становитце на мѣсто на сиротско,
Да и проситъ онъ нынѣ милостыню,
Да ради-де Христа цэря небёсного;
Да велитъ Ефимьянъ князь богатой,
Да велитъ-же онъ нынѣ своимъ слугамъ,
Да подать-же милостыню ради Христа.
„Охъ вы ой есь мои слуги вѣрны,
Сиротину напойте да накормите“.
Да сиротину слуги накормили,
Сиротина напилась и наѣлась,
Да и всимъ же она чесь воздавала,
Сиротина ёна нынѣ юбога
Ночевать ’ Ефемьяну попросилась.
„Охъ ты ой есь, Ефимьянъ князь богатой,
Да спусти-же меня ночевать-же“.
Говоритъ Ефимьянъ своимъ слугамъ:
— Охъ вы ой есь, мои слуги вѣрны,
Запустите сиротину въ особу комнату,
Постелите ему мякко мѣсто,
У насъ есь же-ле гдѣ-ле сынъ Олексѣй же,
Да и тоже хто его огрѣтъ же,
Да и тоже быватъ хто ночевать спуститъ“.
Повели сиротину во комнату,
Да на мякко его пынь на мѣсто;

Да ложитса сиротина нынѣ спать-же,
Да онно ёму нынѣ не спитсэ,
Да написалъ сиротина рукописаньё:
„Да и былъ Олексѣй да сынъ вашъ-же,
Да и былъ я въ монастырехъ причестыхъ,
Да молилса во церквахъ во соборныхъ“.
Да и тутъ сиротина приставилась,
Да и тутъ ему смерть нынь случилась.
Да на утро на ранно ставаютъ,
Да и ходятъ народъ по Риньскому царству
Да и носитъ фимiяны, всё дѵхи;
Да пошли Ефимьяновы слуги,
Да пошли сиротину посмотрѣли,
Сиротина лежитъ нынь приставилась,
Во рукахъ-то держитъ рукописаньё.
Да пошли его нынь вѣрны слуги,
Ефимьяну князю нынь сказали:
„Охъ ты ой есь, Ефимьянъ князь богатой,
Сиротина лежитъ у насъ сприставилась,
Во рукахъ-то дёржитъ рукописаньё“.
Говоритъ Ефимьянъ князь богатой.
— Да потьте, несите рукописаньё.—
Да пошли его слуги нынь вѣрны,
Рукописаньё-то слугамъ не далосе,
Не могли они взеть рукописаньё,
Да пошли ёна нынь къ Ефимьяну.
„Ужъ ты ой есь Ефимьянъ князь богатой,
Рукописаньё-то намъ не далосе,
Не могли-же мы его отжати,
Да изъ правой-же изъ руки-же“.
Да пошолъ Ефимьянъ нонь самъ же,
Да пошолъ онъ во ту же во комнату,
Да въ которой сиротина приставилась,
Да берётъ Ефимьянъ рукописаньё,
Ефимьяну рукописаньё отжалосе,
Посмотрѣлъ Ефимьянъ рукописаньё,
Да и тутъ Ефимьянъ звылъ, сплакалъ,
Да не могъ на ногахъ устоети,
Да и палъ онъ же тутъ на колѣни.
„Охъ ты ой есь, мое возлюбленно цядо,
Да пошто-же ты намъ не сказалось“.
Да пришла-же его княгина,
Да идётъ его матушка родима,
Да и матушку ведутъ слуги подъ руки,
Да и всѣ они звыли шипко сплакали.
„Охъ ты ой есь, возлюбленно чадо,
Да пошто-же ты намъ не сказалось,
Да и этта-ле мы тя повалили,
Завели-бы въ свои тебя полаты,
Да съ собой-бы за столъ посадили,
Да всякими ѣствами накормили“.

2.

Егорій и Олисавья [1]).

На Рохлиньско царство Богъ прогнѣвалса,
Онъ спустилъ змѣю да лютоенницу,
Лютоенницу да едовитую;
Кабы ѣстъ змѣя да лютоенница
А на всякой день, да на всяки суточки
По главы-де ѣсъ да человѣческой,
По другой главы да лошадинноей.
А па ту пору да нынь на то время
Собиралисе да соѣжжалисе
А во то царство во Рахлиное
Кабы три царя да три царевиця;
А метали же да ёни жеребью,
А кому-же нынь да доставалосе?
Кабы падалъ жеребій да царю итти,
Какъ тому царю да Огафону
Какъ лютому звѣрю на съѣденьичо.
Кабы тутъ Огафоній запечалился,
Повѣся держитъ да буйну голову,
Потопя очи да въ мать сыру землю;
Онъ идётъ по царству по Рохлыньскому,
Онъ идётъ къ своему широку двору,
А стрѣцятъ его да молода жона,
Говоритъ его да молода жона:
„Охъ ты ой еси, нашъ да Агафоней царь!
Ужъ ты што-же идёшь да запечалисе?
Ужъ ты што-же идёшь такъ да закручинилсе?
Повѣся доржишь да буйну голову,
Потопя ёци да въ мать сыру землю?
Жеребью-ле-те да нонь повыпало,
На дѣлу-ле-те да нынь досталосе?„
Говоритъ па то да Агафоней царь:
— Жеребью-ту мнѣ да какъ повыпало,
На дѣлу-ту мнѣ да какъ досталосе.—
Говоритъ его да молода жона:
„Не печалься-ко ты, нашъ Агафоней царь,
У насъ ёсь съ тобой да не любо цядо,
Не любо цядо, да не мило дитя.
Она не вѣруетъ да въ вѣру нашую,
Она вѣруетъ да въ вѣру пятому, (такъ!)
Кабы вѣруетъ Христу распятому.
Ты поди-ко же да въ нову горницу,
Ту буди свою да Олисáвью дочь,
Ты скажи-ко ей таково слово:
„Я просваталъ тя да Олисавья дочь,

---

[1]) Ксенія Архиповна Поздѣева, 62 л. Устьцыльма.

„Я за тихъ-ле русскихъ за богатырей,
Я за тихъ хрестьянъ да православныихъ“.
Онъ пошелъ какъ нынь да въ нову горницу,
Онъ будить свою сталъ Олисáвью дочь:
„Ты ставай, Олисавья Агафоновна,
Ты ставай-ко вѣдь да поскорешинько,
Наряжайся-ко да поскорешинько,
Я просваталъ тя да Олисáвья дочь,
Я за тихъ хресьянъ да провославныихъ,
За руськихъ славныхъ за багатырей“.
Какъ стала Олисáвья поскорéшинько,
Умывалася ёна бѣлéшинько,
Снарежалася ёна скорéшинько,
Выходила она да вонъ на улицу,
Вонъ на улицу, на круто крыльцё;
Тутъ стоитъ каретка зла-печальняя,
Тутъ сидитъ слуга да зла-невѣрная,
Говоритъ слуга да зла-невѣрная:
„Ты садись, Олисáвья да Агафоновна,
Я повезу тебя да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
А лютому змѣю да на съѣденьичо“.
Кабы тутъ Олисáвья звыла-сплакала,
Говоритъ она да таково слово:
—Жеребью винно мнѣ-ка повыпало,
На дѣлу винно мнѣ-ка досталося.—
А садилась она да во коретоцьку,
А во ту коретку злу-печальнюю,
А повзёъ слуга да зла-невѣрная,
Онъ повёзъ-же ей да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
На жолты пески да на Макарьевски.
Вотъ прiѣхали да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
Выходила Олисáвья изъ коретоцьки,
А садилась она да на жолты пески.
А сидитъ Олисавья на жолтомъ песку
А пришолъ Егорей-светы-храбрыи.
„Охъ ты ой, Олисавья Огафоновна,
Ты примай меня во товарыщи“.
Говоритъ Олисавья Огафоновна:
—Я онна свезёна ко синю морю,
Ко синю морю змѣю на съѣденьичо.—
Говоритъ Егорей таково слово:
„А обѣхъ, быватъ, насъ да Богъ спасётъ“.
Тутъ примала Олисавья его во товарыщи,
Онъ лажился ей нонь на колѣни.
„Ты ищы у меня да въ буйной головы,
Какъ росколыблитце море Вохлынское,
Выходитъ станетъ змѣя лютоенница,

Ты буди меня отъ крѣпкого сну,
Ты буди меня да добужайся-ко“.
Какъ сидитъ Олисавья Огафоновна,
А глядитъ она да на синё морё,
Какъ скоро морё сколыбалосе
А морска волна до расходиласе,
Какъ выходитъ змѣя да лютоенница,
Говоритъ змѣя да таково слово:
„нѣ ужъ будётъ нонь да какъ наисьтисе
нѣ ужъ будётъ да какъ нажратисе,
Кабы двѣ головы да человѣчески,
А третья голова да лошадинная“.
Былижешенько змѣя подвигается.
Она стала будить его отъ крѣпкого сну,
А не можетъ она да добудитисе,
Онъ и плотно спитъ да не пробудитсе,
Она стала же слезно плакати,
А уканула да горяча слеза,
На его-то же на бѣло личё.
Онъ скорешенько да пробудилса-же,
Говоритъ Егорей таково слово:
„Охъ ты ой еси, Олисавья Огафоновна,
Ты ужъ чимъ меня ужгла, ужáрила?“
—Я не цимъ тебя не ужгла ищэ,
Я не цимъ тебя да не ужáрила,
Не могла тебя да добудитисе,
Я ужъ стала-же да слёзно плакати,
А упала моя да горяця слеза,
На твое какъ да бѣло лицё.—
Говоритъ Егорей таково слово:
„Охъ ты ой еси, Олисавья Огафоновна,
Ты ужъ дай же мнѣ да свой шолковъ поесъ
Я свежу змѣю да на шолковъ поесъ“.
Отдавала она ему свой шолковъ поесъ,
Онъ везалъ змѣю да на шелковъ поесъ,
Онъ давалъ Олисавьѣ Огофоновой,
Говоритъ же онъ ей таково слово:
„Охъ ты ой есь, Олисавья Огафоновна,
Поведи змѣю да лютоенницу,
А во то во царсво во Рохлиньское“.
Кабы сталъ Егорей тутъ наказыватъ,
Какъ сталъ Олисавьѣ наговариватъ:
„Приведешь во цярьсво во Рахлинское,
Приведи къ царю да къ Огофонію.
Говори ты царю да Огафонію:
„Охъ ты ой еси да Огафоній царь,
Ты поставь три церкви, три соборныи,
А перву черковь Егорью Храброму,
А другу черковь Миколы Светителю
А третью черковь Матерь-Богородици;

Окрести-ко міръ, всѣхъ православныихъ;
Не поставишь три церкви, три соборныи,
Не окрестишь ты міръ, да православныихъ,
Я отпущу змѣю во царсво со поеса,
Васъ ужъ всѣхъ пріѣсъ да до единого
Не оставитъ въ царсви ни единого".
А пошла Олисавья Огафоновна,
Повела змѣю да лютоенницу,
А ведетъ змѣю она на поеси,
Какъ коровушку будто доёную.
А идётъ во царсво во Рахлиньское,
А ведётъ-ли да лютоенницу.
Какъ увидѣла Огафонова молода жона,
А изъ той изъ грини кнеженевскоей,
Изъ того окошечка косявчета,
Говоритъ Огафонова молода жона:
„Ужъ ты ой еси, да Огафоней царь,
Не любо цядо, его змѣй не ѣсъ,
Его змѣй не ѣсъ, да какъ не кушаётъ,
Ужъ ты ой еси, Огафоній царь,
Олисавья идётъ, она змѣю ведётъ".
Говоритъ на то Огафоній царь:
— Ёшъ ты глупа баба, неразумная,
У тя волосъ дологъ, умъ коротокъ-же,
А кака нонь есь да Олисавья жива,
Ковды свезёна змѣю на съѣденьицо,
А Печéрскому на прожораньицо,
Кабы много возили, да не ворочались.—
Говоритъ его ищэ молода жона:
„А не вѣришь мнѣ дакъ поди самъ смотри".
Онъ идётъ къ окошоцьку косявчату,
Поглидѣлъ въ околенку хрустальную,
Какъ идётъ его да Олисавья доць,
А ведётъ змѣю да лютоенницу,
Какъ коровушку ведётъ она смиренную,
А смирёную она да подаеную.
А выходятъ они да на круто крыльцо
А встрѣцеютъ скоренько Олисавью доць,
Говоритъ ему да Олисавья доць:
„Охъ ты ой еси, да Агафоней царь,
Ты поставь три церкви, три соборныи
Окрести-ко всѣхъ міръ православныихъ,
А перву церковь Егорью Храброму,
А другу церковь Миколы Святителю,
А третью церковь Матерь Богородици;
Не поставишь три церкви, три соборныи,
Не окрестишь ты міръ да православныихъ,
Я спущу змѣю да нынь со пояса,
Васъ ужъ всѣхъ пріѣсъ да до единого,
Не оставитъ во царсвѣ ни единого".

Какъ на то Агафоней соглашается,
Онъ скорешинько да наряжаитцэ,
Собирать народъ всѣхъ православныихъ,
Кабы ставить церкви нынь соборныи.
И поставили да нынь скорешинько
Какъ три церкви вси, да три соборныи,
А крестили всѣхъ міръ православныихъ.
Спускала змѣю она со пояса
А стегнула змѣю она да поясомъ
А розсыпалась змѣя жолтымъ пескомъ,
А жолтымъ пескомъ да всё Макарьевскимъ.

3.

Егорій и Александра [1]).

А Содомъ-де Гоморъ да сквозь землю просѣлъ,
На Рохлинско царсво Богъ прогнѣвался,
Онъ спустилъ-де змѣю да лютоенницу.
Собиралисе тутъ да сокоплелисе,
Кабы сорокъ царей да сорокъ королей,
А метали они жеребьи таволженыя,
А кому какъ итти да ко синю морю,
Ко синю-де морю да ко лютой змѣи,
Ко лютой-де змѣи да на съѣденьицо,
На съѣденьице итти да на прожороньице.
Доставалося тутъ да самому царю,
Самому-де царю да какъ епископу;
Какъ пошолъ-де епископъ запечалилса,
Запечалилса пошолъ, да закручинилса.
Повѣся онъ доржитъ да буйну голову,
Потупя свои доржитъ да оци глупыя,
Онъ во матушку дёржитъ до во сыру землю.
А завидѣла его да молода жона,
Молодая жона, его люба семья.
„Уже што-же Огафей такъ запечалилса
Уже што-же Олексондравичъ закручинилса?
Повѣся свою доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци глупыя,
Ты во мать дёржишь, да во сыру землю?
У насъ есь вѣдь съ тобой кѣмъ замѣнитисе,
У васъ есь вѣдь Олександра Огафьевна,
Не любо она дитя намъ, не мило цядо,
Она не нашу какъ вѣру съ тобой вѣруётъ“.
Кабы тутъ Огафей вынь розвеселой сталъ,
Онъ пошелъ къ Олександры Огафьевной.

---

[1]) Екатерина Өедоровна Торопова, 81 года, с. Устьцыльма. Маленькое сморщеное созданье, ходитъ по домамъ Устьцыльмы и собираетъ милостыню. Взялась спѣть мнѣ „Голубинную книгу“ (см. „Печорск. Былины“ стр. 235). Память еще очень хорошо сохранилась. Пьетъ водку и еще припрашиваетъ. Жизнь ея была очень неудачна: вышла замужъ 16-ти лѣтъ, за 45 лѣтняго; отдали силой; всю жизнь тяготилась мужемъ, но пришлось прожить съ нимъ 53 года! Мужъ ея умеръ 90 слишкомъ лѣтъ.

Онъ заставилъ Егорья на огни жогчи,
Отъ Егорья огонь кабы вѣдь тухнетъ тамъ,
Какъ не цемъ не могутъ повредить его.
Онъ заставилъ Егорья на воду свести,
Привязать его ко камню великому,
Повели Егорья ко быстрой рѣки,
Привязали его какъ къ камню великому,
Какъ спустили Егорья на быстру рѣку,
Какъ на томъ на камни на великоёмъ.
Какъ светый Егорій по воды пловётъ,
На камню пловётъ, онъ стихи поётъ,
Онъ стихи поётъ, какъ по-архангельски
Онъ гласы возноситъ, какъ по-ангельски;
Не могли Егорья они кончити,
Заступилъ Господь за его, Владыко царь.

5.

Мученія Егорія [1]).

...А светый-де Егорей светы-храбрыя,
Онъ светы-де Егорей по воды плывётъ,
По воды-де плывётъ, да на камню стоитъ,
На камню-де стоитъ, противъ воды плывётъ,
Онъ стихи-де поётъ да херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-архангельски.
Светы-де Егорья во пилы пилятъ,
Отъ света-де Егорья пилы сыплютця,
А светы-де Егорій, светы храбрыя,
Онъ стоитъ-де Егорій, цуть не трехнетця,
Только стихи онъ поетъ да херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-архангельски.
А светого Егорья во котли варятъ,
Онъ въ котли-де кипитъ, а самъ стихи поётъ,
Онъ стихи-де поётъ да Херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-Архангельски.
А мучители, гонители дивуются,
Нарѣжаютъ они-де какъ гонителя.
„Ты худо-де варишь, да огнёмъ палишь“.
Онъ во тотъ во большой огонь руку сунулъ,
Онъ свою руку сунулъ — рука отпала тутъ.
Кабы взялъ тутъ Егорій светы храбрыя
Приложилъ ему назадъ руку,
Онъ какъ дунулъ Егорій святымъ духомъ,
А опеть его рука стала по-старому,
Онъ топере змолился Егорью храброму.
А не стали больше Егорья мучить мучители,
А не стали больше Егорья гонить гонители.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Екат. Өедор. Торопова.

ОТДѢЛЪ II.

Сибирскія пѣсенныя старины.

1.

Суханко сынъ Тумановичъ.

Скажу-ко-те, братцы, я стàрину вамъ скажу,
Стàрину скажу и старопрежнею,
Старопрежнею и стародавнею.
У нашева то у князья великъ празникъ—
Душенькя князиня именинница.
Собирались къ ней князья-бо́яры,
Князья, бо́яры и могучіе и богатыри.
Князь ту по горенкѣ похаживаетъ,
Князь ту по свѣтлои по свѣтлицѣ погуливаетъ,
Изъ рѣчей ту етотъ князь выговариваетъ:
„Чѣмъ же васъ князинушкя будетъ подчивать,
„Чѣмъ же васъ князинушка будетъ чествовать?—
„Не случилось у князинушка сѣрой утицы
„И не случилось лебядки бѣлою.
Хто бы изъ васъ, братцы, съѣздилъ на сине море
И на тѣ же морски на тихія заводи
И на тѣ же на глубокія ржавчины,
Поймалъ бы хто лебядку бѣлою,
И безъ той бы безъ раны и безъ сердешною,
И безъ той ту раны и безъ кровавою,
Не выпустилъ бы хто крови горячу̀ю".
Большей отъ за меньшова хоронитца,
Отъ меньшева богатыря отвѣту нѣтъ.
Не изъ большева стола и не изъ меньшева,
Изъ тово ту изъ стола изъ середнева,
Съ той ту со скамеенки бѣлодубовою
Выходилъ ту, *говоритъ*, дородной добрый молодецъ,
По имени Суханко сынъ Тумановичъ:
„Разѣ я, братцы, *говоритъ*, съѣжжу на сине море
И на тѣ же морскія тихія заводи,
И на тѣ же на глубокія на ржавчины,
Поймаю я ту лебядку бѣлою

И безъ той ту я раны и безъ сердешною,
И безъ той же безъ раны и кровавою.
И не выпущу я крови горячую.—
Наливай ко ты мнѣ чару зелена вина,
Небольшую то чару—полтора ведра!“
Выпивалъ ту ету чару на единый духъ.
Пошолъ ту Суханко на конюшный дворъ,
Имałъ ту себя Сухануşко добрà коня
И не зауздывалъ, коня и не засѣдлывалъ,
Не бралъ съ собой Суханушко ни палицу
И не бралъ съ собой Суханушко вострà копья,
Только взялъ съ собой Суханко плеть шелковую.
Простегивалъ коня до чэрнà тѣлà
Ево же добрый конь сталъ расерѕатися.
Отъ сырою отъ земли сталъ отдѣлятися.
Скàкалъ же ево конь съ гòры на гору,
А мелкой раздолье межу ногъ пускалъ.
И пріѣхалъ Суханко на сине море
И на тѣ же морски тихія заводи,
И на тѣ же на глубокія ржавчины;
Поималъ ту Суханко лебядку бѣлою
И безъ той ту раны и безъ сердешною.
И безъ той-ту раны и безъ кровавою
И не выпустилъ Суханко крови горячую.

. . . .

Подымалась туча чэрная,
Туча чэрная и туча грозная,
И сила невѣрная...
Опускали въ Суханку съ горы стрѣлы:
„Лети, *говоритъ*, калена стрѣла не на воду, не на землю,
А пали, *говоритъ*, Суханку въ бѣлыя груди!“
. . . . Все же пріѣхалъ Суханко въ „кружку“ свою
и принесъ лебедь бѣлу“.

д. Беженск. Заника. Е. Поповъ. 66 л.

2.

Добрыня Никитичъ.

Во Казанѣ было то городѣ.
Былъ Микитуша старенёкъ, состарился и переставился.
Оставались дѣти малыя, жена молодая.
Оставался Микитичъ, не могъ конемъ владать и копьемъ воевать.
Сталъ Микитичъ девяти годовъ, сталъ Добрынушка двѣнадцати.
Сталъ шутить шутки не малыя, не малыя и большія то:
Ково хватитъ за руку—руку оторветъ,
Ково хватитъ за ногу—ногу выставитъ.
Мать ево Горынище услыхало то,
Стала дѣтище журить-бранить:
„Гой-ести дѣтище, гой-ести родимое! Пошто такъ дѣлаешь?

Шутки шутишь не малыя, не малыя и большія".
Сталъ Добрынушка просить благословленіе:
„Взгой-ести матушка, взгой-ести родимая!
Дай мнѣ велико-большо благословленіе!
Сковать палицу двоичудную, сторублевую;
Я поѣду во чисто поле, во широкое во раздольицо".
Стала мать ему наказывати:
„Взгой-ести дѣтище, взгой-ести родимое!
Поѣдишь ты въ чисто поле, во широкое во раздольицо,
Хватятъ тибя жары лѣтнія и Петровскіе
И поѣдишь ты подлѣ синя моря,
Захотись тибѣ Микитичу искупатися:
Привязывай добра коня ко ракитову кусту,
Скидай съ себя платье цвѣтное,
Не скидай, *говоритъ*, чэрну шляпу пуховую;
Запловешь во перву струю, запловешь во втору струю,
А изъ третей струи назадъ вернись—
Третья струя невольная".
Ѣхалъ Микитичъ подлѣ синя моря,
Хватили ево жары лѣтніе и Петровскіе,
Захотись Микитичу искупатися:
Слезовалъ съ добра коня, изъ черкацкова изъ сѣдёлышка,
Привязывалъ добра коня ко ракитову кусту;
Скидовалъ съ себя платьё цвѣтное;
Заплылъ Микитичъ во перву струю,
Заплылъ Добрыня во втору струю,
Третья струя невольная
Понесла тово Микитича во желты пески, мелки пещёрочки.
Надлетаетъ надъ нево змѣй-отъ лютой и палючей:
„Али тибя, Микитичъ, живкомъ сглону,
Али, Добрыня, огнёмъ сожгу!"
Тутъ Микитичъ взмолился ему:
„Змѣй лютой и палючей, не ѣшь и не жги миня,
Выпусти миня на прикрутъ берегъ,—
Ты будешь большой братъ, я тибѣ меньшій".
Выпускатъ Добрыню на прикрутъ берегъ.
Нагребатъ онъ чэрну шляпу пуховую
Песку бѣлова и мелкова,
Бьетъ онъ змѣя лютова и палючева,
Отшибаетъ у нево три хобота.
„А больше не знаю"... (См. стр. 8, вып. 1).

Крестьянинъ-ангарецъ изъ д. Дворецъ, Кежем. в.

3.

Женитьба Алеши Поповича.

Поѣхалъ нашъ Добрыня во чисто поле гулять,
Поѣхалъ нашъ Никитичъ во роздольицо гулять:
„Жди ты, Настасья, первы шесть лѣтъ,

Жди же ты, Никулинишна, вто́ра шесть лѣтъ,
Пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Пройдутъ годы страшные, времена пройдутъ всѣ урошные:
Хошь, моя Настася, замужъ пойди,
Хошь, моя Никулишна, замужъ пойди,
Не ходи ты за недруга моёво, за тово жо Олёшиньку Поповича,—
Онъ недругъ мой, супостатъ мой:
Онъ въ очи тобой похваляется, по за вочію тобой возношаетца,—
Онъ недругъ мой, супостатъ мой".
Прошло тому времю двѣнадцать лѣтъ,
Прошли тѣ годы страшные, времена прошли всѣ урошные.
Поневолилъ ее сонышко Владимеръ князь
Замужъ ити за тово жо Олёшиньку Поповича.
Пріѣхалъ нашъ Добрыня изъ чиста поля домой;
Выходила, стрѣчала родна матушка ево:
„Зво-ести родима матушка моя!
Какъ же не стрѣчаетъ молода моя жена,
Свѣтъ душа Настасіюшка Микулишна?"
„Нынче Настася за дубовымъ столомъ,
Нынче Микулишна за дубовымъ столомъ,
Со тѣмъ же с'Олёшой Поповичёмъ".
Тутъ-то доброму молодцу за бѣду показалося,
За великую досаду показалося.
Онъ бралъ сибѣ платьё скамаровское,
Во карманички клалъ чэ́рвончики;
Приворотничкамъ давалъ по гривенкѣ,
Придворничкамъ давалъ по полтиночкѣ,
Пробирался онъ к'Олёшинькѣ на свадьбу:
Онъ крестъ отъ клалъ по писанному
Поклонъ воздавалъ по ученому—
Князью со княгиней на особь статью,
Сонышку Владимеру со той же со князиней королевной на особь статью,
„Приходи ко, приходи, нашъ весёлый скамаровъ,
„Звесели ко нашу свадебку Олёшинькину!"
Заигралъ онъ, скамаровъ, во иные во лады,
Всѣ князья бояре пріуснули за столомъ,
Одна у насъ не спитъ Настася Микулишна.
Заигралъ нашъ скамаровъ во иные во лады,
Всѣ князья-бо́яре пробуждались за столомъ.
„Зво-ести, сонышко Владимеръ князь!
Прокажи всему поѣзду испить подать".
„Подавай, подавай, нашъ веселый скамаровъ,
Звесели ты нашу свадебку Олешинькину!"
Подаваетъ пѐрву чару зелена вина
Сонышку Владимеру со князиней-королевишной;
Подаваетъ вторую чару зелена вина Олёшинкѣ Поповичу
Съ той же Цастасей Никулишной:
„Бери же ты, Настася, единой рукой,
Выпиваей единымъ духомъ!

Не пивать до дна, не видать добра—
Выпешь до дна, увидашь добра!“
— „Пропускай ты, сонышко Владимеръ князь,
Не пропустишь—черезъ столъ скочу!“
„Не скочи черезъ столъ, не ломай стола княжевецкова!—
Не диво Олёшинькю Поповичу;
А диво тебѣ, сонышко Владимеръ князь,—
Хотѣлъ ты отъ жива мужа̀ жену отнять,
Здраво женилъ, да не съ кѣмъ спать!

Со словъ крестьянки Александры Андреяновны Смолиновой записалъ П. Тр. Вороновъ. С. Богучаны.

Поется „протяжно“...

Болѣе или менѣе сходные варіанты имѣются: у А. Гильфердинга (Онежскія былины, т. I, стр. 61); А. Григорьева („Арханг. былины“ и пр., т. I, ч. 1, стр. 79, и т. II, 195).

4.

Здунай Ивановичъ.

„Здунай-то, Здунай, сынъ Ивановичъ!
„Не ходи ко, мое дитятко, на конюшенъ дворъ,
„Не имай, мое дитятко, коня доброва,
„Ко крыльцу то не подводи да не осѣдлывай,
„Не подтягивай двѣнадцать пѝдпругъ шолковыхъ,
„Не ѣзди, мое дитятко, вдоль по улицѣ,
„Не подъѣжжай, мое дитятко, ко кружалому—къ цареву кàбаку—
„Для тибя то, мое дитятко, зелье налажено,
„Въ зелено вино намѣшано“.
Не послушался де Здунай родимой матушки:
Пошолъ де Здунай да на конюшенъ дворъ,
Иматъ себѣ коня добрава,
Онъ сѣдло то одѣвалъ, самъ осѣдлывалъ,
Онъ подтягивалъ двѣнадцать пѝдпругъ шолковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости.
Поѣхалъ де Здунай ко кружалому...
Тутъ всѣ товаришши зрадòвалися,
Они брали де Здуная за бѣлы руки,
Подносятъ ему чару зелена вина,—
По краямъ-то етой чарочки огонекъ горитъ... [1])

с. Ужуръ, Ачинск. у. Андрей Титычъ Ананьинъ, 65 л.

---

[1]) Напечатано въ журн. „Живая Старина“, вып. I, 1901 г.
По словамъ А. Ананьина имя „Здуная“ упоминается въ другой былинѣ про „Князя Владимера“, которую зналъ другой крестьянинъ Петръ Алекс. Ананьинъ; съ послѣднимъ по нѣкоторымъ причинамъ я не былъ знакомъ и потому не записалъ второй варіантъ о Здунаѣ.

5.

Бой Добрыни съ бабой Горынищемъ [1]).

„Съѣхался Добрыня Никитичъ во чистомъ полѣ съ бабой Горынищемъ („богатырщица“). Съѣжжались другъ съ дружкой. Бьетъ она ево и вышибла изъ сѣдла Добрыню Никитича, начала ево пришибать, выбила палицу и копье. Онъ снялъ уже сапогъ съ ноги и сталъ отбиваться сапогомъ. Ѣдетъ Илья Муровецъ. Тутъ взмолился Добрыня Никитичъ: „Илья Муровецъ, возстань за миня! Убила баба Горынище девять богатырей, добыватъ, говоритъ, Добрынюшку десятова“.—„Не чесь и не хвала багатырская, штобы два богатыря на одну бабу шли. А не знашь бабьей ухватки: слевай бабу по щекѣ, пинай бабу подъ гузно, будетъ баба пятитьца!“—Сталъ Добрыня слевать бабу по щекѣ, пиналъ бабу подъ гузно, стала баба пятитьца... Убилъ онъ ее. Схватилъ „цинбалище“ - вострый ножъ, взрѣзалъ ей груди, а въ нихъ два вьюноши—двойниками брюхà, два богатыри были. Какъ Добрыня Никитичъ ушибъ ее, они такъ и *окàминтьли*“.

д. Кежем. Заимка. В. И. Сизыхъ.

6.

Неудавшаяся свадьба Олеши Поповища.

Поѣхалъ Добрыня Никитичъ во чисто поле, во широко во роздольицо.—Жди миня перво черезъ петнатцать лѣтъ; а не буду черезъ петнатцать лѣтъ, жди миня вдругоредь, милушка, черезъ тридцать лѣтъ; а не буду вдругоредь черезъ 30 лѣтъ, женѣ сказыватъ, выходи за другова взамужъ.

Прошло 30 лѣтъ. Жена ево другова сибѣ мужа взела Олешу Поповища. У нихъ тысяцкимъ былъ Илья Муровецъ.

Вернулся Добрыня Никитичъ. Пошолъ съ гуслямъ на сватьбу. Сталъ играть-наигрывать, стали ево потчевать. Онъ проситъ позволеньё выпить: „Можно ли нѣтъ выпить съ вашею кнегиней по стаканчику?“ Велѣла она ему пива поднесть въ стаканѣ; онъ тайкомъ опустилъ (въ него) свой именной перстень; потомъ какъ выпила она свой стаканъ, увидала именной перстень и говоритъ:

— Хочешь ли, Добрынушка, кругомъ столъ обойду, али хочешь, Добрынушка, черезъ столъ скачу?

— Нѣтъ, говоритъ Добрыня, не гоже ломати стола княжева, лучше по за столъ обойди!

Сошлись они рука въ руку и пошли со сватьбы.

„Женился Олеша, да не съ кѣмъ спать,
„Да не съ кѣмъ спать, веселея встать!“—

Сказалъ на кончинѣ Илья Муровецъ.

д. Кежем. Заимка. В. И. Сизыхъ.

---

[1]) Запись не вполнѣ передаетъ мѣстное нарѣчіе.

7.

Олёша Поповища, Якимша слуга-парубокъ и Тугаринъ [1]).

Силой не силёнъ, а смѣлосью смѣлъ былъ Олёша Поповища. У нево былъ Якимша слуга-парубокъ тоже бо̂гатырь. Приходитъ къ Солнушку Владимеру. Хрестъ кладутъ по учо̆ному, поклонъ кладутъ по писа̂нному и садятца ко дверѣ на приступочикъ. У Солнушка у Владимера сидитъ Тугаринъ Змѣёвища-бо̂гатырь Несли ему пишшу-лебедь,—цѣлкомъ съѣдалъ. Какъ онъ на вилку подхватитъ лебедя то, онѣ со приступка и говорятъ:

— „У нашева городу во Ростовѣ, у нашева попа у Ивана была чэрна корова волошяная (?); барды-ста корова объѣдалася,—Тугарину Змѣёвищу тоже будетъ!"

Выдергиватъ Тугаринъ Змѣёвища изъ „цинбалища"—вострый ножъ и мечетъ въ нихъ. Олёша Поповища отвернулся отъ ножа, а Якимша слуга-парубокъ схватилъ ножъ за ручку и говоритъ:

— Хошь, Олёша, самъ мечи, али ты хочешь, штобъ я металъ?

— Самъ не мечу и тибѣ не велю. А из'утра я съ Тугариномъ поправлюся".

Далѣе Тугарину приносили гуся и (пропускъ), которыхъ тотъ „цѣлкомъ проглонулъ". Олёша съ Якимшей сравнивали его то съ „чэ̆рнымъ кобелемъ", то съ „бурою свинней". Тугаринъ металъ въ нихъ ножемъ, Олёша увертывался, Якимша ловилъ. Происходилъ между ними извѣстный уже діалогъ...

„Тугаринъ змѣевища леталъ; у нево гумажны крылья были поддѣланы, и носилъ на сибѣ загонъ земли. Онъ не нашой, значитъ, вѣры былъ.

Сошлись на полѣ. Надлетѣлъ Змѣевища и говоритъ:

— Толи тибя огнемъ сожгу, али землей засыплю!

Никто подъ Олёшу не поручитца, никто подъ Олёшу не подпишитца... Старичо̆къ бѣлборода поручится подъ Олёшу, а подпишится подъ Олёшу—Якимша слуга-парубокъ.

Олӗша говоритъ: „Господи! подыми съ моря̂ туманчики, понеси ты изъ туманчику тучу грозную, изъ тучи грозной мелки дожжички, подмочи у Тугарина крылья гумажныя".

Поднялся съ моря̂ туманчикъ; изъ тово изъ туманчику понеслась туча грозная; изъ той ту изъ тучи грозной пошолъ того разу дожжичекъ, подмочилъ Тугарину крылья гумажныя. Тугаринъ тогда палъ на землю. Подбѣжалъ Олёша Поповища, вынулъ изъ цинбалища—вострый мечъ и говоритъ:

— Да не чесь, не хвала богатырская: на одново богатыря двое! Какъ, говоритъ, обернулся Тугаринъ, а Олёша ему голову и снесъ; надѣлъ на копье востроё и повезъ въ Кіевъ городъ. Тамъ сказали: „Да видно свинья гуся съѣла!"

д. Кежем. Заимка В. И. Сизыхъ.

Соотвѣтствующій варіантъ у А. Григорьева (т. I).

---

[1]) См. „Олеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугаринъ змѣй".—Н. Ончуковъ. „Печерскія былины", стр. 333.

8.

По морю, по морéчку, морю сйнему
Плыли, выплывали три караличка:
Пéрвой отъ карабличекъ—наперетъ бѣжитъ,
Вторый отъ карабличекъ—какъ соколъ летитъ,
Третей отъ карабличекъ—йскалъ присталищицо
И нашолъ крутый бережокъ.
Наповадилася красная дѣвица
По кубцамъ ходить, по торговшичкамъ,
Наповадилася красная дѣвица во йгры играть;
Во йгры то, говоритъ, играла красная дѣвица во нѣмецкія.
И выиграла красная дѣвица три карабличка:
Пéрвой отъ карабличокъ—чистова золота,
Вторый отъ карабличокъ—чистова серебра,
Третей отъ карабличокъ—бѣлъ-горючь-камень.

(Вѣроятно неокончено).

д. Кежем. Заимка. Ф. В. Сизыхъ.

По сюжету сходна съ „нисшей эпической" пѣсней, отмѣченной А. Соболевскимъ (т. I, стр. 411, № 325—„Пѣсенникъ" 1780, ч. II).

9.

У нашева у царя, свѣта батюшка,
У нашею у царицы благовѣрную
Потерялася потерèячка, потерялася немалая;
Немалая и невеликая—
Не вò сту рублей потеря́ и не во тысячу,
Потерялася потеря́ во три тысячи.
Изъ тово было изъ садичку изъ зелёнова,
Изъ той-ту изъ за рѣшоточки изъ середнію,
Изъ за середнію, изъ серебряною
Ушолъ у насъ, улетѣлъ младъ ясёнъ сокòлъ.
За сокòломъ бѣжитъ погонюшка—молодой солдатъ,
Кричитъ-зычитъ сокòлику зышнымъ голосомъ:
„Стой ко, постой, младъ-ясѐнъ сокòлъ, стой, не улетай!
„За тибя, *говоритъ*, миня, соколи́чекъ, царь ска́знить хочетъ,
„Благовѣрная царица ска́знить—повѣсить хочетъ".
Умѣлъ сокòлъ ему отвѣтъ сдоржать:
— Когды я былъ, соколи́чекъ, во пойманню,
Не умѣли миня, соколи́чка, во честѣ доржать,
Кòрмили миня, соколи́чка, хлѣбомъ-оржаниною,
Поили миня, соколика, водою болотною...
А типерь я, соколи́чекъ, на своей волѣ:
Полéчу я, соколи́чекъ, по Му́рскія заводи,
Пòдшибу я, соколи́чекъ, лебедь бѣлою,
На́пьюся я, соколи́чекъ, крови горячою,
Кровви горячою, лебединою,
На́ѣмся я, соколи́чекъ, мяса лебединова.

Д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

10.

Ужъ вы, старыя старушки, вы послушаите,
Молодые вы, робятушки, вы подумаите,
Ста̀рину я вамъ скажу стародавнею—
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Ужъ онъ, нашъ бѣло̀й царь, онъ хитёръ былъ мудёръ,
Онъ хитёръ и мудёръ, мудрѣй въ свѣтѣ ево нѣтъ.
По̀дходилъ бы царь подъ стѣны, подъ стѣны каменныя,
Подъ каменныя стѣны шолъ бы по̀дкопью,
Онъ подкатывалъ боченочки дубовенькіе,
Со лютымъ сильнымъ зельемъ чэрнымъ порохомъ,
Становилъ бы царь свѣчѝ и свѣчѝ сальныя,
Свѣчи сальныя и свѣчи подземельныя.
„И вы горите ко, свѣчѝ, и вы не га̀сните"!
И горятъ еты свѣчѝ, долго теплятца:
Аль нашъ же бѣлой царь расержатися сталъ.
Всѣ же енералы испужалися,
А одинъ ко те енералъ не устра̀шился,
Хотѣлъ ко, горить, съ царемъ слово молвити...
И начало стѣны рвать, только кло̀чни летять.
И злы татарченны со стѣно̀чки попадали.
Начали косить, по грудямъ въ крови бродить...

д. Кежем. Заимка. Евгр. Вас. Сизыхъ.

По сюжету подходящій варіантъ имѣется у А. Гильфердинга („Онежскія былины", стр. 563). У Терещенко есть сходный варіантъ.

11.

Середи торгу-базару, середь ярмонки
Тутъ стояла палата бѣлокаменная,
Бѣлокаменная, мелкирпищата.
Во этой во палатѣ живетъ благовѣрной царь.
Приходили ко царю солдатушки
Просили у ца̀ря суда-правежу;
„Дай намъ суда-правежу
На великова на князя Долгорукова"!
„По̀йдите, *говоритъ*, солдаты, во сы̀рой боръ,
Вырубите слеги девяти аршинъ,
Положите ети слеги на круты плечѝ,
Принесите ети слеги ко красну крыльцу,
Сдѣлаите ко князю мостикъ ко красну крыльцу"...

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

По сюжету подходитъ къ пѣснѣ: „Жалоба солдатъ Петру I на кн. Долгорукаго" (А. Григорьевъ —„Архангельскія былины" и пр., 569).

12.

Во городѣ во Кряконѣ, во горнѝцѣ и во свѣтлою,
И на складномъ стулу, и на ремешчатомъ,
Сѝдѣлъ тутъ батюшко шветской король,

Передъ нимъ ту стояли князья-бо̀яра и шветы мудрые:
„Ой вы, шветы мудрые, разсудите ночѐшный мой сонъ!
Не гора, батъ, стоитъ, какъ снѣхъ бѣла,
На горѣ сидѣлъ младъ сизой орелъ,
Во кохтяхъ ту доржалъ чэ̀рна ворона“.
Отвѣчають ему шветы мудрые:
„Батюшко шветской король!
Не можемъ мы разсудить ноче́шный твой сонъ“.
Изъ за той ту изъ за занавѣсы полотняною,
Изъ за той ту печи кирпишчатой выходила красная дѣвица: [1])
„Разѣ я, батъ, батюшко, шветской король,
Разсужу твой ночѐшный сонъ!
Не гора, батъ, стоитъ—стоитъ русска армія,
Во арміи сидитъ бѣлой царь,
Во рукахъ доржитъ шветскова короля...
И заутра тибѣ, батюшко, быть пойману,
Быть пойману, али убитому“.

д. Кежем. Заимка. Ф. В. Сизыхъ.

13.

Про Платова казака небрѣтая голова.
Пла̀товъ бороду обрѣлъ и ко французу подоспѣлъ;
Ево фра̀нцузъ не узналъ и за кубчи̇ка почиталъ,
За купчика почиталъ и за дубовой столъ сажалъ,
За дубовой столъ сажалъ и рюмку водки налевалъ:
— Ужъ ты, кубчикъ, мой голубчикъ, и хто бы Пла́това сказалъ,
— И хто бы Платова сказалъ, казны денегъ много далъ.—
„Ужъ фра̀нцузъ, нашъ король, и на̀ што деньги намъ доржать,
„И на̀ што деньги намъ доржать, можно такъ ево сказать:
„Ужъ онъ, Платовъ енералъ, мнѣ ко брателко родной,
„Мнѣ ко брателко родной—отца матери одной“.
— Ужъ ты, кубчикъ, мой голубчикъ, покажи ка свой патретъ.
Онъ патретикъ вынималъ и Арену́шкѣ подавалъ,
Арену́шкѣ подавалъ, самъ изъ горенки бѣжалъ,
По лѣсенкямъ ступалъ и все записочки бросалъ,
На крылечко выбѣгалъ, ришнымъ голосомъ вскричалъ:
„Вы казаки, вы до̀нскіе казаки, подводи скоро коня,
„Подводи скоро коня подъ Платова казака“.
Платовъ енералъ во стремнушки ступалъ,
Во стремнушки ступалъ и какъ соколикъ залеталъ,
Какъ соколикъ залеталъ и вокругъ избы обѣгалъ,
Вокругъ избы обѣгалъ и къ Арену́шкѣ подбѣгалъ:
„Ты, говоритъ, ворона, блять-ворона, и гумённая корга,
„Не умѣла, блять-ворона, соколи̇ка поймать,
„Соколи̇ка поймать и сизы́ перья ощипать!“

д. Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

А. Д. Григорьевъ, 189 („Арханг. былины“ и пр.).

---

[1]) Будто—дочь короля.

14.

Воръ, ты Капчевичъ, нашъ Капчевичъ,
Нашъ военный енералъ!
Заѣдаешь, нашъ Капчевичъ, наше жалованье,
Трудовое-годовое, нашо денежное!
На ети мы на деньги въ полѣ садикъ заведемъ,
Заведемъ въ саду палаточки не едакія:
Лучче и не хуже восударскова двора,
Тѣмъ ево не хуже—золотой ка̀зны нѣтъ,
Роскашетчаты окошечки, хрустальный потолокъ
И на етомъ потолочкѣ москварѣшная вода,
Москварѣшная вода по фантазу ведена̀,
По фантазу ведена, бѣла рыба пущена.
— Ужъ, ты рыба, моя рыба, рыба бѣлая моя,
Рыба бѣлая моя, моли Богу за миня̀.

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

15.

Подъ славнымъ то было городомъ, подъ Орѣшкомъ,
По прозванницу тому городу Питенбуръ—
На добромъ то конѣ доброй молодецъ ѣздитъ-разъѣжаетъ,
Всѣ то полки солдатскіе разбиваетъ.
Подъ нимъ то добрый конь притомился,
А онъ ту сѝдѣлъ на добромъ конѣ, разнемогся.
Всѣ ту дружья-товаришши уѣжжаютъ,
Одново то миня, добра молодца, въ полѣ оставляютъ...
Голосомъ ту мнѣ ревѣть, не доревѣтьца,
Чэрной ту шляпой пуховой мнѣ не домахатьца.
Закажу ту я съ вами, дружья-товаришши:
Батюшку челобитье, а матушки низкой поклонъ,
Милымъ дѣтушкамъ благословленье,
Молодэй жонѣ—своя воля̀.

д. Кежем. Заимка. Е. А. Поповъ, 66 лѣтъ.

16.

Подъ славнымъ то было городомъ, подъ Орѣшкомъ,
По прозваньицу тому городу Питербуръ.
Всѣ дружья-товаришши ѣдутъ, разъѣжжаютъ,
Одново то миня, доброва молодца, въ полѣ оставляютъ:
Одинъ у насъ доброй молодецъ рознемогся,
Подъ нимъ конь, до̀бра ло̀шадь, присталъ, притомился,
Въ головахъ у нево ле́житъ пуля̀ быстрая,
Во ево то рѣзвыхъ ногахъ лѐжитъ сабля вострая.

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

— Ужъ ты, мать, *говоритъ*, мать, мать родимая,
Ровно я те, говоритъ, нѐ сынъ
И ровно я те, какъ пасынокъ,
А ты, *говоритъ*, будто мнѣ нѐ мать ро́дна,
Нѐ мать родна, а будто мачиха!—

(Неокончена).

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

Первыми строфами этой пѣсни начинается одна изъ солдатскихъ пѣсенъ и двѣ „нисшихъ эпическихъ", отмѣченныя А. Соболевскимъ. („Великорус. народ. пѣсни", т. VI, стр. 97. „Пѣсенникъ", 1791. Ibid. т. I, стр. 437. „Пѣсенникъ", 1780 г.; ibid. т. I, стр. 458. Сибирь).

О томъ, что три брата метали „жеребья", чтобы рѣшить кому идти въ солдаты поется въ пѣсняхъ Самарской губ. № 82, Вологодская, №№ 83 и 84, Оренбургская, № 85 (ibid. т. VI, стр. 65—69).

28.

Ласкова привѣтлива се́стрица
Родимова-роднова братца провожала:
„Ужъ ты, *говоритъ*, братенко родимой, на̀чуй у миня ночьку!"
— И радъ бы я у тя начевати три ночи-четыри,
Бо́юсь-опасаюсь восударева указу,
Восударева указу, енеральскова приказу.
Енералушко по городу похаживаетъ,
Во звончевыя во гуслицы поигрываетъ
И свою братью-солдатовъ улещаетъ:
Встань ко те, вы солдатушки, и разбудитесь,
Скидовайте ко вы хресьянскіе кафтаны,
И надѣвайте ко вы солдатскіе мундеры,
Забирайте ко солдатскія фузеи!

д. Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

29.

Мимо славнова городу, мимо Воронина
Пролегала путь-дороженькя торная;
И во длину етой дороженьки ко́нца-краю нѣтъ;
Въ ширину ета дороженькя и не широкая,
И въ глубину ета дороженькя и не глубокая,—
Добру то коню до подбрюшницы,
Доброму молодцу до стремёнъ сѣдла;
Изъ лу̀ка-лука̀ дороженьки не перестрѣлити.
Никто по той дороженькѣ не прохаживалъ
И никто по той дороженькѣ слѣда не прокладывалъ.

„Ужъ ты гдѣ, воро́нъ, былъ, дѣ сполѐтывалъ?"
— Ужъ я былъ, воро́нъ, на дикой степѣ,
На дикой степѣ на Саратовскія,
Видѣлъ я чэрный воронъ диво-дивное:
Лѐжитъ тѣло бѣлое, ничѣмъ оно не прикрытое,
Къ етому тѣлу нихто не припахнетца.
Прилетали три пта̀шки касатыя:
Пѐрва ласка̀—рѐдная матушка;
Вто̀ра ласка̀—родная сѐстрица;
Третья ласка̀—молодая жона.
Родная матушка плачѐтъ, какъ рѣка течетъ;
А сѐстрица плачѐтъ, какъ ключа̀ кипятъ;
Молодая жона плачѐтъ, какъ роса падетъ,—
Сонцо взойдетъ—росу высушитъ".

С. Богучаны, Пинчуж. в. Еф. Мутовинъ.

19.

Го̀ры вы, го̀ры, вы Воробьевскія!
„Де ты, воро́нъ, былъ, де, чэренъ, леталъ!"
—„Лѐталъ я, *говоритъ*, воро́нъ, на дикихъ степяхъ,
Видѣлъ я, *говоритъ*, чэренъ, диво-дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Видѣлъ я, *говоритъ*, воронъ, тѣло бѣло, тѣло человѣчецко.
Нихто то къ етому тѣло не приступитца...
Прилетали три пташки касатыя:
Одна пташичка—ро̀дна матушка;
Вто̀ра пташичка—ро̀дна сѐстрица;
Третья то пташичка—молода жена.
Ро̀дна то мать плачетъ, какъ рѣка течетъ;
Сестрица плачетъ, какъ ручья́ тѐчутъ;
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Сонушко взо̀йдетъ росу высушитъ".

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

20.

Матушка Нева рѣка,
Нева рѣка и богатая.
Про тибя то лѐжитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
У тибя дёнышко серебряно,
Круты бережки позолочены,
Желты пески скатёръ зимчугъ;
Скатёръ зимчугъ разсыпаетца,
Молодецкое серцо разсержаетца,
Невой ту рѣкой похваляетца,
Нева ту рѣка быстро течетъ,
У сыра̀ то дуба коренья рветъ,
Коренья рветъ и зло сердешная.

д. Кежем. Заимка. Е. А. Поповъ, 66 л.

21.

Ужъ ты, батюшко Уралушко,
Прорылъ ты, батюшко Уралъ, кру́ты горы́,
Кру́ты горы́ высокія,
До самово-то прорылъ до моря́ до Каспицкова;
Середи то моря́ Каспицкова лѐжитъ сѣръ-горючъ камень,
Подъ камышкомъ лѐжитъ золотая ка̀зна,
На ка̀знѣ то сидитъ красная дѣвица.

д. Кежем. Заимка. Евгр. Ант. Поповъ, 66 л.

22.

Во славнымъ во городѣ и в'Астраганѣ
Появился дѣтинуша, незнамой человѣкъ,
Незнамой и незнакомой, и незнакома голова;
Шедро-шепетко по городу похаживаетъ,
На ёмъ бархатной халатъ, на врастепашочку ево носилъ,
Чэрны плисовы штаны на ево кру́тыхъ бедрахъ,
Чэрна плисова жилетка на ево бѣлыхъ грудяхъ,
Бѣлыя перстятки на ево бѣлыхъ рукахъ,
Козловы́е сапожки на ево рѣзвыхъ ногахъ,
Чэрна шляпа пуховая на одномъ ухѣ лежитъ.
Астраганскимъ то кубцамъ онъ не кланяетца;
Астраганскому хубернатору и подъ судъ не и́детъ.
Астраганскій хубернаторъ ево из'окошка увидалъ,
Из'окошка увидалъ, слугъ вѣрныхъ посылалъ:
— „Слуги, вы мои слуги, слуги вѣрные мои,
— По̀йдите, приведите и не сколь не меледите!“
Не сколь не медлили—тово часу привели,
Начали дѣтинушку допрашивати:
— „Скажи ка ты, скажи, дѣтина, не утай себя:
Али ты съ Дону казакъ, али казачей сынъ?“
„Я не съ Дону казакъ и не казачей сынъ,
„Я со матушки съ Рассеи—Сеньки Разина сынъ!“

д. Кежем. Заимка. Евгр. Ант. Поповъ, 66 л.

По сюжету подходящіе варіанты имѣются у А. Григорьева („Арханг, былины“ и пр., стр. 214, 307). Ближе всего сходна пѣсня „Стенька Разинъ“ (Н. Онучковъ — „Печерскія былины“, стр. 155).

23.

Изъ Тазу города шли два татарчѐнка,
Силу то бьютъ, какъ траву кося́тъ,
Просятъ у царя поединшика:
„Гой ты еси, Петрушка, православной царь,
Дай намъ, Петрушка, поединшика
Дай намъ, Петрушка, противника,
А не дашь противника—самъ иди!“

Не злата труба воспротрубилась,
Не серебряна чепочка воспрозыгралась—
Воспроговорилъ нашъ батюшка, провославной царь,
По имени Петръ, по величанню Алексѣевичъ:
„Хто, батъ, мою голову замѣнитъ животомъ своимъ?"
Не изъ пѐрвова ряду, не изъ середнева,
Изъ тово, говоритъ, ряду изъ послѣднева
Выступатъ тутъ дородной доброй молодецъ,
На немъ шубочка баранян навыворотъ
„Разѣ, *говоритъ*, замѣню голову твою животомъ своимъ!
Налевай, *говоритъ*, мнѣ турей рогъ мёду сладкова,
Налевай ты мнѣ чару зелена вина,
Мѣрную ету чару полтора ведра!"
Принималъ чару единой рукой
Выпивалъ чару на единой духъ.

. . . .

„Сошлись на поединокъ. Татара говорятъ—„ну бей!" А онъ имя сказалъ: „на зачинающаго самъ Господь подыматца". Сталъ на мѣсто. Подошолъ татаринъ, ударилъ—онъ стоитъ; другой ударилъ—стоитъ. „Ну ставай на почотно мѣсто!" Ударилъ—татарина убилъ и другова тоже!"

Вотъ Петра Алексѣевичъ и спрашиватъ молодца: „Чѣмъ я тибя буду чёствовать-жаловать—сёлами али деревнями, али городами съ пригородками?"

„Ничево мнѣ ко не надо, говоритъ тотъ, только выведи мово дядю Сенкю Разина изъ „проклятища". А онъ стало быть ему племянникъ былъ, изъ „осилковъ" былъ.

„Нельзя, говоритъ царь, онъ на *соборѣ проклянёнъ*."

д. Кежем. Заимка. Вас. Ив. Сизыхъ, 60 л.

24.

Помутился славной тихой Донъ,
Помѣшался нашъ казачей кругъ:
Не стало въ полку воина,
Въ полку воина, въ полку полковника,—
Сеньки Разина Тимофеича...

„Должно померъ онъ. Болѣ никово не слыхалъ".

д. Кежем. Заимка. Вас. Ив. Сизыхъ, 60 л.

По словамъ „политическаго" ссыльнаго (въ с. Монастырскомъ), уроженца Саратовской губерніи, эта пѣсня, въ болѣе полномъ видѣ, поется населеніемъ этой губерніи.

У Терещенко, стр. 22.

25.

Сенкя Разинъ.

„Сенкя Разинъ былъ изъ казаковъ изъ до́нскихъ. Когды онъ *предасца* нарочи. Возметъ нитки, какъ лодкѣ быть, и сядутъ въ нее, и подъ нее плеснетъ ложку воды, и поплывутъ изъ острогу по городу, и пѣсни поютъ.—Онъ по нашему, какъ бы, какъ дьяволъ былъ. Стрѣляютъ въ нихъ, стрѣляютъ, стрѣляютъ. „Стой-ко-те!“ кричитъ ево сила. Перестанутъ стрѣлять; они снимутъ съ себя одежды, повытряхнуть пули и отдадутъ назадъ; а сами стрѣляютъ, какъ „прядь“ дѣлаютъ.—Сенкя заговаривалъ отъ пуль.

Слава о его похожденьяхъ и о хорошей жисти у нево была на всю Расею. Вмѣстѣ съ бродяжной, вольной народъ ходилъ къ нему нарачи.

Шелъ кубецъ, двѣ бочки вина положилъ въ лотку. Разинцы остановили. Присталъ. Товары набрасовають, набрасовають себѣ въ добычу. Купецъ смекатъ, такъ весь товаръ выбрасають. „Стойте!“ говоритъ, „братцы, у меня двѣ бочки вина есь“.—„А вино есь! Клади товаръ въ лотку, выкатывай вино-то“.

Какъ пошолъ купецъ, ево лямошникъ снялъ лямку и говоритъ кубцу: „Прощай, не то иду къ Сенькѣ“!..

Приходитъ: „Возьмите миня!“—„А мы такихъ и ищемъ!“—Одѣли ево какъ купца, а стару лопоть побросали въ огонь.

Сенкя Разинъ изъ осилковъ былъ. Померъ своею смертью. Вотъ какъ не стало Сеньки, евонны товаришши пѣли:

„Не спасибо тибѣ, матушка Волга-рѣка,—
„Исподѣлала часты городочки,
„Испоставила крѣпкѝ караулы...

д. Кежем. Заимка. В. И. Сизыхъ, 60 лѣтъ.

26.

Какъ у насъ то на светой Русѣ,
На светой то Русѣ, во каменной Москвѣ,
У Ивана то было Великаго, у собора Успенскаго—
Вѐсилось большо́ колоколо, семитышешно.
Какъ ударили въ большо колоколо,
Штобы было слышно-то звонъ по всей землѣ,
По всей то землѣ, по всей каменной Москвѣ,
По всѣмъ улочкамъ и переулочкамъ,
По всей арміе и по всей гвардіе.
Молодой-то солдатъ на часахъ стоялъ,
Со штыкомъ ружье во рукахъ доржалъ,
Онъ ударилъ штыкомъ объ сыру землю:
„Ты роздайся-ко, роздайся мать-сыра земля,
„Росколись-ко, росколись гробова доска,

„Ты роскинся-ко, роскинся тафта бѣлая,
„Ты востань-ко, востань православной нашъ царь,
„Православной царь, Александра Павловичъ,
„Посмотритко, посмотри на всю армію, на всю гвардію,—
„У насъ-то нынче не постарому и не попрежнему!"

д. Павловшина, Краснояр. у. Кр. Ст. Еф. Латынцевъ, 65 лѣтъ.

(Поется протяжно въ дни гулянокъ и трезвыми; записана П. Вороновымъ).

27.

Изъ за лѣсу было тёмнова,
Изъ за горъ то было высокихъ
Не бѣла̀ заря занималася,
Не красно сонцо выкаталося,
Это зна̀мечко знамену́лося
И на знамечкѣ было написано,
Написано и напечатано,
Напечато на имя царское,
На имя царское, государское.
По утру то, *говоритъ*, ѝдетъ солдатичекъ,
Идетъ солдатичекъ, шатается
И за ковыль то тра̀вку заплетае(т)ца.
„Што же ты, *говоритъ*, солдатичекъ, состарился,
Состарился ты, *говоритъ*, солдатичекъ, и перестарился?"
— Состарился, говоритъ солдатичекъ, служба царская,
Служба царская и государская.
Есь ли у той у удовушки три сына,
Изъ трехъ то сыновей можно, говоритъ, во солдаты взять:
Бо́льшому бра̀тцу идти не хочется,
А середняво сы́на мнѣ жаль отдать,
А мѐньшому бра̀тцу—Богъ велѣлъ.
Ужъ вы, *говоритъ*, дѣти, вы, мои дѣти,
Вы дѣти и ро́димыя,
По́йдико-те вы вдоль по улочкѣ,
По улочкѣ и по широкою,
И за̀идите ко те вы, дѣти, въ нову́ кузницу,
И скуй ко те вы, дѣти, по пожичку,
Вы по пожичку и по укладному;
Здѣлай-ко те вы, дѣти, по жѐребью,
Аль вы пойди ко те, вы дѣти, ко синю морю
И брось ко те, вы дѣти, во сине морѐ".
Большой братъ метнулъ, *говоритъ*, какъ соколъ летитъ,
Середнѐй братъ метнулъ, какъ корабль бѣжитъ,
Меньшой ко братъ, *говоритъ*, метнулъ, какъ ключъ ко дну.
Меньшой сынъ Ганя прирасплакался,
Прирасплакался и приразгнѣвался:

— Ужъ ты, мать, *говоритъ*, мать, мать родимая,
Ровно я те, говоритъ, нѐ сынъ
И ровно я те, какъ пасынокъ,
А ты, *говоритъ*, будто мнѣ нѐ мать ро́дна,
Нѐ мать родна, а будто мачиха!—

(Неокончена).

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

Первыми строфами этой пѣсни начинается одна изъ солдатскихъ пѣсенъ и двѣ „нисшихъ эпическихъ", отмѣченныя А. Соболевскимъ. („Великорус. народ. пѣсни", т. VI, стр. 97. „Пѣсенникъ", 1791. Ibid. т. I, стр. 437. „Пѣсенникъ", 1780 г.; ibid. т. I, стр. 458. Сибирь).

О томъ, что три брата метали „жеребья", чтобы рѣшить кому идти въ солдаты поется въ пѣсняхъ Самарской губ. № 82, Вологодская, №№ 83 и 84, Оренбургская, № 85 (ibid. т. VI, стр. 65—69).

28.

Ласкова привѣтлива се́стрица
Родимова-роднова братца провожала:
„Ужъ ты, *говоритъ*, братенко родимой, на̀чуй у миня ночьку!"
— И радъ бы я у тя начевати три ночи-четыри,
Бо́юсь-опасаюсь восударева указу,
Восударева указу, енеральскова приказу.
Енералушко по городу похаживаетъ,
Во звончевыя во гуслицы поигрываетъ
И свою братью-солдатовъ улещаетъ:
Встань ко те, вы солдатушки, и разбудитесь,
Скидовайте ко вы хресьянскіе кафтаны,
И надѣвайте ко вы солдатскіе мундеры,
Забирайте ко солдатскія фузеи!

д. Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

29.

Мимо славнова городу, мимо Воронина
Пролегала путь-дороженькя торная;
И во длину етой дороженьки ко́нца-краю нѣтъ;
Въ ширину ета дороженькя и не широкая,
И въ глубину ета дороженькя и не глубокая,—
Добру то коню до подбрюшницы,
Доброму молодцу до стремёнъ сѣдла;
Изъ лу̀ка-лука̀ дороженьки не перестрѣлити.
Никто по той дороженькѣ не прохаживалъ
И никто по той дороженькѣ слѣда не прокладывалъ.

Шли по той, *говоритъ*, дороженькѣ три шириночки,
Три шириночки и три широкія:
И шли по той дороженькѣ и три полка солдатъ.
Наперётъ то идётъ солдатичковъ горька-пьяница,
Позади идётъ солдатичковъ голь-кабацкая,
И говорила ета голь-кабацкая рѣчи неглупыя
И рѣчи неглупыя, и рѣчи нехорошія:
„За́йдемъ те ко, *говоритъ*, солдатушки, во царевъ кабакъ
И во́зьмемъ те ко, солдатушки, зелена вина,
Зелена вина возьмемъ те ко, солдатушки, на петь сотъ рублей,
А ежели намъ мало покажетца,
То мы возьмемъ на всю тысячу,
А ежели намъ ешшо мало покажетца,
Такъ возьмемъ—сметы нѣтъ.

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

Описаніе въ такомъ стилѣ дороженьки встрѣчается въ пѣсняхъ Терской обл. „Пролегала во полѣ дороженька" (А. Соболевскій, т. VI, стр. 158, № 202) и Самарской губ. „Шириной ты, дорожка, не такъ широка (ibid., стр. 193, № 250), Симбирская губ., Донская и Уральская области (ibid., стр. 253—255).

30.

Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ призадумался,
Призадумался, призаплакался,
Онъ ударилъ штыкомъ о сы́ру землю:
„Ты раздайся ко, мать сы́ра земля,
И расколися ко, гробова доска:
Всѣ солдатички во строю стоятъ,
Офицерики по своимъ мѣстамъ,
Командеръ скричалъ—„ружже на плечо"!
Всѣ солдатички ружжамъ взбрякали,
Отецъ съ матерью слезно сплакали, (2 р.)
За камышъ травку запинались
Со отцомъ, съ матерью распрощалися,
Про́щай, тятинька, про́щай, мамонька,
Какъ ишшо прощай, жена лютая,
Жена лютая, подколодная,
Какъ ишшо прощайте, красны дѣвушки,
Всѣ дружья мои товарищи".

С. Ужуръ. Отъ рекрута Ег. Аѳ. Ананьина.

31.

Соловъ-соловеюшко, ты куды же лѐтишь,
Куды тибя Богъ несетъ?
—Я лѐчу, лѐчу, лѐчу, лѐчу соловеюшко,
Лѐчу черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
Черезъ быструю, черезъ сырой боръ,
Лѐчу въ Питенбуръ въ городъ,
Лѐчу въ мелкую рощицу.
Въ мелкой рощицѣ не соколъ леталъ,
Не соколъ леталъ, а енералъ гулялъ,
Не одинъ гулялъ съ енеральшою,
А молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоялъ, ружжо доржалъ, артикулъ металъ
И самъ онъ выговаривалъ:
„Сторона ли моя, ты сторонушка,
„Сторона моя незнакомая“!

д. Каменка Пинч. в. Аѳ. К. Кокоринъ.

32.

Съ вечера пóгодушка подымалася,
Со полуночи бѣлы снѣжки выпадали,
Къ утру-свѣту три дороженьки пролегали;
И никто то, никто по егимъ по дороженькамъ,
Никто не йдетъ и не гулятъ.
Тутъ шли-прошли, по етимъ дороженькамъ,
Три полка солдатъ и три шириночки,
И промежу собой ети солдатушки рѣчь говорили:
„Ищо чья ета пашенкя стóитъ, новая пашня, недопаханная?
„Ищо чьи ети малыя дѣтушки-сиротушки?“

д. Кежем. Заимка. Евгр. Поповъ, 66 л.

А. Макаренко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ якутской старины.

Въ числѣ собранныхъ г. *М. Овчинниковымъ* легендъ, сказокъ и преданій у якутовъ (см. „Этнографическое Обозрѣніе“, 1897 г., № 3: Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ) имѣется небольшой разсказецъ о нѣкоемъ якутѣ Доюдусѣ. Изъ моихъ разспросовъ па мѣстѣ выяснилось, что въ названномъ разсказѣ рѣчь идетъ о якутѣ Нахарскаго наслега Восточно-Кангаласскаго улуса Якутскаго округа, по имени Додојус. Въ 1901 году мною былъ записанъ объ этомъ Додојус'ѣ варіантъ разсказа со словъ *М. Н. Андросовой* (природной якутки), а въ 1902 году воспитанникъ Якутскаго реальнаго училища *А. А. Наумовъ* доставилъ мнѣ записанную имъ (частію по-якутски) „біографію“ того же лица, подъ заглавіемъ: Дохсун Додујус. Желая подѣлиться съ читателями „Живой Старины“ имѣющимися у меня матеріалами объ одномъ изъ героевъ якутской старины, считаю небезполезнымъ, для полноты картины, предпослать своимъ сообщеніямъ разсказъ г. Овчинникова съ необходимыми поправками и поясненіями въ выноскахъ.

I.

Доюдусъ [1]).

Въ Бостонскомъ [2]) улусѣ Якутскаго округа жилъ князь Доюдусъ. Онъ имѣлъ 4 жены. Каждый годъ, когда наступало лѣто, Доюдусъ праздновалъ ысэхъ [3]) и приглашалъ гостей на этотъ праздникъ. Въ то время, когда гости съѣзжались всѣ, онъ приказывалъ своимъ женамъ являться въ чемъ мать родила; раздѣвался, между прочимъ, и самъ, приказывалъ то же дѣлать гостямъ безъ различія пола и возраста, и если кто не подчинялся этому, того били кулуты [4]) жестоко. Здѣсь разыгрывались страсти, и послѣ этого родившіяся дѣти не знали своихъ отцовъ. Пиры эти оканчивались тѣмъ, что Доюдусъ приказывалъ съ живыхъ жеребца и быка снимать шкуры и пускать ихъ въ стадо коровъ и кобылицъ.

Если случалось, что работники Доюдуса не въ состояніи были накосить столько сѣна, сколько надо было ему, тогда онъ призывалъ оюновъ [5]), чтобы тѣ просили для него косарей у Тангара (главное божество, живущее на 7-мъ небѣ [6]). Но такъ какъ Тангара не да-

---

[1]) Въ академическомъ правописаніи: Дојудус.

[2]) Такого улуса нѣтъ ни въ одномъ изъ пяти округовъ Якутской области, и слово „бостонскомъ“ есть, очевидно, неправильно прочтенное слово „восточномъ“ (т. е. восточно-кангаласскомъ).

[3]) *Ысых* — кумысный праздникъ.

[4]) *Кулут* — рабъ, холопъ.

[5]) *Ојун* — шаманъ.

[6]) *Таңара*—божество вообще; въ данномъ мѣстѣ разумѣется, очевидно, Бѣлый Создатель Господинъ (*Ÿрÿҥ Ајы Тојон*), обитающій, по *Горохову*, на седьмомъ небѣ (см. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XV, №№ 5—6: Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка, стр. 44).

выбравши изъ нихъ по пять лучшихъ, раздѣвалъ ихъ догола, расчесывалъ имъ волосы и, пустивши съ ними одного мужчину въ такомъ же видѣ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на табунъ кобылъ, ходящихъ съ однимъ жеребцомъ. Такихъ табуновъ у него было около 15—16. Пустивши эти табуны, онъ самъ ходилъ каждый день съ кнутомъ въ рукѣ и слѣдилъ за своими мнимыми жеребцами: если, напримѣръ, замѣтитъ, что мужчина не исполняетъ обязанностей жеребца, то стегалъ того кнутомъ до́ смерти, говоря, что онъ въ жеребцы не годится, а если тотъ на его глазахъ исполнялъ эти обязанности, то такого ласкалъ, смѣялся отъ радости и говорилъ: «хорошій жеребецъ, плодовитый будетъ!» А потомъ, наглядѣвшись досыта, самъ раздѣвался, шелъ къ табунамъ, изображая изъ себя чужого жеребца, и дрался съ «жеребцами» тѣхъ табуновъ. Если, бывало, онъ кого побѣдитъ, то добиваетъ до́ смерти и еле живого выгоняетъ изъ табуна, а если его кто побѣдитъ и задастъ ему хорошую трепку, того онъ ласкалъ и говорилъ: «ай, да мой жеребецъ! онъ годится въ жеребцы!» Другое его развлеченіе состояло въ слѣдующемъ. Онъ до того былъ богатъ, что не зналъ, сколько у него головъ коннаго и рогатаго скота, а потому онъ его не жалѣлъ, истязалъ и мучилъ. Заставлялъ, напримѣръ, привести себѣ трехъ жеребцовъ, привязывалъ къ столбу и выкалывалъ имъ глаза, а потомъ отпускалъ ихъ на волю, чтобы они дрались между собою Они, конечно, драться не могли и, наткнувшись на острый конецъ жерди, издыхали со стонами, отъ которыхъ *Додуjус* приходилъ въ восторгъ. Третье развлеченіе: заставлялъ привести трехъ порозовъ (быковъ), связывалъ имъ ноги, а потомъ, содравши съ нихъ кожу, пускалъ на волю; пороза отъ боли мычали на разные лады, а онъ отъ этого опять же приходилъ въ восторгъ. Четвертое развлеченіе: заставлялъ привести кобылицу съ жеребенкомъ, обрубалъ ей ноги до колѣнъ, а жеребенка заставлялъ отгонять отъ матери, и кобылица ползла къ своему жеребенку, ступая обрубленными ногами. Пятое развлеченіе: собиралъ каждую ночь по 12 шамановъ, требуя, чтобы они привели ему сверху дочь аба̄сы [1]), на которой онъ хочетъ жениться: онъ не довольствуется-де женщинами земными, и ему нужно имѣть женщину неземную. Такъ какъ шаманы этого исполнить не могли, то онъ выпускалъ ихъ изъ дому чуть живыми. Никто изъ шамановъ его наслега не могъ достать ему дочь аба̄сы, и это его слишкомъ огорчало. Онъ заставлялъ догонять на конѣ всякаго проходившаго мимо его дома и приводить къ себѣ, затѣмъ спрашивалъ, чѣмъ тотъ, главнымъ образомъ, занимается, и если это былъ шаманъ, то заставлялъ шаманить съ цѣлью достать дочь аба̄сы; если же тотъ не могъ выполнить требованія, то билъ до обморока, говоря: „какой же ты шаманъ, если не можешь вести разговоръ съ дочерью аба̄сы?“ И вотъ, наконецъ, одна шаманка, по имени *Бäдäрдā̄х удаҕан* [2]), взявшая въ руки бубенъ и начавшая шаманить на 14-омъ году отъ роду, заказываетъ *Додуjус*'у, что она можетъ достать ему въ жены дочь аба̄сы. Онъ обрадовался такому извѣстію и послалъ за шаман-

[1]) *Аба̄сы кы̄са*—злой духъ женскаго пола; о мужчинѣ, у котораго бываютъ любострастныя сновидѣнія, говорятъ, что онъ женатъ на дочери аба̄сы.
[2]) *Шаманка*, обладающая рысью (животнымъ).

кой человѣка, чтобы тотъ привелъ ее. Пріѣхавши, она шаманила девять дней и девять ночей. Наконецъ, *Додујус* вышелъ изъ терпѣнія и приказалъ своимъ, чтобы они сняли съ нея одежду и отстегали ее: „она смѣется надо мной! неужели за девять сутокъ она не можетъ вызвать дочь абасы?“ И обратился онъ къ шаманкѣ съ слѣдующими словами: „Я привелъ тебя сюда, чтобы ты достала мнѣ дочь абасы, а то иначе—трижды взгляни въ сторону солнца (т. е. попрощайся съ видимымъ міромъ)!“ Шаманка отвѣтила на это, что она „уже видѣлась и разговаривала съ дочерью абасы и что та назначила время, когда она спустится; именно она сказала, что спустится въ восьмомъ мѣсяцѣ и будетъ у тебя въ полнолуніе“. *Додујус* очень обрадовался, сдѣлалъ шаманкѣ множество подарковъ и отослалъ назадъ, домой, съ условіемъ, чтобы она въ назначенное время снова пришла сюда и спустила бы съ неба дочь абасы. За три дня до срока она наказала, чтобы онъ приготовлялся, такъ какъ придутъ сваты и сватьи, для которыхъ онъ долженъ приготовить угощеніе. Тогда онъ приказалъ якутамъ своего наслега, которые присматривали за его скотомъ, чтобы они приготовили для гостей обильное угощеніе, не жалѣя его богатства. Наканунѣ назначеннаго дня шаманка послала къ *Додујус'у* за лошадью для себя. Когда она пріѣхала, то *Додујус* посадилъ ее на правомъ *біllірік'ѣ*, какъ почетную гостью, и угостилъ ее. Наѣвшись-напившись досыта, шаманка заявила, что будетъ шаманить на мѣстѣ и что дочь абасы явится, когда солнце покажется изъ-за лѣса. Потомъ приказала *Додујус'у* одѣться въ самую лучшую одежду, какой онъ никогда не надѣвалъ. Онъ надѣлъ рысью даху, а потомъ, въ качествѣ жениха, долженъ былъ сѣсть на правомъ *біllірік'ѣ*, шаманка же шаманила до восхода солнца. Надѣвши даху, *Додујус*, никогда не во время не дремавшій, вдругъ началъ дремать. Какъ только онъ начиналъ засыпать, шаманка тотчасъ же заставляла будить его, чтобы онъ не пропустилъ свою невѣсту, а ее нужно было непремѣнно встрѣчать.

— *Додујус*, стали показываться головы лошадей сватниныхъ, поставь для встрѣчи возлѣ коновязнаго столба девять парней, стройныхъ, какъ журавли!

— Старикъ, — сказала шаманка, — ты пропустилъ, опоздалъ поставить людей. Она сильно сердится на тебя. Иди за мной!

Люди вбѣжали и сказали:

— Сваты прибыли-спустились, лошади у нихъ краснопѣгія, полонъ дворъ!

По приказу *Додујус'а* и шаманки открыли двери. *Додујус*, держась за полу одежды шаманки, пошелъ по направленію къ сѣнямъ. Вдругъ онъ дернулъ и остановилъ шаманку; та спросила, видитъ ли онъ свою невѣсту. Онъ увидѣлъ у коновязнаго столба огонь величиною съ урасу, которая была въ трехъ краскахъ: нижняя часть—красная, средняя—синяя, а верхняя—бѣлая. Увидѣвъ такое страшилище, онъ вдругъ растерялся и закричалъ во все горло людямъ, чтобы они пришли и спасли его, ибо онъ умретъ при видѣ такого страшилища. Прибѣжали люди, взяли его и положили на правый *біllірік*. Тутъ *Додујус* сталъ просить шаманку отпустить назадъ

Сталъ-то Егорей дваццети недѣль,
По суду по божьему—дваццети годовъ;
Прозналъ царишшно Демьянищо,
Тутъ-то царищо воспылаетца:
Русскую силу да въ пень повырубилъ,
Царя Ѳедора да подъ мець склонилъ,
Егорья-свѣта съ собой увёлъ,
Съ собой увёлъ онъ во свою землю.
Сталъ-то Егорья допрашивать:
„Ужъ-ты ой есь, Егорей да свѣты храбрые!
Ты каку, Егорей, да вѣру вѣруешъ?
Ты какимъ, Егорей, да богамъ молишсе?
Вѣруй ты вѣру нашу жидовскую,
Ты молись богамъ нашимъ-идоламъ“.
Тутъ-то Егорей да возглаголуётъ:
—Я не вѣрую вѣру вашу жидовскую,
Не молюсь богамъ вашимъ идоламъ—
Молюсь я Спасу да Вседержителю
Присвятой Матерь Богородицы“.—
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорья въ топоры рубить;
Не добры Егорья топоры не берутъ.
Отъ свѣта-Егорья топоръ сыплютца,
По насадкомъ топоръ изломаютца,
Святой Егорей стихи поётъ,
Стихи поётъ онъ херувимскія,
Гласы возноситъ по ангельски
По ангельски и по ярхангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуицта,
Приказалъ Егорья во пилы пилить;
Не добры Егорья пилы не берутъ,
Отъ свята Егорья пилы сыплютца,
И о зубамъ пилы вси изщербаютца,
Святой Егорей стихи поётъ,
Стихи поётъ херувимскія,
Гласы возноситъ по ангельски,
По ангельски и по ярхангельски;
Тутъ-то царищо да осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорья на воды топить;
Недобры́ Егорей на воды не тонетъ,
Святой Егорей на воды пловётъ,
На плиты пловётъ, да самъ стихи поётъ,
Стихи поётъ по ангельски,
Гласы возноситъ по ярхангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Приказалъ Егорья на огнѣ жогчи,
Недобрѣ Егорей на огнѣ не горитъ,

Святымъ Егорьемъ вода текётъ,
И вода текётъ и трава ростётъ,
Святый Егорей стихи поётъ,
Стихи поетъ по ангельски,
Гласы возноситъ по ярхангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорея во погребъ садить,
Во глубокъ погребъ да сорока саженъ,
Сорока саженъ да сорока локотъ;
Посадили Егорья да во глубокъ погребъ,
Закрывали плитьёмъ залѣзнымъ,
Закатали сѣрымъ горючимъ каменьёмъ,
Зарывали хрещомъ да мелкимъ песочкёмъ,
Тутъ-то царищо да приговариватъ:
„Полно Егорей да на свѣту бывать,
На бѣломъ свѣту, на светой Руси,
Не слыхать-тѣ звону колокольнёго,
Не цитать четья-пѣнья церковнаго“.
По Божьей-то было милости,
По Егорьевой-то большой участи,
Подымалась туча да темно-грозная,
Темно-грозна туча да со падéрою,
Разнесло хрещи-пески сыпучія,
Раскатало сѣры горючи каменьё,
Размѣтало плитьё залѣзное,
Вышолъ Егорей на бѣлой свѣтъ,
На бѣлой свѣтъ—на светую Русь.

8.

Никола-Святитель [1]).

Светитель, отецъ ты нашъ Микола,
Миракритской Чудотворецъ,
Опочиваютъ твои мощи
Въ славномъ ти Баргъ градѣ,
Въ невѣрной страны въ нѣмцахъ,
Во земли въ турской,
Твои велики чудеса
У насъ на святой Руси.
Пишемъ мы ѳбразъ твой
На чесну икону,
Украшаемъ серебромъ,
Краснымъ золотомъ,
Жемчугомъ окатистымъ,
Другученнымъ камень мъ,

[1]) П. Г. Марковъ.

Твоему чесну образу,
Церкви содвигаемъ,
Служимъ-те светителю,
Всё чесны молебны,
Просимъ у светителя
Всё Божьей милости.
Въ бѣдахъ и напастяхъ
Ты, свѣтъ, сохраняешь,
По морю плаваешь, свѣтъ,
Враговъ прогоняешь,
Въ лѣсѣ заблудящіихъ
На путь наставляешь,
Во тюрьмы сидящихъ
Всегда посѣщаешь,
Болѣзни лежащихъ
Ты, свѣтъ, исцѣляешь.
Слава Христу нашему
Со своимъ угодникомъ,
Съ Миколой Светителемъ.
Честь Христу слава
Во вѣки вѣкомъ.—Аминь.

Н. Ончуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

Сибирскія пѣсенныя старины.

(Продолженіе).

33.

Дорожкя, ты моя дороженкя!
По тебѣ, моя дороженкя, вѣтры дуютъ-подуваютъ.
У насъ то, у насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сердо ноетъ-унываетъ по тобѣ, моя дороженкя.
Тутъ стояли три садочка:
Во пéрвомъ то было садичкѣ —
Кокушкȁ сидитъ, кȍкуетъ;
Во вто̀ромъ то было садичкѣ —
Соловеюшко громко свищетъ;
Во третьемъ то было садичкѣ —
Рȍдная матушка сидитъ-плачетъ:
Она плакала-рыдала...
И во солдȁтушки сына снаряжала:
„Ужъ ты, сынъ, мой сыночикъ,
„И сынъ, ты мой ясной соколочикъ!
„Ужъ какъ я тибя, сыночкя, нȍсила-болѣла
„И рожала-обмирала;
„Я тибя, сыночкя, рȍстила-подымала,
„Рȍстила-подымала и замѣнȍчку себѣ поджидала.
„Не могла я отъ тибя, сыночкя, сибѣ замѣнȍчку дождати, —
„Нынче надо тибя, сыночкя, въ солдатушки отдати“.

Д. Кежем. Заимка, 1904 г. Евф. Поповъ, 66 л.

34.

Дорожка, моя дороженкя, дорожкя моя широкая!
Ны тибѣ, моя дороженкя, сто́ять эти сады зеленые.
Во пéрвомъ то во садичкѣ-соловейко то громко свищетъ;
А во вто̀ромъ то во садичкѣ ко́кушечкя ско́кувала;
А во третьемъ то во садичкѣ ро́дная то матушка плачетъ.
Она плакала-рыдала сȁма сыну говорила:
„Сынъ, ты мой сыночикъ, сынъ мой, ясной соколочикъ,

Ты скажи-ко, мой сыночикъ,—изъ трёхъ кого пуще любишь?"
„Рòдную сéстрицу любилъ, маменька—люблю я её по привѣту.
Молодую жену любилъ, маменька—люблю я её по совѣту:
А родимая моя маменька скорбѣла-болѣла.
Скòрбѣла-болѣла—смèртный часъ примала:
Зыбала-качала-забòтушку себѣ нажила.

Дер. Каменка. Д. К. Комаровъ.

35.

(Запѣвало) Куликъ куликаетъ, (хоръ) по морю гуляетъ,
По морю да гуляетъ [1]:
По морю гуляетъ, думаетъ-гадаетъ:
Думаетъ-гадаетъ—хочетъ въ Москву ѣхать,
Хочетъ въ Москву ѣхать, въ Каменку пробраться:
Въ Каменку пробраться—съ купчиками спознаться,
Съ купчиками спознаться—товару набраться,
Товару набраться—съ купцами разторговаться —
Ѣхать дорогой пыльно, лѣсомъ ѣхать страшно.
Ѣхать лѣсомъ страшно, Москва украшена:
Москва украшена, улички метёны;
Улички метёны, камушками кладёны:
Не мы ее клали—молодыя ребята.
Молоды ребята—донские казаки.
Шли они городомъ, крутымъ косогоромъ.
Крутымъ косогоромъ мимо царскихъ сѣней.
Мимо царскихъ сѣней—царя увидали.
Царя увидали: тутъ остановились, шапочки сымали:
Шапочки сымали—честь царю воздавали [2].

С. Узуръ. Бр. А. Ѳ. и Ѳ. П. Ананьины.

36.

Сизой голубочикъ, сизый ты соколикъ!
По лугу гуляетъ, думаетъ, гадаетъ
Ѣхать въ Москву проѣхать, въ каменку пробраться
Въ каменку пробраться, съ милой увидаться.
Лѣсомъ ѣхать тёмно, степью ѣхать пыльно.
Степью ѣхать пыльно, въ Москву ѣхать стыдно.

---

[1] Припѣвъ хора повторяется [illegible] запѣвало вновь начинаетъ пѣсню.

[2] Эта же пѣсня, по словамъ вышеназванныхъ лицъ, поется въ Устьѣ, Стругузанской вол., Красноуф. у., съ небольшими измѣненіями, именно: вм. „съ купчиками спознаться"—„съ милой повидаться"; вм. „лѣсомъ ѣхать страшно"—„ѣхать лѣсомъ грязно"; вм. „Шли они городомъ" поется „ѣхали мы городомъ" оканчивается такъ:

„Крутымъ косогоромъ—мимо царскихъ сѣней:
Царя выходили,—шапочки сымали.
Шапочки сымали,—съ полкомъ провожали".

Марта 10-го, 1896 г.

Куда ни пойду, въ бѣду попаду;
Съ кѣмъ совѣтъ сведу—нѣ въ комъ правды нѣтъ;
Не въ комъ правды нѣтъ, не въ комъ истины.
Брошу я Ужуръ [1]), пойду въ монастырь,
Буду тамъ я жить, манахамъ служить.
Ты воспой, воспой, жаворёночикъ,
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ темный лѣсъ, въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ тюрьму крѣпкую.
Я сидѣлъ ни годъ, ни два, показалось за девять лѣтъ;
На девятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу съ матерью,
Отецъ съ матерью отказалися:
Што у насъ то въ роду такихъ не было —
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойничковъ [2]).

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

Сходныя съ варіантами тюремныхъ пѣсенъ, отмѣченныхъ А. Соболевскимъ (т. VI, стр. 388—390; № 485 изъ „Пѣсенника“ 1780 г. и др.; № 486—Якушкинъ, стр. 592).

---

[1]) Эта пѣсня поется на тотъ же мотивъ: въ селѣ Погорѣльскомъ (Погорѣл. в.) с. Устюгѣ и д. д. Подсопки, Гляденки, Краснояр. у., Сухубуз. в. Всего поразительнѣе было слышать эту пѣсню въ „тюрьмѣ крѣпкой“ (въ г. Красноярскѣ), гдѣ и мнѣ пришлось отсидѣть „предварительнаго“ заключенія годъ съ лишкомъ (1890—1891 гг.). Выпустили на прогулку. Не успѣлъ я сдѣлать два оборота, какъ слышу, кто-то началъ пѣть: что пѣлось въ тюрьмѣ—въ этомъ не было сомнѣнія, но въ какомъ мѣстѣ тюрьмы и кто, главное? Пошелъ потихоньку на голосъ, который сдѣлалъ въ этотъ моментъ заключительный аккордъ съ такой силой, что звучное эхо вырвалось изъ-за тюремныхъ стѣнъ и раскатилось на волѣ. Это потому случилось, что самъ пѣвецъ появился у окна. То было окно „секретнаго“, замуравленное до верхнихъ стеколъ, чтобы лишить заключеннаго лишняго свѣта и возможности созерцать со второго этажа надъенисейскія горы съ ихъ таёжной волей... Я стоялъ противъ окна и явственно различилъ крупную голову, обритую на половину, продолговатое лицо, обрамленное окладистой русой бородой, прямой мясистый носъ и крупный глазъ, который оттого, что былъ единственно зрячимъ, казался особенно крупнымъ и загадочно блестѣлъ. Голосъ у пѣвца былъ немного осипшимъ, но заключалъ въ себѣ задушевныя ноты. Пѣсня „Всѣ люди живутъ“ какъ нельзя болѣе подходила къ голосу и обстановкѣ; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Пѣлъ, какъ потомъ узналъ, самый настоящій бывалый „потюремщикъ“, извѣстный „чаёвникъ“ Овчинниковъ (крест. Сухубузим. в., Краснояр. у.)—занимавшійся срѣзываніемъ чаевъ по тракту и за свою „удачу“ долженъ былъ слѣдовать въ каторжныя работы срокомъ на 35 лѣтъ (осужденъ по совокупности за грабежи и побѣги). Въ „секретной“ его держали въ наручняхъ и ножныхъ кандалахъ; какъ О. подымался въ такомъ состояніи на высоту окна—то составляло его „секретъ“. Былъ слухъ, однако, что О. бѣжалъ съ дороги на каторгу...

[2]) Въ с. Казачинскомъ, Енисейскаго у. эта пѣсня поется съ такимъ окончаніемъ:

„Написалъ письмо къ отцу—батюшкѣ,
Къ отцу, матери родной, ко женѣ молодой:
Отецъ съ матерью отписалися,
Молодая жена отказалася“.

Ты скажи ко, мой сыночикъ,—изъ трёхъ ково пуще любишь?“
„Ро̀дную се́стрицу люблю, мамонька,—люблю я ею по привѣту;
Молодую жену люблю, мамонька,—люблю я ею по совѣту;
А родимая моя мамонька ско́рбѣла-болѣла,
Ско̀рбѣла-болѣла-смёртный часъ при́мала;
Зи́бала-качала-замѣно̀чку себѣ ждала.

Дер. Каменка. Аѳ. К. Кокоринъ.

35.

(Запѣвало) Куликъ куликаетъ, (хоръ) по морю гуляетъ,
По морю да гуляетъ [1]);
По морю гуляетъ, думаетъ-гадаетъ;
Думаетъ-гадаетъ—хочетъ въ Москву ѣхать,
Хочетъ въ Москву ѣхать, въ Каменну пробратьца;
Въ Каменку пробратьца—съ кубчикамъ спознаться,
Съ кубчикамъ спознатьца—товару набратьца,
Товару набратьца—съ купцамъ разругатьца. —
Ѣхать дорогой пыльно, лѣсомъ ѣхать страшно,
Ѣхать лѣсомъ страшно, Москва украшена;
Москва украшена, уличка метёна;
Улочка метёна, камушкамъ кладёна;
Не мы ее клали—хо̀лопы робята,
Холосты робята—донскіе казаки;
Шли они горою, кру́тымъ косогоромъ,
Кру́тымъ косогоромъ мимо царскихъ оконъ,
Мимо царскихъ оконъ—царя увидали,
Царя увидали; тутъ остановились, шапочки сымали;
Шапочки сымали—честь царю воздовали [2]).

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

36.

Сизой голубочикъ, ясный ты, соколикъ!
По лужку гуляетъ, думаетъ, гадаетъ
Какъ въ Москву проѣхать, въ каменну пробратьца
Въ каменну пробратьца, съ милой увидатьця.
Лѣсомъ ѣхать тёмно, степью ѣхать пыльно,
Степью ѣхать пыльно, въ Москву ѣхать стыдно:

---

[1]) Припѣвъ хора повторяется дважды; съ него запѣвало вновь начинаетъ пѣсню.

[2]) Эта же пѣсня, по словамъ красноярскихъ ямщиковъ, поется въ с. Устюгѣ, Сухубузимской вол., Краснояр. у., съ небольшими измѣненіями, а именно: вм. „съ кубчикамъ спознатьца“—„съ милой повидатьця“; вм. „лѣсомъ ѣхать страшно“- „ѣхать лѣсомъ грязно“; вм. „Шли они горою“ поется: „ѣхали мы горою“ оканчавается такъ:

„Крутымъ косогоромъ—мимо царскихъ оконъ:
Цари выходили,—шапочки сымали,
Шапочки сымали,—съ полкомъ проздравляли“.

Марта 10-го, 1895 г.

Улочки метёны, камушкамъ кладёны;
Клали—выкладали молодцы робята,
Молодцы ребята—тòнскіе казаки
Ѣхали уваломъ, мòрскимъ косогоромъ;
Морскимъ косогоромъ мимо царскихъ оконъ—
Цàря увидали, шапочки скидали.
Шапочки скидали, цàря проздравляли;
Цàря проздравляли съ молодой жоною;
Съ молодой женою, съ малыми дитями.

Д. Кежем. Заимка. Наталья Заборцева, 17 лѣтъ.

37.

Не шуми ко, матушка, зелена дубровушка,
Не греми ко, те батюшко, широкое раздольицо,
И не мѣшай ко те мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Думу думати, мысли мыслити!
И за утра миня, дѣтинушку, на допросъ ведутъ,
И поставили миня, дѣтинушку, передъ грознова судью,
Передъ грознова судью—передъ бѣлова царя.
И сталъ то миня, дѣтинушку, царь допрашивати:
„И скажи ко, те дѣтинушка, и не тай себя,
„И скажи ко, те дѣтинушка, съ кѣмъ разбой доржалъ?".
—„И пéрвой у миня, говоритъ, товаришъ—осённая тёмноя ночь;
А втóрой мой товаришъ—тýгой лукъ;
А трèтій мой товаришъ—добрый конь;
Сылочки-посылочки—калены́ стрѣлы́,
Куда стрѣлу пошлю—туды и пóлетитъ".

Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

Одна изъ старинныхъ пѣсенъ. У А. Соболевскаго отмѣчено нѣсколько сходныхъ съ нею варіантовъ; одинъ м. пр. заимствованъ изъ „Пѣсенника", ч. II, 1791 г. („Великорус. нар. пѣсни", т. IV, стран. 332—335). Терещенко, стран. 23.

38.

За Сибирью солнцо свѣтитъ, } запѣвало.
А вы хлопци знайте,
Што на миня, Карналюгу, } хоръ.
Вы надежду майте.
Вы надежду майте [1]... голосъ.
Славной хлопецъ Карналюга
По горамъ гуляетъ,
Што не одну то дѣвчӧночку
Съ разума сбиваетъ;
Што за эту за дѣвицу
Самъ попалъ въ темницу;

[1]) Послѣдняя строфа каждаго четверостишія, для сокращенія, служитъ начиномъ для запѣвалы.

Тюрьма крѣпка и высока
Подъ тижолымъ подъ замкомъ,
Што за етимъ за дверями,
Безотвѣтной часовой.
Отворите мнѣ темницу,
Дайте свѣтлова мнѣ дня,
Черновокую дѣвицу,
Винохода мнѣ коня:
Я дѣвицу поцѣлую,
На коня сяду, помчусь.
Я поѣду въ село Рыбно [1]),
Тамъ миня всѣ знаютъ—
Енералы и мабры
Все за мной гонякотъ.

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

Карналюга, кажется, былъ вполнѣ реальная личность, прославившаяся нѣкогда въ Малороссіи своими разбоями. По отзывамъ „казаковъ" Кременчуг. у. Полтав. г., замѣчу „Карналюга" не столько былъ разбойникомъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, сколько мстителенъ крѣпостникамъ того времени. Отъ имени „Карналюга" или „Кармелюка" поется, напр., слѣдующее:

„Кажуть люды, що вбываю я"—
Не вбываю я, бо самъ дітей маю.

Въ пору своего хожденія „въ народъ" по Кременчугскому уѣзду, я выучился, м. пр., слѣдующей пѣснѣ о „Карналюгѣ" къ которымъ по нѣкоторымъ словамъ и отчасти сходству напѣва приближается выше приведенная сибирская пѣсня:

Славный хлопець Карналюга } зап.
По світлонці ходе,
Та й не одну чорнявую } хоръ
З разума все зводе.
Ой запрягай Карналюга
Коня вороного.
Та й поідемъ Карналюга
Ажъ до кумі въ гості...
Ой здорова кума моя!
Щось маю сказаты
Та й не знаю кума моя,
Як тебе назваты;

Назвы мене Карналюга—
Туманъ долиною...
Есть у мене хата, сіни
Колыною шиты...
У неділю пораненько
Усі дзвоны дзвонять,
Ой вже того Карналюгу
У Сибирь вже гонять;
У недію пораненько
Тай передзвоныли,
Ой вже того Карналюгу
У Сибирь згоныли.

1882 г. Хутора Богояны, Джулаи и др.

39.

Всѣ люди живутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ,
Моя голова вянетъ, какъ трава,

---

[1]) Въ Енисейской губерніи имѣется два села „Рыбное": одно на р. Ангарѣ—въ Пинчугр. в., Енисейск. у.; другое въ сѣвер. части Канского уѣзда, гдѣ существовали каторжные солеваренные заводы. Можетъ быть *на одномъ* изъ нихъ и отбывалъ каторгу „Карналюга".

Куда ни пойду, въ бѣду попаду;
Съ кѣмъ совѣтъ сведу—не̂ въ комъ правды нѣтъ;
Не въ комъ правды нѣтъ, не въ комъ истины.
Брошу я Ужуръ [1]), пойду въ монастырь,
Буду тамъ я жить, манахамъ служить.
Ты воспой, воспой, жаворёночикъ,
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ темный лѣсъ, въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ тюрьму крѣпкую.
Я сидѣлъ ни годъ, ни два, показалось за девять лѣтъ;
На девятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу съ матерью,
Отецъ съ матерью отказалися:
Што у насъ то въ роду такихъ не было —
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойничковъ [2]).

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

Сходныя съ варіантами тюремныхъ пѣсенъ, отмѣченныхъ А. Соболевскимъ (т. VI, стр. 388—390; № 485 изъ „Пѣсенника“ 1780 г. и др.; № 486—Якушкинъ, стр. 592).

---

[1]) Эта пѣсня поется на тотъ же мотивъ: въ селѣ Погорѣльскомъ (Погорѣл. в.) с. Устюгѣ и д. д. Подсопки, Гляденки, Краснояр. у., Сухубуз. в. Всего поразительнѣе было слышать эту пѣсню въ „тюрьмѣ крѣпкой“ (въ г. Красноярскѣ), гдѣ и мнѣ пришлось отсидѣть „предварительнаго“ заключенія годъ съ лишкомъ (1890—1891 гг.). Выпустили на прогулку. Не успѣлъ я сдѣлать два оборота, какъ слышу, кто-то началъ пѣть: что пѣлось въ тюрьмѣ—въ этомъ не было сомнѣнія, но въ какомъ мѣстѣ тюрьмы и кто, главное? Пошелъ потихоньку на голосъ, который сдѣлалъ въ этотъ моментъ заключительный аккордъ съ такой силой, что звучное эхо вырвалось изъ-за тюремныхъ стѣнъ и раскатилось на волѣ. Это потому случилось, что самъ пѣвецъ появился у окна. То было окно „секретнаго“, замуравленное до верхнихъ стеколъ, чтобы лишить заключеннаго лишняго свѣта и возможности созерцать со второго этажа надъенисейскія горы съ ихъ таёжной волей... Я стоялъ противъ окна и явственно различилъ крупную голову, обритую на половину, продолговатое лицо, обрамленное окладистой русой бородой, прямой мясистый носъ и крупный глазъ, который оттого, что былъ единственно зрячимъ, казался особенно крупнымъ и загадочно блестѣлъ. Голосъ у пѣвца былъ немного осипшимъ, но заключалъ въ себѣ задушевныя ноты. Пѣсня „Всѣ люди живутъ“ какъ нельзя болѣе подходила къ голосу и обстановкѣ; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Пѣлъ, какъ потомъ узналъ, самый настоящій бывалый „потюремщикъ“, извѣстный „чаёвникъ“ Овчинниковъ (крест. Сухубузим. в., Краснояр. у.)—занимавшійся срѣзываніемъ чаевъ по тракту и за свою „удачу“ долженъ былъ слѣдовать въ каторжныя работы срокомъ на 35 лѣтъ (осужденъ по совокупности за грабежи и побѣги). Въ „секретной“ его держали въ наручняхъ и ножныхъ кандалахъ; какъ О. подымался въ такомъ состояніи на высоту окна—то составляло его „секретъ“. Былъ слухъ, однако, что О. бѣжалъ съ дороги на каторгу...

[2]) Въ с. Казачинскомъ, Енисейскаго у. эта пѣсня поется съ такимъ окончаніемъ:

„Написалъ письмо къ отцу—батюшкѣ,
Къ отцу, матери родной, ко женѣ молодой:
Отецъ съ матерью отписалися,
Молодая жена отказалася“.

40.

Межу городомъ было въ Енисею
Роздавалсн въ тёмной лѣсъ.
Сидѣлъ несчасной, бѣдной мальчикъ
За удачу за свою.
Мальчикъ рученьки ломаетъ
И судьбу свою онъ проклянаетъ.
Ты, судьба моя, судьба несчасна̀я,
Злонесчасная судьба моя,
Зара̀зила ты миня.
Съ тово то мальчикъ съ горя́ и съ кручины
Розгуляюся пойду,
Зайду я на Ильинской на базаръ,
Ку́плю я себѣ сальную свѣчу;
Съ тово я, мальчикъ, съ горя и со кручины
За̀жгу я воску ярова свѣчу:
„Гори ты, моя воску ярова свѣча,
„Пропадай ты, моя молодецка кра̀сота!"

С. Богучаны. М. Мутовинъ.

41.

Межу горъ Енисею раздается тунный гласъ:
Тутъ сидѣлъ бѣдной мальчишко
И съ зауны̀вною сво́ей думою;
Бѣлыя то рученьки ломаетъ,
Проклинаетъ свою судьбу:
„Судьба же моя несчастная,
Ты только разишь сердце мое, —
Всѣ то люди пьютъ, гуляютъ,
И забавляютца съ дружми́;
А я то горькой, несчасной
Умываюся слезми́".

Д. Кежем. Заимка. Е. Поповъ, 66 л.

42.

Пропилася моя буйна̀ головушка, пропилася ай намоталася;
Намоталася и наскиталася моя голова на чужой сторонушкѣ..
Случилося ко мнѣ, доброму молодцу,
Ѣхать черезъ тынъ-огородь и базаръ,
И мимо каменной тюрьмы.
Во теремочки на большомъ окошкѣ
Си́дѣлъ отъ-то, си́дѣлъ потюремшичекъ,
Чо̀салъ онъ Ирьинскимъ гре́бешкомъ,
Ра̀счасовалъ свои русыя кудри и волосы;
Чо́салъ онъ, при́росчасовалъ:
Самъ слёзно при́говаривалъ,
„Вы подуите, подуите, буйные вѣтры,

Скажите рдной матушкѣ,
Челобытьё отъ миня молодой жонѣ—
Штобъ не ждала миня домой:
Засватала миня сабля вострая,
Свѣнчала миня свинцовая пуля".

С. Богучаны. Еф. Мутовинъ.

43.

Было время веселое, —
Я съ друзьями пировалъ;
Ищо, братцы, случилось —
Въ тюрьму каменну попалъ.
Это што, братцы, за шутка
Просидѣть въ острогѣ годъ:
Ничево въ тюрьмѣ не видно,
Ничево въ ней не видать.
Только видно было слышно,
Клюшникъ въ камеру идетъ,
Ключи на полъ онъ бросаетъ,
Звонъ по камеру пошелъ, —
„Хто не какъ знаетъ за собою,
Собирайся поскоряй!"
Серцо кровью обольётца...
Весь измученной народъ
На широкой дворъ выходитъ,
Окружился весь конвой.
Оглянулся онъ назадъ,—
Отецъ съ матерью стоятъ.
„Вы не плачте, тятька съ мамкой,
Не тужите обо мнѣ:
Далѣ солнца не угонятъ,
Изъ Сибири не сошлютъ.
Кому катаржны работы,
Мнѣ ка молодцу растрѣлъ.
На рукахъ надѣты перстни,
На ногахъ ту кандалы,
На головѣ сѣрой картузъ,
На спинѣ бубновый тузъ".

д. Богучанская Заимка; дѣвица (?)

PS. Съ Алекмы „прошлово году привезена".
Сходна по сюжету у А. Соболевскаго (т. VI, стр. 426—428; № 431—Поволжк. у.

44.

Ужъ ты, садъ, мой ли садокъ,
Садъ зеленой виноградъ!
Въ саду молодецъ гулялъ,
Сладки яблочки щипалъ,

48.

Сидѣлъ Лонцовъ въ тюремномъ замкѣ,
Въ секретномъ номерѣ одинъ.
Звонокъ звенитъ нашшотъ повѣрки...
Лонцовъ задумалъ убѣжать.
Не сталъ зари онъ дожидатца,
Проворно печи сталъ ломать,
Въ трубу онъ тѣсную пробрался,
На тюремный на чердакъ,
По стѣнкѣ тихо пробирался,
На землю зглянулъ—просто страсъ;
По стѣнкѣ тихо сталъ спускатца,
И кандалами застучалъ...
Солдатикъ скоро здогодался,
По атаману выстрѣлъ далъ...
Бѣжалъ Лонцовъ отъ оглядался,
Сказалъ: „Солдатикъ не попалъ!"
Бѣжалъ Лонцовъ отъ, торопился
Прямо къ милочкѣ къ своей:
„Я гуляю здѣсь по волѣ,
„Пострадай, братъ, за миня!"
На ево красотка рассердилась,
Да на Лонцова донесла.
Тутъ Лонцова та забрали,
Да заковали въ кандалы,
Да и къ растрѣлу повели.

Ул. Шуточкинъ. Иванъ, 15 лѣт

49.

Пудко по сѣно поѣхалъ,
За угóлъ Пудко задѣлъ, (2 р.)
Зáзнобу запѣлъ:
Зáзноба, ты моя, зáзноба,
Зáзнобила ты, меня (2 р.)
Доброва молодца,
Не могу я по свѣту ходити,
Тебя милую забыти.

Мѣстнаго происхожденія. Поется въ д. Кежем. Заимка.
Сообщилъ Аѳ. К. Кокоринъ.

50.

(Запѣвало) Ты куда же мой (хоръ) соколи́чекъ, отлетаёшь,
Отлетаешь... [1])
На ково свою любезную спокидаёшь?

---

[1]) Одна изъ „проводинныхъ"—любимыхъ „проголосныхъ" пѣсенъ въ Ужурской вол. Ачинск. у. Голосъ запѣвалы покрывается хоромъ; окончаніе каждой строфы служитъ началомъ для запѣвалы.
Нѣсколько приближается по сюжету къ пѣснѣ № 550, отмѣченной у *А. Соболевскаго* (т. V, стр. 427—Тверская губ).

Остаюсь я, дѣвченочка, въ тоскѣ-горѣ,
Во слезахъ то я, ровно въ синемъ морѣ;
На море́чкѣ то волны бьютца,
У моей то любезной слёзы льютца,
Слёзы льются то, онѣ не уймутца,—
Шибко жалко то дружка да милова,
Жалю то же ево придорогова:
У маёва то дружка у милова
Волосочки то ево на помадѣ,
Кудерочки то ево въ три рядочка,
Што со радощи ево кудри вьютца,
Со печалюшки русыя да сѣкутца.

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

51.

На родиму на сторонку ясной соко́лъ прилеталъ (2),
Онъ на вольху да зеленую тихо жалосно да присялъ (2).
Што-же ты, соко́лъ, не веселъ, буйну голову повѣсилъ,
Буйну голову повѣсилъ, хвостъ печально распрустилъ;
Али кто тебя обидѣлъ въ поднебёсной высотѣ,
Али горя много видѣлъ въ чужой-дальней сторонѣ?
„Былъ я во лѣсахъ дремучихъ, соколи́ху спалюбилъ,
Другой соколъ сизокрилой у меня ее да отбилъ“ [1]).

Г. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

52.

(Запѣвало) При да́линушѣ да калинуша стоитъ,
(хоръ) Ой да на калинѣ соловей-птица сидитъ [2]),
Ой да горьку ягоду калинушу клюётъ,
Ой да малинушой призакусываётъ,
Ой да прилетали къ соловьшку два сокола [3]),
Ой да звали, звали, соловьюшка съ собою,
Ой да посадили соловьюшка въ клѣточку,
Ой да за серебряну рѣшо-рѣшоточку,
Ой да заставлили соловьюшка пѣсни пѣть:
Ой да ужъ ты пой ко, воспѣвай, мой соловей,
Ой да при компаньи взвесели моихъ гостей,
Ой да при кручинѣ добра молодца меня,
Ой да щеголюхи разорили до конца,
Ой да тамъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
Ой да во слободушкѣ молода вдова живетъ,
Ой да у вдовушкѣ дочь хорошая ростетъ:

---

[1]) Поется также на „проводинахъ“ въ д. Емельяновой, Зеледѣевской в., Красноярскаго у, —записано со словъ ямщиковъ той мѣстности въ мартѣ 1895 г.

[2]) Припѣвъ хора служитъ каждый разъ началомъ для запѣвалы, но лишь безъ прибавки „ой да“.

[3]) Въ Казачинской волости употребляютъ вмѣсто „два сокола“—„сабаи“.

Какъ любилъ парень дѣвушку,
Въ немъ правды не было;
Нѐ правды-то, правды, нѐ совѣсти:
Любилъ-то онъ ею, любилъ,
Та самъ спокинулъ.

С. Кежемское. Аѳ. К. Коворинъ.

58.

Цвѣли цвѣтики, да споблекли,
Любилъ парень дѣвицу, да спокинулъ,
Да спокинулъ... (голосъ).
Спокинулъ душа молодецъ, не надолго,
Не надолгое времячко на часочекъ.
Мнѣ часочекъ кажотца за денечикъ;
Денечикъ мнѣ кажотца за недѣльку;
Недѣлюшка кажотца за май мѣсяцъ;
Май мѣсяцъ мнѣ кажотца за полгода;
Полгода мнѣ кажотца за годочикъ...
Поѣхалъ мой миленькой въ городочикъ...

(Не окончена).

С. Ужуръ. Ананьина Варвара Ал. (дѣвица).

А. Соболевскій („Великорус. нар. пѣсни“, т. V, стр. 457, №№ 589 Костромская губ.) и 590 (Курская губ).

59.

Пришло растованицо—
Нѐ милъ бѣлой свѣтъ!
Бѣгу въ темной лѣсъ;
Близко къ лѣсу подбѣгаю,
Въ лѣсѣ вѣтру нѣтъ;
Вглянула подъ ножѐньки—
Дорожѐньки нѣтъ;
Взглянула во садичекъ,
Тамъ колескȁ бѣгутъ,
Въ этихъ во колесочкахъ
Бѣжитъ тройка лошадей.
Ужъ я крѐчала, ревѣла,—
Воротись милой назадъ!
Ужъ бы я радъ бы воротитьца,
У меня кони не стоятъ.

Д. Богуч. Заимка. Марья Лаврентьева, сред. лѣтъ.

А. Макаренко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Образецъ говора села Большія Можары.

Въ декабрѣ 1902 г. въ селѣ Раменскомъ, Бронницкаго у. Московской губ., мнѣ пришлось случайно встрѣтиться съ крестьяниномъ села Большія Можары, Сапожковскаго у. Рязанской губ. Крестьянинъ этотъ, имѣя 54 года отъ роду, въ первый разъ выѣхалъ, по его словамъ, изъ родного села и прожилъ внѣ его, въ селѣ Раменскомъ, до моей встрѣчи съ нимъ, около девяти мѣсяцевъ. Изъ наблюденій надъ рѣчью этого крестьянина выяснилось, что на его говоръ оказалъ все же нѣкоторое вліяніе обще-русскій языкъ. Отъ этого крестьянина я записалъ приводимый ниже текстъ, изданіе котораго не считаю лишнимъ при нашей скудости діалектологическаго матеріала вообще и записей живой народной рѣчи въ частности.

Особенности говора Можарскаго крестьянина слѣдующія:

1) Сильное аканье: в *ва́*скре[i]*се́*н'ья (мѣстн. ед.), *ся*ло, *ра*здя*ли́*ли *ба*л'*ша́я* *ря*ка, *яво́*, Бавы́кинск*ай* (им. ед. прил. отъ собств. имени) 2 версты́, язы́к, э́тъкáй, за *ча*тыре[i] версты́ *ся*ло „Ключи“, а *двя*на́тц*ит*' вёрст Валчофка; в*а* вся́*ка* вре́*мя*, ф Шува́*ла*фк*и*; ни *зя*мя*ча́*л, на́ дватц*ит*' капе́*ик*.

2) Звука *г* нѣтъ: γвари́лъ, чаγб, γутарит' и т. д.

3) *кя кю* вм. *ка ку*: у ра́дничк*я*, тол'к*я́*, табачк*ю*.

4) *жж* и *шш* мягки: *щ*юка, до*жж*ик, бал'шы́*щя*.

5) *ч*—какъ у насъ (чаγо), *ц иногда* мягко: двянатцит', мѣсяц'. Мѣны *ц* и *ч*, а равно шепелявости въ произношеніи не наблюдалось.

6) Пропускъ *в* и стяженіе *ао* постоянно въ словѣ *пра́* (=пра́во).

7) Род. ед. сущ. ж. р: у жане, у Царе (Пара—назв. рѣки).

8) Род. ед. прил. на γо, хотя нѣсколько разъ слышалъ слово: „яво“.

9) Род.—мѣстн. мѣст: у тибе, гля сибе.

10) 3 л. глаг. на *т*': значит', знаит', γутарют'.

11) Вмѣсто *еще* слышалъ часто *ишто́*, вм. *что—що*.

Эти особенности отмѣчены исключительно во время разговора, и нижеприводимый текстъ не принимался въ расчетъ при характеристикѣ говора крестьянина.

Жыл ба́γатъй купец'. У няво дитей не́ была́: тол'ки их двоя жжа̄нбй и работ'ники. И имел бал'шо́й капита́л. И патом купцю прис'нилсе" э̄таму сон. Ты свой ка̄питал мален'кя убаф' и спасёш сваю душу. Он и хазяйки сваёй сказываит': мне прис'нилси э̄такай сон

(ты ня мяша́й, яγатка). То́т хазяин γварит': „ка́кжӑ нам быт'". А хазяйкя яму γварит': „Смастим мост". У них ходют' Боγу в маластыр' малицца за сим'сот вёрст. А чеіреіз речкю сем'дисят. И ани мост смастили. Пашли люди добрыи мӑлитца вдвоеі бол'шы. И пасылаит' куп'ец' работ'ника: „по́д мъст сят': паслўшӑй, што люди һварят'". Патом люди γварят': „ест' он жыф, и дай яму һо́спади добрӑя здаров'ья, а по́мяр—царствӑ не я бёснӑя—места (у)пакой". И патом шли три лиця: γаспот' Исус Христос и Микалай Уγо́дняк. И патом Микалай Уγо́дняк γварит' γо́споду (sic): „Какую э́таму купцу (sic) щяс'т' дат'?" Но γаспот' сказал: „я йим дам сына и э́тат сын што у мене ни папросит', то я йиму дам". Хърӑшо́. Работ'ник вылес (sic) ис пад мосту; пришол дамой. И купец' яво спрашываит' што люди γварят'. Но́н яму сказал, купцу: „γварят': ест' он жыф, дай яму γоспади добрая здаро́вья и мно́γӑ лет пажыт', ас'ли по́мяр, даяму (sic), γоспади, царсвӑ Божія места упӑкой". Но пра эта яму работ'няк ни сказалъ. Ноон тутжа атправляитца в ынуя именья на два γода. А яму создал прикас: вот ты с мине триста рублей пӑлучӑл, вот тибе пят'сот прибавляю, тол'ки праф' ту должнас'т', как я правял. Но он уехал. Хазяйкя яво забрюха́тела (sic). Ну патом прашэ̆ччи γода, и время хазяйки яво радит'. Но тот работ'някъ пӑдыскалъ бапку, шты как ни можна, бапка, вот сто рублей я тибе дам: ты рибёнъка скрат'. Та бапка рибёнъка скрадила и пир'дала работ'нику. Работ'няк ф шпитал' яγо ат'нёс. И ета бапка з'делала нат купчихай: разарвала ат сабаки щанка и вымъзӑла ей уста и самаю, и патом зашумела краул: „такъ и такъ, γварит': купцова хазяйкя радила сына и разървала". Сабралси нарот, уряд'ники, панятыи и паверили эта де́ла. Патомъ пріяж'ж'яит' купец' исваб (sic) именья и спрашываит' работ'ника: „как дяла, γриγорій?" γриγорій γварит': „дяла плахіи: нящясья"! Он и һварит': „штош такоя?" — „Хазяйкя твая рӑдила сына и ръзървала е́γо́" (sic). Купец' γриγорій и γварит': „када ана ръзӑрвала, ана—сабака и сабачья ей чест'. Прашло этаму делу три γода. И работ'ник просит' у хӑзя́ина ращёт. Тот ни пускаит'. Вот ты палучал от мене пят'сот цалковых, а вот тебе тыщю рублей,—ни хади! Он и γварит': неі нада мне ничаво, давай ращ'от. У мене падрасли рабяты: адин жанит' пас'пел, он беіз меіне не можыт'. Ну тот работ'ник ращ'олси пӑолучил с нявó полтӑры тыщи и пашол дамой. А у няво и дома нет и дятей нет. Взашол ф шпитал' и взял э́тава мал'чика и патом вышалъ ис шпиталя: пашли ани. Он яво и называит': „Ваня, я атец' тибе, ты мяне зӑви атцёмъ". И γварит' яму мал'чик: „тят'кя, далёка-ли мы пайдёмъ?"—Мы падём к царю. Пришли ани х царю. Он һварит': „Ваня, скажы: дай, һоспади, мне ма́тярю". Патходит' к дому, стаража дапускают' да царя́. Тот цар' спрасываит' (sic): „Вы што?"—„мы пришли къ вашай миласти: вы нам ня дадитеі ли каких дялишэ̆к, я б вам стал служыт'." Цяр' γварит' яму: „Я б рат царства здал. Ты б дяла заступил, исправлял ба. У мене ес'т' доч: я тебе пӑвян'чаю с' ней. Цӑ. И паγаворка пашеіская: ни браγа (sic) варит' и ни вино курит', а у нас фсё γато́вӑ". И пъвян'чал и здал яму царства, а сам сибе—кой-што. Патом он мал'чикъ оддал в ученья. Ну патом мал'чак выдит' из ученья — ани балуютца. Он энтих рябят: ухват' за́ руку—уву́энтава рука далой (Так γаспот' сказал на масту ишто). γриγорій хочит' бит' яγо́. Мал'чик за-

плакал. Царица и γварит': γриγорій за што ты яво́—он γлуп: им поиγрат' фсем хоцца. А он γварит': „Как паиγрат' хоцца!—он руку атарвал!" И патом γварит': „нас нихто ни засудит'." Ну патом прашла ниделя, то он ишто иво пабил и пъсадил е^іво́ ф кӑмбрку. Ну и сам сел чай пит' с царицай. И патом царица γварит': „γриγорій, он фсё равно как ня сын тибе". А он и hварит' царицы: „И то он ня сын: он вот этакӑй и этъкӑй, и вот как я яво взял". Мал'чик этӑ фсё слышыт' и фсё разабрал. Патом мал'чик аделси и сказал: „Мамаша царица, пращай: я ат вас уйду". Но мал'чик γварит': „γоспади, γбсподи (sic), ыбрати маво атця псом". И ён пирекутырнулси и стал пёс. Ну мал'чик фсётаки сказал: „пращай, мамаша царица: пайду я сваю родину искат'—и пашли. Шли пблγада, патом он и спрашиваит', мал'чак, пра сваю родину: „дѣ мая родина?". „Далёка, сто вёрс ишто", γварит' .И праходят' ани сто вёрс: пришли ани ф сваю родину, патходют' к этӑму купцу и ка двару. У купца дявишняк. И пу^остучал ув акошко: „Пустити нас начават'". Работ'ник яму атвичаит': „у нас некуда пустит': нын'че дявишняк, а зафтра свад'ба". Купец' (яму γаспот' на ум на разум наставял) и пу́стял яво́ на дваре в баню начават' с сабакай. Ну ани пьют' и γуляют'. Хазяин и γварит' взят' мал'чика пажинат'. Мал'чику паднясли стакан'чакъ во́дӑчки. И ходют' ани разγаваривают': „Какая у нас з'делалас' бяда. Мая хазяйкя радила сына и сьела". Мал'чик и γварит': „не^і можит' этъвӑ быт', штӑ бы этӑ случилбс'. Этӑ пус'тяки или з'делали валхвы!" Патом: „атправляйси ф сваю баню начават'". Начавал. Па утру встают'. Зачили γулят' и пбзвали мал'чика апят'. И заγварили пра то: „Как жа ты нам сказал фчарас': „валхвы". Мал'чик отвячаит': „Што у вас сабаки жар ядят', ал' нет". Ани γварят': „нет. Ништо сабаку заставиш' жар йис'т'". Мал'чикъ пашол в баню и взял сваю сабаку ви́збу и γварит' мал'чик: „Куфарка, пӑчар'пи́ плиту жару". Стряпуха пачар'пла и γварит' „Паснбф' на́ пал". Мал'чак γварит': „Сабака, жри жар"! И сабака начала жрат' и фсё сибе сажгла. Патом мал'чак и γварит': „Сабака, будит' жар йис'т', а то уш ты фся изажγ*лася*" (sic). Та ня стала. Мал'чик γварит' купцю: „Вот так и тваю хазяйкю заставили мал'чика с'ьис'т'". И γварит': „купец', што у тибе́ работ'ник был?" Он hварит': „был". — „Как зват' е^івб, γриγорій? Купец', вот этат твой работ'няк!" Купец' и γварит': „Эта—ня работняк, этӑ—сабака". Мал'чик стал, ухватил за хвост, дёр'нит', — тот стал добрӑи моладец'. Мал'чик γварит': „Этат твой работ'няк?"—„Этат". Тот работ'няк падаит' купцу в ноги: „Прас'ти мине, з'делал эта фсё я: хазяйкю тваю приказали жывую зарыт' чере^із минѐ. А вот этат мал'чак самӑй соп'ственнай твой сын". И купец' как мал'чика ухватил — и упали оба на́ пал. И патом фстали. Мал'чик γварит': „Папаша, самай я твой рбднай сын. Папаша, брасай фсе дялȁ, ня жанис'". Што не́ былӑ народу — фсе са страху страшылис'? Тот мал'чик и γварит': „Пайдитя, папаша, укажитя мне маγилу, я мамушку ваз'му". И пашли на маилу и мал'чаку указали матирёну маилу. Мал'чик упал на маилу и заплакал: „Радимая мая кар'милица, выйди ка мне!" И раззынулас' фся зимля и γроп наружы стал и мат' γласит' мал'чику: „Чада мая милая и чада мая дараγая, я маγу вытит', я ни маγу тибе аслушытца. Сын мой ваз'люблиннай, пажылей мине. Мне тут добрѐ

6*

хърашо́. Я вытит' х тибе маγу: тольки я месту эту пати^а^ряю. Я палучила ат γоспада Боγа царства нибёсная. Ступай, γаспот' с Вами: жывитя, как Вам γаспот' вялит'". И апят' матушка зямля здинулас', как была. И он пакланилси три рас в землю: „Пращай, γ-т, мамушка, и паγибла ты чёрис' мине. И пришли ани дамой. И γварят' работ'нику: „Разыщи эту бапку. Работ'ник разыскал бапку, привёл. И придали йих на сут, как ани смаγлис' так зделат' и зарыт' купчиху ф сыруюземлю жывую и присудили: этовъ купця были на стойли два жыряпца--и вывес'т' этих жыряпцоф ф поля и вывес'т работ'ника и бапку ф поля и пас'мнатцати сажан канаты привязали к жирапцам и патом х к этим х канатом: к аднаму жиряпцу—бапку, х друγому — работ'ника. И жиряпцоф фсётаки увяли вёрст за́ пят' ат сяла. Знчыт', поснямали с' них о́брӑти,—то кани́ памчались', и у бапки и у работ'ника розмыкали де рука, (γ)де наγа (и кос'ти фсе растрясли, ни то̀ шта фсе масла́).

Я там был мёт вино пил пусам тякла в рот ня папала.

Ишто страшне́я ес'т'.

Н. Каринскій.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(Продолжсніе).

9.

Агрикъ[1]).

Благословите мнѣ сказать да про вѣщину,
Про вѣщину про светителя Миколу да Чудотворца,
Про его свѣта великія чудеса.
Ужъ во томъ-ле крѣпкомъ градѣ Антіохіѣ
Жилъ былъ тутъ мужъ благочестивой,
У его былъ нá имя себѣ Агрикъ,
И былъ у его возлюбленный да сынъ Василей.
Они вѣруютъ светителю Миколы,
Ужъ построили соборную Божью церковь
Какъ отъ града ростоянья да за петь попрыскъ.
Посылаетъ Агрикъ сына Василья
Ужъ на память ко светителю Миколы,
Поѣзждятъ его сынъ да Василей,
За имъ много-же народу собиралось,
Пріѣзжали они къ соборной Божьей церкви.
Они мѣстныя иконы да поднимали
Воску яровыя свѣчи да затопляли,
Они служатъ вечернія службы.
Всё всеночное стояньё да предстояли,
Начинаётъ свитую да литоргію.
Ужъ изъ издéлече, издалéче да чиста поля,
Изъ того-же изъ широкого раздолья,
Подымалася великая буря,
Поевилисе Срачинскаго князя люди;
Кругъ соборную Божью церковь обходили,
Ани много-же народу въ полонъ брали,
Роздѣляли народъ-отъ да на три доли;
Ажъ меньшу долю подъ мечъ да приклонили,
А втору доль съ собою да отвозили,
Третью доль продали Амиру,
Ты Амиру Срачиньскому князю,
Туды-же Агрикова сына Василья.
Съ того Агрикъ на Миколу да осердился,
Не много не мало да на три года;

---

[1]) Алексѣй Андр. Носовъ, Устьцыльма.

Приходили къ Агрику тутъ знакомы,
Говорили-то Агрику всѣ сротши:
„Почему ты, Агрикъ, не вѣруешь светителю Миколы?
Светитель-то Микола да Богомъ силенъ,
Онъ выручитъ у тя сына Василья,
Изъ великой неволи да изъ полоны“.
Тогда Агрикъ сталъ сряжаться кабы въ церковь да со жоною.
За имъ много-же народу да собиралось,
Пріѣзжали они ко соборной да Божьей церкви;
Они мѣстныя иконы да поднимали,
Воску яровыя свѣчи да затопляли,
Они служатъ вечернія службы,
Всё всеночное стояньё да предстояли,
Начинатце святую литургію;
И поѣзжать Агрикъ сталъ въ бѣлокаменны палаты,
Пріѣзжатъ онъ въ бѣлокаменны палаты,
Они много тутъ народу поятъ, кормятъ
Серебромъ меньшу братью да надѣляютъ,
И проходитъ тутъ весь день-же.
„Почему-же кобели злы притугáютъ?“
Говоритъ Агрикъ рабамъ своимъ домочадцамъ;
„Ужъ вы ой еси, рабы мои домочадцы,
Вы сходите-ко на дворъ да досмотрите—
Почему-же кобели злы притугаютъ?“
Ужъ сходили тамъ рабы да досмотрѣли,
Ничего-же какъ рабы да тамъ не узрятъ,
Всталъ Агрикъ самъ да со постели,
Выходитъ онъ на дворъ да со свѣщéю,
Онъ узрилъ тутъ сына да Василья,
Середи двора стоитъ въ платьи стращинскомъ,
Во правой рукѣ держитъ чару да золотую,
Во лѣвой рукѣ держитъ скляницу вина полну,
Говоритъ тутъ вѣдь сыну онъ да Василью:
„Азъ есь сынъ-ле ты-ле мнѣ Василей,
Але стѣнь-ле тобою да мнѣ-ка кажетъ?“
Ужъ-ко батюшку Василей да отвѣчаётъ:
— Азъ есь батюшко сынъ твой Василей.—
Говоритъ да Агрикъ сыну Василью:
„Ты откуль же мое чадо объевилось?“
Говоритъ-то ему сынъ да Василей:
— А стоялъ за столомъ предъ Срачинскіимъ князёмъ,
Вдругъ не видомо отъ князя меня не стало.
Только здѣся мнѣ объевился свѣтъ Микола“.
Тогда бралъ Агрикъ своего сына Василья,
Онъ бралъ его за бѣлыя за руки,
Заводилъ его въ бѣлокаменны палáты;
Во палáты его матушка зрадовалась,
Ужъ во радости слезами да уливалась,
Ужъ брала его за бѣлыя за руки,
Чѣловала она въ уста его сахарны.

10.

Агрикъ[1]).

Сказати братцы-ле про вѣщыну,
Про светителя Миколу-ли Чудотворца,
Да-бы про его про чудныя чудеса,
Да про Агрикова сына-ли про Василья.
Да жилъ былъ нынь мужъ благочестивой,
Жилъ-былъ Агрикъ-ли со жоною,
Да вѣровалъ въ светителя Миколу онъ Чудотворца,
Да построилъ Агрикъ соборную божью церковь,
Да не близко не далеко-ли онъ построилъ,
Да бы за двѣ-де попрыщи лошадиной.
Поѣзжаетъ-ле Агрикъ-де къ божьей церкви,
Вси народы за имъ ныньце поѣжжаютъ,
Пріѣзжаютъ ко соборной божьей церкви,
Заходили во соборную божею церковь.
Вси помѣстныя свѣщи ныньце затеплили,
Да служили чесны они молебны,
Отслужили чесны они молебны,
Заслужили свѣтую да литургею.
Да во то-ле братцы времё, да во ту пору,
Набѣгали страчинского князя люди,
Обостали всю соборную божію церковь,
Да изъ церкви народъ весь выгоняли,
На три части народъ весь роздѣляли,
Кабы первую часть они срубили,
Да вторую на волю да отпустили,
Да третью въ полонъ да сибѣ взяли,
Кабы взяли у Агрика сына
Да бы взяли они сына Василья.
До во ту ли братцы пору, да во то времё,
У того-то у мужа благочестива,
У того-то у Агрика со женою,
Да не сталъ-то Агрикъ ѣздить въ божью церковь
Ко светому Миколы Чудотворцу.
Да не сталъ Агрикъ служить свету литоргею,
Осердился на Миколу да на светого.
Да ко Агрику сротцы да приходили,
Да Агрику сротцы да говорили:
„Ужъ ты ой еси, мужъ благочестивой,
Ты пошто-же ты не ѣздишь въ божью церковь,

---

[1]) Николай Петр. Шальковъ. с. Великая Виска.

Ко светителю Миколѣ ты Чудотворцу,
Да пошто-же ты не служишь чесны молебны,
Да светитель-отъ Микола онъ Богомъ силенъ,
Онъ то вынесётъ твоя сына изъ полона".
Поѣжжаетъ-ле Агрикъ да къ Божьей церкви,
Вси народы за имъ ныньце поѣжжаютъ.
Пріѣжали ко собору божьей церкви,
Заходили во соборную Божью церковь,
Вси помѣсныя свѣщи ныньце затеплили,
Да служили чесны они молебны,
Да со теплыма нынце да со свѣщами,
Со усёрдныма нынце да сордоцами,
Со горючима-ле вотъ нынце со слезами;
Ослужили чесны они молебны,
Да служили святую да литоргею,
Отслужили святую да литоргею,
Да пошли вси изъ соборной Божьей церкви,
Во свои де бѣлокаменны палаты,
Садились за столы они дубовыя,
Да за ти-жо за яствы да сахарныя,
Да за ти-жо за печенья да мёдовыя.
До ту-ли братцы пору, да во то-ли времё,
Подымалась туця да тёмна грозна,
Туця грозная, со подéрой,
На дворѣ-то кобели стали притугáти;
Говоритъ тогда мужъ благочестивой:
„Ужъ вы родные мои сродцы,
Ужъ вы потьте на дворѣ скоро досмотрите".
Да пошли-то ныньце сродцы да досмотрѣти,
Не кого-то на дворѣ они не видали.
Да пушше кобели стали притугáти,
Да пошолъ-то-ле мужъ благочестивой,
Да пошолъ на дворъ онъ досмотрѣти,
Ювидалъ-то-ли чудо да право чудно,
Увидалъ то-ли диво да ныньце дивно:
Да стоитъ его сынъ ныньце Василей,
Во рукѣ держитъ да ныньце скляну,
Во лѣвой-то подносъ держитъ золоченой,
На подносѣ три цяры да золотыя,
Кабы полны напитку да налитыя,
Да не сколькё тѣ цяры да не слитыя.
Говоритъ-то-ле мужъ благочестивой:
„Ище што-же тако мнѣ-ка мечтуетъ
Ле стѣнь-то Васильёва показуётъ?"
Говоритъ-то и сынъ ему Василей:
— Да не стѣнь-то моя тибѣ мечтуётъ,
Я сынъ твой Василей да показуюсь;
Я стоялъ предъ срачинскимъ нынце князёмъ;
Я явился предъ мужемъ благочестивымъ.

11.

Никола Чудотворецъ[1]).

Светитель Микола Меркирьской чудотворецъ,
Лежатъ свѣты мощи въ Турской дальнѣй земли,
Чудеса у свѣта у насъ на светой Руси.
Пишомъ образъ твой на страшну икону,
Украшаемъ свѣтлый образъ серебромъ-ли чистымъ,
Украшаемъ образъ золотомъ-ли краснымъ,
Украшаемъ образъ жемчугомъ закатистымъ;
Церковь содвигаемъ, служимъ нынь молебны,
Служимъ нынь молебны, чесные обѣдни;
Светитель Микола, онъ былъ Богомъ силенъ,
По морю плаваше, онъ свѣтъ направляётъ,
Онъ свѣтъ направляетъ, волны да укращаетъ,
Волны укрощаетъ, врага пострамляётъ;
Онъ больныхъ лежащихъ онъ свѣтъ свобождаетъ
По лѣсу блудящихъ онъ свѣтъ выправляётъ.
Слава Отцу Богу, слава-ле Сыну Божью.

12.

Василій великій[2]).

Свѣтъ Василей Великія Кесаримскія чудотворецъ,
Стоялъ Василей семнадцать лѣтъ во Божей во церкви,
Въ паперти у притвору на молитвы,
Молитця Господу Богу отъ желанья,
Съ теплыма Василей сердецáми,
Съ горючима Василей со слёзами,
Гласитъ ему Присвятая мати Божья Богородича:
„Хоть стоишь Василей семнадцать лѣтъ во Божеей во церкви,
Въ паперти у притвору на молитвы,
Молишся Господу Богу отъ жаланья,
Съ теплыма Василей сердецами,
Съ горячима Василей со слёзами,
Пашетъ отъ тя духы злыя прокляты хмѣльной корень".
Чуётъ Василей гласъ отъ святыя отъ иконы,

---

[1]) Ник. Петр. Шальновъ. В. Виска.
[2]) Пав. Григ. Марковъ. 76 л. д. Бѣдовая, Пустозерск. вол.

Изъ устъ Василей молитву выпускаетъ,
Молитва ко Господу, ко небесамъ.
Какъ сильный громъ прогрянулъ,
Кланелса Василей головою о полъ,
Проломилъ свою голову до крови;
Сама Присвятая мати Божья Богородича,
Сама съ престолу ставала,
Пречисты ручи свои подъ Василья подлагала,
Василья на ноги здымала.
„Свѣтъ Василей великій Кесоримскія Чудотворечъ,
Нѣтъ твоего столпа ко Господу выше,
Нѣтъ твоихъ чудесъ, молитвъ ко Господу болѣ,
Не подобатъ свещеннымъ архиреямъ и ереямъ,
Не подобатъ хмѣльного питья вкушати,
Не подобатъ пьяничи святая ранная литоргея совершати,
Не подобатъ пьяничи въ божьи церковь впущати:
Пьянича идетъ въ Божью церковь не обиходенъ,
Лица своего крестомъ не изображаетъ,
Исусовой молитвы сысполна не сотворяетъ.
Пьяница стоитъ смѣётъ и галитъ,—
Отца попа духовнаго осуждаетъ,
Грѣхъ грѣхомъ на души не исчисляетъ,
Отцу попу духовному не исповѣдаетъ.
О, горё тому человѣку
Кой человѣкъ въ пьянствѣ и умрётъ,
Изъ того косья 25 лѣтъ хмѣльнія духы злыя прокляты корень не выходитъ
О горё, тому человѣку,
Кой человѣкъ на дорогѣ съ пьяницей встрѣтитця, не свороти
Станетъ съ пьяничей говорити,
Станетъ пьяничу на умъ наставлети,
Пьяничу роздразнитъ и пьяничу осердитъ,
Пьянича его или деревомъ убьетъ или ножомъ зарѣжотъ,
Та душа за не видъ потеряцца,
Ту душу на второмъ Христовомъ пришествіи Господь не пріемлетъ
О, горе, тому человѣку,
Кой человѣкъ помáтерну избраницца,
Или женскій полъ поматерну избранницца,
Трижда небо и земля потресуцца,
Трижды кровью уста запекутця;
Или мужьской полъ трижды поматерну избранитця,
Трижда небо и земля потресетця,
Трижда кровію уста запекутця;
Не ту мать они сквернятъ, бранятъ и поносятъ,
Котора ихъ мать родила,
А ту мать они сквернятъ, бранятъ и поносятъ,
Котора родила Сына Божья,
Которой сотворилъ небо и землю,

Которой сотворилъ сончо и мѣсецъ,
Которой сотворилъ утренну зорю и вечёрну,
Которой сотворилъ ангеловъ и архангеловъ,
Которой сотворилъ херувимовъ и сарафимовъ,
И которой сотворилъ на земли всяку тварь плодоносну,
Ту они мать бранятъ, сквернятъ и поносятъ".

13.

Христосъ и нищіе[1]).

Какъ пришло приходило нонь свѣтло Христово воскресенье,
Господь на небеса вознесса,
Со всей онъ своей небесной силой,
Со всѣми онъ со свѣтлыма
Со ангелами и феруимамъ,
Со истинныма серафимамъ,
Оставляетъ на земли низчюю братью.
Нищая братья—убогіе сирота,
Возмолилась ноньце нищая братья:
„Да ой еси, Христосъ царь небесной,
Да на кого ты насъ, сиротъ, оставляешъ?
Да на кого ты насъ, сиротъ, покидаешъ?
Да нагими да босыми находитце,
Отъ темной ночи не покрытца,
Голодною смертью померети".
Воспроговорилъ Христосъ-Царь Небёсной:
— Да ой еси, моя нищая братья,
Оставлю я вамъ гору золотую,
Да будите вы сыты и пьяны,
Да будите обуты, одены,
Да будите отъ темной ночи укрыты.—
Воспроговорилъ Иванъ Златоустъ:
„Да ой еси, Христосъ царь небёсной,
Не оставляй ты нищимъ гору золотую,
А нищимъ горою не владати,
Какъ будутъ на земли князія, бояра,
Нижныя власти московски,
Какъ будутъ на земли судіи власти,
Отоймутъ у нищихъ гору золотую;
Оставь ты имъ лучше свое имя Христово,
Да станутъ ходить по селамъ, по деревнямъ;
Да станутъ ходить по городамъ, по уѣздамъ,
Да станутъ тя Христа поминати,
Да станутъ Христа прославляти,
Да слава Христу Богу,
Да слава тебѣ Сыну Божію.

---

[1]) Игнатій Дуркинъ, Усть-Цыльма.

14.

Молитва къ Богородицѣ [1]) „Ермáсъ."

Чюдная Царица Богородица,
Услыши мою молитву души рабъ своихъ,
Пролей мои слезы горечіи,
Научи человѣка, чимъ душа спасти,
Душа-де спасти постомъ, молитвою,
Да въ рай-отъ затти чесной милостыной;
Да хоть намъ долго жить, да умереть будётъ,
Пора человѣкъ тебѣ покаятце,
На истинну путе обратитисе:
А день-отъ идетъ ко вецеру,
Ко вечеру день да приближаитце,
Человѣческій вѣкъ нашъ коротаитце,
А доски калоды дубовыя
Ти домовища вѣковѣчныя,
И долго намъ жить да умереть будетъ,
А умъ съ головой разставаитце,
И съ тѣломъ душа распрощаитце,
Намъ смёртная чаша наливаитце.

15.

„Стихъ соловцкихъ Чудотворцевъ" [2]).

Что было во Царствѣ
Во Московскомъ государствѣ:
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ воеводамъ,
Еще изъ бояръ бояръ выбирали,
Во воеводы сажали,
Что Петра сына Алексѣева
Роду непростого,
По фамиліи Салтыкова:
Посылали воеводу къ саловецкимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ разорити,
Стару вѣру порушити,
Старыя книги изодрати
И огню ихъ предати.

---

[1]) Екат. Ѳед. Торопова, 81 г. Усть-Цыльма.

[2]) Списанъ подъ такимъ заглавіемъ изъ тетрадки стиховъ, принадлежащей Анисьѣ Иван. Безумовой, въ дер. Устье, Пустозерской вол. Печорскаго у., она изъ рода Поповыхъ, что жили въ скиту на р. Индигѣ (см. ст. „Печорская старина," „Изв. Отд. русск. язык. и сл. И. А. Н." т. X, кн. 2, стр. 345).

И всѣхъ старцевъ прерубити
И всине море пометати.
Что возговорилъ то воевода,
Что нельзя сударь сотворити,
И невозможно подумати
На светое то мѣсто.
Что возговоритъ Государь Царь
Алексѣй сударь Михайловичъ:
Ты, добро, воевода
Я велю тебя казнити
Руки ноги отрубити,
Буйну голову отпилити.
Погоди сударь казнити,
Прикажи рѣчь говорити,
А дай же силы сударь много стрѣльцовъ,
Борцовъ и салдатовъ;
Что садился воевода
Во легонькіе стружечки:
Потянули буйны вѣтры,
Со полуденной сторонки,
Приносило воеводу
Къ монастырю ко святому,
Ко игумену чесному:
Что стрѣляетъ воевода
Во соборную божью церковь:
Уронилъ воевода Богородицу съ престола,
И все старцы испугались,
По стѣнамъ помѣтались,
Водно мѣсто собирались.
Водно слово говорили:
И мы главы положимъ
Да по старому отслужимъ,
Вѣчно Богу слуги будемъ,
Съ нимъ во царствіи пребудемъ;
Во Москвѣ было во царствѣ,
Во Московскомъ государствѣ,
Во грановитоей во палаты,
Отворились церкви двери,
Воскричали возопили:
Уже есть ли у васъ караулы.
Гонцы скоры посылали
Бы скорѣе монастырь бы не разорили,
А старцевъ бы не рубили
А вѣру бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ —
Вы духовніи мои дѣти,
Ужъ вы стойте, не сдавайтесь,
За Христа Бога умирайте,

Аминь.

16.

Чернориэецъ и Господь [1]).

Идетъ старецъ ис пустыни,
Да пріуплакася черноризецъ,
Да идетъ на встрѣчю ему Господь Богъ,
Ты о чемъ-же старецъ плачешь,
Да черноризецъ возрыдаешь?
Да какъ мнѣ Господи не плакать,
Черноризцу не рыдати.
Да ужъ я младъ зѣло пострихся,
Да всѣхъ я добрыхъ дѣлъ лишихся,
Потерялъ я златую книгу
И уронилъ я ключи отъ церкви въ черное море.
Да тутъ сказалъему Господь Богъ,
Поди старецъ о атися,
Да со слезами Богу молися,
Я найду златую книгу;
Да изсушу я черное море
И достану ключъ отъ церкви,
Да награжду я тя своимъ градомъ
Да ты живи до скончанія вѣка.

Аминь.

Н. Ончуковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Списано изъ той же тетрадки.

ОТДѢЛЪ II.

„Два Брата“.

Остяцкая легенда[1]).

Въ 350-ти верстахъ отъ Тобольска, внизъ по теченію рѣки Иртыша, есть мѣстность, называемая „Два Брата“,—это двѣ горы: одна по правую сторону рѣки, другая—по лѣвую. Правая гора стоитъ отвѣснымъ утесомъ надъ самымъ берегомъ и омывается водою, отчего бываютъ частые обвалы. Лѣвая гора отъ Иртыша находится въ полуверстѣ; она представляетъ изъ себя островъ, такъ какъ притокъ Иртыша кольцомъ обогнулъ ее. Отъ стороны Иртыша эта гора имѣетъ семь уступовъ, какъ бы лѣстницу; вся гора обросла тальникомъ, лѣсомъ, разными растеніями, и очень живописна. На самой вершинѣ горы, во всю ея длину, есть три рва, или канавы, глубиною до 1-й сажени, а шириною отъ полутора до двухъ аршинъ. Эту гору Остяки называютъ „Чугасъ“, или „Городъ“.

На этихъ двухъ горахъ,—какъ передаетъ остяцкая легенда,—жили когда-то два князя, братья-богатыри; старшій братъ жилъ на правой горѣ, а младшій—на лѣвой; перваго звали Цингайда, а второго Теборетомъ. Старшій братъ былъ холостъ и о женитьбѣ не помышлялъ, а младшій надумалъ жениться и высматривалъ себѣ невѣсту. Жили они дружно и имѣли одинъ топоръ, который, въ случаѣ надобности, перебрасывали другъ другу черезъ рѣку.

Теборетъ былъ сильнымъ и славнымъ богатыремъ и имѣлъ много подданныхъ. Отъ нападенія враговъ его подданные защищались бревнами, которыми бросали въ непріятеля съ вершины утеса; но враги были умнѣе: они имѣли луки и стрѣлы

[1]) Легенда эта записана сельскимъ писаремъ одного изъ селъ прииртышскихъ, нынѣ уже покойнымъ Матвѣемъ Константиновичемъ Батуринымъ, отъ котораго она перешла въ собственность бывшаго издателя „Сибирскаго Листка“ А. А. Сыромятникова. Съ любезнаго разрѣшенія послѣдняго мы и помѣщаемъ ее. *Хр. Лопаревъ.*

и превосходно стрѣляли, такъ что бороться съ ними Теборету было невмочь. Желая помочь этой бѣдѣ, Тебореть собралъ на совѣтъ своихъ подданныхъ Остяковъ и шамановъ. Они посовѣтовали своему князю обратиться съ молитвой къ богу, и Теборетъ, послушавъ ихъ совѣта, принесъ въ жертву лучшаго быка и сталъ громко молиться, прося бога дать и ему какое-либо оружіе для защиты отъ врага. По окончаніи жертвоприношенія и молитвы всѣ легли спать, а на утро, когда Теборетъ вышелъ изъ своего шалаша, то увидѣлъ столъ, а на томъ столѣ лежалъ огромный лукъ и стрѣла.

Князь очень обрадовался, и, желая испробовать дѣйствіе оружія, пустилъ стрѣлу прямо вверхъ. Лишь только стрѣла взвилась, какъ поднялся сильный громъ,—такой сильный, что Чугасъ задрожалъ; всѣ страшно перепугались, даже самъ богатырь испугался. Громъ этотъ былъ слышенъ по всей окрестности и даже въ Кондѣ. Но вотъ все стихло и стрѣла упала неподалеку отъ шалаша Теборета и вся ушла въ землю, такъ что изъ земли былъ виденъ лишь маленькій кончикъ. Князь хотѣлъ ее вытащить, но не смогъ; пробовали и другіе, но тоже не могли, а потому стрѣла и осталась въ землѣ; лукъ же положили на столъ, на прежнее мѣсто.

Прошелъ день, прошла и ночь. На утро выходитъ князь изъ шалаша и видитъ, что на столѣ, вмѣсто оставленнаго лука,—лежитъ громадный мечъ съ золотымъ эфесомъ. Этотъ мечъ такъ сильно блестѣлъ, что простому человѣку смотрѣть на него было невозможно,—а если кто взглянетъ, тотъ падаетъ безъ чувствъ; на этотъ мечъ безнаказанно могъ смотрѣть только одинъ князь. На мечѣ была сдѣлана надпись: „отъ Турымъ-Санги [1]): далъ я тебѣ лукъ и стрѣлу, но ты не умѣлъ ими пользоваться и стрѣлялъ въ небо, чѣмъ оскорбилъ Турымъ-Сангу. Поэтому лукъ отъ тебя отымается, а взамѣнъ него вотъ тебѣ мечъ: имъ побѣждай враговъ".

Прочитавъ ту надпись, Теборетъ собралъ подданныхъ и разсказалъ имъ, какъ онъ, по легкомыслію, оскорбилъ бога, и вмѣсто лука теперь получилъ мечъ. И взялъ тотъ мечъ, желая показать его народу; но при одномъ взглядѣ на мечъ всѣ попадали отъ страха, а тѣ, которые стояли поближе—оказались мертвыми. Тогда князь положилъ мечъ на столъ, а самъ сталъ молиться и принесъ богу благодарственную жертву. И съ тѣхъ поръ, какъ только непріятель нападалъ на его городъ, то князь

[1]) Турымъ-Санга,—это, по остяцки,—богъ.

одинъ выходилъ противъ цѣлаго войска, имѣя въ рукахъ свой чудодѣйственный мечъ. Какъ только враги увидятъ мечъ, то ближніе падаютъ, а дальніе, кто можетъ, спасается бѣгствомъ; а если князь взмахнетъ тѣмъ мечомъ, то стоящіе кругомъ падаютъ мертвыми, какъ подкошенная трава.

Вскорѣ слава про князя-богатыря и его славный мечъ разнеслась по Иртышу, по Кондѣ (притокъ Иртыша) и Оби, до самаго Обдорска.

Вздумалось Теборету жениться и пригласилъ онъ къ себѣ на совѣтъ старшаго брата Цингайду. Послѣдній очень одобрилъ намѣреніе брата и сказалъ, что очень тому радъ, такъ какъ оба они уже не первой молодости, а наслѣдниковъ не имѣютъ.

И сталъ Теборетъ собираться въ путь—искать невѣсту, а брата попросилъ остаться въ городѣ для защиты его отъ враговъ.

Теборетъ поѣхалъ въ Конду, потому что слышалъ, что у Кондинскаго князя есть красавица дочь-невѣста. Взялъ Теборетъ съ собою трехъ богатырей: Катьнаръ-Игу, который славился тѣмъ, что могъ въ одинъ присѣстъ съѣдать семь быковъ; Сотника-Игу, славнаго своею силой—онъ садился на землю, бралъ въ руки лѣсину или желѣзо, въ родѣ большого лома, и его никто не могъ сдвинуть съ мѣста; Воксаръ-Игу, который славился удальствомъ бѣгать скоро,—такъ скоро, что догонялъ лисицу.

Въ сопровожденіи этихъ трехъ витязей, а также большой свиты и народа пріѣхалъ Теборетъ въ Конду. Кондинскій князь принялъ ихъ съ большою почестью и велѣлъ заколоть большого быка, но Теборетъ сказалъ князю: „что это ты только одного быка велѣлъ заколоть?!—тутъ и одному ѣсть нечего! Вотъ этотъ молодецъ одинъ съѣдаетъ по семи быковъ за-разъ“.

Появился князь и велѣлъ заколоть еще семь быковъ.

Всѣ стали ѣсть, веселиться и показывать свою удаль. Сотникъ-Ига сѣлъ на землю, взялъ въ руки ломъ и предложилъ присутствующимъ попытаться сдвинуть его съ мѣста. Но сколько ни пробовали—никто не могъ его поднять, ни каждый порознь, ни всѣ мѣстѣ.

Тогда Воксаръ-Ига предложилъ бѣжать съ нимъ взапуски. Оказалось, что никто его не могъ догнать. Тогда выпустили черную откормленную лисицу и собакъ: собаки не могли догнать лисицы, а Воксаръ-Ига ее догналъ и поймалъ, чему всѣ очень дивились.

Когда пиръ кончился, Теборетъ сталъ сватать за себя княжну, говоря, что, если не отдадутъ добромъ, то все равно

и превосходно стрѣляли, такъ что бороться съ ними Теборету было невмочь. Желая помочь этой бѣдѣ, Теборетъ собралъ на совѣтъ своихъ подданныхъ Остяковъ и шамановъ. Они посовѣтовали своему князю обратиться съ молитвой къ богу, и Теборетъ, послушавъ ихъ совѣта, принесъ въ жертву лучшаго быка и сталъ громко молиться, прося бога дать и ему какое-либо оружіе для защиты отъ врага. По окончаніи жертвоприношенія и молитвы всѣ легли спать, а на утро, когда Теборетъ вышелъ изъ своего шалаша, то увидѣлъ столъ, а на томъ столѣ лежалъ огромный лукъ и стрѣла.

Князь очень обрадовался, и, желая испробовать дѣйствіе оружія, пустилъ стрѣлу прямо вверхъ. Лишь только стрѣла взвилась, какъ поднялся сильный громъ,—такой сильный, что Чугасъ задрожалъ; всѣ страшно перепугались, даже самъ богатырь испугался. Громъ этотъ былъ слышенъ по всей окрестности и даже въ Кондѣ. Но вотъ все стихло и стрѣла упала неподалеку отъ шалаша Теборета и вся ушла въ землю, такъ что изъ земли былъ виденъ лишь маленькій кончикъ. Князь хотѣлъ ее вытащить, но не смогъ; пробовали и другіе, но тоже не могли, а потому стрѣла и осталась въ землѣ; лукъ же положили на столъ, на прежнее мѣсто.

Прошелъ день, прошла и ночь. На утро выходитъ князь изъ шалаша и видитъ, что на столѣ, вмѣсто оставленнаго лука,—лежитъ громадный мечъ съ золотымъ эфесомъ. Этотъ мечъ такъ сильно блестѣлъ, что простому человѣку смотрѣть на него было невозможно,—а если кто взглянетъ, тотъ падаетъ безъ чувствъ; на этотъ мечъ безнаказанно могъ смотрѣть только одинъ князь. На мечѣ была сдѣлана надпись: „отъ Турымъ-Санги [1]): далъ я тебѣ лукъ и стрѣлу, но ты не умѣлъ ими пользоваться и стрѣлялъ въ небо, чѣмъ оскорбилъ Турымъ-Сангу. Поэтому лукъ отъ тебя отымается, а взамѣнъ него вотъ тебѣ мечъ: имъ побѣждай враговъ“.

Прочитавъ ту надпись, Теборетъ собралъ подданныхъ и разсказалъ имъ, какъ онъ, по легкомыслію, оскорбилъ бога, и вмѣсто лука теперь получилъ мечъ. И взялъ тотъ мечъ, желая показать его народу; но при одномъ взглядѣ на мечъ всѣ попадали отъ страха, а тѣ, которые стояли поближе—оказались мертвыми. Тогда князь положилъ мечъ на столъ, а самъ сталъ молиться и принесъ богу благодарственную жертву. И съ тѣхъ поръ, какъ только непріятель нападалъ на его городъ, то князь

---

[1]) Турымъ-Санга,—это, по остяцки,—богъ.

одинъ выходилъ противъ цѣлаго войска, имѣя въ рукахъ свой чудодѣйственный мечъ. Какъ только враги увидятъ мечъ, то ближніе падаютъ, а дальніе, кто можетъ, спасается бѣгствомъ; а если князь взмахнетъ тѣмъ мечомъ, то стоящіе кругомъ падаютъ мертвыми, какъ подкошенная трава.

Вскорѣ слава про князя-богатыря и его славный мечъ разнеслась по Иртышу, по Кондѣ (притокъ Иртыша) и Оби, до самаго Обдорска.

Вздумалось Теборету жениться и пригласилъ онъ къ себѣ на совѣтъ старшаго брата Цингайду. Послѣдній очень одобрилъ намѣреніе брата и сказалъ, что очень тому радъ, такъ какъ оба они уже не первой молодости, а наслѣдниковъ не имѣютъ.

И сталъ Теборетъ собираться въ путь—искать невѣсту, а брата попросилъ остаться въ городѣ для защиты его отъ враговъ.

Теборетъ поѣхалъ въ Конду, потому что слышалъ, что у Кондинскаго князя есть красавица дочь-невѣста. Взялъ Теборетъ съ собою трехъ богатырей: Катьнаръ-Игу, который славился тѣмъ, что могъ въ одинъ присѣстъ съѣдать семь быковъ; Сотника-Игу, славнаго своею силой—онъ садился на землю, бралъ въ руки лѣсину или желѣзо, въ родѣ большого лома, и его никто не могъ сдвинуть съ мѣста; Воксаръ-Игу, который славился удальствомъ бѣгать скоро,—такъ скоро, что догонялъ лисицу.

Въ сопровожденіи этихъ трехъ витязей, а также большой свиты и народа пріѣхалъ Теборетъ въ Конду. Кондинскій князь принялъ ихъ съ большою почестью и велѣлъ заколоть большого быка, но Теборетъ сказалъ князю: „что это ты только одного быка велѣлъ заколоть?!—тутъ и одному ѣсть нечего! Вотъ этотъ молодецъ одинъ съѣдаетъ по семи быковъ за-разъ“.

Появился князь и велѣлъ заколоть еще семь быковъ.

Всѣ стали ѣсть, веселиться и показывать свою удаль. Сотникъ-Ига сѣлъ на землю, взялъ въ руки ломъ и предложилъ присутствующимъ попытаться сдвинуть его съ мѣста. Но сколько ни пробовали—никто не могъ его поднять, ни каждый порознь, ни всѣ мѣстѣ.

Тогда Воксаръ-Ига предложилъ бѣжать съ нимъ взапуски. Оказалось, что никто его не могъ догнать. Тогда выпустили черную откормленную лисицу и собакъ: собаки не могли догнать лисицы, а Воксаръ-Ига ее догналъ и поймалъ, чему всѣ очень дивились.

Когда пиръ кончился, Теборетъ сталъ сватать за себя княжну, говоря, что, если не отдадутъ добромъ, то все равно

возьмутъ ее силой. Жалко было Кондинскому князю отдавать свою дочь въ чужія руки, но видъ богатырей и ихъ угроза подѣйствовали; скрѣпя сердце, князь отдалъ дочь.

Женившись, Теборетъ собрался въ обратный путь, а Кондинскій князь, проводивъ зятя, пожалѣлъ, что отдалъ дочь, весьма досадуя на свое малодушіе. И собралъ онъ богатырей и народъ, и послалъ ихъ въ догонку къ Иртышнымъ богатырямъ, наказавъ, чтобы, когда настигнутъ ихъ, выждали ночного времени и сонныхъ перебили, а дочь привезли бы обратно домой. Но Иртышные богатыри оказались хитрѣе: они замѣтили, что Кондинскому князю жалко было отдавать дочь, потому были насторожѣ и ночью ставили караульныхъ. Караульные, какъ только замѣтили опасность, тотчасъ подняли тревогу и всѣхъ разбудили; Теборетъ взялъ свой мечъ и всѣхъ Кондинскихъ людей перебилъ, а самъ, съ женою, благополучно достигъ своего княжества.

Теборетъ очень полюбилъ свою жену, отъ нея онъ прижилъ двухъ дѣтей, сына и дочь. Прошло много лѣтъ, и дочь Теборета стала 20-лѣтней красавицей; сыну же въ то время было всего 12 лѣтъ.

Узналъ Обдорскій князь, что у его сосѣда—князя Иртышнаго—есть дочь-красавица, и поѣхалъ со свитой и народомъ сватать ту княжну.

Пріѣхали въ юрты *Сарыцкія* къ богатырю Воксаръ-Игѣ и попросили его дать имъ въ проводники сына, потому что плохо знали дорогу.

Воксаръ-Ига сына отпустилъ, но заказалъ ему, чтобы онъ ихъ повелъ въ другую сторону, будто ошибочно.

Это Воксаръ сдѣлалъ для того, чтобы выгадать время, успѣть заблаговременно предупредить Теборета о прибытіи Обдорцевъ и сообщить ему цѣль этого посѣщенія.

Сказано,—сдѣлано. Сынъ Воксара повелъ обдорцевъ въ совершенно противуположную сторону и, только пройдя верстъ съ 10-ть объявилъ, что ошибся въ направленіи, а тѣмъ временемъ Воксаръ-Ига сбѣгалъ къ Теборету и разсказалъ ему обо всемъ, прибавивъ, что Обдорцы угрожаютъ взять невѣсту силой, въ случаѣ, если Теборетъ не захотѣлъ бы отдать ее добромъ.

Выслушавъ Воксара, князь тотчасъ пригласилъ къ себѣ брата и сталъ съ нимъ совѣтоваться: слѣдуетъ отдавать дочь за Обдорскаго князя, или нѣтъ. Подумавъ, Цынгайда объявилъ, что племянницу за Обдорскаго князя отдать можно, потому что *князь тотъ* сильный витязь, славный по всей Оби.

Рѣшивъ на этомъ, Теборетъ встрѣтилъ гостей съ большою почестью,—онъ созвалъ много витязей и богатырей и устроилъ пиръ великій.

Женившись, Обдорскій князь сталъ собираться въ обратный путь. Передъ самымъ отъѣздомъ, Обдорскому князю и его свитѣ пожелалось взглянуть на славный мечъ Теборета, по Теборетъ показать меча не хотѣлъ, отговариваясь тѣмъ, что видъ меча могъ бы повредить гостямъ. Но такъ какъ Обдорскій князь настаивалъ, то Теборетъ вынесъ мечъ, но въ чехлѣ, и, надѣвъ его, показалъ только одинъ эфесъ. Но и этого было достаточно: отъ сильнаго блеску всѣ попадали и лежали ничкомъ нѣсколько времени. Однако, очнувшись, они вновь стали просить показать имъ всю саблю, и Теборетъ, уступая ихъ желанію, вынулъ саблю до половины.

Отъ вида сабли многіе изъ простого Обдорскаго народа померли отъ страха, а князья много времени были безъ чувствъ. Очнувшись, князья стали завидовать такой саблѣ и придумывать способъ завладѣть ею.

И придумали пригласить Теборета проводить ихъ, намѣреваясь, когда послѣдній сядетъ въ лодку, столкнуть его въ воду, а такъ какъ онъ былъ въ кольчугѣ, то утопить его не представлялось трудности. Теборетъ, не подозрѣвая заговора, пошелъ проводить зятя и дочь, а сынъ его вышелъ на нижній уступъ Чугаса и сталъ на утесъ. Этотъ сынъ разстраивалъ весь планъ Обдорцевъ, а потому они придумали убить сначала сына, а уже затѣмъ утопить отца. Съ этою цѣлью они вызвались показывать свое искусство въ стрѣльбѣ, и стали стрѣлять изъ лука въ разныя стороны, а затѣмъ, будто ненарокомъ, убили молодого князя. Теборетъ вступалъ уже въ лодку, какъ услыхалъ крикъ своихъ подданныхъ, что сынъ его убитъ.

Въ страшномъ гнѣвѣ вынулъ Теборетъ свой мечъ и перебилъ всѣхъ Обдорцевъ, не пощадивъ и своего зятя. Въ живыхъ оставилъ только трехъ человѣкъ, которыхъ отпустилъ обратно въ Обдорскъ, наказавъ имъ, чтобы они передали своимъ о томъ, какъ онъ расправился съ неблагодарнымъ княземъ и его витязями.

Дочь свою Теборетъ увелъ къ себѣ и вмѣстѣ съ нею сталъ оплакивать смерть возлюбленнаго сына.

Теборетъ прожилъ до глубокой старости и больше никакихъ злоключеній не имѣлъ. А если случалось, что враги отваживались нападать на его городъ, то онъ, благодаря своему мечу, всегда ихъ побѣждалъ и прогонялъ.

М. Батуринъ.

Сибирскія пѣсенныя старины.

(Окончаніе).

60.

Не кокушечка кокуетъ во сыромъ бору,
Не дѣвонюшка слезно плачетъ,
Понапрасну слёзы льетъ.
Какъ, *говоритъ*, мнѣ не плакать,
Какъ мнѣ не тужить,
Одинъ то одинъ у насъ садъ зеленой
И сталъ онъ, *говоритъ*, садикъ подсыхать,
Одинъ-то онъ одинъ у насъ другъ любезной
И сталъ онъ, другъ, уѣзжать.
Я съ тово-то сгоря́ и кручины розгулятьца пойду,
Зайду-то я зайду на новую на пашню,
Во весь день я буду сидѣти
И на родимую на сторонку и на веселую буду глядѣти.
Со родимой со сторонки дуетъ вѣтеръ холоденъ,
Со край, говоритъ, со сторонки молодой куливеръ бѣжитъ.
Куливертичекъ ты, сизой голубчикъ,
Ты куды скоро бѣжишь?
Я говоритъ бѣгу и лѐчу,
Лѐчу къ ду́шѣ Машѣ
И письмо Машѣ несу
Несу письмо подъ чэрнымъ сургучомъ

Д. Кеж. Заимка. Евгр. Поповъ.

61.

Куды миленькій задумалъ по дорожкѣ?
Въ чисто поле на́ лугъ на долину́.
При да́линушѣ стоитъ кустъ малины,
Подойду я къ кустику поближе,
Поклонюсь пониже;
Сорву я съ кустика вѣтку,
Поставлю вѣтку въ клѣтку,
Стой-ко ты вѣточка въ клѣточкѣ,
Стой и не матайся
Жи́ви-ко ты, моя милая, не печалься,

Письмамъ ко мнѣ отвѣчайся.
Отвѣчать бы я тобѣ отвѣчала,
Пѝсать сама не сумѣю
Писарямъ плутамъ не довѣрю,
Напишу-то я письмо ни перомъ ни чернилами,
Напишу-то я письмо горечми слезамъ,
Отошлю я письмо со друзьями,
Съ буйными со вѣтрами.

Д. Кеж. Заимка. Н. Заборцева 17 л.

62.

Ростаяжны прокляты комары!
Не даютъ то мнѣ раздѣвчо̀нкѣ ночку спать;
Чуть заснула пробудилась на расвѣтѣ молода,
Слышу-вижу на окошкѣ соловья;
Ра̀зсоловьюшко некланятьца, сидитъ,
Я младёженкя по горенкѣ хожу,
Частымъ гре́бешкомъ русы волосы чешу
И ра̀скажинный день въ окошѝчко гляжу,
Гдѣ бы, гдѣ-бы мнѣ милова увидать
И во глаза ему, мерзавцу, попенять
„Ра̀зсукинсынъ-бездѣльникъ, пошто отъ красоточки отсталъ?
За̀чѣмъ, по̀што негодяйку любить сталъ?
Она разсука блѣдна, негодна никуда,
Лицо бѣло призогорѣлое
Очи ясны помутилися у неё-те
Чэрны брови какъ у ясна сокола“.

С. Богучаны. Марко Мутовкинъ.

63.

Я стояла примѣчала
Какъ рѣка быстро течетъ
Рѣка быстра, во̀да чиста
Какъ у милова слеза.
Не прогнѣвайся, другъ мой милой,
Што я буду говорить.
„Ты родителёвъ боишься,
Ты не хочешь миня любить.
Я не во́всѣ дѣвка глу́па,
Нѐ совсѐмъ я сирота̀,
Есь отецъ и есь мать,
Есь и два брата-сокола̀,
Два воро̀ные коня́,
Два вороненькія,
Два черкацкія сѐдла̀,
Два була̀тные ножа̀,
Ужъ я етими ножами

Буду милёнка торзать —
Ты разсукинъ-сынъ мошенникъ!
На дорожкѣ догоню, (2 р.).
Твоё тѣло испорю,
Съ твово бѣла тѣла,
Пирожковъ я напечу,
Съ твой алой крòви
Я наливочку сварю,
Изъ твоихъ костей-сустàвовъ
Кроваточку сдѣлаю" [1]).

С. Кежемское. Ѳекла Кокорина (подростокъ).

64.

Ужъ вы, дѣвки красныя,
Не ходите вы скоро замужъ!
Не ровно то замужъ выйдетца
Не ровёнъ то мужъ навяжитца,
Не ровёнъ то мужъ-неровнюшка,
Не опуститъ погулять;
А хоть опуститъ,
Самъ съ окошичка глядитъ.
Ужъ онъ пьяница-пропоица, зеленые глаза!
Съ кабаку-то идетъ шатаетца,
На сырой землѣ валяитца,
Надо мной младой изголяитца.

С. Кежемское. Ф. Кокоринъ.

65.

Ночи мои, ночи мои были тёмныя!
Надоѣли вы, мои ночи, надоскучили,
Съ милымъ дружкомъ разлучили!
Со милымъ дружкомъ я разругалась, ращиталась;
Назвала я дружка горькой пьяницей,
Пьяницей-пропойникомъ,—пропилъ промоталъ
Все житье-бытье, имѣнницо;
Во кабакъ идетъ-шатаетца,
Съ кабаку идетъ-валяетца;
Надъ своёй ту жоной изголяется;
Заставляетъ онъ жону раззувать-роздѣвать;
Отворяй ко, ты, жона, воротичка,
Опускай ко ты мужà—разбойничка!

Д. Кеж. Заимка. Н. Заборцева, 17 л.

Сходные варіанты отмѣчены у А. Соболевскаго. („Великор. нар. пѣсни", т. V, стр. 278—279; №№ 356 (Тамбов. г.), 357 (Тульская г.), 358 (Пермская), 359 (Вятская „Хоровая"). Встрѣчается у А. Соболевскаго.

---

[1]) *Поется* въ Кежемской и Пинчужской в.в.

66.

У ку́бчика было у богатова
Случилось злое несчясьицо,
Вороныхъ коней поймали,
На шолковой на уздицѣ споймали;
Да молодая жона мужа спотѣшила,
Да вострымъ ножомъ серцо спорѣзала,
На ножи́чкѣ ретиво сердечко стрепехнулося,
Стрепехнулося,—молода жона ужа̀хнулася,
Ужахнулася и усмѣхнулася:
„Што ты, мой мужъ, буйну голову повѣсилъ"?
—„Жона ты, моя курва-разбойница,
Загубила ты мою буйну головушку!"

Д. Дворецъ. Крестьянинъ-ангарецъ.

Сходныя по сюжету съ этой пѣснею отмѣчены А. Соболевскимъ. („Великорус. нар. пѣсни", т. I, стр. 185—191; губерніи: Саратовская, Астраханская, Рязанская, Вятская, Вологодскій у., Тульская и „Пѣсенники", 1780 и 1810 г.г.).

67.

Знать то по сѣничкамъ мнѣ не хаживати,
Старова чорта не важивати.
Прялочку взяла, на посидѣночку пошла;
Ку́ры то запѣли, я сижу таки сижу;
Вто̀ры то запѣли, я не думаю ити;
Чуть зоря занялась, я млада собралась—
Прялочку подъ лавочку, за старова лягла.
Курва-жона, не сичасъ ли ты пришла?
Старой чортъ, тебѣ брезжитца:
Я хочу вставать, хочу печку топить;
Печку топить, тибѣ кашу варить,
Тибѣ кашу варить, тибя старова кормить.
Я для старова сама не лиха—
Старой дли миня таки добръ, таки добръ;
Я дли старова сама не лиха:
Петелькю на шею набрасывала,
Душѣ-милому кубцу подала:
„Милой, подтяни, душа-радость, подтяни,
Подтяни ко подтяни, душа-радость, подтяни!"
Старикъ захрапѣлъ, ровно спать захотѣлъ;
Выпучилъ глаза, ровно сердитца;
Вывалилъ языкъ, ровно дразнитца.

Д. Кежем. Заимка. Парень 17 лѣтъ.

68.

Веселый пиръ-бесѣдушка, гдѣ батюшко пьетъ;
Онъ пить то не пьетъ, родимой мой, за мною все шлетъ.
Какъ я то млада младешинька замѣшкалася,
За гусемъ и за лебедемъ, за журачкой
И за мелкой птицей, за сѣрой утицей.
А какъ журачка по бережку похаживаетъ,
Муравую травеньку пощипливаетъ,
Ключеву водицю прихлебываетъ,
За рѣченьку за быструю посматриваетъ.
Стояло тамъ селенницо—четыре двора,
Въ етомъ во селенницѣ—четыре кумы.
Ужъ вы, кумушки, подруженьки, голубушки мои!
Пойдете во зеленъ садъ—возьмите миня;
Вы станите цвѣточки рвать—сорвите мнѣ;
Вы станите вѣночки вить—завейте мнѣ;
Пойдете вы на Дарью рѣку—возмите миня;
Тамъ станите вѣночки бросать—бросьте-ко мой.
Всѣ вѣночки по верху воды;
У всѣхъ то милые дружья да съ Дону пришли,
А моево то дружка съ Дону нѣту-ка!..

С. Ужуръ. Анна С. и Надежда Ел. Ананьины (замужнія).

Подходящій варіантъ у А. Соболевскаго (т. II, стр. 216, № 262 и др.).

69.

Не калинушка съ малинушкой—лазоревой цвѣтъ...
Веселая бесѣдушка, гдѣ миленькой пьетъ.
Онъ пьетъ то не пьетъ, голубчикъ мой,
За мною младою шлетъ.
А я то, молода-младешенкя, замѣшкалася
Не за утками, не за гусями и не за лебедямъ,
А за малою за пташкой, за журенкою.
Не журавлюшка по бережку похаживаетъ,
Камышъ-травку шелковую поклявываетъ,
Ключевой воды припиваетъ,
Какъ за рѣченьку за быстру посматриваетъ.
По за рѣченькой по за быстрою слободка стоитъ,
Не малая ета слободушка—четыре двора,
А во етой во слободушкѣ—четыре кумы.
Вы, кумушки—голубушки, подружки мои,
Вы кумитеся любитеся—любите миня,
Вы пойдете гулять во зеленъ садъ—возьмите миня,
Вы будете со травы цвѣты рвать—сорвите-ко мнѣ,
Вы будете вѣночки свивать—и совейте-ко мнѣ,
Вы будете на головки надѣвать—и надѣньте-ко на меня.

Д. Каменка. Аѳ. К. Кокоринъ.

Очень сходныя съ варіантами у В. Соболевскаго (т. II, стр. 216, *219 и 222*; № 262 (Тверская и Рязанская губ., Донская обл.) № 266 (*губ.:* Нижегородская, Вологодская и Терская обл.).

70.

Я вечоръ, млада, во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ:
Я не мёдъ то пила, не наливочку,
Я пила, да млада, сладку водочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила, да млада, изъ полуведра,
Изъ полуведра, черезъ край до дна.
Тёмнымъ лѣсомъ шла—не боялася,
Чистымъ полемъ шла—не шаталася,
Ко двору пришла,—пошатнулася,
За верею̀шку ухватилася.
Верея, моя верею̀шка!
Поддержи миня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, бабу хмельную!..

Г. Енисейскъ и др. мѣста. Е. Ефимова.

Весьма сходная съ такою же пѣсней, отмѣченной А. Соболевскимъ въ II, стр. 338, № 401 („Великорус. нар. пѣсни. Другіе сходные варіанты А. Соболевскимъ взяты изъ „Пѣсенниковъ" [1]).

71.

Ва́нюша не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ,
Чэрной шляпой принакрылся,
Горючми слезми облился,
Родной мамушкѣ взмолился:
„Ужъ ты, мать моя родима,
„На́ што на горе ро́дила,
„Недоростикомъ женила?"
Жена мужа не взлюбила,
Постелёчку жоско слала,
Взголовьицо низко клала,
Адѣльцо́ комкомъ бросала,
Мнѣ мамка не родная,
Со кровато́чки столкнула,
Ручку-ножку извихнула.

Д. Кеж. Заимка. Бр. Пудовы.

72.

Со плохово времячка въ жаръ сѣно люди косятъ,
Не опустятъ меня доброва молодца и погулять,
Хоть и опустятъ размолодчика,
Не съ кѣмъ будетъ и погулять,
Распрекрасной души Шашонки нѣтука при мнѣ,
Распрекрасна душа Шашонкя живетъ на той сторонѣ,
На той сторонѣ—во новой слободѣ.
Во той было стороночкѣ горы сто́ятъ высокі́,
На етихъ горахъ стоятъ лѣса́ темны,

---

[1]) 1810, 1819 гг. Указаны записи въ губерніяхъ: Костромской (№ 402), Тамбовской (№ 403) и Вятской (№ 404).

За етимъ было за лѣсичкомъ лужка зелены,
Въ етихъ во лужкахъ стоятъ волости новы,
Во етихъ волостяхъ стоятъ сто́лы дубовы,
За етимъ за сто́личкомъ сидятъ писаря молоды—
Изъ нихъ одинъ расписарчичекъ, мальчишко-молодой,
Пишетъ письмо-грамотку Шашонькѣ своей.

С. Богучаны. Кр. Еф. Мутовинъ.

73.

Зе́леная ты, кедра́, стоишь,
Подъ тобою я, кедра́, сижу,
Съ милымъ рѣчи баю-говорю:
„Но́вобразной, милой дру́жокъ мой!"
Не возлю́била же Ма́ша миня,
По́любила же Ма́ша старика—
Девеносто ему семь лѣтъ,
Въ ро́тѣ зу́бовъ нѣтъ.
Пойду съ горя утоплюся,
Пойду я въ садикъ разгуляюся,
Пойду я въ садикъ удавлюся
На частымъ ракитовомъ кусту,
На шолковомъ своемъ поясу.

С. Богучаны. Марко Мутовинъ.

74.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмелю взаймы взяла,
Пива наварила, гостей назвала,
Гостей назвала—мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Незваная пришла—снигиря привела.
Совушка по горенкѣ похаживаетъ, (2 р.).
Снигирушкѣ головушку поглаживаетъ.
Мелки пташки межъ собою говорятъ:
„Што же ты, снигирюшко, не женишься?"
—„Радъ бы я женился—да неково взять!
Взялъ бы я пернатку—да матка моя;
Взялъ бы я чечетку,—да тётка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—чекотливая она;
Взялъ бы я ворону,—толстоносая она.
Есь за моремъ перепелочка—
Она мнѣ не мать, не тётушка, (2 р.).
Я ее люблю за себя замужъ возьму!"

Г. Енисейскъ и др. мѣста. Е. Ефимова.

А. Соболевскій („Великорус. народ. пѣсни", т. III, стр. 242—243; ближе всего сходные варіанты: № 294 („Пѣсенникъ", 1780 г., ч. I), 295 („Пѣсенникъ", 1819 г., ч. II) и 296 (Владимір. губ.).

75.

Нашъ товаришъ былъ пробойной,
По бѣлу свѣту́ да ушолъ.
Добрыя люди доказали:
Взяли Ваню во поло́нъ,
Руки, ноги заковали,
Повели Ваню вострогъ.
Видитъ домичикъ огромной,
Кругъ оградой обнесенъ,
Тамъ посаженъ злой невольникъ,
Онъ навѣки осужденъ.
Съ того горя, со кручины
Онъ лёжился спать одинъ,
Ему снится сонъ престрашной—
Чэрной воронъ прокричалъ...
Утромъ рано пробудился,
Хотѣлъ сонъ свой разсказать...
Отворили больши окошки,
Ключъ по камару прошолъ;
Ключникъ двери отпираетъ,
Поимянно вызыватъ:
„Выходи ко, злой невольникъ,
„Выходи, Кочневъ, сюда!“
Вышолъ Кочневъ за ворота:
Окружилъ-то ево конвой,
Руки, ноги заковали
Ко чугунному столбу,
Тѣло бѣло истерзали
На кинжалахъ, на ножахъ,
Серцо ало разорвали
Но по мелкимъ по частямъ.

С. Кежма, 1907 г. Бр. Ѳ. и Кокорины.

76.

Распослѣдней вечеръ я проклаждался
Ой да, знать, у любуши Маши своей.
Здраствуй-отъ, Любуша, прощай, сударка!
Ой да, знать, отъ уѣду я, мальчикъ, отъ васъ.
Знать уѣду я, да больше не пріѣду,
Ой да, что на тотъ погибельный Капказъ;
Разъ на томъ ли погибельномъ Капказѣ
Ой да тамъ построенъ ново-новой большой домъ;
Разъ во етомъ то было во домичкѣ
Ой да два солдати-ка, ой братца живутъ;
Какъ одинъ отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да хотѣлъ грудь съ тоски свою сразить;
Какъ другой отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да свою голову срубилъ...
Покатилася ета головка
Ой да со могучихъ съ плечъ да моихъ.

С. Кежма, 1907 г. Ѳ. Т. Кокоринъ.

Изъ якутской старины.

Объ образованіи Баягантайскаго улуса, Якутскаго округа.

Нижеприводимый, въ буквальномъ переводѣ, разсказъ принадлежитъ перу якута Баягантайскаго улуса П. Е. Готовцева и переданъ мнѣ Л. Г. Левенталемъ, моимъ сотоварищемъ по Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896 гг.). Оригиналъ озаглавленъ такъ: „Разсказъ. Отъ образованія Баягантайскаго улуса изъ размножившихся родниковъ (якута по имени) Бāі-аға и присоединившихся (къ нимъ родниковъ) другихъ улусовъ до 10-й ревизіи".

Человѣкъ по имени Бāі-аға, очень умный и разсудительный, жилъ вмѣстѣ со своими многочисленными родниками въ мѣстности, ограниченной съ востока рѣкою Алданомъ и съ запада „травянистой рѣкой", называемой Танда [1]). Имена тогдашнихъ людей, вѣроятно, были тѣ же, которыми теперь называются рѣки, рѣчки, елани и покосные участки отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ Танда, Тандағы [2]), Хаптаны, Дадар, Улуккутчу, Мöгютчю [3]). Повидимому, это такъ и было въ дѣйствительности.

Когда они такимъ образомъ жили-множились, русскія власти сдѣлали слѣдующее распоряженіе:

— Для уплаты податей вамъ гораздо лучше будетъ раздѣлиться на отдѣльные наслеги; въ каждомъ наслегѣ у васъ будетъ тојон (господинъ, начальникъ), такъ называемый „князецъ" [4]); затѣмъ у всѣхъ васъ должно быть одно должностное лицо—„голова"; тогда васъ всѣхъ вмѣстѣ нужно будетъ писать и называть Баягантайскимъ улусомъ.

Согласившись на это, роды, по мѣстамъ своего жительства, образовали 1-й, 2-й и 3-й Баягантайскіе наслеги, нѣкоторые—Сасыльскій наслегъ, а тѣ люди, которые пришли сюда изъ мѣстности Кіlläм [5]), Западно-Кангаласскаго улуса, образовали Кангаласскій наслегъ. Эти пять наслеговъ составили Баягантайскій улусъ.

---

1) Притокъ Алдана.

2) Находящійся на Тандѣ.

3) Л. Г. Левенталь, въ выноскѣ къ данному мѣсту прибавляетъ отъ себя: „и такія названія, какъ Кубала̄х, Хамыста̄х, Хаты̄ста̄х, Туруjала̄х, Ытык кюöl, О jӯн кюöl, Балыкта̄х и т. п. Кромѣ того, Симонъ Слѣпцовъ (якутъ Баягантайскаго улуса) утверждаетъ, что много есть названій тунгусскихъ".

4) Съ 1822 г. официально называется старостой.

5) *Нынѣшній* Кильдемскій наслегъ.

Исторія отдѣленія Кангаласскаго наслега и присоединенія его къ Баягантайскому улусу, по слухамъ, такова. Въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ, въ мѣстности Кильдемскаго наслега, былъ, говорятъ, правнукъ Дыгын'а, внукъ Мāнысыт'а [1]), сынъ Бодомы (Бодуома), по имени Курджаға. Этотъ Курджаға, вслѣдствіе притѣсненій и обидъ со стороны русскихъ, придумалъ слѣдующее:

— Если я поселюсь (гдѣ-нибудь) далеко, лучше будетъ, да и потомкамъ моимъ до поры, до времени необходимо жить въ вольной странѣ.

Убѣдивши сколько-то народу слѣдовать за собою, Курджаға, со своими пятью сыновьями и скотомъ, отправляется на р. Яну.

Во время пути родной братъ Курджағи, старшій или младшій, вмѣстѣ съ двумя или тремя домочадцами, остался на берегу Алдана, въ мѣстности, занимаемой теперь Черектейскимъ наслегомъ Дюпсюнскаго улуса. Нынѣ, среди немногихъ ихъ потомковъ, первымъ (лучшимъ) считается Василій Петровъ Поповъ [2]), пользующійся нѣкоторою извѣстностью.

Курджаға со своими родниками достигаетъ Яны, гдѣ живетъ годъ или два.

Въ это время два члена его семьи дошли до Колымы, гдѣ размножились и образовали нынѣшніе 1-й и 2-й Кангаласскіе наслеги. Теперь они народъ бѣдный, въ пользу коего по области собираются пожертвованія.

Курджаға же съ Яны отправляется на р. Оймяконъ [3]), въ мѣстность, называемую „Тӧрют“ [4]), съ дѣтьми и своими родниками.

Тѣ нѣсколько семействъ, которыя были не въ состояніи сопутствовать имъ, остались на Янѣ и образовали одинъ наслегъ; главный изъ ихъ потомковъ нынѣ—Николай Васильевъ, состоящій улуснымъ головою.

Курджаға, достигши Оймякона, прожилъ сколько-то лѣтъ, а когда умеръ, то сыновья похоронили его на могильномъ лабазѣ (араңас). Затѣмъ, его сынъ Сӧртӧх вмѣстѣ съ братьями и сколькими-то людьми ушли съ Оймякона къ устью р. Татты [5]), къ людямъ, жившимъ по рѣкѣ Тандѣ. Прочіе же остались жить (осѣдлились) на Оймяконѣ. Эти пришельцы, присоединившись къ улусу и произведя благопріятное впечатлѣніе своею разсудительностью, пополучали покосныя мѣста отъ поселившихся здѣсь ранѣе людей, а нѣкоторые получили благодаря жалобамъ главнымъ начальникамъ, вѣдавшимъ покосныя мѣста,—всего 48 остожій (сѣнокосныхъ участковъ) и при этомъ еще лѣтовья. На рѣку Оймяконъ вышло изъ Борогонскаго улуса много самыхъ отважныхъ людей, которые, размножившись, образовали Борогонскій [6]) наслегъ и присоединились къ Баягантайскому улусу.

Сверхъ того, Игидейскіе роды Таттинскаго [7]) улуса жили смѣ-

---

[1]) Мāнысыт значить пастухъ.
[2]) Умеръ въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія.
[3]) Ӧймӧкӧ̄н—собственно верховья Индигирки.
[4]) Тӧрют значитъ: начало, происхожденіе, корень.
[5]) Притокъ Алдана.
[6]) Офиціально: Оймяконо-Борогонскій.
[7]) Офиціально: Ботурусскаго.

шанно вмѣстѣ съ баягантайцами,—жили мирно, даже породнились другъ съ другомъ. Изъ тогдашнихъ ихъ людей первымъ былъ, говорятъ, Александръ Андросовъ (якутское прозвище—Балан): говорятъ, что среди якутовъ это былъ лучшій и разумнѣйшій человѣкъ. Находясь въ такихъ мирныхъ и даже родственныхъ отношеніяхъ, люди эти присоединились къ Баягантайскому улусу, а затѣмъ, еще болѣе размножившись, образовали два наслега—такъ называемые 1-ый и 2-ой Игидейскіе.

Послѣ этого, вслѣдствіе увеличенія населенія въ 1-омъ Баягантайскомъ наслегѣ, въ улусѣ прибавился одинъ наслегъ—4-ый Баягантайскій.

Всего, такимъ образомъ, стало 9 наслеговъ съ населеніемъ въ 4.337 душъ мужского пола (по 10-ой ревизіи).

Во время производства послѣдней ревизіи, въ Баягантайскій улусъ, для повѣрки, выѣзжалъ чиновникъ Поротовъ. Поѣхавши на Оймяконъ, онъ велѣлъ отрубить голову старика Курджаги, какъ некрещенаго, и увезъ ее въ Якутскъ, говоря, что она будетъ отослана въ Россію. Неизвѣстно, была ли она куда отправлена или нѣтъ.

Можно предположить, судя по свѣдѣніямъ изъ довольно стараго архива, что, за время отъ начала образованія улуса до 10-ой ревизіи, населеніе увеличилось почти вдвое.

Если послушать старыхъ людей, то, по сравненію съ прежнимъ временемъ, люди ростомъ (костью) стали меньше, а затѣмъ и простой чисто-якутскій умъ тоже претерпѣлъ перемѣну.

Вначалѣ, при образованіи наслеговъ, за исправное взысканіе князцами съ якутовъ податей отъ императрицы Екатерины II каждымъ изъ нихъ былъ полученъ въ 1766 году въ награду кортикъ—съ тѣмъ, что, по смерти князца, сынъ его становится такимъ же князцомъ и носитъ тотъ же кортикъ, какъ награду,—и такъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ Баягантайскомъ улусѣ голова появляется впервые, повидимому, въ 1793 году. Ниже приведены имена головъ за столѣтіе— по 1893 годъ.

Послѣ этого, была учреждена общая для всѣхъ якутовъ такъ называемая Степная Дума, въ которой главнымъ родоначальникомъ состоялъ отъ 1-го Баягантайскаго наслега Петръ Заболоцкій. Говорятъ, что якуты отказались отъ Степной Думы, ибо ею было израсходовано много денегъ изъ суммъ, опредѣленныхъ на народное продовольствіе, что̀ видно и изъ архивныхъ данныхъ [1]).

---

[1]) По архивнымъ свѣдѣніямъ, въ Степной Думѣ была растрачена большая часть денегъ, собранныхъ въ количествѣ 20.000 руб. для отправки въ Петербургъ депутаціи, которая должна была ходатайствовать о нуждахъ якутскаго народа. Въ растратѣ было замѣшано много богатыхъ и вліятельныхъ якутовъ, и дѣло о ней тянулось съ начала 30-хъ до 60-хъ годовъ мин. стол. „Въ 1838 году Степная Дума была упразднена по заключенію Главнаго Управленія Восточной Сибири, хотя тогдашній якутскій областной начальникъ высказывалъ мнѣніе въ пользу сохраненія этого учрежденія. Обязанности Степной Думы были распредѣлены между Земскимъ Судомъ и инородными управами“ [см. Памят. Книжку Якут. обл. на 1896 г., вып. 1, въ статьѣ (безъ подписи) Э. К. Пекарскаго и Г. Ф. Осмоловскаго: „Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ“, гл. II].

СПИСОКЪ

головъ Баягантайскаго улуса (1793—1893 гг.).

1. Тюöкюн [1]) Чегерекяновъ [2]) . . . . 6 л.
2. Никита Готовцевъ (Сёртёковъ [3]) . . . . 3 г.
3. Александръ Готовцевъ . . . . 4 г.
4. Семенъ Назаровъ Калининскій . . . . 4 г.
5. Петръ Заболоцкій . . . . 6 л.
6. Андрей Сыромятниковъ . . . . 11 л.
7. Петръ Постниковъ . . . . 6 л.
8. Павелъ Сыромятниковъ (Бардыкы) . . . . . 8 л.
9. Ефимъ Заболоцкій . . . . 5 л.
10. Михаилъ Бѣлолюбскій . . . . 2 г.
11. Савва Егоровъ . . . . 4 г.
12. Андрей Винокуровъ . . . . 2 г.
13. Николай Заболоцкій . . . . 8 л.
14. Иванъ Готовцевъ . . . . 2 г.
15. Семенъ Неустроевъ . . . . 4 г.
16. Михаилъ Готовцевъ . . . . 2 г.
17. Димитрій Сыромятниковъ . . . . 2 г.
18. Егоръ Булдаковъ . . . . 3 г.
19. Яковъ Сыромятниковъ . . . . 9 л.
20. Иванъ Егоровъ . . . . 3 г.
21. Козьма Калининскій . . . . 3 г.
22. Трофимъ Неустроевъ . . . . 3 г.
23. Прокопій Сыромятниковъ . . . . 3 г.

Эд. Пекарскій.

---

[1]) Тюöкюн—значитъ мошенникъ, плутъ.
[2]) Якутское прозвище Чäгäрäкäн (мышь) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.
[3]) Якутское прозвище Сöртöх (см. выше въ текстѣ) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(*Окончаніе*).

17.

Крестникъ [1]).

Жилъ былъ убогой человѣкъ,
Въ самой крайной скудости,
Въ безконечномъ роззореньи,
Роди у его жена сына.
Жилъ онъ въ градѣ Ондабурѣ,
Пошолъ себѣ онъ кума искать.
Того позовётъ, другого позовётъ,
Никто къ ему въ кумы не идётъ,
И всякой имъ гнушаетце.
Ходилъ, ходилъ никого въ кумы себѣ не нашолъ.
И зашолъ во церковь и бачько на него
Зычнымъ голосомъ кричитъ:
„Убогой человѣкъ, нищій"...
[Опять пошолъ убогой человѣкъ кума искать,
встрѣтилъ вельможу и говоритъ:]
„Я запасъ тогда воды, попа да позвалъ-жо,
Да принёсъ-то я бладеня двоелѣтного,
Не могли мы дождать кума въ Божьи-ти церкевь-же".
Да рѣцетъ ему мужъ яко пресвѣтлая заря:
— Я то тебя не омману ноньце,
Да буду-то въ церковь къ вамъ да въ божію",
Разошлись-де они съ нимъ невидимо,
Да бѣжитъ-то убогія, глупыя,
Прибѣжалъ-то убогія, глупыя,
Прибѣжалъ-то убогія ко жены своей,
Онъ радосно сказыватъ, обращаетъ ей:
„Я нашолъ не простого да кума-жо,
А вѣдь быть ему великому вельможе-то,
Когда вы окрестите этого блоденя-жо,
Когда вы окрестите, да отмолитвите".—
Да пошолъ-де убогія, онъ вѣдь глупыя,

---

1) Дер. Устье.

Да понёсъ онъ младенца малолѣтного,
Онъ бладенца понесъ на третьёмъ году,
Запасалъ же воды въ купель-жо полную,
Призвалъ попа въ церковь, свешшенника,
Обжидаютъ они сиби хресного.
Да спустиша-же кресный отецъ бладенчу-то,
Да какъ вѣдь крестить ему бладеня-то,
Онъ вѣдь спрашиватъ: „како имя нарѣкци ему?"
Нарѣкли ему имя Властеномъ-жо;
Окрестили бладеня, оммолитвовали,
Отецъ-де вѣдь кресный его батюшко,
Онъ вѣдь далъ ему семнаццеть златыхъ сребренныхъ,
Разошлись они изъ церкви изъ Божiей,
Да закрыша де въ церкви потолокъ теперь,
Укатиша теперь сончо правѣдно...

(Не конченъ).

18.

Коляда [1].

Коляда Маляда,
Не подашь пирога,
Обсеру ворота.
Снѣги на землю падали,
Перепадывали,
Со небесъ Христосъ
Со ангеломъ Гаврiиломъ,
Со Иванъ Причестиломъ
Присвята Мати Марiя
Во Божiю церкву ходила,
Божьей дани насбирала,
Руки къ сердцю прижимала
И провѣтчикамъ давала.
Вы, провѣтчики Христовы,
Вы провѣдайте про то,
Вы про то, про ново,
Про Христово Рожество.
Пришло Рожество
Господину подъ окно.
Ты ставай господинъ
Розбужай госпожу
Встрѣчей Рожество
Со ладономъ, фимьяномъ,
Съ воску ярвой свѣчёй,
Хлѣбомъ солью накорми,
Путь дорожку укажи,
Отъ села до села,
Голова весела,
Серчо радуетча.

[1]) Авд. Алек. Чупрова, с. Устьцильма.

У нашей-то матки
Телятка-то гладки,
Жеребята прядки (*дважды*),
Скачутъ черезъ грядки,
Копытчами щелкаютъ,
Хвостёмъ не задѣваютъ,
У нашой-то матки
Молóка-ти густы,
Сметаны толсты,
Масла жолты.

19.

Снѣги [1].

Снѣги на землю падали,
Оци на небо взирали,
Со небесъ Христосъ
Што со дѣвою Маріей
Съ Богородицею,
Што со Ангеломъ Гавриломъ,
Со Архангеломъ Михаиломъ.
Присвята Мати Марія
Ко Божьей церкви ходила,
Богу дары приносила,
Люди на ноги ставали,
Божьи дары принимали,
Проповѣдниковъ искали.
Проповѣдайте про то
Што про книжное четьё,
Про церковно про пѣтьё,
Про Христово Рождество.
Прикатилось Рожество.
Да къ Миколаю подъ окно,
Ко Евгеньевицю;
Микулай—отъ господинъ,
Да ты ставай поранѣ,
Да руки мой побѣлѣ,
Да ты стрѣчей Рожество
Божьимъ ладономъ, съ темья́номъ,
Съ воску ярова свѣчёй.
Хлѣбомъ, солью накорми насъ,
Со двора спроводи,
Отъ двора до двора,
Да голова весела,
Да серцё радуитце,
Кабы намъ пѣвчямъ
Да по рюмоцькѣ виньця,
Да по стакашку пивця,
На закуску колача.

---

[1]) *П. Г.* Марковъ, д. Бѣдовой.

20.

Достойно удивленіе [1]).

Достойно есть удивленіе,
Духовному веселью.
Нынѣ на небеси здѣзда евисе,
Нынѣ свѣтъ свѣта произвѣщаетъ,
Бога нашего на землю объявляетъ.
Яко душнару (такъ!) насъ идётъ спросить,
Яко смиренно на землю Господь пріидетъ,
Насъ ради родися отъ причистой дѣвы Маріи,
И родися яко бладенецъ,
Отъ пречистой дѣвы Маріи;
Пеленами спoвиванъ,
И во яслехъ смерти предположися.
Персидскіе цари восходятъ,
Трои бладенцу дары приносятъ,
Злату, ливану и смирну,
Давшее ему противну.
Ангелы на небеси зѣло девятся.
Земнȇродны человѣчи объ томъ веселятся.
Торжествуйте, ликоствуйте
Воспѣвайте, возыграйте,
Славо Богу дайте.
Дай Богъ вамъ господамъ,
Господиновымъ жонамъ здраствовати,
Многая лѣта!

21.

Холостое виноградьё [2]).

Виноградьё красно зеленое.—
Ужъ во далече, далече,
Во чистомъ поли,
Што ищэ того подальше,
Во раздольичи,
Тамъ стоялъ, постоялъ
Бѣлъ полотненной шатёръ.
Што во этомъ во шатру
Столы дубовы стоятъ,
Столы дубовыя, ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченыя.
Ужъ за этими столами
Красна дѣвича сидитъ,
Авдотья Филиповна,

---

[1]) П. Т. Марковъ.
[2]) Ив. Алексѣев. Чупровъ, сынъ слѣпого, Устьцыльма.

Она шила вышивала
Тонко бѣло полотно,
Тонко бѣло полотно,
Бѣлобархатно.
Во первой разъ вышивала
Красно солнце съ маревами,
Со теплыми облаками;
Во второй разъ вышивала
Свѣтелъ мѣсяцъ со лучами,
Со честными со звѣздами;
Во третей разъ вышивала
Сыры боры со лѣсами,
Сыры боры со лѣсами
Со рыскучими звѣрями,
Со черными соболями;
Во четвертой вышивала,
Синё море со волнами,
Со черныма кораблями,
Со снастями, парусами,
Съ молодыма матросами;
На серёдку вышивала
Питеръ, Москву со дворцами,
Со большима со черквами,
Храмъ Никольской
Со попами, со дьячками,
Со чудныма со крестами.
Кабы былъ, кабы жилъ на другой стороны,
Ужъ бы взялъ бы я взялъ Авдотью замужъ за себя,
Лисицами, куницами обвѣшался,
Чернымъ-то бобрамъ да опоясался,
Острымъ-то копьемъ подпирается,
Не былыма-то рѣчеми похвалеется:
„Я бы взялъ, я бы взялъ Авдотью замужъ за себя.
Што по имени Иванъ-отъ Алексѣевичъ“.
Ты давай-ко, Иванъ, пошевеливайся,
Пошевеливайся, съ нами роздѣлывайся,
Ты роздѣлайся добромъ, принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ подай,
По рюмочкѣ винча,
По стакашику пивча,
Чтобы бѣжали голоса,
И на закуску колача,
На забаву дѣвича.

22.

Виноградьё [1].

Виноградьё красно зелёное,
Ужъ мы ходимъ-ле не ходимъ по Креню городу,
Виноградьё красно зеленое [2],

---

[1] Анисимъ Вокуевъ, дер. Уегъ, Устьцилемeнск. вол.
[2] Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ужъ мы ищемъ-ле не ищемъ господиновъ дворъ,
Господина-то Григорія Ивановича.
Господиновъ-то дворъ да на семи стоялъ верстахъ;
На семи стоялъ верстахъ да о восьмидесяти столбахъ,
О восьмидесяти столбахъ, да о семидесяти шинахъ,
Ой, на кажноемъ столбикѣ по маковкѣ,
Ой, на всякой-то маковкѣ по жамчужку,
Ай, на всякомъ жамчужку по свѣчкѣ горитъ.
Во середкѣ-то стояло ищэ три терема,
Три терема да златаверховаты,
Во первоёмъ терему да красно солнышко,
Во второёмъ терему да бладъ свѣтёлъ мѣсецъ,
Во третьёмъ-то терему да цисты звѣздоцьки;
Красно солнышко да тутъ хозяинъ во дому,
Што по имени Григорей-отъ Ивановичъ;
Бладъ свѣтёлъ мѣсяцъ да тутъ хозяйка во дому,
А по имени Иринья Екимовна;
Цястю звѣздоцьки то малы дѣтоцьки,
А по имени Иванъ-отъ Григорьевичъ,
Со любимъ-то своимъ со брателкомъ,
А по имени Василей-отъ Григорьевичъ.
А хозяинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
А хозяйка во дому да какъ оладья во меду,
Малы дѣтоцьки да какъ оладыцки.
Ай во далечѣ, далечѣ во чистомъ было поли,
Ай ищэ того подалѣ на украинкѣ,
Этамъ чей-же стоитъ домъ да чей высокъ-то теремъ,
Этамъ чья-же стоитъ нова горница,
Этамъ домъ стоитъ Григорья Ивановича,
Нова горнича Ирины Якимовны.
Прикажи сударь хозяинъ ко двору притти,
Ко двору-ту притти, да на крылечко затти,
На крылечко затти, да по новымъ сѣнямъ протти,
По новымъ сѣнямъ протти, да въ нову горенку затти,
Противъ матицы стать, да помолится кабы надь,
Помолитця бы надь, да чюднымъ образамъ,
Ужъ мы крестъ-отъ кладёмъ да по писаному,
А молитву творимъ мы полну Сусову,
На вси стороны четыри поклоняемся.
Затимъ здравствуешь хозяинъ всему дому господинъ,
Затимъ здравствуешь хозяйка всему дому госпожа,
Прикажи, сударь хозяинъ, виноградьё спѣть.
А хозянъ-отъ дарилъ да золоту гривну
А хозяйка-то дарила бѣлъ-крупищатой калачъ,
Малы дѣтоцьки вси по копеецьки,
Золоту гривну мы на кабакъ снесёмъ,
На кабакъ снесёмъ, мы на вини пропьёмъ.
Бѣлъ крупичатъ калачъ на закусочку;
Эти копеецьки да ужъ мы въ церковь снесёмъ,
Въ церковь снесёмъ, да мы молебны споёмъ,

Затимъ здравствуёшь хозяинъ всему дому господинъ,
Затимъ сдравствуешь хозяйка всему дому госпожа,
Затимъ здравствуйте вси малы дѣтоцьки,
Теперь съ нами молодцами да со чесными со гостями
Со чесными со гостями, съ виноградчиками.

23.

Пустозерское Виноградьё холостое[1]).

Виноградьё кра́сно зеленоё,
Какъ во далече, далече во чистомъ поли,
Да Виноградьё красно зеленоё,[2])
Какъ ищэ того подалѣ во раздольичи,
Какъ во этомъ во храму со слезами богомолецъ
Богомолецъ Микулай-отъ Ивановичъ,
Въ три ряды его кудерцы да завивалисе,
Во первой разъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивались краснымъ золотомъ,
Во третьёй разъ завивались скатнымъ жемчугомъ.
Ищэ вси ему бояра дивовались молодцу,
Да всѣ дружья, братья хресьёна позавидовали:
„Ищэ хто тя, Микулай, да хорошо̀го спосѣялъ
Да хто Ивановиця да пригожого спородилъ.
Да ищэ хто тя, Микулай, да вотъ бѣлешенькё умылъ,
Да хто Ивановиця да буйну голову чесалъ,
Да ищэ хто тѣ, Микулай, да русы кудри завивалъ
Да ищэ хто тѣ, Микулай, да хорошого снарядилъ,
Да ищэ хто тѣ, Ивановиця, да добра коня уздалъ,
Да кто Ивановицю да шолковъ поводъ подавалъ.
Ищэ хто у тя, Микулай, да шелкову плеть подавалъ,
Хто Ивановиця съ благословеньемъ провожалъ,
Ищэ хто тя, Микулай, путь дорожку указалъ?“
Какъ отвѣтъ держитъ удалъ добрый молодецъ.
„Ужъ вы, глупые бояра, неразумны господа,
Да хорошо меня спосѣялъ сударь батюшко,
Сударь батюшко Иванъ Васильевичъ,
Пригожого спородила родна маменька,
Родна матушка Марья Владимеровна,
Буйну голову чесала да родна сестриця,
Родна сестрица Лександра Ивановна,
Русы кудри завивала да родна сестрича
Родна сестрича Агнія Ивановна,
Меня бѣлешенько умыла Камогорская вода.
Хорошого снаредила родна сестрича,
Родна сестричя Люлія Ивановна,
Какъ добра коня сѣдлалъ да родной дедюшка

[1]) Пав. Григ. Марковъ, дер. Бѣдовая.
[2]) *Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.*

Родной дедюшка Владымеръ Ивановичъ,
На добра коня садилъ родной дѣдушко
Родной дѣдушко Иванъ-отъ Ивановичъ.
Шелковъ поводъ подавала родна сестричя
Родна сестричя Софья Ивановна.
Шелкову плеть подавала да родна сестричя
Да родна сестричя Софья Ивановна,
Съ благословленіемъ провожалъ да родной крёснушко
Родной крёснушко Владымеръ Ивановичъ,
Путь дорожку указалъ да родной зетюшко,
Родной зетюшко Николай Өедоровичъ,
Затимъ здраствуёшь добрый молодецъ
А по имени Николай Ивановичъ.

24.
Пустозерское виноградьё дѣвіе.

Виноградьё красно зеленоё,
Какъ во далече далече, во чистомъ поли
Да виноградьё красное зеленоё [1]).
Какъ ищэ того подалѣ на украинки,
Да тутъ стояла берёза да кудреватая,
Да какъ по корешку берёза коренистая,
По середоцькѣ берёза кривлеватая,
По вершиноцькѣ берёза кудреватая,
Какъ подъ этой подъ берёзой бѣлполотняный шатёръ,
Кабы полы у шатра хрущатой камки,
Какъ подполки у шатра да рыта бархата,
Какъ сидѣла тутъ дѣвича душа красная,
Тутъ сидѣла дѣвича душа красная,
Какъ по имени Марья Васильевна
Да она шила вышивала шириночькю,
Да на первой узгъ вышивала красно солнце со лунами,
На другой узгъ вышивала свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
Свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами, со яснымa со лунами,
На третей узгъ вышивала чисто поле со звѣрями,
Чисто поле со звѣрями со лютыма со змѣями,
На четвертой вышивала синё море съ кораблями,
Синё море съ кораблями, съ удалыми молодцами,
На середкю вышивала Божью церкёвь со крестами,
Божью церкёвь со крестами, со чудныма образами.
Тутъ ходилъ гулялъ удалъ добрый молодецъ [1])
Онъ лисичами, куничами обвѣшался
Онъ черныма соболями пріобтыкалса,
Онъ вѣдь шолковой тетивкой подпоясалса,
Онъ тугимъ лучькёмъ да подпираитца,

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Не былыми словесами да похвалянтца:
„Кабы былъ, кабы жилъ я на другой стороны,
На другой стороны, да на украинки,
Ужъ я эту бы берёзку по корешку сѣкъ,
Ужъ я этотъ бы шатёръ роспиналъ бы, ростопталъ,
Ужъ я полы у шатра вси пріоборвалъ,
Я подполки у шатра по чисту полю металъ,
Да душу красну дѣвицю за себя бы замужъ взялъ,
Какъ по имени Марью Васильевну,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой ко Божьей церкви пошолъ,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой золоты вѣнцы прималъ,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой чуденъ крестъ чѣловалъ,“
Затимъ здраствуешь дѣвичя душа красная,
Какъ по имени Марья Васильевна.

25.

Пустозерское виноградьё женатое.

Виноградьё красно зеленоё.
Да ужъ мы ходимъ-ле не ходимъ ко Кремлю городу,
Да виноградьё красно зеленоё [1]).
Ужъ мы ищемъ не ищемъ господинова двора
Господина Микулая-то Ѳёдоровича.
Господиновъ дворъ да на семи стоитъ верстахъ,
На семи стоитъ верстахъ да на семидесяти столбахъ,
На семидесять столбахъ, да о восьмидесятъ тынахъ,
Какъ на всякоемъ столбикѣ по маковкѣ,
Какъ на всякой маковкѣ по жемчужу,
Да какъ на всякоей жемчужинки по свѣчкѣ горитъ,
Да этотъ чей, братцы, домъ, да чей высокъ теремъ?
Да тотъ домъ стоитъ Николая Ѳёдоровича,
Нова горнича-то Агніи Евгеньевны...
Какъ во этомъ терему, да три высокихъ терема,
Три высокихъ терема да златоверьхёваты.
Во первомъ терему да красно солнышко,
Во второмъ терему бладъ свѣтелъ мѣсецъ,
Во третьемъ терему да мелки звѣздочьки,
Да хозяинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
Да хозяйка во дому да какъ оладья во меду,
Да мелки звѣздочьки да малы дѣточки.
Благослови сударь хозяинъ ко двору притти,
Ко двору притти, да на крылечушко затти,
На крылечушко затти, да въ нову горенку протти,
Въ нову горенку затти, да проти мотицы стать,
Да проти мотицы стать, да намъ на лавку сѣсть,
Да намъ на лавку сѣсть, да виноградье спѣть.
Они думали, гадали, больша выжлака срежали,

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Больша выжлака срежали, во чисто поле спушшали.
Они думали, гадали, ясна сокола срежали,
Ясна сокола срежали, по поднебесью спушшали,
Они думали, гадали, какъ черленъ карапь срежали,
Какъ черленъ карапь срежали, во синё море спушшали
Большой выжлокъ-отъ бѣжитъ, да какъ лисичь, куничь тащитъ
Какъ лисичь, куничь тащитъ Агніи на шубу,
Какъ ясенъ соколъ летитъ, да какъ бѣлу лебедь тащитъ,
Кабы нашому хозяину на почесенъ пиръ,
Какъ черленъ карапь бѣжитъ, да живота много тащитъ,
Кабы нашому хозяину на житье, на бытье.
Затимъ здраствуешь удалъ доброй молодецъ,
Какъ по имени Микулай-отъ Ѳедорычъ,
Со своей да молодой жоной,
Какъ по имени Агніей Евгеньевной,
Со своими-то малыми дѣтоцьками,
Да виноградье красно зелено.

26.

Колыбельная пѣсня [1]).

Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да наша вѣкошка,
Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да горожаноцька,
Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да ужъ и гдѣ ты была?
— — — — — да въ Новомъ Городи,
— — — — — да ты кого купила,
— — — — — да золотого коня,
— — — — — да ужъ гдѣ твой конь?
— — — — — Миколка въ клѣтку увёлъ,
— — — — — да онъ и дѣ-то ушолъ?
— — — — — Миколка на гору ушолъ.
— — — — — уже гдѣ клѣтка?
— — — — — водой потопило.
— — — — — уже гдѣ то вода?
— — — — — да быки выпили.
— — — — — да ышэ гдѣ быки?
— — — — — да быки за гору ушли.
— — — — — да уже гдѣ гора?
— — — — — да цвѣтками заросла,
— — — — — да ыка гдѣ чвѣтки?
— — — — — да дѣвки выщипали.
— — — — — да ужъ гдѣ дѣвки?
— — — — — да замужъ выскакали.
— — — — — да ихъ дѣ мужья?
— — — — — да на войну ушли.
— — — — — да у васъ дѣ-то война?
— — — — — да середи говна.

---

[1]) Ксен. Поздѣева, с. Устьцыльма.

27.

„Христа славятъ“ [1]).

Новая радость во всемъ мірѣ;
Въ міръ намъ явился Богъ, Царь Славы,
Отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родися,
Мы же тако вопіемъ, вѣрно рцемъ:
Слава въ вышнихъ Богу и на земли міръ
Торжествуйте, ликоствуйте,
Хвалу Богу дайте, воздайте, воспѣвайте:
Дай Богъ вамъ, господамъ,
Господинамъ и женамъ вкупѣ здраствовати.
Вива́ть! вива́ть! вива́ть!
На многая лѣта, въ день Христова рожденія.
Веселися день благовеешь вся день,
Хвалу Богу дайте въ по́луночь и день.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ тя рожденнаго
Бога нашего, царя вашего,
Царь Иродъ всѣмъ возвѣстилъ,
Младенцовъ побилъ.
Билися и ругалися, яко убійцы, злы разбойницы,
Кричутъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы, отъ персіи отринули,
Голосомъ ревутъ, волосы дерутъ,
Гласы возсылаютъ, сердечно кричатъ.

28.

Славятъ [2]).

Тѣшу, потѣшу,
Хозяина повѣшу
На пиз.ій волосокъ.
Волосъ-то сорвался,
Хозяинъ оборвался
Въ каменку ногами,
Въ тынъ головой,
Въ говно бородой.

Н. Ончуковъ.

---

[1]) Въ Тамицѣ селѣ по Онежскому тракту Онежскаго у., Архангель губ., на Рождествѣ „артель“ въ 2—4—5 человѣкъ „ходитъ славить“. П тропарь „Христосъ раждается“ затѣмъ приводимый стихъ. Записанъ Тамицѣ, отъ И. К. Герасимова 37 л.

[2]) Въ этой-же Тамицѣ, когда хозяинъ за славленье ничего не д маленькіе ребятишки, выскочивъ изъ избы въ сѣни, поютъ этотъ стиш Записанъ отъ И. К. Герасимова.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XXII, вып. 4. Казань. 1906.

Въ отдѣлѣ „этнографическихъ матеріаловъ“ четвертаго выпуска „Извѣстій“ за минувшій годъ помѣщено продолженіе статьи свящ. *І. Васильева*: „Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ казанской и вятской губерній“, о началѣ которой нами былъ данъ отзывъ въ IV выпускѣ „Жив. Старины“ 1906 г. Въ новыхъ четырехъ главахъ (12—15) авторъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о моленіяхъ посемейныхъ (постоянныхъ, непостоянныхъ и случайныхъ) и брачныхъ. Въ послѣдней главѣ о. Васильевъ, между прочимъ, говоритъ, что „вотяки избѣгаютъ всячески бездѣтства, посему стараются преимущественно брать снохъ изъ беременныхъ дѣвушекъ, что служитъ доказательствомъ способности къ чадородію“ (стр. 267). Этимъ онъ подтверждаетъ сдѣланное и другими изслѣдователями вотяцкаго быта наблюденіе о полной свободѣ добрачныхъ отношеній для вотяцкихъ дѣвушекъ. Напрасно только авторъ смотритъ на этотъ пережитокъ коммунальнаго брака съ точки зрѣнія „отступленія отъ чистоты нравственности христіанской“ и называетъ добрачное поведеніе дѣвушекъ „блудною жизнью“, съ представленіемъ о которой вовсе не вяжется констатированный тѣми же изслѣдователями фактъ, что вотячки, по выходѣ замужъ, отличаются вѣрностью своимъ мужьямъ (см. Энциклоп. Слов. Брокгауза, т. VII, ст. П. Матвѣева: „Вотяки“, стр. 327).

Въ томъ же выпускѣ (стр. 249 — 252) находимъ сдѣланное г. *Н. Н. Пантусовымъ* описаніе древней и притомъ единственной

національной киргизской игры подъ названіемъ „тогузъ кумалакъ", что, по объясненію *Н. Ѳ. Катанова*, значитъ „9 шариковъ бараньяго или овечьяго кала, употребляемыхъ для игры или гаданія". Къ описанію приложены два рисунка, изображающіе одно изъ „орудій игры": четырехъ-угольную доску съ 18 продолговатыми и двумя круглыми лунками („казанами").

Въ приложеніи продолжается печатаніемъ указатель къ „Извѣстіямъ" за 1878—1905 гг. (томы I—XXI), составленный, какъ сказано на обложкѣ, дѣйств. членомъ Общества *И. В. Альфонсовымъ*, а на самомъ дѣлѣ представляющій собою сплошную перепечатку обложекъ „Извѣстій" за указанные годы, съ порядковой нумераціей статей, безъ какой бы то ни было систематизаціи библіографическаго матеріала, что является, по нашему мнѣнію, существеннымъ недостаткомъ этого указателя.

Эд. Пекарскій.

Труды Троицкосавско - Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. VII. Вып. 3, 1904 Спб. 1905. Стр. 224.

Почти три пятыхъ третьяго выпуска „Трудовъ" занимаетъ антрополого-этнологическій очеркъ *Ю. Д. Талько-Грынцевича:* „Къ антропологіи тунгусовъ. Иройскіе хамнеганы". Труду своему авторъ предпосылаетъ краткія этнографическія свѣдѣнія (гл. I), собранныя имъ среди иройскихъ тунгусовъ, „обыкновенно называемыхъ „хамнеганами" (чертовыми людьми), живущихъ въ сѣверо-восточной части Монголіи по р. Иро. Въ „антропологическомъ очеркѣ" (гл. II) авторъ приходитъ къ заключенію, что „до настоящаго времени антропологія не изучила и не знаетъ какихъ бы то ни было общихъ признаковъ, характеризующихъ тунгусское племя... Также остается открытымъ и ожидаетъ окончательнаго разрѣшенія вопросъ о томъ, составляютъ ли тунгусы отдѣльную расу или принадлежатъ къ монгольской". Полагая, что изученію средняго типа тунгуса и особенностей этого типа можетъ помочь „лишь болѣе подробное антропологическое изслѣдованіе отдѣльныхъ группъ", авторъ и предпринялъ свои „антропологическія изслѣдованія" иройскихъ хамнеганъ (гл. III), распадающіяся на двѣ части: описательную (стр. 92—110) и антропометрическое изслѣдованіе (стр. 110—193). Собранныя авторомъ данныя позволяютъ ему не только установить несомнѣнную принадлежность (по происхожденію) иройскихъ хамнеганъ къ общему тунгусскому племени, распространенному отъ Енисея до Восточнаго океана, но и нарисовать общую характеристику изслѣдованныхъ тунгусовъ, отличающую ихъ отъ ближайшихъ сосѣдей (разныхъ группъ тунгусовъ, халхасцевъ, бурятъ, сѣверныхъ китайцевъ и якутовъ). Въ концѣ приложенъ подробный перечень источниковъ, которыми пользовался авторъ при составленіи своего обстоятельнаго очерка.

Отмѣтимъ небольшую, но не лишенную этнографическаго интереса статью г-жи *А. Д. Корнаковой:* „Поѣздка къ хубилгану-бакши (перерожденецъ, святой учитель) Долцунъ-Гыгэну" (стр. 57—65), въ которой подробно описана церемонія совершеннаго ламайскимъ жрецомъ молебствія. Чтеніе статьи нѣсколько затрудняется встрѣ-

чающимися въ текстѣ монгольскими словами (ходакъ, уртонъ, гыгэнъ, очиръ и пр.), оставленными авторомъ почему-то безъ всякаго объясненія.

Э. П.

Труды Полтавской ученой архивной Комиссіи. Издано подъ редакц. дѣйствительн. членовъ Комиссіи: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. В. III. Полтава. 1907. 278 стр.

Раскольничій „патріархъ" въ Полтавѣ. *Еп. Ѳеодосія*. Рѣчь идетъ о главарѣ Ѳедосѣевщины С. К. Ковылинѣ; описываются послѣдніе дни его жизни въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, съ 29 янв. 1854 г. по день смерти—13 іюля 1859 г. *Ѳ. Николайчика*. Ильинская ярмарка въ періодъ ея существованія въ г. Ромнахъ. Обширный статистическій очеркъ съ мелкими этнографическими подробностями. „По поводу двухъ документовъ конца XVIII и начала XIX в. о вознагражденіи духовенства за требоисправленія". *А. Ф. Мальцева*. Два любопытныхъ рукописныхъ условія прихожанъ с. Нехаевки Пирятинск. у. (1782 г. и 1814 г.) относительно платы духовенству за требоисправленіе. Особенно интересенъ первый документъ, какъ указывающій на существовавшее въ то время право выбора священника прихожанами. „Полтавская гимназія съ 1808 по 1831 годъ". *В. Л. Василевскаго*. „Гдѣ похоронены шведскіе воины послѣ битвы 27 іюня 1709 года". *А. Липеровскаго*.

Н. В—въ.

Записки Красноярскаго Подотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географ. Общества. Томъ I, вып. 2. Томскъ, 1906 г.

Въ этомъ томѣ: „Русскія и инородческія сказки" (и преданія) Енисейской и Томской губерній, собранныя сотрудниками Подотдѣла. Редактированы *Г. Н. Потанинымъ*, снабдившимъ эти образцы народной словесности обстоятельными „примѣчаніями", которыя придаютъ имъ вполнѣ законченную цѣльность.

Это уже второй выпускъ издательства Красноярскаго Подотдѣла. Первый вышелъ въ свѣтъ четыре года тому назадъ (въ 1902 г.) и заключалъ въ себѣ, кромѣ народныхъ пѣсенъ и т. п., до 64 сказокъ русскаго населенія указанныхъ выше губерній.

Во второмъ выпускѣ 1906 года содержится: русскихъ сказокъ 41, инородческихъ 10 (въ рус. переводѣ) и 6 преданій, изъ нихъ 5 записаны самимъ Г. Н. Потанинымъ. Среди сказокъ первой категоріи только 2—3 сходныхъ по сюжетамъ съ сказками перваго выпуска. Сказки инородцевъ выгодно отличаются отъ русскихъ новизной и разнообразіемъ своихъ сюжетовъ, разносторонностью бытовой и обрядовой обстановки и изложены въ эпическомъ стилѣ.

Привѣтствуя эту книгу, какъ новый вкладъ по изученію сибирскаго фольклора, закончимъ свое указаніе пожеланіемъ: 1) чтобы Красноярскій Подотдѣлъ изыскалъ способы удешевить свои изданія и сдѣлать ихъ болѣе доступными для большаго круга читателей и 2) чтобы свои выпуски по этнографіи онъ разнообразилъ обрабо-

танными статьями, или хотя бы сырыми матеріалами также по обычаямъ, обрядамъ, вѣрованіямъ, языку и т. п. какъ русско-сибирскаго коренного населенія, такъ и туземныхъ племенъ. При богатствѣ подобнаго рода совершенно неиспользованныхъ матеріаловъ это весьма легко выполнить.

А. Макаренко.

Віноградъ россійскій или описаніе пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Сvмеономъ Діонvсіевичемъ (княземъ Мышецкимъ). Безплатное приложеніе къ журналу „Старообрядецъ" за 1906 г. Москва. 1906 г.

Подъ такимъ длиннымъ заглавіемъ редакціею издающагося въ Нижнемъ-Новгородѣ „Старообрядца" напечатано знаменитое въ старообрядчествѣ твореніе Семена Денисова „Виноградъ Россійскій", онъ же по нѣкоторымъ рукописямъ „Вертоградъ Духовный". Чрезвычайно цѣнимая на русскомъ сѣверѣ, среди безпоповцевъ, и извѣстная во многихъ спискахъ, главнымъ образомъ въ извлеченіяхъ, рукопись до сихъ поръ не была издана; мы знаемъ, что ее подготовлялъ къ печати одинъ очень интересующійся расколомъ ученый, но старообрядцы предупредили. Издатель „Старообрядца" австріецъ-„окружникъ", чтобы сдѣлать свой журналъ читаемымъ и въ средѣ безпоповцевъ пустилъ „Виноградъ Россійскій" къ своему журналу въ видѣ безплатной преміи... Но книга напечатана въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ издается журналъ и поступитъ въ продажу отдѣльно.

Представляя огромную цѣнность для безпоповцевъ, „Виноградъ Россійскій" изданія „Старообрядца", до изданія его вполнѣ научно, будетъ очень полезенъ и для занимающихся расколомъ, и вообще исторіей литературы. Издатели не указываютъ точно — какая рукопись „Винограда" ими напечатана, не описываютъ ее, но вскользь говорятъ только, что издаваемую рукопись они „сочли нужнымъ свѣрить съ рукописью Хлудовской библіотеки (за № 269)", а варіанты оговорить въ особыхъ примѣчаніяхъ. Весь текстъ „Винограда" напечатанъ по церковно-славянски. Тексту предшествуетъ „Предисловіе" г. *Вл. М—ова* отчасти историческаго, а больше публицистическо-полемическаго содержанія, объясняющее большому читателю, что за произведеніе „Виноградъ", кто его написалъ и пр. Талантливое изложеніе, яркій языкъ и убѣжденность тона автора предисловія не мѣшаетъ ему дѣлать недосмотры: знаменитый Даниловъ монастырь авторъ помѣстилъ „близъ Повѣнца, на Выгъ-озерѣ" (Стр. V). Между тѣмъ монастырь этотъ находится на Выгъ-рѣкѣ, что совершенно не одно и то же.

Н. Ончуковъ.

С. Паткановъ. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ (съ приложеніемъ трехъ племенныхъ картъ). Часть II. Прочія тунгусскія племена. Спб. 1906. Стр. 206.

О первой части труда г. *Патканова*, посвященной географическому распространенію, численности, родамъ, религіи, языку и т. д. тунгусовъ собственно, нами былъ данъ отзывъ въ III выпускѣ „Жив.

Стар." 1906 г. Вторая часть составлена по тому же плану и даетъ такой же очеркъ прочихъ тунгусскихъ племенъ, родиной коихъ является юго-восточная окраина Сибири; таковы: манчжуры, дауры, солоны, гольды, орочи, ольчи (мангуны), ороки, негидальцы, самагиры, манегры и не обнаруженные ни переписью 1897 г., ни новѣйшими изслѣдованіями В. Сибири бирары и кили, о которыхъ упоминаетъ Шренкъ въ своемъ сочиненіи: „Объ инородцахъ Амурскаго края" (Спб. 1883).

Къ книгѣ приложены три карты разселенія тунгусовъ по территоріи Сибири, съ подробными объясненіями. Въ объясненіи къ картѣ разселенія по Сибири тунгусскихъ племенъ вообще, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что, при проведеніи границъ между якутами и тунгусами по Якутскому округу, ему „оказала большія услуги оффиціальная карта улусовъ и наслеговъ, приложенная къ труду г. *Сѣрошевскаго* („Якуты")". Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ Якутскимъ округомъ, съ распредѣленіемъ въ округѣ улусовъ и наслеговъ, тотъ, конечно, не затруднится признать эту „офиціальную карту" ниже всякой критики. Она не можетъ служить не только надежнымъ руководителемъ при проведеніи границъ между якутами и тунгусами, но не даетъ хотя бы приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній о границахъ между якутскими улусами и наслегами. Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ. По картѣ, 1-ый Игидейскій наслегъ, Ботурусскаго улуса, граничитъ на сѣверѣ со 2-ымъ Игидейскимъ наслегомъ, Баягантскаго улуса, на западѣ—1-ымъ Игидейскимъ того же улуса и на югѣ—2-ымъ Игидейскимъ Ботурусскаго. Въ дѣйствительности районы 1-го и 2-го Игидейскихъ наслеговъ Ботурусскаго улуса не разграничены; земли того и другого расположены черезполосно и на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и ограничены 1-ымъ и 2-ымъ Игидейскими наслегами Баягантайскаго, тремя (1-ымъ, 2-ымъ и 4-ымъ) Жехсогонскими и, наконецъ, Жулейскимъ—Ботурусскаго улуса. Разъ допущенная ошибка вноситъ затѣмъ такую путаницу въ опредѣленіе границъ смежныхъ наслеговъ, которая лишаетъ возможности пользоваться офиціальною картою даже для офиціальныхъ надобностей. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что когда въ 1902 году амгинскіе наслеги подняли вопросъ о раздѣленіи Ботурусскаго улуса, къ которому они принадлежатъ, на два, то тогдашній якутскій исправникъ, для нагляднаго представленія Областному Правленію расположенія наслеговъ въ этомъ улусѣ, предпочелъ воспользоваться схематическою картою, составленною ad hoc письмоводителемъ Ботурусской Инородной Управы, отказавшись отъ попытки примирить съ дѣйствительностью приложенную къ книгѣ *Сѣрошевскаго* карту путемъ внесенія поправокъ, безъ которыхъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны.

Эд. Пекарскій.

Трощанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Съ 10 фигурами и 4 приложеніями. Посмертное изданіе, редактированное *Э. К. Пекарскимъ*, дополненное примѣчаніями Э. К. Пекарскаго и Н. Ө. Катанова и снабженное приложеніями Э. К. Пекарскаго, А. А. Наумова и В. В. Попова. (Отдѣльный оттискъ

изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета").

Въ этомъ сочиненіи покойнаго изслѣдователя якутской жизни В. Ф. Трощанскаго стройно, послѣдовательно и весьма обстоятельно изложена эволюція шаманства у якутовъ. Нѣкоторые изслѣдователи этого рода приступаютъ къ дѣлу съ заранѣе составленной схемой и подбираютъ только тѣ факты, которые подтверждаютъ высказанную теорію, но ингнорируютъ все то, что такъ или иначе не соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли. Не то мы видимъ въ настоящемъ трудѣ. Хотя авторъ изложилъ свое изслѣдованіе, строго и послѣдовательно придерживаясь заранѣе принятой утилитарной теоріи Эволюціи черной вѣры (шаманства) у якутовъ, но имъ вполнѣ добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ изложены и освѣщены религіозные взгляды и ихъ послѣдовательное развитіе у якутовъ. Читатель можетъ не соглашаться съ тѣми или иными выводами автора, но, изучая богатый и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи матеріалъ, имѣетъ возможность придти къ тому или другому заключенію вполнѣ самостоятельно. А что факты собраны обстоятельно и изложены не ошибочно, тому порукой можетъ служить то обстоятельство, что трудъ г. Трощанскаго изданъ подъ редакціей и съ поправками и дополненіями такого глубокаго знатока якутской жизни, какимъ является Э. К. Пекарскій. Сочиненіе написано живо, но, очевидно, не предназначено для широкой публики, такъ какъ помѣщено въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета", а незначительное количество оттисковъ, конечно, не могло проникнуть въ широкую публику, о чемъ нельзя не пожалѣть, ибо этотъ трудъ очень интересный и вполнѣ доступный не однимъ только спеціалистамъ, но и вообще образованному человѣку, интересующемуся жизнью разнообразныхъ народовъ нашего обширнаго отечества.

А. Сержпутовскій.

Гнатюкъ, В. Коломийки, т. II (Етногр. збір., т. XVIII). У Львові, 1906 г.

Короткія малорусскія пѣсни давно привлекаютъ вниманіе этнографовъ. Уже въ сборникахъ, вышедшихъ до 60-хъ годовъ, находимъ значительныя собранія ихъ; тѣмъ не менѣе „Коломийки" В. Гнатюка являются новостью, вполнѣ интересною и, главнымъ образомъ, по обилію матеріаловъ, касающихся интереснѣйшаго изъ видовъ современнаго народнаго малороссійскаго пѣснотворчества. Въ двухъ томахъ разсматриваемаго сборника находятся 5792 коломийки. Впрочемъ не всѣ эти пѣсенки впервые появляются въ печати: многія изъ нихъ заимствованы изъ 1) „P. pal.: ruskie ludu galic. Wacław z Oleska 2) Żegota Pauli—P. ludu rus. w Galicyi, 3) Як. Головацкій. Нар. п. Галицкой и Угорской Руси. Но главная масса ихъ напечатана по рукописямъ, доставленнымъ собирателю 75-ю лицами. Такимъ образомъ матеріалы В. Гнатюка взяты изъ разныхъ источниковъ и касаются многихъ мѣстностей—по крайней мѣрѣ двухсотъ съ лишнимъ селеній, раскинутыхъ по 49 уѣздамъ Галиціи, Буковины и Угорщины. Подъ каждой пѣсенкой собиратель отмѣчаетъ

названіе мѣста, гдѣ она поется, или источникъ, откуда перепечатана.

Для изслѣдователя народной поэзіи весьма цѣнною чертою разсматриваемаго труда В. Гнатюка является то, что при многихъ коломийкахъ указаны варіанты, къ сожалѣнію только не исчерпывающіе всѣхъ, имѣющихся въ печати. Вообще можно сказать, что сборникъ В. Гнатюка интересенъ болѣе для историковъ литературы, чѣмъ для этнографовъ и широкихъ круговъ общества, для которыхъ предназначается самимъ собирателемъ. Нельзя сказать, чтобы и историку литературы всѣ матеріалы сборниковъ В. Гнатюка были понятны: читатель „Коломиекъ" В. Гнатюка видитъ предъ собою только пѣсни, не зная другихъ ея элементовъ.

Если же мы вспомнимъ, какое громадное значеніе для историко-литературныхъ изслѣдованій имѣетъ напѣвъ пѣсенъ, пляска, исполняемая подъ нихъ и т. под., что увидимъ, въ какомъ затрудненіи можетъ оказаться изслѣдователь, пользующійся сборникомъ Гнатюка.

Нельзя не упомянуть интереснаго предисловія (Передне слово) собирателя, пытающагося провести разницу между отдѣльными видами короткихъ малорусскихъ пѣсенъ (краковяками, козачками и пр.) и затрагивающаго вопросъ о происхожденіи коломиекъ и ихъ названій.

А. Зачиняевъ.

И. Свенціцкий. Опись рукописів Народного Дому. З колэкции Ант. Петрушевича. Частина І. У Львові 1906, 8°, XIV, 242 (Рукописи Львівських збірокъ, вип. І).

Эта книга представляетъ первый выпускъ новой серіи „Украінсько-руського архива", издаваемаго „Науковымъ Товариствомъ имени Шевченка" во Львовѣ и посвящена описанію рукописей извѣстнаго галицко-русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля А. С. Петрушкевича, пожертвовавшаго ихъ въ библіотеку Народного Дома. Въ настоящей первой части своего „Описанія" г. Свѣнцицкій сообщаетъ свѣдѣнія о древнецерковнославянскихъ рукописяхъ духовнаго и свѣтскаго содержанія. Изъ нихъ 4 относятся къ XV в., 24—къ XVI, одна—къ 1577 г., 7—къ XVII в., одна—къ 1614 г., одна—къ 1618 г., 6—къ XVIII и одна—къ 1725 г. Изъ датированныхъ рукописей всѣ, а не изъ датированныхъ большая часть была написана или переписана въ Галиціи, часть перешла изъ Румыніи. Многія изъ этихъ рукописей содержатъ богатый повѣствовательный матерьялъ; достаточно указать на рукопись № 7, содержащую повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ (XIV—XV в.), и на рукописи № 8 и 9 (XV—XVI и XVII—XVIII в.) съ житіями Кирилла и Меѳодія. Въ описаніи г. Свѣнцицкій очень обстоятеленъ: кромѣ внѣшней палеографической характеристики рукописи, онъ приводитъ обыкновенно точныя заглавія отдѣльныхъ статей съ болѣе или менѣе длинными выписками. Слѣдуетъ, однако, упрекнуть составителя въ томъ, что онъ не всегда умѣетъ различать въ правописаніи рукописи существенныя особенности отъ несущественныхъ. Такъ, говоря объ одной русс. рукописи XIV—XV в. (стр. 28—29) г. Свѣнцицкій отмѣчаетъ замѣну юсовъ посредствомъ *у* и *я*, *ѣ* посредствомъ—*є* и т. п. примѣты, но при

этомъ забываетъ, что всѣ онѣ представляютъ обычное явленіе уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ, и потому для характеристики правописанія описываемой рукописи онѣ ничего не говорятъ.

Г. И.

Hesseling, D. C. Les mots maritimes, empruntés par le grec aux langues romanes. Verhandelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen, Afdeeling Letterkunde, Nieuwe reeks, Deel V, № 2, Amsterdam, 38 стр., 8°. — Изслѣдованію латинскихъ и романскихъ элементовъ въ греческомъ языкѣ 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ было положено основаніе извѣстнымъ лингвистомъ и этнографомъ G. Meyer'омъ, авторомъ образцоваго этимологическаго словаря албанскаго языка. Разумѣется, при отсутствіи предварительныхъ изслѣдованій покойный ученый не могъ исчерпать вопроса о вліяніи романскаго запада на Византію, тѣмъ болѣе, что онъ не обладалъ спеціальными знаніями въ области романскаго языковѣдѣнія. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ появленія двухъ работъ Мейера: Neugriechische Studien III, Die lateinischen Lehnworte des Neugriechischen; Neugriechische Studien IV, Die romanischen Lehnworte des Neugriechischen (Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ, Фил.-ист. отдѣл. 132 томъ), уже лексическій матеріалъ его былъ дополненъ учеными, посвятившими его труду рецензіи въ разныхъ журналахъ[1]); заслуга Мейера такимъ образомъ была двоякая: 1) онъ впервые занялся однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ балканской лингвистики и, заинтересовавъ имъ другихъ, значительно подвинулъ впередъ этимологическое изученіе греческаго языка; 2) въ виду отсутствія подробныхъ словарей народно-греческаго языка труды его стали полезными справочными книгами для всѣхъ, кто занимался изученіемъ средне-греческихъ поэтическихъ произведеній.

Мейеръ изучилъ *въ общихъ чертахъ* латинское и романское вліяніе на греческій языкъ, дальнѣйшіе изслѣдователи того же вопроса обратили уже вниманіе и на частности: H. Pernot впервые указалъ слѣды венеціанскаго вліянія въ говорахъ Іоническихъ острововъ. При такомъ положеніи дѣлъ появился въ свѣтъ настоящій трудъ Hesseling'а. Имя автора уже свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ солиднымъ трудомъ; любопытно, что голландскому ученому послѣ работъ Meyer'а, Dieterich'а, Pernot, Kretschmer'а удалось отыскать около 450 новыхъ словъ романскаго происхожденія въ греческомъ языкѣ—признакъ того, какъ далеки еще отъ полноты эти изслѣдованія. Далѣе любопытно, что большинство этихъ словъ отсутствуетъ въ доступныхъ словаряхъ и собрано авторомъ изъ устъ греческихъ моряковъ. Достоинство настоящаго труда, наконецъ, я вижу и въ томъ, что здѣсь приводятся ближайшія къ греческимъ словамъ, діалектическія формы итальянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ не знаетъ итальянской діалектологіи (это дало бы ему возможность быть болѣе точнымъ въ указаніи этимологій греческихъ

---

[1]) Перечень ихъ см. въ нашей статьѣ Извѣстія отд. русск. яз. и слов И. Ак. Наукъ XI кн. 2, стр. 401 примѣч.

словъ), зато онъ прекрасно ознакомленъ съ исторіей греческаго языка, а венеціанскія формы онъ приводитъ по извѣстному словарю Boerio. Переходя къ посильной оцѣнкѣ его труда въ настоящемъ журналѣ, спѣшу отмѣтить, что для слависта это изслѣдованіе венеціанскаго вліянія на Византію также имѣетъ немалый интересъ, ибо это вліяніе отразилось даже и на югѣ Россіи о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ современные южно-русскіе говоры [1]); кромѣ того данныя языка (какъ показываютъ работы того же Г. Мейера) служатъ однимъ изъ наиболѣе точныхъ и надежныхъ источниковъ для исторіи культуры; такимъ образомъ этимологическія изслѣдованія постоянно имѣютъ большое значеніе для культурно-историческихъ разысканій.

Цѣлый рядъ венеціанскихъ заимствованій удачно указанъ Гесселингомъ: фонетическія затрудненія, возникавшія при производствѣ греч. σιγόνδος „контролеръ на пароходахъ“ отъ итал. *secondo*, устранены указаніемъ на венец. *segondo* (Hesseling 30); слово τσιρούνι не съ итал. *girone*, а съ венец. *ziron*, (Hesseling. 32); наконецъ формы въ родѣ φεργάδα (Hess., 33), τονελάδα (Hess., 32), и проч. правильно выводятся изъ венец. *tonelada, fregada* и т. п. Вообще я считаю излишнимъ приводить списокъ всего правильнаго при оцѣнкѣ труда, свидѣтельствующаго о прекрасной обще-лингвистической подготовкѣ автора и начитанности его въ области изучаемыхъ имъ языковъ. Тѣмъ большей обязанностью рецензента слѣдуетъ признать указаніе ошибокъ и неточностей, вкравшихся въ разбираемое изслѣдованіе. Къ числу подобнаго рода промаховъ принадлежитъ неоднократно подмѣчаемое въ этой работѣ указаніе венеціанскихъ формъ вмѣсто обще-итальянскихъ, которыя являются ближайшими источниками греческихъ формъ; такъ слово καπονιέρα f. „cage à poules, nom des cerceaux, qui portent la couverture en toile d'une barque“ (Hess. 18) восходитъ не къ венец. *caponera*, а къ ит. *capponièra*;—καρβουνιέρα, tourmentin (petite voile qu'on met pendant l'orage) не къ вен. *carbonera*, а къ ит. *carboniera*.—τσοῦντα f. „palan“ (Hess. 33) не къ вен. *zonta*, а къ ит. *giunta*,—ταλιαμᾶς m. „taillemer, guibre“ не къ вен. *tagiamar*, а къ ит. *tagliamare*, иначе не объяснимъ звукъ λ греческаго слова (Hess. 31).—κανόνι n. kanone (Hess. 17) не съ вен. *canun*, а съ ит. *cannone*. — Уже Kretschmer, Byzant. Zeitschr. X, 584—586 подмѣтилъ фактъ, что въ греческихъ заимствованіяхъ изъ романскихъ языковъ рядомъ имѣются формы съ-ούνι и -όνι. Странно, что вѣнскій профессоръ не *объяснилъ* этого различія. Намъ кажется несомнѣннымъ, что формы съ-όνι заимствованы съ итальянскаго, а формы съ—ούνι съ венеціанскаго. Фактически обосновать эту догадку мы думаемъ въ статьѣ, предназначенной для Byz. Zeitschr.; теперь же замѣтимъ, что именно поэтому намъ кажется сомнительнымъ цѣлый рядъ сопоставленій Hesseling'а: такъ πιστόνι „piston“ (28) заимствовано не съ вен. *piston*, а съ ит. *pistone*; ποντόνι „ponton“ (28)—не съ вен. *ponton*, а съ ит. *pontone*,—ῥατσιόνι „ration“ (29) не съ вен. *razion*, а съ ит. *razione*,—

---

[1]) На греческомъ элементѣ въ русскихъ говорахъ Новороссіи нижеподписавшійся въ ближайшемъ будущемъ думаетъ остановиться въ подробности.

τιμόνι (32) не съ вен. *timon*, а съ ит. *timone* и т. д. Во многихъ случаяхъ измѣненія звуковъ романскихъ заимствованій на греческой почвѣ объясняется сближеніемъ романскихъ словъ съ болѣе употребительными или исконно-греческими словами путемъ такъ назв. народной этимологіи. Въ такихъ случаяхъ указаніе автора было бы весьма желательно; между тѣмъ мы его находимъ у Hesseling'а далеко не всегда. Такъ слово: καμαρίνο n. „gallerie du vaisseau" (Hess. 17) заимствовано съ ит. *camerino* и уже на греческой почвѣ подверглось народно-этимологическому сближенію съ κάμαρα, перешедшимъ также изъ латинскаго языка, куда оно въ свою очередь попало изъ древне-греческаго καμάρα.—Слово ροδάντσα f. „cosse" взято не съ венец. *radanchia*, а съ ит. *radazza*, при чемъ подверглось народно-этимологическому „прислоненію" къ ρόδον. — Слово κούφαρο врядъ ли заимствовано съ франц. *coffre*, скорѣе съ нѣмец. *coffer* (произношеніе: kôfa) Hess. 21; а κουφάρι „carcasse du navire" должно быть признано уменьшительнымъ образованіемъ съ суфф.-άρι уже на греческой почвѣ отъ κοῦφα, восходящаго къ древневерхненѣмецк. *chuofa* (см. G. Meyer., Alb. Wb. 203).—При φλέσσι, φλίσι n. flêche (longue vergue), Hess. 33 напрасно приводится ит. *freccia*; вѣдь источникомъ слова безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать французское слово.—τουρκετίνα дѣйствительно восходитъ къ ит. *trinchettina*, а τουρκέτο—къ ит. *trinchetto* (Hess., 32), но на образованіе этихъ формъ на греческой почвѣ повліяли слова τοῦρκος, τουρκεύω и пр. Слово σαλοῦπα, f. Hess. 30 заимствовано не съ венец. *sialupa*, что дало бы σιαλούπα, а съ ит. *scialuppa*, напротивъ слово καρτέρι квартира, (Hess. 19) взято не съ ит. *quartiere*, а съ соотвѣтствующей венеціанской формы.

Кромѣ этихъ неточностей въ упрекъ автору можно еще поставить и то, что онъ указываетъ слова, приведенныя уже его предшественниками по разработкѣ даннаго вопроса: такъ ἀβαρία уже раньше было приведено Pernot, Romanische Jahresberichte IV, 353, (Hess. 14);—ἀγιουτάντες (Hess. 14), мы находимъ также у Pernot, Rom. Jahrb. IV, 353; V, 364, — ἀγκουρέττο (Hess., 14) у Pernot ibid IV, 353;—ἀλάρω Hesseling, 14 мы находимъ уже у Pernot, ibid IV, 353; Kretschmer, Byz. Zeitschr VII, 405;—ἀνέλλο Hess. 14 — уже у Pernot c. l. и проч. Разумѣется эти мелкіе недостатки искупаются тѣми достоинствами, которыя мы подчеркнули уже въ началѣ своей рецензіи.—

Правда, настоящая работа далеко еще не исчерпываетъ вопроса о латино-романскомъ вліяніи на греческій языкъ: въ ней, равно какъ и въ другихъ Nachträge къ упомянутымъ выше работамъ G. Meyer'а, отсутствуютъ такія общеупотребительныя слова, какъ μπαστιοῦνι бастіонъ, Кипръ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας VI, 418 съ ит. *bastione*, вен. *bastion*, — μίνα взоръ ibid 416 съ ит. *mina* и т. д. Такимъ образомъ интересующіеся этимъ вопросомъ при изслѣдованіи его могутъ найти массу новаго матеріала. О важности подобной работы, въ которой слѣдовало бы обратить одинаковое вниманіе какъ на современные новогреческіе говоры, такъ и на памятники греческой литературы, начиная съ Полибія до нашихъ дней, не слѣдуетъ и распространяться: помимо того, что она замѣчательно важна въ

культурно-историческомъ отношеніи, ибо изслѣдуетъ пункты соприкосновенія двухъ обширныхъ міровъ, она, по своимъ результатамъ, любопытна и для историка латинскаго языка, занимающагося изученіемъ вульгарной латыни, матери романскихъ языковъ. Лишь послѣ собранія этого матеріала можно будетъ приступить къ разработкѣ темы, давно уже намѣченной датской Академіей Наукъ въ Копенгагенѣ [1]), лишь тогда можно будетъ опредѣлить, какія романскія слова вошли въ составъ славянскихъ языковъ чрезъ посредство греческаго и какія непосредственно отъ романскихъ народовъ, лишь тогда, наконецъ, можно будетъ произвести классификацію греческихъ говоровъ на историческихъ основаніяхъ, принимая въ соображеніе не только данныя фонетическія и морфологическія, но и данныя словаря.

М. Фасмеръ.

Библіотеки и Музеи г. Львова.

О книжныхъ и музейныхъ сокровищахъ г. Львова въ Галичинѣ можно составить довольно богатую библіографію. Были о нихъ коекакія извѣстія и въ русскихъ журналахъ 30-ыхъ и 40-ыхъ гг., особенно П. И. Кеппена и Д. И. Зубрицкаго. Наша задача, однако, не библіографическій обзоръ, а извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи львовскихъ библіотекъ. При чемъ — должно замѣтить, главное вниманіе обратили мы на отдѣлы старославянскихъ рукописей, церковнославянской старопечатной книги, славяновѣдѣнія, церковной археологіи и этнографіи, что̀ входитъ въ кругъ интересовъ „*Живой Старины*“.

Первое мѣсто по количеству рукописей, старопечатныхъ книгъ и церковныхъ предметовъ принадлежитъ новооснованному львовскимъ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ „*Церковному Музею*“. Въ немъ находится въ настоящее время болѣе 600 названій старопечатныхъ книгъ, начиная съ краковскихъ первенцевъ, обѣихъ Тріодей, и кончая львовскими изданіями конца XVIII в. Составъ этого отдѣла довольно одноцѣльный: первенцы славянскихъ типографій, первыя изданія книгъ церковнаго обихода, изданія юго-западнорусскихъ типографій, стремленіе къ полному составу изданій галицкихъ печатенъ. Благодаря болѣе чѣмъ щедрому жертволюбію основателя, главное же, его непрерывному сношенію съ русскимъ книжнымъ рынкомъ, этотъ отдѣлъ содержитъ много интересныхъ данныхъ, не только для мѣстныхъ библіотекарей, но и для русскихъ ученыхъ. Печатный каталогъ, впрочемъ, скажетъ въ недалекомъ будущемъ болѣе, чѣмъ случайное извѣстіе. Въ отдѣлѣ рукописей, 280 слишкомъ, обращаютъ наше вниманіе: Пандекты Антіоха Мниха, списанные кіевопечерскимъ мнихомъ Маркомъ 1307 г. на пергаменѣ красивымъ уставомъ, чистымъ южнорусскимъ правописаніемъ [2]); нѣсколько Прологовъ, Синтагма Матѳея Властаря, Кормчія, Торжественники, избран-

---

[1]) Положеніе латинскаго языка, какъ языка правленія въ восточно-римской Имперіи съ Константина Великаго до эпохи окончательной замѣны его греческимъ языкомъ и отношеніе этого языка къ литературѣ и школѣ. См. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur[2] 1136.

[2]) См. Отчетъ А. А. Кочубинскаго въ Зап. Одес. У-та, 1876 г.

ная служебная Минея съ проложными житіями и статьями—всѣ XVI в.; Басни Езоповы вмѣстѣ со Стефанитомъ и Ихнилатомъ сѣверно-русской редакціи 1-ой пол. XVII в; рядъ художественныхъ миньятюръ и орнаментовъ въ Ирмологіонахъ и Евангеліяхъ; наконецъ есть рукописи высокой научной цѣнности для историковъ мѣстной церкви и отношеній XVI—XVII в. Въ данномъ случаѣ — печатный каталогъ (опись рукописей уже готова) прольетъ много свѣта въ довольно неясную область давнопрошедшей галицкорусской культурной жизни. Очень хорошимъ дополненіемъ обоихъ отдѣловъ является собраніе греческихъ литургическихъ изданій и библіографическихъ справочниковъ. Въ отдѣлѣ церковной археологіи самое выдающееся мѣсто отведено иконописи и рѣзьбѣ по дереву. Небольшія царскія врата съ характерными изображеніями причащенія апостоловъ у своего Учителя, хлѣба и вина — отдѣльно, въ три краски—бѣлую, темнокирпичную и темную; два большихъ Деисуса, громадныя Страсти Христовы XVI в., рядъ намѣстныхъ иконъ съ лицевыми житіями и небольшихъ праздничныхъ, также не моложе XVI в., два громадныхъ „Страшныхъ Суда" XVII в.—со временемъ должны сослужить свою службу въ исторіи галицкорусскаго иконописанія, какого до сихъ поръ у насъ нѣтъ. Не меньше интереснымъ является отдѣлъ крестиковъ и складней XI—XII вв., собранныхъ каноникомъ А. С. Петрушевичемъ и подаренныхъ музею.

Второе мѣсто по богатству собраній принадлежитъ *Библіотекѣ Народнаго Дома*, особенно же ея отдѣлу „Музею А. С. Петрушевича". О нихъ не станемъ распространяться, такъ какъ рукописныя собранія Народнаго Дома описаны уже докладчикомъ (Изв. Ак. Наукъ 1904, кн. III и Лит. Наук. Сборн. 1904—5 г.); подробное же извѣстіе о Музеѣ А. С. Петрушевича дано нами во введеніи въ „Описи рукописей Музея... I, Льв. 1906 г.". Приведемъ развѣ данныя отчета Б-ки за 1906 г. (Вѣстникъ Народ. Дома. 1906 г., № 10, Приложеніе ст. 8—11): старопечатныхъ изданій имѣется въ Музеѣ Петрушевича 418 томовъ, всѣхъ же въ Б-кѣ 432; рукописей въ Музеѣ 341; всѣхъ же въ Б-кѣ 702; пергаменныхъ грамотъ всѣхъ 36, бумажныхъ 160.—Въ Археологическомъ Музеѣ Института находимъ рядъ различныхъ древнихъ предметовъ, очень интересныхъ, они однако теряются въ множествѣ неважной и случайной новизны.

Въ этомъ отношеніи собранія *Ставропигійскаго Института* и „*Науковою Товариства ім. Шевченка*" содержатъ настоящіе клады, если можно такъ назвать коллекціи колотыхъ кремневыхъ орудій, полированныхъ цельтовъ, топоровъ, ножей, наконечниковъ, сѣкиръ, издѣлій изъ металловъ, блестокъ, каменныхъ и глиняныхъ горшечковъ, коралловъ. Собранія *Оссолинеума, Музея Любомирскихъ, Дѣдушицкаго* и *Археологическаго кабинета* въ Университетѣ содержатъ, равнымъ образомъ, очень богатый матеріалъ по исторіи культуры первобытнаго человѣка.

Въ Музеѣ Ставропигійскаго Института самый богатый отдѣлъ грамотъ и актовъ, относящихся до Братства по конецъ XVII в. Этотъ отдѣлъ былъ уже не однажды использованъ: часть грамотъ была издана въ Юбилейномъ изданіи (1586—1886), другая въ Monument'ахъ Мильковича, книги же дѣловодства обработалъ А. С. Крыловскій въ Архивѣ Ю.-З. Россіи

Очень богатымъ былъ составъ рукописей и старопечатныхъ изданій въ періодъ Археологической выставки 1888 г. и слѣдующіе годы; когда, однако, депозиты перешли къ собственникамъ—отдѣлъ старопечатной книги очень съузился, какъ количественно, такъ и качественно. Отдѣлъ рукописей, однако, все еще очень богатъ. Въ немъ такой перлъ, какъ Кристинопольскій апостолъ XII в. на пергаменѣ, изданный проф. Калужняцкимъ; нѣсколько Прологовъ и Торжественниковъ XV—XVI в., Кормчія XVI—XVII в., Учительныя евангелія XVII—XVIII в., хорошіе списки богослужебныхъ книгъ, пѣсенники, Помянники XVI—XVII в.—Очень интересной для исторіи костюма является коллекція портретовъ (съ гробовъ) львовскихъ мѣщанъ XVII—XVIII в., вмѣстѣ съ нѣкоторыми иконами, въ которыхъ отразился костюмъ XVI—XVII в. (Рождество—пастыри, Введеніе во храмъ — Богородица и спутницы въ костюмахъ панянокъ XVII в.).

Этнографическій матеріалъ собранъ преимущественно въ *Музеѣ Дѣдушицкихъ*, особенно гуцульщина; въ Наук. Т-вѣ ім. Шевченка находится также немало хорошихъ предметовъ и коллекцій по этнографіи, только недостатокъ мѣста не позволяетъ Т-ву открыть постоянный Этнографическій Музей. У частныхъ собирателей — проф. Грушевскаго, Шухевича, художника Дембицкаго, митрополита Шептицкаго и др.—можно найти очень хорошія вещи изъ гуцульщины и народной старины; особенно хороша коллекція „писанокъ“ у худ. Дембицкаго.

Намъ осталось упомянуть о рукописныхъ собраніяхъ Святоонуфріевскаго Монастыря, Наукового Т-ва ім. Шевченка (240 №№ слишкомъ), Б-ки Оссолинскихъ (всего 32) и Университетской Б-ки. Главнѣйшія рукописи этихъ собраній были предметомъ „Обзора“ проф. Калужняцкаго въ 3—ьемъ археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ (см. Тр. 3-го арх. съѣзда 1874 г., т. II, ст. 213—321), а кромѣ того были частію использованы какъ мѣстными (Калитовскій О.—Апокрифична литература; Франко. Карпаторуське письменство, Апокріфи I—IV), такъ и русскими учеными (проф. Соболевскій, Голубевъ).

Изъ частныхъ собраній обращаютъ наше особенное вниманіе д-ра Франко (30 слишкомъ ц.-слав., около 80 н-ровъ собраній писемъ и пѣсенниковъ) и городского архиваріуса д-ра Чоловскаго.

Польскія библіотеки несравненно богаче русскихъ—но у галицкихъ русиновъ не было до сихъ поръ библіофиловъ-меценатовъ, да и книгу начали у насъ цѣнить и собирать только около 60-ыхъ годовъ, когда во Львовѣ уже были такія польскія библіотеки, какъ Оссолинскаго, Баворовскаго и Павликовскаго. Замѣтимъ кстати, что Exlibris львовскихъ библіотекъ нашло себѣ въ послѣднее время очень хорошаго обозрѣвателя въ молодомъ историкѣ Фр. Яворскомъ (см. Tydzień, dodatek do „Kurjera Lwowskiego“ 1906 г.).

И. Свѣнцицкій.

П. К. Симони въ настоящее время готовитъ къ печати обширный трудъ: „*Книга, книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ.* Книжные производители (писцы — каллиграфы и типографщики), обрядчики (знаменщики и переплетчики), распространители (книгопродавцы), хранители и почитатели (библіофилы и библіоманы) и описатели книгъ (библіографы)".

П. П. Гнѣдичъ работаетъ надъ новымъ изданіемъ „Исторія искусствъ", первый выпускъ котораго появится въ недалекомъ будущемъ.

Обширный трудъ **А. С. Хаханова** по исторіи грузинской словесности отъ ея возникновенія до самаго новѣйшаго времени, нынѣ, съ выходомъ 4 выпуска, законченъ.

Словарь польскаго языка, издаваемый подъ редакціею Крынскаго и Недзвецкаго, съ выходомъ 23-го выпуска, доведенъ до буквы Р.

Проф. Александръ Брюкнеръ выпустилъ на польскомъ языкѣ „Исторію польскаго языка". Трудъ этотъ предназначенъ не для спеціалистовъ-лингвистовъ, но для широкой публики, которая найдетъ въ немъ все, что „образованный полякъ обязанъ знать и помнить о происхожденіи своего языка, о перемѣнахъ, которымъ онъ подвергался въ теченіе вѣковъ, о его значеніи, богатствѣ и о тѣхъ ученыхъ, которые содѣйствовали его развитію".

М. Гандельсманъ выпустилъ монографію „Жизнь польскаго мужика въ началѣ XIX вѣка".

Сигизмундъ Глогеръ приступилъ къ изданію большого сочиненія о древней польской деревянной архитектурѣ и издѣліяхъ изъ дерева въ древней Польшѣ. Вышедшая первая часть этого труда заключаетъ въ себѣ около 100 илл.

Издательство Брокгаузъ—Ефронъ выпускаетъ на дняхъ сочиненіе Эрнеста Ренана „*Исторія израильскаго народа*".

Проф. китайскаго языка берлинской семинаріи д-ръ Форке выпустилъ интересное изслѣдованіе о народахъ Китая.

Въ переводѣ на чешскій языкъ вышло въ Прагѣ: сочиненіе Е. Линевой „Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи" (переводъ В. Крживанской).

Очерки В. Сѣрошевскаго о якутской области вышли въ Лейпцигѣ въ нѣмецкомъ переводѣ Т. Пеха.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда 1903 года, 10—20 августа. Изд. Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Тверь. 1906.

Въ этомъ огромномъ (болѣе 1200 стр.) томѣ этнографъ, историкъ и археологъ найдетъ очень много цѣннаго матеріала. Вначалѣ помѣщена исторія и обозрѣніе работъ второго областного въ г. Твери Съѣзда. Въ каталогѣ Археологической выставки имѣется цѣлый рядъ указаній на мѣстонахожденіе интересныхъ для многихъ спеціалистовъ предметовъ. На стр. XXXI—LXXXVI помѣщенъ дневникъ Съѣзда, съ которымъ читателю того или иного доклада приходится справляться, такъ какъ здѣсь записаны пренія, возникавшія по поводу даннаго доклада. Здѣсь же помѣщено и описаніе экскурсій, совершенныхъ участниками Съѣзда въ разныя мѣста Тверской губ.

Далѣе слѣдуетъ текстъ докладовъ. Изъ 58 прочитанныхъ на засѣданіяхъ Съѣзда докладовъ въ „Трудахъ“ напечатано 50. Изъ остальныхъ докладовъ нѣкоторые появились въ другомъ мѣстѣ, нѣкоторые еще не напечатаны. Всѣ доклады распредѣлены по отдѣламъ: I. Первобытныя древности—10 докладовъ; II. Областная исторія. Памятники гражданской старины — 18 докладовъ; III и V. Живая старина. Областная этнографія—5 докладовъ; IV. Областная исторія. Памятники церковной старины—11 докладовъ; VI и VII. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Отдѣлы III и V, занимающіе 125 стр., содержатъ пять слѣдующихъ докладовъ: „Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ“ А. Г. Первухина; „Свадебныя причитанья Костромского края со стороны содержанія и формы“ В. А. Андроникова; „Свадебные крестьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской вол., Бѣжецкаго у., Тверской губ.“ В. Н. Мальковскаго; „Замѣтка о ку-

ричьемъ богѣ въ Костромской губ." Н. М. Бекаревича и „О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ" д-ра А. О. Гейкель. Три первыхъ доклада (занимающіе 114 стр.) посвящены болѣе или менѣе детальному описанію свадебныхъ обрядовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ростово-Суздальской области.

Свадебный ритуаль почти вездѣ еще сохранился въ большей или меньшей степени неповрежденности. Его сопровождаетъ значительное количество пѣсенъ, причетовъ и наговоровъ. Матеріалъ для записей обильный — что обыкновенно и соблазняетъ начинающихъ собирателей. Но, при всемъ обиліи этого рода матеріала, въ немъ мало чего либо новаго, такъ какъ описаній свадебъ существуютъ буквально десятки для каждой губерніи. Авторы названныхъ *выше* докладовъ даже не дали себѣ труда справиться съ литературой о свадьбахъ въ данной мѣстности; а сдѣлать это было бы и нетрудно и далеко нелишне. Они или описываютъ по порядку все видѣнное и слышанное на одной свадьбѣ (гг. Первухинъ и Мальковскій) или сводятъ въ томъ же хронологическомъ порядкѣ матеріалы, записанные на пространствѣ цѣлой губерніи (г. В. Андрониковъ). Получается работа, пригодная почти что только для географіи обряда, пѣсни, причета и т. д.

Почти незатронутый вопросъ о такъ называемыхъ „куричьихъ богахъ" пытается разрѣшить, нынѣ уже покойный, археологъ и этнографъ Н. М. Бекаревичъ. Но, по недостаточности собранныхъ данныхъ и неправильной постановкѣ, вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ, ожидая дослѣдованія и привлеченія новыхъ матеріаловъ. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что авторъ пользуется довольно недостовѣрными источниками, не дѣлаетъ точныхъ ссылокъ и, повидимому [1]), упустилъ изъ виду большую статью доктора М. Н. Комарова, посвященную тому же вопросу.

Небольшая ($2^1/_2$ стр.) работа др. Гейкеля находится въ связи съ демонстрированіемъ имъ около 200 головныхъ уборовъ съ узорами, собранныхъ въ корельскихъ селеніяхъ Тверской губ. Характеризуя узоры, авторъ останавливается на трехъ мотивахъ орнамента: 1) изображеніе дерева съ животными по сторонамъ; 2) свастика и 3) рѣшетчатый или сѣтчатый, арабескообразный и звѣздчатый орнаментъ. Эти орнаменты, по мнѣнію д-ра Гейкеля, являются типичными для финскихъ племенъ.

Въ докладахъ I отдѣла читатель найдетъ цѣлый рядъ данныхъ по матеріальной культурѣ первобытныхъ насельниковъ Ростово-Суздальской области. Изъ II отдѣла слѣдуетъ отмѣтить доклады А. И. Соболевскаго „Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о праславянской родинѣ"; Н. Н. Овсянникова „О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества"; М. В. Рубцова „Деньги великаго княжества Тверского"; В. И. Колосова „Къ исторіи Тверского Музея";

---

[1]) Я говорю, повидимому, такъ какъ изъ словъ Н. М. Бекаревича нельзя *понять* цитируетъ онъ эту статью, или же опирается на краткое сообщеніе *того же* автора.

А. И. Струженскаго „Очерки къ исторіи медицины въ Россіи“ и А. С. Мадуева „Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ“. Изъ IV отдѣла—докладъ Н. Г. Первухина „Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля“. Въ VI отдѣлѣ — В. Н. Перетца „Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей“ и А. Ѳ. Селиванова „Къ исторіи изученія Тверской губерніи“.

Н. В—въ.

Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи (годъ двадцать первый) № 40. Подъ редакц. правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь, 1907. 115 стр.

Въ этомъ выпускѣ болѣе интересныя для насъ: работы находятся въ концѣ. Замѣтка свящ. Н. Саркина „Татарско-Мусульманскія преданія, касающіяся пророка Давида и Вирсавіи“ даетъ два текста татарской легенды о грѣхопаденіи Давида. Болѣе интересенъ первый варіантъ, взятый изъ написанной въ 809 г. гиджры на джагатайскомъ нарѣчіи книги „Разсказы о пророкахъ“. Другой крымско-татарскій варіантъ приведенъ въ подлинникѣ и переводѣ.

А. Кашпаръ въ статьѣ „Императоръ Александръ I—пахарь въ окрестностяхъ Глубокой въ Чехіи“ сообщаетъ чешскія пѣсни и преданія, имѣющія своимъ сюжетомъ пребываніе Александра I въ окрестностяхъ чешскихъ Будѣйовицъ (Будвейсъ—городъ въ южной Чехіи) и проведеніе имъ борозды плугомъ на полѣ одного крестьянина.

„Замѣтка о древностяхъ въ окрестностяхъ д. Кекенеизъ, Ялтинскаго уѣзда“ прив.-доц. В. Данилевича содержитъ краткія свѣдѣнія о каменныхъ дольмено-образныхъ могилахъ (VI—V в. до Р. Хр.) и ящикообразныхъ могилахъ на урочищѣ Катра-Ташкаръ (XIII—XIV в.), объ обломкахъ черепицъ съ клеймами и пр.

Интересна переведенная съ чешскаго языка работа „О настѣнныхъ изображеніяхъ и рисункахъ въ пещерахъ палеолитическаго человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“. Къ тексту приложены 22 рис. и VI таблицъ снимковъ съ рисунковъ на скалахъ, камняхъ и костяхъ, сдѣланныхъ первобытными людьми и современными дикарями. Страннымъ только кажется появленіе подобныхъ работъ въ спеціально мѣстныхъ изданіяхъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше въ книжкѣ помѣщены еще: „Переписка патріарха Іоакима съ воеводами, бывшими въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ“, съ портретомъ патр. Іоакима—Л. М. Савелова; „Способъ поддѣлки древнихъ босфорскихъ монетъ М. Сазоновымъ, разсказанный имъ самимъ“ и „Ашикъ и Карейша“—В. В. Шкорпила; „Протоколы засѣданій Таврической ученой архивной Комиссіи“ въ 1906—1907 г.

Н. В—въ.

Харузина, В. Н. Къ вопросу о почитаніи огня. Введеніе въ программу для собиранія свѣдѣній о почитаніи огня у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, съ приложеніемъ программы. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1906 г., № 3 и 4, стр. 68—205 (М. 1907).

Обширный трудъ г-жи *Харузиной* распадается, какъ это видно изъ подзаголовка, на двѣ части: „программу" и „введеніе" къ ней, которыя „имѣютъ цѣлью дать болѣе или менѣе нужное ему орудіе въ руки изслѣдователя, пожелавшаго спеціально заняться въ Россіи однимъ явленіемъ въ области духовной культуры человѣчества: почитаніемъ огня". Авторъ справедливо говоритъ, что окончательнымъ выводамъ по многимъ вопросамъ этнографіи „должно предшествовать глубокое изученіе отдѣльныхъ явленій". Но такому изученію мѣшаютъ отрывочность накопленнаго этнографіей матеріала по любому вопросу, сдѣланные собирателями пропуски и ошибки, вслѣдствіе „недостаточной ихъ освѣдомленности съ научными выводами этнографіи", и, наконецъ, то обстоятельство, что „весьма нерѣдко они обходятъ вопросомъ какое-нибудь явленіе, потому что не подозрѣваютъ его значенія; нерѣдко они не замѣчаютъ, мимо какихъ существенно важныхъ моментовъ они проходятъ" (стр. 68—9). Все только что сказанное въ полной мѣрѣ относится и къ такому важному отдѣлу этнографіи, какъ культъ огня и связанные съ нимъ вѣрованія, обряды и обычаи того или другого народа. Чтобы дать возможность будущему собирателю свѣдѣній о почитаніи огня „сознательно относиться не только къ занимающему его явленію, но, путемъ сопоставленія съ другими, и къ ряду другихъ", г-жа Харузина сгруппировала въ своемъ трудѣ разсѣянныя въ разныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ данныя по всѣмъ отдѣламъ своей программы, заключающей въ себѣ 290 вопросовъ. Вопросы эти распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: а) Почитаніе огня, какъ стихіи. Персонификація огня. Связь огня съ родовымъ культомъ. б) Представленія о солнцѣ, молніи, блуждающихъ огняхъ, огнедышащихъ горахъ и проч. в) Народные игры, словесность, искусство, орнаментъ. г) Представленія о свойствахъ огня. д) Почитаніе огня. Собиратели, которые пожелали бы расширить свои познанія по данному вопросу, найдутъ въ выноскахъ указанія на литературу предмета, какъ русскую, такъ и иностранную. Я позволю себѣ дополнить здѣсь приведенную у г-жи Харузиной литературу указаніями на слѣдующія, повидимому, неизвѣстныя ей изданія: 1) Верхоянскій Сборникъ *И. А. Худякова* (Ирк. 1890), содержащій, между прочимъ, не пересказъ, какъ у Горохова, на котораго ссылается г-жа Харузина, а точный переводъ якутской сказки Юрюнг Уолан и многихъ другихъ, дающихъ незамѣнимый матеріалъ для этнографа, 2) Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ *В. Ф. Трощанскаго* (Казань, 1897), гдѣ удѣлено достаточно вниманія и вопросу о культѣ огня, и 3) Эволюція Черной вѣры (шаманства) у якутовъ *В. Ф. Трощанскаго* (Казань, 1902. Отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета). Въ послѣднемъ сочиненіи этнографъ можетъ найти нѣкоторыя поправки къ даннымъ, заимствованнымъ г-жею Харузиною изъ изслѣдованія г. Сѣрошевскаго: „Якуты"; къ сообщеніямъ котораго вообще слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, о чемъ намъ уже неоднократно приходилось говорить. Между прочимъ, напрасно г. Сѣрошевскій, а вслѣдъ за нимъ и г-жа Харузина, считаютъ прижиганіе зажженнымъ трутомъ или

тряпкою, извѣстное у врачей подъ именемъ *моксы*, явленіемъ рѣдкимъ, встрѣчающимся только у якутовъ. Такой способъ лѣченія употребителенъ еще и теперь въ Японіи (Энциклопедическій Словарь *Брокгауза*, т. XIX, стр. 615: Мокса), а также, подъ именемъ "ѣдно" или „ядно", среди крестьянъ Архангельской губерніи (*Даль*, Толковый Словарь, т. II, стр. 882, 3-е изд.).

Не можемъ не отмѣтить также замѣченной нами неточности въ приведеніи цитатъ изъ Сѣрошевскаго и Горохова (стр. 73), похожихъ скорѣе на изложеніе своими словами, чѣмъ на буквальную передачу текста, на которую указываютъ заключающія цитаты кавычки.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы интересный трудъ г-жи Харузиной вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и получилъ, такимъ образомъ, болѣе обширное распространеніе, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ, пріобрѣтеніе же спеціальнаго этнографическаго журнала или отдѣльной его книги со статьею г-жи Харузиной не всегда и не для всѣхъ интересующихся предметомъ доступно.

Эд. Пекарскій.

50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора изъ собранныхъ въ 1902 г. въ Саратовской губ. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ. Положилъ на голоса *И. В. Некрасовъ*. Сочиненіе литера Ж. Издано съ Высочайшаго соизволенія Пѣсенною Комиссіей И. Р. Г. О. Москва. 1907 г.

Какъ видно изъ краткаго предисловія, съ Высочайшаго соизволенія въ 1897 г. была учреждена особая Пѣсенная Комиссія для составленія и изданія отдѣльныхъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ числа собранныхъ пѣсенными экспедиціями И. Р. Г. О., для распространенія ихъ среди пѣвцовъ художниковъ и любителей, среди войскъ, а также въ попечительствахъ о народной трезвости и въ школахъ. Настоящій выпускъ (52 стр. большого формата) изданъ этою Комиссіей. Онъ составляетъ третью часть второго тома хорового сборника и предназначается, главнымъ образомъ, для войскъ, а также для любителей хорового пѣнія. Изъ числа собранныхъ И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ въ 1902 г. въ Саратовской губерніи въ настоящій выпускъ вышло лишь 50 пѣсенъ, кои распредѣлены на 12 группъ: I. Пѣсня вродѣ духовнаго стиха; II. Былина; III. Коляды (4 пѣсни); IV. Свадебныя (7); V. Вёшнія (7); VI. Хороводныя (2); VII. Плясовыя (4); VIII. Частая (1); IX. Протяжныя (20); X. Рекрутская (1); XI. Воинская (1) и XII. Шуточная (1). Выборъ пѣсенъ, ихъ обработка и подтекстовка принадлежитъ И. В. Некрасову. Пѣсни положены на ноты итальянской системы съ текстомъ внизу, подъ которымъ обозначена мѣстность, гдѣ пѣсня записана.

Выпускъ предназначенъ для мужскихъ голосовъ: 20 пѣсенъ положены на два голоса (теноръ и басъ); 27 на три (I и II теноръ и басъ) и 3 на четыре голоса (I и II теноръ и I и II басъ).

Изданъ выпускъ безукоризненно и вполнѣ соотвѣтствуетъ предназначенный цѣли (для войскъ и любителей хорового пѣнія), но въ

этнографическомъ отношеніи не имѣетъ научной цѣнности, такъ какъ пѣсни обработаны искусственно и, приспособленыя для мужского хорового пѣнія, не даютъ яснаго представленія о той своеобразной музыкальной прелести, какою отличаются русскіе народные мотивы. Цѣна небольшой тетради нѣсколько высока.

А. Сержпутовскій.

В. И. Срезневскій. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ. По спис[ку] XVII в. библіотеки Академіи Наукъ. СПб. 1907.

Этотъ оттискъ изъ „Извѣстій Отд. р. яз. и сл. И. А. Н.", содержитъ въ себѣ новый варіантъ старинной эротической повѣсти „Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ". Напечатанъ онъ по рукописи кон[ца] XVII в. и даетъ болѣе полный и болѣе исправный текстъ „Сказанія", чѣмъ ранѣе напечатанные два варіанта. Въ концѣ, въ видѣ приложенія, напечатанъ отрывокъ той же повѣсти (начало). „Эта послѣдняя находка, полученная изъ первыхъ рукъ, даетъ право думать, что повѣсть эта не такая рѣдкая вещь, какъ думали до сихъ поръ, и что списки ея еще ходятъ по рукамъ"... Интересно отмѣтить, что три изъ четырехъ извѣстныхъ списковъ повѣсти—сѣвернаго происхожденія.

Н. В—въ.

Ст. Смоленскій. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. (Отдѣльный оттискъ изъ „Русской Музык. Газеты", 1907 г., №№ 9—10).

Авторъ написалъ небольшую брошюру (26 страницъ), въ которой затронулъ очень любопытный вопросъ объ особомъ у насъ на Руси искусствѣ колокольнаго звона. Кто любитъ своеобразную, дивно-торжественную, чисто русскую симфонію, когда талантливый виртуозъ-звонарь изъ чудеснаго органа созвучныхъ, подобранныхъ по камертону колоколовъ извлекаетъ иной разъ самые удивительные ритмическіе и мелодическіе экспромты, когда издали чудится, что въ воздухѣ разливается какъ бы отъ Эоловой арфы, то замирая, то усиливаясь, протяжный хоралъ необычайно мягкихъ мажорныхъ и минорныхъ аккордовъ, чарующихъ массой новыхъ эффектовъ и уносящихъ слушателя въ горній, таинственный міръ, — тотъ найдетъ въ брошюрѣ г. Смоленскаго очень много интереснаго.

Авторъ, повидимому, большой любитель русскаго колокольнаго звона; съ увлеченіемъ, доходящимъ до поэзіи, говоритъ объ этомъ заброшенномъ искусствѣ и объ его артистахъ-виртуозахъ. Онъ справедливо жалуется, что на искусство колокольнаго звона почти никто не обращалъ вниманія, хотя эта своеобразная чисто русская музыка заслуживаетъ иной участи: она интересна не только узкому спеціалисту, артисту-композитору или этнографу, но и каждому образованному человѣку, который пожелаетъ ознакомиться съ искреннимъ чисто народнымъ искусствомъ, хранимымъ простыми людьми.

Нельзя не пожалѣть, что эта статья появилась въ спеціальн[омъ] органѣ, а отдѣльные оттиски, повидимому, не предназначены [къ] распространенію ихъ среди большой публики, между тѣмъ, п[о]ряю, эта брошюра читается съ удовольствіемъ.

А. Сержпутовс[кій].

А. И. Струженскаго „Очерки къ исторіи медицины въ Россіи“ и А. С. Мадуева „Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ“. Изъ IV отдѣла—докладъ Н. Г. Первухина „Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля“. Въ VI отдѣлѣ — В. Н. Перетца „Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей“ и А. Ѳ. Селиванова „Къ исторіи изученія Тверской губерніи“.

Н. В—въ.

Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи (годъ двадцать первый) № 40. Подъ редакц. правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь, 1907. 115 стр.

Въ этомъ выпускѣ болѣе интересныя для насъ: работы находятся въ концѣ. Замѣтка свящ. Н. Саркина „Татарско-Мусульманскія преданія, касающіяся пророка Давида и Вирсавіи“ даетъ два текста татарской легенды о грѣхопаденіи Давида. Болѣе интересенъ первый варіантъ, взятый изъ написанной въ 809 г. гиджры на джагатайскомъ нарѣчіи книги „Разсказы о пророкахъ“. Другой крымско-татарскій варіантъ приведенъ въ подлинникѣ и переводѣ.

А. Кашпаръ въ статьѣ „Императоръ Александръ I—пахарь въ окрестностяхъ Глубокой въ Чехіи“ сообщаетъ чешскія пѣсни и преданія, имѣющія своимъ сюжетомъ пребываніе Александра I въ окрестностяхъ чешскихъ Будѣйовицъ (Будвейсъ—городъ въ южной Чехіи) и проведеніе имъ борозды плугомъ на полѣ одного крестьянина.

„Замѣтка о древностяхъ въ окрестностяхъ д. Кекенеизъ, Ялтинскаго уѣзда“ прив.-доц. В. Данилевича содержитъ краткія свѣдѣнія о каменныхъ дольмено-образныхъ могилахъ (VI—V в. до Р. Хр.) и ящикообразныхъ могилахъ на урочищѣ Катра-Ташкаръ (XIII—XIV в.), объ обломкахъ черепицъ съ клеймами и пр.

Интересна переведенная съ чешскаго языка работа „О настѣнныхъ изображеніяхъ и рисункахъ въ пещерахъ палеолитическаго человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“. Къ тексту приложены 22 рис. и VI таблицъ снимковъ съ рисунковъ на скалахъ, камняхъ и костяхъ, сдѣланныхъ первобытными людьми и современными дикарями. Страннымъ только кажется появленіе подобныхъ работъ въ спеціально мѣстныхъ изданіяхъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше въ книжкѣ помѣщены еще: „Переписка патріарха Іоакима съ воеводами, бывшими въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ“, съ портретомъ патр. Іоакима—Л. М. Савелова; „Способъ поддѣлки древнихъ босфорскихъ монетъ М. Сазоновымъ, разсказанный имъ самимъ“ и „Ашикъ и Карейша“—В. В. Шкорпила; „Протоколы засѣданій Таврической ученой архивной Комиссіи“ въ 1906—1907 г.

Н. В—въ.

Харузина, В. Н. Къ вопросу о почитаніи огня. Введеніе въ программу для собиранія свѣдѣній о почитаніи огня у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, съ приложеніемъ программы. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1906 г., № 3 и 4, стр. 68—205 (М. 1907).

Не ограничиваясь этимъ, авторъ стремится выяснить также и историческій ходъ развитія украинской народной ритмики, стороннія вліянія и пр. Столь сложную задачу, требующую многихъ подготовительныхъ работъ, совершенно не подъ силу разрѣшить одному человѣку, тѣмъ болѣе въ сравнительно небольшой статьѣ. Поэтому неудивительно, что работа Ф. Колессы страдаетъ многими недочетами. Не входя въ подробное разсмотрѣніе названной статьи, отмѣтимъ только между прочимъ неясность и даже неопредѣленность въ сужденіяхъ автора и въ разрѣшеніи имъ нѣкоторыхъ вопросовъ.

Такъ, авторъ говоритъ, что онъ пользовался общею теоріей ритма; но, что это за теорія, онъ умалчиваетъ. Да и что можно сказать, когда этотъ вопросъ, особенно относительно ритма въ народной поэзіи, еще ждетъ изслѣдователей.

Совершенно не понятно, что Ф. Колесса разумѣетъ подъ *основою* украинской народной ритмики и почему онъ не признаетъ „складочисленe" за такую основу? Вѣдь самъ же онъ считаетъ счетъ слоговъ за внѣшнее выраженіе внутренней симметріи и равномѣрности въ строѣ высшей ритмической единицы (синтаксическая скала) тѣмъ болѣе, что въ числахъ, говоритъ Ф. Колесса, лучше всего можно дать ритмическую схему стиха и что между числовыми отношеніями стихотворныхъ группъ и тоновъ музыкальныхъ существуетъ тѣсная связь. Отказываясь отъ слогочислительнаго стихосложенія въ украинской поэзіи Ф. Колесса тутъ же и признаетъ его. Если же число слоговъ не является основою украинскаго стиха, то съ какой же стати авторъ группируетъ всѣ пѣсни, пользуясь принципомъ слогочислительнаго стихосложенія?! Думается, что въ данномъ случаѣ отразилась классификація А. Потебни (Рец. на сбор. Головацкаго), располагавшаго пѣсни по числу слоговъ въ стихѣ и полустихѣ. Вообще нужно сказать, что принципъ украинскаго пѣсеннаго стиха не выясненъ авторомъ съ надлежащей отчетливостью.

Все это, а равно и другіе промахи и недочеты разсматриваемой работы заставляютъ читателя относиться къ ней съ осторожностью.

Не можемъ не пожалѣть, что авторъ не понаблюдалъ пѣнія пѣсенъ въ ихъ естественной средѣ; тогда нѣкоторые факты печатныхъ сборниковъ, на которые онъ ссылается, могли получить иное толкованіе. Не отрицая научной цѣнности ихъ, мы однако рекомендовали бы относиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ нимъ критически. Что напр., въ пѣснѣ: „Плини, плини сиве пюрце, долів заводов" означаетъ неритмическая стѣна ритма:

$^2/_4 + ^2/_4 + ^4/_4$

$^3/_4 + ^2/_4 + ^4/_4$? (IV вып., стр. 103 из. Етн. Збір. XI, стр. 156).

Почему въ первомъ стихѣ первый ритмъ $^2/_4$, а во второмъ стихъ $^3/_4$? и почему Ф. Колесса тотъ и другой стихъ схематизируетъ одинаково:

$(4 + 4 + 5)$?

Почему наконецъ, авторъ усматриваетъ здѣсь три колѣна, а не два (8 + 5)? Вѣдь не передадимъ же мы стихъ коломыйки:

$$^2/_4 + ^2/_4 + ^2/_4 + ^2/_4$$

такъ: 4 + 4 + 4 + 4?

Съ своей стороны мы уже высказывались относительно слогочислительнаго стихосложенія въ украинскихъ пѣсняхъ въ Изв. II отд. Имп. Ак. Н. 1907 г., кн. I (Къ вопросу о коломыйкахъ).

По другимъ частямъ работы Ф. Колессы выскажемся по ознакомленіи съ нею цѣликомъ.

А. Зачиняевъ.

Козацкі часи в народній пісни, з замітками *В. Будзиновскаго.* Львів. Накладом В. Будзиновского (годъ не означенъ). Стр. VIII+327.

Въ такой книгѣ давно нуждается такъ называемый „широкій читатель" не только въ Галиціи, но и па Украйнѣ, и мы убѣждены, что не найдется никакихъ препятствій для распространенія книги В. Будзиновскаго въ Россіи.

Здѣсь собраны лучшія украинскія пѣсни, какъ спеціально казацкаго періода, кончая уничтоженіемъ Новой Сѣчи, такъ и тѣ, которыя относятся къ исторіи болѣе ранней борьбы Южной Руси съ татарами и турками. Составитель воспользовался изданіями Антоновича и Драгоманова, изданіями, кстати сказать, дорогими и сравнительно малодоступными, а также 288 книжками „Кіевской Старины". Но перепечатка сдѣлана имъ не всегда буквально. Лучшіе варіанты, напечатанные въ указанномъ изданіи Антоновича и Драгоманова отдѣльно, внесены здѣсь въ основной текстъ; къ нимъ прибавлены отрывки, которые когда-то принадлежали самостоятельнымъ пѣснямъ наконецъ, большія пѣсни, составленныя путемъ соединенія въ устахъ позднихъ пѣвцовъ, расчленены на первоначальныя части и т. д. Правописаніе, конечно, также измѣнено; что касается языка, то измѣнено лишь то, что можетъ быть названо въ большей или меньшей степени „москвицизмами". Кромѣ того, изучая историческую основу пѣсенъ въ связи съ документальными источниками, В. Будзиновскій иногда вносилъ въ текстъ такія собственныя имена и названія, которыя, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. Конечно, такой пріемъ слишкомъ смѣлъ и можетъ повести къ недоразумѣніямъ, о чемъ мы и желаемъ предупредить интересующихся южно-русскимъ фольклоромъ. Такимъ образомъ, научнаго значенія изданіе это не имѣетъ, на что вполнѣ опредѣленно указываетъ въ предисловіи и самъ составитель, опустившій даже цитаты, которыя интересны для спеціалистовъ и ничего не говорятъ для обыкновеннаго читателя.

Вполнѣ естественно, что первымъ же результатомъ редакторской работы г. Будзиновскаго, опытнаго популяризатора и прекраснаго стилиста, является то, что въ его изданіи пѣсни вышли стройными, изящными, красивыми, удобными для чтенія и даже для декламаціи,

хотя вообще народныя произведенія поются, а не читаются. Въ то же время, по мѣрѣ возможности, имъ не искажена и этнографическая сторона пѣсенъ, такъ какъ составитель хорошо постигъ духъ народнаго творчества, а „этнографическій тактъ“ не позволилъ ему вводить неподходящія къ общему колориту выраженія или слова. Не менѣе цѣнными слѣдуетъ назвать и небольшія предисловія къ каждой группѣ пѣсенъ, напримѣръ, „Борьба съ татарами и турками“ (стр. 1—8), „Борьба казачества съ Польшей“ (142—151), „Уничтоженіе Запорожья“ (289—299), а также рядъ вводныхъ замѣтокъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ: о Самуилѣ Кишкѣ (58—61), Взятіе Азова (73), Походъ Свирговскаго на Молдавію (75—76), Жена атамана Богданка (77—78), Иванъ Сѣрко (90—94), Маруся Богуславна (100—101), Смерть Байды (121—122), Польско-еврейскій гнетъ и возстанье (165—170), Походъ на Молдавію (202—203), Битва подъ Берестечкомъ (207—209), Мазепа, Петрикъ и Палій (232—236), Грабежъ Украйны (243—247), Военные походы XVIII вѣка (261—263) и мн. др. Написаны онѣ живо, съ темпераментомъ, въ общихъ чертахъ согласны съ исторіей и всегда красивы. Послѣднія качества предисловій и вводныхъ замѣтокъ искупаютъ нѣкоторыя фактическія неточности и враждебный тонъ къ представителямъ враговъ малорусскаго казачества былыхъ временъ.

Книга В. Будзиновскаго можетъ и должна послужить образцомъ для аналогичнаго собранія общерусскихъ историческихъ пѣсенъ, для доступнаго изданія ихъ въ цѣляхъ популяризаціи фольклора среди слишкомъ равнодушнаго къ нему „широкаго читателя“.

А. Яцимирскій.

Э. Пекарскій. Къ вопросу о происхожденіи слова „тунгусъ“. Отд. отт. изъ „Этногр. Обозр.“, 1906, № 3—4.

Знатокъ якутскаго языка и быта инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь, *Э. К. Пекарскій* въ своей статьѣ даетъ подробный разборъ статьи А. И. Шиманьскаго, сдѣлавшаго въ томъ же „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (за 1905 г., № 4, стр. 109) попытку выяснить происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“. Соглашаясь съ доводами Э. Пекарскаго, редакція „Этнографическаго Обозрѣнія“ оговаривается въ примѣчаніи, что помѣщая въ 67-ой книгѣ статью г. Шиманьскаго, она „не имѣла въ то время возможности дать ее на просмотръ спеціалисту якутскаго языка“ и что въ настоящее время этотъ промахъ она охотно возмѣщаетъ критической статьей Эд. Пекарскаго (стр. 206).

Прочитывая глубокомысленныя разсужденія и тонкости филологическихъ аналогій г. Шиманьскаго, невольно является вопросъ: для какой цѣли почтенный беллетристъ написалъ эту работу? Если для того, чтобы лишь дать головоломную статью, то онъ забываетъ, что эта забава многимъ приноситъ вредъ: одни даромъ утомляютъ зрѣніе при чтеніи „серьезныхъ научныхъ трудовъ“, другіе же ради выясненія истины затрачиваютъ время на написаніе критическихъ отзывовъ. Для автора прекраснымъ примѣромъ, могъ бы служить

г. Сѣрошевскій, о которомъ упоминаетъ и г. Пекарскій въ своей критической статьѣ. Обнаруживъ огромный художественный талантъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ, г. Сѣрошевскій, которому, какъ и г. А. Шиманьскому, не достаетъ основательнаго знакомства съ языкомъ и бытомъ якутовъ, сдѣлалъ въ своемъ большомъ этнографическомъ трудѣ объ этомъ народѣ много непростительныхъ ошибокъ.

Статья г. Пекарскаго и не спеціалистами читается съ большимъ интересомъ.

А. Сержпутовскій.

Waldemar Iochelson. Kumiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. New-York, 1906.

Книжка подъ этимъ заглавіемъ представляетъ отдѣльный оттискъ итатьи В. И. Іохельсона, помѣщенной въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ въ честь двадцатипятилѣтней ученой дѣятельности извѣстсаго американскаго этнолога проф. Франца Боаза (Boas anniversary Volume. Anthropological Papers written in honor of Franz Boas, professor of Anthropology in Columbia University, New York, 1906).

Авторъ указанной статьи составилъ во время своего путешествія (1900—1902) по сѣверо-восточной Сибири для Американскаго Музея Естественныхъ Наукъ въ Нью-Іоркѣ, между прочими этнографическими коллекціями, и значительную якутскую коллекцію. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ также старинные и весьма цѣнные экземпляры всякаго рода посуды изъ кожи, бересты и дерева, употреблявшейся для приготовленія, храненія, потребленія кумыса и во время кумысныхъ праздниковъ, такъ называемыхъ ысыах'овъ, теперь совершенно исчезнувшихъ. Одинъ такой праздникъ былъ спеціально для В. И. Іохельсона устроенъ якутами въ Ботурусскомъ улусѣ, къ востоку отъ Якутска. Авторъ описываетъ прежнее значеніе кумыса въ хозяйственной части якутовъ, культъ лошади и приготовленіе кумыса. Онъ останавливается подробно на кумысныхъ праздникахъ, имѣвшихъ какъ религіозный, такъ и общественный характеръ. Они устраивались весной и осенью. Весенній праздникъ устраивался въ честь творческихъ божествъ, а осенній—для умиротворенія разрушительныхъ силъ. Особый интересъ въ этой статьѣ представляетъ описаніе орнаментаціи кумысной посуды, главнымъ образомъ, большихъ деревянныхъ бокаловъ (чорōн). Декоративные мотивы образуютъ почти исключительно геометрическій, скюоморфный орнаментъ. Животный орнаментъ, въ смыслѣ реалистическаго или стилизированнаго изображенія животныхъ и людей, отсутствуетъ. Имѣется только изображеніе части животнаго, какъ конское копыто, человѣческій палецъ, ноготь или позвонокъ. Растительный орнаментъ рѣдокъ и, судя по якутскому названію усуор (съ русскаго *узоръ*), онъ заимствованъ изъ русскихъ декоративныхъ мотивовъ. Всѣ основныя фигуры якутскаго орнамента на кумысныхъ сосудахъ, геометрическаго характера, имѣютъ спеціальныя якутскія названія. При статьѣ имѣются 6 отдѣльныхъ фотографическихъ таблицъ и въ текстѣ рисунки декоративныхъ мотивовъ.

Слѣдуетъ отмѣтить одну опечатку въ статьѣ. На стр. 267, седьмая строка снизу, вмѣсто tonohos oyū, что значитъ позвонокъ-орнаментъ, должно быть köhüör oyū = кумысный сосудъ орнаментъ.

В.

Dr. Josef Karasek. Slavische Litteratur-geschichte. Sammlung Göschen. Leipzig. 1906. Давно уже чувствуется потребность въ новой работѣ по исторіи славянскихъ литературъ, такъ какъ вышедшая болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ исторія славянской литературы Пыпина и Спасовича въ настоящее время во многихъ частяхъ устарѣла. „Исторія славянской литературы" д-ра Карасека отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ. Положивши въ основу своей работы трудъ Пыпина, авторъ дополнилъ его свѣдѣніями о новѣйшемъ періодѣ славянскихъ литературъ. Наиболѣе подробно разработана чешская и польская литература. Сербская, хорватская, лужицко-сербская и словенская представлены слабѣе. Совсѣмъ мало мѣста удѣлено болгарской литературѣ. Кирилло-меѳодіевская эпоха изложена неполно и довольно поверхностно; богомильство—тоже. Русской и малорусской литературы авторъ не касается, такъ какъ въ этой серіи изданій (Sammlung Goschen) имѣется уже отдѣльная книжка Полонскаго, посвященная этому вопросу.

Несмотря на краткость, сухость и нѣкоторые другіе недостатки, было бы очень желательно появленіе этой работы Карасека въ русскомъ переводѣ. Нужно хоть что нибудь для ознакомленія съ славянскими литературами нашей публики, глубоко невѣжественной въ этомъ отношеніи.

Н. В—въ.

Журналы за 1906—1907 г.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи Имп. Московскаго Археологическаго О-ва. *Т. IV, в. 1.* М. 1907. *К. В. Покровскій.* Книга, глаголемая Назиратель, сірѣчь урядъ домовныхъ дѣтель (Изъ исторіи древней сельско-хозяйственной литературы). *Н. Н. Кононовъ.* Изъ области астрологіи. Обзоръ статей Планетника, Звѣздочтеца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная тайныхъ, Лѣчебника и пр. рук. XVIII в. А. Г. Первухина. *Н. Н. Дурново.* Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ. *И. Е. Евсѣевъ.* Словеса святыхъ пророкъ. Противуіудейскій памятникъ по рукописи XV вѣка. *М. И. Соколовъ.* Апокрифическое откровеніе Варуха. *М. Н. Сперанскій.* Откровеніе святыхъ апостолъ. *А. С. Орловъ.* Древне-русское поученіе съ апокрифическимъ элементомъ. *А. И. Яцимирскій.* Дарственныя, жалованныя, льготныя и подтвердительныя грамоты молдавскихъ господарей XV в. (тексты и библіографическія указанія). *К. С. Кузьминскій.* О сборникѣ молитвъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Абагаръ“. Дополненія и поправки къ статьямъ Дурново, Покровскаго и Орлова. Протоколы засѣданій №№ 60—90, съ изложеніемъ содержанія прочитанныхъ рефератовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. № 5. *С. Ѳ. Ольденбургъ.* Фабло восточнаго происхожденія. *Н. М. Петровскій.* Къ исторіи сказаній о свв. Кириллѣ и Меѳодіи. Рецензіи: *М. Ростовцева* на „Б. В. Фармаковскій. Раскопки въ Ольвіи въ 1902—1903 г.г.“—*А. И. Соболевскаго* на „Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской письменности“.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, т. XVIII. 1905—1906. *И. Кальфоглу.* Древнѣйшія извѣстія о Батумѣ.—*Е. Цагарейшвили.* Свадьба въ въ Имеретіи.—*А. Дьячковъ-Тарасовъ.* Бзыбская Абхазія.—*Г. Мерцбахеръ.* Къ этнографіи обитателей кавказскихъ альпъ.—*И. Петровъ.* Духоборы Елисаветпольскаго уѣзда.—*И. Кальфоглу.* Городъ Петрацихисъ-дзирп.—*И. Петровъ.* Нѣмцы-колонисты въ с. Георгіевскомъ, Елисаветпольскаго уѣзда.—*М. Поповъ.* Развалины древняго грузинскаго монастыря близъ с. Ніакомъ и крѣпость Ванкъ. Рецензія *Н. Егорова* на: А. А. Арутиновъ. Удины. (Матеріалы для антропологіи Кавказа). Отчетъ Отдѣла за 1904 и 1905 гг.

Извѣстія Отд. русскаго языка и словесности. И. А. Н. 1906 г., № 4. *В. Срезневскій.* Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ.—*К. Радченко.* Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной библіотеки.—*В. Добровольскій.* Культъ зерноваго хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губерніи.—*Г. Ильинскій.* Patronymica на —ово въ русскомъ языкѣ.—*В. Рѣзановъ.* Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. I.—*С. Кульбакинъ.* Замѣтки о славянскомъ количествѣ и удареніи.—*А. Яцимирскій.* „Черная шаль“ А. С. Пушкина и румынская пѣсня.—*Н. Виноградовъ.* Дополненія къ работѣ о „Вертепной драмѣ“ и къ указателю по этому вопросу I—II. Рецензіи *Н. Виноградова* на „Келтуяла В. Исторія древней русской литературы. Пособіе для самообразованія“. *Его-же* на „Шайжинъ, Н. Олонецкій фальклоръ“. *Г. Ульянова* на „И. Эндзелинъ. Латышскіе предлоги“.

Národopisný Věstník (Этнографическій Вѣстникъ Чешскославянскій) **№ 3—4** (двойной). *I. Янко.* О „словахъ и вещахъ“ славянскихъ въ этнографическомъ отношеніи.—*А. Богачъ.* Развитіе языковыхъ меньшинствъ и острововъ въ Моравіи за послѣднее десятилѣтіе (1890—1900).—*Рецензіи* на: Три пряхи. Ербена; Воспоминанія Фр. И. Вавака, сосѣда и старосты Мильчицкаго. 1770—1816 г.; Древняя Жмудь, Л. Крживицкаго; Науковий Збірник, присьв. пр. М. Грушевському; Пісня про Правду і Неправду. I. Франко; Угорськи король Матвій Корвінъ въ славянській устній словесности, З. Кузели; Die Märchen Charles Perrault's; Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой, чешск. перев. В. Крижи-

ванковой; Contes arméniens. Traduits de l'arménien moderne par F. Malcer; M. Алешъ. Сборникъ ста народныхъ пѣсенъ и поговорокъ.—*Библіографія*. IX. Народныя письма; надписи; воззванія, восклицанія, при извѣстныхъ занятіяхъ; ругательныя слова. X. Названія путей, земель, мѣстъ, мѣсяцевъ, растеній и др. XI. Тайные говоры.—Этнографическія мелочи.—Сообщенія о музеяхъ и этнографическихъ о-вахъ.—Годичный отчетъ О-ва Этнографическаго Музея чешскославянскаго 1906 г.

Старые Годы. № 1. *А. И Успенскій*. Ризница Чудова Монастыря въ Москвѣ. *Бар. А. Фелькерзамъ*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о С.-Петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ за 100 лѣтъ (1714–1814) № 2. *В. Голубевъ*. Легенда о трехъ живыхъ и трехъ мертвыхъ. *Н. Макаренко*. Развалины въ Старогородкѣ. № 3. *А. И. Успенскій*. Царскій живописецъ дворянинъ Иванъ Іевлевичъ Салтановъ. № 4. *А. И. Успенскій*. Обстановка теремовъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ. *Э. Ленцъ*. Оружіе, приписываемое историческимъ личностямъ (№ 4 и 5). Всѣ статьи богато иллюстрированы. Въ каждой книжкѣ хроника и рядъ мелкихъ замѣтокъ. Въ приложеніи—*бар. Фелькерзамъ*. Алфавитный указатель С.-Петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, граверовъ и проч. 1714–1814.

Украіна. № 1. *І. Нечуй-Левіцький*. Сьогочасна часописна мова на Украіні (по № 3). *І. Франко*. Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський. *І. Стешенко*. Історія украінськоі драми (также—№ 2–4). № 2. Продолженіе статей І. Стешенко и І. Нечуй-Левицкаго. № 3. *Г. Барацъ*. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. *Н. Петровъ*. Правило увѣщательное пияницамъ къ покаянію и трезвости ихъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ, 1779 года. *В. Данилів*. Додатки до огляду украінських лубяніх співанників та малюнків. № 4. Продолженіе статей І. Стешенко и Г. Бараца. Др. *М. Пачовський*. Літературна мова на Украіні.

Университетскія Извѣстія. № 2 и 3. Продолженія работъ.—*Г. Максимовича*. Ученіе первыхъ славянофиловъ. *А. Богумила*. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ.

Н. В.

Новости этнографической литературы.

Билимовичъ, Ал., прив.-доц. По поводу книги Д. И. Менделѣева „Къ познанію Россіи". Кіевъ.

Бобровъ, Е. А., проф. Мелочи изъ исторіи русской литературы. Тетр. вторая. VII–X. Варшава.

Богородицкій, В. Діалектологическія замѣтки. Спб. 1906. 16 стр.

Его-же. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. В. 2. Казань. 21 стр.

Его-же. Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка. 9 стр. (Отд. отт.).

Его-же. Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія. 10 стр. (Отд. отт.).

Будде, Е. Ѳ., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань.

Васкевичъ, П. Очеркъ быта японцевъ въ Пріамурскомъ краѣ. Владивостокъ. 1906. Стр. 25+9 табл.

Василиевъ, Никола. Избрани народни умотворения. Книга първа. Обредни и битови пѣсни. Пловдивъ.

Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Воронежъ. 305+129 стр.

Геттнеръ, А. Европейская Россія. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Д. Синицкаго. Изданіе журнала „Землевѣдѣніе". М.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. 3-е изд., вып. II и III.

Головачевъ, П. М. Очеркъ заселенія Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1906.

Дурново, Н. Н. Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ. I–III. М. 110 стр.

Евсѣевъ, И. Е. Словеса святыхъ пророкъ. Противоіудейскій памятникъ по рукописи XV вѣка. М.

Ефименко, А. Я. Исторія Украйны и ея народа. Съ портретами и рисунками. Спб.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XVIII. № 4. Тифлисъ. 1906. Стр. 211—318+Прилож.

Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи. № 40. Симферополь. 115 стр.

Иконописный сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Спб.

Калужская старина. Изд. Калужской церковн. Историко-археологическаго О-ва. Изд. подъ ред. И. Ѳ. Цвѣткова и В. М. Кошкарова. Т. IV, ч. IV. Калуга.

Лавровъ, П. А., проф. Лекціи по Болгарскому языку, съ приложеніемъ краткаго болгарско-русскаго словаря. Изд. Доброхотова и Сердаковскаго. Спб. (Литографированное изданіе университетскихъ лекцій).

Лютостанскій, И. Талмудъ и евреи. Талмудъ есть религіозный катехизисъ. Евреи и дѣянія ихъ по ученію талмуда. Компиляція изъ разныхъ талмудовъ и комментаріевъ. Книга VI. Изданіе третье, исправленное и значительно дополненное. Спб.

Малевичъ, С. Бѣлорусскія народныя пѣсни. Спб.

Менделѣевъ, Д. Дополненія къ познанію Россіи. Посмертное изданіе, съ портретомъ автора. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Мейеръ, Эдуардъ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Перев. съ нѣм. А. В. Вихерскаго. М. 55 стр.

Монголія и Камъ. Труды экспедиціи И. Р. Г. О-ва, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ *П. К. Козлова.* Т. VIII, вып. послѣдній. Спб. 1906. 40 стр.

Морозовъ, Николай. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія апокалипсиса. Съ 62 рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи. Спб.

Мочульскій, В. Н. Отзывъ о дисертаціи С. Г. Вилинскаго: „Посланія старца Артемія" (XVI вѣка). Одесса. 10 стр.

Некрасовъ, И. В., (положилъ на голоса) 50 пѣсенъ русскаго народа изъ собранныхъ въ 1902 г. въ Саратовской губ. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ. М. 52 стр.

Пекарскій, Эд. Къ вопросу о происхожденіи слова „тунгусъ". (Отд. отт. изъ „Этногр. Обозр.", стр. 206—217).

Перетцъ, В. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы. Кіевъ. 42 стр.

Пещное дѣйство. Исполнено полнымъ хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ въ открытомъ засѣданіи Комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи 18 марта 1907 г.

Пивень, А „Весела бандура". Полный сборникъ малороссійскихъ веселыхъ и шуточныхъ пѣсенъ, а также припѣвовъ къ національнымъ танцамъ М. 160 стр.

Платоновъ, С. Ѳ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Спб. 56 стр.

Политическая Энциклопедія, подъ редакц. Л. З. Слонимскаго. Т. I, в. 4. Спб. 481—640 стр. со мног. картами и рис.

Полянскій, М. Новгородская памятка для туристовъ. Новгородъ, 1907. 16° 512 стр. + 5 табл. рис.

Поповъ, П. С. Китайскій пантеонъ. Съ десятью таблицами. (Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VI). Спб.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи, ч. XI, Ташкентъ. 88 съ рис. и табл.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. Изданіе 3 безъ перемѣнъ. Спб. 537 стр.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Томъ четвертый. Выпускъ XXIII. Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, прив.-доц. Имп. Спб. Университета П. Ю. Шмидта. Изданіе Брокгаузъ—Ефронъ. Спб.

Романченко, Н. Ф. Древности Старой Ладоги въ памятникахъ зодчества. Вып. I. Церковь св. Димитрія Солунскаго. Спб.

— Вып. II. Церковь св. Георгія Побѣдоносца. Спб. 1906.

Россіевъ, Павелъ. Фэрерскіе острова Москва.

Рѣзановъ, В. И. Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII в. Приложеніе къ изслѣдованію „Изъ исторіи русской драмы". Нѣжинъ. XVI+329 стр.

Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому

по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Часть I. Спб.

Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки И. А. Н. въ 1904 г. Спб. 403 стр.

Свѣнцицкій, И. Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. Спб. 1906. 109 стр.

Сергѣевичъ, В. И. Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. Спб. 30 стр.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго. Спб. 108 стр. и 74 таблицы снимковъ.

Смоленскій, Ст. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. Спб. 26 стр.

Соколовъ, М. И. Апокрифическое откровеніе Варуха. М. 58 стр.

Соловьевъ, К. Н. Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). Спб. 1906.

Срезневскій, В. И. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ. Спб. 12 стр.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга двѣнадцатая. М.

Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда. Изд. Тверской учен. архивн. Комиссіи. Тверь. 1906. Болѣе 1200 стр.

Труды Оренбургской ученой архивной Комиссіи, в. XVI. Оренбургъ. 1906. 296+V+V.

Турцевичъ, Ив. Филологическіе этюды и замѣтки. В. 1. Нѣжинъ. 1906. 48 стр., в. 2. Нѣжинъ. 1907. 49—83 стр.

Хвостовъ, Михаилъ. Изслѣдованія по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта (332 г. до Р. Х.—284 г. по Р. Х.). Казань.

Хлѣбниковъ, П. Х. Астрахань въ старые годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб.

Цвіичъ, д-ръ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Переводъ со второго дополненнаго изданія. 1906 г. А. О. Спб. 1906.

Шаровольскій, И. Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ (Hervarar saga ok Heideks). III. Историко-литературное изслѣдованіе. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. В. 10. М. 101 стр.

Н. В.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія. Т. I (XIII в. — 1825 г.) Спб. XI + 1248 стр. 8°.

Русское языкознаніе—молодая наука, и первыя произведенія, вполнѣ достойныя этого названія, начали у насъ появляться, строго говоря, не раньше первой четверти прошлаго столѣтія. Поэтому, на первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, что проф. Буличъ нашелъ возможнымъ даже только въ „Очеркѣ" исторіи русскаго языкознанія (какъ скромно назвалъ онъ свою книгу) посвятить почти 1250 страницъ лишь одному, такъ сказать, „доисторическому" періоду развитія этой науки. Это, крайне подробное и не вызываемое даже самыми строгими требованіями эволюціоннаго метода, изложеніе объясняется тѣмъ, что добросовѣстный авторъ слишкомъ широко поставилъ свою задачу: онъ разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи не только произведенія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ исторіи русскаго языкознанія, какъ науки,—напр., теоретическія грамматики и словари разныхъ языковъ,—но и тѣ явленія, которыя къ ней имѣютъ только косвенное отношеніе, какъ, напр., буквари и хрестоматіи, изданія и описанія памятниковъ, археологическія путешествія и экспедиціи и т. д. Благодаря этому, трудъ проф. Булича, не упускающій къ тому же изъ виду ни одного изъ многочисленныхъ отдѣловъ языкознанія, даетъ гораздо больше того, что обѣщаетъ его заглавіе: кромѣ лингвистовъ, изъ него могутъ черпать много интересныхъ и поучительныхъ фактовъ также этнографы и историки культуры, въ частности историки литературы. А если прибавить къ этому, что трудъ проф. Булича составленъ въ громадной своей части по первоисточникамъ, что авторъ ея обладетъ широкимъ лингвистическимъ образованіемъ, дающимъ ему возможность вѣрно оцѣнивать

удѣльный вѣсъ каждаго разсматриваемаго явленія, и что книга написана, живымъ увлекательнымъ литературнымъ стилемъ, то станетъ ясно, что она является цѣнной „Fundgrube" для изслѣдователя лингвиста и желаннымъ пріобрѣтеніемъ для библіотеки каждаго интересующагося судьбами родного просвѣщенія читателя.

Еще болѣе увеличиваетъ значеніе книги Булича переводъ прекрасной работы проф. Дельбрюка „Введеніе въ изученіе языка", сдѣланный учениками и слушателями проф. Булича и служащій „введеніемъ" и въ его книгу.

Г. И.

Ал. Харузинъ. Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Вильна, 1907.

Книга подъ этимъ заглавіемъ заключаетъ въ себѣ 323 страницы текста со множествомъ чертежей, 18 стр. алфавитнаго указателя терминовъ и 105 листовъ съ 202 рисунками, исполненными въ большинствѣ случаевъ съ фотографическихъ снимковъ.

Обширное изслѣдованіе г. Харузина составлено на основаніи его личныхъ наблюденій на мѣстахъ, а также па основаніи трудовъ цѣлаго ряда лицъ—по описанію построекъ согласно особой программѣ (Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ. С.-ПБургъ, 1902 г.), по снятію плановъ, изготовленію рисунковъ, снятію фотографій. Кромѣ того, авторъ пользовался довольно богатой литературой предмета и изучалъ въ разныхъ музеяхъ коллекціи моделей славянскихъ сооруженій.

Кромѣ краткаго предисловія (стр. 3—14) и алфавитнаго указателя терминовъ, трудъ автора содержитъ слѣдующіе пять отдѣловъ: I. „Вмѣсто введенія", въ коемъ изложены данныя изъ статистики населенія Сѣверо-Западнаго края; II. Постройки (жилой домъ и хозяйственныя строенія); III. Деревня и усадьба; IV. Развитіе жилья (составныя части жилого дома и типы его) и V. Заключеніе.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ задался цѣлью „разсмотрѣть жилища славянской части населенія Сѣверо-Западнаго края въ общемъ ходѣ его развитія и въ связи съ крестьянскими постройками другихъ мѣстъ Россіи, а равно иныхъ мѣстностей, заселенныхъ славянами" (стр. 3). Объектомъ своихъ изслѣдованій авторъ взялъ постройки бѣлоруссовъ, какъ сохранившихъ болѣе другихъ первобытныя типичныя черты обще-славянской архитектуры „Въ литературѣ о бѣлорусскомъ племени—говоритъ авторъ—уже неоднократно высказывалась мысль, что въ лицѣ этого племени надлежитъ видѣть наиболѣе чисто сохранившійся славянскій типъ. Къ этой мысли (?) дѣйствительно существуетъ не мало данныхъ" (стр. 11). Къ сожалѣнію, авторомъ для изученія типичныхъ славянскихъ построекъ взята по преимуществу та часть Бѣлоруссіи (Ковенская, Гродненская и Виленская губ.), которая, благодаря вліянію сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ и неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ, менѣе всего соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли. Правда, авторъ отчасти удѣляетъ вниманіе жилищамъ и коренной Бѣлоруссіи (Минская, Могилевская и Витебская губ.), но дѣлаетъ это лишь для сравнительнаго изученія построекъ

жителей Литовской ея части. Такой неудачный для цѣлей изслѣдованія выборъ мѣстности неизбѣжно долженъ былъ въ почтенномъ трудѣ г. Харузина вызвать нѣкоторые пробѣлы и неточности. Такъ, мы не находимъ въ книгѣ автора достаточныхъ указаній на столь распространенныя въ полѣсской части Бѣлоруссіи, расположенной по среднему теченію лѣвыхъ притоковъ рѣки Припети, хозяйственныя сооруженія, которыя устраиваются на столбахъ, какъ то: „свиронки“, клѣти, „одры“ (устроенныя на деревьяхъ палатки для пчелиныхъ ульевъ), „одёнки“ или „сцёжары“ (основанія для стоговъ хлѣба или сѣна), палатки на деревьяхъ для ночлега и засады при охотѣ на медвѣдей, волковъ и дикихъ свиней, рыбачьи хатки, устроенныя на сваяхъ, дѣтскія гнѣзда на сучьяхъ деревьевъ, охотничьи помѣщенія въ дуплахъ огромныхъ деревьевъ и т. п. сооруженія, болѣе или менѣе приподнятыя надъ поверхностью земли. Кромѣ того, авторъ совершенно умалчиваетъ о постройкахъ, предназначенныхъ для религіозныхъ цѣлей, какъ то: кресты, „каплицы“ (часовни), церкви и костелы, „брамы“ (часовни и костёлки надъ воротами), могильные памятники и т. п.

Поэтому намъ кажутся преждевременными и недостаточно обоснованными предположенія автора, что „однокамерной хатѣ въ современномъ ея видѣ“ предшествовала „по всей вѣроятности... клѣть—помѣщеніе безъ печи, согрѣваемое вѣроятно очагомъ“, а „этому жилищу въ свою очередь предшествовали еще болѣе простыя жилища, какъ землянка и шалашъ, едва замѣтные нынѣ въ формѣ разнаго рода переживаній“ (ст. 286.) Что современныя жилища эволюціонировали отъ болѣе простѣйшихъ и даже самыхъ примитивныхъ вплоть до пещеры, землянки, шалаша, станка, куреня, гнѣзда или палатки на деревѣ, а то и берлоги въ дремучихъ лѣсахъ или одёнка—сцежара, устроеннаго на сваяхъ среди озеръ и труднопроходимыхъ болотъ, чтобы укрыться отъ змѣй и дикихъ звѣрей—смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, но, какое именно первобытное сооруженіе было прототипомъ славянскаго жилья — остается не выясненнымъ и послѣ кропотливаго труда г. Харузина. Тѣмъ не менѣе, по обширности собранныхъ матеріаловъ и богатству чертежей, плановъ и рисунковъ изслѣдованіе г. Харузина является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу предмета.

А. Сержпутовскій.

Е. П. Поповъ. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ („Этнографическое Обозрѣніе“ 1907, № 1—2).

Если не ошибаюсь, еще въ 1894 году В. Ѳ. Миллеръ,—узнавъ объ организаціи въ г. Якутскѣ такъ называемой Сибиряковской Экспедиціи, задавшейся, между прочимъ, цѣлью изслѣдовать бытъ населенія отдаленнаго Колымскаго округа, — писалъ въ Якутскъ о необходимости возможно полнаго собиранія сохранившихся въ этомъ округѣ памятниковъ русскаго народнаго творчества, которые, по мнѣнію г. Миллера, должны были тамъ подвергнуться меньшему искаженію, чѣмъ это имѣло мѣсто на ихъ прародинѣ. И г. Поповъ, авторъ статьи, заголовокъ которой выписанъ нами выше, подтверждаетъ,

что „для этнографа колымчане представляютъ большой интересъ во многихъ отношеніяхъ", такъ какъ „здѣсь, въ особенности въ сѣверной части округа, успѣли въ полной неприкосновенности сохраниться формы, обороты и даже фонетика древне-русскаго нарѣчія, сохранились въ изустной передачѣ съ XVI столѣтія (а можетъ быть и раньше) былины, историческія пѣсни, мотивы ихъ и т. д.". Редакція журнала прибавляетъ отъ себя, что авторъ, къ сожалѣнію, „не далъ фонетической записи образцовъ колымскаго творчества" (стр. 160). Если это такъ, то собранный авторомъ матеріалъ теряетъ значительную долю той цѣнности, какую онъ могъ бы имѣть при соблюденіи указаннаго редакціей условія. Тѣмъ не менѣе, записанные авторомъ образцы колымскаго творчества и въ теперешнемъ своемъ видѣ не лишены интереса: въ нихъ мы находимъ не мало чисто мѣстныхъ словъ, выраженій и грамматическихъ формъ. Весь свой матеріалъ авторъ систематизировалъ по четыремъ (а не по тремъ, какъ сказано у автора) отдѣламъ: 1) старинныя пѣсни, 2) мѣстныя любовныя пѣсни, 3) сатирическія пѣсни и 4) разсказы и сказки (стр. 163—181). Собраніе образцовъ не велико по размѣрамъ, но „въ рядѣ другихъ изслѣдованій—по справедливому замѣчанію автора—и эти отрывочныя данныя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ смыслѣ пополненія имѣющагося въ литературѣ матеріала" (стр. 159),—очень скуднаго, прибавимъ отъ себя.

Заслуживаетъ вниманія подтвержденіе авторомъ наблюденнаго ранѣе факта, что русскіе колымчане сѣверной части округа, несмотря на продолжительное общеніе съ инородческими племенами, „въ отношеніи родного языка оказались настолько стойкими, что даже совершенно руссифицировали обитающихъ вмѣстѣ съ ними... якутовъ I-го Мятюжскаго наслега", тогда какъ въ остальной части округа якуты не только не поддаются вліянію русскихъ, но, наоборотъ, „наблюдается... процессъ „объякучиванія" казаковъ и мѣщанъ, живущихъ по Колымѣ выше т. наз. заимки Крестовъ" (стр. 160). Процессъ объякучиванія, какъ извѣстно, констатированъ не только въ Колымскомъ, но и во всѣхъ остальныхъ округахъ Якутской области. Тѣмъ любопытнѣе этотъ чуть ли не единственный примѣръ „стойкости", проявленной на крайнемъ сѣверѣ русскими-колымчанами хотя бы въ одной области родного языка.

Эд. Пекарскій.

А. Орловъ. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ. 1907. IV + 430 стр.

Главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ этой обширной работы, формулированы имъ въ концѣ книги въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) Всѣ рѣки Европейской Россіи получили свои названія отъ предковъ финскихъ народностей, въ полукочевой охотничій періодъ ихъ жизни, въ глубокой древности, задолго до прихода славянъ. Судя по тому, что русскіе, за цѣлое тысячелѣтіе своей жизни, не успѣли измѣнить этихъ названій, можно думать, что тысячелѣтіе представляется короткимъ періодомъ, въ сравненіи съ той продолжительной эпохой, которую прожили здѣсь народности, давшія названія рѣкамъ.

2) Тѣ нарѣчія, на которыхъ названы рѣки, вымерли, и изъ языковъ нынѣшнихъ финскихъ народностей, повидимому, нельзя объяснить этихъ названій.

3) Ни одно названіе рѣки не является единственнымъ и исключительнымъ; напротивъ, каждое названіе повторяется на пространствѣ Европейской (и Азіатской) Россіи много разъ; большая часть названій мало, или совсѣмъ неизвѣстны; за то, иногда одно изъ многихъ одинаковыхъ названій прославилось на весь міръ.

4) Такъ какъ эта слава совершенно случайная и создалась послѣ того, какъ рѣка безъизвѣстно существовала съ даннымъ названіемъ много столѣтій и даже не одно тысячелѣтіе, то, значитъ, въ названіяхъ, хотя бы такихъ какъ Русь, Москва, Волга нельзя искать глубокаго смысла, которой бы соотвѣтствовалъ тому величію, которое связано нынѣ съ этими именами.

5) Въ виду того, что всѣ русскія рѣки носятъ финскія названія, всякія попытки произвести эти названія, отъ русскихъ словъ, должны быть оставлены, какъ претензіи обывательской наивности.

6) Разселеніе финновъ въ новыя прочныя мѣста осѣдлости, вслѣдствіе естественнаго прироста людей, возможно было и совершалось только по рѣкамъ.

7) Такъ какъ рѣка играла первенствующую роль въ жизни этихъ народностей, представляя собою комплексъ жизненныхъ условій, т. е. сухого участка земли, дороги, источника пропитанія и т. д., то первоначальныя поселенія всегда возникали на рѣкахъ и принимали имена рѣкъ.

8) Русскіе города, продолжавшіе жизнь финскихъ поселеній, или возникшіе на давно заброшенныхъ мѣстахъ этихъ поселеній (могильникахъ, городищахъ), приняли названія этихъ поселеній, т. е. финскія названія рѣкъ: Онега, Мезень, Кострома и т. д. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ городѣ есть хотя бы самая ничтожная одноименная рѣчка, надо считать, что именно ея имя принялъ городъ, и всякія легенды о происхожденіи названія инымъ путемъ должны быть отброшены.

9) Не только села и образовавшіеся на мѣстѣ ихъ города приняли имена рѣкъ, но и населеніе по нимъ и самая мѣстность носятъ имя рѣки. Такъ образовались названія Ваганы, Пинежане, Пошехонцы, Кержаки и т. д. Названія эти, по виду похожія на названія отдѣльныхъ народностей, или племенъ, на самомъ дѣлѣ представляютъ только географическіе термины. Цѣлыя группы ихъ могутъ обозначать одно племя, только живущее по разнымъ рѣкамъ. Такъ надо понимать и названія лѣтописца Древляне, Кривичи, Поляне, Радимичи, Песчанцы, Улучи и т. д.

10) Варяжане или Варенги, Варяги и Русь были также жители по рѣкамъ Варягѣ и Руси, какъ и другіе славяне, и не пришли къ намъ изъ-за моря.

11) Слово Русь—финское, одно изъ многочисленныхъ финскихъ названій рѣкъ и никакого особеннаго смысла, соотвѣтствующаго величію Русскаго государства, въ себѣ не заключаетъ.

12) Большинство значительныхъ рѣкъ Западной Европы имѣетъ тоже финскія названія. Нѣкоторые, древнѣйшіе города тоже назы-

ваются по рѣкамъ, и по рѣкамъ же называются мѣстности и поселенія.

Во многихъ изъ этихъ положеній есть значительная доля истины, но, въ цѣломъ, выводы автора слѣдуетъ признать черезчуръ рѣшительными и обобщающими. Вполнѣ справедливо возставая противъ фантастическихъ этимологій собственныхъ именъ мѣстностей, авторъ совершенно не желаетъ считаться съ данными исторической географіи, — науки уже довольно разработанной и считающей въ рядахъ своихъ адептовъ крупныя имена. Кромѣ того, стараясь свести всѣ названія мѣстностей къ даннымъ финскихъ языковъ (почему только финскихъ?), въ порывѣ увлеченія, онъ самъ переходитъ всякія границы вѣроятія. Возьмемъ хотя бы этотъ примѣръ: на стр. 336—337 авторъ переработываетъ рѣку Жеребецъ въ Герръ, для того чтобы помѣстить здѣсь народъ — Greutungi. Но, не смотря на всѣ филологическія изысканія, отъ Жеребца до Greutung'овъ всетаки далеко.

Н. В—въ.

Отчетъ Туапсинскаго Научно-промышленнаго Музея за 1905 годъ. Туапсе 1906. 32°. Стр. 22.

Тоже, за 1906 годъ. Туапсе. 1907. 32°. Стр. 23.

Небольшое научное начинаніе, повидимому, имѣетъ нѣкоторыя данныя для успѣшнаго роста, а можетъ быть и процвѣтанія, если не изсякнетъ быстро энергія основателей и хватитъ научныхъ силъ. По отчету за 2-й годъ существованія (1907 г.) въ музеѣ имѣлось предметовъ по антропологіи—3 черепа и кости. По исторіи и археологіи — 56 предметовъ. По этнографіи — 6 предметовъ. По нумизматикѣ — 146 монетъ и медалей. А сверхъ того 7 предметовъ изъ сельско-хозяйственнаго быта прежнихъ черкесъ.

Н. В—въ.

Каталогъ музея общества изученія Амурскаго края. Владивостокъ. 1907 г.

Означенный каталогъ представляетъ собою систематическій указатель, облегчающій возможность разбираться въ коллекціяхъ музея. Его составилъ, съ знаніемъ дѣла, нынѣшній консерваторъ музея В. Глуздовскій. Подготовляя матеріалъ для каталога, автору потребовалось произвести настоящія раскопки въ коллекціяхъ, пребывавшихъ, къ стыду ученаго общества, въ непозволительной запущенности. Въ этой многосложной работѣ ему оказалъ самое горячее содѣйствіе музейскій сторожъ И. А. Алексѣевъ. „Обладая хорошей памятью и относясь съ большой любовью и вниманіемъ къ ввѣренному ему, иногда беззаботными, хозяевами имуществу, говоритъ В. Глуздовскій, онъ хорошо знаетъ „біографію“ каждой вещи, которая попала въ музей подъ его охрану, продолжавшуюся почти два десятка лѣтъ“. Этотъ устный источникъ дѣйствительно помогъ, какъ разобраться въ коллекціяхъ, такъ и пополнить многія свѣдѣнія, которыхъ консерваторъ не смогъ найти въ документахъ, нарѣдкость къ тому же несовершенныхъ. Таковы, въ краткихъ чертахъ, тѣ поучительныя условія, которыя сопровождали появленіе въ свѣтъ каталога.

Въ первомъ отдѣлѣ этого каталога сообщается краткая исторія народностей, этнографическіе предметы коихъ собраны въ музеѣ; несмотря на свою компилятивность и краткость (по чисто техническимъ причинамъ), эта статья служитъ необходимымъ введеніемъ къ небольшимъ описаніямъ, которыя предшествуютъ систематическимъ расположеніямъ предметовъ (числомъ 1164) по этнографіи слѣдующихъ народностей: айновъ, гиляковъ, алеутовъ, коряковъ, чукчей, камчадаловъ, юкагировъ, ольчей (мангуновъ), ороковъ, гольдовъ, собственно тунгусовъ (ламутовъ), китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Во второй отдѣлъ включены древности (числомъ 104) Амурскаго и Уссурійскаго края. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о предметахъ подъотдѣловъ: a) тюремнаго — фотографіи „соколинцевъ" и ихъ издѣлія (12); b) переселенческаго и c) случайныхъ предметовъ (23).

Имѣя въ рукахъ такой каталогъ, обозрѣватели будутъ изучать коллекціи музея теперь съ открытыми глазами и, разумѣется, всегда скажутъ „спасибо" его составителямъ В. Глуздовскому и И. А. Алексѣеву.

Общество изученія Амурскаго края съ своей стороны, намъ думается, должно отвѣсить земной поклонъ и выдать ученую премію И. А. Алексѣеву, своими незаурядными этнографическими познаніями блестяще поддержавшему ученую честь этого общества. Его же членамъ можно бы пожелать проявленія большаго интереса къ дѣламъ и нуждамъ музея и интенсивной дѣятельности, направленной къ скорѣйшему его процвѣтанію. Въ этнографическомъ богатствѣ народностей Амурскаго края найдется для этого неисчерпаемый источникъ.

А. Макаренко.

W. Radloff. Ein uigurischer Text aus dem XII Jahrhundert. St. Petersburg. 1907. (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1907).

Статья эта представляетъ критическій обзоръ транскрипціи и перевода новаго уйгурскаго текста, хранящагося въ Константинопольской библіотекѣ въ рукописи подъ № 4757. Текстъ съ переводомъ опубликованъ г. N. A. Balhassan-oglu въ VII томѣ „Revue Orientale", (Будапештъ, 1906). Издатель относитъ его къ 1479 году и авторство его приписываетъ Abdur Rezzak Bachschi, прежнему обладателю Вѣнской рукописи Kudatku Bilik, факсимиле которой было издано г. Радловымъ въ Петербургѣ.

B. I.

Н. Крашенинниковъ. Угасающая Башкирія. М. 1907.

Это рядъ живо, интересно, съ глубокимъ знаніемъ психологіи и міросозерцанія башкиръ, написанныхъ очерковъ бѣднаго, скромнаго, забытаго народа. Всѣ очерки пропитаны гуманнымъ чувствомъ.

N.

въ трудѣ по румынской этимологіи вполнѣ соотвѣтствующемъ современному состоянію лингвистики.

Составленіемъ такого труда мы обязаны Д-ру Пушкаріу; пока появилась первая часть его изслѣдованія, въ которой разсматривается *латинское наслѣдіе румынскаго языка.* Прежде всего читателя поражаетъ весьма основательное знакомство автора съ научной литературой по данному вопросу. Балканскіе языки такъ тѣсно соприкасаются между собой въ словарномъ отношеніи, что изслѣдователю одного изъ нихъ по необходимости приходится считаться со всѣми другими: именно въ этомъ отношеніи трудъ Пушкаріу является весьма удачнымъ. Статьи въ родѣ: ciútura (33), crăciún (35), lesíe (83), gingie (62), paun (113), puiu (122 сл.), coápsa (33),—разумѣется мы указываемъ только то, что бросается намъ въ глаза при первомъ пользованіи,—эти статьи справедливо могутъ быть названы *картинками изъ исторіи балканской культуры.*

Разъ этимологическіе вопросы столь широко изслѣдуются авторомъ, то трудъ его можно признать не только вполнѣ удовлетворяющимъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять всякому составителю этимологическаго словаря, но даже дающимъ *бóльше,* чѣмъ заставляетъ ожидать его заглавіе: въ экскурсахъ авторъ указываетъ во многихъ случаяхъ заимствованія, проникшія изъ румынскаго языка въ балканскіе языки и русскій (въ особенности малорусскій); вотъ почему трудъ его является особенно цѣннымъ для тѣхъ, кто пытается попробовать свои силы надъ изслѣдованіемъ „романскихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ,“ —темой, назначенной нашей Академіей на соисканіе преміи имени М. И. Михельсона.

— Послѣ сказаннаго я уже считаю излишнимъ подчеркивать достоинства прекраснаго изслѣдованія Пушкаріу и перехожу къ недостаткамъ его, поскольку они отмѣчены мною при первомъ пользованіи этой книгой. При тщательномъ знакомствѣ автора съ лингвистической литературой, посвященной данному вопросу, насъ поражаетъ незнакомство его съ диссертаціей Murnu, Die rumänischen Lehnwörter d. Ngr. München 1903 и G. Meyer. Albanesische Studien IV, Wien 1896, если не указывать болѣе мелкихъ статей, упущенныхъ авторомъ. Перехожу къ частностямъ: на стр. 3, рум. acúm(a) „теперь“ выводится изъ лат. eccum-modo. Между тѣмъ это слово лучше, на мой взглядъ, признать заимствованнымъ съ ср-греч. ἀκόμα, < ἀκόμι < ἀκμήν, (о которомъ Krumbacher, K Z XXVII 543 сл, Dieterich Untersuchungen 41, JF XVI 20 сл).—Слово alior „чемерка“ (6 сл.) не образовалось изъ лат. helleborus,—вѣдь въ такомъ случаѣ оно было бы необъяснимо въ фонетическомъ отношеніи, —но заимствовано съ греч. ἀλλεβόρι < ἐλλέβορος. Въ н-греч. яз. это слово уцѣлѣло въ видѣ λιβόρι, Ophis; λεβόρ, Trapezunt. Syllogos XVIII 147, которое G. Meyer Ngr. St. IV 44 неправильно выводитъ изъ итальянскаго языка (см. М. Фасмеръ, Изв. XII, 2, 254).—Для слова broáscă (18) изъ лат. brōsca, по фонетическимъ причинамъ, необходимо предположить контаминацію съ греч. βρόθακος, но не въ виду калабрск. vrosaku, какъ полагаетъ авторъ (18), ибо это послѣднее слѣдуетъ признать позднѣйшимъ заимствованіемъ изъ новогреческихъ говоровъ южной Италіи, гдѣ β = υ, какъ въ общегреческомъ

произношеніи, а общегреч. ϑ соотвѣтствуетъ согласный s (см. Thumb, Handbuch 14),—Рум. caciula (21) врядъ ли вмѣстѣ съ авторомъ можно выводить изъ лат. *catteulla: *cattea: cattus. Это—сомнительно не только со стороны формы, но и со стороны значенія. Вѣроятнѣе, на мой взглядъ, поэтому видѣть источникъ румынскаго слова въ греческомъ κατσοῦλα, см. G. Meyer Ngr. St. III 29.—Слово cada (21) я, вмѣстѣ съ алб. kάde, серб. када вывожу изъ греч. κάδα, которое являетъ увеличительнымъ къ греч. καδίον: κάδος (ошибочно G. Meyer Alb. Wb. 164). [1]). — Слово căpă (23), подобно алб. kapε и вульг-лат. cappa восходитъ къ средн.-греч. κάππα (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 26 sq), что опять съ лат. capa (неточно Alb. Wb. 175). Аромунск. catsică „собачка“ (27) не относится къ cătúșe, какъ полагаетъ P. (c. l.): слово это не возможно отдѣлить отъ обширной группы балканскихъ названій собаки kuč-, которыя образовались въ одномъ изъ этихъ языковъ (вѣроятно греческомъ) изъ восклицаній — „междометій“ (см. Mikl. Et. Wb. 145, Korais Ἄτακτα II 330, V 132; G. Meyer Ngr. St. II 101 sq. Alb. Wb. 218).—Слово cucă „холмъ“ (37) безъ сомнѣнія восходитъ къ османск-тур. kouka „шапка“. Для перехода значенія можно указать параллель въ родѣ греч. καπάνι „холмъ“ Понтъ, Syllogos XVIII 138; κούκουλλο „обрывъ, скала“ Nisyros, Syll. XVIII 193 (см. G.Meyer Ngr. St. III 23 sq. и 33 sq).—Слово dáfin (42) изъ daphĭnus своимъ i не обязано вліянію суфф.-inus, какъ думаетъ авторъ (с. l.). Claussen N. Jb. XV 412, Griech. Wörter im Franz. 40 sq. доказалъ, что Svarabhakti гласнаго звука уже произошло на греческой почвѣ (см. еще Dieterich Untersuch. 40 sq). Изъ того же источника заимствовано болг. *дафина* (неточно G. Meyer Alb. Wb. 58), др.-русск. *дафина*, см. Соболевскій РФВ IX 275, Mikl. Lex. Pal. 154, Denkschr. XV 83.—Мегленск. fúrnă (58) не равно аромунск. fúrnu, что съ лат. fŭrnus, а опять заимствовано съ греч. φοῦρνα, о которомъ ошибочно Mikl. Türk. Elem. I 62, см. G. Meyer Ngr. St III 71 сл. Къ собраннымъ тамъ примѣрамъ я прибавлю греч. φοῦρνος, Эпиръ, Pio 33. Слово furtúna „буря на морѣ“ (59) безъ сомнѣнія заимствовано съ греч. φορτοῦνα, что съ лат. fortúna. Переходъ значенія „несчастье, бѣда“ > „буря“ произошелъ на греческой почвѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ греч. φουρτοῦνα „бѣда,“ Astypalia, Pio 88. Неправильно G. Meyer Ngr. St. IV 98 считаетъ слово позднѣйшимъ романскимъ заимствованіемъ, см. Dieterich Untersuch. 22, W. Schulze K Z. XXXIV 245.—Слово ŏsinza (107), вмѣстѣ съ мак-рум. usăndze заимствовано съ греч. ὀξοῦγγι, что изъ ἀξοῦγγι путемъ народно-этимологическаго сближенія съ ὀξύς (см. G. Meyer Ngr. St. III 10 sq).—Слово poteț (1 19) „кувшинъ“ восходитъ къ вульг-лат. *pottŭm, которое заимствовано изъ германскихъ нарѣчій; сравни нижн.-нѣм. Pott, голл. pot, англ. pot, др-нордск. pottr (см. Kluge Et. Wb.[6] 302). Значитъ, нашъ авторъ, (119) безъ основанія считаетъ этимологію румынскаго слова „невыясненной“.—Слово radiche (126) скорѣе

---

[1]) Къ образованію такихъ формъ см. Hatzidakis Einleitung 363 sq Kretschmer B. Z. X 484.

всего заимствовано съ алб. radik'e (см. G. Meyer Alb. Wb. 360) или греч. ῥαδίκι (см. G. Meyer Ngr. St. IV 75); во всякомъ случаѣ принять комбинацію автора (126), которой онъ старается доказать латинское происхожденіе нашего слова,—очень трудно.

Какимъ образомъ можно соединять рум. scară „лѣстница" (138) съ болг. skara, алб. skarε „рашперъ, ростъ"—для меня совершенно непонятно. Вѣдь второе слово нельзя отдѣлить отъ н-греч. σκάρα < ἐσχάρα (см. G. Meyer Alb. Wb. 386, неточно: Mikl. Et. Wb. 298). Аромунск. șklàu „слуга" (139) см. Weigand Aromunen II 64 для насъ является пріятнымъ подтвержденіемъ того, что мы говорили о происхожденіи греческ. σκλάβος въ Zeitschr. f. deutsch Wortf. IX 21 sq, ошибочно G. Meyer Ngr. St. IV 82. Какъ дополненіе къ сказанному тамъ замѣчу, что слово σκλαβώνω „in servitutem redigere" уже встрѣчается у византійскихъ писателей, рядомъ съ книжнымъ σθλαβώνω „ославянить" (см. Const. Porphyrogenn. De thematibus, ed. Bonn. III p. 53); Fallmerayer, Fragmente aus d. Orient p. 496 sq. особенно p. 498 примѣч. 1, на немъ основываетъ свою гипотезу о славянизаціи Греціи [1]).—Слово splina (148) заимствовано съ греч. σπλήνα : σπλήν (теперь Livisi Musaeos 133, Ophis Syll. XVIII 164 и проч.)—Рум. tata только случайно является созвучнымъ слав. tata, алб. tatεa, греч. τάτα (см. G. Meyer. Alb. Wb. 424 сл.). Заимствованія здѣсь, по фонетическимъ причинамъ, не могутъ быть отличены отъ словъ исконно-родственныхъ, что упускаетъ изъ виду нашъ авторъ (158).—Слово vătúiu (175) дѣйствительно восходитъ къ лат. vituleus, но мегленск. vitul'u (c. I.) заимствовано съ сѣв-греч. βιτούλ' (напр. Македонія, Ἀρχεῖα, I, 2, 77)=общ-греч. βετούλι (см. G. Meyer Ngr. St. III 14), что опять изъ лат. яз. Къ примѣрамъ у G. Meyer'a прибавимъ: βετούλι „молодая коза", Аркадія, Δελτίον VI 209. Не объясненное Миклошичемъ Et. Wb. 387 польск. vetula „jednoroczna koza" относится сюда же.—Не убѣдительна и этимологія рум. vița „вѣтка" изъ лат. *vitea (179): скептикъ всегда будетъ настаивать въ этомъ случаѣ на томъ, что слово заимствовано у славянъ (см. Mikl. Et. Wb., 390). Относительно слова jur „кругóмъ" (50) см. теперь Philippide, Bausteine z. rom. Phil. Festschr. f. Mussafia 50, Miklošič Beiträge z. rum Vokalismus III 17. По поводу ciutura см. Philippide ibid. 52 sq.

Наши возраженія основательному автору являются результатомъ перваго впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ его трудъ. Мы могли бы сюда же присоединить и другія еще замѣчанія, но отъ нихъ уже отказываемся, чтобы не слишкомъ увеличить объемъ своей рецензіи. Цѣль нашихъ замѣчаній вполнѣ будетъ достигнута, если цѣнный трудъ Пушкарію будетъ принятъ во вниманіе славистами и послужитъ подспорьемъ для этимологическихъ разысканій въ области балканскихъ языковъ.

СПБ. Іюнь 1907 г.

М. Фасмеръ.

---

[1]) На это мѣсто обратилъ наше вниманіе Dr. K. Dieterich—Leipzig въ письмѣ отъ 28 мая 1907 г. Разумѣется нашей статьей г. Пушкарію уже не могъ воспользоваться.

Деличъ, Ф. Библія и Вавилонъ. Изслѣдованіе. Перев. съ нѣмецк. Съ 47 рис. 124 стр.

Это уже четвертое изданіе интересной работы проф. Делича о Библіи и Вавилонѣ. Новое изданіе значительно переработано и дополнено третьимъ, еще неизвѣстнымъ русской публикѣ, этюдомъ, представляющимъ самъ по себѣ значительный интересъ и разсматривающимъ вопросъ съ новой точки зрѣнія. Въ двухъ первыхъ работахъ авторъ главнымъ образомъ подчеркиваетъ внѣшнее сходство религіи и быта Вавилонянъ и Израильтянъ, сходство многочисленныхъ преданій и обрядовъ у того и другого народа. Въ послѣдней же главѣ авторъ старается доказать болѣе или менѣе близкое сходство міровоззрѣній обоихъ народовъ, въ особенности ихъ взглядовъ на нравственность. Многочисленные вавилонскіе псалмы, сохранившіеся до нашего времени, съ неопровержимостью свидѣтельствуютъ, что нравственный уровень вавилонянъ былъ нисколько не ниже израильскаго. Болѣе того, — многія нравственныя идеи ихъ отличались такой глубиной и чистотой, какую едва ли можно найти въ Библіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не является знаменательнымъ тотъ фактъ, что въ извѣстной притчѣ о милосердномъ самарянинѣ, именно вавилонянина Христосъ поставилъ предъ всѣми людьми, какъ образецъ любви къ ближнему, сказавъ: „Иди, и ты поступай такъ же!“

Въ области отношеній между человѣкомъ и божествомъ, связь, порванная вслѣдствіе грѣхопаденія, возстановляется въ вавилонской религіи въ формѣ нѣжной трогательной взаимной любви и милости. „Люди — дѣти божества; ни одно несчастіе не можетъ постигнуть человѣка, если только онъ не прогнѣваетъ боговъ или богинь. Божество заботится о нуждахъ человѣка, помогаетъ ему въ затруднительныхъ случаяхъ, утѣшаетъ его въ горѣ и несчастіи“. Утвержденіе, будто вавилоняне считали своихъ идоловъ богами, столь же мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ упрекъ въ идолопоклонствѣ католику, чтущему статую Мадонны. Боги вавилонянъ — это живыя силы, лишь олицетворенныя въ идолахъ, и по своимъ свойствамъ ничуть не отличающіяся отъ Бога израиля. Они — такіе же всемогущія, всевѣдущія, вездѣсущія существа, творящія все, что хотятъ, на небѣ и на землѣ, „на водахъ и во всѣхъ безднахъ“. Выводы проф. Делича представляютъ интересъ не только для религіозно настроенныхъ людей. Они имѣютъ самый общій характеръ; траженія ихъ несомнѣнны и въ христіанствѣ, черезъ Библію и вѣроученіе Евреевъ. Но, съ другой стороны, намъ кажется, не нужно забывать, что не одни Вавилонскія преданія и жизнь вліяли на Евреевъ, да и сами Вавилоняне появились уже на культурной почвѣ.

Н. В—въ.

Журналы за 1907 годъ.

Записки классическаго отдѣленія И. Р. Арх. О-ва. Т. IV. *С. Жебелевъ.* Памяти И. В. Помяловскаго. (съ портр.) *Д. Ѳ. Бѣляевъ.* Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. III. Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя. (съ 2 табл.). *Н. Лихачевъ.* Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы (съ 5 табл.). Протоколы засѣданій Отдѣленія за 1904—1906 гг.

Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София. Книга II. *С. Младеновъ.* Промѣнитѣ на граматическия родъ въ славянскитѣ езици. *М. Ивановъ.* Глаголната елипса въ болгарския езикъ. *Г. Георгиевъ.* Еркечанитѣ и тѣхниятъ говоръ. *М. Григоровъ.* Говорътъ на малорѣканцитѣ (мияцитѣ) въ Дебрърско. *И. Хаджовъ.* Мотиви за клетва въ нашитѣ народни пѣсни. *П. Парашкевовъ.* Погребалнитѣ обичаи у българитѣ. *С. Георгиевъ.* По говора въ с. Чешнегиръ Нова—Махала (Станимашко). *М. Григоровъ.* Критиченъ прѣгледъ на обнародованитѣ материяли по малорѣканския (миячки) говоръ. *М. Маждракова.* Библиография на славянската филология и литература въ българския печатъ прѣзъ 1905 и 1906 год.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанск. Унив. Т. XXIII, вып. 1. *Г. Ахмаровъ.* Свадебные обряды казанскихъ татаръ. *С. Матвѣевъ, свящ.* Гаданіе на кольцахъ у крещеныхъ татаръ. **Вып. 2** *Н. Карауловъ 1-й.* Балкары на Кавказѣ (съ таблицею). *Д. Марковъ.* Частушки, собранныя въ Ветлужскомъ уѣздѣ, Костромской губ. *Его же.* Слова, записанныя въ Ветлужскомъ у. *А. Ивановъ, свящ.* Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами средняго Поволжья, съ 1756 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и Словесности И. А. Н. Томъ XII, кн. 1. *И. Эндзелинъ.*—О происхожденіи литовско-латышскаго ё. *М. П-ій.* Хожденіе на Востокъ Ѳ. А. Котова въ первой четверти XVII вѣка. *Н. Янчукъ.* Къ вопросу объ отраженіи апокрифовъ въ народномъ творчествѣ. *В. Н. Перетцъ.* Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики I—VI. *Н. М. Петровскій.* Рукописный пѣсенникъ XVIII вѣка. *А. Зачиняевъ.* Къ вопросу о коломыйкахъ. По поводу—Коломийки. Зібрав Володимир Гнатюк. Том. I (Этнографічний Збірник. Видає етнографічна комісия наукового товариства імени Шевченка. У Львові, 1905) I—XII. *Г. Улашинъ.* Критико-библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ польскому языку (1901—1905). (Окончаніе въ кн. 2) **Книга 2-я.** *А. Музыченко.* Исторія поселенія и фонетическія особенности говора крымскихъ болгаръ (Памяти профессора Марина Степановича Дринова). *Н. Васильевъ.* Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказителя въ былинахъ *М. Фасмеръ.* Греко-славянскіе этюды. II Греческія заимствованія въ старославянскомъ языкѣ. Библіографія. *Г. Улашинъ.* Aleksander Brückner: Z dziedw języka polskiego Studija i szkice. (Lwów—Warszawa. 1903).

Narodopisny Věstnik (Этнографическій Вѣстникъ чешскославянскій). № 6. *Янъ Тыкачъ.* Ленъ и льняной промыселъ въ околицѣ Чешскотребовской. Рецензіи на: Alice El. Dracott. Simla Village Tales.—Гейльборнъ и Бергъ. Антропологія и Этнографія.—Шайжинъ. Олонецкій фольклоръ.—Библіографія: XV. Кустарный промыселъ и народныя художественныя издѣлія. XVI. Одежда. **№ 7—8.** *Янъ Тыкачъ* (продолженіе) II. Пряденіе льна. *В. Душекъ* и *Ф. Выкоукалъ.* Рукописный свадебный уставъ половины XVII ст. *В. Тилле.* Словацкія сказки изъ Кракованъ. *Я. Науманъ.* Костеръ для жженія углей въ Черномъ Костельцѣ.—Рецензіи на 10 книгъ.—Библіографія:

XVII. Орнаменты, вышивки, кружева, писанки и др. XVIII. Гончарство и другія ремесла. XIX. Этнографическія общества, Музеи, выставки. Въ каждомъ №—Этнографическія мелочи. Извѣстія изъ Этнографическихъ обществъ и Музеевъ.

Русскій Филологическій вѣстникъ. 1907 г. №. 2. *С. Кульбакинъ.* Къ вопросу о польскомъ го. *Н. Петровскій.* Сказанія о царѣ Михаилѣ. *В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ (продолженіе). Труды Московской Діалектологической комиссіи: Отчеты о поѣздкахъ для изученія народныхъ говоровъ. *Н. Дурново, Н. Соколова, А. Мадуева.* Критика и библіографія.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. Томъ LXXXII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1906 годъ, составленный академикомъ *Н. Кондаковымъ.*—Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 году. (Рецензіи на труды: С. Булича — А. Будиловича, Я. Соколова — И. Бычкова, Н. Дурново — Н. Каринскаго и А. Яцимирскаго—Хр. Лопарева). *Н. Никольскій* Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности I—XXIII. *С. Малевичъ.* Бѣлорусскія народныя пѣсни.—Отчетъ о присужденіи преміи имени графа. Д. А. Толстаго въ 1906 году. (Рецензіи на труды: П. Васенка.—А. Соболевскаго, А. Лукьяненка.—И. Ягича, А. Трусевича—Е. Ѳ. Карскаго.). *П. Симони.* Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. 1) Съ полнымъ снимкомъ и текстами всѣхъ шести пѣсенъ по подлинной рукописи, хранящейся въ Оксфордѣ, и 2) съ приложеніемъ чтенія пѣсенъ академика Ѳ. Е. Корша съ отмѣтками указаній касательно ритмическихъ ихъ особенностей.—*Е. Карскій.* Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ, Выпускъ V.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ. Кн. 12. Лекціи *Ѳ. И. Буслаева.* Е И. В. Наслѣднику Николаю Александровичу (1859—1860), LXI—XCIII. (Окончаніе). Чаша Государева, слогъ князя *И. С. Куракина,* литературный памятникъ XVII вѣка.

Старые Годы. № 7—9. *А. Бенуа.* Первоначальный Елисаветинскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ. *Э. Ленцъ.* Замѣтки о Тульскомъ оружейномъ заводѣ въ XVIII вѣкѣ. *Ѳ. Беренштамъ.* Четыре вида города Петербурга М. Махаева *Бар. Н. Врангель.* Русскія книги XVIII вѣка по искусству. Хроника и Мелкія замѣтки. **№ 10.** *В. Верещагинъ.* Путевые наброски (см. хронику). А. Яцимирскій. По поводу изданія Н. П. Лихачева. **Приложеніе.** *Бар. Фелькерзамъ.* Алфавитный указатель золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Труды Владимірской ученой архивной Коммиссіи. Кн. 8. *Н. Ушаковъ.* Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи. *Ѳ. Сахаровъ.* Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ г. Владиміра. Ч. 1-я (1720—1855 гг.). *С. Недешевъ.* Краткое описаніе рукописей церковноисторическаго древлехранилища при братствѣ Александра Невскаго. В. 1. *В. Косаткинъ, прот.* Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до начала XIX ст. Краткія историческія свѣдѣнія съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Ч. 1-я. Монастыри.

Украіна. № 5. *І. Стешенко.* Історія української драми (также въ №№ 6—9). *В. Даниловъ.* „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. **№ 6.** Сповидь віроучителя сектанта з передмовою *Г. Вашкевича.* (также въ №№ 7—9.) *Г. Барацъ.* О библейско—агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. *В. Даниловъ.* Порівняння смерті і весілля въ українських погрібових голосінняхъ. **№ 7—8.** *Е. Ткаченко—Петренко.* Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. *В. Даниловъ.* Обращеніе къ читателямъ о собираніи украинскихъ похоронныхъ причитаній. *О. Русовъ.* Де-що про „панів" у колядках. **№ 9.** *С. Петлюра* Вірша 1786 року на київськихъ ченців.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета. *Архангельскій, А.* Русская литература XVIII вѣка. №№ 1—3, 8—9.—*М, Хвостовъ.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ. №№ 1, 4 и 5.— *Б. Варнеке.* Новѣйшая литература о мимахъ. № 3.—*Д. Нагуевскій.* Ch. Huelsen. Das Forum Romanum. Seine Geschichte und seine Denkmäler. №№ 2 и 3.—*Е. Будде.* Лекціи по исторіи русскаго языка. №№ 3—7.—*В. Бородицкій.* Замѣтки по экспериментльной фонетикѣ. № 4.—*Онъ же.* Къ методологіи и техникѣ экспериментаально—фонетическихъ изслѣдованій, № 8—9.—*Онъ же.*

Курсъ сравнительной грамматики аріоевропейскихъ языковъ. Тетрадь 3-я. № 10.

Филологическія Записки. В. 1. Славянская миѳологія Людовика *Леже*. (Перев. съ фр. *А. Пасенко*).

Этнографическое обозрѣніе. № 1 и 2 (двойной). *В. Налимовъ.* Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ. *А. Марковъ.* Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинъ. *Е. Елеонская.* Изъ иностранной литературы. Къ вопросу о возникновеніи и сложеніи сказки. *В. Харузина.* О преданіяхъ про животныхъ, жительствующихъ при храмахъ. *В. Ржига.* Четыре духовныхъ стиха, записанныхъ отъ каликъ Нижегородской и Костромской губерній. *А. Мажаровскій.* Свадебныя пѣсни Казанской губерніи. *Е. Поповъ.* Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. *В. Степановъ.* Современныя народныя собранія, игры, танцы и пѣсни (частушки и другія) въ деревнѣ. *Е. Казимиръ.* Изъ свадебныхъ и родильныхъ обычаевъ Хотинскаго уѣзда Бессарабской губерніи. *Она же.* Изъ свадебныхъ, родильныхъ и похоронныхъ обычаевъ Подольской губерніи.

Критика и библіографія. Хроника.

Н. В.

Новости литературы.

Абрамовъ, Ив. На Украйнѣ. (Изъ дорожнаго альбома.) 8 стр. съ рис.

Алтайскій Сборникъ. Изд. Алтайск. подъотдѣла Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О-ва. Т. VI. Барнаулъ. Стр. 101+III+11 нен.+24+159. Тоже. Т. VII. Барнаулъ. Стр. 156.

Алферовъ. А. и *Грузинскій, А.* Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. VIII+478 стр. съ 14 рис.

Русская литература XIII вѣка. М.

Амфитеатровъ А. В. Македонскіе евреи. Спб.

Аникіевичъ, К. Т. Сѣнненскій уѣздъ, Могилевской губерніи. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Могилевъ, 8 д. 5 нен.+148 стр., съ картою, схемою 2-хъ озеръ и рис.

Archiv pro lexikografii a dialektologie, číslo 4. V Praze.

Барановъ. Словарь монгольскихъ терминовъ. А—Н. Харбинъ.

Барацъ, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Выпускъ I. Кіевъ.

Библіотека Пермскаго Научно-Промышленнаго Музея. Пермь.

Благовѣщенскій А. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1907 годъ. Петрозаводскъ.

Богумилъ, А. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. (XVI в. - 1812 г.). К.

Бороздинъ. А. К., проф. Русское религіозное разномысліе. Съ Преображенскаго кладбища.—Основатель новоженства.—Распространитель ученія о приходѣ антихриста.—Основатель скопчества въ Россіи.—Общій очеркъ развитія раскольничьей литературы.—Расколъ въ Поморьѣ.—Духоборы на Кавказѣ.—Сильвестръ Медвѣдевъ. Изданія 2-е, дополненное. Спб.

Будде, Е. Ѳ., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань.

Будиловичъ, А. С. О единствѣ русскаго народа. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества 14 февраля 1907 г. Спб.

Быковскій, Ив. Каз. Преображенскій приходъ старообрядцевъ-ѳеодосіевцевъ старопоморскаго благочестія въ Москвѣ. Съ портретомъ и краткимъ біографическимъ очеркомъ основателя Ильи Алексѣевича Ковылина. Въ память первой годовщины колокольнаго звона. Историческій очеркъ. 2-е изданіе, исправл. и дополн. М.

Бѣляевъ, И. С. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 84 стр.

Верманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова. Томъ второй, вып. 6—9. Спб.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Испанцы. Съ 10 картинками. Третье изданіе, исправл. и дополненное. Спб.

Врадій, В. П. Оружейные и охотничье-промысловые предметы сибирскихъ музеевъ и сибирскихъ выставокъ. Спб.

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе. Очевидца. Спб.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. 3-е изданіе. Выпускъ 8-й. Съ 6 раскрашенными таблицами, 3 рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 175 рисунками въ текстѣ. (Иллюстрированная библіотека „Нивы").

Города Россіи въ 1904 году. Спб.

Гренхагенъ, К. Б. Спутникъ на Иматру, Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайменскій каналъ. Изд. 3 е. Спб.

Громовъ. А. Очеркъ научной дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. Спб. 16 стр.

Грушевскій, Мих., проф. Вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ и нужды украинской науки. Спб.

— Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Спб.

— Освобожденіе Россіи украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб.

— Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе 2-е, допоненное. Спб.

Г. С. д-ръ. Маленькій путеводитель по Крыму. 2-е изданіе. Спб.

Гурьяновъ, В. П. Иконы Спасителя письма Симона Ушакова. М.

— Сказаніе о блаженной великой княгинѣ Евдокіи во инокиняхъ Евфросиніи. Выпись изъ лицеваго Царственнаго Лѣтописца. М.

Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Изд. III, дополн. и исправ., подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ III.

Даниловъ. В. Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Кіевъ. 18 стр. (Отт. изъ „Украіны").

Его-же. Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. 12 стр. (Отт. изъ „Историч. Вѣстн.").

Его-же. „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. 9 стр. (Отт. изъ „Украіны").

Дарвинъ, Чарльзъ. Мое міросозерцаніе. Религіозное міросозерцаніе. — Происхожденіе видовъ—Происхожденіе человѣка.—Зачатки духовной жизни.—Нравственная культура. Съ введеніемъ д-ра Бруно-Вилле. Переводъ С. П. и Г. Г. Сониныхъ, подъ редакціей В. В. Битнера. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Декертъ, Э. Сѣверная Америка. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Л. Погодина. Выпускъ I. Спб.

Деличъ, Ф. Библія и Вавилонъ. Излѣдованіе. Съ 47 рисунк. Переводъ съ нѣмецк. бар. А. А. Нольде. Изданіе 4-е, переработан. и дополнен.

Денисовъ, Андрей, кн. Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ. М.

Дилевская, Н. Черноморскія степи. Съ рисунками и карт. М.

Добрынинъ, Л. и *Бѣлугинъ, Ѳ.* Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская область). Съ рисунками. М.

Дюфуръ, Пьеръ. Исторія проституціи романскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. Переводъ съ послѣдняго изданія Р. М. Спб.

Essipoff, B. Pologne Russe. Esquisse économique et statistique. Varsovie.

Есиповъ, Б. В., проф. Привислинскій край. Варшава.

Его же Россія. Популярные очерки. Варшава.

Жебелевъ, С. А. и *Мальмбергъ. В. К.* „Три архаическихъ бронзы изъ Херсонской губерніи". Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою. комисіею Спб. 57 стр. 4 табл. и 30 рис.

Записки Императорскаго новороссійскаго университета. Томъ сто восьмой Одесса. 408+304 стр.

Записки Читинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. И. Р. Г. О-ва, вв. 2—4. Чита.

Записки Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Кн. XXXVI, вв. 1, 2 и 3 Тифлисъ.

Zbornik za narogni život i običaji južncih slavena. Кн. XII, w. 1. V. Zagrebu.

Ивановъ. Ив. Ив. Расказы о старинѣ. Будда и буддизмъ. Культурно-историческіе очерки. М. 244 стр.

Ивченко А. Въ Оренбургскомъ краѣ. I—III.

Его-же. Въ пустыняхъ Туркестана Спб.

Извѣстія. Восточнаго Института. Т. XII; т. XIV; приложенія. 1, 2; т. XVII. Владивостокъ.

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи. Выпускъ 21. Съ 9 таблицами и 30 рисунками. Спб. Вып. 22. Спб. 1907. 2+144 стр. съ111 рис. и 1 табл.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XIX, № 2. Стр. 113—176+14.

Известия на Етнографически Музей въ София. Кн. I. София.

Извѣстія отдѣленія рускаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1907 г. Т. XII, кн. 1-я. Спб. 486 стр.; кн. 2-я. Спб. 501 стр.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, т. VI. Ташкентъ. 88+IX+XXX—XVI стр.

Исторія культуры. Расцвѣтъ и увяданіе въ жизни народовъ. Въ 3-хъ частяхъ. Въ основу положена исторія культуры А. Швейгеръ-Лерхенфельда. Дополненія сдѣланы по Липперту, Кольбу, Боклю, Милюкову и др. Переводъ и дополненія М .Н. Т., подъ редакціей В. В. Битнера. Со многими рисунками. Вып. II. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Исторія священства старообрядцевъ, пріемлющихъ священство отъ грекороссійской церкви, и о непрерывномъ другопріимствѣ, отъ 1666 г. и до манифеста 17 октября 7414—1905 г. Съ портретами нѣкоторыхъ священниковъ. Издалъ Л. М. Орловъ. Москва.

Истринъ, В. М. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Выпускъ I. Спб.

Кавелинъ, К. Д., проф. Наши инородцы и иновѣрцы. Спб.

Камасинскій, Я. В. (псевдонимъ). Отъ С.-Петербурга до Байкала. Путеводитель по сѣверной (С.-Петербургъ, Вологда, Вятка, Пермь, Екатеринбургъ, Челябинскъ) и Сибирской желѣзной дорогѣ. Спб.

Кларкъ, И. С. Спутникъ по Сибири, Маньчжуріи, Амуру и Уссурійскому краю. Выпускъ III. Лѣтнее движеніе 1907 года. Владивостокъ.

Ковалевскій, П. И., проф. Библія и нравственность. Спб. Изд. „Вѣстн. Душевныхъ Болѣзней", 5 е. 24 д. 60 стр.

Короленко, Владиміръ. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія, замѣтки. Шестое исправленное и дополненное изданіе. Спб.

Крашенинниковъ. Н. Угасающая Башкирія. М.

Кутшеба, Станиславъ, д-ръ. Очеркъ исторіи общественно - государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей прив.-доцента Имп. Петерб. университета Н. В. Ястребова. Спб.

Лезинъ, А. Финляндія. Съ рисунками. М.

Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znatnosti i Umjetnosti za godinu 1906. 21 svezak. U Zagrebu.

Лѣтопись Историко - Филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. XII. Одесса. 1905.

Лѣтопись... XIII. Византійско-Сл вянское отдѣленіе. VIII. Одесса. — XIV. Одесса.

Лядовъ, А. 35 пѣсенъ русскаго н рода для одного голоса съ сопр вожд. фортепьяно. Спб.

Лялина, М. А. Очерки исторіи Фи ляндіи отъ древнѣйшихъ време до начала XX столѣтія. Издалъ Березовскій. Спб. 1908.

Ляскоронскій, В. Г. Русскіе пох въ степи въ удѣльно-вѣчевое вре и походъ кн. Витовта на татаръ 1399 году. Спб.

Макаренко, Н. Отчетъ объ архе логическихъ изслѣдованіяхъ въ По тавской губерніи въ 1906 г. 54 с (Отт. изъ 22 в. „Изв. Археолог. Ком

Марръ, Н. Тексты и разысканія армяно-грузинской филологіи. Кни X. О раскопкахъ и работахъ въ А лѣтомъ 1906 г. (Предварительный четъ). Спб.

Матеріалы для статистики Ли ляндской губерніи. Т. II, вв. 4— Рига. 1906—1907.

Матеріалы и изслѣдованія по и ченію народной пѣсни и музыки. музыкальными приложеніями и люстраціями. Труды музыкально-эт графической комиссіи Т. I. М.

Матеріалы по масонству въ Росс Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб.

М—е. Сибирь и Дальній Восто Общія положенія.—Сибирь и А рика.—Положеніе наше на Дальне Востокѣ.— Значеніе Сибири.—Ко низація Сибири.—Значеніе пере ленія.—Богатства края. — Золото. Пути сообщенія, средства постро кн.—Выводы. Спб.

Менделѣевъ, Д. Къ познанію Росс Съ приложеніемъ карты Россіи. изданіе. Спб.

Мечъ, Сергѣй. Италія. Съ 40 рису въ текстѣ. 2-е изд. М. 88 стр.

Минеи-Четьи на русскомъ язы Книга 8-я. М. 516+2 стр., съ рис.

Морозовъ, Николай. Откровеніе грозѣ и бурѣ. Исторія возникнове апокалипсиса. Изданіе 2-е, испр ленное и дополненное. Съ 65 рису ками и снимками съ древнихъ аст номическихъ картъ Пулковской серваторіи. М.

Мюнстербергъ, Г. Американцы. Д ховная и соціальная жизнь. То второй. Переводъ съ нѣмецкаго.

Незеленовъ, А. Исторія русской с вестности. Часть I-я. Изд. 15-е. 239 стр.

Неслуховскій, К. Карта великаго

реселенія народовъ въ III, IV, V и VI вѣкахъ. Спб.

Нибуръ, Г. Г. Рабство какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. М.

Новомбергскій, Н. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. VII+387+XCIX+V стр.

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ.

Орловъ, К. В. О первобытномъ человѣкѣ. Вильна.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1906 г.. М. 179 стр.

Отчетъ о дѣятельности Музея Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго, за 1906 г. Спб. 16 стр.

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1906 г. 47+10 стр. F.

Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому Музею и общественной Библіотекѣ за 1905 г. Минусинскъ.

Павловскій, Владиміръ. „Вогулы". Казань. 229+VIII стр.

Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Составлена Н. А. Голубцовымъ. Архангельскъ. 1907.

Пантюховъ, И. И. Кіевскій и Уманскій уѣзды въ антропологическомъ отношеніи. Кіевъ.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. В. 1. Спб. 80 стр.

Его-же. Словарь якутскаго языка В. 1. 20 стр.+320 стлб. 4°.

Пермскій Научно - Промышленный Музей. Краткій указатель. Извлеченіе изъ путеводителя И. Г. Остроумова. Пермь.

Петрушевскій, Дмитрій, проф. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства М.

Платоновъ, С. Ѳ. проф. Лекціи по русской исторіи. Спб. 651 стр.

Потанинъ, Г. Областническая тенденція въ Сибири. Томскъ. 16 д. 64 стр.

Преображенскій, И. В. Подлинная или подложная книга Библія? (По поводу возбужденныхъ Гастономъ Чамберлэномъ толковъ объ „историческомъ подлогѣ"). Спб.

Путеводитель и планъ города Москвы. Краткое описаніе древнихъ и современныхъ достопримѣчательностей и окрестностей М. 1908.

Путеводитель по Туркестану и желѣзнымъ дорогамъ Ташкентской и Средне-Азіатской. 1907—1908. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ, подъ редакціей А. И. Дмитріева-Мамонова. Съ портретами. 240 фото-типогравюръ. Карта Туркестана. Спб.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ II. Изд. 3-е. Спб. 558 стр.

Rad. Jugoslavenske Akademije znatnosti i umjetnosti. Кн. 168 и 169. U Zagrebu.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Выпуски XXVII и XXVIII. Спб.

Ренанъ, Эрнестъ. Очерки по исторіи религіи. Переводъ съ французскаго Вл. Кауфмана. Книга первая. Спб.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Томъ шестнадцатый. Западная Сибирь. Съ 104 политипажами, 34 діаграммами, картограммами и схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами. Составили: И. П. Толкачевъ.—Г. М. Красныхъ.—А. Н. Сѣдельниковъ.—Ф. Н. Бѣлявскій.—С. Д. Чадовъ.—Б. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій. Спб.

Сапожниковъ, В. В., проф. Очерки Семирѣчья. II. Джунгарскій Алатау и одна экскурсія въ Заилійскомъ Алатау. Съ картами и 44 автотипіями. Томскъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. XXXVI. Тифлисъ.

Свѣнцицкій, Ил. „Архаггелови вѣщания Марии." і благовіщенська містерія. У Львові. 76 стр.

Сибиряковъ, А. М. О путяхъ сообщенія Сибири и морскихъ сношеніяхъ ея съ другими странами. Спб.

Симони, Павелъ. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Съ объяснительными замѣчаніями. Выпускъ II. 1. Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. съ 15 снимк. Спб. 29 стр.

Его же. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. VII, I. Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ. Съ портр. А. Н. Пыпина, снимками и прилож. чтенія „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи" съ отмѣтками Ѳ. И. Корша Спб. Изд. 2-е. доп. 1. нен.+3+88 стр.

8

Словарь русскаго языка 2-го отд. И. А. Н. Т. II, в. 9 (Зельецо-Зятюшко) Спб. Стлб. 2653—2966. 4°.

Соколовская, Тира Тайная масонская инструкція шотландскимъ мастерамъ (начало XIX в.). Изъ матеріаловъ для исторіи русскаго масонства. Спб.

— Уставъ вольныхъ каменьщиковъ (XVIII—XIX вв.). Изъ матеріаловъ для исторіи русскаго масонства. Спб.

Студитскій, И. Третій областной Историко - Археологическій Съѣздъ въ г. Владимірѣ, Кострома. 16 стр.

Стуковъ, Т. Народныя лекарственныя травы Забайкалья. VI вып. Читинск. отд. И. Р. Т. О-ва. Чита. 45 стр.

Сугорскій, И. Н. Въ туманахъ сѣдой старины. Къ варяжскому вопросу. Англо-русская связь въ давніе вѣка. Спб.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. В. XXVII—XXXI. Варшава, 1907.

Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Кн. VIII. Владиміръ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи 1906 г, вып., V—VI. Вятка. 60+183+12+72+VI. стр,

Труды Туапсинскаго научно-промышленнаго музея. Кн. I. Туапсе. 1907. 61 стр.

Тулуповъ, Н. В. и *Шестаковъ, П. М.* Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Часть I. 1. Изъ жизни первобытнаго человѣка. 2. Изъ исторіи русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка включительно. Со многими рисунками и снимками съ картинъ.

Тургеневъ, Николай. Россія и русскіе. Часть вторая. Первое русское изданіе.

Турцевичъ, Ар. Краткій историческій очеркъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906. Вильна. 66 стр.

Флоринскій, Т. Д., проф. Славянское племя. Статистико - этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ. Кіевъ.

Хавкина, Л. Б. Индія. Популярный очеркъ. Со многими рисунками и картой. М.

Харузина, В. Къ вопросу о почитаніи огня. (Отт. изд. 3—4 кн. „Этногр. Обозрѣніе" за 1906 г.).

Хахановъ, Александръ С. Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ 4-й Литература XIX вѣка. М.

Хитрово, Т. Л. Уралъ. Съ рисунками. М.

Что такое Библія? 1-й библейскій выпускъ. (Религіозно - философская библіотека вып. XII). М.

Шахматовъ, А. Какъ назывался первый русскій святой мученикъ? Спб. 4°. (Отт. изъ „Изв. И. А. Н.)."

Швабъ, Г. Мифы классической древности. Съ нѣм. Н. Свентицкой. М.

Шлейденъ, М. Я., проф. Мученичество евреевъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. А. Цукерманъ. Спб.

Штернъ, Э. фонъ. Изъ коллекціи I. Л. Копельскаго. Медальонъ съ изображеніемъ Афины изъ Ольвіи. Одесса. 8 стр. съ рис.

Энгельсъ, Фридрихъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. (По Моргану). Спб.

Я., Вас. 25 лѣтъ ученой дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. 3 стр. съ портр. (Отт. изд. „Русск. Стар.").

Яцимирскій, А. Румыно-славянскіе очерки. Судьба славянскихъ носовыхъ въ словахъ заимствованныхъ румынами. В. III, ч. 1, „Языкъ и этнографія." Спб. 20 стр.

Н. В.

Въ настоящее время книгоиздательскимъ товариществомъ „Просвѣщеніе“ печатается, подъ редакціей извѣстнаго библіографа г. Каллаша, полное **собраніе сочиненій** извѣстнаго писателя-этнографа **С. В. Максимова**, автора „Сибири и каторги“, „Поѣздки на Амуръ“, „Года на сѣверѣ“ и другихъ произведеній.

Императорское русское географическое общество рѣшило приступить къ составленію и изданію **новой географической карты Европейской Россіи**. Съ этой цѣлью совѣтъ общества обращается съ просьбой ко всѣмъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ оказать свое содѣйствіе въ доставленіи имѣющагося въ ихъ распоряженіи картографическаго матеріала, а также трудовъ соотвѣтственнаго характера административныхъ и общественныхъ учрежденій и проч.

Въ настоящее время въ „Сборникѣ И. А. Н.“ печатаются собраніе **русскихъ народныхъ драмъ**, собранныхъ Н. Н. Виноградовымъ. Къ тексту будутъ приложены и изслѣдованія въ области русской народной драматической поэзіи. Новое изданіе займетъ цѣлый томъ „Сборника“, т. е. свыше 50 печатныхъ листовъ.

Въ настоящее время открыта подписка на художественный фототипный **альбомъ „Вся Россія“**. Альбомъ будетъ состоять изъ фототипій историческихъ памятниковъ и этнографическихъ типовъ всей Россіи. Альбомъ предполагается изъ девяти томовъ, по 100 фототипій въ каждомъ.

Книгоиздательствомъ А. С. Суворина печатаются **Записки о московитскихъ дѣлахъ** Сигизмунда, барона Герберштейна. Перев. А. И. Малеина.

Изданіе **„Географическаго словаря Царства Польскаго** и сосѣднихъ славянскихъ странъ“, предпринятое въ Варшавѣ въ 1880 году, нынѣ закончено. Несмотря на цензурныя препятствія, словарь благополучно доведенъ до конца и представляетъ собою цѣнную географическую энциклопедію всѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ поляки. Все изданіе состоитъ изъ 15 большихъ томовъ. Цѣна словаря 40 руб.

Краковская академія наукъ приступила къ изданію **„Энциклопедіи польской культуры“**.

Въ настоящее время печатается второе русское изданіе книги д-ра *Ст. Кутшебы* **„Очеркъ исторіи общественно-государствен-**

наго строя Польши". Для этого изданія книга переведена съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей проф. [illegible]. В. Ястребова.

Г. Пекарскій готовитъ къ печати 2-й вып. **словаря якутскаго языка**, составленіе котораго ему поручила Императорская Академія Наукъ.

Гастонъ Кагенъ выпустилъ въ Парижѣ историческое изслѣдованіе о **сношеніи съ Россіей и Китаемъ** въ концѣ XVII и началѣ XIX вѣка.

Капитанъ Данри выпустилъ описаніе путешествія **изъ Самарканда въ Лассу** п. з. „Ordre du zar", съ иллюстраціями Дютріана.

Въ Штутгардтѣ вышло историко-богословское изслѣдованіе Т. Планга. **„Былъ ли Христосъ—индусъ?"**.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. 82-й. Спб. 1907.

Въ Отчетѣ о дѣятельности „Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. за 1906 г." помѣщены некрологи: академика А. Н. Веселовскаго, почетнаго академика В. В. Стасова, членовъ-корреспондентовъ М. С. Дринова и Фр. Бартоша. Особенной обстоятельностью отличаются первые два некролога. Кромѣ обзора дѣятельности Академіи и академиковъ, отмѣтимъ также и отчеты лицъ пользовавшихся пособіемъ на научныя работы отъ Академіи Наукъ. Изъ нихъ особеннымъ интересомъ для спеціалистовъ должны отличаться: „Отчетъ Н. Н. Дурново по разработкѣ матеріаловъ по южно-великорусскому нарѣчію для діалектологической карты русскаго языка"; „Отчетъ Л. Л. Васильева" и др.

Въ „Отчетѣ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 г." помѣщены отзывы проф. А. Будиловича на книгу С. К. Булича „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I"; И. Бычкова—на книгу Е. И. Соколова „Библіотека Имп. О-ва Исторіи и Древностей россійскихъ. В. 2-й. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г."; Н. Каринскаго—на работу Н. Дурново „Описаніе говора деревни Парфенокъ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи", и Хр. Лопарева — на книгу А. И. Яцимирскаго „Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ".

Въ Отчетѣ „О присужденіи премій имени графа Д. И Толстого въ 1906 г." помѣщены отзывы А. И. Соболевскаго на изслѣдованіе П. Г. Васенка „Книга Степенная Царскаго Родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть I".

И. В. Ягича—на изслѣдованіе А. М. Лукьяненка „Кайкавское нарѣчіе“, и Е. Ѳ. Карскаго на работу Я. Трусевича: „Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы. Изъ снимковъ рукописей X — XVIII вв. русско-юго-славянскихъ“.

О работахъ С. Малевича „Бѣлорусскія народныя пѣсни“; П. К. Симони „Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619 — 20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго Царства“, и Е. Ѳ. Карскаго „Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ“—см. далѣе отдѣльныя замѣтки.

Кромѣ того, въ 82-мъ томѣ „Сборника“ ... помѣщены посмертные труды П. А. Сырку, съ предисловіемъ А. И. Яцимирскаго—„Карансебешскій октоихъ второй половины XIII вѣка“ и „Изъ переписки Румынскихъ воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами“, а также—Н. К. Никольскаго „Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности“.

Н. В—въ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ Университетѣ. Т. XXIII, вып. 4. Казань. 1907.

На первомъ планѣ стоитъ статья Н. Ѳ. Высоцкаго: „Лихорадка, ея происхожденіе, причины и способы ле(ѣ)ченія, по народнымъ воззрѣніямъ“.

Приведя изъ печатныхъ источниковъ общеизвѣстныя свѣдѣнія о воззрѣніяхъ русскаго народа на лихорадку и малоизвѣстныя—казанскихъ вотяковъ, авторъ касается разныхъ названій этой болѣзни у нашего простонародья и раздѣляетъ ихъ на три категоріи: 1) *картинныя*, характеризующія болѣзнь по ея припадкамъ и послѣдствіямъ (трясовица, трясь, знобуха, холодная), 2) *ласкательныя* или *родственныя* (добрая, добруха, кума, матушка, сестра, тетушка) и 3) мѣстоименіе *она*. Съ тѣмъ, что сказано у автора относительно родственныхъ названій лихорадки и связанныхъ съ ними представленій, любопытно сопоставить слѣдующее интересное мѣсто изъ „Матеріаловъ по народной медицинѣ“ А. Макаренко (Спб. 1897; отдѣльный оттискъ изъ „Живой Старины“ за тотъ же годъ), касающееся представленій крестьянъ Ужурской волости, Ачинскаго уѣзда (Енис. губ.) о „кумушкѣ“, т.-е. о лихорадкѣ:

„Воображеніе крестьянъ, несвободное отъ различнаго рода суевѣрій, представляетъ себѣ кумушку живымъ существомъ, надѣленнымъ непонятною сверхъестественною силой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ она, одинаково съ чумой и холерой, становится видимой, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся въ глаза плохой одежонкой и старческимъ безобразіемъ лица. Внѣшнее безобразіе есть только оболочка того внутренняго ненасытнаго зла и неукротимой ненависти, какими полна кумушка по отношенію людей. Мучить и медленно изводить это племя—составляетъ ея единственное занятіе; созерцаніе человѣческихъ страданій и смерти, разносимыхъ кумушкой по землѣ, даетъ ей единственное наслажденіе“ (стр. 8).

Понятенъ тотъ ужасъ, который и до сихъ поръ внушаетъ лихорадка простому русскому человѣку, — понятно, почему о ней говорятъ въ третьемъ лицѣ...

„Ни при одной изъ различныхъ болѣзненныхъ формъ,—говоритъ г. Высоцкій,—теорія „вселенія духовъ“ и „одержанія“ ими не можетъ быть приложена для объясненія болѣзненныхъ явленій съ такой правдоподобностью, какъ именно при перемежающихся болѣзняхъ“ (стр. 263), въ томъ числѣ и при лихорадкѣ.

Въ концѣ статьи авторъ довольно подробно останавливается на средствахъ лѣченія, употребляемыхъ народомъ „сообразно его воззрѣніямъ на сущность лихорадки“, и раздѣляетъ ихъ на *мистическія* (моленія, заклинанія, заговоры и жертвы) и *эмпирическія*, т.-е. „тѣ народныя лѣкарства, при употребленіи которыхъ разсчитывается исключительно лишь на ихъ *физическія свойства*, способныя уничтожать или ослаблять болѣзнь“ (стр. 272). Къ числу мистическихъ средствъ авторъ относитъ и симпатическое лѣченіе лихорадки, описывая три практикующіеся въ народѣ пріема такого лѣченія: привязываніе лихорадки къ дереву, потопленіе и проклинаніе.

Таково содержаніе небольшой статьи г. Высоцкаго (стр. 249—273), носящей характеръ нѣкоторой недоконченности, какъ если бы статья почему-либо была оборвана.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, къ свѣдѣнію автора, что указываемое имъ дэйякское (даякское) названіе оспы личнымъ мѣстоименіемъ третьяго лица (стр. 259 и 261) не составляетъ чего-либо изъ ряда вонъ выходящаго: словомъ „она“ называютъ оспу, между прочимъ, такія различныя въ другихъ отношеніяхъ народности, какъ евреи и якуты.

Въ разбираемомъ, вообще скудномъ матеріалами, выпускѣ „Извѣстій“ помѣщена еще маленькая, въ двѣ страницы, замѣтка *Ив. Никитина-Юрки* о чувашскомъ музыкальномъ инструментѣ—пузырѣ (шăпăр), съ тремя рисунками, изображающими игру на немъ.

Въ приложеніи законченъ составленный свящ. Ант. Ивановымъ „Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ“. Указатель снабженъ алфавитнымъ перечнемъ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ немъ, и занимаетъ всего 63 страницы мелкой убористой печати.

Э. П.

Объ остаткахъ Якутскаго острога.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Выпускъ 24. Съ 18 таблицами и 50 чертежами. Спб. 1907.

Вышедшій недавно 24 выпускъ „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи“ посвященъ цѣликомъ изслѣдованію *Н. В. Султанова*, озаглавленному такъ: „Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. Спб. 1907 г.“ Какъ догадываются, конечно, читатели, дѣло идетъ объ остаткахъ такъ называемыхъ якутскихъ башенъ, судьба коихъ до сихъ поръ еще не рѣшена: продолжать ли имъ свое жалкое существованіе до полнаго саморазрушенія или же быть заблаговременно снесену путемъ продажи съ аукціона, какъ о томъ ходатайствовалъ передъ Археологической

Комиссiей одинъ изъ якутскихъ губернаторовъ? По признанiю Комиссiи, „Якутскiй острогъ является единственнымъ образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженiй XVI—XVII в. не только въ Россiи, но и во всей Европѣ" (стр. 116), а между тѣмъ ни у Комиссiи, ни у мѣстнаго областного начальства, ни у мѣстнаго городского управленiя не нашлось сравнительно незначительныхъ средствъ (нѣсколькихъ сотъ рублей) для исправленiя и поддержанiя помянутыхъ башенъ. На ходатайства якутскаго губернатора объ отпускѣ средствъ хотя бы на временное поддержанiе ихъ, Комиссiя, въ концѣ марта текущаго года, сообщила ему, что она вскорѣ намѣрена обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою объ отпускѣ необходимыхъ средствъ, пока же проситъ губернатора „принять всѣ зависящiя отъ него мѣры для поддержанiя острога".

„На этомъ переписка пока и оканчивается" —говоритъ авторъ названной выше книги, прибавляя отъ себя слѣдующее пожеланiе:

„Будемъ надѣяться, что новый Якутскiй губернаторъ *И. И. Крафтъ*, человѣкъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ Якутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанiю" (стр. 117).

Въ своемъ изслѣдованiи г. Султановъ съ большимъ трудолюбiемъ воспроизвелъ, на основанiи архивныхъ и литературныхъ данныхъ, полную картину возникновенiя, развитiя и постепеннаго упадка Якутскаго острога, служившаго нѣкогда центральнымь пунктомъ, изъ котораго, по выраженiю автора, „русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ" (стр. 13). Съ любовью заинтересованнаго въ дѣлѣ спецiалиста, не мало поработавшаго надъ изученiемъ памятниковъ зодчества у народовъ древняго и новаго мiра, авторъ снабдилъ свою книгу 50-тью чертежами въ текстѣ и 18-тью таблицами въ приложенiи, тщательно исполненными и значительно облегчающими изученiе Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ. Хотя данная работа читается съ большимъ интересомъ и не-спецiалистомъ, но врядъ ли она можетъ дойти скоро до широкой публики въ виду вообще малой распространенности изданiя, въ которомъ она помѣщена, такъ что обыкновенные читатели могутъ узнать о ней лишь случайно. Это соображенiе и побудило меня обратить вниманiе читающей публики на книгу, трактующую объ интересномъ эпизодѣ изъ русской старины. Но была для этого и другая, болѣе узкая, но достаточно важная побудительная причина: это—обратить вниманiе любителей старины на заключенiе автора, въ которомъ онъ намѣчаетъ вопросы, подлежащiе разрѣшенiю на мѣстѣ, „мѣстными силами". Въ главнѣйшемъ вопросы эти сводятся къ слѣдующему:

„1) Какова истинная длина всей стѣны (между башнями) и каковы настоящiе размѣры всѣхъ уцѣлѣвшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько наросла земля около стѣны и башенъ.

3) Былъ или нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочiе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для всхода на стѣны извнутри „города“.

6) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы проѣзжей башни „острога“.

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный выступъ.

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ“.

„Вотъ — заканчиваетъ авторъ — вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ“ (стр. 118—119).

Полагаю, что „мѣстныя силы“ не только не обманутъ надеждъ автора, но, при изслѣдованіи памятника, соберутъ и всѣ циркулирующія среди мѣстнаго населенія, русскаго и инородческаго, преданія и легенды, связанныя съ исторіей якутскихъ башенъ.

Въ самомъ концѣ книги г. Сазонова приведены еще краткія указанія на существованіе въ Колымскомъ округѣ одной полуразвалившейся деревянной башни (остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога) и въ Вилюйскомъ округѣ одной башни, старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній изъ бересты, надѣвавшихся на шею или на грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ).

Сообщаемыя свѣдѣнія авторъ разсматриваетъ не какъ „археологическій матеріалъ“, а лишь какъ „свидѣтельскія показанія“ для будущихъ изслѣдователей и оговаривается, что свѣдѣнія эти относятся къ 1887 году и въ настоящее время могутъ оказаться совершенно невѣрными, — даже болѣе: „вполнѣ возможно — говоритъ авторъ — что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда“ (стр. 153 — 154).

Нельзя не присоединиться къ пожеланію автора, чтобы мѣстныя силы „поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ уцѣлѣвшими тамъ остатками древнерусской жизни“. Жаль только, что обыкновенно мѣстныя силы вовсе не встрѣчаютъ должной поддержки въ центрахъ русской умственной жизни и вынуждены дѣйствовать исключительно на свой страхъ.

Эд. Пекарскій.

„Етнографичний збірникъ.“ Видаэ етнографічна комісія наукового товариства имени Шевченка. Т. XIX. Коломийки. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. III. У Львові, 1907. г.

Въ III-й т. „Коломийок“ помѣщено 2830 нумеровъ. Имѣется въ виду еще IV-й, послѣдній, томъ. Коломийки даннаго сборника объединяются темой: „Любов і подруже“.

И. А.

С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни (Сборникъ Отд. р. я. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXII, № 5. 1907).

Появившійся подъ такимъ названіемъ сборникъ (194 стр.), кромѣ введенія и краткаго очерка звуковъ, формъ и строя рѣчи живого бѣлорускаго нарѣчія, съ приложеніемъ небольшого словаря, заклю-

чаетъ въ себѣ одну сказку и 258 пѣсенъ, которыя распредѣлены на щедреція (3), весеннія (4), купальныя (7), лѣтнія (24), любовныя (56), свадебныя (64), семейныя (48), солдатскія (10), молодецкія (5) и шуточныя (37). Подъ каждою пѣсней обозначено селеніе, въ которомъ она записана.

Какъ видно изъ введенія, всѣ пѣсни записаны собирателемъ лично въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пяти сосѣднихъ селеніяхъ Ланьской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи отъ пожилыхъ деревенскихъ женщинъ и подростковъ. Особенности произношенія переданы фонетическимъ письмомъ. Къ сожалѣнію, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкѣ не проставлены ударенія, цѣнныя для акцентовки. Большинство пѣсенъ чисто бѣлорусскаго происхожденія, хотя въ нихъ попадается много полонизмовъ. Это, отчасти, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Ланьская волость расположена вблизи г. Несвижа, который въ теченіе многихъ столѣтій является очагомъ польскаго вліянія на окрестныхъ жителей. Остальныя пѣсни частью заимствованы отъ великоруссовъ, какъ, напримѣръ, „Ой, да ты калинушка“ (стр. 35), частью же передѣланы изъ малороссійскихъ. Изъ такихъ можно указать на любовныя пѣсни подъ №№ 21, 22, 25 и 26. Что же касается уже указанной пѣсни на стр. 35, то она и въ настоящее время почти дословно поется въ д. Паклино, Псковской губерніи и уѣзда. Для сравненія привожу ее цѣликомъ:

Раскалинушка, размалинушка,
Ты не стой, не стой
    На горѣ крутой.
Ой да не спускай листья во сине море.
Ой да какъ по синю морю
    Корабель плыветъ.
Корабель плыветъ, и вода воётъ.
Ой да какъ въ томъ караблѣ
    Два полка солдатъ.
Два полка солдатъ, молодыхъ ребятъ,
Офицеръ маіоръ Богу молится
    Предъ иконою.
Молодой солдатъ домой просится:
— Ахъ ты офицеръ-маіоръ
    Отпусти меня домой.
Отпусти меня домой къ отцу, къ матери родной
Къ отцу, къ матери родной, къ малымъ дѣтушкамъ
    Да къ женѣ молодой.

Въ краткомъ словарѣ можно указать на нѣкоторыя неточности, напр.: „дамави́на“—гробъ, а не могила, какъ утверждаетъ г. Малевичъ; „крамянѐцъ“—кусочекъ кремня, а не садикъ, полисадникъ; „падлàсы“—съ бѣлымъ брюхомъ (о животномъ), а не желтоватый, свѣтло-коричневый; „пы́ськи“—морда, а не щеки, щечки; „цесля“—плотникъ, а не подмастерье; „цямицца“—примѣчать, присматриваться, а не скрыться съ глазъ, пропадать, исчезать; „шлягацца“—стегаться, ударяться, а не шляться, таскаться; „ялавѐцъ“—особый

видъ жестокой сухой травы, а не мелкорослый ельникъ; можжевельникъ (по-бѣлорусски—ѐльничакъ; елуо̂вецъ). Тѣмъ не менѣе въ сборникѣ г. Малевича много данныхъ для сужденія о фонетикѣ и морфологіи бѣлорусскаго нарѣчія, не говоря уже о цѣнности чисто бытовыхъ данныхъ.

А. Сержпутовскій.

Самойловичъ, А. Памяти П. М. Меліоранскаго. Спб. 1907. Стр. 24 (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общества. Томъ XVIII).

Некрологъ покойнаго профессора по каѳедрѣ турецко-татарской словесности въ Петербургскомъ университетѣ П. М. Меліоранскаго (ум. 16 мая 1906 г.), составленный однимъ изъ его учениковъ, былъ напечатанъ ранѣе въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1907, апрѣль). Нынѣ некрологъ появляется съ нѣкоторыми дополненіями, двумя приложеніями, содержащими библіографическій обзоръ и краткую опись бумагъ, оставшихся послѣ П. М. Меліоранскаго, и портретомъ покойнаго съ его факсимиле. Работа выполнена г. Самойловичемъ съ рѣдкою аккуратностью и вся проникнута трогательною любовью благодарнаго ученика къ своему безвременнопогибшему, на 38 году жизни, учителю-профессору, который, по свидѣтельству автора, былъ единственнымъ, послѣ академика В. В. Радлова, русскимъ туркологомъ, „*спеціально углубившимся* въ лингвистическую область науки о туркахъ“.

Живая Старина своевременно отмѣтила на своихъ страницахъ (1906, вып. III) крупную потерю, понесенную наукою турковѣдѣнія въ лицѣ покойнаго П. М. Меліоранскаго.

Э. П.

Словарь якутскаго языка, составленный Э. К. Пекарскимъ (1882—1907 г.г.) при ближайшемъ участіи прот. Д. Д. Попова и В. М. Іонова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ 1-й (а, ӓ). Спб. 1907. [Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896). Томъ III. Часть I].

Когда въ 1899 году Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обратился въ Императорскую Академію Наукъ съ просьбою взять на себя печатаніе Якутскаго Словаря Э. К. Пекарскаго, то Академія, вслѣдствіе прекраснаго отзыва Комиссіи, просмотрѣвшей представленную отпечатанную букву а, рѣшила взять на себя печатаніе этого обширнаго труда. По независящимъ ни отъ Академіи, ни отъ автора причинамъ, печатаніе это замедлилось, и, наконецъ, первый выпускъ (содержащій слова, начинающіяся буквами а и ӓ) вышелъ въ свѣтъ въ 1907 году.

Въ предисловіи къ своему труду Э. К. Пекарскій подробно излагаетъ причины замедленія изданія и даетъ подробное описаніе хода своихъ работъ. При этомъ авторъ, по скромности своей, больше указываетъ на заслуги своихъ сотрудниковъ, чѣмъ на собственные труды. Составленіе такого полнаго словаря было возможно только при всестороннемъ изученіи языка якутовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ и умственной ихъ жизни. Проживая среди якутовъ, авторъ сначала

записывалъ встрѣчавшіяся ему слова только для практической цѣли и тщательно дополнялъ свой запасъ при каждомъ удобномъ случаѣ— и при разговорѣ съ якутами, и изъ печатанныхъ русскими буквами якутскихъ книгъ. Научная обработка словаря началась только послѣ того, какъ авторъ познакомился съ научно-разработаннымъ словаремъ Бётлинга. Принявъ послѣдній въ основу и дополнивъ его своими матеріалами, авторъ въ теченіе двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ старался по возможности исчерпать все богатство якутской рѣчи. Успѣхи Э. К. Пекарскаго въ этомъ направленіи побудили протоіерея Д. Д. Попова, Вс. М. Іонова и другихъ изслѣдователей быта и языка якутовъ предоставить собранные ими матеріалы составителю словаря, такъ какъ они видѣли въ этомъ лучшій способъ для совершенствованія собственныхъ изслѣдованій.

Перечень источниковъ якутскаго словаря, приведенный въ предисловіи (стр. X—XVI), указываетъ на болѣе 100 печатныхъ и и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ авторъ извлекалъ матеріалы для своего словаря. Въ словарѣ, при всякомъ словѣ, указывается сколько-нибудь значительное фонетическое отступленіе, всякое рѣдкое значеніе; при этомъ отмѣчается заглавными буквами источникъ, въ которомъ они встрѣчаются. Перечень же пособій, приведенный въ томъ же предисловіи, доказываетъ, что авторъ знакомъ съ лингвистической литературой и старался выяснить связь между якутскими словами и словами родственныхъ языковъ.

Принявъ участіе въ изданіи словаря тѣмъ, что вмѣстѣ съ авторомъ тщательно проштудировалъ каждый корректурный листъ, я могъ убѣдиться въ обширности знакомства автора со своимъ предметомъ и въ тщательной обработкѣ каждой отдѣльной статьи. Всѣ слова приведены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ, и при каждомъ словѣ указано въ скобкахъ: 1) на различный выговоръ его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ находилъ приведенную въ источникѣ форму невѣрною, 2) на якутскую основу, отъ которой это слово происходитъ, 3) на слова языковъ, отъ которыхъ, оно вѣроятно, происходитъ, и, наконецъ, 4) приведены всѣ синонимы, встрѣчающіяся въ якутской рѣчи. Изъ русскихъ словъ приведены, понятно, только тѣ, которыя вполнѣ усвоены якутами. Каждое якутское слово и приведенныя при немъ этимологическія указанія выведены въ отдѣльныя строчки и ясно отличаются по шрифту и по мѣсту отъ данныхъ къ нимъ объясненій. Въ объясненіяхъ къ словамъ цыфрами указано на различныя значенія (прямое и переносное), и при нихъ приведены, какъ доказательство вѣрности того или другого значенія, фразы, встрѣченныя авторомъ въ разговорѣ съ якутами или въ письменныхъ и печатныхъ текстахъ другихъ авторовъ; при этомъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, всегда указанъ источникъ, изъ котораго взята данная фраза.

Транскрипція якутскихъ словъ сдѣлана по алфавиту Бётлинга и проведена строжайшимъ образомъ: нигдѣ не встрѣчается колебанія въ передачѣ словъ, если таковое не замѣчено и въ рѣчи якутовъ. Отступленія отъ правописанія Бётлинга изложены въ статьѣ (предисловіе, стр. VII—IX), подписанной В. Іоновымъ и Эд. Пекарскимъ. *Съ этими* измѣненіями я не могу вполнѣ согласиться. Несомнѣнно

вѣрно, что обозначеніе нн̓ Бётлинга слѣдуетъ передать черезъ н̓н̓, такъ какъ въ выговорѣ якутовъ оба н выговариваются смягченными. Точно такъ же совершенно вѣрно, что слѣдовало ввести l'l', т.-е. двойной смягченный l, котораго у Бётлинга нѣтъ. Но если вмѣсто н̓, н̓н̓, l'l' въ другихъ говорахъ встрѣчаются ц, нц, lц, то и слѣдовало бы привести эти формы въ словарѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, какъ, напр., сан̓н̓ылыі и санцылыі, хаl'l'ȧјы и хаlцȧјы, кӯтӯмн̓ӱ и кӯтӯмцӱ. Для чего было придумывать особый знакъ, указывающій на оба выговора: санјылыі, хаlјȧјы, кӯтӯмнјӱ?

Еще болѣе неудобно употребленіе сложнаго знака нј и дј вмѣсто смягченнаго н̓ и д' для указанія на то, что они въ говорахъ чередуются съ ц, ибо этимъ нарушается правило, что каждый отдѣльный звукъ долженъ обозначаться однимъ знакомъ. Слѣдовало привести въ словарѣ обѣ формы: д'іӓ и ціӓ, н̓ім и цім, хабд'ы и хабцы.

Далѣе, слѣдовало бы измѣнить невѣрное начертаніе двойного чч. Такая транскрипція требуетъ выговора ᵀшᵀ ш, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности удваивается только первая часть звука ч (= ᵀᵀч), что и слѣдовало передать черезъ тч.

Но эти недостатки транскрипціи не введутъ читателя въ заблужденіе, когда онъ усвоитъ содержаніе приведенной въ предисловіи статьи.

Якутскій словарь Э. К. Пекарскаго заслуживаетъ того, чтобы быть названнымъ капитальнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу. Онъ не только является прекраснымъ пособіемъ при изученіи якутскаго языка и для пониманія якутскихъ текстовъ, но открываетъ намъ полную картину умственной жизни народа, заброшеннаго судьбою на далекій сѣверъ Азіи, насколько она отражается въ богатѣйшемъ его языкѣ. Я не знаю ни одного языка, не имѣющаго письменности, который можетъ сравниться по полнотѣ своей и тщательности обработки съ этимъ истиннымъ Thesaurus linguae Jakutorum, да и для многихъ литературныхъ языковъ подобный словарь, къ сожалѣнію, остается еще надолго pium desiderium.

В. Радловъ.

К. **Иностранцевъ**. Туркестанскіе оссуаріи и астоданы. Спб. 1907. — Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 1907. (Отдѣльные оттиски изъ Записокъ Восточн. Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общ., т. XVII, стр. 0166—0171 и т. XVIII, стр. 064—067).

Относительно оссуаріевъ (астоданы то жъ), т.-е. такъ называемыхъ глиняныхъ гробовъ или, вѣрнѣе, костехранилищъ, въ которыхъ, согласно древнему религіозному обычаю, хранились кости покойниковъ, до сихъ поръ „наиболѣе *вѣроятнымъ* представлялось *апріорное предположеніе* о принадлежности ихъ до-мусульманскому, огнепоклонническому населенію". Такимъ образомъ, вопросъ объ оссуаріяхъ, этихъ памятникахъ до-мусульманской эпохи западной части Средней Азіи, остается открытымъ и можетъ быть выясненъ лишь путемъ сравнительнаго изученія сходныхъ памятниковъ въ области ихъ

распространенія. Обѣ замѣтки г. Иностранцева написаны съ цѣлью, во-первыхъ, указать на необходимость „привлеченія сравнительнаго матеріала“ для выясненія вопроса и, во-вторыхъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя данныя и извѣстія, которыя сами могутъ послужить искомымъ сравнительнымъ матеріаломъ.

Э. П.

Ц. Жамцарановъ. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд, И. Р. Арх. Общ., т. XVII. Спб. 1907 Стр. 20+1 стр. поправокъ.

Молодой лекторъ монгольскаго языка на факультетѣ восточныхъ языковъ И. Спб. университета Ц. Жамцарановъ предпринялъ въ 1903 и 1904 гг. поѣздки для собиранія матеріаловъ устной литературы своихъ родныхъ монгольскихъ племенъ, первый разъ по порученію И. Академіи Наукъ, второй—Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Въ 1903 г. Ц. Жамцарановъ посѣтилъ бурятъ: эхридъ и булгадъ въ Иркутской губерніи, а въ 1904 г.—халхасцевъ въ Ургѣ. Извлеченія изъ обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ Ц. Жамцарановымъ за два года, и заключаются въ статьѣ, заголовокъ которой нами выписанъ выше.

Статья разбита на 4 отдѣла: I—добрыя пожеланія (ӯрӧр), числомъ 20. II — пословицы (шоjі хӯр), числомъ 21. III—загадки (тā̆бā̆рі), числомъ 30. Если при собраніи пословицъ и загадокъ не было системы, которая отсутствуетъ въ статьѣ, то этнографы объ этомъ очень пожалѣютъ: при случайномъ собираніи могутъ оказаться обойденными какъ разъ самыя интересныя группы этихъ блестокъ народной мудрости и наблюдательности. IV—пировая пѣсня.

Матеріалы напечатаны въ два столбца: налѣво монгольскій текстъ, направо—русскій переводъ. Вставочныя и пояснительныя слова заключены въ скобки, чѣмъ увеличивается точность перевода. Многочисленныя сноски къ лѣвому столбцу содержатъ лингвистическія поясненія, а къ правому—этнографическія. И въ транскрипціи текста, и въ переводѣ видна тонкая аккуратность. Обнародованіе матеріаловъ Ц. Жамцаранова полностью сулитъ много цѣннаго и интереснаго какъ для лингвистовъ, такъ и для этнографовъ. Остается пожелать, чтобы матеріалы не залеживались, а это, къ сожалѣнію, бываетъ...

Указанія на ранѣе изданныя монгольскія пословицы и загадки принадлежатъ приватъ-доценту А. Д. Рудневу, какъ видно изъ его послѣсловія къ статьѣ Ц. Жамцаранова. Это послѣсловіе содержитъ въ себѣ весьма цѣнную библіографическую справку о загадкахъ и пословицахъ бурятъ и др. монгольскихъ племенъ. Обнародованіе при случаѣ такихъ справокъ по различнымъ отдѣламъ монголовѣдѣнія, турковѣдѣнія и т. д. очень полезно и желательно, какъ подготовительная стадія для полныхъ библіографическихъ указателей литературы объ отдѣльныхъ племенахъ и народностяхъ Азіи. Именно предметная система должна быть, по нашему, положена *въ основу* подобныхъ указателей (ср. Orientalische Biblio-

graphie) [1]; потребность же въ нихъ будетъ все возрастать даже и въ такихъ небогатыхъ литературою областяхъ, какъ монголовѣдѣніе.

А. С.

Dr. Alois Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg. 1906. C. Winters Universitätsbuchhandlung, Sammlung indogermanischer Lehrbücher herausgegeben von Dr. H. Hirt, II Reihe: Wörterbücher, I Band, XLVIII+870 S. 8°.

Позднѣе, чѣмъ подобаетъ рецензенту, мы находимъ время для оцѣнки книги, заглавіе которой нами выписано здѣсь; но на врядъ ли мы опоздали со своей рецензіей: трудъ Вальде при своемъ появленіи не только оказался на высотѣ современной этимологической науки, но подвинулъ ее впередъ значительнѣе, нежели всѣ этимологическіе словари, появившіеся за послѣднее время, вмѣстѣ. Достоинствами, благодаря которымъ этотъ трудъ можетъ считаться классическимъ, слѣдуетъ признать подробное знакомство автора: 1) съ исторіей латинскаго языка въ связи съ позднѣйшей судьбой его до развѣтвленія и образованія современныхъ романскихъ нарѣчій, 2) съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ и исторіей каждаго изъ нихъ, 3) обстоятельное знакомство его съ *предметами*, котораго мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не замѣчали у составителей этимологическихъ словарей (Bréal, Prellwitz, Uhlenbeck, отчасти Kluge), 4) прямо поразительное знакомство и добросовѣстность въ использованіи богатой этимологической литературы.

Всѣ эти достоинства позволяютъ намъ уже болѣе не распространяться о высокихъ преимуществахъ разбираемаго труда и только рекомендовать его лингвистамъ, филологамъ, историкамъ культуры, литературы и религіи для внимательнаго изученія. Можно также надѣяться, что словарь Вальде въ обширномъ кругу не узкихъ спеціалистовъ по данному предмету возстановить репутацію „сравнительнаго языкознанія", поколебленную гипотетическими наклонностями нѣкоторыхъ представителей геттингенской школы.

Послѣ сказаннаго я уже прямо перехожу къ недостаткамъ этимологическаго словаря; что таковые дѣйствительно имѣются и все-таки въ большемъ количествѣ, чѣмъ ниже найдетъ возможнымъ отмѣтить рецензентъ, — понятно всякому, кто занимался такими вопросами. Такъ Гесихіева глосса ἄβιν. ἐλάτην, οἱ δὲ πεύκην (3) объявляемая исконно-родственной лат. abies (3), должна быть признана относящейся къ эллинистической Κοινή, какъ многія глоссы Гесихія (см. Thumb, Hellenismus 217 sq.), и поэтому скорѣе всего можетъ быть причислена къ латинскимъ элементамъ въ позднѣй-

[1] Большимъ неудобствомъ является, напримѣръ, то, что, достойный всякой похвалы, капитальный трудъ А. Е. Алекторова: „Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ" (Каз. 1900 г.) составленъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ авторовъ, такъ что для знакомства съ литературой любого вопроса о киргизахъ приходится каждый разъ перелистывать всѣ 900 съ лишнимъ страницъ указателя! Алфавитный списокъ именъ авторовъ тоже нуженъ, но его слѣдуетъ давать только какъ приложеніе къ основному предметному указателю.

шемъ греческомъ языкѣ.—Подъ словомъ alausa (17) отсутствуетъ указаніе галльскаго источника, откуда заимствовано это названіе рыбы; въ данномъ случаѣ было бы желательно замѣчаніе, что извѣстіемъ о галльскомъ происхожденіи слова мы обязаны Авсонію, Mosella 127, см. Kluge E. W.[6] 11.—Слово argilla, argīla (44) выводится изъ греч. ἄργιλος; напрасно авторъ не объяснилъ измѣненія рода въ этомъ словѣ: несомнѣнно мы имѣемъ дѣло опять съ заимствованіемъ эллинистическаго періода, когда древне-греческія feminina на—ος были замѣнены именами съ окончаніемъ—η, см. Lange, De substantivis femininis graecis secundae decl. 1 sq., Hatzidakis Einl. 23 sq., ошибочно Claussen Gr. Lehnw. im Frz. 28 sq.—Подъ словомъ baubor (63) не мѣшало бы присоединеніе къ разсматриваемой этимологической группѣ того, что приводитъ Radermacher Rh. Mus. LIX 311—313.—Слово burgus, выводимое авторомъ изъ германскихъ нарѣчій, скорѣе слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ греч. πύργος (76) см. Thumb. IF XIV 261, G. Meyer Türk. Stud. I 42, ошибочно Thumb. Germ. Abh. f. H. Paul 233.—Слово cammarus (88) правильно выводится изъ греч. κάμαρος; „удвоеніе“ въ немъ согласнаго нами будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ, какъ проявленіе дѣйствія экспираторнаго ударенія въ эллинистической народной рѣчи (ошибочно Claussen Gr. Lehnw. 79 sq., N. Jb. f. kl. Alt. XV 411), поэтому неосновательно сомнѣніе Uhlenbeck'a Got. Wb. 2, G. Meyer'a Ngr. Stud. III 22 sq.—castanea (103) неточно выводится изъ греч. κάστανον; слѣдовало бы указать форму καστανέα.—Славянскія формы, приводимыя подъ словомъ cattus (105): котелъ, котъка—заимствованы изъ греч. яз. и поэтому могли быть пропущены, см. М. Фасмеръ, Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ XII, кн. 2, стр. 247, гдѣ указана и литература о словѣ.—Лат. catasta (104) безъ сомнѣнія восходитъ къ κατάστα, а не cat'hasta (—безтолковая этимологія Штовассера, Progr. d. Franz-Joseph Gymn. zu Wien XXIX); при чемъ κατάστα : κατάστασι : κατάστασις получилось, какъ напр. слово περιόρα, Syme, Syllogos VIII 477 изъ περιόρασι : περιόρασις.—Слово citrus правильно получилось изъ κέδρος (см. Claussen c. l. 70 sq.) и здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ „измѣненію“ dr > tr, какъ это дѣлаетъ W. (122).—Слово cucuma нашъ авторъ отдѣляетъ отъ cucumis едва ли не безъ основанія: хотя W. и указываетъ для него только значеніе: „поваренная посуда“, на основаніи котораго онъ уже выводитъ это слово изъ coquo (154), но въ лат. яз. имѣлось и болѣе распространенное значеніе „bauchiger Wasserkrug“, („выпуклый сосудъ для воды“), сохранившееся въ романскихъ языкахъ (см. Körting[2] 284) и въ заимствованіяхъ въ греческомъ и албанскомъ языкахъ (см. G. Meyer, Ngr. St. III 34, Alb. Wb. 194, Matzenauer 227, М. Фасмеръ Изв. XII кн. 2 стр. 249). Отсюда же вполнѣ возможно сближеніе cucuma съ cucumis, которому на основаніи этимологіи W. (154) слѣдуетъ приписывать древнѣйшее значеніе „тыква“ (къ значенію см. еще Гоголь, Сочиненія II 287 изд. Шенрока). — Ст.-слав. чеканъ „malleus rostratus“ вѣроятно совсѣмъ не относится сюда, такъ какъ выводится изъ ср.-греч. τσόκανος, что подтверждается русск.-діал. чока́н, „ударъ“ Вятск. Сб. отд. русск. яз. и слов. LXXVI, 175

и проч. (Къ этимологіи греческаго источника см. G. Meyer Ngr. St. II 89, IV 93, Schuchardt, Zeitschr. f. rom. Phil. XV 104 sq.).— Греч. γόπη „выпуклость“ (160) можетъ быть понято какъ позднѣйшее измѣненіе формы κόπη въ Sandhi уже въ эллинистическую эпоху (см. M. Vasmer B Z XVI 544—549), поэтому ее рисковано считать вмѣстѣ съ Walde 160, Zupitza, K Z XXXVII 390, Sandhi'ческой дублеттой этой формы уже въ эпоху аріоевропейскаго праязыка.— Слово drungus наврядъ ли можно признать кельтскимъ (185). тѣмъ болѣе, что есть данныя, указывающія на германское его происхожденіе, см. Thumb., Germ. Abh. f. H. Paul 235 sq., Vendryes De hibern. voc. 136 (см. еще Walde 702).—dūracinus (188) авторъ правильно возводитъ къ названію города Dyrrachium, однако уже не впервые, ибо ту же этимологію далъ Reinach, Rev. ét. gr. XII 48—52, см. еще Krumbacher, B Z IX 258, G. Meyer Türk. St. I 29, Korais Ἄτακτα I 189, Miklosić Türk. El. Nachtr. II 106.—Для слова gabata W. (257) нашелъ правдоподобную этимологію; не объясненное имъ вульг.-лат gavata я считаю обратнымъ заимствованіемъ изъ ср.-греч. γαβάθα (примѣры G. Meyer Ngr. Stud. III 19).— Формы camba, gamba (259) правильно выводятся изъ греч. яз. Разные начальные согласные въ этихъ формахъ объясняетъ средствами греческаго языка M. Vasmer B Z XVI 544—549, Claussen Gr. Lehnw. 73.—Лат. gerres (265) я не въ состояніи соединить съ греч. γάρος, γάρον; это послѣднее я считаю заимствованіемъ изъ сѣверно-балканскихъ языковъ (ѳракійскаго?), въ виду начальнаго согласнаго въ ново-греч. gάρος, см. Фасмеръ Изв. XII кн. 2 стр. 226, и сопоставляю съ ст.-слав. гаръ (*gōr—).—Слово grabātus безъ затрудненій выводится изъ греч. κράββατος, см. Claussen c. l. 79 (но Walde 273); о судьбѣ начальнаго согласнаго см. выше подъ словомъ camba и γόπη.—Слово gunna по фонетическимъ причинамъ слѣдуетъ считать не кельтскимъ (278), а славянскимъ, прошедшимъ чрезъ греческое посредство (см. M. Vasmer, B Z XVI 503 sq.).—Несмотря на разсужденія автора (324) для насъ крайне сомнительно происхожденіе сербск. слов. lopuch изъ лат. lappa.— Слово orca „китъ“ точнѣе возводить не къ греч. ὄρυξ (436), а къ позднѣйшему ὄρυγα.—Слово platessa (473) W. возводитъ къ греч. πλατύς, что сомнительно, въ виду отсутствія въ греческомъ языкѣ формъ, болѣе близкихъ по звукамъ и по значенію. Я считаю латинское слово передѣлкой славянскаго плотица „leuciscus rutilus“ и ссылаюсь на нѣм. Plötze (см. Brehm Tierleben, Volksausg. II 326) и новогреч. πλατίτσα (см. G. Meyer Ngr. St. II 50 sq.), какъ на свидѣтельства широкаго распространенія этого славянскаго названія рыбы, въ чемъ вижу подтвержденіе своей догадки о происхожденіи латинскаго слова изъ того же источника.—Лат. querquedula вмѣстѣ съ вульг.-лат. cercittula слѣдуетъ считать заимствованіемъ изъ греч. κερκιθαλίς (см. Claussen c. l. 30, 35 и 80); авторъ ошибочно предполагаетъ исконное родство этихъ словъ (533 и 712).—Слово runcina (533) заимствовано изъ греч. ῥυκάνη, въ чемъ насъ убѣждаетъ вульг.-лат. rucina, см. Claussen c. l. 27.—Русск. саванъ заимствовано не изъ латинскаго языка, а изъ греческаго, см. M. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 273, на что указываютъ звуки (ошибочно

Walde 536).—Ст.-слав. сакуль заимствовано также изъ греческаго языка (537) см. М. Фасмеръ Изв. XII, 2, 273.—Къ образованію лат. russus (535) изъ rudh-so вполнѣ точной параллелью является родственное съ нимъ, но не заимствованное (ошибочно G. Meyer Ngr. St. III 57, Matzenauer Listy Fil. XVII 193, Cizí slova 72) ст.-слав. русъ (см. Pedersen JF V 39, 41 и 58).—Русск. самвикъ заимствовано изъ греч. σαμβύκη, неточно W. 543.—Лат. spelunca (588) уже Claussen 33 правильно объяснилъ изъ σπήλυγγα : σπῆλυγξ. — sporta (590) W. Schulze Sitzungsb. d. Berl. Akad. 1905 стр. 726 сл. объясняетъ этрусскимъ посредствомъ изъ греч. σφυρίς.—Слово tessera (625) безъ затрудненій можетъ быть возведено къ эллинистическому τέσσερα получившемуся изъ τέσσαρα путемъ ассимиляціи (см. Dieterich, Untersuchungen 4 sq., Nachmanson 146, Mayser 14 и 57, G. Meyer Gr. Gr.[3] 261 и 499).—Къ слову verbena я присоединяю темное мѣсто въ Carmen arvale : stā verber; въ stā я вижу форму iniunctivi „да возвысится", а verber сопоставляю съ др.-верх.-нѣм. rëba, въ которомъ вижу сохраненіе древнѣйшаго значенія: „виноградная лоза" (см. 658).—Слово viverra отъ славянъ попало къ римлянамъ чрезъ греческое посредство, см. M. Vasmer B Z XVI 554 (иначе W. 679).—mulus едва ли правильно нашъ авторъ сближаетъ съ алб. mušk, хотя для послѣдняго имѣется другая этимологія (см. G. Meyer Alb. Wb. 293, JF I 322 sq.), подтверждаемая свидѣтельствами древнихъ авторовъ, см. Schrader Reall. 205 sq.—Слово remulcum (520 сл. и 712 сл.) нашъ авторъ объясняетъ средствами латинскаго языка, хотя Claussen 110 доказалъ его греческое происхожденіе.—Русск. берлога W. 220 sq. сближаетъ съ лат. fiber „бобръ"; между тѣмъ славянское слово заимствовано изъ нѣм. Bärloch, см. Фасмеръ Виз. Врем. XIII 457, G. Meyer Ngr. St. II 44, Karłowicz Slownik wyrazów s. v.—Слово ковшъ W. 157 считаетъ источникомъ литовскаго kaušas; но послѣднее можетъ быть сопоставлено съ греч. καυκίον, др.-инд. kóças, др.-норд. hauss „черепъ" см. Uhlenbeck Et. Wb. d. ai. Spr. 66 sq.; къ переходу значенія черепъ > сосудъ см. Schrader Reall. 277 sq., Walde 114. Въ такомъ же случаѣ слово ковшъ слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ литовскаго языка (см. еще Погодинъ Извѣстія отд. русск. яз. и слов. X, кн. 3, стр. 13).—Слово плита слѣдуетъ считать исконнославянскимъ, вопреки мнѣнію нашего автора (327), съ правильнымъ соотвѣтствіемъ слав. *i* индоевр. *in* (о чемъ Lorentz Archiv f. slav. Phil. XVIII, 99 сл. Vondrák. B B XXIX 201—225), въ то время какъ ст.-сл. плинъта заимствовано изъ греч. языка (см. М. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2, стр. 265).—Съ лат. talea (614) авторъ сравниваетъ ст.-сл. талиꙗ, но послѣднее опять несомнѣнно должно быть признано заимствованіемъ, см. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 280, Leskien JF XIX 207.

М. Фасмеръ.

Журналы за 1907 годъ.

Византійскій Временникъ, т. XIII, в. 3-4 (1906г.). Библіографія. Россія и Западная Европа. Б. Филологія и исторія литературы. *М. Фасмера.*— В. Исторія и географія. *А. Васильева.*—Г. Искусство и археологія. *Д. Айналова* и *Е. Рѣдина.*—Славянскія земли. *Г. Ильинскаго*—Греція и Турція. *А. Пападопуло-Керамевса* — Syrie. *J. Guidi.* — Arabica. *И. Крачковскаго.* — Египетъ и Абессинія. *Б. Тураева.*

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серія. №№ 1-18 *Приложенія къ протоколамъ засѣданій Академіи.* Темы на соисканіе премій имени Михельсона въ 1907-1909 гг. (стр. 16).—Транскрипція русскихъ собственныхъ именъ, принятая Имп. Академіею Наукъ (стр. 35).—*Н. К. Никольскій.* Проспектъ изданія памятниковъ Русской литературы до-монгольскаго періода (стр. 199).—Протоколъ засѣданія Малорусской комиссіи по вопросу о системѣ правописанія для изданія „Словаря украинскаго языка" (стр. 233).—*П. Стебницкій.* По вопросу объ украинскомъ правописаніи (236).—Записка объ изданіи памятниковъ Русской литературы съ древнѣйшаго времени (стр. 241).— Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Н. П. Дашкевича (стр. 477).—Записка объ ученыхъ трудахъ В. М. Истрина (стр. 481).—Положеніе о преміи имени С. Н. Шубинскаго (стр. 795).—Некрологи: В. В. Стасова. Чит. *Н. П. Кондаковъ.* (стр. 271).—А. Биленштейна. Чит. *К. Г. Залеманъ* (стр. 695).—*В. В. Радловъ.* Отчетъ о командировкѣ для обозрѣнія Этнографическихъ Музеевъ. (стр. 743).—*А. А. Шахматовъ.* Какъ назывался первый русскій святой мученикъ? (стр. 261)—*Его-же.* Южныя поселенія Вятичей. (стр. 715).—*Ѳ. Е. Коршъ.* Опыты объясненія заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (стр. 755).—*Ю. А. Кулаковскій.* Стратегика императора Никифора Фоки. (стр. 34).— *К. Г. Залеманъ.* Списокъ Персидскихъ рукописей и книгъ, пріобрѣтенныхъ отъ И. И. Десницкаго. (стр. 43).—*Его-же.* Списокъ Персидскихъ рукописей Л. Ѳ. Богданова. (стр. 799).—*Его-же.* Замѣтки по Манихейской письменности. I-II. (стр. 175 и 531).—*П. К. Коковцевъ.* Нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней съ христіанско-сирійскими надписями изъ Средней Азіи. Съ двумя таблицами. (стр. 427.).—*Ѳ. Э. фонъ-Леммъ.* Отрывки библіи на Сахидскомъ нарѣчіи. III. (стр. 45.).—*Его-же.* Мелкія замѣтки по Коптской письменности. I—XXV (стр. 141 и 495).— *С. Ѳ. Ольденбургъ.* Краткая опись составленнаго д-ромъ Кохановскимъ собранія древностей изъ Турфана (стр. 805).—*В. В. Радловъ.* Уйгурскій текстъ XII вѣка (стр. 377).—*Ѳ. И. Щербатской.* О приписываемомъ Майтрейѣ сочиненіи Abhisamayalamkara (стр. 115.).

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи. Вып. 21. (Съ 9 табл. и 30 рис.). *А. Л. Бертье-Делагардъ.* О Херсонесѣ. Крестообразный храмъ. Крещальня.—Крѣпостная ограда. **Прибавленіе къ вып. 21.** Археологическая хроника и библіографія (за 2-ю половину 1906 г.). **Вып. 22.** *П. Покрышкинъ.* Церкви Псковскаго типа XV—XVI столѣтій по восточному побережью Чудского озера и на р. Наровѣ (съ 1 табл. и 47 рис.).—*Н. Макаренко.* Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губ. въ 1906 г. (съ 64 рис.).—Попеченіе о памятникахъ старины въ европейскихъ государствахъ. Перев. съ англійск. *П. Латышева.* **Вып. 24.** *Н. В. Султановъ.* Остатки якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. (Съ 18 табл. и 50 чертеж.).

Извѣстия на Етнографическия Музей въ София, кн. I. Вмѣсто прѣдговоръ.—*Д. Мариновъ.* Боенецъ.—*Его-же.* Патерица.—*Его-же.* Еньѝ, Еньо, Енья или Еньова буль̀а.—*Его-же.* Кукови или кукери.—*П. Койчевъ.* Българската куща, памятници и художествени богатства на България.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанск. Унив., в. 4. *Н. Высоцкій.* Лихорадка, ея происхожденіе и способы лѣченія по народнымъ воззрѣніямъ. — *Л. Люперсольскій.* Изъ воспоминаній о с. Мещеряковѣ. — *Н. Катановъ.* Памяти Сергѣя Михайловича Шпилевскаго. — *И. Никитинъ-Юрки.* Чолъ-Йоба (каменный столбъ).—*Его-же.* Пузырь-шапаръ. — *Н. Петровскій.* По поводу новаго изданія „Путешествіе въ Персію" Г. Тектандера.—*Свящ. А. Ивановъ.* Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н., т. XII, кн. 3. *Н. Трубицынъ.* Александръ Николаевичъ Веселовскій.—*А. Никольскій.* Сказаніе о двухъ Новгородскихъ чудесахъ изъ житія святаго Іанна Предтечи и Крестителя Господня.—*Э. Вольтеръ.* Латышскіе отрывки.—*А. Погодинъ.* Къ вопросу о русскихъ словарныхъ заимствованіяхъ изъ финскаго языка.—Библіографія. *Ю. Поливка* на „Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov".—*Н. Виноградовъ* на „Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда".

Narodopisný Věstník. (Этнографическій Вѣстникъ Чешско-славянскій). **№ 9—10.** *Янъ Тыкачъ.* Ленъ и льняной промыселъ въ околицѣ Чешской-Требовой.—*Ю. Горакъ.* Этнографическіе матеріалы изъ края по-Сазавскаго. Сказки, пѣсни и т. д.— *В. Тилле.* Словацкія сказки изъ Крakованъ (окр. Питра).—Рецензіи на четыре работы.—Полемика по поводу Этнографической карты Моравіи.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. **1908, № 1.** *І. Копачъ.* Чепцы въ Гумполецкомъ краѣ (съ рис.).—*В. Вавра.* Горжички. Къ народной медицинѣ.—Рецензіи на четыре работы. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *І. Кубинъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края.—Оглавленіе и указатели за 1907 годъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 3. *А. Лукьяненко.* О языкѣ Несторова житія препод. Өеодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ.—*А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и т. п. Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.—*В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ.—Труды Московской Діалектологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Краткая программа по собиранію особенностей русскихъ говоровъ. Владимірская губ., Калужская губ.—обработаны *Н. Дурново.*; Нижегородская губ. — *Ушаковымъ;* Курская губ. — *И. Тарабаринымъ* и *Н. Дурново.*—*А. Соболевскій.* Новыя данныя о муромскомъ говорѣ.—*В. Францевъ.* Проф. Янъ. Гебауеръ (некрологъ).—*Е. Корскій.* А. А. Кочубинскій (некрологъ).—Замѣтки. Критика и библіографія.

Старые Годы, № 11. Хроника. *М.* Новый кладъ.—Библіографія. *Бар. Н. Врангель.* Вновь появившіяся книги по вопросамъ старины и искусства. **№ 12.** Хроника. *С. М.* Разрушеніе Самаркандскихъ мечетей. Приложеніе. *Бар. А. Фелькерзамъ.* Алфавитный указатель золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Україна, № 10, *І. Стешенко.* Історія української драми. Розділ V.—*В. Даниловъ.* Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности.—Библіографія.—По журналамъ.

Н. В.

Новости литературы.

Адресъ-календарь и Памятная книжка Могилевской губерніи на 1907 г. Могилевъ.

Аллемановъ, Д. и *Звѣревъ, А.* Современное нотописаніе греческой церкви. Спб. 58 стр.

Baye, baron de. Au Nord de la Chaîne du Caucase. Paris.

Берсъ, А. А. Естественная исторія чорта (его рожденіе, жизнь и смерть). Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908.

Бобчевъ, С. Българската челядна задруга. Историко-правни студии. София. 207 стр.

Борисовъ. А. А. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевые очерки художника. Съ автобіографической замѣткой и съ 36 снимками съ картинъ автора. Спб.

Васильевъ, Л. Л. Къ характеристикѣ сильно акающихъ говоровъ. Варшава. 22 стр.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 522+VII.

Византійскій Временникъ. Т. XIII, в. 3 и 4. Спб. XXXV+521—734+I+II++213 стр.

Временникъ дьяка Ивана Тимофеева. Спб. 216 стлб.

Вульфсонъ, Э. С. Какъ живутъ сарты. Изданіе А. С. Панафидиной. Москва. 1908.

Его же. Эсты, ихъ жизнь и нравы. Москва. 1908.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Вып. X. Съ 6 раскраш. табл., 3 рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 175 рисунк. въ текстѣ. 3-е изданіе. Спб.

Григорьевъ, А. Подлинная карта Сибири XVII в. (Работы Семена Ремезова). Спб.

Драгомановъ, М. Розвідки про Українську народню словесність і письменство. Т. IV. Львів. 399 стр. Съ 18 рис.

Древности. Труды Имп. Московск. Археол. О-ва. Т. XXI, в. 2. М.

Древности. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. И. М. А. О-ва.

Древняя высшая магія. Теорія и практическія формулы. Переводъ съ французскаго И. Антошевскаго, подъ редакціей И. К. Свешотна. Спб.

Ежегодникъ Казанскаго Городского Научно-Промышленнаго Музея. Казань.

Етнографічний збірник, т.т. XIX и XXIII.

Жаковъ, К. Θ. Ніеганелла. (Сказаніе о Злѣ). Спб. 1908.

Жамцарановъ, Ц. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Спб. 20 стр.

Ждановъ, И. Н. Сочиненія, Томъ 2-й. Спб. IV+610+I стр.

Записки Имп. Новороссійскаго Университета. ТТ. CVII, CVIII. Одесса.

Записки Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей. Т. XXVII. Одесса.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Имп. Русск. Археолог. О-ва. Т. VII, в. 2. Спб.

Записки Уральскаго О-ва Любителей Естествознанія. Т. XXVI. Съ 42 карт. и 1 табл. рис. Екатеринбургъ.

Zbornik za narodni život i običaje južnich slavena. Кн. XI, sv. 2. U Zagrebu.

Иверсенъ, В. М. Нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ русскихъ монетъ изъ собранія В. М. Иверсена. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ. V серія. Т. XXV, № 5. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, VI серія. №№ 17 и 18. Спб.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1907 г. Тома XII-го книжка 3-я. Спб.

Извѣстія Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ. Т. XII. стр. 254 + альбомъ. Софія.

Иностранцевъ, К. Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 4 стр. + 1 табл.

Его-же. Туркестанскіе оссуаріи и астоданы. Спб. 8 стр.

Iochelson, W. The koryak religion and myths. New-York. 1905.

Красновъ, А. Н. проф. Курсъ землевѣдѣнія. (Въ двухъ частяхъ). Спб. 1908.

Козьминъ, Николай. Кургоминскіе причеты (свадебныя причитанія Кургоминской волости Шенкурскаго у.)- Архангельскъ. 23 стр. 16°

Кузьминъ, С. Россія и русскій-народъ въ характеристикѣ М. П. Погодина. Спб. 1908.

Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Θедора Козьмича. Спб.

Лукьяненко, А. М. О языкѣ Несторова житія преподобнаго Θеодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ. Варшава.

Лядовъ, Анатолій (переложилъ). 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно, изъ собранныхъ въ 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовымъ, Θ. М. Истоминымъ и Θ. И. Покровскимъ въ губ. Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенною Коммисіею И. Р. Г. О-ва. S. l. et a. 28 стр. 4°.

Македоновъ, Л. В. Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ экземпляровъ листовъ переписи 1897 г. Екатеринодаръ.

Матеріялы по археологіи Кавказа. В. XI. М.

Матеріялы по изученію Дальняго Востока. Вып. XII. Харбинъ.

Матеріяли до Українсько-руської етнольогії, т. IX. Дитина в звичаях і віруваннях українського народа. Львів. 144 стр.

Миллеръ, В. Татскіе этюды. Ч. II. Опытъ грамматики татскаго языка. М. IX + 64 + 11 стр. (Труды по востоковѣдѣнію Лазаревск. Инст. Восточныхъ языковъ, вып. XXVI).

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія, составленная по даннымъ зоологіи, геологіи, археологіи, антропологіи, этнографіи, исторіи и статистики. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава. 1907. 239 стр.

Нагуевскій, Д., проф. Изъ польской нумизматики и археологіи. Казань. 1908.

Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и Великомъ государствѣ Московскомъ. Спб.

Обзоръ Подольской губерніи за 1905 г.

Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Ч. IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ Татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Θ. Катановымъ. Тексты. Спб. I+VI+XXXII + 668 + XLVIII стр.

Тоже. Переводы. Спб. I + VI + XXV + 658 + I стр.

Отчетъ Имп. Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей за 1906 г. (67-й). Одесса.

Памятная книжка Енисейской губ. на 1907 годъ. Красноярскъ.

Памятная книжка Псковской губ. на 1907 г. Псковъ.

Памятная книжка Тульской губ. на 1907 г. Тула.

Пекарскій, Э. Краткій русско-якутскій словарь. Якутскъ. 147 стр.

Пермскій Научно-Промышленный Музей. Краткій указатель. (Извлеченъ изъ путеводителя по Музею *И. Г. Остроумова*). Пермь. 16 стр. 16°.

Петровъ, А. Очерки соціальнаго быта современной Японіи. (Изв. Восточнаго Института, т. XV, в. 6). Владивостокъ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVII. Западно-русскія лѣтописи. Спб.

Положеніе о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. S. l. et a.

Попруженко, М. Св. Козьмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Спб. XVI+86 стр.+II табл. фототип.

Поржезинскій, В., проф. Введеніе въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ. Москва.

Пришвинъ, М. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66-ю рисунками. Спб.

Путеводитель по Дашковскому Этнографическому Музею. М.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ племенъ. Т. IV, в. 3. Спб.

Ренанъ, Эрнестъ. Исторія израильскаго народа. Томъ II. Перев. съ франц. Е. П. Смирнова (Исторія происхожденія христіанства. Т. II). Изданіе Н. Глаголева. Спб.

Риттихъ, А. Западно-русская граница и русская народность. Спб.

Розовъ, А. Значеніе грамотъ XIV и XV вѣковъ для исторіи малорусскаго языка. Кіевъ. 20 стр.

Рѣдинъ Е. К. Памяти профессора И. В. Помяловскаго († 28-го сентября 1906 г.). Харьковъ. 1908.

Рѣчи, произнесенныя 15 мая 1907 г. при погребеніи заслуж. ординарн. профессора Имп. Новороссійскаго университета *А. А. Кочубинскаго*. Одесса. 15 стр.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 82-й. Спб.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н. Т. 83. Спб. II+II+I порт.+88+23 табл.+I+62+ +I+43+4 табл.+I+150+I+304 стр.

Свешотна, И. К. Ключъ къ тайнамъ египетской астрологіи и подробныя правила и наставленія къ составленію гороскоповъ. Спб.

Справочная книжка Самаркандской области. 1907 г. в. IX. Самаркандъ.

Статистическій обзоръ Псковской губ. за 1906 г. Псковъ.

Такъ называемое иное сказаніе. Спб. 144 стлб.

Тектандеръ, Георгій. Краткое и правдивое описаніе путешествія изъ Праги черезъ Силезію, Польшу, Москву, Татарію къ царскому двору въ Персію въ 1602—1604 гг. Нѣмецкій текстъ по изданію 1608 г. съ предисловіемъ В. А. Францева. Прага. 1908.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи, за 1907 г. 40 + IV + 70 + 108 + 2 стр.

Труды Оренбурской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. XVIII. (указат. къ вв. I—XVIII.). Оренбургъ.

Труды Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. VIII, вв. 1-3. Спб. 1906.

Указатель къ первымъ осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Изд. Имп. Археографич. Комиссіи. Отд. II. Указатель географическій (А.—Ѳ). Спб.

Успенскій, В, и *Писаревъ, С.* Лицевое житіе преподобнаго Іоасафа, царевича Индійскаго. (Фотографическое воспроизведеніе рукописи изъ библіотеки царя Алексѣя Михайловича). Спб. 1908.

— Основаніе московскаго Успенскаго собора и преставленіе святого Петра митрополита. Фототипическая выпись изъ Лицеваго Царственнаго Лѣтописца XVI—XVII в.в.). Спб. 1908.

Фасмеръ, М. Къ вопросу о языкѣ древнихъ македонянъ. (Отт. изъ „Ж. М. Н. Пр.", стр. 22-35).

Его-же Филологія и исторія литературы (библіографія). Отт. изъ XIII т. „Визант. Врем." 37 стр.

Филевичъ. И. П., проф. Изъ исторіи карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г. (1848—1866). Варшава.

Чтенія въ Императ. О-вѣ Исторіи и Древности Россійскихъ при Московскомъ Унив. Кн. 2 и 3.

Шахматовъ, А. А. Южныя поселенія вятичей. Спб. стр. 715—729. Отт. изъ „Изв. И. А. Н.").

Яварскій, Ю. А. Новая гипотеза о происхожденіи т. наз. Грюнвальдской пѣсни. Кіевъ. 25 стр.

Н. В.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Одинъ изъ старинныхъ обычаевъ.

Небольшая замѣтка И. Абрамова: „пережитки трупосожженія“ [1]) напомнила мнѣ одинъ случай, имѣвшій мѣсто во время моихъ археологическихъ изысканій въ Меленковскомъ у. Владимірской губ.; случай, на мой взглядъ, не лишенный интереса. Въ с. Заколпье, при производствѣ раскопокъ одного изъ могильниковъ; т. назыв. „финскаго типа“, въ изобиліи встрѣчались различной формы и величины горшки. Одна изъ многихъ любопытствующихъ старушекъ, при вынутіи изъ погребенія такого горшка, покачивая головой, какъ бы про себя произнесла: „вотъ какъ въ старину люди дѣлали—мы бьемъ посуду, а они туда ставили“. Тонъ голоса, выраженіе лица приняло какой-то задумчивый и какъ бы удивленный характеръ. На вопросъ съ моей стороны, какой горшокъ и гдѣ бьютъ, та же баба съ интересомъ разсказала, что горшокъ, въ которомъ содержалась вода при обмываніи покойника, у нихъ „на селѣ“ да и въ сосѣднихъ селахъ несутъ за покойникомъ и, выйдя за околицу, разбиваютъ; у нихъ въ селѣ обычно разбиваютъ невдалекѣ отъ кладбища подъ одиноко стоящей сосной. Подобную же сосну пришлось мнѣ видѣть по дорогѣ изъ д. Лобаново на д. Муськово съ массой битыхъ подъ ней черепковъ (Муромскаго у.).

О другихъ обрядахъ, сопутствующихъ битью посуды, вродѣ сожженія сѣна или соломы, какъ совершается это въ Порѣцкомъ у. Смоленской губ., мнѣ не приходилось слышать, что, конечно, не исключаетъ возможности существованія подобнаго обычая въ тѣхъ мѣстахъ. Таково было наблюденіе и замѣчаніе старухи.

Археологи, какъ извѣстно, думаютъ иначе: горшки извлекаемые изъ могилъ—сосуды для пищи сопутствующей покойнику въ загробный міръ.

Н. Макаренко.

---

[1]) Срвн. „Живая Старина“, вып. I, 1906 г., отд. V., стр. 2.

Прозвища въ Кокшеньгѣ, Тотемскаго у. [1])

Исправникъ, Баринъ, Горбаченки (дѣти Горбача), Санапаў [2]), Калуга, Руль, Бухня, Баўря (м.), Боранъ, Кривая пуля, Шамёнокъ (отъ шамъ, т. е. самъ), Кишкотрясъ, Полёванця, Оленёнокъ, 'Етманъ (т. е. гетманъ), Лапа, Кошка, Трохма, Вонеть (отъ вонять), Лапоть, Ворона Костылёвка (женск.), Прыга (женск.), Кадетъ, Тоўстая вачина, Турецкой, Турка, Есёха, Захлёбка, Посредникъ, Шломъ, Карсакъ, Патала, Воробей, Брюханъ, Жила, Пика (пищать), Плакса, Козырь, Горбачь, Ухла, Праздничка (женск.), Рубець (женск.), Дрязга, Хрупачъ, Арава (мужск.), Ерепа, Ерепёнокъ, Косой, Москаль, Грошъ, Попъ, Заець, Мордва, Мордвинёнки, Шарей, Сало, Кетъ (т. е. китъ), Медвидь, Сѣруха (муж.), Калымъ, Частуша (муж.), Чистогорской, Пень, Хлынокъ, Кукша, (женск.), Кишка, Калага, Цярь, Сабура, Христосъ, Христосёнокъ, Доживало, Кубышка, Мазиўка, Обмолотокъ, Опрѣлышъ, Копоть, Торица, Ж..а, М...а, Кокушка, Сабурёнокъ, Стрѣлокъ, Колобёнокъ, Рожа, Хомякъ, Клопёнокъ, Кижмора, Кутья, Глазокъ, Варлашонокъ, Малышъ, Самошонокъ, Балаганъ, Кука, Орѣхъ, Ягабова (женск.), Стонота (женск.), Солычя, Воўкъ, Бречало, Побивка, Узоў, Огашёнокъ, Коровёнокъ, Митрошёнокъ, Тороканъ, Тороканёнокъ, Ладка, Ворона, Носъ, Хвос(т)ъ, Кишка, Намятышъ, Богатей, Чура, Боба, Ярушникъ, Сука, Муха, Подсуслонникъ, Лоба, Клёмъ, Сосунъ, Постегольниця, Теплякъ, Заяка (Заика), Плитка, Канага (женск.), Кудряшъ, Кудря, Морозъ, Кочъ, Каржёвка (женск.), Каржёнокъ, Зобенька (мужск.), Кувай, Пагужёкъ, Уховертка, Жоўна, Горохъ, Губниця, Шубниця, Лѣшей, Нагиба, Шуля [3]), Мурашъ, Ѳома [4]), Гарей, Яганёнокъ, Сѣрушонокъ, Астраханёнокъ, Боровъ, Губа, Клыпа, Лодыжёнокъ, Бодрилёнокъ, Лога, Мѣшаўка, Бутыўка, Сивачёнокъ, Бахила, Копылёнокъ, Костречёнокъ, Сапогъ, Дрёва, Голубёнокъ, Калинёнокъ, Шпиця, Щёўкунъ, Билёнокъ, Тетеря, Налимъ, Шадрунъ, Ваў (валъ, женск.), Хватъ, Быкъ, Нѣмъ, Косоротикъ, Обабокъ (женск.), Кокуёнокъ, Лисёнокъ, Басовъ, Нехай, Галашиха (женск.), Заруба, Климъ [2]), Баўда, Боўша, Курёнокъ, Хоботъ, Негуга, Шко, Онуча, Копытцё (женск.), Конёкъ, Мамая, Мотроха, Вопшина, Маслёнокъ, Пёха, Щетина, Сивакъ, Воўденьця, Окунь, Машкичь, Лисой, Доўгой, Коротышъ, Скаўка, Копоть, Фура, Гаўка, Лазурка.

Записалъ *М. Е.*

[1]) Записанныя отъ крестьянина дер. Рыкаловской, Спасской вол., въ томъ порядкѣ, въ какомъ сообщены. Женскія прозвища отмѣчены.
[2]) Букву *у* съ значкомъ — *ў* неслоговое.
[3]) Лѣвая рука.
[4]) Имя, отчество и фамилія не имѣютъ ничего общаго съ прозвищемъ.

Хроника.

Юбилей И. А. Шляпкина. 23 апрѣля состоится чествованіе профессора Ильи Александровича Шляпкина по поводу исполняющагося 25-лѣтія его ученой дѣятельности. Маститый юбиляръ извѣстенъ своими многочисленными и цѣнными работами въ области древней русской литературы, народной словестности, этнографіи и археологіи.

† Гуртъ, Я. И. 31 декабря минувшаго года наша наука понесла крупную утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году жизни заслуженнаго пастора, доктора философіи Я. И. Гурта. Покойный, эстонецъ по происхожденію, всю жизнь работалъ надъ изученіемъ и собираніемъ матеріаловъ по этнографіи и фольклору своего народа. Имъ собраны свыше 200 000 нумеровъ сказокъ, преданій, загадокъ, повѣрій, записанныхъ и распредѣленныхъ по категоріямъ, крайне облегчающимъ возможность пользованія этими матеріалами. Свои ученые труды покойный пасторъ Гуртъ издавалъ на языкахъ нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ. Въ 1905 г. Императорское Русское географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль — за его научныя работы и въ частности за его основательный трудъ по изученію сетукезовъ (псковскихъ эстовъ). Докторъ Гуртъ былъ ученымъ по призванію; почти никогда не имѣлъ онъ никакихъ поддержекъ въ своей научной дѣятельности и никогда не былъ оффиціальнымъ ученымъ. Всегда съ поразительной скромностью и съ чисто юношескимъ пыломъ онъ брался за научныя работы и выполнялъ ихъ быстро и въ высшей степени тщательно. Это былъ рѣдко симпатичный и всѣми знавшими его уважаемый человѣкъ и выдающійся ученый. (Некрологъ его: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1907 г., № 1).

† Мостовскій, М. С. 14 января скончался тайный совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Мостовскій, долгое время завѣдывавшій иностраннымъ отдѣленіемъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Покойный, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 году, посвятилъ около 20 лѣтъ педагогической дѣятельности въ московской 3-й гимназіи, Межевомъ, Николаевскомъ и Екатерининскомъ институтахъ. Въ этотъ періодъ М. С. Мостовскій издалъ въ свѣтъ: 1) этнографическіе очерки Россіи (характеристика 49 народовъ), 2) географію Россіи, пережившую 8 изданій, и 3) приготовительный курсъ всеобщей и русской географіи.

† **Н. А. Шабунинъ.** 27 февраля умеръ небезызвѣстный художникъ Шабунинъ. Уроженецъ, кажется, Архангельской губерніи, Шабунинъ лѣтъ 10 — 8 тому назадъ кончилъ академію художествъ. Онъ любилъ свою далекую угрюмую родину и въ его сѣверныхъ мотивахъ, въ занесенныхъ сугробами кладбищахъ—какая-то суровая, щемящая поэзія. Покойный во время недавней своей поѣздки на сѣверъ для изученія быта самоѣдовъ заболѣлъ тифомъ. Во время этой поѣздки имъ была собрана большая и интересная коллекція различныхъ предметовъ самоѣдскаго быта для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Имп. Александра III. По возвращеніи въ Петербургъ болѣзнь осложнилась и привела къ роковому исходу.

† **Н. Ѳ. Хизановъ.** Въ Тифлисѣ убитъ слѣдователь тифлисскаго мироваго съѣзда Н. Ѳ. Хизановъ, извѣстный грузинскій писатель, авторъ цѣнныхъ этнографическо-юридическихъ трудовъ, касающихся Грузіи, знатокъ грузинскаго языка. Нѣкоторыя изслѣдованія Хизанова по этнографіи Грузіи переведены на русской языкъ.

† **В. И. Модестовъ.** Русская наука лишилась виднаго представителя въ области исторіи, филологіи и серьезной публицистики: въ Римѣ скончался профессоръ Василій Ивановичъ Модестовъ, лучшій знатокъ древне-римской исторіи, авторъ „Введенія въ римскую исторію", „Исторіи римской литературы", переводчикъ Тацита, авторъ многихъ статей и книгъ о школьномъ вопросѣ, о русской наукѣ, о политикѣ и пр. и пр. Въ области изученія древняго Рима покойный пользовался всемірною извѣстностью. Скончался В. И. на 68-мъ году жизни.

† **В. С. Передольскій.** Въ лицѣ скончавшагося въ Новгородѣ *Василія Степановича Передольскаго* русская археологическая наука понесла крупную потерю. Юристъ по образованію, Передольскій не былъ присяжнымъ изслѣдователемъ страны, но едва ли кто изъ современныхъ ученыхъ людей поспоритъ съ нимъ въ знаніи новгородскихъ древностей. Лѣтъ около пятнадцати назадъ покойному удалось на глубинѣ двухъ и болѣе саженъ открыть на берегу Волхова несомнѣнные слѣды поселенія ледниковаго періода и собрать замѣчательную коллекцію череповъ, въ нѣсколько сотъ штукъ,—коллекцію, которой восхищался даже спеціалистъ въ краніологіи знаменитый Вирховъ. Черепа принадлежатъ древнимъ обитателямъ Новгородскаго края. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 214 милиметровъ. Это уникъ въ своемъ родѣ, и имъ особенно интересовался нѣмецкій ученый. Свои изслѣдованія Передольскій издалъ въ 1893 году, въ С.-Петербургѣ, отдѣльною книгой „Бытовые остатки посельниковъ Ильменско-волховского побережья и земель Велико-новгородскаго державства каменнаго вѣка". Многіе петербуржцы помнятъ, вѣроятно, выставку Передольскаго, помѣщавшуюся въ Николаевскомъ дворцѣ. Не менѣе замѣчательна принадлежавшая покойному коллекція бытовыхъ, церковныхъ—между прочимъ кресло Никона—и доисторическихъ древностей, найденныхъ почти исключительно въ предѣлахъ древней новгородской земли. Среди костей допотопныхъ

животныхъ есть экземпляры, не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ. Коллекцію свою Передольскій собиралъ десятки лѣтъ. Въ 1898 году вышелъ его замѣчательный, къ сожалѣнію не оконченный трудъ: „Новгородскія древности". Изданіе остановилось на первомъ выпускѣ, хотя были собраны матеріалы для окончанія этого замѣчательнаго труда.

† **Лыткинъ, Г. С.** 22 марта скончался въ С.-Петербургѣ заслуженный преподаватель исторіи и географіи въ 6-й гимназіи *Георгій Степановичъ Лыткинъ*. Покойный родился въ 1835 году въ семьѣ зырянскаго происхожденія и воспитывался на восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1858 году. Почти вся плодотворная литературная дѣятельность Лыткина была посвящена просвѣщенію—въ частности, религіозному—родного края и изслѣдваніямъ языка Зырянъ. Имъ написанъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ слѣдуетъ считать книги: „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ". Эта работа вышла въ С.-Петербургѣ и предназначалась авторомъ въ качествѣ пособія при изученіи Зырянами русскаго языка. Поэтому Лыткинъ напечаталъ здѣсь букварь: зырянскій, вотяцкій, русскій и церковно-славянскій вмѣстѣ съ богатыми матеріалами по зырянскому фольклору. Тутъ вы найдете и сказки, и пословицы, и пѣсни, и загадки Зырянъ. Послѣдняя часть полностью переведена была на финскій, какъ богатый матеріалъ для изученія финско-угорскаго быта и этнографіи. Въ области лексикографіи Лыткинъ былъ неутомимымъ работникомъ и напечаталъ словари зырянско-вотяцко-русскій, вотско-зырянско рускій, и русско-вотско-зырянскій. Для религіознаго просвѣщенія своихъ земляковъ покойный издалъ литургію св. Іоанна Златоустаго, Дѣянія св. апостоловъ, Псалтырь и Евангеліе. Не мало рукописей Лыткина осталось, къ сожалѣнію, не напечатанными.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

Въ текущемъ полугодіи (до 1 апр.) были заслушаны слѣдующія сообщенія: 1) 20-го февраля сообщеніе *А. И. Зачиняева*: Къ вопросу объ изученіи народнаго художественнаго творчества. (По матер., собр. въ с. Мартыновичахъ, Радомысльскаго у., Кіевской губ.). Програма: Цѣль и пріемы собиранія. Распредѣленіе матеріаловъ въ сборникахъ. Характеристика настоящаго момента въ народно-художественномъ творчествѣ.

Во время доклада были демонстрированы фонографическія записи, туманныя картины (цвѣтныя)—орнаментъ, костюмы, архитектурныя произведенія Полѣсья (по рис. Ю. Ю. Павловича).

2) Въ соединенномъ засѣданіи Отд. Этнографіи и Статистики 16 марта д. чл. *В. А. Дубянскій* сдѣлалъ сообщеніе: „Кочевники Устюрта". Программа: I. Населеніе Устюрта. Кочевыя киргизскія племена Адай и Табынъ. Направленіе и амплитуда ихъ кочевокъ (отъ Хивы и Мангышлака до рр. Сагызъ и Цилъ Уральск. обл.). Столкновеніе интересовъ этихъ типичныхъ кочевниковъ съ интересами полуосѣдлыхъ киргизъ Уральск. обл. Возникающій отсюда „Адаевскій вопросъ".

II. Нѣкоторые матеріалы по „Адаевскому вопросу“: 1) Природныя условія Устюрта. 2) Образъ жизни и хозяйственный строй кочевниковъ Устюрта. a. Весенняя кочевка чрезъ Устюртъ; переходъ черезъ Эмбу. Лѣтовка на полынныхъ пустыняхъ между рр. Эмба, Сагызъ и Цилъ; столкновеніе съ осѣвшими по рѣкамъ Уральскими киргизами. Цильская ярмарка. Обратная кочевка. Зимовка въ Хивѣ, Красноводскомъ у. и Мангышлакѣ. Огромная убыль скота зимою. b. Неустойчивость кочевого хозяйства. „Богатство“ кочевыхъ Адаевъ и ихъ крайне бѣдный образъ жизни. Начинающееся осѣданіе Адаевъ на Мангышлакѣ и Устюртѣ. Осѣдлые „бѣдняки“ и ихъ болѣе прочное и доходное хозяйство.

III. Заключеніе. Неизбѣжность перехода кочевыхъ Адаевъ къ полуосѣдлому скотоводству и возможныя мѣры къ его облегченію. Были показаны діапозитивы.

3) Въ засѣданіи 23 марта врачъ Россійско-Императорской Миссіи въ Абиссиніи *Б. В. Владыкинъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Къ характеристикѣ современнаго быта Абиссинцевъ и ихъ Императора Менелика II“. Программа: Адиссъ-Абеба. Дворецъ и дворъ Менелика. Пріемы при дворѣ. Дворцовые обѣды. Пища Менелика и другихъ Абиссинцевъ. Одежда и вооруженіе Абиссинцевъ. Одежда Абиссинскихъ женщинъ. Положеніе женщинъ и дѣтей въ Абиссиніи. Школы и образованіе. Дворцовая школа. Государственный строй въ Абиссиніи. Расы и другіе крупные феодалы. Судъ въ Абиссиніи. Третейскій судъ, судъ феодала, судъ Афа-Негуса и судъ Императора. Поручители. Адвокаты. Наказанія. Судебное слѣдствіе. Леваши. Знахари и народная медицина въ Абиссиніи. Болѣзни населенія. Грязь училищъ и одежды Абиссинцевъ. Внутренность Абиссинскаго дома. Грязная одежда, какъ трауръ. Другіе виды выраженія скорби объ умершемъ. Развлеченія Абиссинцевъ: Пѣніе псалмовъ и сказаній подъ звуки музыки. Разсказы. Поговорки. Игры (Чевата и Фантазія). Шахматы. Игра въ мячъ. Стрѣльба въ цѣль. Игра всадниковъ. Посты и большіе праздники. Отданіе Великаго поста во дворцѣ. Праздникъ Москаля и др. Отношеніе Абиссинцевъ къ Европейцамъ. Опасенія Европейцевъ. Отсутствіе закона о престолонаслѣдіи. Вѣроятный наслѣдникъ Абиссинскаго престола. Были показаны діапозитивы и коллекція предметовъ, характеризующихъ бытъ Абиссинцевъ.

Послѣ этого г-нъ *Т. Пархаменко* (бандуристъ изъ Черниговской губ.) передалъ нѣсколько малорусскихъ думъ подъ аккомпаниментъ бандуры

и 4) въ засѣданіи 30 марта было заслушано сообщеніе дѣйствит. члена *В. Н. Васильева:* „Бытъ инородцевъ Туруханскаго края“. Программа: Районы разселенія инородцевъ. Общность быта инородцевъ. Кочеванія. Жилища. Питаніе. Одежда. Охота и промыслы. Болѣзни. Развлеченія. Браки. Административный строй. Ассимиляція. Вѣрованіе и шаманство. Погребальные обычаи. Кладбища. Были показаны діапозитивы.

Кромѣ того здѣсь же можетъ быть отмѣчено сообщеніе *К. Н. Тульчинскаго* „По Русскому Сахалину въ 1906 году“, сдѣланное въ общемъ собраніи И. Р. Г. О-ва 7-го марта.

Награды по Отдѣленію Этнографіи. Въ 1906 г. Медальной Коммиссіей при Отдѣленіи Этнографіи почетныя награды были присуждены слѣдующимъ лицамъ: 1) Малая золотая медаль *М. А. Большакову* за работу „Община у зырянъ". 2) Малыя серебряныя *И. С. Абрамову* и *М. Б. Едемскому* за статьи въ „Живой Старинѣ" и сообщенія въ Отд. Этнографіи; *А. М. Путинцеву* за работу „О народномъ говорѣ въ мѣстности Хворостань"; *И. М. Мартиновичу* и *В. А. Шанину* за сообщенія, сдѣланныя въ Отд. Этнографіи.

Неофилологическое О-во при С.-Петербургскомъ университетѣ въ засѣданіи 28 января чествовало память основателя его *А. Н. Веселовскаго*. Были прочитаны слѣдующія сообщенія:

1. *Ѳ. А. Браунъ.* А. Н. Веселовскій. Біографія и общая характеристика.
2. *Д. К. Петровъ.* А. Н. Веселовскій и его историческая поэтика.
3. *Е. В. Аничковъ.* А. Н. Веселовскій—фольклористъ и соціологъ.
4. *А. К. Бороздинъ.* А. Н. Веселовскій и изученіе русскаго народнаго эпоса.
5. *С. А. Адріановъ.* А. Н. Веселовскій о Жуковскомъ и Пушкинѣ.

Географическій кружокъ основанъ съ начала текущаго года при С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ уставѣ кружка предположено открытіе секціи *Этнографіи*.

Съ цѣлью продолженія изданія извѣстнаго указателя Межова— **Сибирская Библіографія**, изданнаго въ 1892 году, въ Москвѣ образовался особый кружокъ, поставившій себѣ задачей сборку и систематизированіе матеріаловъ для составленія указателя отдѣльныхъ статей и книгъ на всѣхъ языкахъ, касающихся Сибири, начиная съ 1891 года. Всѣ свѣдѣнія и матеріалы предположено записывать по особой системѣ на карты, которыя будутъ храниться въ библіотекѣ Московскаго Университета, гдѣ и сосредоточены всѣ занятія членовъ кружка, распредѣлившихъ между собою предметы библіографированія.

Существующая при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ особая комиссія работаетъ надъ серьезнымъ и обширно задуманнымъ предпріятіемъ по составленію **діалектологической карты** Россіи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на преміи имени М. И. Михельсона назначило слѣдующія задачи:

1) Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія. 2) Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка. 3) Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ. 4) Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ. 5) Слова русскаго языка со звукомъ „х". 6) Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка. 7) Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій. 8) Скандинавскіе

элементы въ русскомъ языкѣ. 9) Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ. 10) Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка. 11) Сборникъ русскихъ синонимовъ. 12) Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р. На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія указаннымъ задачамъ. Подробнѣе см. въ концѣ этой книги.

Общество исторіи и древностей россійскихъ объявило конкурсъ на премію имени А. П. Бахрушина по исторіи и археологіи Москвы и Московской губерніи. Сочиненія на конкурсъ должны быть представлены къ маю 1909 года. За лучшее сочиненіе назначается премія въ 800 рублей.

Премія имени др-а П. Н. Серебренникова. Въ началѣ 1907 года должно состояться первое присужденіе преміи имени *П. Н. Серебренникова*, выдаваемой автору сочиненія или изданія на русскомъ языкѣ, относящагося къ природѣ, исторіи или жизни Пермскаго края, отпечатаннаго за 2 истекшіе года и признаннаго лучшимъ Особымъ Комитетомъ.

Капиталъ въ размѣрѣ 1.200 руб., находится въ распоряженіи Музея, который начисляетъ на него ежегодно проценты въ размѣрѣ 60 руб. Проценты съ капитала черезъ каждые 2 года (120 руб.) должны выдаваться въ видѣ преміи, безъ всякихъ обязательствъ. Первая выдача преміи произведена была въ мартѣ 1905 г.

Сынъ умершаго въ октябрѣ прошлаго года академика Александра Николаевича Веселовскаго, А. А. Веселовскій, пожертвовалъ въ библіотеку **романо-германскаго** отдѣла историко-филологическаго факультета петербургскаго университета ту часть библіотеки своего отца, которая относится къ названной спеціальности. Покойный А. Н. Веселовскій былъ основателемъ неофилологическаго общества при университетѣ, и его библіотека въ ученомъ мірѣ славится по этой отрасли своею полнотою и богатствомъ. А всѣ книги на славянскихъ языкахъ переданы въ библіотеку **славянскаго** семинарія при томъ же факультетѣ.

22 марта въ Восточномъ Отдѣленіи Императорскаго Археологическаго Общества Э. К. Пекарскимъ былъ прочитанъ докладъ этнографическаго характера на тему: „**Миддендорфъ и его якутскіе тексты**; ихъ значеніе въ лингвистическомъ и бытовомъ отношеніяхъ“. Докладъ этотъ имѣетъ быть напечатанъ въ Запискахъ Общества.

Этнографическая экскурсія въ с. Мартыновичи. (Южное Полѣсье). А. И. Зачиняевъ въ декабрѣ 1906 года былъ командированъ Академіей Наукъ въ с. Мартыновичи, Кіевской губ., Радомысльскаго уѣзда, для изученія духовнаго творчества жителей дан-

наго села: 1) пѣсенъ, легендъ, 2) музыки, 3) плясокъ и 4) архитектуры и пр. А. Зачиняевымъ собранъ матеріалъ для характеристики языка и быта, до 500 пѣсенъ комическихъ, лирическихъ, обрядовыхъ, духовныхъ стиховъ и пр. Довольно полно описано „веселле" съ различными обрядами, плясками и пѣснями и заключительнымъ свадебнымъ торжествомъ—вѣнчаніемъ старыхъ. Напѣвы пѣсенъ, равно какъ и музыка подъ пляски записывались фонографомъ. Что касается плясокъ, то А. Зачиняеву не удалось осуществить свое желаніе—записать ихъ посредствомъ кинематографа, за неимѣніемъ таковаго. Придавая большое значеніе плáскамъ даже въ области пѣсеннаго творчества, собиратель описалъ до 26 различныхъ танцевъ, тщательно отмѣчая ритмъ движеній и составныя части фигуръ, а также и моменты совпаденія ритмическихъ движеній съ музыкальнымъ ритмомъ. Для характеристики архитектуры с. Мартыновичъ А. Зачиняевымъ сдѣлано много фотографій съ построекъ; начерчены планы хатъ, клунь, усадьбы и всего села (общій). Въ распоряженіи собирателя есть прекрасные акварельные рисунки старой колокольни (второй половины XVIII в.), многихъ хатъ и другихъ крестьянскихъ построекъ и видовъ мѣстности, исполненные Ю. Ю. Павловичемъ. Собраны также матеріалы, относящіеся къ костюму и орнаменту. Собиратель отмѣчаетъ, что недостатокъ времени (одинъ мѣсяцъ) не далъ ему возможности полнѣе исчерпать матеріалы, касающіеся художественнаго творчества жителей даннаго села.

S.

По порученію **Этнографическаго Отдѣла** Русскаго Музея Александра III А. К. Сержпутовскій въ теченіе зимнихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ 1906 г. обслѣдовалъ малодоступную полѣсскую часть Бѣлоруссіи по лѣвымъ притокамъ р. Припети и въ разбросанныхъ среди огромныхъ лѣсовъ и топкихъ непроходимыхъ болотъ селеньяхъ полѣшуковъ собралъ Этнографическія коллекціи. Въ составъ коллекціи вошли амулеты, одежда, земледѣльческія орудія, принадлежности тканья, музыкальные, плотничьи и бондарные инструменты, предметы табакокуренія и добыванія огня, принадлежности охоты, рыбной ловли и пчеловодства, посуда, образцы вышивокъ, предметы домашняго обихода и т. п. Всего доставлено въ Музей около 1.000 предметовъ, а также сдѣланы фотографическіе снимки, планы крестьянскихъ дворовъ и чертежи.

Какъ извѣстно, доселѣ въ Средней Азіи не было находимо **орудій каменнаго вѣка**. 11 декабря 1906 года, въ одиннадцатую годовщину основанія Туркестанскаго кружка любителей археологіи состоялось засѣданіе кружка, на которомъ были демонстрированы два каменные наконечника стрѣлъ, найденные топографомъ М. А. Кирхгофомъ къ сѣверу отъ города Туркестана, въ горахъ Кара-тау, по оврагу Бешъ-арыкъ. Наконечники сдѣланы изъ яшмы и относятся, несомнѣнно, къ палеолитическому періоду, но техника работы ихъ весьма высокая. По сосѣдству М. А. Кирхгофомъ найдены **рисунки на скалахъ**, изображающіе различныхъ животныхъ (повидимому, на подобіе тѣхъ рисунковъ, какіе были обслѣдованы въ урочищѣ Саймалы-тасъ близъ перевала Ку-гартъ въ Ферганскомъ хребтѣ гене-

ралъ-маіоромъ И. Т. Пославскимъ, а на водораздѣлѣ между ручьями Кара-тасты-булакъ и Кызылъ-булакъ въ Борондлевскихъ горахъ— П. А. Комаровымъ). Въ томъ же засѣданіи И. Т. Пославскій сдѣлалъ подробный докладъ о значеніи настоящей находки.

Племенной составъ населенія Россійской Имперіи. На основаніи данныхъ о переписи народонаселенія (28 января 1897 г.) и соотвѣтственно ежегодному приращенію (1 1/2 проц.), общее количество жителей въ Россіи и Финляндіи къ 1 января 1906 года простиралось до 149.500,000 душъ обоего пола; въ томъ числѣ по племенамъ населеніе распредѣлялось такъ: русскіе 102 мил., тюрко-татарскіе народцы 15 милліоновъ, поляки 9 милліоновъ, финны и сибирскіе инородцы 6 милліоновъ, евреи 6 милліоновъ, литовцы 3 милліона, германцы (нѣмцы, шведы и проч.) 2 1/2 милліона, картвельцы (грузины, имеретины, мингрельцы и сванеты) 2 милліона, армяне 1 1/2 милліона и прочіе 2 1/2 милліона. Итакъ, 2/3 всего состава Имперіи нашей принадлежатъ русскому племени, которое сплошь и всецѣло заселяетъ слѣдующія 9 губерній: Владимірскую, Курскую, Калужскую, Костромскую, Ярославскую, Воронежскую, Орловскую, Рязанскую и Тульскую; нѣсколько меньше (97 проц.) русскаго племени находится въ губерніяхъ: Московской, Новгородской, Смоленской, Полтавской, Тамбовской и Харьковской; что же касается первенствующей на Руси по своему многолюдству губерніи Кіевской (4,148,000 жителей обоего пола), то русское племя составляетъ въ ней 85 проц. и по абсолютному количеству даже одного русскаго населенія (3 1/2 милліона человѣкъ) Кіевская губернія превышаетъ общее количество населенія каждой изъ прочихъ 97 губерній и областей въ Россіи; во всей Финляндіи жителей 2,816 тыс. чел., изъ нихъ финны составляютъ 86 1/2 проц., а шведы 13 проц. и русскіе только 1/2 проц. Въ С.-Петербургской губерніи въ общемъ количествѣ жителей (2 1/2 милліона) русскіе составляютъ 83 проц.; меньше всего русскихъ въ губерніяхъ финляндскихъ (кромѣ Выборгской)— отъ 1 проц. до 1/4 проц., и въ областяхъ: Самаркандской 1 1/2 проц., въ Ферганской 1/2 проц. и Дагестанской 2 проц.; совсѣмъ нѣтъ русскихъ въ губерніяхъ: Абосской, Вазасской, Тавастгустской и Улеаборгской.

Свенъ Гединъ въ Тибетѣ. Получено письмо отъ Свена Гедина, отправленное изъ Шигацзе 9-го февраля, въ которомъ онъ сообщаетъ, что мѣстность между Нагариза и Брамапутрой—одна изъ наиболѣе интересныхъ частей Тибета. Простирающееся на югъ плато, дотолѣ бывшее неизслѣдованнымъ—одно изъ наивысшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Изъ Станакбо знаменитый путешественникъ отправился на лодкѣ съ пилигриммами, ѣдущими на новогоднее торжество по рѣкѣ, покрытой плывущими льдинами. Въ Чжасилюмбу Таши лама оказалъ Свену Гедину чрезвычайно радушный пріемъ, сдѣлалъ цѣнные подарки, снабдилъ отрядъ припасами, позволилъ Гедину всюду снимать фотографій и срисовывать мѣстности. Свенъ Гединъ нынѣ прослѣдовалъ дальше въ неизслѣдованныя мѣстности. (Рейтеръ).

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ **о преміяхъ имени М. И. Михельсона** доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1907—1909 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры[1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранив-

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

шіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Выясненіе, какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ «х».

Фонетическія условія происхожденія звука „х“ въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „х“ или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „х“, въ сопоставленіи со свидѣтельствами других славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго с[...] на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „х“ въ [...] славянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „х“ въ словахъ ру[...]

языка: „*х*“ какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „*х*“ въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „*х*“.

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.

Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVIII столѣтій.

Предлагается собрать иноземные слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ, и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ литературномъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ, 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) составляющія исключительную принадлежность русскихъ Славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ).

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ; 2) скандинавскихъ.

9. Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ.

Собраніе, по возможности, обширнаго количества примѣровъ ошибочнаго употребленія словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ изъ языка писателей, ученыхъ и публицистовъ. Распредѣленіе собраннаго матеріала по категоріямъ или въ алфавитномъ порядкѣ. Указаніе происхожденія отдѣльныхъ ошибокъ (варваризмы, провинціализмы и т. д.).

10. Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка.

Прослѣдить это вліяніе по памятникамъ письменности и даннымъ фольклора, чтобы опредѣлить возрастъ заимствованныхъ изъ мадьярскаго словъ и площадь ихъ распространенія. Въ списокъ такихъ словъ должны быть включены сверхъ нарицательныхъ и обственныя, встрѣчающіяся въ названіяхъ личныхъ и мѣстныхъ.

11. Сборникъ русскихъ синонимовъ.

Собраніе синонимовъ съ примѣрами, по возможности, изъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Желательно, чтобы была использована литература по русской синонимикѣ первой половины XIX вѣка.

12. Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ.

Указаніе греческихъ элементовъ въ памятникахъ русской письменности, современныхъ русскихъ говорахъ (великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ), а также въ условныхъ (офенскихъ) языкахъ. Указаніе періодовъ заимствованія, путей, которыми они проникали въ русскій языкъ, и опредѣленіе географическаго распространенія каждаго слова въ греческомъ языкѣ. Желательно использованіе всего матеріала для исторической грамматики греческаго и русскаго языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія[1]).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

---

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представ[лены] не позднѣе 1-го марта 1909 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ од[номъ] экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императо[рской] Академіи Наукъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

1. О снохѣ и свекрови.[1])

Жили въ деревнѣ сноха со свекровью.

Свекровь была женщина вздорная. Только одинъ разъ и сдѣлала она доброе дѣло: нищему вилокъ капусты подала. Она въ огородѣ работала, а нищій подошелъ просить милостыни и надоѣлъ ей. Выбрала она гнилой кочанъ да въ него и кинула. А тотъ поднялъ и говоритъ: „И за то спаси тебя Богъ".

А сноха была совсѣмъ другая: кроткая женщина. Во всемъ она хотѣла свекрови угодить и людямъ помочь. Разъ послала ее свекровь поглядѣть, не отелилась ли корова. Она пошла и видитъ, что отелилась—и телочкой. Взяла она теленка да бѣдной вдовѣ-сосѣдкѣ и просунула.

А свекрови сказала: „Отелила, да мертвенькаго". А та ей: „Коль мертвенькаго, поди", говоритъ: „убери его". Тѣмъ разговоръ и кончился. А у сосѣдки телочка выходилась, стала коровой, и полегче стало жить вдовѣ.

Вотъ умерла свекровь. И снится она разъ снохѣ: будто приходитъ она, да такая печальная. Сноха и спрашиваетъ: „Что ты такая, матушка? Каково тебѣ тамъ?" Свекровь-то и отвѣчаетъ: „Плохо", говоритъ: „дочка. Одну только капусту гложу. А вотъ тебѣ тамъ хорошо приготовлено: мѣсто тебѣ свѣтлое, и корова тамъ гуляетъ съ золотыми рогами". А сноха и говоритъ: „Ну, возьми мое мѣсто себѣ, матушка, а я буду другое наживать". Сказала она это и проснулась. И съ тѣхъ поръ стала еще больше добра дѣлать.

2. Какъ материна рубашка дѣвку спасла.[1])

Затѣяла дѣвка подъ новый годъ въ банѣ гадать и слышитъ она, что идетъ къ ней нечистый. Испугалась дѣвка и не знаетъ, о

---

[1]) Оба разсказа записаны близь г. Коломны Московской губ.

Даже кража считается меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ скоромная пища въ постъ.

Въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли нашъ бѣлоруссъ считаетъ своею обязанностью побывать въ церкви у обѣдни и посѣтить могилу своихъ близкихъ родныхъ. Этотъ день онъ называетъ „Задушный дзень". На могилу отправляется вся семья крестьянина, для чего берется съ собою водка, закуска, крашеное пасхальное яичко и кость отъ пасхальнаго мяса. Придя къ могилѣ, вся семья вокругъ могилы становится на колѣни, молится Богу по усопшему или усопшей, а затѣмъ выпиваетъ водку, закусываетъ. Предъ первой рюмкой глава семьи произноситъ: „Вѣчный покой змарлэй души, царство небесное, а намъ доброе жице". При этомъ всѣ присутствующіе вздохнутъ. Этимъ выражается сожалѣніе по умершемъ. Вторая рюмка водки выливается на могилу умершему. Все время трижды восхваляются добрыя качества покойнаго, какихъ у него можетъ быть и не было. Всѣ поддакиваютъ восхвалителю и съ своей стороны высказываютъ много похвалъ. Послѣ закуски вторично молятся о душѣ умершаго, исправляютъ его могилу, обкладываютъ ее камнями, дерномъ и затѣмъ оставляютъ покойнику на могилѣ пасхальное яичко, кусокъ пирога, кусочки мяса и втыкаютъ въ могилу отъ пасхальнаго мяса кость. Бѣлоруссъ суевѣренъ: онъ того мнѣнія, что умершіе могутъ выходить изъ могилъ, принимаютъ образъ человѣческій, въ извѣстные дни принимаютъ пищу и если не являются людямъ, то потому, что боятся тяжелаго наказанія. Во многихъ приходахъ глухого „полѣсья" кладутъ въ гробъ умершему въ запасъ рубашку, пару лаптей, онучи, трубку съ табакомъ и трутъ.

Крестьянинъ.

(„Минск. Слово", № 130).

Хроника.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Въ засѣданіи, 6-го апрѣля были сдѣланы:

1) Сообщеніе чл. сотр. *А. А. Макаренко*: „Сибирскій народный календарь" (прочелъ въ извлеченіи чл. сотр. Н. Н. Виноградовъ).

2) Сообщеніе *М. М. Пришвина:* „Этнографическія наблюденія изъ Выговскаго края" (Повѣнецкаго уѣзда). Были показаны діапозитивы.

Въ послѣднемъ весеннемъ засѣданіи, 13 апрѣля было заслушано интересное сообщеніе *В. И. Іохельсона*, члена экспедиціи, снаряженной „Американскимъ Музеемъ Естественныхъ Наукъ" въ Нью-Іоркѣ: **„Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго Океана"**.

Программа:

Организація и задачи сѣверо-тихо-океанской экспедиціи. Отношеніе аборигеновъ Америки къ обитателямъ стараго свѣта. Различныя теоріи на этотъ счетъ. Важность этнологическаго изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Тихаго Океана. Азіатскіе и Американскіе отдѣлы экспедиціи. Отношеніе между собой этническихъ группъ: т. н. палеазіатовъ (чукчей, коряковъ, камчадаловъ, юкагировъ, гиляковъ и айновъ), эскимосовъ и индѣйцевъ. Вопросы лингвистики, соматологіи, матеріальной культуры, духовнаго развитія (религія и миѳы), первобытнаго искусства и семейно-родовыхъ отношеній. Результаты экспедиціи. Изъ путешествія лектора по Сибири.

Были показаны діапозитивы.

Рукописи, поступившія въ Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Г. О-ва въ 1906—1907 г.

Юсуповъ.	Астара.
А. Чесноковъ.	Народныя пѣсни.
А. Чесноковъ	(2) Святочныя пѣсни. Народныя пѣсни.
М. К. Герасимовъ.	Матеріалы по народной медицинѣ.
Я. П. Ильинскій.	Пѣсни, причеты и стихи, записанные въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ.
И. П. Лебедевъ.	„Зыряне" крат. истор. очеркъ.
И. Косталовскій.	6 рукописей.
Е. П. Савостьяновъ.	Печорскій край.
Я. Кузнецовъ.	Переяславское Христославленіе.
Д. П. Дементьевъ.	Заговоры охотниковъ.
М. Добротворскій.	Опытъ объясненія Ижемскими Зырянами названій болѣзней животныхъ.
„	3 пѣсни Ижемскихъ Зырянъ.

Г. Е. Верещагинъ.	Языческіе обычаи и празднества у Вотяковъ.
А. Каменевъ.	Характеристика двухъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Грязовецкомъ у.
А. Чесноковъ.	Св. Козьма и Демьянъ въ повѣрьяхъ русскаго народа.
А. Е. Русскихъ.	Пѣсни духовныя и заговоры, записанные въ Вятской губ.
К. И. Степанцевъ.	Этнографическія замѣтки. Гражданское прав
А. Чесноковъ.	Народныя пѣсни. Два стихотворенія.
В. А. Городцевъ.	Слова изъ говора крестьянъ села Дубровичъ Рязанской губ.
А. Чесноковъ.	Сказаніе о птицѣ небесной (55 ст.).
„	Сказаніе о Ѳедорѣ Тыринѣ (61 ст.).
9 рукописей	съ отвѣтами на програму для собиранія свѣдѣній о народныхъ говорахъ.
И. Косталовскій.	О курганахъ. Загадки. Праздникъ Вознесенія Господня.
С. Чигинъ.	Мордва-Мокша. Очеркъ.
С. В. Фарфоровскій.	Свадьба и ея обычаи въ Переяславскомъ у. Владимірской губ.
Д. И. Востровъ.	Народные мовивы (Костромская губ.).
А. Александровъ.	Канты.
„	О Штундѣ.
„	Кончина праведника.
„	Пріисковыя пѣсни.
Д. Зеленинъ.	Пословицы, поговорки и загадки Вятскаго края.
С. А. Непеинъ.	Свадебные причеты.
А. Александровъ.	149 пѣсенъ (Сибирь).
„	115 пѣсенъ (Сибирь).
„	Кантъ „Гдѣ рай мой прекрасный".
„	Пріисковыя пѣсни (Шаргонъ).
„	Пѣсни рабочихъ на пріискахъ въ Южно-Енисейской тайгѣ.
„	Іосифъ прекрасный.
В. Н. Плотниковъ.	Киргизскія пословицы и поговорки.
6 рукописей	съ отвѣтами на вопросы, поставленные пѣсенной комиссіей.
И. Косталовскій.	Свѣдѣнія о постройкахъ.
„	Этнографическіе обычаи и повѣрья.
„	Обычаи, повѣрья и разныя суевѣрья.
„	Гончарное производство.
К. Широковъ.	Краткое описаніе быта и нрава Вотяковъ.
В. Степановъ.	Свадебный обычай въ Петербургской губ.
В. П. Милорадовичъ.	12 сказокъ.
И. Косталовскій.	Гончарное производство въ Мышкинскомъ у.
Д. П. Якушевъ.	Село „Пожилино" Ефремовскаго у., Тульской г
М. К. Герасимовъ.	Изъ обычаевъ и повѣрій Череповецкаго у.
С. А. Подъяконовъ.	Якутская сказка.
В. Н. Добровольскій.	Данныя для народнаго календаря.

Д. П. Дементьевъ.	Свадебные обряды (въ Костромской губ.).
В. Антиповъ.	Сказаніе о царѣ Соломонѣ.
"	Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николой путешествовали.
А. Н. Васильевъ.	Свѣдѣнія о постройкахъ.
Ник. Несмѣловъ.	Памяти Николая Петровича Барсова.
"	Ювелирныя украшенія Туркменъ.
А. А. Петровъ.	Отзывъ о сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Ольги Хмаро-Барщевской.
Вольтеръ.	Извлеченіе нѣкоторыхъ этнографическихъ свѣдѣній изъ быта крестьянъ Жмудиновъ.
С. Булгаковъ.	Пѣсня, записанная въ с. Масловкѣ, Курской г., Старооскольскаго у.
П. Молчановъ.	Пять народныхъ пѣсенъ, зап. въ Самарской г.
К. Борисоглѣбская.	Три разсказа, записанные въ Коломенскомъ у. Московской губ.
П. Зенбицкій.	Сумасшедшій самозванецъ.
С. Фарфоровскій.	Нѣсколько дней среди карачаевцевъ.

Общество любителей древней письменности. 30 марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Кондакова общее собраніе Императорскаго общества любителей древней письменности. Въ этомъ засѣданіи Н. Н. Виноградовымъ былъ сдѣланъ докладъ объ издаваемой имъ повѣсти „Парижъ и Вѣна“, представляющей рыцарскій романъ, французскій оригиналъ котораго, по указанію А. Н. Пыпина, относится къ концу XV вѣка. Н. Н. Виноградовъ высказалъ предположеніе, что въ нашу письменность повѣсть проникла черезъ западныхъ славянъ. На этомъ же собраніи Д. В. Айналовъ демонстрировалъ два роскошныхъ изданія: 1) Матеріалы для исторіи русской иконописи, изд. Н. П. Лихачева, представляющіе альбомъ фототипическихъ снимковъ съ 800 иконъ слишкомъ и дающіе неисчерпаемый матеріалъ для всеобщей исторіи иконописнаго искусства; 2) второе изданіе, заграничное, представленное вниманію собранія, было великолѣпное изданіе Гебли ватиканской рукописи, извѣстное подъ названіемъ Іисусова свитка. Относительно этого изданія Н. П. Кондаковъ высказалъ соображеніе, что свитокъ этотъ является увеличенной римской копіей V вѣка съ греческаго оригинала.

27 апрѣля состоялось годовое засѣданіе общества, на которомъ былъ прочитанъ годичный отчетъ и заслушанъ очень интересный и важный докладъ Н. В. Султанова: „Рукописный планъ Тихвинскихъ монастырей XVII вѣка“.

26 апрѣля въ **Академіи Наукъ** состоялось публичное засѣданіе разряда изящной словесности, въ которомъ гр. И. И. Толстымъ, Н. П. Кондаковымъ и Н. Е. Рѣпинымъ было сдѣлано сообщеніе о скончавшемся почетномъ академикѣ В. В. Стасовѣ.

СПб. Университетскій Студенческій Географическій кружокъ. 9 апрѣля 1907 года состоялось 5 засѣданіе кружка. Были выслушаны сообщенія:

1) А. А. Спицына—„Археологія къ вопросу о началѣ Руси".

2) Н. Н. Виноградова — „Народныя суевѣрія, связанныя съ предметами доисторической археологіи".

Археологическій Институтъ въ Москвѣ. Высочайше утверждено положеніе о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Институтъ этотъ возникъ по иниціативѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанта В. Г. Глазова и приватъ-доцента А. И. Успенскаго и учреждается на частныя средства. Онъ имѣетъ цѣлью научную разработку археологіи, археографіи и русской исторіи съ ея вспомогательными науками, а равно и подготовку спеціалистовъ для должностей въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Въ дѣйствительные слушатели института принимаются лица обоего пола, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица же, не получившія высшаго образованія, допускаются въ Институтъ, по усмотрѣнію его совѣта, лишь въ качествѣ вольнослушателей. Дѣйствительные слушатели, окончившіе успѣшно курсъ въ Институтѣ, получаютъ, по защитѣ диссертаціи, званіе ученаго археолога или ученаго архивиста и зачисляются въ дѣйствительные члены Института. Лица же, не защитившія диссертаціи, получаютъ званіе окончившаго курсъ Института съ зачисленіемъ въ его члены-сотрудники.

Институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій,— археологическаго и археографическаго (архивнаго). Въ Институтѣ преподаются: 1) Первобытная археологія, 2) Бытовыя древности, 3) Юридическія древности, 4) Христіанская археологія, 5) Русская исторія (Исторія учрежденій и проч.), 6) Исторія русской литературы и исторія русскаго языка, 7) Всеобщая исторія искусства, 8) Исторія русскаго искусства, 9) Исторія русской архитектуры, 10) Историческая географія, 11) Этнографія, 12) Нумизматика, 13) Сфрагистика, 14) Геральдика, 15) Генеалогія, 16) Метрологія и хронологія, 17) Армографія, 18) Славянская палеографія, 19) Эпиграфика, 20) Греческая палеографія, 21) Дипломатика, 22) Архивовѣдѣніе, 23) Музеовѣдѣніе, 24) Библіотековѣдѣніе. Распредѣленіе предметовъ на общіе и преподаваемые на каждомъ изъ двухъ отдѣленій, а равно и по курсамъ, предоставляется совѣту Института. 26-го февраля состоялись выборы попечителя и директора Института закрытой баллотировкой. Попечителемъ избранъ былъ генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, директоромъ—приватъ-доцентъ А. И. Успенскій, профессорами—Филипповъ по кафедрѣ юридическихъ древностей, Соболевскій—по греческой палеографіи, Брандъ—по исторіи русскаго языка, Смоленскій—по церковно-пѣвческой археологіи, инженеръ Флейшеръ—по исторіи русской архитектуры, металловъ и исторіи церковной археологіи и Высоцкій—секретаремъ.

Международный съѣздъ академій Наукъ въ Вѣнѣ. На съѣздѣ присутствуютъ делегаты свыше шестидесяти академій наукъ и ученыхъ обществъ со всѣхъ концовъ міра. Цѣль конференціи, помимо разрѣшенія многихъ научныхъ вопросовъ, установленіе правильныхъ сношеній между учеными обществами и взаимообразнаго обмѣна сокровищами библіотекъ. Это—первое въ исторіи человѣчества собраніе свѣтилъ науки. Всѣ представленныя на конгрессъ учрежденія соединятся въ одну интернаціональную ассоціацію. Съѣздъ раздѣленъ на секціи по категоріямъ наукъ, выдѣляющія центральныя комиссіи и подкомиссіи. Ассигновано 100.000 марокъ на изданіе Л. фонъ-Шредеромъ въ Вѣнѣ цикла санскритской литературы Магабгарата въ 14 томахъ. Подготовительныя работы въ полномъ ходу.

Международный Археологическій Съѣздъ назначенъ на апрѣль 1909 г. въ Александріи. Засѣданія съѣзда будутъ происходить также въ Каирѣ и на мѣстѣ древнихъ Ѳивъ. Предполагается осмотръ пирамидъ, царскихъ гробницъ, храма Абидоса и пр.

Съѣздъ французскихъ и нѣмецкихъ археологовъ состоится въ сентябрѣ с. г. въ Аѳинахъ. Среди вопросовъ, намѣченныхъ для разсмотрѣнія на съѣздѣ, наиболѣе интересные: 1) разработка программы изысканій архитектурныхъ памятниковъ Эфеса, Малой Азіи и острововъ Архипелага; 2) доклады о реставраціяхъ и раскопкахъ, какъ законченныхъ, такъ и продолжающихся, и 3) принятіе мѣръ къ уничтоженію между французскими и нѣмецкими учеными ожесточенной борьбы, усложняющей работы по изученію предметовъ старины.

Выставка „русскаго узорія" К. Далматова. Въ маѣ — іюлѣ мѣсяцахъ въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ спеціально приспособленномъ помѣщеніи извѣстный художникъ К. Далматовъ выставилъ собиравшіеся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ предметы русскаго народнаго искусства. Всего въ 7 комнатахъ выставлено болѣе 2.000 предметовъ, причемъ главное мѣсто занимаютъ вышивки: золотомъ, серебромъ, шелками, шерстями и бумагой. Поразительно количество и разнообразіе узоровъ, собранныхъ съ разныхъ концовъ Россіи и сопоставленныхъ съ инородческимъ орнаментомъ. Кромѣ вышивокъ много рѣзьбы по дереву. Есть принадлежности костюмовъ, и цѣлые костюмы; домашняя утварь, изразцы, набойки и пр., и пр. Очень интересенъ церковный шкафъ, сплошь украшенный рѣзьбою и раскраскою, вывезенный изъ Нижегородской губ. Художникомъ собрано также много очень рѣдкихъ старинныхъ рисунковъ этнографическаго характера. Несмотря на большой интересъ, выставка посѣщалась крайне мало.

Выставка музея кн. М. К. Тенишевой. 10 мая н. ст. въ Парижскомъ музеѣ декоративныхъ искусствъ открылась выставка музея кн. Тенишевой. Обширное собраніе предметовъ древне-русскаго искусства, составленное многолѣтнимъ упорнымъ собирательствомъ такой

глубокой любительницы искусства, какъ кн. Тенишева, пользуется уже заслуженною извѣстностью въ Россіи. По единодушнымъ отзывамъ газетъ, у выставки большой успѣхъ.

„Съ изумленіемъ останавливаешься передъ этими кружевами, матеріями, эмалями, серебряными издѣліями такой тщательности, богатства и чистоты отдѣлки, такой тонкости въ каждой мелочи композиціи, которую мы и не подозрѣвали въ столь мало культурномъ народѣ“, — пишетъ „Figaro“.

Свою великолѣпную коллекцію старинныхъ иконъ, вышивокъ, кружевъ, филигранныхъ, серебряныхъ пуговицъ и проч. княгиня предназначаетъ въ музей ея имени въ Смоленскѣ.

Болгарскія Древности (Българскн Старини). Подъ такого рода общимъ заглавіемъ Археографическая комиссія М-ва Народн. Просв. предположила издать цѣлый рядъ памятниковъ древней болгарской письменности. Вышелъ уже I вып. этой серіи „Добрѣйшово Четвероевангеліе“, средне-болгарскій памятникъ XIII в. (по ркп. Соф. народн. библ. № 307 и Бѣлград. народн. библ. № 214), подъ ред. проф. Б. Цонева. Предположено къ изданію: II в. „Каприщенски Дамаскинъ“; III в. Критическое изданіе Паисіевой Болгарской исторіи; IV в. Охридскій Апостолъ XIII в.; V в. Двѣ неизвѣстныя Болгарскія исторіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ издаваться и художественная серія „Болгарскихъ Древностей“, въ которой будутъ воспроизведены художественные орнаменты древнихъ болгарскихъ рукописей и др.

Императорская **Академія Наукъ** признала представленную на премію П. Н. Батюшкова работу г. Довнара-Запольскаго „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства XVI вѣка“ достойной почетнаго отзыва. — Преміи имени Гоголя присуждены: въ 1.000 р. А. В. Крыловскому за сочиненіе „Львовское ставропигіальное братство“ и „Архивъ юго-западной Россіи“; въ 500 руб.—А. И. Малинкѣ за „Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору“. Кромѣ того удостоены почетнаго отзыва труды В. Милорадовича „Житье-бытье Лубенскаго крестьянина“ и „Средняя Лубенщина“.—Большая награда графа Уварова въ 1.500 руб. за сочиненіе по исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ присуждена А. А. Кизеветтеру, за работу „Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія“, и епископу Арсенію, за работу „Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви“; малыя награды, по 500 руб., присуждены: В. Н. Бенешевичу, за трудъ „Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 года“, и А. В. Стороженко, за работу „Стефанъ Баторій и днѣпровскіе казаки“; наконецъ, почетные отзывы: Д. И. Багалѣю („Опытъ исторіи харьковскаго университета“) и Ѳ. Ф. Вержбовскому („Матеріалы по исторіи московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“).—Премія графа Д. А. Толстого въ размѣрѣ 800 руб. присуждена В. Г. Васенко за „Книгу степенную царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности“. Почетнаго отзыва имени графа Д. А. Толстого удостоенъ Я. Трусевичъ за „Своды 260 азбукъ и образцовъ Кириллицы“.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ настоящемъ году не нашло возможнымъ присудить ни одной преміи имени д. ст. сов. М. И. Михельсона, учрежденной при Императорской Академіи Наукъ за труды въ области науки о русскомъ языкѣ, и обычнаго публичнаго засѣданія, назначаемаго на 16 декабря того года, на который приходится самое присужденіе премій нынѣ не состоялось. Отдѣленіе русскаго языка и словесности назначаетъ новый конкурсъ на трехлѣтіе 1907—1909, при чемъ предлагаются какъ задачи, объявленныя ранѣе и до сихъ поръ оставшіяся безъ отвѣта, такъ и нѣсколько новыхъ задачъ, выработанныхъ особою комиссіею (см. в. I-й „Жив. Ст.“). Сочиненія на объявленныя задачи должны быть представлены не позднѣе 1 марта 1909 года.

Д. т. с. В. А. Зеэ пожертвовалъ Императорской Академіи Наукъ 30.000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала каждое трехлѣтіе были выдаваемы въ качествѣ преміи за лучшія сочиненія по русской географіи, гигіенѣ, исторіи Россіи, русской словесности и агрономіи.

„Пещное Дѣйство“. 18 марта, въ воскресенье, въ 8 часовъ вечера, въ Большомъ залѣ Епархіальнаго дома состоялось „открытое засѣданіе“ комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины города Москвы и Московской епархіи. Засѣданіе открылось чтеніемъ краткой записки о дѣятельности комиссіи, которая возникла лишь въ концѣ 1902 г. по мысли ея предсѣдателя, директора Московскаго Археологическаго Института, Александра Ивановича Успенскаго и въ продолженіе краткаго періода своего существованія успѣла выпустить въ свѣтъ 4 объемистые тома своихъ трудовъ, весьма цѣнныхъ по своему содержанію и по богатству иллюстрацій. Дальше слѣдовало *Пещное Дѣйство* въ исполненіи полнаго хора и отдѣльныхъ солистовъ сгнодальныхъ пѣвчихъ подъ управленіемъ извѣстнаго талантливаго композитора А. Д. Кастальскаго, который, на основаніи старинныхъ крюковыхъ нотъ, относящихся къ *Пещному Дѣйству*, сочинилъ очень красивую, прелестную музыку; въ большей же части *Пещное Дѣйство* оставлено г. Кастальскимъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ по крюкамъ. Самостоятельное творчество г. Кастальскаго относится къ нѣкоторымъ діалогамъ „отроковъ и халдеевъ“. Въ этой части композиторъ проявилъ глубокое пониманіе древне-русской музыки. Пѣніе сопровождалось чтеніемъ реферата проф. консерваторіи свящ. В. М. Металлова, вводящаго въ пониманіе *Дѣйства* и музыки. При помощи волшебнаго фонаря было воспроизведено много свѣтовыхъ картинъ съ миніатюръ XI—XVII в. и съ послѣдней картины Н. К. Рериха—*Пещного Дѣйства*, бывшей на только-что закрытой выставкѣ Союза русскихъ художниковъ. Картины весьма интересны и все вмѣстѣ взятое давало превосходное понятіе о вышеупомянутомъ обрядѣ. Пѣвчіе были въ своихъ красивыхъ кафтанахъ съ красными и зелеными восковыми свѣчами въ рукахъ. „Отроки и халдеи“ исполняли свои роли безукоризненно. Послѣ діалоговъ пропѣто было „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ по 3-мъ статьямъ и затѣмъ „многолѣтны“, гдѣ испрашиваются долгіе годы „Тишайшему Царю Алексѣю, Царицѣ Натальѣ, благовѣрнымъ царе-

вичамъ и царевнамъ, патріарху Всероссійскому и всѣмъ православнымъ христіанамъ".

Украинскій вертепъ. И. М. Стешенко предполагаетъ поставить на рождественскихъ святкахъ въ музыкально-драматической школѣ Н. В. Лисенко, а затѣмъ и для ознакомленія болѣе широкой публики, украинскій вертепъ, въ которомъ посредствомъ маріонетокъ будетъ представлена украинская мистерія. Мистеріи и интермедіи, эти зачатки драмы, широко были распространены по Украинѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Распространителями ихъ были, главнымъ образомъ, студенты кіевской духовной академіи, странствовавшіе въ каникулярное время по Украинѣ и устраивавшіе свои лицедѣйства въ помѣстьяхъ тогдашняго украинскаго панства. Одинъ изъ такихъ вертеповъ, какъ историческій памятникъ, сохранялся до послѣдняго времени въ имѣніи Галагана, который увѣковѣчилъ его на страницахъ „Кіевской Старины" 80-хъ годовъ, помѣстивъ здѣсь партитуру пьесы и рисунокъ вертепнаго ящика. Этотъ вертепъ и послужилъ образцомъ для г. Стешенко, который въ своемъ вертепѣ имѣетъ въ виду воспроизвести старинный украинскій вертепъ. Для ознакомленія публики съ исторіей вертепа г. Стешенко предполагаетъ прочесть предварительно краткую вступительную лекцію.

Сказители былинъ въ Финляндіи. Три былинныхъ сказителя выступали передъ публикой въ Таммерфорсѣ, въ Финляндіи. Всѣ трое сказителей кареляки изъ Шуйстамскаго прихода, по имени Константинъ Куокка, Иванъ Опола и Иванъ Шеменка. Названные три пѣвца извѣстны въ Финляндіи пѣніемъ былинъ еще въ той формѣ, какую эти произведенія народной поэзіи имѣли до составленія Калевалы. Затѣмъ гастролеры отправились, по словамъ „Финл. Газ.", дальше на сѣверъ, въ Ювяскюля, и намѣрены посѣтить еще Або и Гельсингфорсъ. Всѣ трое пѣвцовъ пожилые люди, но еще довольно крѣпки на видъ; одѣты въ овчинные широкіе полушубки, какіе приняты крестьянами въ Кареліи, съ длинноотпущенными сѣдыми бородами. Поютъ соло и хоромъ, причемъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Шеменка, аккомпанируетъ на кантеле. Нынѣшнее лѣто они приглашены были въ Куопіо на сельскохозяйственную выставку.

Рабочіе на сооружаемой желѣзнодорожной линіи Нейшлотъ—Элизенвара **при раскопкахъ** такъ называемаго „Епископскаго холма" вблизи Нейшлота открыли множество человѣческихъ костей, остатковъ украшеній, одежды. Замѣчательно, что, по разсказамъ очевидцевъ, иные черепа настолько сохранились, что на нѣкоторыхъ частяхъ еще были волосы. Изъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе серебряные нагрудные кресты и медальончики, а также деньги. Найдены, между прочимъ, шелковая синяго цвѣта ленточка въ 10 сантиметровъ ширины и 40 длины съ золотымъ на ней образкомъ и рядомъ съ ней черный шелковый чепчикъ. Такъ какъ свѣдущихъ лицъ на мѣстѣ работы не имѣется, то рабочіе обращаются съ находками по своему усмотрѣнію.

Недалеко отъ Владиміра-Волынскаго, на мѣстѣ, отчужденномъ подъ желѣзную дорогу, на низменности, окруженной съ трехъ сторонъ болотами, а четвертой — опирающейся на пески, по словамъ „Волыни“, найдены при раскопкахъ свыше 40 гробовъ. Гробы, по формѣ похожіе на корыта, большею частью выдолблены изъ цѣльнаго куска дуба. Особое вниманіе обратилъ на себя одинъ изъ гробовъ, сдѣланный изъ шести каменныхъ плитъ толщиною каждая въ 3 четверти аршина. Когда верхняя плита-крышка была снята, то въ гробу нашли скелетъ молодой женщины, на которомъ сохранились куски матеріи отъ кофточки. Скелетъ находился въ сидячемъ положеніи. Въ гробу найдены двѣ хорошо сохранившіяся ея косы. Отсутствіе креста и форма гробовъ даютъ основаніе предположить, что открытое кладбище должно быть отнесено къ IX столѣтію.

Раскопки въ Подольской губерніи, весьма интересныя въ научномъ отношеніи, произведены истекшей осенью однимъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей древностей нашего юга В. В. Хвойко, совмѣстно съ молодымъ петербургскимъ ученымъ К. В. Хилинскимъ. О результатахъ раскопокъ подробно сообщено К. В. Хилинскимъ въ докладѣ, сдѣланномъ имъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Наибольшее значеніе имѣютъ находки, сдѣланныя изслѣдователями близъ селеній: Веремье и Крутобородинецъ. Здѣсь обнаружены были прогремѣвшія нѣсколько лѣтъ назадъ въ археологическомъ мірѣ загадочныя площадки, открытыя В. В. Хвойко въ Трипольѣ близъ Кіева. Ученые относятъ эти площадки къ отдаленнѣйшей древности, къ третьему тысячелѣтію до Р. Хр. Новыя находки въ Подольской губерніи, кромѣ слѣдовъ какихъ то бывшихъ здѣсь сооруженій, отъ которыхъ сохранились лишь обломки, быть можетъ разрушившихся нѣкогда стѣнъ, и части глинянаго пола, состоятъ изъ многочисленныхъ остатковъ гончарныхъ издѣлій, сдѣланныхъ отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга. Сосуды большею частью украшены весьма причудливыми и разнообразными орнаментами. Кромѣ того изслѣдователи, по словамъ „Под. Гол.“, встрѣтили орудія, костяныя и каменныя фигурки людей и животныхъ.

Лѣтомъ 1906 года въ различныхъ мѣстахъ Финляндіи произведены были археологическія изслѣдованія финской старины. Магистръ Бьернъ Седерварфъ представилъ богатыя коллекціи вещей каменнаго вѣка, найденныхъ имъ въ приходахъ Салтвикъ и Юмала; между доставленными предметами находятся рѣдко встрѣчающіеся глиняные кувшины и чашки съ скульптурными изображеніями, а также своеобразной формы каменные топорики, молотки и проч. Магистръ А. Тальгренъ занятъ былъ въ лѣтнее время работами по изслѣдованію старины въ Кейліе, Харьявала, Суомусъярви, Ускела и т. д. При раскопкахъ въ означенныхъ мѣстностяхъ открыты пепелища съ человѣческими костями, видимо останки приносимыхъ въ древнее время въ жертву людей, сожженныхъ на кострахъ.

Кромѣ перечисленныхъ открытій доставлено много еще и другихъ, изъ Саволакса и Эстерботніи, относящихся къ періоду язычества и католичества въ Финляндіи.

Въ національномъ О-вѣ Антикваровъ Франціи баронъ де-Бай, извѣстный своими трудами по древне-русскому искусству, прочелъ докладъ по поводу открытія въ Гурзуфѣ подземнаго кладбища, которое по всѣмъ даннымъ должно было принадлежать готамъ. Онъ сравнилъ предметы, открытые тамъ, съ тѣми, которые были найдены на языческихъ кладбищахъ Средней и Западной Европы и установилъ существующее между ними поразительное сходство.

Въ томъ же О-вѣ де-Мели доказывалъ несомнѣнную близость, существующую между апокалипсическимъ звѣремъ о семи головахъ и индійскимъ Naja.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Пища покойникамъ у современныхъ малороссовъ.

Въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. до настоящаго времени сохранился старинный пережитокъ—класть пищу покойникамъ въ гробъ. Кладутъ баранки и яблоки взрослымъ, а дѣтямъ конфекты и пряники, въ рѣдкихъ случаяхъ ставятъ также и [illegible] Духовенство всегда настойчиво боролось съ этимъ древнимъ обычаемъ и онъ сохранился до нынѣ лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ.

Одинъ крестьянинъ, Гавр. Савченко, изъ села Березовая Гать, стоящаго на границѣ Кролевецкаго и Новгородсѣверскаго уѣздовъ, такъ разсказывалъ объ этомъ обычаѣ, пишущему эти строки,

— Позвали разъ меня на Коваленковъ хуторъ дѣлать домовину (гробъ),—у Коваленка умерла мать. Вотъ я и сдѣлалъ. Убрали они покойницу, какъ слѣдуетъ, положили въ домовину; около головы положили вязку бубликовъ (баранокъ), а съ другого боку—два яблока.

— Было тогда кормить,—сказалъ я, — когда ѣла, а теперь поздно.

Пришелъ священникъ и воспротивился:

— Примите,—приказалъ,—баранки и яблоки, отъ этого только гниль заводится.

Сталъ упрашивать Коваленко батюшку, чтобъ оставить, однако тотъ разрѣшенія не далъ. Если умираетъ дѣвушка, то ее убираютъ въ цвѣты, все равно какъ къ вѣнцу.

Ив. Абрамовъ.

Легенда пчеловодовъ.

На пасѣкѣ, подъ селомъ Ушивкой Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ., я слышалъ отъ пасѣчника Григорія Коваленка слѣдующую легенду:

Было время, когда въ Россіи пчелъ не было, а водились онѣ только въ одной чужеземной сторонѣ; жили онѣ въ скалахъ, не выпускали

роевъ и не распространялись по всѣму свѣту. Такъ было много лѣтъ, пока не народились на свѣтъ Божій святые угодники Зосима и Савватій. Порѣшили они распространить пчелъ по всему свѣту и стали объ этомъ молить Господа Бога. И постановилъ Богъ, чтобы въ извѣстное время вылетали рои и летѣли бы тѣ рои въ разныя стороны, и садились бы гдѣ придется. Который человѣкъ огребетъ рой, тому онъ и принадлежать долженъ, и никто не въ правѣ отнимать у него. Стали пчелы разлетаться по разнымъ сторонамъ, стали ихъ люди ловить и заводить себѣ пасѣки. Кто поймаетъ рой, тотъ ему и хозяинъ, и никакимъ судомъ нелья отъ него отбирать. Въ разныя стороны летятъ рои, а больше всего наровятъ на восходъ солнца и на полдень, на западъ же и на полночь онѣ рѣдко когда направляются.

Ив. Абр.

Этнографическія мелочи.

Изъ Кадниковскаго уѣзда.

I. Преданія и легенды.

По дорогѣ отъ с. Ивачина къ д. Яскину (Васьяновской волости) находится болото. По преданію, на мѣстѣ этого болота было озеро. Однажды одинъ изъ князей Пѣнкиныхъ по озеру катался въ лодкѣ, и въ это время поднялась на озерѣ буря и такая сильная, что князю грозила смерть. Въ избавленіе отъ опасности онъ далъ Богу обѣтъ построить на берегу озера храмъ во имя Вассіана Преподобнаго, каковой обѣтъ былъ имъ и исполненъ.

Между деревнями Цѣцово и Митинское (той-же волости) есть прудъ. По преданію, въ рединѣ этого пруда положена плита, подъ ней кладъ, состоящій изъ двухъ бочекъ золота и положенъ онъ княземъ Пѣнкинымъ. Увѣряютъ, что если плиту эту открыть, то изъ подъ нея выйдетъ столько воды, что она затопитъ всю Васьяновскую волость.

Подъ д. Деревягино, на берегу рѣки Кубины стоятъ двѣ сосны когда онѣ выросли никто изъ крестьянъ не помнитъ: есть преданіе, что около нихъ похоронено много холерныхъ людей, а самыя сосны заповѣдныя, кто нихъ срубитъ тотъ сразу умретъ. (Васьяновская волость).

Близь д. Митинское въ поляхъ, есть двѣ ели, онѣ находятся одна въ сторонѣ къ с. Ивачину, а другая къ д. Можайкѣ. По преданію эти ели также заповѣдныя, кто срубитъ первую,—у того нога отвалится, вторую—рука отнимется.

II. Народный разсказъ изъ Русско-Японской войны.

Съ Японской стороны пріѣхалъ на русскихъ великанъ болѣе сажени росту „давай,“ говоритъ, „выѣзжайте, помѣримся со мною *силами*, мнѣ трехсотъ мало“.

Наши козаки не сплошали, одинъ коня убилъ, другой—петлю на великана на шею накинулъ, а третій подбѣжалъ да и голову ему отрубилъ; говорятъ, что одна голова три пуда вѣсила". Крестьяне во все время до окончанія войны были убѣждены, что Богъ поможетъ русскимъ побѣдить врага.

III. Народный языкъ „не по нашему".

Въ Васьяновской волости, въ крестьянской великовозрастной дѣвичьей массѣ, неизвѣстно съ какого времени, для цѣлей интимнаго характера существуетъ особый языкъ „не по нашему". Дѣвушки строго охраняютъ тайну произношенія этого языка, охраняя его отъ посягательства старшихъ и дѣтей.

Для примѣра перевода на этотъ языкъ, беру слѣдующую фразу: „парень сватался къ дѣвушкѣ, да ее не отдаютъ". Па-фара ре-ферень сва-фара та-фара лся-фере къ дѣ-фере ву-фуру шкѣ-фере, да-фара е-фере не-фере о-форот да фара ю-фюрю-тъ."

А. Неуступовъ.

Хроника.

Въ число академиковъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ конференціей академіи избранъ профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета по каѳедрѣ русской литературы **В. М. Истринъ**, извѣстный своими трудами въ области древней литературы.

20 сентября исполнилось 25 лѣтъ службы на высшихъ женскихъ курсахъ **Е. В. Балобановой**, стоящей во главѣ библіотеки курсовъ. Г-жа Балобанова извѣстна своими трудами въ области кельтологіи. Извѣстность ея въ этой области очень широка не только въ Россіи, но и за границей. За свои работы по кельтскому эпосу г-жа Балобанова имѣетъ золотую медаль.

† Скончавшійся въ Митавѣ филологъ **Августъ Биленштейнъ** былъ извѣстенъ своими работами по изслѣдованіямъ латышскаго языка и по доисторическимъ древностямъ Балтійскаго поморья. Главными сочиненіями его считаются: „Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Forten“ (премировано Спб. Акад. наукъ) и „Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jahrhundert (издано Спб. Акад. наукъ).

† Въ Христіаніи скончался знаменитый норвежскій лингвистъ, авторъ многихъ выдающихся трудовъ по исторіи древне-скандинавскаго народнаго творчества, профессоръ Эльзеусъ-Софусъ **Бугге**. Онъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, послѣ сорокалѣтней неутомимой работы на избранномъ имъ поприщѣ. Главный трудъ покойнаго—это превосходное изданіе „Эдды“ (1867 г.), которое снабжено самыми подробными примѣчаніями и комментаріями.

† Въ Варшавѣ скончался одинъ изъ скромныхъ, но очень трудолюбивыхъ и полезныхъ русскихъ историковъ-археологовъ Григорій А. **Воробьевъ**, авторъ многихъ изслѣдованій о прошломъ Польши. Занимая по своему служебному положенію мѣсто мирового судьи въ Ломжинской губ., покойный состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ, сотрудникомъ „Истор. Вѣстника“, гдѣ напечаталъ длинный рядъ статей, основанныхъ на польскихъ источникахъ. Кромѣ того перу покойнаго принадлежитъ рядъ переводовъ съ польскаго на русскій языкъ, какъ напримѣръ сочиненій Іосифа Когуя, епископа Адама Красинскаго и Записокъ Яна Килинскаго. За свои ученоархеологическія изслѣдованія, Гр. А. Воробьевъ былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Краковской академіи наукъ.

† 22 сентября минуло тридцать пять лѣтъ со дня смерти знаменитаго русскаго этнографа Владиміра Ивановича **Даля**. Колоссальный трудъ его „Толковый словарь живого великорусскаго языка“, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе всей своей жизни, по богатству содержащагося въ немъ матеріала, превышаетъ все, что когда-нибудь у насъ было сдѣлано силами одного лица. Тѣло В. И. Даля покоится теперь въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Во второмъ полугодіи 1907 г. дѣятельность Отдѣленія Этнографіи началась 12 октября, когда заслушаны были:

1) Сообщеніе чл. сотр. *И. С. Абрамова*: „У старообрядцевъ на Вѣткѣ“. Бѣгство старообрядцевъ за польскій рубежъ и основаніе Вѣтки на р. Сожѣ. Старообрядческіе толки на Вѣткѣ. Современное мѣстечко Вѣтка. Одежда. Промыслы. Народные обычаи. Хороводы. Дѣвишники. Свадьбы. Уставщики. Келейницы-наставницы. Говоръ населенія. Пѣсни и духовные стихи, записанные на Вѣткѣ. Во время доклада были демонстрированы старинные старообрядческіе наряды.

2) *Э. К. Пекарскій* прочелъ одну главу изъ „Набросковъ о якутахъ Якутскаго округа“ покойнаго В. Ф. Трощанскаго, автора „Эволюціи черной вѣры у якутовъ“.

Программа:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестянная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ.

Были показаны діапозитивы.

За позднимъ временемъ половина доклада была отложена до слѣдующаго засѣданія. Оба доклада вызвали оживленныя пренія.

Пользуясь случаемъ, сообщаемъ краткое изложеніе содержанія доклада *В. И. Іохельсона* (13-го апрѣля)—**„Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго Океана“.**

Задачей такъ называемой Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ (Jesup North Pacific Expedition) составляетъ сравнительное изслѣдованіе племенъ, населяющихъ американскіе и азіатскіе берега сѣверной части Тихаго океана. Экспедиція эта, членомъ которой лекторъ состоялъ, была организована извѣстнымъ американскимъ этнологомъ, профессоромъ Колумбійскаго университета Францемъ Боакомъ на средства президента Американскаго Музея Естественныхъ Наукъ въ Нью-Іоркѣ, мистера Джесупа. Работы экспедиціи начались въ 1897 году и теперь не вполнѣ еще закончены. Труды экспедиціи должны составлять по плану 12 томовъ, изъ которыхъ пока вышли въ свѣтъ цѣликомъ только томъ I и отдѣльныя части съ II по VII томовъ. Въ кругъ изслѣдованій экспедиціи входятъ: эскимосы, алеуты, индѣйцы Аляски и Британской Колум-

бій и палеазіатскія племена (айны, гиляки, камчадалы, коряки, чукчи и юкагиры). Изслѣдованіемъ ихъ занимались одновременно различныя партіи спеціалистовъ. Исходнымъ положеніемъ для работъ служила задача выясненія древней исторіи обитателей Америки. Старинные изслѣдователи не мало фантазировали относительно происхожденія обитателей Америки. Ихъ отождествляли то съ одной, то съ другой народностью стараго свѣта. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія наступила реакція въ этомъ отношеніи, но американскіе этнологи ударились въ другую крайность. Появилась теорія о совершенной независимости американской расы и культуры отъ народностей и цивилизаціи стараго свѣта.

Дальнѣйшія же изслѣдованія показали, что американская раса распадается на большое количество мало сходныхъ между собой физическихъ типовъ, причину возникновенія которыхъ надо искать не только въ смѣшеніи между собой различныхъ отдѣловъ самой американской расы, но и въ вліяніяхъ, исходящихъ изъ неамериканскихъ странъ. Точно также поставлено было дѣло съ вопросомъ о разнообразіи американскихъ культуръ, религій и языковъ. Такимъ образомъ вопросъ о самостоятельности американской расы слѣдовало подвергнуть пересмотру, и изслѣдованіе было начато тамъ, гдѣ Американскіе и Азіатскіе берега географически сближаются, именно въ сѣверной части Тихаго океана. Въ Беринговомъ морѣ предстояло разобраться во взаимныхъ отношеніяхъ трехъ этническихъ группъ: палеазіатовъ, эскимосовъ и индѣйцевъ.

Данныя, собранныя различными спеціалистами экспедиціи, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Типъ обитателей сѣверныхъ береговъ Тихаго океана смѣшанный. Сѣверо-западные индѣйцы показываютъ сходство съ азіатами, а сѣверо-восточные палеазіаты имѣютъ индѣйскія черты.

Кромѣ того эскимосы, чистый типъ которыхъ найденъ въ области Гудсонова залива, по мѣрѣ приближенія къ берегамъ Берингова моря, показываютъ сходство или съ индѣйцами, или съ чукчами.

Въ отношеніи языковъ можно сказать, что по фонетикѣ и грамматическому строю палеазіатскіе языки ближе подходятъ къ американскимъ, чѣмъ къ урало-алтайскимъ языкамъ.

Въ матеріальной культурѣ палеазіатовъ мы встрѣчаемся съ тремя элементами: азіатскимъ (какъ, напр., оленеводствомъ), эскимосскимъ (какъ, напр., кожаныя байдары и орудія для морского промысла) и индѣйскимъ (какъ, напр., техника плетенія).

Миѳы представляютъ особый интересъ. Въ то время, какъ камчадальская, коряцкая и отчасти чукотская миѳологія, съ одной стороны, и миѳологія индѣйцевъ—Тлингитовъ, Чимшіанъ и Гайда, съ другой, образуютъ одинъ кругъ сказаній объ устроителѣ міра—Воронѣ, мы находимъ теперь между указанными палеазіатами и индѣйцами чуждый ихъ сказочному кругу циклъ эскимосскихъ миѳовъ о божествѣ—женщинѣ, по имени Седно, принесенный съ востока эскимосами. Въ религіозномъ же культѣ палеазіатовъ, т. е. въ ихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ, мы опять встрѣчаемся какъ съ азіатскимъ, такъ и съ эскимосскимъ и индѣйскимъ вліяніемъ.

Реалистическое искусство палеазіатовъ, состоящее въ рѣзьбѣ жи-

вотныхъ и людей, и замѣчательное своею живостію, судя по остаткамъ, преобладало также у сѣверо-западныхъ индѣйцевъ. Въ настоящее время скульптура послѣднихъ подверглась особаго рода символизаціи, на развитіе которой повліялъ тотемизмъ этихъ племенъ. Эта символизація въ извѣстной степени привилась эскимосамъ южной Аляски, въ то время какъ дальше къ сѣверу эскимосы производятъ реалистическіе образцы искусства, подобно чукотскимъ и корякцимъ, хотя съ меньшими художественными достоинствами и нѣкоторыми особенностями въ орнаментаціи.

Обращаясь, наконецъ, къ семейнородовымъ отношеніямъ племенъ сѣверо-тихо-океанскаго круга, мы находимъ у нихъ замѣчательное разнообразіе въ соціологическихъ типахъ. Скала этихъ типовъ начинается съ племенъ, у которыхъ отсутствуетъ всякая соціальная организація, и кончается племенами съ самымъ сложнымъ общественнымъ строемъ, состоящимъ изъ клановъ (то матріархатныхъ, то патріархатныхъ), классовъ внутри клановъ и тайныхъ обществъ съ религіозной окраской. Въ то же время установлено, какъ болѣе сложные соціальные организмы, путемъ заимствованія или смѣшенія съ сосѣдями, возникли изъ болѣе простыхъ. Кромѣ того, на основаніи собранныхъ матеріаловъ, надо думать, что материнское право, тамъ, гдѣ оно существуетъ среди племенъ указаннаго круга, развилось изъ отцовскаго, а не наоборотъ.

Окончательные выводы по всѣмъ затронутымъ въ сообщеніи вопросамъ этнологіи можно будетъ сдѣлать тогда, когда всѣ работы экспедиціи появятся въ свѣтъ.

СПб. Университетскій Студенческій Географическій кружокъ. 8 октября было сдѣлано сообщеніе: Мошкова—„о новой теоріи происхожденія человѣка“: а) вліяніе естественнаго отбора; б) гибридное происхожденіе современнаго человѣка; в) мнѣнія ученыхъ о человѣческихъ расахъ; г) подтвержденіе теоріи; 1) фактами ембріологіи и атавизма; 2) народными обычаями и преданіями; д) заключеніе.

На 24 октября назначено сообщеніе: *Петри*. Культъ Инау у племени Айну.

16-го октября вернулись въ Петербургъ участники экскурсіи, предпринятой членами **археологическаго кружка** при с.-петербургскомъ университетѣ, ѣздившими въ окрестности Нарвы. Цѣлью экскурсіи было провѣрить слухъ, будто въ 6 верстахъ отъ Нарвы, въ лѣсу, найденъ въ болотѣ остовъ корабля древняго голландскаго типа. Возможность подобной находки находятъ вполнѣ естественной, такъ какъ берегъ Балтійскаго моря въ южной части постепенно отступаетъ, въ то время какъ сѣверный берегъ, финляндскій, постепенно захватывается моремъ. Дѣйствительно на южномъ берегу Балтійскаго моря находили предметы корабельнаго вооруженія, а лѣтъ 60 тому назадъ нашли даже цѣлую корму корабля въ лѣсу. Но настоящая экскурсія не достигла цѣли. Мѣстность, гдѣ, по разсказамъ, найденъ корабль, оказалась сплошнымъ болотомъ и члены экскурсіи не рискнули двинуться по болоту. Тѣмъ не менѣе, они не отчаи-

ваются достигнуть цѣли и думаютъ предпринять новую экс
когда начнутся морозы. Правдоподобность находки корабля по
ждается архивомъ мѣстной лютеранской церкви. Изъ одной
этого архива видно, что въ XII вѣкѣ около Нарвы затонулъ
ландскій корабль, нагруженный золотомъ и орудіями.

Вацлавъ Сѣрошевскій отправляется, по словамъ польских
зетъ, вторично на Дальній Востокъ, причемъ посѣтитъ Кор
Южный Сахалинъ. Очерки г. Сѣрошевскаго будутъ одновре
печататься въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и польскомъ „Словѣ"

По слѣдамъ Пржевальскаго. Съ Высочайшаго соизво
извѣстный путешественникъ по средней Азіи, продолжатель П
вальскаго, поручикъ Козловъ предпринимаетъ новое двухл
путешествіе съ научной цѣлью въ центральной Азіи. Высту
экспедиціи должно было состояться въ первыхъ числахъ ав
изъ Петербурга и въ концѣ августа изъ Москвы. Средства на э
дицію дарованы Государемъ Императоромъ.

Истекшимъ лѣтомъ Тверская ученая архивная Коммиссія
тила и выполнила при участіи значительнаго числа лицъ пр
жительную **археологическую экскурсію**, маршрутъ которой п
гается: Маршрутъ поѣздки на истоки рѣкъ Волги и Западной Д
и въ г. Новгородъ Великій: *22 Іюня*: въ 5 час. утра выѣздъ
Бологое по желѣзной дорогѣ въ г. Осташковъ; поѣздка въ Н
пустынь на пароходѣ (10 вер.); осмотръ города, Житеннаго ос
и монастыря; ночлегъ въ гостинницѣ женскаго Знаменскаг
настыря. *23 Іюня*: утромъ отъѣздъ на пароходѣ по Селиге
дер. Сватущи (35 вер.), отсюда на лошадяхъ чрезъ погостъ Ст
въ Волгино-Верховье (20 вер.), здѣсь и ночлегъ. *24 Іюня*: ут
пѣшкомъ или на лошадяхъ (8 вер.) до дер. Коковкина, осм
кургана, на которомъ стоялъ крестъ Иванко Павловича; отсю
большихъ лодкахъ внизъ по теченію Волги чрезъ озера Ст
Овселукъ и Пено (35 вер.) до ст. Пено; осмотръ церкви пог.
кова и Новосоловецкаго монастыря на островѣ озера Овсе.
25 Іюня: отъ ст. Пено до ст. Охватъ (25 вер.) по желѣзно
рогѣ, отъ ст. Охватъ на лошадяхъ (15 вер.) чрезъ дер. Л
расположенную при впаденіи *р. Двинцы* (верхняя часть Запа
Двины) въ озеро Охватъ до д. Двинецъ, находящейся вблизи
Двинецъ, изъ котораго вытекаетъ Западная Двина. *26 Іюня*:
вращеніе по желѣзной дорогѣ въ Бологое и отъѣздъ на ст.
ховъ, отсюда на пароходѣ въ Новгородъ. *27 и 28 Іюня*: осм
памятниковъ Новгорода и его окрестностей. *29 Іюня*: обра
путь на ст. Волховъ.

Этнографическая поѣздка на рѣку „Катангу". (Сред.
гуска). А. А. Макаренко по порученію Имп. Русскаго Географ
скаго Общества въ текущемъ году совершилъ поѣздку на р
„Катангу" (Сред. Тунгуска) для ознакомленія съ жизнью оби
щихъ по ней тунгусовъ („Ованьки"). Это была одна изъ перв

поѣздокъ въ малоизвѣстный край, по совершенно неизученной рѣкѣ, къ незатронутымъ изслѣдованіями родамъ тунгускаго племени. Экскурсантъ проплылъ по Катангѣ около 900 верстъ. Ему однако, пришлось выполнять свою миссію при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ (изъ коихъ главное поздній пріѣздъ и пр.) и потому въ общемъ мало удалось собрать свѣдѣній, рисующихъ духовную и бытовую сторону „Ованьки“; за то завязаны связи, изученъ путь, что въ будущемъ должно значительно облегчить трудъ, дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Средства на эту поѣздку были даны Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Имп. Ал. III; для него Макаренко доставилъ коллекцію этнографическихъ предметовъ, относящихся къ матеріальной культурѣ тунгусовъ, ассортиментъ идоловъ и пр. вещевыхъ доказательствъ распространенности шаманизма и 15 дюжинъ фотографическихъ снимковъ типовъ, жилищъ и пр. Ближайшими сотрудниками его были Ст. СПб. Ун. К. А. Масленниковъ и П. Т. Вороновъ.

Этнографическая экскурсія въ Полѣсье Волынской и Минской губ. А. К. Сержпутовскій въ лѣтніе мѣсяцы этого года былъ командированъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Александра III въ Полѣсье Волынской, Минской и Гродненской губерній для собиранія этнографическихъ коллекцій. А. Сержпутовскій въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ этого года обслѣдовалъ малодоступную полѣсскую часть Волыни и Бѣлоруссіи по верховьямъ р. Припети и ея притокамъ, и въ разбросанныхъ среди лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ селеніяхъ полѣшуковъ собралъ этнографическія коллекціи. Въ составъ ихъ вошли амулеты, цѣлебныя травы и т. п. средства народной медицины, одежда, земледѣльческія орудія, принадлежности тканья, музыкальные, плотничьи и бондарные инструменты, предметы табакокуренія и добыванія огня, средства передвиженія, игрушки, принадлежности охоты, рыбной ловли и пчеловодства, посуда, образцы тканей и вышивокъ, предметы домашняго обихода и др. Всего доставлено въ Музей 380 наименованій, болѣе 800 предметовъ и сдѣлано 200 съ лишнимъ фотографическихъ снимковъ съ построекъ, типовъ жителей, бытовыхъ сценъ, промысловъ и т. п. Кромѣ того А. Сержпутовскимъ собраны богатые матеріалы для изученія обычнаго права, творчества и быта мѣстныхъ жителей.

Фламандскій Этнографическій Музей описываетъ г. В. Верещагинъ въ октябрьскомъ № журнала „Старые Годы“ (въ статьѣ „Путевые наброски“). Извлекаемъ оттуда болѣе интересную часть.

„Фольклоръ—музей народа, народной жизни, народныхъ традицій! Какая новая, славная мысль, какое живое дѣло! Его основалъ Максъ Эльскампъ, Антверпенскій любитель, поэтъ, и довелъ до конца послѣ долгихъ и упорныхъ трудовъ и терпѣливыхъ исканій. Новый, и первый въ своемъ родѣ, музей открытъ 18 августа этого года. Въ немъ нѣтъ ни роскоши, ни изящества, какъ нѣтъ роскоши и изящества въ народной жизни, настоящей и прошлой, которую онъ

воплощаетъ такъ образно, но онъ правдиво и вѣрно объясняетъ внутренній бытъ этой жизни и—болѣе ярко и выпукло, чѣмъ любой многотомный историческій трудъ.

„Вотъ, прежде всего, домашняя обстановка обыкновеннаго фламандскаго крестьянина: его домъ, мебель, кухня, посуда, принадлежности освѣщенія и отопленія, питья и ѣды, его лакомства, въ отвѣчающихъ представленіямъ народной фантазіи причудливыхъ формахъ: пряники—птицы, животныя, люди, святые, уроды изъ чернаго хлѣба, которые въ Николинъ день, въ видѣ шутки, посылаютъ другъ другу любовники. Вотъ его семейная жизнь: обрядности рожденія и крещенія, игрушки и дѣтскія игры, обрядности и обычаи брачные и брачные подарки: букеты, сердца, стихи для домовъ, гдѣ празднуется серебряная или золотая свадьба, дудки для кошачьяго концерта у домовъ людей, вступающихъ во второй бракъ, домашнія работы, одежда, головные уборы, мужскія и женскія украшенія, игры и развлеченія взрослыхъ.

„А вотъ его смерть, и обряды и обычаи съ нею связанные: гробы, вѣнки, памятники, восковыя игрушки, которыя кладутъ въ гроба умершихъ дѣтей, издѣлія изъ волосъ покойниковъ и обычаи поминальные.

„Отъ личной и семейной жизни народа музей переходитъ къ его гражданской дѣятельности и даетъ сначала представленіе объ ея общественной сторонѣ: о ремеслахъ, профессіяхъ, профессіональныхъ празднествахъ, школахъ, военной службѣ, выборахъ представителей, клубахъ, общественныхъ собраніяхъ и союзахъ: потомъ—о торговлѣ, администраціи и судѣ: о гиряхъ, вѣсахъ, клеймахъ, должностныхъ и оффиціальныхъ знакахъ, орудіяхъ преступленій; наконецъ—о религіи и о тѣсно съ нею связанныхъ колдовствѣ, магіи и хиромантіи, о молитвахъ, паломничествахъ съ ихъ принадлежностями, религіозныхъ процессіяхъ, ex—voto, предметахъ культа, гаданіяхъ, амулетахъ, талисманахъ и фетишахъ.

„Заканчиваетъ музей народной наукой, литературой, театромъ, музыкой, пѣніемъ и искусствомъ, выставляя книги, инструменты, ноты, пѣсни, маріонетки, ярмарочныя представленія, картины, скульптуру, гравюру, керамику и предметы роскоши и художественнаго украшенія жилищъ.

„Такимъ, приблизительно, образомъ фольклоръ осуществляетъ свою высокую задачу, давая, несмотря на свои ограниченныя пока средства, даже туристу, незнакомому съ мѣстнымъ языкомъ и произведеніями духовнаго народнаго творчества, извѣстное представленіе о тѣхъ или другихъ свойствахъ и особенностяхъ фламандскаго народа“...

На состоявшемся 19 сентября подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика д. с. с. А. А. Шахматова, засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ отчетъ комиссіи по присужденію **премій имени митрополита** московскаго **Макарія**. Изъ числа авторовъ, представившихъ свои сочиненія на соисканіе означенныхъ премій, академіей наукъ удостоены: 1) полной денежной преміи въ 1.500 р. профессоръ М. Н. Розановъ—за изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія“. Кри-

тическое изслѣдованіе съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ; 2) неполныхъ премій, по 1.000 р. каждая: профессоръ А. Л. Петровъ—за „Матеріалы для исторіи Угорской Руси“ и профессоръ В. А. Францевъ—за „Матеріалы для славянской филологіи. Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель“; 3) почетныхъ отзывовъ имени митрополита Макарія: Г. З. Кунцевичъ—за „Исторію о казанскомъ царствѣ“, В. А. Чаговецъ—за трудъ „Преподобный Θеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія“, С. Н. Шамбинаго—за „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“ и Д. Д. Языковъ—за „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“. Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени митрополита московскаго Макарія по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ послѣдуетъ въ 1913 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 19 сентября 1912 г.

25 сентября въ Императорской Академіи Наукъ состоялось публичное засѣданіе по 49-му присужденію **наградъ графа Уварова**. На соисканіе было представлено 16 сочиненій. Наградъ удостоены слѣдующія сочиненія: I. Ю. В. Готье. „Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси“. Москва. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 1.000 р. II. И. В. Покровскій. „Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія казанской епархіи 1555—1905 г.)“. Казань. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 500 р. III. Н. В. Чарыковъ. „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретами Петра Великаго и многими иллюстраціями“. С.-Петербургъ. 1906. Сочиненіе увѣнчано малою наградою въ 500 р. Такая же награда въ 500 р. присуждена и автору слѣдующаго сочиненія: IV. А. С. Орловъ: а) „Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія“ 7135 г. Изслѣдованіе и текстъ“. Варшава. 1906. б) „Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Тексты“. Москва. 1906. За недостаткомъ денежныхъ средствъ и въ виду несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ награждены почетными отзывами слѣдующіе труды: V. М. С. Грушевскій. „Очеркъ исторіи Украинскаго народа“. Изданіе 2-е, дополн. С.-Петербургъ. 1906. VI. И. И. Соколовъ. „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Томъ I. С.-Петербургъ. 1904. И др. сочиненія.

На состоявшемся 19 сего октября, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика А. А. Шахматова, засѣданіи Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ представленный комиссіей по присужденію премій отчетъ о присужденіи **премій имени** профессора А. А. **Котляревскаго**. Изъ представленныхъ на соисканіе премій пяти сочиненій академіей ни одно не признано заслуживающимъ полной преміи имени проф. А. А. Котляревскаго (въ 1.000 р.). Половинныя преміи (въ 500 р. каждая) присуждены слѣдующимъ авторамъ: проф. Императорскаго московскаго университета В. Н. Щепкину—за изслѣдованіе „Болонская псалтирь“, проф. петербургскаго

духовной академіи И. Е. Евсѣеву—за трудъ „Книга пророка Даніила въ древне-славянскомъ переводѣ. Введеніе и текстъ" и проф. Императорскаго варшавскаго университета В. А. Францеву — за труды подъ заглавіями: 1) „Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой половины XIX ст.", и 2) „Correspondenzie Iosefa Dobrowskiego. Dil. II. Vzàjemne dopisy Dobrowskiego a Iuriko Samuele Bendiano z lot 1820—1827". Почетнаго отзыва имени А. А. Котляревскаго удостоенъ проф. Императорскаго казанскаго университета Н. М. Петровскій за трудъ „Первые годы дѣятельности В. Копитаря". Слѣдующее присужденіе премій имени проф. А. А. Котляревскаго последуетъ 19 октября 1910 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе означенныхъ премій назначено 31 декабря 1909 года.

Въ Краковѣ организовалось общество поощренія издательства польской академіи наукъ. Во главѣ общества стоятъ: извѣстный критикъ и историкъ литературы проф. Станиславъ Тарновскій, Генрикъ Сенкевичъ и адвокатъ Осуховскій. Цѣль общества—доставлять средства академіи на польскія изданія изъ области польской **этнографіи, картографіи, статистики** и т. п. Члены учредители вносятъ 2.000 австр. кронъ, дѣйствительные члены 200 австр. кронъ, члены-соревнователи 20 кронъ ежегодно.

Отдѣленіе изящныхъ искусствъ Бельгійской королевской академіи объявило международный конкурсъ на сочиненіе по исторіи различныхъ **отраслей искусства.**

Архивъ Крымскихъ хановъ. Профессоромъ факультета восточныхъ языковъ спб. университета В. Д. Смирновымъ въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ найдена цѣлая коллекція изъ 124-хъ переплетенныхъ въ кожу тетрадей на турецко-татарскомъ языкѣ, детальное изученіе которыхъ убѣдило профессора въ томъ, что это остатокъ архива крымскихъ хановъ, который въ своей массѣ погибъ при сожженіи Минихомъ дворца въ Бахчисараѣ. Въ нихъ заключаются всѣ судебныя дѣла, подвѣдомственныя судьямъ и дающія богатый матеріалъ для изученія быта, законовъ, взаимныхъ отношеній и другихъ условій жизни ханскаго царства. Въ книгахъ интересны „охранительныя ханскія записи" или подробныя описи ханскаго имущества въ моментъ ихъ смерти начиная съ табуновъ коней и кончая стаканомъ недопитаго молока.

Во время работъ по переустройству Шлиссельбургской крѣпости въ одной изъ башень обнаружено цѣлое **собраніе историческихъ рукописей** и изданій, имѣющихъ двухсолѣтнюю давность. Разборка ихъ поручена Н. В. Покровскому.

Библіотека Императорскаго с.-петербургскаго университета получила въ даръ отъ наслѣдниковъ комерціи совѣтника Михаила Григорьевича Шевелева одиннадцать ящиковъ, съ **китайскими книгами,** которые прибыли недавно изъ Владивостока на пароходѣ добровольнаго флота „Кіевъ". Сверхъ того, библіотека получила въ даръ этимъ *лѣтомъ* значительныя колекціи книгъ разнообразнаго содержанія.

Хроника составлена Н. *Виноградовымъ.*

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Какъ перестали убивать стариковъ въ Малороссіи.

При раскопкѣ кургановъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ Черниговской губерніи старикъ рабочій, Яковъ Шевченко, разсказалъ слѣдующую легенду:

Въ прежнее время не было обыкновенія дожидаться, когда старый человѣкъ умретъ своею смертью. Ежели который станетъ никуда негоденъ, такого убивали, чтобъ даромъ хлѣба не ѣлъ; садили на лубокъ, везли куда нибудь за огороды и добивали довбней. Разъ повезъ одинъ человѣкъ своего батька за огороды, съ нимъ увязался хлопчикъ небольшой, внучекъ, значитъ, того, старичка.

— Вы, тату, говоритъ, лубокъ назадъ возьмите, я васъ тоже на немъ, когда выросту, повезу...

Подумалъ тогда тотъ человѣкъ: нехорошо это убивать стариковъ; придетъ время повезутъ и меня... а развѣ нельзя безъ этого?.. Можно бъ оставить стараго: пусть бы жилъ... да люди больно надоѣдаютъ,—„скоро, говорятъ, стараго на лубкѣ отвезешь? пора бъ уже, давно пора?..“ Что тутъ дѣлать? И надумалъ сынъ спрятать батька въ погребъ и кормить его потихоньку, чтобъ люди не видали. Такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ подошелъ голодный годъ. Съѣли люди весь хлѣбъ, стали питаться желудями, лебедой да сосновой корой. Пришелъ сынъ къ старому отцу въ погребъ и сталъ его спрашивать:

— Что дѣлать, та́ту? Нечѣмъ тебя кормить... Придется отвезти васъ на лубкѣ... Приходитъ весна, а сѣять нечего, доведется на будущій годъ безъ хлѣба сидѣть...

— Дѣлай какъ лучше,—отвѣчалъ отецъ,—хочешь посадить меня на лубокъ, сади, твое дѣло; только на всякій случай исполни такой мой совѣтъ: раскрой ты крышу, собери солому и раструси ее по

полю. Послушался сынъ отца. У людей поля голыя, а у нашего человѣка колосится на нивѣ рожь. Стали его спрашивать люди, гдѣ онъ взялъ сѣмянъ.

— Я вамъ признаюсь, добрые люди, сказалъ нашъ человѣкъ,— я своего батька не убивалъ,—онъ у меня въ погребѣ сидитъ, я ему туда пить-ѣсть ношу. Это батько мнѣ посовѣтовалъ, чтобъ я разкрылъ крышу и раструсилъ солому по полю, а въ соломѣ оказались зерна, вотъ они и взошли.

— Ага, вотъ что! сказали люди... Надо, видно старыхъ людей держать для *добраго совѣта*. Да и Богъ тому помогаетъ, за кого старые люди Богу молятся. И съ той поры перестали старыхъ людей на лубкѣ отвозить.

Ив. Абрамовъ.

Этнографическія мелочи.

Изъ Кадниковскаго уѣзда.

Загадки.

1) Печь-перепечь, полна печь пироговъ, промежу пироговъ,— большой коравай. (Небо и въ немъ мѣсяцъ и звѣзды).

2) Стоятъ вилы, а на нихъ-то коробъ, на коробу-то городъ, въ городѣ-то роща,въ этой рощѣ звѣрье гуляетъ (человѣкъ: вилы—ноги, коробъ—туловище, городъ—голова, роща—волоса, а звѣри—вши).

3) Два жучка въ мучкѣ катаются, а не смѣшаются. Есть у меня возжечки, кругомъ поля встанутъ, а вокругъ головы не встанутъ. (Глаза).

4) Есть у меня Дарья да Марья, да двѣ Пелагіи, да сукинъ сынъ и повозникъ съ нимъ. (Лошадь, дровни и сѣдокъ).

5) Взойду я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюй-лю-лю, утѣшу я, утѣшу старца въ кильѣ, младенца въ зыбкѣ, красную дѣвушку въ терему. (Звонарь, колокольня и колокола).

6) На улицѣ столбомъ, а въ избѣ скатертью. (Чадъ въ комнатѣ).

7) — Сова-ты, сова, полно по морю летать, полно золото имать!— „Мовчи же ты космачъ и тебѣ не миновать.“ (Сова—клюка, золото—горячіе угли въ печи, космачъ — помело).

8) Сидитъ курица съ золотыми яйцами. (Печурка съ горячими углями).

9) Сорока въ кустъ, Алексій за хвостъ. (Сорока—сковорода, Алексій—сковородникъ).

10) Стоитъ Прошка на одной ножкѣ, крошенину крошитъ. (Свѣтецъ, въ который воткнута горящая лучина, отъ которой падаютъ угли).

11) День корпитъ и ночь корпитъ, одно утро спитъ (Заслонка у печи, которая день и ночь бываетъ приставлена къ печи, только утромъ убираютъ).

12) Къ верху дыра и къ низу дыра, а посрединѣ огонь да вода. (Самоваръ).

13) Рыба въ морѣ, а хвостъ на волѣ. (Ковшъ повѣшенный къ кадкѣ и опущенный въ воду).

14) Баба-яга—раскоматая нога, весь міръ кормитъ, а сама голодна (Соха).

15) Лежитъ красавица—лицомъ въ подлавицу (Топоръ, который крестьяне, обыкновенно, кладутъ въ избѣ подъ лавку).

16) Пять, пять овецъ зародъ ощипали, да пять, пять овецъ труху обирали. (Пряденье нитокъ).

17) Съ локоть мохнато, да съ локоть голова, да съ локоть въ гузно ушла. (Веретено съ навитыми нитками).

18) Самъ худъ, а голова съ пудъ. (Безмѣнъ).

19) Церковка—соловейкова, не я тебя глажу, сама гладка. (Бутылка съ водкою).

20) Въ лѣсѣ оно и съ лѣсомъ ровно, а не видно его. (Сердцевина).

21) Есть у меня брусъ, во всю Русь, какъ-бы руки да ноги, такъ вора-бы связалъ, а ротъ да глаза, все-бы разсказалъ. (Дорога).

22) Что въ сундукѣ не запереть? (Солнце).

23) Что чаще лѣсу? (Мелкія звѣзды въ небѣ).

24) Что краше солнца? (Хлѣбъ).

25) Что на гвоздь не повѣсить? (Яйцо).

26) Что безъ отвѣту? (Скотъ).

27) Что безъ голосу? (Рыба).

28) Что безъ дороги? (Птица летитъ).

29) Что безъ умолку? (Рѣчка журчитъ).

30) Что въ избѣ за медвѣжій глазъ? (Сукъ въ стѣнѣ).

31) Не помню, не вижу и не знаю. (Не помню, какъ родился, не вижу, какъ росту, и не знаю, когда умру).

32) Въ дряхлой избушкѣ жили пусто да ничего, избушка стала рушится, пусто вышло въ двери, а ничего въ окно; кого задавило въ избушкѣ? („Да“).

А. Неуступовъ.

Умерла правда...

Въ Глуховскомъ и смежномъ съ нимъ Кролевецкомъ уѣздахъ вы нерѣдко услышите въ крестьянскомъ разговорѣ выраженія: „Позвонили по правдѣ...“ „Умерла правда...“ Выраженіе „позвонили по правдѣ“ возникло недавно и вотъ по какому случаю. Судились въ волостномъ правленіи два сосѣда. Судъ виновнаго оправдалъ, а праваго присудилъ къ наказанію. Идетъ по улицѣ невинно осужденный и опустилъ въ раздумьи голову. Встрѣчаетъ его псаломщикъ:

— Что ты, — спрашиваетъ, — не веселъ, буйну голову повѣсилъ?

„Такъ и такъ, отвѣчаетъ невинно пострадавшій, думаю, гдѣ бы правду на свѣтѣ сыскать...“

— Лучше не ищи, не сыщешь,—отвѣчаетъ псаломщикъ,—потому умерла правда.

— Вѣрно, что умерла! Такъ надо бы по ней позвонить, все равно, какъ бы по покойнику...

— Что-жъ,—согласился псаломщикъ,—пожертвуй на церковь зелененькую, такъ пойду до батюшки за разрѣшеніемъ.

Батюшка сказалъ, что за зелененькую позвонить можно. Псаломщикъ полѣзъ на колокольню и скоро надъ селомъ понеслись глухіе и печальные переливы похороннаго перезвона.

— Кто это, братцы, умеръ нынче?—стали спрашивать на селѣ—слышь по душѣ трезвонятъ!

— Это правда умерла!—разъяснялъ всѣмъ невинно осужденнный мужикъ,—по ней вотъ и трезвонятъ.

Съ тѣхъ поръ и пошло: „позвонили по правдѣ!“ „умерла правда!“

Прибавляютъ еще къ этому, что нашелся другой совѣстливый мужикъ, который захотѣлъ воскресить правду. Поспорилъ разъ онъ со своимъ сосѣдомъ за землю, потомъ помирился. „Однако,—говоритъ,—давай посудимся, какъ судъ постановитъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ“. Незадолго до суда пошелъ совѣстливый къ главному судьѣ и проситъ:

— Господинъ судья, сдѣлайте такъ, чтобъ я былъ правъ, а Яковъ виноватъ.

— А что дашь?

— Пять рублей дамъ.

— Мало. Давай двадцать пять!

На томъ и порѣшили. Выдалъ Иванъ судьѣ двадцать пять рублей, а отъ него получилъ расписку. Вотъ разобралъ судъ ихъ дѣло и говоритъ:

— Ты, Иванъ, правъ, а ты, Яковъ, виноватъ.

Тогда выступилъ Иванъ впередъ и говоритъ:

— Хотя вы дѣйствительно такъ присудили, господа судьи, а только виновенъ я, а не Яковъ, и мы уже съ нимъ помирились. А чтобы меня сдѣлать правымъ такой-то судья съ меня хабара взялъ двадцать пять рублей, и въ томъ у меня расписка есть! Правду говорятъ,—закончилъ онъ,—что позвонили по правдѣ, только я ее воскресить желаю!..

Ив. Абрамовъ.

Хроника.

30-лѣтіе Императорскаго Спб. Археологическаго Института и ученой дѣятельности директора его Н. В. Покровскаго. 15 января исполнилось 30-лѣтіе со дня основанія Имп. Спб. Археологическаго Института. Передъ молебномъ священникъ кронштадтскаго собора Поповъ сказалъ слово о значеніи Археологическаго института для изученія Россіи. Затѣмъ Н. В. Покровскій прочелъ историческій очеркъ института, оттѣнивъ въ особенности труды его перваго директора Н. В. Калачева и послѣдующихъ—П. Е. Андреевскаго и А. Н. Труворова. Въ настоящее время причиной, стѣсняющей дѣятельность института и развитіе его библіотеки и музея, остаются недостаточность средствъ и отсутствіе собственнаго помѣщенія, заставлявшее институтъ перекочевывать съ Васильевскаго острова на Ивановскую, Садовую и т. д. За время своего существованія институтъ далъ 23 выпуска съ 1.046 окончившими курсъ. Князь П. А. Путятинъ и К. А. Шапошниковъ особо охарактеризовали свѣтлую личность Н. В. Калачева, а П. С. Яковлевъ (перваго выпуска) очертилъ въ отдѣльности профессорскую дѣятельность Бестужева-Рюмина, И. И. Срезневскаго, А. Н. Майкова, А. Ѳ. Бычкова, Е. Е. Замысловскаго и Н. В. Покровскаго. Затѣмъ депутаціями были прочтены и поднесены привѣтственные адресы: отъ совѣта Императорскаго московскаго археологическаго института—ген. Глазовымъ, отъ Императорскаго русскаго военно-историческаго о-ва—ген. Скалономъ, отъ Костромской ученой архивной Комиссіи—членомъ ея Н. Н. Виноградовымъ и отъ нынѣшнихъ слушателей института—поручикомъ л.-гв. Московскаго полка Карамышевымъ. Въ заключеніе, отъ нынѣшнихъ и бывшихъ слушателей института, профессоровъ и почитателей Н. В. Покровскаго, профессоръ Шляпкинъ прочелъ и преподнесъ грамоту, составленную языкомъ 17 столѣтія (Никоновской лѣтописи и Степенной книги). Грамота въ бархатномъ бюварѣ съ печатью и заключена въ дорогой серебряный ларецъ въ русскомъ стилѣ 17 вѣка, по рисунку академика Парланда, работы Оловянишникова. Также Н. Н. Виноградовымъ былъ поднесенъ адресъ и отъ Костромской ученой архивной Комиссіи, которая въ въ лицѣ юбиляра чествовала своего земляка.

12 ноября исполнилось **70-лѣтіе** государственной службы и непрерывной научной дѣятельности выдающагося археолога и историка **И. Е. Забѣлина**, состоящаго товарищемъ почетнаго предсѣдателя Историческаго музея въ Москвѣ. Вся его жизнь была посвящена изслѣдованію русской старины и главнымъ образомъ бытовой стороны древней русской жизни. Результатомъ этого изслѣдованія были слѣдующіе крупные труды: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“, „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.“, „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, „Матеріалы для

исторіи, археологіи и статистики г. Москвы“, „Исторія города Москвы“. Кромѣ этихъ трудовъ Забѣлину принадлежитъ масса статей, помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ. И. Е. Забѣлинъ состоитъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ докторомъ русской исторіи и имѣетъ рядъ премій за научные труды.

15 октября исполнилось **25-лѣтіе** профессорской дѣятельности академика Императорской Академіи Наукъ и профессора Спб. университета, доктора славяно-русской филологіи **А. И. Соболевскаго**. Въ теченіе своей многолѣтней учено-профессорской дѣятельности проф. Соболевскій написалъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: „Лекціи по исторіи русскаго языка“, „Общеславянскія измѣненія звуковъ“, „Статьи по славянскому языку“, „Образованность Московской Руси XV—XVIII вѣковъ“, „Звуки церковно-славянскаго языка“, „Великорусскія народныя пѣсни“, Церковно-славянскія стихотворенія конца 9-го и начала 10-го вѣковъ“, „О типѣ Ильи Муромца“, „Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя“, „О малорусскихъ думахъ“, „Очеркъ русской діалектологіи“, „Слѣды литовскаго вліянія на славянскіе языки“, „Замѣтки по исторіи русской драмы“, „Свѣтская повѣсть и романъ въ древне-русской литературѣ“ и мн. др.

23-декабря исполнилось **35 лѣтъ** со дня полученія **А. Я. Гаркави** званія доктора исторіи Востока. А. Я. Гаркави, выдающійся современный оріенталистъ, родился въ 1839 г. и происходитъ изъ древней еврейской семьи. За диссертацію „Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ въ 1868 году получилъ степень магистра исторіи Востока. Въ 1872 г. защищалъ диссертацію „О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индоевропейцевъ и хамитовъ“, за что и получилъ званіе доктора исторіи Востока. Въ настоящее время г. Гаркави состоитъ библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки. Въ цѣломъ рядѣ описаній, подробныхъ катологовъ, статей и брошюръ А. Я. опубликовалъ цѣнные результаты своего изученія собранія библіотеки семитическихъ рукописей. Между прочимъ имъ изучена извѣстная коллекція Фирковичей. Къ этой же категоріи работъ примыкаетъ и предпринятое имъ изданіе цѣлой серіи хранящихся въ публичной библіотекѣ памятниковъ средневѣковой письменности. Кромѣ отдѣльно вышедшихъ изслѣдованій А. Я. написалъ болѣе 100 различнаго рода мемуаровъ, этюдовъ и сообщеній на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, которые поставили его въ ряду наиболѣе выдающихся современныхъ оріенталистовъ.

† **А. Биленштейнъ. 1826—1907.** 23-го іюня скончался въ Митавѣ, на 82-мъ году отъ роду, пасторъ Dr. А. Биленштейнъ, состоявшій съ 1890 г. членомъ-корреспондентомъ Академіи.

Онъ родился 20-го февраля 1826 г. въ Митавѣ, гдѣ отецъ его, Johann Andreas Bielenstein, состоялъ пасторомъ при городской латышской церкви; въ 1827 г. онъ былъ назначенъ барономъ von der Ropp, владѣльцемъ имѣнія Neu Autz въ Курляндіи, на должность пастора этого прихода.

До 1840 г. сынъ воспитывался дома, а на 15-мъ году отъ роду вступилъ въ извѣстную гимназію Schulpforta близъ Наумбурга и пробылъ въ ней пять лѣтъ въ семействѣ одного изъ учителей, германиста Коберштейна. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этого ученаго, въ лекціяхъ котораго должное мѣсто было отведено исторіи образованія родного языка, наряду съ классическимъ направленіемъ всего обученія въ alma Portensi, возбудили въ юношѣ ту склонность къ филологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, которая сказывается во всей научной дѣятельности Биленштейна. Но и другими качествами, способствовавшими его успѣхамъ, онъ обязанъ воспитанію въ Пфортѣ: строгой умственной дисциплиной и неустаннымъ трудолюбіемъ. Пробывъ съ 1846 по 1850 г. на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго Университета и выдержавъ въ 1851 г. консисторіальный экзаменъ, молодой кандидатъ былъ назначенъ для практическаго подготовленія (praktisches Jahr) къ пастору von Raison въ Gross-Autz'ѣ. Когда въ томъ же году отецъ умеръ, сынъ былъ выбранъ на его мѣсто въ Neu-Autz'ѣ и вступилъ въ 1852 г. въ эту должность, которую занималъ въ теченіе 15-ти лѣтъ. Служебныя обязанности по небольшому приходу оставляли достаточно досуга для научныхъ занятій, которыя, нося сначала богословскій характеръ, скоро сосредоточились на изученіи языка, быта и исторіи того племени, забота о духовномъ благѣ и развитіи котораго была поручена молодому пастору. Какъ членъ Латышско-Литературнаго Общества въ Митавѣ, Биленштейнъ охотно отозвался на предложеніе переиздать латышскую грамматику Hesselberg'а, но вскорѣ убѣдился, что для добросовѣстнаго исполненія этой работы необходимо предварительно изучить научно этотъ языкъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ онъ посвятилъ этой задачѣ,—и плодомъ его изслѣдованій явился трудъ, который навсегда будетъ служить основаніемъ для изученія латышскаго языка, а въ то же время обезпечилъ автору видное мѣсто среди лучшихъ языковѣдовъ. Это сочиненіе—„Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen, erklärend und vergleichend dargestellt", увѣнчанное Академіею въ 1860 г. половинною Демидовскою преміею, вышло въ свѣтъ въ 1863—64 гг. и было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ со стороны столь компетентныхъ ученыхъ, какъ Шлейхеръ, Поттъ, Боппъ и др. Для практическихъ цѣлей Биленштейнъ издалъ впослѣдствіи: „Lettische Grammatik", 1863 и „Die Elemente der lettischen Sprache", 1866. Въ 1864 г. предсѣдатель Латышско-Литературнаго Общества, пасторъ R. Schulz, сложилъ съ себя эту должность, и преемникомъ его, какъ достойнѣйшій кандидатъ, сдѣлался Биленштейнъ, которому суждено было управлять дѣлами общества въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ. Это время по справедливости слѣдуетъ считать самымъ плодотворнымъ и блестящимъ въ исторіи почтеннаго общества, учрежденнаго уже въ началѣ прошлаго столѣтія въ интересахъ распространенія просвѣщенія среди латышской народности. Въ 1867 г. Биленштейнъ переселился въ г. Добленъ на должность пастора нѣмецкаго прихода, на которой состоялъ до выхода въ отставку въ 1905 г. и переѣзда въ Митаву. И здѣсь не прекращалась его плодотворная научная и литературная дѣятельность, а кругъ его изслѣдованій постепенно расширялся. Изъ многочисленныхъ трудовъ его упомя-

воплощаетъ такъ образно, но онъ правдиво и вѣрно объясняетъ внутренній бытъ этой жизни и—болѣе ярко и выпукло, чѣмъ любой многотомный историческій трудъ.

„Вотъ, прежде всего, домашняя обстановка обыкновеннаго фламандскаго крестьянина: его домъ, мебель, кухня, посуда, принадлежности освѣщенія и отопленія, питья и ѣды, его лакомства, въ отвѣчающихъ представленіямъ народной фантазіи причудливыхъ формахъ: пряники—птицы, животныя, люди, святые, уроды изъ чернаго хлѣба, которые въ Николинъ день, въ видѣ шутки, посылаютъ другъ другу любовники. Вотъ его семейная жизнь: обрядности рожденія и крещенія, игрушки и дѣтскія игры, обрядности и обычаи брачные и брачные подарки: букеты, сердца, стихи для домовъ, гдѣ празднуется серебряная или золотая свадьба, дудки для кошачьяго концерта у домовъ людей, вступающихъ во второй бракъ, домашнія работы, одежда, головные уборы, мужскія и женскія украшенія, игры и развлеченія взрослыхъ.

„А вотъ его смерть, и обряды и обычаи съ нею связанные: гробы, вѣнки, памятники, восковыя игрушки, которыя кладутъ въ гроба умершихъ дѣтей, издѣлія изъ волосъ покойниковъ и обычаи поминальные.

„Отъ личной и семейной жизни народа музей переходитъ къ его гражданской дѣятельности и даетъ сначала представленіе объ ея общественной сторонѣ: о ремеслахъ, профессіяхъ, профессіональныхъ празднествахъ, школахъ, военной службѣ, выборахъ представителей, клубахъ, общественныхъ собраніяхъ и союзахъ: потомъ—о торговлѣ, администраціи и судѣ: о гиряхъ, вѣсахъ, клеймахъ, должностныхъ и оффиціальныхъ знакахъ, орудіяхъ преступленій; наконецъ—о религіи и о тѣсно съ нею связанныхъ колдовствѣ, магіи и хиромантіи, о молитвахъ, паломничествахъ съ ихъ принадлежностями, религіозныхъ процессіяхъ, ex—voto, предметахъ культа, гаданіяхъ, амулетахъ, талисманахъ и фетишахъ.

„Заканчиваетъ музей народной наукой, литературой, театромъ, музыкой, пѣніемъ и искусствомъ, выставляя книги, инструменты, ноты, пѣсни, маріонетки, ярмарочныя представленія, картины, скульптуру, гравюру, керамику и предметы роскоши и художественнаго украшенія жилищъ.

„Такимъ, приблизительно, образомъ фольклоръ осуществляетъ свою высокую задачу, давая, несмотря на свои ограниченныя пока средства, даже туристу, незнакомому съ мѣстнымъ языкомъ и произведеніями духовнаго народнаго творчества, извѣстное представленіе о тѣхъ или другихъ свойствахъ и особенностяхъ фламандскаго народа“...

На состоявшемся 19 сентября подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика д. с. с. А. А. Шахматова, засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ отчетъ комиссіи по присужденію **премій имени митрополита** московскаго **Макарія**. Изъ числа авторовъ, представившихъ свои сочиненія на соисканіе означенныхъ премій, академіей наукъ удостоены: 1) полной денежной преміи въ 1.500 р. профессоръ М. Н. Розановъ—за изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія“. Кри-

тическое изслѣдованіе съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ; 2) неполныхъ премій, по 1.000 р. каждая: профессоръ А. Л. Петровъ—за „Матеріалы для исторіи Угорской Руси" и профессоръ В. А. Францевъ—за „Матеріалы для славянской филологіи. Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель"; 3) почетныхъ отзывовъ имени митрополита Макарія: Г. З. Кунцевичъ—за „Исторію о казанскомъ царствѣ", В. А. Чаговецъ—за трудъ „Преподобный Өеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія", С. Н. Шамбинаго—за „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ" и Д. Д. Языковъ—за „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей". Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени митрополита московскаго Макарія по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ послѣдуетъ въ 1913 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 19 сентября 1912 г.

25 сентября въ Императорской Академіи Наукъ состоялось публичное засѣданіе по 49-му присужденію **наградъ графа Уварова**. На соисканіе было представлено 16 сочиненій. Наградъ удостоены слѣдующія сочиненія: I. Ю. В. Готье. „Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси". Москва. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 1.000 р. II. И. В. Покровскій. „Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія казанской епархіи 1555—1905 г.)". Казань. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 500 р. III. Н. В. Чарыковъ. „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретами Петра Великаго и многими иллюстраціями". С.-Петербургъ. 1906. Сочиненіе увѣнчано малою наградою въ 500 р. Такая же награда въ 500 р. присуждена и автору слѣдующаго сочиненія: IV. А. С. Орловъ: а) „Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія" 7135 г. Изслѣдованіе и текстъ". Варшава. 1906. б) „Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Тексты". Москва. 1906. За недостаткомъ денежныхъ средствъ и въ виду несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ награждены почетными отзывами слѣдующіе труды: V. М. С. Грушевскій. „Очеркъ исторіи Украинскаго народа". Изданіе 2-е, дополн. С.-Петербургъ. 1906. VI. И. И. Соколовъ. „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія". Томъ I. С.-Петербургъ. 1904. И др. сочиненія.

На состоявшемся 19 сего октября, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика А. А. Шахматова, засѣданіи Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ представленный комиссіей по присужденію премій отчетъ о присужденіи **премій имени** профессора А. А. **Котляревскаго**. Изъ представленныхъ на соисканіе премій пяти сочиненій академіей ни одно не признано заслуживающимъ полной преміи имени проф. А. А. Котляревскаго (въ 1.000 р.). Половинныя преміи (въ 500 р. каждая) присуждены слѣдующимъ авторамъ: проф. Императорскаго московскаго университета В. Н. Щепкину—за изслѣдованіе „Болонская псалтирь", проф. петербургской

духовной академіи И. Е. Евсѣеву—за трудъ „Книга пророка Даніила въ древне-славянскомъ переводѣ. Введеніе и текстъ" и проф. Императорскаго варшавскаго университета В. А. Францеву — за труды подъ заглавіями: 1) „Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой половины XIX ст.", и 2) „Correspondenzie Iosefa Dobrowskiego. Dil. II. Vzàjemne dopisy Dobrowskiego a Iuriko Samuele Bendiano z lot 1820—1827". Почетнаго отзыва имени А. А. Котляревскаго удостоенъ проф. Императорскаго казанскаго университета Н. М. Петровскій за трудъ „Первые годы дѣятельности В. Копитаря". Слѣдующее присужденіе премій имени проф. А. А. Котляревскаго послѣдуетъ 19 октября 1910 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе означенныхъ премій назначено 31 декабря 1909 года.

Въ Краковѣ организовалось общество поощренія издательства польской академіи наукъ. Во главѣ общества стоятъ: извѣстный критикъ и историкъ литературы проф. Станиславъ Тарновскій, Генрикъ Сенкевичъ и адвокатъ Осуховскій. Цѣль общества—доставлять средства академіи на польскія изданія изъ области польской **этнографіи, картографіи, статистики** и т. п. Члены учредители вносятъ 2.000 австр. кронъ, дѣйствительные члены 200 австр. кронъ, члены-соревнователи 20 кронъ ежегодно.

Отдѣленіе изящныхъ искусствъ Бельгійской королевской академіи объявило международный конкурсъ на сочиненіе по исторіи различныхъ **отраслей искусства.**

Архивъ Крымскихъ хановъ. Профессоромъ факультета восточныхъ языковъ спб. университета В. Д. Смирновымъ въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ найдена цѣлая коллекція изъ 124-хъ переплетенныхъ въ кожу тетрадей на турецко-татарскомъ языкѣ, детальное изученіе которыхъ убѣдило профессора въ томъ, что это остатокъ архива крымскихъ хановъ, который въ своей массѣ погибъ при сожженіи Минихомъ дворца въ Бахчисараѣ. Въ нихъ заключаются всѣ судебныя дѣла, подвѣдомственныя судьямъ и дающія богатый матеріалъ для изученія быта, законовъ, взаимныхъ отношеній и другихъ условій жизни ханскаго царства. Въ книгахъ интересны „охранительныя ханскія записи" или подробныя описи ханскаго имущества въ моментъ ихъ смерти начиная съ табуновъ коней и кончая стаканомъ недопитаго молока.

Во время работъ по переустройству Шлиссельбургской крѣпости въ одной изъ башенъ обнаружено цѣлое **собраніе историческихъ рукописей** и изданій, имѣющихъ двухсолѣтнюю давность. Разборка ихъ поручена Н. В. Покровскому.

Библіотека Императорскаго с.-петербургскаго университета получила въ даръ отъ наслѣдниковъ комерціи совѣтника Михаила Григорьевича Шевелева одиннадцать ящиковъ, съ **китайскими книгами**, которые прибыли недавно изъ Владивостока на пароходѣ добровольнаго флота „Кіевъ". Сверхъ того, библіотека получила въ даръ этимъ лѣтомъ значительныя колекціи книгъ разнообразнаго содержанія.

Хроника составлена Н. Виноградовымъ

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Какъ перестали убивать стариковъ въ Малороссіи.

При раскопкѣ кургановъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ Черниговской губерніи старикъ рабочій, Яковъ Шевченко, разсказалъ слѣдующую легенду:

Въ прежнее время не было обыкновенія дожидаться, когда старый человѣкъ умретъ своею смертью. Ежели который станетъ никуда негоденъ, такого убивали, чтобъ даромъ хлѣба не ѣлъ; садили на лубокъ, везли куда нибудь за огороды и добивали довбней. Разъ повезъ одинъ человѣкъ своего батька за огороды, съ нимъ увязался хлопчикъ небольшой, внучекъ, значитъ, того, старичка.

— Вы, тату, говоритъ, лубокъ назадъ возьмите, я васъ тоже на немъ, когда выросту, повезу...

Подумалъ тогда тотъ человѣкъ: нехорошо это убивать стариковъ; придетъ время повезутъ и меня... а развѣ нельзя безъ этого?.. Можно бъ оставить стараго: пусть бы жилъ... да люди больно надоѣдаютъ,—„скоро, говорятъ, стараго на лубкѣ отвезешь? пора бъ уже, давно пора?..“ Что тутъ дѣлать? И надумалъ сынъ спрятать батька въ погребъ и кормить его потихоньку, чтобъ люди не видали. Такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ подошелъ голодный годъ. Съѣли люди весь хлѣбъ, стали питаться желудями, лебедой да сосновой корой. Пришелъ сынъ къ старому отцу въ погребъ и сталъ его спрашивать:

— Что дѣлать, та́ту? Нечѣмъ тебя кормить... Придется отвезти васъ на лубкѣ... Приходитъ весна, а сѣять нечего, доведется на будущій годъ безъ хлѣба сидѣть...

— Дѣлай какъ лучше,—отвѣчалъ отецъ,—хочешь посадить меня на лубокъ, сади, твое дѣло; только на всякій случай исполни такой мой совѣтъ: раскрой ты крышу, собери солому и раструси ее по

указать на рядъ попытокъ, предпринятыхъ единичными усиліями тѣхъ или иныхъ ученыхъ, подвергшихъ своему изслѣдованію тотъ или иной районъ съ цѣлью опредѣлить по топографическимъ названіямъ его историко-этнографическое прошлое, но эти попытки были неудачны потому, что для рѣшенія подобныхъ вопросовъ необходима совокупная работа нѣсколькихъ спеціалистовъ-языковѣдовъ. Намъ незачѣмъ указывать на важное значеніе для историковъ и этнографовъ разработки географической номенклатуры Россіи. Но мы думаемъ, что разработка ея будетъ поставлена цѣлесообразно и дастъ достовѣрные результаты только въ томъ случаѣ, если за нее возьмется ученое общество или Академія Наукъ. Опредѣлить методъ изслѣдованія, сосредоточить необходимый для изслѣдованія матеріалъ, освѣтить добытыя данныя всестороннимъ лингвистическимъ изученіемъ—все это требуетъ напряженнаго вниманія и просвѣщенныхъ указаній ученой коллегіи. Академія Наукъ болѣе, чѣмъ какое-либо иное ученое общество, могла бы стать центромъ подобныхъ изученій, какъ потому, что она заключаетъ въ своемъ составѣ ученыхъ языковѣдовъ, такъ и потому, что ей скорѣе, чѣмъ другому ученому обществу, обезпечена помощь со стороны различныхъ спеціалистовъ, а также русскихъ и иностранныхъ ученыхъ коллегій. Въ виду этого нижеподписавшіеся обращаются къ Общему Собранію съ просьбой избрать изъ своей среды Комиссію для предварительной разработки вопросовъ, связанныхъ съ организаціей изученій, встрѣчающихъ несомнѣнное сочувствіе въ нашей ученой средѣ". Положено передать это заявленіе на разсмотрѣніе особой Комиссіи, членами которой избраны академики А. А. Шахматовъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Ѳ. Е. Коршъ, С. Ѳ. Ольденбургъ и А. И. Соболевскій и адъюнктъ М. А. Дьяконовъ.

Въ засѣданіи **Историко - Филологическаго Отдѣленія** Имп. Академіи Наукъ 3 октября академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ, какъ временно завѣдующій Музеемъ Антропологіи и Этнографіи, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что баронъ Эрнестъ Эдуардовичъ фонъ деръ Брюггенъ и Оскаръ Ивановичъ Іонъ принесли въ даръ Музею Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго двѣ коллекціи изъ быта народа Сакаи (оранъ-батинъ) султанства Сіакъ на островѣ Суматрѣ.

Русское О-во Нормальной и Патологической Психологіи. Засѣданіе 13 ноября. Докладъ *И. М. Трегубова*. Духоборы, ихъ ученіе, исторія и современная жизнь. Содержаніе: Сектанство, какъ народная соціально-религіозная лабораторія. Духоборчество, какъ соціально-религіозная лабораторія русскаго народа. Ученіе духоборовъ. Возникновеніе духоборчества, его распространеніе и гоненія противъ него. Переселеніе духоборовъ въ Таврическую губернію на молочныя воды при Александрѣ I. Сиротскій домъ. Изгнаніе духоборовъ изъ Таврической губерніи на Кавказъ при Николаѣ I. 40-лѣтнее благоденствіе духоборовъ. Дальнѣйшій ростъ духоборческой общины. Полное обобществленіе имущества, отказъ отъ военной службы и сожженіе оружія. Новыя гоненія, тюрьмы и ссылки. Переселеніе въ Канаду. Современное положеніе духоборческой общины

въ Канадѣ. Новыя духоборческія теченія въ Россіи и ихъ глубокій интересъ, для психологовъ, соціологовъ и политиковъ.

Харьковское Историко-Филологическое О-во. Въ засѣданіи О-ва 4 января Д. И. Миллеръ сдѣлалъ интересный докладъ объ этнографическомъ составѣ Харькова въ XIX в. Въ началѣ прошлаго столѣтія Харьковъ былъ по населенію почти украинскимъ городомъ, но уже въ 1818 году замѣченъ былъ его наклонъ къ обрусѣнію, которое стало быстро развиваться съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. съ усиленіемъ торговли и промышленности. Въ частности переводъ базара на Благовѣщенскую леваду повелъ къ обрусѣнію Панасовки, М.-Х.-А. жел. дороги къ обрусѣнію Холодной горы, удлиненіе конки приводитъ къ обрусѣнію Основы. По переписи 1897 г. въ Харьковѣ изъ 80 тыс. мужчинъ великороссовъ было 58 т., малороссовъ 22 т. женщинъ—великороссокъ 50 т., малороссокъ 20 т., причемъ курьезно, что все духовенство зачислило себя въ великороссы. Въ общемъ великороссовъ 58 % и малороссовъ около 25%.

Проф. Сумцовъ, соглашаясь съ выводами докладчика, замѣтилъ, что можетъ наступить предѣлъ, за которымъ пойдетъ уже сознательное наверстаніе утраченнаго націонализма, особенно, когда въ обществѣ выростетъ сознаніе, что денаціонализація идетъ рука объ руку съ деморализаціей, съ упадкомъ нравовъ и увеличеніемъ преступности, причемъ тѣ окраины, гдѣ болѣе всего обнаруживается денаціонализація, даютъ наибольшее число преступныхъ соціальныхъ элементовъ.

Проф. Данилевичъ указалъ на любопытное явленіе, что прилегающія къ Кіеву малорусскія села лучше подгородныхъ харьковскихъ сохраняютъ свою національность и объяснилъ это явленіе сравнительно большимъ въ Харьковѣ вліяніемъ торговыхъ и промышленныхъ слоевъ, въ особенности, пришлыхъ рабочихъ и приказчиковъ.

Проф. Сумцовъ добавилъ, что сильное обрусѣніе Харькова находитъ себѣ объясненіе въ его географическомъ положеніи въ раіонѣ стараго великаго муравскаго шляха, связывающаго Москву съ Крымомъ. Великорусская волна двигалась и двигается на югъ преимущественно черезъ Харьковъ и естественно осѣдаетъ въ немъ въ большомъ количествѣ.

Спб. Университетскій Студенческій Географическій Кружокъ. Въ засѣданіи 6 ноября *Э. К. Пекарскій* прочелъ „Якуты". Этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы). Въ засѣданіи 20 ноября *Л. Д. Соболевъ* дѣлалъ сообщеніе: „Дальній Востокъ". Географическо-этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ г. Полтавѣ, при церковномъ историко-археологическомъ Комитетѣ открыто **древлехранилище**, содержащее въ себѣ свыше 500 предметовъ мѣстной церковной старины.

Тульская Епархіальная Палата Древностей. (Отчетъ за 1905 и 1906-й годы). Какъ въ предыдущіе, такъ и въ 1905 и 1906-й годы, Тульская Палата Древностей продолжала пополняться многими и

разнообразными памятниками старины и разнаго рода книгами. Многія изъ таковыхъ поступленій были вкладомъ жертвователей, сочувствующихъ цѣлямъ Палаты, а многое было пріобрѣтено покупкой—на средства, доставленныя почетными попечителями Палаты. Болѣе интересны (за отчетный періодъ) слѣдующія пріобрѣтенія:

Изъ с. Городищъ, Каширскаго у. Деревянный потиръ, съ изображеніемъ Деисуса.—Деревянная ложка съ изображеніемъ св. Димитрія Царевича, украшена бисеромъ и цвѣтными камешками. Съ подписью: Горатъ Угличъ. 1705.—Икона Успенія Пр. Богородицы, рѣзанная изъ слоновой кости, съ таковымъ же орнаментомъ.—Икона „Соборъ Архистратига Михаила и Гавріила, и прочихъ безплотныхъ силъ", принадлежавшая И. И. Бѣляеву. Писана по заказу въ Калугѣ 1794 г.—Потиръ серебр. XVIII-го вѣка, принадлежавшій церкви с. Бѣльмова Бѣлев. у.—Серебряный стаканчикъ 1744 г. съ эмблемами льва и птицы.—Глиняный кувшинъ съ рельефными изображеніями утренней и вечерней зари.—Печатная пряничная доска.—Донце прялки съ рѣзнымъ изображеніемъ сказки.—Шкатулка рѣзная изъ кости.—Татарская серебр. подвѣска съ двумя самоцвѣтными камнями.— Ружейный кремневый замокъ, работы мастера Лебедева.—Икона-картина „Судъ надъ Христомъ у Пилата".—Курокъ къ кремневому замку пистолета, съ золотой насѣчкой.—Пять маленькихъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (Изъ Керченскихъ раскопокъ).—Гравюра съ изображеніемъ Св. Исаака Сирина,—съ Аѳонской рукописи 1353 г.—Икона-картина на доскѣ: „Горы Синайскія".—Четырехконечный тѣльный крестикъ съ замкнутыми концами (въ кругъ), серебряный.—Пара серебр. серегъ съ жемчужинками и червлеными бусами.—Рѣзная изъ кости коробочка.—Долото изъ желтаго кремня.

Всероссійская Кустарная Выставка. Съ октября 1907 г. по январь 1908 была устроена въ Спб. вторая Всероссійская Кустарная выставка. Цѣлью ея было:

а) представить возможно полную картину народнаго труда;

б) способствовать широкому сбыту кустарныхъ издѣлій, а также прійти на помощь населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, продажею мѣстныхъ крестьянскихъ работъ;

в) знакомить кустарей съ образцами иностранныхъ кустарныхъ и художественно-промышленныхъ издѣлій;

г) содѣйствовать распространенію среди кустарей какъ старинныхъ русскихъ, такъ и новыхъ современныхъ рисунковъ.

Экспонаты Всероссійской Кустарной Выставки были представлены слѣдующими группами:

1-я группа. По обработкѣ дерева. Изготовленіе корзинъ и плетеной мебели. Столярно-мебельное производство. Токарный промыселъ. Бондарное производство. Рогожный промыселъ.

2-я группа. По обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Ткацкій промыселъ. Изготовленіе шерстяныхъ издѣлій. Шерсто-валяльное производство. Изготовленіе вязаныхъ издѣлій. Сѣтко-вязальное производство. Изготовленіе кружевъ. Веревочно-прядильное производство.

3-я группа По обработкѣ металловъ. Ножевое и замочное производство. Гвоздарное производство. Выдѣлка цѣпей и металлическихъ полотенъ. Изготовленіе металлической посуды и утвари.

4-я группа. По обработкѣ минераловъ. Гончарный промыселъ. Гранильное производство. Обработка простого камня.

5-я группа. По обработкѣ животныхъ веществъ. Кожевенное производство. Скорняжно-шубный промыселъ. Сапожное и шорное производство. Производство издѣлій изъ рога. Издѣлія изъ щетины и волоса.

6-я группа. Издѣлія изъ смѣшанныхъ матеріаловъ. Производство музыкальныхъ инструментовъ. Иконописный промыселъ. Производство игрушекъ и елочныхъ украшеній. Ювелирное производство. Лаковыя издѣлія.

Кромѣ того на Выставкѣ былъ устроенъ художественно-промышленный отдѣлъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія группы: 1. Предметы русской старины. 2) Издѣлія художественной промышленности, могущія служить улучшенными образцами для кустарей. 3. Работы художниковъ. 4. Художественныя модели. 5. Рисунки и чертежи.

И наконецъ—иностранный отдѣлъ, имѣющій одну группу: Кустарныя издѣлія.

При Выставкѣ издавался „Вѣстникъ Всерсссійской Кустарной Выставки съ художественно-промышленнымъ и иностраннымъ отдѣлами".

Абиссинская выставка открыта была 6-го декабря въ С.-Петербургѣ. Всѣ коллекціи вывезены изъ страны черныхъ христіанъ Эфіопіи. Коллекціи распредѣлены въ образцовомъ порядкѣ и на ихъ систематизацію, очевидно, потрачено не мало усилій. Въ первой комнатѣ поражаетъ своей простотой и проникновенной мистичностью церковная утварь абиссинцевъ. Живопись оригинальна и самобытна. Вторая комната рисуетъ внутренность дома богатаго абиссинца. У костра сидятъ хозяинъ и слуги, на стѣнахъ висятъ охотничьи принадлежности, шкуры убитыхъ животныхъ и кухонная посуда. Третья комната представляетъ тронный залъ абиссинскаго императора. Всѣ главныя комнаты абиссинской выставки сообщаются коридорами, въ которыхъ выставлены всевозможныя мелкія вещи, рисующія бытъ абиссинцевъ.

Глуховская старина. Г. Глуховъ, Черниговской губ., игравшій такую крупную роль въ исторіи Украйны, обогатился археологическимъ музеемъ, содержимымъ на средства уѣзднаго земства. Музей пополняется довольно быстро и обѣщаетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди провинціальныхъ музеевъ, распространеніе которыхъ такъ желательно. Самымъ богатымъ собраніемъ старины въ г. Глуховѣ, является собраніе П. Я. Дорошенка, состоящее изъ старыхъ бумагъ, книгъ по исторіи Малороссіи и коллекціи художественныхъ и бытовыхъ предметовъ.

Среди бумагъ имѣются подлинные универсалы гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Дорошенко, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Скоропадскаго, Апостола и Разумовскаго. Въ библіотекѣ, между прочимъ, имѣется полный экземпляръ журнала „Основа", всѣ изданія „Исторіи Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго, всѣ сочиненія Костомарова, Максимовича, Кулиша, „Записки о Малороссіи" Я. Марковичъ СПБ. 1798 г., „Энеида" СПБ. 1809 г. Первое изданіе „Кобзаря" 1840 г. и т. д. Изъ оригинальныхъ портретовъ назовемъ

портретъ архимандрита Мельхиседека Значко-Яворскаго, умершаго въ началѣ XIX в. въ Глуховскомъ Петро-Павловскомъ монастырѣ и послѣдняго генеральнаго обознаго С. В. Кочубея, умершаго въ 1779 г. и т. д.—Необходимо упомянуть еще о древнѣйшихъ памятникахъ старины, имѣющихся въ изобиліи въ Глуховскомъ уѣздѣ,—о курганахъ, содержащихъ остатки трупо-сожженій. Пробныя раскопки, которыя велись здѣсь пишущимъ эти строки лѣтомъ 1907 г., показали, что курганы М. Воронежа Глуховскаго уѣзда принадлежатъ къ древнѣйшему въ Россіи типу т. н. „дьякова городища" VI—VIII в. по Р. Х.—Раскопки ихъ обѣщаютъ интереснѣйшіе результаты.

Нашъ сотрудникъ *А. А. Макаренко*, посвятилъ въ газетѣ „Рѣчь" (1908, №№ 3 и 5) сибирскимъ инородцамъ двѣ статьи: **„Вымираніе сибирскихъ инородцевъ"** и **„Отчего вымираютъ наши сѣверные инородцы"**. Заглавія статей вполнѣ опредѣляютъ ихъ содержаніе. Констатировавъ еще разъ, между прочимъ и на основаніи личныхъ своихъ изслѣдованій инородческой жизни во время проживанія и путешествій на сѣверѣ Сибири, неудержимое угасаніе инородческаго племени, предоставленнаго исключительно самому себѣ въ борьбѣ со всевозможными неблагопріятными условіями его жизни, авторъ останавливается и на выясненіи причинъ этого никѣмъ неоспариваемаго явленія. Прежде всего, авторъ указываетъ „на утѣсненіе въ гражданскихъ и земельныхъ условіяхъ и эксплоатацію инородцевъ, чинимыя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ", а затѣмъ на полное безучастіе властей вообще къ нуждамъ инородцевъ (№ 5). Въ силу наличности этихъ причинъ численное уменьшеніе замѣтно не только среди бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ, но оно, по свидѣтельству автора, коснулось даже инородцевъ осѣдлыхъ. „Счастливое исключеніе представляютъ буряты, якуты и отчасти калмыки и киргизы", что авторъ склоненъ объяснить „расовой устойчивостью, климатомъ, особенностями бытового устройства, занятій, а также развитіемъ собственной медицины, какъ, напр., у бурятъ" (№ 3).

Свои положенія авторъ иллюстрируетъ очень яркими примѣрами изъ собственныхъ наблюденій и печатныхъ источниковъ и горячо взываетъ о необходимости „двинуть инородческій вопросъ хотя бы въ печати", и тогда—надѣется авторъ—„ему найдется коренное рѣшеніе. И пока этого не сдѣлаютъ, большой грѣхъ будетъ лежать на Россіи" (№ 5).

В. Замысловскій, прожившій это лѣто въ Сѣверномъ Горномъ Округѣ Енисейской губерніи (Вост. Сибирь), привезъ свѣдѣніе о томъ, что въ глубинѣ золотопромысловой тайги, по „Чилимбѣ", **вымерла отъ черной оспы** тунгузская семья Курочкиныхъ въ количествѣ восьми человѣкъ. Хоронилъ чужой тунгузъ. При помощи *ножа* копалъ онъ для мертвыхъ могилы. И такъ какъ это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда почва еще въ достаточной степени промерзлая, то могилы не могли получиться достаточной глубины: ноги нѣкоторыхъ мертвецовъ, по словамъ посѣтившихъ мѣсто происшествія русскихъ, тор-

чали наружу; а одинъ умеръ въ полусидячемъ положеніи за „чайникомъ". Картина представилась потрясающая. Добросердечному тунгузу удалось съ невѣроятными трудностями и рискомъ для собственной жизни похоронить семь человѣкъ, восьмого не смогъ: „самъ захворалъ, говоритъ, и Богу заказалъ, чтобы не сердился на меня за это..." Оставшіеся безъ призора олени Курочкина разбрелись по тайгѣ.

Путешествіе. Дѣйств. чл. Имп. Русск. Географ. О-ва, извѣстный путешественникъ, полковникъ П. К. Козловъ телеграммой сообщилъ О-ву, что 28 декабря онъ выступилъ въ путь изъ Кяхты съ верблюжьимъ караваномъ.

„Справка о народѣ „Нах-самар-ях". Подъ такимъ заглавіемъ въ № 23 „Православнаго Собесѣдника" за 1907 г. Настоятель Обдорской миссіи игуменъ Иринархъ помѣстилъ небольшую замѣтку, въ которой онъ доказываетъ, что открытый въ 1894 г. въ Обдорскомъ краѣ заслуж. проф. А. И. Якобіемъ народъ „Нах-самар-ях" есть не что иное, какъ обсамоѣдившееся племя остяковъ. Интересуясь провѣркой сообщенія проф. Якобія миссіонеръ во время своихъ поѣздокъ по Обдорскому краю въ 1898—1900 гг. употреблялъ, по его словамъ, всѣ усилія „разыскать слѣды этого народа. Но сдѣлать этого... не удалось. Всѣ поиски... ограничились лишь нахожденіемъ тамъ безоленныхъ самоѣдовъ, или обсамоѣдившихся остяковъ, проживающихъ полуосѣдлой жизнью круглый годъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ р. Надыша и называющихъ себя „Піано-хасово",—„лѣсными людьми". Говорятъ они особымъ самоѣдскимъ говоромъ. Ничего объ народѣ „Нах-самар-ях" не узналъ миссіонеръ и отъ торговцевъ (русскихъ и зырянъ) Обдорскаго края, „знающихъ чуть ли не поименно всѣхъ инородцевъ". Бывшій въ Обдорскѣ въ 1898—1899 гг. членъ экспедиціи графа Зичи лингвистъ Іосифъ Папай, говоря объ открытомъ проф. Якобіемъ народѣ нах-самар-ях, замѣчаетъ, что это лишь названіе группы самоѣдовъ: *ріяхъ*—народъ, но *орі-ахъ*—самоѣдъ, *ньюхось*—соболь, слѣдовательно, *няхъ са-маріахъ*—соболиные самоѣды, живущіе въ районѣ, гдѣ много соболя (см. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго музея 1902 г. Выпускъ XIII. Хроника музея за 1899 г.). Очевидно проф. Якобій встрѣтился съ группой инородцевъ самоѣдовъ или остяковъ, назвавшихъ себя нах-самар-ях, какъ намъ приходилось встрѣчаться съ инородцами, называвшими себя піано-хасово. Послѣдніе по словопроизношенію самоѣды или объсамоѣдившіеся изъ проживающихъ въ Енисейской губерніи Юраковъ,—родственнаго самоѣдамъ народа, причисленныхъ по платежу ясака къ Обдорску, первые же должны по данному ими себѣ прозвищу принадлежать къ объсамоѣдившимся остякамъ. Это мнѣніе наше находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что проф. Якобій вверхъ по р. Надышу подымался не далѣе 90 верстнаго разстоянія, гдѣ и водрузилъ въ знакъ своего пребыванія на первомъ встрѣтившемся кедрѣ крестъ, вывезенный нами въ Обдорскъ и помѣщенный въ Музеѣ Обдорскаго Братства св. Гурія. Мѣстность по р. Надышу, посѣщенная проф. Якобіемъ, извѣстна вдоль и поперекъ всѣмъ и каждому изъ Обдорскихъ тор-

говцевъ и миссіонеровъ и поэтому если бы тамъ жилъ какой-либо особый народъ, то обдорскимъ обывателямъ онъ былъ бы извѣстенъ. Остяки же въ этой мѣстности проживаютъ, только говорятъ они по самоѣдски.

По даннымъ миссіонерскихъ отчетовъ, за послѣднее время замѣчается сильное **отатариваніе черемисовъ** Царевококшайскаго у. и чувашъ Казанской губ.

Крещенское купанье. „Ряз. В." передаетъ, что въ Рязани до сихъ поръ еще сохранился обычай купаться въ прорубяхъ на Крещенье. Въ этомъ году такихъ любителей сильныхъ ощущеній нашлось до 50 человѣкъ. Въ почтительномъ разстояніи отъ мѣста, отведеннаго для крестнаго хода, устроена прорубь, аршина два въ діаметрѣ. И какъ только раздались выстрѣлы пушки, возвѣщавшей о погруженіи на водосвятіи креста въ воду, какъ купальщики одинъ за другимъ, держась за веревку, полѣзли въ прорубь.

Рѣдкая коллекція русскихъ модъ. На Фарфоровомъ заводѣ исполняется цѣлый рядъ статуэтокъ, изображающихъ всѣ перемѣны модъ въ Россіи, начиная съ царствованія императора Николая I, по настоящее время.

Въ настоящее время начато печатаніемъ въ типографіи Имп. Академіи Наукъ обширное и многотомное изданіе **„Славянской Энциклопедіи"**.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ по предложенію акад. А. И. Соболевскаго постановило ходатайствовать объ увеличеніи средствъ Отдѣленія для составленія и изданія **діалектологическихъ и этнографическихъ картъ Россіи**.

Предположено въ ознаменованіе 70-лѣтія со дня рожденія маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника Г. Н. Потанина издать въ честь его **сборникъ статей по живой старинѣ и по этнографіи**. Имп. Русское Географическое О-во предоставило для этого ближайшій томъ Записокъ по этнографіи. (См. далѣе приглашеніе къ участію въ сборникѣ).

Въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ К. Ѳ. Жаковъ представилъ свой отчетъ о лѣтней поѣздкѣ на сѣверъ Россіи подъ заглавіемъ: „Докладъ. Къ вопросу **о составѣ населенія въ восточной части Вологодской губерніи**". Докладъ этотъ положено напечатать въ приложеніяхъ къ Отчету о дѣятельности Отдѣленія за 1907 годъ.

Нижегородская ученая архивная комиссія постановила издать **біографическій словарь дѣятелей нижегородскаго Поволжья**. Въ словарь должны быть внесены всѣ люди Поволжья, имена кото-

рыхъ дороги странѣ и человѣчеству, которые родились и дѣйствовали въ предѣлахъ нижегородскаго Поволжья, которые родились въ немъ, но работали внѣ, или отдавали свои силы Поволжью, лица, случайно посѣщавшія Нижній-Новгородъ, заглядывавшія въ край и и оставившія по себѣ печатные матеріалы. Относительно каждаго лица должны быть помѣщены: 1) краткая біографія, 2) списокъ печатныхъ трудовъ и 3) біографическія данныя о жизни и дѣятельности. Въ словарь войдутъ: государственно-административные дѣятели, дѣятели церкви, сектантства, старообрядчества, общественные—земскіе и городскіе, науки, литературы, искусства, педагоги и др.

Обширный, задуманный Н. М. Лисовскимъ трудъ: **„библіографія русской библіографіи"**, который будетъ заключать въ себѣ полный перечень всѣхъ русскихъ библіографическихъ указателей, каталоговъ и т. п., близокъ къ окончанію.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ **Указатель къ „Историческому Вѣстнику"** за 25 лѣтъ.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ въ переводѣ на русскій языкъ книга маркиза А. де-Кюстинъ **„La Russie"**. Книга, впервые появившаяся въ печати на французскомъ языкѣ въ 1842 году, даетъ описаніе быта и порядковъ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія.

По ходатайству еп. Якутскаго Макарія Св. Синодъ разрѣшилъ увеличить неоффиціальный отдѣлъ „Якутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" включеніемъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ въ историческомъ, **этнографическомъ и бытовомъ** отношеніи, а также дневниковъ священниковъ и миссіонеровъ.

Вышли первые два выпуска XXII-го тома **польской библіографіи** Эстрейхера.

Въ началѣ этого года будетъ издаваться **еврейская энциклопедія.**

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Редакція получила нижеслѣдующее извѣщеніе, которое считаетъ долгомъ перепечатать полностью для свѣдѣнія гг. читателей журнала.

У небольшого кружка лицъ возникла мысль ознаменовать минувшій въ 1905 году день 70-ти лѣтія со дня рожденія нашего маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника *Григорія Николаевича Потанина*, изданіемъ въ честь его сборника статей по живой старинѣ или по этнографіи.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество предоставило для означенной цѣли въ наше распоряженіе одинъ, ближайшій, томъ Записокъ по этнографіи.

Просимъ Васъ, Милостивый Государь, не отказать увѣдомить по нижеслѣдующему адресу:

1) Желаете ли Вы принять участіе въ означенномъ сборникѣ, доставленіемъ статьи, размѣромъ не болѣе одного или двухъ печатныхъ листовъ (отвѣтъ о согласіи, по возможности, до 15—28 ноября).

2) Въ случаѣ Вашего согласія, доставить Вашу статью въ возможно непродолжительномъ времени (не позже 1 февраля 1908 года) по адресу:

Прив.-Доценту Андрею Дмитріевичу Рудневу.

Моховая ул., д. 17, кв. 7. С.-Петербургъ.

В. И. Ламанскій.
Ѳ. И. Щербатской.
С. Ф. Ольденбургъ.
П. К. Козловъ.
Д. А. Клеменцъ.
А. Д. Рудневъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

«ЖИВОЙ СТАРИНЫ».

Годъ XVI (1907), вв. I—IV.

ОГЛАВЛЕНІЕ

журнала „Живая Старина“, годъ XVI (1907), вв. I—IV.

Stanford University Libraries
3 6105 014 158 468